

Великая Отечественная: Неизвестная война
Владимир Бешанов

год **1944** -
«ПОБЕДНЫЙ»

Великая Отечественная: Неизвестная война

Владимир Бешанов

**ГОД
1944-
«ПОБЕДНЫЙ»**

Москва
«Яуза»
«ЭКСМО»
2009

УДК 94
ББК 63.3(0)
Б 57

Оформление художника *П. Волкова*

Бешанов В. В.

Б 57 Год 1944 — «победный» / Владимир Бешанов. — М. : Яуза : Эксмо, 2009. — 576 с. — (Великая Отечественная: Неизвестная война).

ISBN 978-5-699-34324-9

1944-й вошел в историю Отечественной войны как год «десяти сталинских ударов» и «решающих побед». О победах вспоминать всегда приятно. Поэтому о кампании 1944 года рассказывали, писали, снимали охотно и много: о гениальности советских полководцев, о героизме Красной Армии, в одиночку спасавшей Европу, и коварстве союзников, вставлявших палки в колеса, о народах, радостно встречавших освободителей. Это парадная сторона медали, которая выставлена для всеобщего обозрения и воспитания подрастающих поколений. Однако была у медали и другая, обратная, сторона: даже в «победном 44-м» хватало и проваленных операций, о которых не принято вспоминать, и бездарных генералов, и вопиющих ошибок, и бесомысленных потерь:

«Потери Красной Армии в 1944 году составили, по неполным данным, 6,5 миллиона солдат и офицеров убитыми и ранеными, то есть, как и в предыдущие годы, действующая армия была «израсходована» на 100 процентов. Превосходя Третий рейх по людским ресурсам в два с половиной раза, СССР начал призыв семнадцатилетних юношей одновременно с Германией. Потери Вермахта на всех фронтах за этот же период составили 1,6 миллиона человек...»

Новая книга популярного автора — горькая правда о Великой Отечественной войне, напоминание о страшной цене победного 1944 года и кровавой изнанке сталинских триумфов.

УДК 94
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-699-34324-9

© Бешанов В.В., 2009
© ООО «Издательство «Яуза», 2009
© ООО «Издательство «Эксмо», 2009

ВСТУПЛЕНИЕ

«Десять сталинских ударов — крупнейшие стратегические операции советских войск, осуществленные по плану и под непосредственным руководством Верховного Главнокомандующего Вооруженными Силами СССР И.В. Сталина во время Великой Отечественной войны Советского Союза 1941—1945гг.».

*Большая Советская Энциклопедия,
т. 14*

Термин «десять сокрушительных ударов», обозначавший совокупность стратегических операций, проведенных советскими Вооруженными Силами в 1944 году, был пущен в употребление уже в 1945-м с подачи самого Сталина. Поэтому почти сразу они стали называться сокрушительными сталинскими ударами. Затем имя Сталина вычеркнули, но традиция установилась.

Маршал А.М. Василевский пишет: «В свое время было принято называть главные наши операции 1944 года на советско-германском фронте «десятью ударами»... И хотя позже эти названия вышли из употребления и помнит их лишь старшее поколение советских граждан, я считаю возможным напомнить о старой терминологии».

Старая терминология ушла, а вот сталинская хронология и трактовка вошли во все исторические учебники, хотя по порядку очередности второй удар был нанесен раньше первого и, по логике, был не вторым, а третьим. Стоит поглубже копнуть нашу историю, обязательно упруешься в «Краткий курс» и «Сталин о войне».

В предыдущей работе «Год 1942 — «учебный» я задался вопросом, как и почему на втором году войны немцы оказались на берегу Волги, и усомнился в профпригодности советских полководцев, имевших в обороне двойное превосходство над наступавшим противником. Оказалось, я

зря терял время. На страницах газеты «Аргументы и факты» Георгий Куманев, «руководитель Центра военной истории Института российской истории РАН, доктор исторических наук», с неподражаемым апломбом, опираясь на «документы и факты», разъяснил суть вопроса в одном предложении: «Ставка Верховного Главнокомандования ожидала нового наступления противника не на Южном направлении, а под Москвой».

Под Сталинградом немцев, оказывается, «не ожидали». Все гениальное просто. И как многое объясняет.

Вот в июне 1941 года наше военно-политическое руководство надеялось, что Гитлер ударит через Украину, а он основным направлением избрал Белоруссию. Вот и сдали Минск — не ожидали. В сентябре рассчитывали, что 2-я танковая группа двинется на Москву, а она повернула на Киев. Пришлось от неожиданности сдать и его. Затем думали, что Гудериан зазимует на Украине, а он, «подлец», ударил-таки на Москву, но не через Брянск, где ожидалось, а через Глухов и Орел.

Год спустя немцев ждали под Москвой, а они взяли и приехали в Сталинград. Не чаяли также увидеть врага в Майкопе, Элисте, Пятигорске, Керчи, Новороссийске, Ворошиловграде, Армавире. Совсем не ожидали увидеть германские штандарты на вершине Эльбруса.

Глубина исторического анализа самого драматического периода Отечественной войны потрясает. Центру военной истории России и его руководителю есть чем гордиться. Это сравнимо только с самсоновской версией о том, что Сталин специально заманил немцев на Волгу, чтобы тем вернее их «загубить». Правда, для этого не надо было проникать в потаенные хранилища и заглядывать в сверхсекретные папки с «документами и фактами». Достаточно просто снять с полки жуковские мемуары.

Если все это является признаком высокого профессионализма «красных маршалов», то я и спорить не буду. В конце концов «у советских собственная гордость». Хотя воспоминания самых прославленных советских полководцев натурально пестрят признаниями в собственной непригодности: «мы этого еще не умели», «у нас это еще не получалось», «сейчас я знаю, как следовало бы поступить тогда». Об этом писали Василевский и Рокоссовский, Еременко и Захаров, Казаков и Гречко, Катухов и Ротмистров, Горбатов

и Москаленко, Баграмян и Чуйков. Разве это недостаточная «причина» наших поражений?

Озадачившись проблемой: «А как Красная Армия оказалась в Европе?», я сразу стал сверять себя по Куманеву. Что сказал бы по этому поводу «руководитель Центра»? Наверное, следуя логике рассуждений, — что немцы Красную Армию в Европе не ждали; они думали: Сталин двинет войска в Индию или Китай, а он непредвиденно ударил на Ригу, Варшаву и Будапешт.

Здесь я не согласен. Во-первых, мне кажется, что немцы все-таки чего-то подобного от нас «ждали»; во-вторых, все было несколько сложнее и интересней.

Итак:

«Год 1944 — «победный» — включает зимнюю кампанию (1-й, 2-й, 3-й сталинские удары) и летнюю кампанию (4-й, 5-й, 6-й, 7-й, 8-й, 9-й и 10-й сталинские удары). В период зимней кампании были разгромлены немецко-фашистские войска под Ленинградом, на Правобережной Украине, в Крыму, а в период летней кампании — в районе Карелии, в Белоруссии, Западной Украине, на Балканах, в Прибалтике, в Венгрии и в Северной Финляндии»

ЗИМНИЕ ПЛАНЫ

Уже в начале войны с гитлеровскими захватчиками товарищ Сталин предвидел, что наши силы в ходе этой войны, несмотря на временные потери ряда областей и городов, будут расти и победа будет на нашей стороне.

Из доклада А.С. Щербакова

К концу 1943 года Красная Армия, выиграв битвы на Курской дуге и Днепре, освободила более двух третей оккупированных территорий и вышла на подступы к Витебску, Орше, Житомиру, Кировограду, Кривому Рогу, Перекопу, Керчи, захватив на правом берегу Днепра, на Керченском полуострове и на южном берегу Сиваша плацдармы оперативного и стратегического значения.

К началу 1944 года стратегическая инициатива находилась в руках советского командования и уступать ее противнику Сталин не собирался.

«Война вступила в ту стадию, — указывал Верховный Главнокомандующий в докладе, посвященном 26-й годовщине Великой Октябрьской социалистической революции, — когда дело идет о полном изгнании оккупантов с советской земли и ликвидации фашистского «нового порядка в Европе».

Красная Армия готова была к новой наступательной кампании.

На начало 1944 года в советских Вооруженных Силах в составе 70 общевойсковых, 5 танковых, 17 воздушных и 4 армий ПВО имелось 682 расчетные дивизии — 531 стрелковая, воздушно-десантная и кавалерийская, 2 танковые и механизированные дивизии, 298 бригад. На вооружении они имели 24 400 танков и САУ, 244 400 орудий и минометов (плюс, как правило, не учитываемые 92 800 минометов

калибра 50 мм), 4800 реактивных установок, 32 500 боевых самолетов (а всего — 46 400 машин).

Из них 55 армий — 464 дивизии и 169 бригад — находились в составе действующих фронтов и флотов.

Всего в январе 1944 года противнику на советско-германском фронте противостояли 6268 тысяч человек личного состава, 101 400 орудий и минометов (без 50-мм минометов), 2167 установок реактивной артиллерии, 5800 танков и САУ, 13 400 боевых самолетов.

В резерве Ставки находились три общевойсковые, две танковые армии, управления двух общевойсковых и воздушной армии, шесть танковых, механизированный, воздушно-десантный и смешанный авиационный корпуса.

В истекшем 1943 году военная экономика СССР достигла новых успехов. В строй вступало и восстанавливаемое хозяйство в освобожденных районах.

Это позволило произвести в 1944 году 4,86 миллиона единиц стрелкового оружия (без револьверов и пистолетов), 47 300 орудий и минометов (кстати, это почти в три раза меньше, чем в 1943 году, за счет резкого снижения производства минометов, количество которых перевалило за 227 000 единиц), 29 000 танков и самоходных установок (в том числе 14 648 машин типа ИС и 14 648 Т-34), 33 200 боевых самолетов, 4 боевых корабля. Еще 5700 танков, 3400 самолетов и 575 кораблей поставили по ленд-лизу союзники. Только в декабре 1943 года в действующую армию было направлено 1639 танков и САУ, 4584 орудия и миномета.

При этом повышались боевые качества вооружения.

В танковые и механизированные войска поступили тяжелый танк ИС, вооруженный 122-мм орудием, и модернизированная «тридцатьчетверка» с 85-мм пушкой, самоходные артиллерийские установки ИСУ-152, ИСУ-122 и СУ-100, что позволило частично ликвидировать отставание от Панцерваффе, возникшее летом 1943 года.

Английский военный историк Алан Кларк, отмечая высокий уровень унификации, позволявший выдавать бронетехнику в огромных количествах, пишет: «...русские продолжали производить огромное количество бронетехники с минимумом вариантов. Шасси Т-34 шли с заводов в количествах до 2 тысяч ежемесячно, причем они делились поровну между обычными типами Т-34/85 и самоходного орудия СУ. Советская артиллерийско-техническая служба создала

две новые противотанковые пушки — длинноствольную 100-миллиметровую и 122-миллиметровую, и теперь «со-тку» стали устанавливать на самоходные орудия СУ вместо 85-миллиметровой пушки. Ни одна из этих новинок не имела преимуществ в начальной скорости или качестве снаряда перед немецкими вариантами 88-миллиметровой или длинноствольной 75-миллиметровой, но за счет веса снаряда достигался тот же эффект при прямом попадании. Такие тяжелые снаряды ограничивали запас СУ и сильно стесняли экипаж, но численное превосходство русских, их привычка терпеть крайние неудобства и энтузиазм при виде нового оружия более чем компенсировали это».

Артиллерийские войска получали на вооружение 160-мм минометы, а авиационные соединения — истребители Як-3, Ла-7, штурмовики Ил-10.

Совершенствовалась и организационная структура войск. Завершился процесс восстановления управления стрелковых корпусов. Общеармейская армия стала иметь, как правило, три корпуса, насчитывавших в своем составе 8—9 стрелковых дивизий. Всего за 1943 год было создано 126 стрелковых корпусов.

Советская пехотная дивизия в 1944 году по штатному составу практически сравнялась с немецкой: 11 706 человек, 6390 винтовок и карабинов, 4115 автоматов и пулеметов, 127 минометов, 112 орудий.

В артиллерийских войсках было сформировано 6 артиллерийских корпусов, 26 артиллерийских дивизий, 7 гвардейских минометных дивизий, 20 отдельных артиллерийских и 11 минометных бригад, 50 истребительно-противотанковых артиллерийских бригад и 140 полков.

В ВВС смешанные авиационные корпуса переформировывались в однородные — истребительные, штурмовые и бомбардировочные.

Быстрыми темпами развивались бронетанковые и механизированные войска. В январе 1944 года была сформирована шестая по счету танковая армия.

Формирование пяти танковых армий как мощных фронтовых ударных соединений было начато весной 1942 года, после того как оправались от катастрофических потерь начального периода войны и заново наладили производство бронетехники. Первый опыт оказался не совсем удачным. Армии имели смешанный состав: наряду с танковыми

ми корпусами в них включали 3—5 стрелковых дивизий. В результате армия не имела необходимой монолитности и мобильности при выполнении оперативных задач. Если она опиралась на стрелковые соединения, то ее действия ничем не отличались от действий общевойсковой армии; в то же время ей не предоставлялась возможность использовать подвижность корпусов, так как они сковывались малой маневренностью стрелковых соединений. В последующем эти танковые армии расформировали. А в первой половине 1943 года были созданы пять гвардейских танковых армий новой организации.

Каждая такая армия состояла из двух танковых и одного механизированного корпусов, отдельной танковой и одной-двух самоходно-артиллерийских бригад, а также артиллерийских частей. По штату танковая армия должна была иметь около 800 танков и САУ и до 750 орудий и минометов. Фактически состав и количество техники в армии были величиной переменной: от 300 до 1000 танков и самоходок и от 500 до 850 орудий и минометов.

Советский танковый корпус образца 1944 года по мощи примерно был равен немецкой танковой дивизии: 10 977 солдат и офицеров, 152 орудия и миномета, 258 танков и САУ.

Советский механизированный корпус значительно превосходил мотодивизию противника: 16 369 человек, 252 орудия и миномета, 246 танков и САУ.

Аналогичные немецкие соединения имели преимущество лишь в количестве зенитной артиллерии и автотранспорта.

К началу 1944 года в Красной Армии имелось 5 танковых армий, 24 танковых и 13 механизированных корпусов, 80 отдельных танковых бригад, 106 отдельных танковых и 43 самоходно-артиллерийских полка.

Но и это не главное. Много, порой даже слишком много, личного состава и огромное количество техники Красная Армия имела в своем распоряжении всю войну. Но ее командование далеко не всегда умело этими ресурсами, которые никакому Гудериану и не снились, с толком распорядиться. Низкий уровень профессиональной подготовки и общего кругозора командиров всех уровней, неумение руководить войсками в современной войне, пренебрежение индивидуальной выучкой отдельного бойца привели в на-

чальном периоде войны к целому ряду сокрушительных поражений, поставивших Советский Союз на грань существования.

В письме маршала Г.К. Жукова, не предназначенном для мемуаров, 22 августа 1944 года начальнику Главного управления кадров генерал-полковнику Ф.И. Толикову говорится о некоторых уроках:

«При разработке плана использования и создания кадров Красной Армии после войны нужно прежде всего исходить из опыта, который мы получили в начальный период Отечественной войны.

Чему научит полученный опыт?

Во-первых, мы не имели заранее подобранных и хорошо обученных командующих фронтами, армиями, корпусами и дивизиями. Во главе фронта встали люди, которые проваливали одно дело за другим (Павлов, Кузнецов, Попов, Буденный, Тюленев, Рябышев, Тимошенко и др.)...

Еще хуже обстояло дело с командирами дивизий, бригад и полков. На дивизии, бригады и полки, особенно второочередные, ставились не соответствующие своему делу командиры.

Короче говоря, каждому из нас известны последствия командования этих людей и что пережила наша Родина, вверив свою судьбу в руки таких командующих и командиров.

Выводы. Если мы не хотим повторять ошибок прошлого и хотим успешно вести войну в будущем, нужно, не жалея средств, в мирное время готовить командующих фронтами, армиями, корпусами и дивизиями.

Затраченные средства окупятся успехами войны...

Во-вторых, мы безусловно оказались неподготовленными с кадрами запаса.

Все командиры, призванные из запаса, как правило, не умели командовать полками, батальонами, ротами и взводами. Все эти командиры учились войне на войне, расплачиваясь за это кровью наших людей (все генералы тоже учились войне на войне, и об этом многие из них прямо пишут в своих мемуарах. — В.Б.).

В-третьих, мы не имели культурного штабного командира и, как следствие, не имели хорошо-сколоченных штабов.

В-четвертых, в культурном отношении наши офицерские кадры недостаточно соответствовали требованиям современной войны. Современная война — это на $\frac{8}{10}$ война техники с техникой врага, а это значит, нужно быть культурным

человеком, чтобы уметь быстро разбираться со своей техникой и техникой врага и, разобравшись, грамотно применить свою технику.

Нужно правду сказать, что из-за неграмотности и бескультуры наших кадров мы несли очень большие потери в технике и живой силе, не достигнув возможного успеха.

В-пятых, существующая в мирное время система обучения и воспитания наших кадров не дала нам для войны образцового и авторитетного командира».

В 1943 году Красная Армия качественно изменилась в лучшую сторону в вопросах организации, планирования, управления боем.

Генерал-полковник танковых войск В.С. Архипов, прошедший войну с первого дня до последнего, многое испытывавший на себе лично, отмечает: «Можно ведь создать огромной численности дивизии и корпуса, а воевать они от этого лучше не станут. Но реорганизация, о которой идет речь, отражала в своих цифрах очень важный факт: советские танковые войска уже полностью оправались от потерь, понесенных в сорок первом году, а их командный состав приобрел богатый опыт управления большими массами танков. Улучшился, и очень резко, механизм управления, в том числе связь и все виды и методы снабжения танковых войск и т. д. Все это позволило насытить те же самые соединения большим числом людей и техники...

Отмечу также резко возросшее мастерство в планировании операций и управлении войсками со стороны крупных танковых штабов. Несогласованность в действиях, медлительность в оценке обстановки и выработке решений, слабая связь и прочие подобные неурядицы, которыми грешили, к примеру, мы во время танкового контрудара под Дубно в июне сорок первого года, к началу сорок четвертого года практически уже не повторялись. Радовала теперь высокая культура штабной работы».

Качественные изменения отмечает и противник: «Русские быстро научились использовать новые виды оружия и, как ни странно, показали себя способными вести боевые действия с применением сложной военной техники... Русские постоянно совершенствовались, а их высшие командиры и штабы получали много полезного, изучая опыт боевых действий своих войск и немецкой армии. Они научи-

лись быстро реагировать на всякие изменения обстановки, действовать энергично и решительно».

На пользу армии пошла и отмена института комиссаров. Боевой дух войск был высок, как никогда: мы гнали «фрицев» на запад.

В этих условиях Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин поставил задачи Вооруженным Силам на 1944 год: «Дело состоит теперь в том, чтобы очистить от фашистских захватчиков всю нашу землю и восстановить государственные границы Советского Союза по всей линии, от Черного моря до Баренцева моря. Но наши задачи не могут ограничиваться изгнанием вражеских войск из пределов нашей родины... Чтобы избавить нашу страну и союзные с нами страны от опасности порабощения, нужно преследовать раненого немецкого зверя по пятам и добить его в его собственной берлоге. Преследуя же врага, мы должны выволить из немецкой неволи наших братьев поляков, чехословаков и другие союзные с нами народы Западной Европы, находящиеся под пятой гитлеровской Германии».

Работа над планом военных действий на зимний период началась осенью 1943 года. Как и в прежние годы, никакой передышки не предусматривалось. «В ходе операций советских войск летом и осенью этого года, — писал Сталин президенту Рузвельту, — выяснилось, что наши войска могут и впредь продолжать наступательные операции против германской армии, причем летняя кампания может перерасти в зимнюю».

Окончательное решение было принято в начале декабря 1943 года на совместном заседании Политбюро ЦК ВКП (б), ГКО и Ставки.

В устоявшейся версии: «Стратегический замысел Верховного Главнокомандования на зимнюю кампанию 1944 года заключался в том, чтобы путем последовательных ударов нанести противнику поражение: на северо-западном направлении — группе армий «Север», на юго-западном — группам армий «Юг» и «А». На центральном участке фронта наступательные действия должны были сковать силы врага. Таким образом, предусматривалось наступление от Балтийского до Черного моря с целью разгрома фланговых стратегических группировок противника в районе Ленинграда, на Правобережной Украине и в Крыму. Успешное решение этих задач создавало благоприятные условия для летне-

осеннего наступления Красной Армии в Белоруссии, Прибалтике и на юго-западе.

Существенной особенностью стратегического замысла являлось то, что наступление Красной Армии в предстоящей кампании планировалось поэтапно, а не одновременно на всем протяжении советско-германского фронта. Это позволяло создавать мощные группировки советских войск с решающим превосходством сил и средств над врагом. Такие группировки должны были в короткий срок добиваться разгрома противостоящих группировок противника, образуя бреши в его обороне на избранных направлениях».

Это подтверждает генерал армии С.М. Штеменко: «Для распыления же резервов противника наиболее целесообразно было чередовать наши операции по времени и проводить их по районам, значительно удаленным друг от друга. Все это предусматривалось в планах кампании первой половины 1944 г.».

Все это придумано после войны по итогам достигнутых результатов. На самом деле наступать должны были все и одновременно на всех направлениях, но не везде получилось.

На Тегеранской конференции Сталин дал согласие на вступление Советского Союза в войну с Японией, а союзники твердо пообещали высадить войска в Северной Франции не позднее мая 1944 года. Однако вопрос о признании советских территориальных приобретений 1939—1940 годов по-прежнему висел в воздухе. Англичане защищали интересы польского эмигрантского правительства, американцы «переживали» за прибалтийские республики.

Поэтому стратегической задачей Красной Армии было к концу весны выйти на государственную границу практически на всем ее протяжении и перенести боевые действия за пределы СССР.

Тот же Штеменко на другой странице пишет: «Если говорить о политической цели предстоящих операций, то она состояла прежде всего в полном освобождении нашей страны от немецко-фашистских захватчиков».

Главный удар Ставка планировала нанести силами четырех фронтов на юго-западном направлении с целью разгромить группы армий «Юг» и «А» и выйти на подступы к Южной Польше, Чехословакии и Балканам. Мощный удар на этом направлении позволял немедленно и наиболее эф-

фактивно использовать результаты осеннего наступления для сокрушения стратегической обороны противника не только на юге, но и на всем советско-германском фронте. Немцы, отброшенные от Днепра, не имели здесь укрепленных рубежей и стабильного фронта. Здесь же находилась наиболее крупная группировка Красной Армии, включавшая основную массу танковых и механизированных соединений, что позволяло подготовить новые операции быстро и без значительных перегруппировок.

Успех на юго-западном направлении приводил к освобождению районов с высокоразвитой металлургической и горнорудной промышленностью, а также плодородных земель между Днепром и Прутом. Соответственно Германия лишалась крупнейших источников стратегического сырья. Кроме того, выход советских войск к Балканам неизбежно приводил к давлению на позицию союзников Гитлера — Венгрии и Румынии.

Военно-политическая обстановка благоприятствовала решению этих задач.

После четырех с лишним лет войны нацистская Германия была дальше от поставленных фюрером целей, чем в первые два. Время успехов германского оружия ушло в прошлое.

«В связи с провалом операции «Цитадель», — признает генерал Б. Мюллер-Гиллебранд, — на Восточном фронте были израсходованы боеспособные и полностью моторизованные войска, однако стратегическая инициатива не была вырвана у противника... в ходе отступления немецких войск противнику была оставлена территория, достигавшая глубины на юге свыше 1000 км, в центре — свыше 300 км и на севере — свыше 200 км. Отход немецких войск не был результатом заранее запланированных оборонительных операций, осуществляемых по своей воле в целях сохранения сил, а являлся следствием ряда поражений, нанесенных немецким войскам противником, который опрокинул перешедший согласно приказу в жесткую оборону фронт немецких войск. Потери в личном составе и материальной части войск были высокими. Боевой дух снизился».

Инициатива безвозвратно перешла к противнику.

Приближающийся 1944 год не сулил побед претендентам на мировое господство. Обстановка на фронтах и театрах вооруженной борьбы становилась для завоевателей «жиз-

ненного пространства» все более неблагоприятной. Международное положение рейха также резко ухудшилось. Италия уже совершила «предательство» — сначала капитулировала, а затем объявила войну Германии. Дальневосточный союзник — Япония перешла к стратегии обороны, имея перед собой в лице США и Великобритании противников, обладавших превосходящими силами.

Германское военно-политическое руководство вынуждено было отказаться от наступательной стратегии. Гитлер, Кейтель, Йодль и прочие полководцы, продолжая планировать и направлять действия вермахта, по существу не имели уже никакого осмысленного плана ведения войны. Передышки не было, на Востоке и в Италии союзники по коалиции вели непрерывное наступление. Многие крупные города Германии лежали в развалинах.

Приходилось считаться с реальной возможностью масштабной десантной операции англо-американских войск в Северной Франции и усиливать группировку войск на Западе.

Вместе с тем Гитлер и его окружение все больше рассчитывали на то, что при дальнейшем развитии мировых событий США и Англия столкнутся с Советским Союзом и повернут против него свое оружие. Генерал Ф. Меллентин впоследствии писал: «Раскол между Советским Союзом и англо-американцами — вот что было нашей реальной надеждой». Стратегической целью Гитлера было создать условия, при которых коалиция лишится уверенности в достижении единства между отдельными участниками.

Нацистские бонзы и высший генералитет все чаще думали о возможности сепаратного мира с США и Англией при условии устранения фюрера. Мира с Гитлером не желал никто.

Общую установку на новую кампанию можно свести к одной фразе: выигрывать время в надежде на лучшее. У военных подобная стратегия энтузиазма не вызывала.

Германское военное руководство «...ограничивалось только тем, чтобы максимально быстро и наиболее целесообразно реагировать на все действия противника для выигрыша времени, а также пыталось поддерживать на должном уровне боеспособность своих вооруженных сил. Однако выигрыш времени не был использован для достижения политических целей. С помощью изощренной пропаганды

о несуществующем «чудесном оружии», различного рода призывов «устоять и выдержать» от немецкого народа скрывалась бессмысленность дальнейшего продолжения войны и внушались надежды на поворот к лучшему, несмотря на все поражения. Там, где пропаганда не достигала цели, в действие вступало жестокое принуждение».

Однако ход мировой войны далеко еще не был завершен. В распоряжении верхушки рейха оставалось достаточно сил и средств для продолжения борьбы. Признавая, что ударная мощь вермахта в летних боях 1943 года на Восточном фронте была сильно подорвана, Гитлер в своем приказе от 27 ноября того же года заявил: «Я намерен восстановить боевую силу сражающихся на фронте войск с помощью самых беспощадных методов и сломить посредством драконовских наказаний всякое сопротивление отданным приказам. Независимо от того, что все возможности привлечения резервов из гражданского сектора уже иссякают, виды вооруженных сил и войска СС должны теперь прежде всего из своих собственных рядов выделить и направить на фронт необходимые силы. Я требую, чтобы в видах вооруженных сил и в войсках СС были незамедлительно приняты меры, чтобы из их состава был выделен и направлен на фронт по меньшей мере один миллион мужчин...»

На основании этого приказа на 25 процентов сокращались штаты штабов и тыловых частей, ряд должностей в воинских учреждениях комплектовался за счет женщин, расформировывалась одна треть учебных частей, «упрощались» требования при определении степени годности для службы в действующих частях.

Меры по изысканию новых источников живой силы позволили в течение первых пяти месяцев 1944 года вновь сформировать 24 дивизии сухопутных сил, 3 дивизии военно-воздушных сил и 13 дивизий войск СС.

Тоталитарные режимы развиваются по единым законам: 22 декабря 1943 года Гитлер отдал приказ о введении «национал-социалистического руководства в вермахте». В ОКВ создавался штаб по национал-социалистическому руководству, начальник которого подчинялся непосредственно фюреру. Этот орган должен был установить «тесную связь с национал-социалистической партией как выразительницей политической воли». Точно такие же штабы создавались во всех видах вооруженных сил вплоть до шта-

ба дивизии, а ниже батальона включительно—внештатные офицеры по национал-социалистическому руководству. У «моделей» и «манштейнов» появились свои «политруки», поскольку, по мнению фюрера: «Войны такого масштаба не решаются за счет численного и материального превосходства... Задачей офицера по национал-социалистическому руководству является активизация политического воспитания солдат, преданных национал-социализму».

К началу 1944 года вермахт имел 19 армейских объединений, которые включали в себя 264 пехотных, 50 танковых и моторизованных дивизий и 8 бригад — всего 318 расчетных дивизий. В вооруженных силах насчитывалось 9,4 миллиона человек, из них более 7 миллионов в сухопутных силах и войсках СС. Численность действующей армии составляла 4 268 640 человек, 9133 танка и штурмовых орудия (в том числе 477 командирских, не имевших пушечного вооружения, и 1546 снятых с производства устаревших легких машин, использовавшихся для охранной службы в тылу и учебных целях), из них на Восточном фронте, Западе и в районе Средиземноморья — 117 расчетных дивизий, 1 100 000 человек. На Восточном фронте в составе 12 армий находилась 201 расчетная дивизия, в том числе 22 танковых и 9 моторизованных — 2528 тысяч человек. Кроме того, против Красной Армии действовали 15 финских, 9 венгерских, 12 румынских и 2 словацкие дивизии.

Вместе это составляло 3480 тысяч человек, 54 570 орудий и минометов (без 50-мм минометов и реактивных установок), 5400 танков и штурмовых орудий, 3073 боевых самолета.

В резерве Верховного Главнокомандования Вооруженных сил Германии имелось 8,5 дивизии, которые дислоцировались в восточных районах рейха, в Австрии, Чехословакии, Польше.

Немецкая танковая дивизия в 1944-м имела штат 14 727 человек, 275 орудий и минометов, 125 танков и штурмовых орудий.

В составе мотодивизии имелось 15 421 человек, 232 орудия и миномета, 45 танков.

Пехотная дивизия имела по новому штату: 10 708 человек, 9420 карабинов, 2311 автоматов и пулеметов, 86 минометов, 104 орудия. Кроме того, предусматривалось 2005 штатных мест для «добровольцев вспомогательной службы» — сла-

вян на службе вермахта. Они задействовались в основном в обозах, частях снабжения и ремонтных подразделениях и, по свидетельству немцев, службу несли «честно». Долгое время стыдливо замалчиваемый факт: только в сухопутных войсках Германии к середине 1944 года служило полмиллиона советских граждан.

Военная экономика Германии, несмотря на англо-американские стратегические бомбардировки, работала бесперебойно. Выпуск военной продукции в 1944 году продолжал расширяться, производство вооружений достигло самого высокого уровня за всю войну и перекрывало потери.

В 1944 году военная промышленность выпустила 2,5 миллиона винтовок и карабинов, 78 900 орудий и минометов, 17 489 танков и штурмовых орудий, 32 900 боевых самолетов, 230 подводных лодок, 310,3 миллиона снарядов и мин. Значительно увеличилось производство танков и штурмовых орудий, превысившее в конце 1943 года 1000 машин ежемесячно. К концу 1944 года оно достигло своего пика и составило почти 1800 танков, штурмовых орудий и истребителей танков в месяц. Повысился удельный вес новейших типов танков. Удалось наладить, по немецким понятиям, «массовое производство» — свыше 300 машин в месяц — прекрасных танков типа V. По многим параметрам «пантера» превосходила знаменитую «тридцатьчетверку», однако в ответ на 3125 произведенных германской промышленностью «пантер» советская сторона выдала 14 648 танков Т-34, а на 1000 «тигров» приходилось 2250 «Иосифов Сталинов».

В связи с введением новых эффективных противотанковых средств «панцерфауст» и «офенрор» — прототипов сегодняшних гранатометов — повысились возможности борьбы с танками в условиях ближнего боя.

Большие надежды возлагались на ковавшееся в неких тайных лабораториях «чудо-оружие».

Однако всего этого было уже недостаточно для ведения наступательных операций. Обстановка на Восточном фронте не оставляла никакой надежды на возобновление активных действий большого масштаба.

В начале 1944 года начальник германского Генерального штаба в докладе на совещании высших офицеров говорил: «Каждое наступление, не приведшее к полному успеху, заканчивается обороной. В связи с этим Германия после про-

вала попытки победить Россию силой оружия вынуждена была перейти на востоке к обороне». Вынужденный признать неопровержимые факты, докладчик продолжал: «Наша ближайшая задача: продолжая вести оборону на востоке имеющимися там силами, отразить большое наступление на западе, которое, безусловно, предстоит. В связи с этим имеется намерение захватить инициативу в свои руки с тем, чтобы иметь возможность перебросить на запад и в район Средиземноморья войска, необходимые для наступательных боевых операций, способных решить исход войны. До этого момента следует и дальше изматывать противника на фронтах на востоке и в Италии, ведя в рамках стратегической обороны отдельные наступления, и упорно удерживать свои рубежи».

Впервые после развязывания агрессии гитлеровская Ставка помышляла о позиционной борьбе. С этой целью военное руководство Германии стремилось «ослаблять силы русских и удерживать рубежи, расположенные как можно дальше к востоку от границ Германии и важнейших сырьевых источников, которые еще оставались в руках немцев». Во многом немцы полагались на глубоко эшелонированную оборону, но на южном крыле Восточного фронта они еще не успели ее создать. Генерал Мюллер-Гиллебранд сообщает: «Сил более не хватало. Маневренность, как основной элемент боевых действий, не могла более быть обеспечена. Возмещение ожидаемых потерь можно было осуществлять лишь в ограниченной степени... На Востоке у Гитлера не было теперь никаких наступательных планов».

Германское командование предполагало, что основные усилия Красной Армии будут нацелены на южную половину Восточного фронта для наступления к Балканам и Южной Польше. Достаточно точно прогнозируя намерения сталинской Ставки, оно считало, что советские войска нанесут главный удар по северному флангу группы армий «Юг» из района Киева с целью выйти на Днестр и румынскую границу и одновременно будут продолжать наступление из района Днепропетровска, на нижнем течении Днепра и в Крыму, а также против группы армий «Центр» на бобруйском направлении. Другую крупную наступательную операцию германское командование ожидало против смежных флангов групп армий «Север» и «Центр» с нанесением ударов из

районов Невеля и восточнее Витебска в направлениях на Даугавпилс, Рига, Минск и Вильнюс.

Единственную возможность предотвратить катастрофу немцы видели в том, чтобы перевести военные действия в позиционные формы. Предусматривалось путем ведения стратегической обороны, сочетая упорную защиту занимаемых рубежей с контрударами на отдельных участках, удержать всю занимаемую территорию, обескровить Красную Армию и заставить ее прекратить наступательные операции. Все предложения фронтовых командующих о сокращении линии фронта и отводе войск на более выгодные рубежи Гитлер отверг категорически.

Предусматривая упорное удержание занимаемых позиций, Верховное командование вермахта не отказалось от намерений восстановить оборону по Днепру. В конце 1943 года оно готовило удар на Киев с целью сбросить советские войска с правого берега реки, а также намечало нанести удар с никопольского плацдарма в южном направлении восстановить связь с отрезанной в Крыму группировкой.

Таким образом, основной линией стратегического поведения германского командования на Востоке являлась упорная борьба с целью удержать занимаемые рубежи и осуществление в рамках этой обороны частных наступательных операций для улучшения оперативного положения войск в предвидении перехода к активным действиям.

Планы обороны на советско-германском фронте обуславливались также рядом соображений политического и экономического характера. Удерживая занимаемые рубежи, германское руководство надеялось внушить немецкому народу и своим союзникам мысль о том, что фронт проходит в глубине Советского Союза, поддержать тем самым иллюзии «прочных завоеваний» на Востоке.

Особое значение придавалось удержанию Правобережной Украины и Крыма с их богатыми продовольственными ресурсами, марганцем Никополя, рудой Криворожья и Керчи, а также бассейна Черного моря с первоклассными морскими портами. Немецкое командование учитывало важное стратегическое положение Правобережной Украины и Крыма, как районов, прикрывающих подступы к Южной Польше, Балканам и обеспечивающих контроль над центральной и западными частями Черного моря.

Были у германского Генштаба и другие расчеты. Немцы видели, что потери Красной Армии невообразимо велики. Как вспоминает Манштейн: «...можно было предполагать, что человеческие ресурсы Советского Союза постепенно иссякнут. Резервы старших возрастов, из которых он черпал силы для своих новых формирований, казалось, в основном уже были израсходованы. Если в качестве пополнения для фронта оставался только новый призывной возраст, то противник не мог уже больше создавать новые формирования в большом масштабе...»

Верно, если в 1941 году в Красной Армии были сформированы заново 571 расчетная дивизия, в 1942-м — 333, в 1943-м — 125, то в 1944 году — всего 25 расчетных дивизий. За этот же период немцы разгромили и уничтожили 337 советских дивизий, безвозвратные советские потери составили около 8 миллионов военнослужащих.

Вермахт за четыре с половиной года войны с 1939 года потерял уничтоженными и расформированными 140 дивизий и около 2,3 миллиона человек убитыми и пропавшими без вести, и это считалось «большими потерями».

«В этих тяжелых боях, — признавал командующий группой армий «Юг» фельдмаршал Манштейн, — было неизбежным все более сильное падение боеспособности наших соединений... ОКХ не имело необходимого для нас пополнения в технике и людях, чтобы компенсировать потери».

Германские вооруженные силы нуждались в передышке для восстановления людских и материальных резервов, особенно на южном крыле фронта, где они понесли наиболее ощутимые удары.

Гитлер еще верил в победу. Как пишет Алан Кларк, «он обманывал себя, подсчитывая дивизии «по количеству», и, не обращая внимания на новое качество Красной Армии, делал сравнения с 1941 годом...».

Генералы считали руководство фюрера катастрофически некомпетентным; Гитлер, в свою очередь, недостаточно доверял армии, чтобы предоставить ей самостоятельность.

Наступал новый, 1944 год — «год решающих побед».

ПЕРВЫЙ СТАЛИНСКИЙ УДАР

«...нанесли войска Ленинградского, Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов при поддержке артиллерии кораблей Балтийского флота и артиллерии Кронштадта под Ленинградом и Новгородом»

Цель операции, согласно всем источникам, состояла в том, «чтобы разгромить немецко-фашистскую группу армий «Север», полностью снять блокаду и очистить Ленинградскую область от немецко-фашистских захватчиков», а также создать благоприятные условия для «освобождения Советской Прибалтики».

Это не совсем так.

Наша военно-историческая наука при описании наступательных операций Красной Армии всегда выдавала достигнутое за желаемое. К примеру, если войска двух фронтов в течение месяца штурмовали деревню Гадюкино, то можно быть уверенным, что в анналах записано, будто целью операции являлось именно овладение важным стратегическим пунктом Гадюкино и освобождение от захватчиков территории колхоза «Заветы Ильича». Если же Гадюкино освободить так и не удалось, значит, целью было «сковать силы противника» и не дать ему перебросить резервы на другие направления. И действительно, противник резервы не перебрасывал, как правило — и не собирался. Значит, цель операции достигнута, а Гадюкино нас и вовсе не интересовало.

Подготовка к первому удару началась в сентябре 1943 года. А 20 октября Калининский фронт был переименован в 1-й Прибалтийский; на базе полевого управления Брянского фронта был сформирован 2-й Прибалтийский. Что бы это значило? Генерал Г.Г. Семенов по этому поводу вспоминает:

«Переименование фронтов имело большое моральное и политическое значение. Мы теперь смотрели вперед, туда,

где лежало Балтийское море, и мысленно прикидывали предстоявший путь».

Именно это и являлось конечной целью планируемой стратегической операции не трех, а четырех фронтов (Сталин тоже «мысленно прикидывал»), а снятие блокады — важным, но лишь первым ее этапом.

«СИНЯВИНСКИЙ ПОЛИГОН»

Блокада Ленинграда началась 8 сентября 1941 года, когда немцы прорвались через станцию Мга, овладели Шлиссельбургом и вышли на берег Ладожского озера, отрезав город с суши.

В течение почти полутора лет Ленинград от остальной страны отделял коридор шириной всего 15 км, в военных сводках получивший название шлиссельбургско-синявинский выступ. Попытки прорвать блокаду начали предприниматься почти сразу. Но и два наступления через Синявину, и более амбициозная Любанская операция, затеянная с целью разгромить всю группу армий «Север», провалились в основном из-за бездарности генералитета, необученности войск и преступно-халатной организации.

Главная роль во всех попытках оказать действенную помощь Ленинграду играла 2-я ударная армия. По определению, ударная — армия, предназначавшаяся для разгрома группировок противника на важнейших направлениях. И первым ее командиром стал «большой полководец», заместитель наркома внутренних дел генерал-лейтенант Г.Г. Соколов, возомнивший себя Александром Суворовым новейшего времени. Он сразу деятельно занялся подготовкой войск, издавая репринтные приказы из «Науки побеждать:

«1. Хожение, как ползанье мух осенью, отменяю и приказываю впредь в армии ходить так: военный шаг — аршин, им и ходить. Ускоренный — полтора, так и нажимать.

2. С едой не ладен порядок. Среди боя обедают и марш прерывают на завтрак. На войне порядок такой: завтрак — затемно, перед рассветом, а обед — затемно, вечером. Днем удастся хлеба поесть или сухарь с чаем пожевать — хорошо, а нет — и на том спасибо, благо день не особенно длинен.

3. Запомнить всем — и начальникам, и рядовым, и старым, и молодым, что днем больше роты колоннами ходить нельзя, а вообще на войне для похода — ночь, вот тогда и маршируй.

4. Холода не бояться, бабами рязанскими не обряжаться, быть молодцом и морозу не поддаваться. Уши и руки растирай снегом!..»

Правда, через месяц, перед Любанской операцией, крестина с должности сняли. Армию возглавил генерал Н.К. Клыков. И завел ее в Мясной Бор. Затем, сказавшись больным, улетел поправлять здоровье. Николай Коняев в своей книге приводит воспоминания лейтенанта И. Никонова об этих боях:

«За дни наступления пищи никакой не получали. Кухня не подходила за километры... Патронов давали по одной-две обоймы, приходилось брать у раненых и погибших... Особенно запомнились три молодежных батальона, среднего возраста лет двадцати в белых халатах. Как пришли, сразу пошли в наступление, и через полтора часа из них почти никого не осталось. Пополнения приходили, и мы все вели наступление, а немец нас как траву косил. Перед позициями немцев все было избито снарядами, устлано трупами и даже кучи трупов были, так как раненые тянулись, наваливались на трупы и тоже умирали или замерзали. У нас ячеек или траншей никаких не было. Ложились в воронки и за трупы, они служили защитой от противника... Трупы с переднего края никто не убирал и не рассматривал, кто здесь убит, так как если этим заниматься перед взором противника, то еще очень много потеряешь людей, поэтому они здесь истлевали без вести пропавшие...»

Немец занимал укрепленную позицию по насыпи железной дороги. Он имел все виды оружия, и боеприпасов было у него достаточно. А мы утром пошли в наступление с неполным составом полка, с пулевым оружием и недостатком боеприпасов. Поэтому успеха не добились и понесли большие потери. Командование отошло назад от переднего края обороны и организовало там командный пункт. Нас оставили на переднем крае, как пехоту...»

О боевых буднях отцов-командиров в это же время докладывал начальник Особого отдела Волховского фронта майор Мельников:

«...5 февраля во время наступления дивизии на командный пункт выехал начальник штаба и комиссар дивизии. Дорофеев же (командир 378-й стрелковой дивизии. — В.Б.) вызвал к себе в блиндаж девушку военфельдшера и пропьянствовал

с ней четверо суток. Свой невыезд на командный пункт мотивировал болезнью.

Комначсостав в беседах между собой говорит: «...Ну, как там наше пьяное начальство, что решило?..» В момент выполнения боевой задачи частями дивизии по овладению д. Остров Дорофеев, Корнышев и начальник штаба Аксельрод на протяжении трех суток пьянствовали, не выходя из блиндажей...

...Командование 59-й армии, зная о том, что 377, 372, 374 и 378-я стрелковые дивизии активных действий не ведут и фактически занимают оборону, в оперативных сводках штаба действия этих дивизий отмечаются «активным сковыванием противника» и «ведением боевой разведки». Бездеятельность этих дивизий в оперсводках также называется «отражением контратак противника», не стыдясь сообщать, что дивизии отбивают контратаку одного взвода противника...»

В результате руководивший операцией на расстоянии сотни километров из Малой Вишеры в окружении жены, сына и пристроенных родственников командующий Волховским фронтом генерал Мерецков загнал 2-ю ударную армию в немецкий мешок. Советские потери в Любанской операции составили по неполному счету 308 367 человек убитыми, пленными и ранеными — 95% введенных в сражение войск. Еще 95 000 было потеряно при попытках выволить погибающую армию.

Маршал Мерецков считает, что это нормально и даже укоряет себя за то, что из душевной тонкости уложил недостаточно своих солдат: «Для спасения миллионов бросаем в бой десятки тысяч людей, зная при этом, что многие тысячи погибнут. Такова военная логика. Я всегда сильно переживал любые потери. Вынужден сказать об этом, даже если кто-либо и расценит это как присущую мне слабость».

Потери только при проведении трех операций по деблокаде Ленинграда под руководством Жукова, Хозина, Говорова, Ворошилова и комплексующего Мерецкова составили около 600 000 бойцов и командиров, более трети из них были убиты, «истлели без вести пропавшие» или оказались в плену — все из-за присущей нашим полководцам слабости «переживать любые потери». При нулевом военном результате.

Все это время в Ленинграде погибало от голода и обстрелов 3000—4000 человек ежедневно.

В ноябре 1942 года началась разработка третьей Синявинской операции. Замысел ее был прост, как апельсин:

встречными ударами Ленинградского и Волховского фронтов по кратчайшему пути ликвидировать ладожский плацдарм противника и «обеспечить коммуникации Ленинградского фронта».

Для участия в операции были выделены три армии Волховского и Ленинградского фронтов. В их состав входили 21 стрелковая дивизия, 14 стрелковых и 7 танковых бригад — 302 800 человек. Главные удары наносили 67-я и 2-я ударная армии при поддержке 4000 орудий и минометов, 520 танков и 900 самолетов 13-й и 14-й воздушных армий и Балтийского флота. Привлекались также авиация дальнего действия, береговая и корабельная артиллерия.

Координацию действий двух армий, получивших кодовое название операция «Искра», осуществляли представители Ставки маршал К.Е. Ворошилов и генерал армии Г.К. Жуков.

Этим силам противостояли 4 пехотные дивизии 26-го армейского корпуса 18-й армии генерала Линдемана, около 700 орудий и минометов, до 500 штурмовых орудий. До четырех дивизий командование армии могло перебросить из оперативного резерва. За прошедшее время противник времени даром не терял и превратил выступ в мощный полевой укрепленный район с разветвленной системой инженерных сооружений.

Утром 12 января 1943 года ударные группировки фронтов перешли в наступление и, преодолев за шесть суток непрерывных боев по 6—8 км, соединились в районе Поселка № 5. Затем еще почти две недели советские войска пытались безуспешно продвинуться на юг, в сторону Мги, но, потеряв около 120 000 человек убитыми и ранеными — почти половину первоначального состава, — перешли к обороне на подступах к Синявинским высотам.

В итоге между Волховским и Ленинградским фронтом по берегу Ладожского озера был пробит сухопутный коридор шириной от 8 до 11 км. Очистить от противника Кировскую магистраль не удалось.

Основные причины невыполнения поставленной задачи оставались все те же: «Командиры частей и соединений не заботились о том, чтобы до начала наступления были полностью вскрыты характер обороны противника, ее сильные и слабые места, выявлены группировки, боевой состав и боеспособность противника (*шестнадцати месяцев не хватило,*

чтобы разведать пятячок 13 на 15 км!)... В результате командиры подразделений и частей лишали себя возможности принять соответствующее обстановке решение. Недостатки в ведении разведки приводили к тому, что войска постоянно наталкивались на всякого рода неожиданности... вывод войск в район исходного положения совершался неорганизованно, нарушалась маскировка. Эти недостатки приводили к тому, что войска еще на исходном положении несли значительные потери и теряли необходимую силу удара до начала атаки.... Некоторые командиры в начале боя выпускали из своих рук управление боем, переставали следить за обстановкой и ее изменениями и не отдавали войскам никаких распоряжений (*как, например, болеющий в постели с военфельдшером комдив Дорофеев*)... Это приводило к тому, что войска действовали самостоятельно, управление боем нарушалось, что, естественно, кроме потерь и неудач, ничего существенного дать не могло. Вопросы взаимодействия отрабатывались лишь на начальный период боя, при этом наспех, поверхностно. В результате в ходе боя часто взаимодействие между родами войск нарушалось... Командиры и штабы не имели хороших навыков управления войсками в наступлении и организации наступательного боя».

По приказу ГКО за 18 дней через торфяные болота была построена временная 35-километровая железнодорожная линия от Полян к Шлиссельбургу, названная Дорогой Победы, и низководный мост через Неву. Уже 8 февраля на Финляндском вокзале ленинградцы встречали первый поезд с продовольствием с Большой земли. Однако узкий коридор насквозь простреливался немецкой артиллерией и не обеспечивал регулярного снабжения города-крепости: «Составы приходилось водить под бомбежкой и артогнем. Осколки настигали и машинистов, и кочегаров, и кондукторов. Ремонт путей зачастую делался подручными средствами на живую нитку.. С наступлением лета составы, вопреки всем существующим правилам и представлениям, двигались по ступицу в воде. И все-таки дорога работала...» Основные грузопотоки по-прежнему шли по Дороге жизни через Ладожское озеро. К тому же существовала угроза, что немцы сумеют восстановить положение.

Но символическое значение прорыв ленинградской блокады имел большое. Битва за Поселок № 5 попала в разряд стратегических операций Красной Армии. Странно, но и

командовавший Волховским фронтом Мерецков, и его заместитель Федюнинский, и начальник инженерной службы Хренов, и другие мемуаристы, описывая подготовку и ход операции, вспомнили о встречах и консультациях с Говоровым и Ворошиловым, но ни слова не сказали о координировавшем их действия Жукове. Да и сам Жуков ничего по этому поводу не вспомнил, хотя именно за операцию «Искра» 18 января удостоился звания Маршала Советского Союза.

Летом 1943 года войска Ленинградского и Волховского фронтов пытались расширить коридор, нанеся два сильных удара по сходящимся направлениям на Мгу, но не продвинулись ни на шаг. Поскольку станцию взять не удалось, было заявлено, что к этому и не стремились. Дойдя до полного маразма, коллектив авторов под редакцией маршала Н.В. Огаркова утверждает, что «главным считался не захват территории, а нанесение противнику максимальных потерь (!)». Только советская военная наука может додуматься, что в течение месяца нужно бросать пехоту на глубокоэшелонированную, грамотно организованную, насыщенную огневыми точками оборону ради того, чтобы убить несколько сот немцев. Войска двух советских армий с 22 июля по 22 августа, не захватив «территорий», потеряли 80 тысяч человек убитыми и ранеными. Зато «главная цель операции была достигнута (!)... противник понес тяжелые потери в живой силе и технике, особенно от огня артиллерии и ударов авиации (?)». Зачем же пехоту было гробить в массированных, сводящих с ума немецких пулеметчиков атаках?

Но впечатление на противника действительно произвели неизгладимое: «Дважды предпринятая атака будет повторена в третий и четвертый раз, невзирая на понесенные потери, причем и третья и четвертая атаки будут проведены с прежним упрямством и хладнокровием... Местность перед фронтом обороняющихся в мгновение ока вдруг заполнялась русскими. Они появлялись словно из-под земли, и, казалось, невозможно сдержать надвигающуюся лавину. Огромные бреши от нашего огня немедленно заполнялись; одна за другой катились волны пехоты, и лишь когда людские резервы иссякали, они могли откатиться назад... Отражение такого рода атаки зависит не столько от наличия техники, сколько от того, выдержат ли нервы. Лишь закаленные в боях солдаты были в состоянии преодолеть страх, который охватывал каждого».

ЛЕНИНГРАДСКО-НОВГОРОДСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

В начале 1944 года Ленинградский фронт в составе 23-й, 2-й ударной, 42-й, 67-й общевойсковых и 13-й воздушной армий, под командованием генерала армии Л.А. Говорова, занимал оборону протяженностью 256 км. 23-я армия генерал-лейтенанта А.И. Черепанова находилась на Карельском перешейке. 2-я ударная занимала позиции в районе Ораниенбаума на плацдарме протяженностью до 50 км по фронту и 25 км в глубину. 42-я и 67-я армии — в полосе севернее Урицка, Гонтовой Липки, защищая южные и юго-восточные подступы к Ленинграду. В оперативном подчинении фронта находились Балтийский флот и Ленинградская армия ПВО.

Волховский фронт — 8-я, 54-я, 59-я общевойсковые, 14-я воздушная армии — под командованием генерала армии К.А. Мерецкова оборонял 232-километровую полосу от Гонтовой Липки до озера Ильмень, удерживая на западном берегу Волхова, в 30 км севернее Новгорода, плацдарм шириной 35 км и глубиной 10 км.

2-й Прибалтийский фронт генерала армии М.М. Попова — 1-я ударная, 22-я, 6-я гвардейская, 3-я ударная, 10-я гвардейская общевойсковые и 15-я воздушная армии — действовал в 320-километровой полосе между озерами Ильмень и Нещедро.

Войска трех фронтов, глубоко охватывая фланги группы армий «Север», занимали выгодное по отношению к противнику положение.

Еще осенью 1943 года на северо-западном направлении в результате увеличения численности и более согласованных действий истребительной авиации фронтов, Ленинградской армии ПВО и средств ПВО Балтийского флота улучшилась воздушная обстановка. Советская авиация завоевала господство в воздухе, что привело к резкому снижению интенсивности налетов противника на войска и непосредственно на Ленинград. В ночь на 17 октября на город упала последняя бомба.

Улучшилось положение осажденных. Прорыв блокады, прокладка по дну Ладожского озера топливного трубопровода и силового кабеля, восстановление сухопутной связи со страной благотворно сказались на жизни и боевой деятельности защитников. Рост поставок продовольствия и со-

кращение численности населения до 800 000 человек позволили увеличить хлебную пайку до 400—600 грамм.

В городе возобновилось производство крупнокалиберной морской артиллерии. С третьего квартала начался массовый выпуск артиллерийских снарядов и мин для всех видов минометов. Развернулось строительство малых кораблей и катеров, в первую очередь крайне необходимых флоту тральщиков. Тем не менее Ленинград оставался прифронтовым городом.

Интересы обеспечения безопасности Ленинграда, а также политические и стратегические соображения, связанные с дальнейшим ведением войны, требовали полного снятия блокады и освобождения Ленинградской области. В этом и заключалась первоочередная задача войск северо-западного направления. Ее выполнение открывало путь в Прибалтику, облегчало освобождение Карелии, выход флота на просторы Балтики.

К тому времени положение группы армий «Север», войсками которой командовал генерал-фельдмаршал Георг фон Кюхлер, значительно ухудшилось. Германское командование не могло усилить ее ни за счет стратегических резервов, ни за счет переброски сил из других групп армий, так как они были скованы мощным наступлением советских войск на юго-западном и западном направлениях. На протяжении всего 1943 года для Гитлера группы армий «Север» словно не существовало. С июля 1943 по январь 1944 года Кюхлеру пришлось передать наиболее боеспособные моторизованную и две пехотные дивизии группе «Центр» и пять пехотных дивизий группе армий «Юг», из них две буквально за неделю до перехода советских войск в наступление под Ленинградом. Чтобы как-то компенсировать изъятие войск с северо-западного направления, туда были переброшены три пехотные дивизии, имевшие большой некомплект в личном составе и боевой технике из группы армий «Центр», моторизованная и пехотная дивизии, пехотная бригада войск СС из Германии, моторизованная бригада из Югославии.

Верховное командование поставило войскам группы «Север» задачу прочно оборонять занимаемые позиции, продолжать блокаду Ленинграда. Стабилизация данного участка Восточного фронта позволяла надежно прикрыть подступы к Прибалтике и ее военно-морским базам, сохранить свободу действий германского флота в Балтийском

море и обеспечивать морские коммуникации со Швецией и Финляндией.

Более двух лет немцы возводили оборонительные сооружения под Ленинградом и Новгородом. К началу 1944 года по дуге, упиравшейся своими флангами в Финский залив и озеро Ильмень, была создана мощная, хорошо оборудованная в инженерном отношении оборона. Основу ее составляли сильные узлы сопротивления и опорные пункты, имевшие круговую оборону, насыщенные артиллерийскими и пулеметными железобетонными, броневыми и деревоземляными огневыми точками. Они оборудовались во всех населенных пунктах, в важных узлах железных и шоссейных дорог, на господствующих высотах и имели развитую систему основных и отсечных позиций, прикрытых многослойным огнем. Широко применялись минно-взрывные и проволочные заграждения, противотанковые рвы, надолбы, эскарпы. На болотистых участках были устроены насыпные валы, а в лесах — завалы, минированные мощными фугасами.

Перед войсками Ленинградского и Волховского фронтов были подготовлены две оборонительные полосы в тактической зоне и ряд промежуточных рубежей в оперативной глубине. Начиная с осени 1943 года германские войска усиленно вели работы по подготовке к обороне рек Оредеж, Луга, Плюсса, Шелонь, Нарва и Великая. Крупные населенные пункты: Стрельна, Красное Село, Пушкин, Красногвардейск, Тосно, Любань, Чудово, Луга, Кингисепп и другие — также были подготовлены для ведения оборонительных боев. Лесисто-болотистая местность, всхолмленная на западе, облегчала организацию обороны, маскировку войск, скрытное их сосредоточение на угрожаемых участках. На большинстве участков перед Ленинградским фронтом передний край противника проходил по гребням высот, а перед центром и левым крылом Волховского фронта — по западному берегу Волхова и прикрывался справа озером Ильмень.

Развитая сеть железных дорог и шоссейных коммуникаций обеспечивала бесперебойное снабжение войск и быстрый маневр резервами как из глубины, так и по фронту.

Между Финским заливом и Чудским озером по реке Нарва, по западному берегу Чудского озера и далее на участке Псков, Остров, Идрица и южнее по реке Великая возво-

дился тыловой оборонительный рубеж «Пантера». Общая глубина обороны достигала 230—260 км, но основные силы и средства располагались в тактической зоне. Наиболее мощные укрепления были созданы южнее Пулковских высот, перед 42-й армией Ленинградского фронта, и севернее Новгорода, перед 59-й армией Волховского фронта.

На южном фланге, в полосе 2-го Прибалтийского фронта, сплошного фронта не было. Леса и многочисленные болота давали возможность защищаться малыми силами. Поэтому немецкая оборона здесь состояла из отдельных опорных пунктов и узлов сопротивления.

Соответственно и войска группы армий «Север» были распределены неравномерно.

18-я армия генерала Георга Линдемана, оборонявшаяся севернее озера Ильмень, имела в своем составе 19 дивизий и 3 бригады. Все соединения, за исключением одной пехотной дивизии — резерва командующего армией, располагались в главной полосе обороны. На дивизию в среднем приходилось 20 км фронта. В составе армии имелись две артиллерийские группы специального назначения, которые систематически обстреливали Ленинград и Кронштадт.

Армии Линдемана противостояли шесть общевойсковых армий Ленинградского и Волховского фронтов — 52 стрелковые дивизии, 9 стрелковых, 8 танковых бригад, 5 укрепленных районов, части морской пехоты.

Действовавшая от озера Ильмень до Пскова перед войсками 2-го Прибалтийского фронта 16-я немецкая армия имела в своем составе 21 дивизию и 1 бригаду. В резерве командующего армией находилась одна дивизия. Оперативная плотность составляла 23 км на дивизию. У генерала Попова на этом же пространстве дислоцировались 41 дивизия и 9 бригад.

В резерве командующего группы армий «Север» находились три охранные и одна учебно-полевая дивизии, расположенные в Пскове, Острове, Выру и Тарту.

Учитывая благоприятно сложившуюся обстановку, Военный совет Ленинградского фронта 9 сентября 1943 года, сразу же после окончания Синявинской операции, направил в Ставку ВГК соображения о дальнейшем ведении боевых действий. В частности, намечалось разгромить 18-ю армию, как основу северного крыла Восточного фронта, и «не

только окончательно освободить Ленинград, но и овладеть всем лужским плацдармом с выходом на рубеж р. Луга от устья до г. Луга, как предпосылки дальнейших действий на Прибалтику». В соображениях Военного совета Волховского фронта, представленных в Ставку 14 сентября, предусматривался удар из района севернее Новгорода в направлении города Луга с целью расколоть группу «Север» на стыке ее армий, не допустить отхода главных сил 18-й армии на рубеж реки Луга и далее на линию Нарва, Порхов, а затем во взаимодействии с войсками Ленинградского и Северо-Западного фронтов окружить и уничтожить их.

Таким образом, в основе замысла лежала идея нанесения согласованных ударов с севера и юго-востока в общем направлении на Лугу с целью окружения и решительного разгрома армии 18-й германской армии.

Ставка ВГК утвердила с некоторыми изменениями оперативные планы фронтов, предупредив их командующих о возможном преднамеренном отходе врага из-под Ленинграда и необходимости в связи с этим готовиться не только к прорыву обороны, но и к преследованию противника.

Исходя из общего замысла зимне-весенней кампании, Ставка расширила задачи войск северо-западного направления и привлекла к наступлению не только Ленинградский и Волховский фронты, но и оба прибалтийских. Им предстояло разгромить всю группу армий «Север», полностью деблокировать Ленинград, очистить оккупированные районы Ленинградской и Калининской областей и создать необходимые условия для занятия Прибалтийских республик. Основные усилия сосредоточивались в полосах Ленинградского и Волховского фронтов, которые занимали охватывающее положение по отношению к группировке противника севернее реки Луга. Удары этих фронтов в сочетании с мощным наступлением на Правобережной Украине должны были сковать силы противника на всем фронте, ограничить его возможности в маневре и привести к наиболее эффективному результату.

В конце ноября 1943 года на совещании в Кремле с участием командующих фронтов северо-западного направления был окончательно выработан замысел операции. Войска получили конкретные боевые задачи и указания по ее планированию и подготовке. Предусматривалось согласованными одновременными ударами Ленинградского и

Волховского фронтов вначале разгромить 18-ю армию, а активными действиями 2-го Прибалтийского сковать основные силы 16-й армии и оперативные резервы группы армий «Север». В последующем войска трех взаимодействующих фронтов должны были наступлением на нарвском, псковском и идрицком направлениях разгромить 16-ю армию. К операции привлекались Балтийский флот, авиация дальнего действия, Ленинградская армия ПВО и партизанские соединения.

Советские источники с подозрительным единодушием вдалбливают, что 2-му Прибалтийскому фронту ставились задачи исключительно отвлекающего и сковывающего характера. Но это как раз тот случай, когда достигнутые результаты выдаются за желаемые. Ведь неспроста в тылу 1-й ударной армии сосредоточивался 8-й эстонский стрелковый корпус, в «обозах» которого находились члены ЦК Коммунистической партии и правительства Эстонии. А в тылу 22-й армии при активном участии товарищей из ЦК Компартии Латвии разворачивалась в стрелковый корпус 43-я латышская дивизия.

Командование Ленинградского фронта планировало нанести два встречных удара на Ропшу: с ораниенбаумского плацдарма силами 2-й ударной армии и из района южнее Ленинграда — 42-й армии, окружая немецкую группировку, состоявшую из 3-го корпуса СС и 50-го армейского корпуса, в районе Красное Село, Ропша, Стрельна. Соединившись, они должны были развивать наступление в двух направлениях: Кингисепп, Нарва и Красноармейск, Луга. 67-я армия получила задачу активными действиями сковать силы врага на мгинском направлении и одновременно готовить удар на Мгу, Ульяновку, Красноармейск, чтобы во взаимодействии с 8-й армией Волховского фронта окружить и уничтожить действовавшие там войска противника. 13-я воздушная армия, часть сил ВВС флота, авиация ПВО и дальнего действия должны были прикрывать и поддерживать наступление 2-й ударной и 42-й армий.

Командование Волховского фронта решило силами 59-й армии нанести два удара по сходящимся направлениям в обход Новгорода: главный — из района юго-восточнее Новгорода с плацдарма на западном берегу Волхова, где его и ждали немцы, а вспомогательный силами двух стрелковых дивизий и одной бригады — через озеро Ильмень в общем

направлении на Любовляны с целью окружить и уничтожить новгородскую группировку. В последующем этой армии предстояло развивать наступление в западном и юго-западном направлениях, перерезать пути отхода войск 18-й армии на юг и юго-запад и во взаимодействии с войсками Ленинградского фронта завершить разгром ее главных сил. 8-й и 54-й армиям надлежало активными действиями воспретить переброску сил противнику из-под Тосно, Любани, Чудово на ленинградское и новгородское направления, в дальнейшем освободить участок Октябрьской железной дороги Тосно—Чудово и наступать в направлении на Любань, Луга. 14-я воздушная армия должна была главными силами поддерживать 59-ю армию.

Балтийский флот должен был обеспечить сосредоточение войск 2-й ударной армии на ораниенбаумском плацдарме, корабельной и береговой артиллерией помочь Ленинградскому фронту взломать вражескую оборону и сопровождать его войска до пределов дальности своего огня, морской авиацией поддержать наступление войск с плацдарма.

Авиации фронтов и дальнего действия надлежало наносить удары по железнодорожным объектам и аэродромам противника, его штабам и резервам, укреплениям на тыловых и промежуточных рубежах обеспечить прорыв вражеской обороны и развитие наступления войск в оперативной глубине. АДД выделяла 8 авиационных корпусов и 1 авиационную дивизию для предварительной авиационной подготовки наступления в интересах Ленинградского фронта и 4 авиационных корпуса для поддержки войск фронтов в ходе всей операции.

Перед армией войск ПВО стояла задача прикрыть с воздуха Ленинград, а также ударные группировки, базы и коммуникации Ленинградского фронта, блокировать аэродромный узел противника в районе Красногвардейска.

Ленинградские партизаны — 13 бригад общей численностью 35 тысяч человек — должны были вести разведку в интересах войск, содействовать захвату переправ, крупных населенных пунктов и железнодорожных узлов, усилить удары по коммуникациям противника, его штабам и узлам связи. Войскам Говорова и Мерецкова, долгое время находившимся в обороне, предстояло прорвать мощную, глубоко эшелонированную оборону и наступать на лесисто-болотистой местности, затруднявшей маневр войсками

и массированное применение тяжелой техники. В этих условиях особое значение приобретала заблаговременная тщательная подготовка штабов и войск. За полтора-два месяца до наступления при штабах фронтов с руководящим составом объединений, соединений и частей проводились командно-штабные игры на темы, связанные с особенностями организации операции, боев и управления войсками в сложившейся обстановке.

В тыловых районах строились учебные городки, воспроизводившие оборону противника на участках будущих прорывов. Солдаты учились штурмовать долговременные огневые точки, преодолевать проволочные заграждения и минные поля. Командиры всех степеней отработывали на местности организацию взаимодействия между пехотой, танками и артиллерией. В авиационных объединениях отработывались вопросы взаимодействия между родами авиации, а также со стрелковыми и танковыми соединениями. «Самая передовая» советская военная наука вернулась к опыту Суворова времен штурма Измаила.

Стрелковые подразделения обучались атаковать непосредственно за разрывами снарядов своей артиллерии. Плотность ее на участках прорыва достигала во 2-й ударной армии — 123, в 42-й — 138, в 59-й — 106 стволов калибра 76 мм и выше на километр фронта. Чтобы надежно подавить и уничтожить огневые точки, на переднем крае в 42-й армии для стрельбы прямой наводкой выделялось 492 орудия, а в 59-й — 221. Во фронтах и армиях создавались мощные артиллерийские группы.

Происходило «осапёривание» войск: по несколько человек в каждом взводе обучались резать проволочные заграждения, находить и обезвреживать мины, разграждать дороги, прокладывать гати, вытаскивать застрявшую технику. Только на Ленинградском фронте подобную подготовку прошли более 30 000 бойцов.

Большинство танковых частей передавалось общевойсковым армиям, наносившим главный удар, для использования их в качестве непосредственной поддержки пехоты и в армейских подвижных группах. За танками закреплялись десантные группы автоматчиков.

Армии пополнялись личным составом, оружием и техникой.

Одновременно войска перегруппировывались для созда-

ния ударных группировок. 2-я ударная армия была скрытно на кораблях перевезена из Ленинграда в район Ораниенбаума. Приморский плацдарм должен был сыграть важную роль. Если южнее города, с пулковского направления, немцы ожидали советское наступление, то удар с ораниенбаумского плацдарма должен был стать сюрпризом. С ноября по январь балтийские моряки доставили сюда в тяжелых погодных условиях 53 000 человек, 658 орудий, много танков, автомашин, свыше 700 вагонов боеприпасов и других грузов. Через Финский залив на виду у противника на плацдарм удалось переправить 5 стрелковых дивизий, 13 артиллерийских частей и соединений, 2 танковых и 1 самоходно-артиллерийский полк, 1 танковую бригаду. При этом немцы были введены в заблуждение: до последнего момента они полагали, что советское командование перебрасывает войска с плацдарма в город.

В общем, на этот раз готовились тщательно и грамотно. Два с половиной года безуспешной долбежки головой о стену и кровопускания дали свои плоды. Советские генералы что-то усвоили. Хотя и обошлась битва за Ленинград в полтора миллиона убитых, раненых и плененных солдат.

Данные по потерям взяты из статистического исследования под редакцией генерала Г.Ф. Кривошеина. Значит — официальные данные российского Генштаба. Сборник составлен «в первую очередь на донесениях фронтов, армий и других действующих группировок войск». Однако сами авторы признают, что «донесения об утратах людей и боевой техники зачастую не доходили до вышестоящих командиров и штабов, а порой и некому было доносить.... Иногда в число безвозвратных потерь приходилось включать весь списочный состав соединения или объединения...».

А как быть с теми, кто «в списках не значился»? В первые дни войны в приграничных округах под немецкой бомбежкой маршировали многочисленные колонны призывников. Кто-то убежал и оказывался уже в тылу противника, кто-то попадал непосредственно в воинские части и сразу бросался в бой. Кто их учитывал или хотя бы считал? Документы множества воинских частей и соединений погибли или были уничтожены в связи с угрозой захвата противником. В 1941 году Красная Армия потеряла разгромленными и уничтоженными 177 дивизий и 18 бригад.

Где и в каких листах учтены потери добровольческих

дивизий 1941 года или истребительного батальона Сталинградского тракторного? Мобилизованных прямо на поле боя «призывников» Конева образца 1944 года?

Приказ НКО от 12 апреля 1942 года констатировал: *«Учет личного состава, в особенности учет потерь, ведется в действующей армии совершенно неудовлетворительно... На персональном учете состоит в настоящее время не более одной трети действительного числа убитых. Данные персонального учета пропавших без вести и попавших в плен еще более далеки от истины. Все это говорит за то, что со стороны армий и фронтов не установлено должного контроля за учетом и представлением указанных сведений».*

Главной причиной такого отношения было как раз то, что для наших полководцев это было не главное. Солдаты для них были не люди, а «живая сила», масса. Что ее считать? Да и некогда было генералам ерундой заниматься, они о спасении Родины день и ночь думали. К тому же неучтенные потери не портили «показатели».

Семьям пропавших без вести солдат десятилетиями рассказывали про «трудности». Сначала вести персональный учет потерь мешало «стремительное продвижение немецко-фашистских войск в глубь советской территории и окружение ими целого ряда наших оперативных объединений». Позже, «в условиях высоких темпов наступления наших войск, сопровождавшегося порой значительными потерями личного состава, организация учета и захоронения погибших крайне осложнялась». Одним словом, неважно, наступали мы стремительно или стремительно драпали: считать и хоронить павших все равно было некогда.

К примеру, в записке на имя начальника Генштаба от 24 июня 1942 года сообщалось:

«В подразделениях и частях 18-й отд. Стрелковой бригады 43-й армии книги установленной формы для учета личного состава отсутствуют. Учет личного состава в подразделениях и частях бригады не ведется.

В штабе 686-го артполка 415-й стрелковой дивизии списков личного состава по установленным формам не имеется. Прибывшее пополнение в списки не занесено. Большая часть красноармейского состава не имеет красноармейских книжек, а выданные на руки бойцам не учтены.

В воинских частях потери личного состава точно не установлены, а извещения семьям о погибших в боях не высылаются.

Зачастую без всякой проверки некоторые бойцы зачисляются в списки дезертиров, убитых и пропавших без вести».

Армией командовал генерал К.Д. Голубев, страна должна знать своих «героев».

Лишь 4 февраля 1944 года было введено «Наставление по учету личного состава (в военное время)», которое, в частности, впервые в советской истории предписывало устанавливать на захоронениях военнослужащих памятники и даже «с указаниями воинских званий, фамилий, имен и отчеств погибших, а также даты их гибели». Однако и год спустя в приказе наркома обороны отмечалось, что «военные советы фронтов, армий и округов не уделяют должного внимания этому важному вопросу». Только в Белоруссии, где «братски» захоронено более миллиона солдат и офицеров, фамилии на памятнике удостоился один из пяти. За два первых послевоенных года Управление по учету потерь сержантского и рядового состава оформило около двух миллионов извещений о погибших и пропавших без вести солдатах и офицерах на основе переписки с родственниками, воинскими частями и госпиталями. Но ведь и сегодня, шестьдесят лет спустя, останки солдат той войны находят десятками и сотнями.

По этой причине большинство исследователей, не приписанных к официальным ведомствам, обоснованно считают, что приведенные цифры потерь нужно умножать на коэффициент 1,5—2.

Командование 2-го Прибалтийского фронта предусматривало вначале разгромить вражескую группировку севернее Невеля, а затем наступлением войск левого крыла на Идрицу и севернее Новосokolьников перерезать рокадные дороги, ведущие из этих пунктов на север и юг, сковать главные силы 16-й армии и не допустить переброски ее соединений под Ленинград и Новгород. В последующем предполагалось развернуть наступление в направлениях Опочки и Себежа.

Однако здесь подготовка к наступлению проводилась поспешно и носила все признаки, по-сталински выражаясь, «огульного наступления». Немногочисленного врага предполагалось просто задавить количеством.

Буквально накануне, 8 января, закончилась фронтовая операция силами 3-й ударной и 6-й гвардейской армий по ликвидации «невельской бутылки» и преследованию про-

тивника на новосокольническом направлении. Войска понесли потери и крепко завязли в лесисто-болотистой и озерной местности на юго-востоке Псковской области. Тем не менее перед 3-й ударной была поставлена задача прорваться через Пустошку к Опочке; готовность к новому наступлению устанавливалась на 9 января. Левее выдвигалась переданная из состава Западного фронта 10-я гвардейская армия под командованием генерал-лейтенанта А.В. Сухомлина. Ей предстояло прорвать оборону противника в межозерном дефиле Неведро—Гусино, а затем наступать на Зилупе, обходя Идрицу с юга и юго-запада. Поскольку армия еще находилась на марше, ее предполагалось вводить в действие по частям, по мере подхода дивизий. Таким образом, войска генерала Сухомлина должны были наносить удар на незнакомой местности, без знания обстановки, системы обороны противника, не отработав систему взаимодействия стрелковых и артиллерийских частей — все в «лучших традициях» 1941—1942 годов. 22-я армия генерал-лейтенанта В.А. Юшкевича по плану, обходя Новосокольники с севера, выходила к Насве, Мамаево. На правом крыле фронта предполагалось начать отвлекающие действия на сутки раньше главного удара.

Немецкая разведка четко отслеживала, а германское командование с достаточной степенью достоверности прогнозировало намерения противника. Оценивая положение в полосе группы армий «Север», в начале декабря 1943 года оно отмечало, что «давно обнаруженные приготовления к наступлению Волховского и Ленинградского фронтов, по-видимому, планомерно продолжаются... В качестве предполагаемых районов наступления в настоящее время наиболее ясно выделяются новгород-волховский плацдарм и районы южнее Ленинграда, Ораниенбаума». Предполагалось, что советские войска будут стремиться как можно раньше преградить 18-й армии путь отхода в прибалтийские районы, овладеть городами Луга, Псков, Красногвардейск (Гатчина), Нарва. Поэтому немцы уделяли особое внимание совершенствованию оборонительных рубежей именно на направлениях предполагаемых главных ударов советских войск.

В связи с этим несколько нелепо выглядит заявление маршала К.А. Мерецкова: «Теперь не враг, а мы диктовали свою волю: наступали там, где хотелось нам; точно опреде-

ляли сроки и масштабы сражений». Сколько за войну определялось этих «сроков» и устанавливалось «масштабов»? А пока красноармейцам вновь, в который раз, предстояло прогрызать глубокоэшелонированную оборону, уповая на свое численное превосходство.

Войска трех фронтов, выделенные для проведения операции, насчитывали 1 252 000 человек, 20 183 орудия и миномета, 1580 танков и САУ, 1386 боевых самолетов.

Фельдмаршал Кюхлер мог им противопоставить 741 000 человек, 10 070 орудий и минометов, 385 танков и штурмовых орудий, 370 самолетов.

Против 18-й армии действовали 716 000 советских солдат и офицеров, 12 165 орудий и минометов (без учета зенитной и реактивной артиллерии), 1132 танка и самоходки. Генерал Линдемман имел до 4500 орудий и минометов, до 200 танков и штурмовых орудий, около 168 000 человек. Правоверный нацист, он явно недооценивал мощь предполагаемого советского наступления и переоценил способность своих дивизий, пять из которых были полевыми дивизиями Люфтваффе, малопригодными для боевых действий. Таким образом, войска Говорова и Мерецкова превосходили противника по численности личного состава и артиллерии втрое, а по танкам в шесть раз.

Достаточно четко представляя назревающую ситуацию, фон Кюхлер обратился к Гитлеру с просьбой разрешить снять блокаду Ленинграда и отступить на запад к линии «Пантера» до того, как советское командование предпримет против 18-й армии очередную массированную атаку. Такая передислокация могла бы сократить протяженность оборонительных рубежей на 200 км. Но, когда фюрер вызвал к себе Линдемманна, последний уверенно заявил, что его армия в состоянии выдержать любой удар русских. Гитлер, услышавший именно то, что хотел, поверил генералу и отказался выполнить просьбу фельдмаршала. Его армиям оставалось только стоять насмерть и надеяться на прочность Северного вала.

Выдвижение советских войск в исходные районы для наступления осуществлялось в течение трех-четырех ночей до начала операции с соблюдением строгих мер маскировки.

Первыми выступили войска 2-го Прибалтийского фронта. 11 января начались частные наступательные операции

его правого крыла. На другой день после тридцатиминутной артподготовки перешли в наступление армии левого крыла — главные силы фронта. 12 января соединения 3-й ударной армии генерал-полковника Н.Е. Чибисова и 10-й гвардейской атаквали противника юго-западнее Новосокольников, через двое суток армия генерала В.А. Юшкевича нанесла удар севернее города. В этот же день на правом фланге 1-я ударная армия начала наступление южнее Старой Руссы.

14 января в наступление перешли войска генерала Говорова — 30 стрелковых дивизий, 3 стрелковые и 4 танковые бригады, 3 укрепленных района, насчитывавших 417 000 человек. Со стороны противника перед Ленинградским фронтом действовали 8 пехотных, 2 авиаполевые, 1 моторизованная дивизия и 1 моторизованная бригада.

Несмотря на сложные метеорологические условия, в ночь перед наступлением в воздух поднялись бомбардировщики АДД. 109 самолетов нанесли бомбовый удар по вражеским войскам и дальнобойной артиллерии в районе поселка Беззаботный, к северу от Красного Села. Утром заговорила советская артиллерия.

Атака частей 2-й ударной армии генерала И.И. Федюнинского началась в 10.40 при поддержке морской авиации, огня кронштадтских фортов и кораблей флота. Главный удар в 10-километровой полосе под звуки духового оркестра наносили шесть стрелковых дивизий, усиленные танками сопровождения. Командование 3-го корпуса СС, оборонявшегося в полосе наступления армии, преодолев замешательство, сумело наладить управление войсками и организовать сопротивление. Корпусом в составе 11-й панцергренадерской дивизии «Нордланд», пехотной дивизии СС и почти бесполезных 9-й и 10-й авиаполевых дивизий командовал Феликс Штейнер. Из неподдавленных огневых точек немцы обрушили на атакующих шквал огня, предприняли несколько контратак силами подошедших резервов. Завязались ожесточенные бои за каждый метр. За один день 15 января войска Федюнинского отразили до 30 контратак. Лишь на третьи сутки, введя в бой армейский танковый резерв и части второго эшелона, при поддержке авиации советским войскам удалось завершить прорыв главной полосы обороны и расширить его до 23 км по фронту. Овладев ключевыми узлами дорог в районе Гостилицы, Дятли-

цы, стрелковые соединения первого эшелона пробились на глубину 8—10 км и устремились к Ропше.

Наступление 42-й армии генерала И.И. Масленникова началось 15 января. Но так как главная полоса обороны противника была насыщена множеством долговременных сооружений, для разрушения которых требовались большие усилия, тяжелая артиллерия открыла огонь по ним на сутки раньше. В день наступления с 9.20 до 11 часов была проведена артиллерийская подготовка. За это время по немецким позициям было выпущено более 220 тысяч снарядов и мин. Расчищая путь атакующим войскам, штурмовики 13-й воздушной армии генерала С.Д. Рыбальченко непрерывно наносили удары по противнику в тактической зоне, бомбардировочная авиация — по войскам в глубине обороны. Истребители прикрывали их действия и наступление сухопутных войск.

Немцы, опираясь на мощный оборонительный рубеж, оказали яростное сопротивление. В первый день войска генерала Масленникова продвинулись на 1,5—4,5 км. Только к исходу 17 января после ввода в сражение подвижной группы в составе двух усиленных танковых бригад они прорвали главную полосу обороны 50-го армейского корпуса, продвинулись до 10 км и вклинились во вторую полосу. Появилась возможность развивать наступление в направлении Ропши.

В этот день немецкое командование, предвидя окружение своих войск, действовавших в районах Красного Села, Ропши и Урицка, начало их отвод в южном направлении. При отходе противник оказывал упорное сопротивление. Не считаясь с потерями, он с ходу бросал в бой резервы, массировал удары артиллерии и авиации на местах прорыва советских войск, стремился непременно задержать их наступление. Израсходовав за первые два дня боев не только тактические, но и свой оперативный резерв — 61-ю пехотную дивизию, Линдеман перебросил в полосу наступления 42-й армии из-под Мги, Чудова и других участков фронта три пехотные дивизии и строительные части.

Следовало как можно скорее сломить сопротивление противника и не дать ему возможности выскользнуть из уже наметившегося котла. С этой целью в сражение были введены вторые эшелоны и подвижная группа армии, включавшая две усиленные танковые бригады. Особо ожесточенные

бои разгорелись на подступах к Красному Селу за сильный узел сопротивления Воронью гору.

Наконец, утром 19 января 42-я армия овладела Красным Селом, а 2-я ударная — Ропшей. Подвижные группы обеих армий устремились навстречу друг другу и к исходу дня соединились в районе Русско-Высокое, замкнув кольцо вокруг красносельско-ропшинской группировки. Однако плотного фронта окружения создать не удалось. Всю ночь 20 января немцы мелкими группами просачивались в южном направлении. Остатки группировки были уничтожены на следующий день.

В итоге войска 2-й ударной и 42-й армий продвинулись на глубину более 25 км и образовали общий фронт наступления. Это позволило улучшить управление войсками и их снабжение, расширились возможности маневра силами и средствами, создались условия для развития наступления на кингисеппском и лужском направлениях. 9-я и 10-я авиационные дивизии были полностью разгромлены, еще пять понесли тяжелые потери. Противник, по советским данным, потерял 21 тысячу человек убитыми и пленными. Среди трофеев оказались 85 тяжелых орудий (калибра от 150 до 400 мм), которые вели обстрел Ленинграда.

Не менее напряженно развивались события под Новгородом.

Здесь войскам Волховского фронта — 22 стрелковые дивизии, 6 стрелковых, 4 танковых бригады, 2 укрепрайона, всего 260 000 человек — противостояли 3 авиационные, 6 пехотных дивизий и 2 пехотные бригады из состава 18-й армии. 79 расчетных батальонов располагались за несколькими рубежами глубоко рассредоточенной обороны и опирались на ряд мощных узлов сопротивления, среди которых особенно выделялись Мга, Тосно, Любань, Чудово, Новгород. Наибольшая плотность обороны была на новгородском и чудовском направлениях. За передним краем главной оборонительной полосы, протянувшейся вдоль шоссе Новгород—Чудово, шла вторая полоса, по реке Кресть, а между ними разместились отсечные рубежи, запиравшие выходы из лесисто-болотистых дефиле. Непосредственные подходы к Новгороду с востока прикрывали три линии укреплений. Глубина главной оборонительной полосы составляла шесть километров. Внутренний пояс укреплений

проходил по древнему городскому валу, причем использовались каменные здания, приспособленные к длительному сопротивлению.

Замысел предстоящей операции заключался в нанесении силами 59-й армии двух ударов: главного — с плацдарма на реке Волхов и вспомогательного силами двух стрелковых дивизий и одной бригады — из района юго-восточнее Новгорода через озеро Ильмень по сходящимся направлениям на Люболяды с целью окружить и уничтожить наиболее сильную новгородскую группировку противника и освободить Новгород. В последующем, развивая наступление в западном и юго-западном направлениях, 59-я армия должна была овладеть городом Луга, отрезать пути отхода немецким войскам в сторону Пскова и во взаимодействии с другими армиями Волховского и Ленинградского фронтов завершить разгром главных сил 18-й армии. Войска 8-й и 54-й армий должны были сковать противостоящие им силы противника и не допустить переброски их к Новгороду, а затем перейти в наступление в общем направлении на Лугу.

«Точно определяя сроки и масштабы», рассчитывали в первые шесть дней освободить Новгород и его окрестности, на десятые сутки — дойти до восточного изгиба реки Луга, еще через десять дней — развернуть главные силы на юго-запад и, преследуя противника в направлении Псков и Остров, на его плечах ворваться в Прибалтику. При этом одну армию собирались перебросить по Чудскому озеру для удара на Тарту.

Для нанесения мощного таранного удара Мерецков сосредоточил на левом фланге более половины сил Волховского фронта. В состав 59-й армии генерал-лейтенанта И.Т. Коровникова вошли 9 стрелковых дивизий, 1 стрелковая бригада, 150-й укрепленный район и средства усиления. Оперативная плотность достигала не более 4 км на дивизию, артиллерии имелось маловато, всего 100 стволов на километр фронта. Позади разместился резерв — 7-й стрелковый корпус и отдельная танковая бригада.

В результате в полосе 59-й армии было достигнуто превосходство над противником в пехоте — в 3,3, артиллерии — в 3,5 и танках — в 11 раз. Советская авиация господствовала в воздухе.

У немцев в обороне сидели части 38-го стрелкового корпуса, имевшие 18 орудий и минометов на километр. На за-

падном берегу Ильменя позиции занимали отдельные подразделения «литовских и эстонских фашистов».

Наступление войск 59-й армии началось 14 января. Из-за плохой погоды авиация 14-й воздушной армии подняться в воздух не смогла. Снегопад и метель затрудняли прицельный огонь артиллерии, проводившей 110-минутную артподготовку. Большая часть опорных пунктов и артиллерийских батарей противника остались неподавленными. Танки застряли в болоте: внезапная оттепель, необычная для января, превратила поросшие кустами кочковатые ледяные поля в грязное месиво. Немцы оказали упорное сопротивление, атакующие части были встречены сильным огнем. Главные силы 59-й армии, наступавшие с плацдарма, в первый день вклинились в оборону немецких войск лишь на 600—1000 м.

Более успешно в этот день развивалось наступление на вспомогательном направлении южнее Новгорода, где части 58-й отдельной стрелковой бригады, усиленные двумя аэросанными батальонами, под командованием генерал-майора Т.А. Свиклина в ночь на 14 января переправились по неокрепшему льду через озеро Ильмень и внезапной ночной атакой овладели рядом опорных пунктов противника. К исходу дня они расширили захваченный плацдарм до 6 км по фронту и до 4 км в глубину.

15 января для развития успеха на вспомогательном направлении генерал Коровников ввел в сражение стрелковую дивизию и батальон броневых автомобилей. За счет свежих соединений наращивалась сила удара и на главном направлении. Здесь в бой были брошены еще одна стрелковая дивизия, две танковые бригады и самоходно-артиллерийский полк. К исходу 16 января войска армии прорвали главную полосу вражеской обороны севернее Новгорода и перехватили дорогу Чудово—Новгород, а южнее города отрезали дорогу Новгород—Шимск. За три дня упорных боев на направлении главного удара прорыв был расширен до 20 км по фронту и до 8 км в глубину. Над новгородской группировкой германских войск нависла угроза окружения.

В этот день на любанском направлении перешли в наступление войска 54-й армии генерал-лейтенанта С.В. Рогинского, которые затруднили противнику начатую им переброску сил из районов Мги и Чудово к месту прорыва.

Маневрируя силами, фельдмаршал Кюхлер подтянул к

месту прорыва соединения с других участков фронта. Севернее и южнее Новгорода появились части 24, 21, 290, 8-й пехотных дивизий, отдельные кавалерийские и строительные подразделения. Противник непрерывно контратаковал, стремясь не допустить соединения северной и южной групп 59-й армии.

Наступление развивалось медленно и гяжело. Лесисто-болотистая местность, бездорожье, начавшаяся оттепель и возросшее сопротивление врага требовали предельного напряжения моральных и физических сил. Солдаты на себе тащили орудия, минометы, боеприпасы. Основная тяжесть боев легла на плечи пехотинцев. Артиллерия и танки часто отставали, авиации 14-й воздушной армии из-за плохой погоды пришлось ограничить боевую деятельность.

18 января в сражение был введен второй эшелон 59-й армии, имевший задачу наступать от Подберезья на запад и во взаимодействии с армией генерала Рогинского разгромить любанско-чудовскую группировку противника.

В тяжелых боях войска Коровникова сломали сопротивление врага, перерезали все шоссейные и железные дороги, идущие от Новгорода, и утром 20 января овладели городом. В это же время северная и южная группы войск соединились в районе Горынева, завершив окружение не успевших отойти разрозненных частей новгородской группировки противника и совместно с 7-м стрелковым корпусом, введенным в бой из фронтового резерва, уничтожили их. Немецкие войска оставили на поле боя до 15 тысяч убитыми, 3200 солдат и офицеров были взяты в плен.

19 января Москва салютовала войскам Ленинградского фронта, 20-го — Волховского.

Разгром фланговых группировок 18-й армии и явная угроза окружения ее соединений в центре оперативного построения вынудило Кюхлера отдать приказ об отходе армии из района Мга, Тосно. В ночь на 21 января, прикрываясь сильными арьергардами и инженерными заграждениями, немцы начали отступление. 67-я армия генерал-лейтенанта В.П. Свиридова и 8-я армия генерал-лейтенанта Ф.Н. Старикова, действовавшие на стыке фронтов, немедленно начали преследование.

На этом закончилась первая фаза операции.

Действия 2-го Прибалтийского фронта, несомненно, способствовали успешному выполнению ближайших задач

войсками Ленинградского и Волховского фронтов, однако из собственных задач армии Попова не выполнили ни одной.

Так, 10-я гвардейская за шесть суток непрерывных боев продвинулась всего на 6—8 км. В состав армии входили 9 стрелковых дивизий, 27-я артиллерийская дивизия, 27-я гвардейская минометная бригада, три отдельных танковых и два артиллерийских полка. С немецкой стороны на участке прорыва оборонялся один полк 132-й пехотной дивизии и два отдельных штрафных батальона, поддерживаемых семью артиллерийскими батареями. Относительно небольшая плотность германский войск компенсировалась выгодными условиями обороны и бестолковостью организации у наступающей стороны (правда, историографы 10-й гвардейской жалуются также на недостаток артиллерии!). Генерал армии М.И. Казаков вспоминал:

«В полосе наступления у гитлеровцев не существовало сплошного фронта. Оборона состояла из отдельных опорных пунктов и узлов сопротивления. Войска же прорывали ее как сплошной рубеж. Поэтому уже при артподготовке большое количество снарядов пришлось по пустому месту. Затем пехота атаковала никем не занятые промежутки и попадала под фланговый огонь вражеских опорных пунктов».

Армия вводилась в бой поэшелонно на незнакомой местности, причем второй эшелон — ночью, части и подразделения сбивались с заданных направлений, теряли связь со штабами и соседями. Взаимодействие с артиллерией отсутствовало, от танков в болотах проку было немного. К тому же начавшаяся оттепель окончательно испортила дороги, ослабила ледяной покров многочисленных болот и озер, еще более затруднив маневр. А пехота — в валенках. Стоило немцам 16 января дополнительно подтянуть к этому участку 263-ю пехотную дивизию, и наступление гвардейцев окончательно выдохлось.

Не лучше дела шли и в 3-й ударной — 5 стрелковых дивизий, 3 стрелковые, 1 танковая бригада, — продвигавшейся со скоростью 2—3 км в сутки.

Девять дней не стихали бои в районе Новосокольников. Две армии — 6-я гвардейская, 22-я общевойсковая — безуспешно бились о несокрушимую оборону 43-го армейского корпуса.

В итоге на южном фланге фронт Попова не достиг тер-

риториальных успехов. В центре удалось овладеть станцией Насва, перерезав рокадную дорогу Новосokolьники—Дно. На северном крыле 1-я ударная армия не продвинулась ни на шаг. Тем не менее активность 2-го Прибалтийского фронта вынудила командование группы армий «Север» ввести в бой три дивизии из своего резерва, а также позволила сковать основные силы 16-й германской армии. Идрица и Новосokolьники оставались неприступными.

20 января Сталин, выразив Попову свое недовольство действиями фронта, рекомендовал сместить генерала Сухомлина, разрешил прекратить зашедшее в тупик наступление на идрицком направлении и произвести перегруппировку сил. На этот раз командующий 2-м Прибалтийским фронтом решил сконцентрировать усилия 22-й и 10-й гвардейской армий в одном районе — Насва, Новосokolьники. В связи с этим 10-й гвардейской предстояло переместиться на 50—70 км на север и занять позиции правее 6-й гвардейской армии. Для маскировки передвижения соединений с фланга к центру фронта дивизии первого эшелона армии оставили на месте и включили их в состав 3-й ударной. Вместо них в 10-ю гвардейскую передали гвардейские дивизии из других армий. Теперь силами трех армий планировалось разгромить новосokolьническую группировку противника и, обойдя с севера Пустошку и Идрицу, развивать наступление на Опочку. Начать намечали 30 января.

22 января Ставка Верховного Главнокомандования утвердила соображения на дальнейшее ведение операции Военного совета Ленинградского фронта. Учитывая начавшийся отход войск противника с мгинского участка и переброску части их в район Красногвардейска и Волосова, командование фронта решило захватить в первую очередь Красногвардейск, освободить участок Октябрьской железной дороги до Тосно, отрезать пути отхода любанско-тосненской группировке противника и уничтожить ее во взаимодействии с войсками Волховского фронта; после этого главный удар развивать в юго-западном направлении на Кингисепп, Нарву, а вспомогательный — на Сиверский, охватывая левый фланг 18-й армии и лишая его выхода на нарвское направление.

Войска 2-й ударной армии, развивая наступление на кингисеппском направлении, 27 января ночным штурмом овладели станцией Волосово на железной дороге

Кингисепп—Красногвардейск. Наиболее трудная задача стояла перед 42-й и 67-й армиями. На их пути находились такие мощные узлы сопротивления, как города Пушкин, Слуцк (Павловск), Красногвардейск, Мга и другие. Совершив глубокий обход Пушкина и Слуцка, соединения генерала Масленникова утром 24 января одновременной атакой с фронта и тыла освободили эти города.

Упорные бои разгорелись за Красногвардейск. В ночь на 26 января начался штурм города. Выбивая противника из подвалов и чердаков каменных домов, бойцы освобождали квартал за кварталом. К утру город был взят.

Главной целью для Волховского фронта становился город Луга — важный узел коммуникаций в тылу 18-й армии. Ставка требовала войсками левого крыла не позднее 29—30 января освободить город, выйти на рубеж Луга — Сольцы и во взаимодействии с войсками Говорова окружить и уничтожить лужскую группировку противника. С целью улучшения управления войсками 25 февраля на лужское направление было переброшено полевое управление 8-й армии, которое возглавило два стрелковых корпуса, переданные из 59-й армии. Таким образом, 8-я армия в новом составе из крайне правой превратилась теперь в левофланговую и повела наступление на станцию Передольскую.

Бывшие соединения генерала Старикова были переподчинены 54-й армии, которой на правом крыле предстояло не позднее 23—24 января взять Любань и содействовать войскам Ленинградского фронта в овладении Тосно и выдвижении к Сиверскому. 26 января войска 54-й армии освободили Тосно, а затем Любань и Чудово. Октябрьская железная дорога была освобождена на всем ее протяжении. Главные силы генерала Рогинского также устремились к Луге.

В то же время 59-я армия, развернув наступление на Батецкий и Лугу, сломала сопротивление противника, пытавшегося удержать линию железной дороги Оредеж—Дно, по которой должна была отходить оказавшаяся под угрозой окружения любанско-чудовская группировка. К концу дня 26 января войска генерала Коровникова вышли к верховьям Луги, захватили плацдарм на ее западном берегу, на участке севернее станции Передольская перерезали железную дорогу Ленинград—Дно. 27 января 8-я армия вошла в освобожденную 5-й партизанской бригадой Передольскую.

С освобождением городов Пушкин, Красногвардейск, Любань, Чудово и Октябрьской железной дороги блокада Ленинграда была полностью ликвидирована. Закончилась беспримерная в истории эпопея защиты города, выдержавшего 900-дневную осаду.

К 30 января войска Говорова и Мерецкова взломали оборону 18-й армии на 300-километровом фронте, с боями продвинулись на 60—100 км, вышли к вражескому оборонительному рубежу по реке Луга и перерезали важнейшие коммуникации противника. Видя реальную угрозу окружения остатков 18-й армии, потери которой достигли 31 000 (в том числе 14 000 убитыми), командующий группой армий «Север» начал отвод их в западном и юго-западном направлениях.

Надежды на удержание Северного вала безвозвратно рухнули. Гитлер одобрил приказ Кюхлера от 30 января, но на следующий день вызвал фельдмаршала к себе в Ставку и отстранил его от командования без привлечения к дальнейшей работе. Новым командующим группой армий «Север» 31 января был назначен генерал Вальтер Модель — «пожарный» Гитлера. Перед войсками ставилась задача остановить наступление Ленинградского и Волховского фронтов на оборонительном рубеже по реке Луга, сохранить за собой железную и шоссейную дороги Луга—Псков, необходимые для отвода соединений 18-й армии на тыловой оборонительный рубеж «Пантера». На лужский рубеж перебрасывались моторизованная и 12-я танковая дивизии из группы армий «Центр», пехотная дивизия — из 16-й армии.

Немцы не дали себя окружить и сумели отвести за Лугу разбитые соединения 18-й армии. Создав сильную группировку, они оказывали упорное сопротивление советским войскам.

30 января на ряде участков 2-го Прибалтийского фронта была проведена разведка боем крупными силами. А на следующий день войска генерала Попова перешли в наступление в направлении Новосокольникови — Опочка.

Вновь приходилось наступать в очень трудных условиях, по сильно пересеченной местности с толстым снежным покровом, изрезанной многочисленными балками, заполненными водой. Высоты и подступы к ним были покрыты лесом и кустарниками. Для танков такая местность была

почти непроходимой, и вся тяжесть наступления вновь легла на плечи пехоты. И вновь надеялись задавить противника количеством.

Главный удар южнее шоссе Новосокольники—Маево наносила значительно усиленная 10-я гвардейская армия. В ее состав теперь входили 14 стрелковых дивизий, сведенных в пять корпусов, 29-я и 78-я танковые бригады, 5 отдельных танковых полков, 2-й артиллерийский корпус, 6-я гвардейская истребительно-противотанковая бригада, 21-я гвардейская минометная бригада М-30 и 4 отдельных полка реактивной артиллерии.

Участок предполагаемого прорыва занимал по фронту всего 7,5 км. В этих границах стрелковым дивизиям 15-го и 7-го гвардейских корпусов нарезались полосы шириной в 1200—1300 м. А 19-й гвардейский корпус, наступавший на левом фланге армии, получал на дивизию всего по 600—800 м. Первый эшелон усиливался за счет отдельных танковых полков. Позади 7-го корпуса располагался 100-й гвардейский, предназначенный для развития успеха. 96-й стрелковый корпус наносил вспомогательный удар на правом фланге.

В этой полосе с немецкой стороны оборону занимали части 83-й и 23-й пехотных дивизий, а также 14-й штрафной и сводный строительный батальоны. Глубина первой полосы равнялась 4—6 км. Вторая проходила севернее железной дороги Новосокольники—Маево. Оборона состояла из хорошо организованной системы узлов сопротивления, основой которых являлись населенные пункты и господствующие высоты. Насыщенность ее огневыми средствами не превышала, однако, 15—20 пулеметов и 12—15 орудий и минометов на километр фронта. Оперативных резервов противника в непосредственной близости советская разведка не обнаружила.

Впрочем, ввиду краткости отведенного на подготовку времени штаб армии располагал довольно скудными данными о противнике: были известны общее начертание переднего края, расположение небольшого количества пулеметных точек и некоторые районы расположения артиллерийских батарей. Поэтому лишь 30 процентов советской артиллерии выделялось для подавления конкретных огневых точек. Основная масса артиллерии должна была пода-

влять районы целей в период артподготовки и сопровождения атаки.

Таким образом, 10-я гвардейская армия, командование которой принял генерал-лейтенант М.И. Казаков, имела абсолютное превосходство над врагом как в огневых средствах, так и в ударной силе. Только в первом эшелоне армии действовало шесть дивизий, а плотность артиллерийской группировки достигала 180 стволов на километр фронта. Специально сформированная контрбатарейная группа насчитывала до 200 орудий калибра 122 и 152 мм.

Левее армия генерала Чистякова наносила удар на Маево.

Тем не менее наступление развивалось крайне медленно. Войска продвигались вперед по два, иногда по одному километру в день. Наибольших успехов добился 15-й гвардейский корпус генерала Н.Г. Хоруженко. В первые сутки он продвинулся на глубину 6 км, к исходу третьего дня операции достиг второй оборонительной полосы. Однако левофланговые 7-й и 19-й гвардейские корпуса сильно отставали, отчасти потому, что попытка соседей 6-й гвардейской армии прорвать оборону противника провалилась. Чтобы не попасть под фланговый удар, вместо наступления всеми силами строго на север генералу Казакову часть дивизий приходилось разворачивать фронтом на запад. Уже 1 февраля в бой пришлось бросить дивизии второго эшелона и танковые бригады, в ночь на 5 февраля в сражение был введен 100-й стрелковый корпус.

Наконец, 29-я гвардейская дивизия совершила рывок навстречу правому соседу и 7 февраля соединилась с передовыми частями 22-й армии в районе совхоза Минькино, после чего немцы поспешно очистили новосокольнический выступ. С 8 февраля войска 10-й гвардейской армии по указанию командующего фронтом начали перегруппировку к рубежу Шетьково, чтобы продолжить наступление в северо-западном направлении. Утром 11 февраля гвардейцы атаковали противника и овладели опорными пунктами первой линии. В последующие два дня были освобождены Струги, Вешня, Иваново. Дальнейшего развития наступление не имело.

Таким образом, продвинувшись на 15—20 км и освободив город Новосокольники, центр 2-го Прибалтийского фронта к середине февраля вышел на рубеж Насва—Маево.

До Опочки оставалось еще 70 км. Немцы к этому времени перебросили в район прорыва дополнительно части 290-й и 205-й пехотных дивизий, отдельные пехотные и строительные батальоны и организованным огнем на заблаговременно подготовленных рубежах остановили продвижение советских войск.

В начале февраля южнее Старой Руссы вновь перешла в наступление 1-я ударная армия и вновь без особого успеха. 16-я германская армия прочно удерживала свои позиции.

Основные усилия войск Ленинградского и Волховского фронтов в начале февраля направлялись на преодоление лужского оборонительного рубежа.

Армии генерала Говорова развивали наступление на трех направлениях: 2-я ударная — на Кингисепп, Нарву, 42-я — на Гдов и Струги Красные, 67-я — на Лугу с севера. Действовать приходилось в тяжелых условиях бездорожья. Противник при отходе разрушал мосты, взрывал лед на реках и болотах, устраивал лесные завалы, минировал дороги, оставлял в населенных пунктах большое количество мин-ловушек. Тем не менее наступление советских войск развивалось успешно. Соединения 2-й ударной армии при поддержке авиации Балтийского флота форсировали Лугу южнее Кингисеппа и 1 февраля в результате умелого обходного маневра и ночного штурма овладели городом. Преследуя отходящего противника, они 3 февраля форсировали реку Нарва, захватили на ее левом берегу плацдармы и начали бои за их расширение. Советские войска вступили, таким образом, на территорию Эстонии.

42-я армия переправилась через Лугу, 4 февраля вступила в освобожденный партизанами Гдов, к середине месяца вышла к Чудскому озеру и к Стругам Красным. Соединения 67-й армии, развивая удар на город Луга, к исходу 8 февраля охватили лужскую группировку противника с запада и севера.

54-я армия Волховского фронта 8 февраля овладела Ордежем, на следующий день ее полевое управление было переброшено на левый фланг фронта.

59-я армия наступала на Лугу с востока, а 8-я армия обходила город с юго-востока, частью сил обеспечивая ударную группировку фронта со стороны Шимска.

Напряженные бои развернулись за коммуникации к югу и востоку от города Луга и за овладение этим важным узлом

сопротивления. Противник всемерно усиливал это направление за счет резервов и войск, отходивших из-под Ленинграда. Наступать приходилось по лесам и топям, зачастую вне дорог. Войска оторвались от баз снабжения; остро ощущался недостаток боеприпасов, горючего и продовольствия, не хватало автотранспорта. Танковые и самоходно-артиллерийские части понесли значительные потери и не могли оказать существенной помощи стрелковым войскам. Все это отрицательно сказалось на темпах наступления. Лишь к исходу 12 февраля армия Коровникова вышла во всей полосе к реке Луга. Частью сил она продолжала продвигаться к городу Луга, а остальными начала наступление в южном направлении.

8-я армия наносила удар в направлении Уторгош — Струги Красные, отрезая пути отхода 18-й армии. Чтобы сохранить единственную коммуникацию для отвода лужской группировки, немцы создали на стыке своих 18-й и 16-й армий оперативную группу войск генерала Ганса Фриснера, подчинявшуюся непосредственно Моделю. Фриснер, воспользовавшись пассивностью правого крыла 2-го Прибалтийского фронта, получил из 16-й армии 121-ю пехотную дивизию и, бросив ей навстречу 12-ю танковую и 285-ю охранную дивизии, нанес по войскам Старикова контрудар по сходящимся направлениям от Луги на юго-восток и от Уторгоша на северо-запад. Этим маневром немцам удалось отрезать от главных сил передовые соединения 7-го стрелкового корпуса. В окружении оказались 256-я и отдельные подразделения 372-й стрелковой дивизий, а также полк партизанской бригады. Командир 256-й стрелковой дивизии А.Г. Козиев организовал круговую оборону и двенадцать часов удерживал занимаемый район, пока туда не прорвались части 8-й и 59-й армий.

Опираясь на заранее подготовленный оборонительный рубеж по реке Мшага, противник сумел еще некоторое время удерживать в своих руках шоссе Луга—Псков и вывести по нему значительную часть войск из-под Луги. Город был освобожден лишь 12 февраля 67-й армией Ленинградского фронта при содействии 59-й армии Волховского фронта. К середине февраля войска полностью преодолели оборонительный рубеж по реке Луга.

В итоге напряженных боев с 31 января по 15 февраля войска Ленинградского и Волховского фронтов продви-

нулись на различных направлениях на 50—120 км, вышли на рубеж реки Нарва, севернее озера Псковское, Середка, Плюсса, Шимск.

15 февраля в связи с тем, что ширина полосы наступления значительно сократилась, Волховский фронт был расформирован. Его управление выводилось в резерв Ставки, армии передавались Ленинградскому фронту. При этом последовательно осуществлялись вывод управлений 59-й и 8-й армий в резерв фронта и переброска их на нарвское направление.

Еще один штрих. По признанию Мерецкова, ему очень не хотелось сдавать командование в тот момент, когда главные трудности, казалось, были преодолены и впереди маячило победоносное наступление: «...я даже кое-что прикидывал заранее, планируя, как волховчане приступят к освобождению Эстонии и Латвии, а возможно, и Белоруссии». Правда, при этом маршал не вспоминает, что все «точно установленные сроки» уже вышли. Видимо, о лаврах победителя группы армий «Север» мечталось и Говорову, поскольку, как сообщает генерал армии Штеменко, именно Говоров предложил расформировать Волховский фронт: «Он считал, что в интересах единства управления войсками на псковском направлении вся полоса Волховского фронта должна быть передана ему. Ставка с этим согласилась. Но, как оказалось впоследствии, это было ошибкой».

Потери Волховского фронта в ходе операции составили 50 300 человек убитыми и ранеными.

В пополненном составе войска Ленинградского фронта продолжали наступление на двух операционных направлениях — нарвском и псковском. Ставка 22 февраля поставила новые задачи. Армиям правого крыла предстояло освободить город Нарва и прорвать Нарвский укрепленный район. После этого одной из армий следовало наступать на Пярну, чтобы отрезать пути отхода таллинской группировки противника на юг, а двумя — в направлениях Вильянди, Валга и Тарту, Выру. Левое крыло фронта должно было продолжать безостановочное преследование противника на псковском и островском направлениях с целью не дать ему возможности отвести свои войска на тыловой оборонительный рубеж «Пантера» и организовать там жесткую оборону. Его главные усилия сосредоточивались на овладении районом Острова в обход Пскова и форсировании реки Великая, по-

сле чего предусматривалось развивать наступление в общем направлении на Ригу.

2-й Прибалтийский фронт еще 17 февраля получил задачу силами 3-й ударной и 10-й гвардейской армий прорвать немецкую оборону юго-восточнее Пустошки, захватить переправы через реку Великая севернее Идрицы, овладеть рубежом Опочка, Зилупе, а в дальнейшем ударом через Резекне и Карсаву во взаимодействии с войсками левого крыла Ленинградского фронта разгромить вражескую группировку в районе Острова. Таким образом, армия Казакова вновь переориентировалась на идрицкое направление. 1-й ударной и 22-й армиям предстояло в это время активными действиями сковать противостоящего противника.

Во второй половине февраля Ленинградский фронт силами 2-й ударной армии расширил плацдарм на западном берегу Нарвы до 35 км по фронту и до 15 км в глубину и создал благоприятные условия для развертывания наступления на территории Эстонии.

42-я и 67-я армии, преследуя противника, вышли к Пскову с севера и востока.

8-я и 54-я армии выбили врага с промежуточных позиций по рекам Мшага и Шелонь. После этого первая из них была выведена в резерв фронта и переброшена в район Нарвы, а вторая заняла Порхов и вышла на подступы к Острову. За 15 суток войска левого крыла фронта, преодолевая яростное сопротивление противника на заранее подготовленных оборонительных рубежах, продвинулись на 50—160 км и вышли к Псковско-Островскому укрепленному району. Однако с ходу прорвать его не смогли.

Успешное наступление Ленинградского фронта на псковско-островском направлении создало реальную угрозу выхода советских войск во фланг и тыл 16-й армии. Поэтому германское командование предприняло отступление на широком фронте.

Казалось, теперь наступили самые благоприятные условия для действий 2-го Прибалтийского фронта. Однако разведка фронта «проспала» отход противника. Соприкосновение с ним было утеряно. 18 февраля войска Попова заняли Старую Руссу, через три дня — Холм, 27 февраля — Пустошку. Запоздалое продвижение за уходящими немцами поме-

шало организовать энергичное преследование: противник отошел планомерно, вывел свою технику, живую силу и закрепился на заранее подготовленном рубеже восточнее Остров — Пушкинские Горы — Идрица. В конце февраля войска фронта подошли к этому рубежу, но здесь, на подступах к границе Латвии, были остановлены организованным огнем из окопов полного профиля, минными полями и проволочными заграждениями.

Судя по воспоминаниям генерала армии Сандалова, советское командование до этого и не подозревало о существовании в тылу группы «Север» мощного тылового рубежа обороны и серьезного сопротивления уже не ожидало: «Немецкое командование, как установили позже, не имело намерения глубоко отводить свои войска. Армии Ленинградского фронта, наступавшие на псковском и островском направлениях, вынуждены были вскоре приостановить наступление. Остановились и армии нашего фронта. Оказалось, что противник оттянул свои войска на заранее подготовленный оборонительный рубеж под названием «Пантера». В другом месте Сандалов специально акцентирует внимание на том, что «последними операциями Ленинградского и 2-го Прибалтийского фронтов были установлены важные для Ставки данные о том, что фашистское командование не имеет намерения отводить свои войска на юго-запад и запад. Оно остановило свою группу армий «Север» на заранее подготовленном оборонительном рубеже «Пантера».

Несмотря на значительное продвижение, войскам Ленинградского и 2-го Прибалтийского фронтов не удалось полностью выполнить поставленные задачи по развитию наступления в направлениях Валга, Выру, Рига и Карсава. Для прорыва Нарвского и Псковско-Островского укрепленных районов, а также оборонительного рубежа противника по линии Новоржев — Пустошка, по мнению советских мемуаристов, оказалось недостаточно сил. Лишь генерал Федюнинский признал: «Главной причиной неудачи явилось не столько сопротивление врага, сколько серьезные недостатки в организации наступления и управлении войсками со стороны штабов, командиров всех степеней, и прежде всего командарма и командиров корпусов. Немалую роль сыграли также наше благодушие и обольщение успехами боев до выхода к реке Нарве».

В первых числах марта войска обоих фронтов закрепились на достигнутых рубежах и приступили к подготовке новых операций.

Таким образом наступательная операция Ленинградского, Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов завершилась успехом, имевшим важное военно-политическое значение. В ходе ее войска, взломав оборону врага на фронте до 600 км, отбросили его на 220—280 км от Ленинграда, а южнее озера Ильмень продвинулись на запад до 180 км, освободив почти всю Ленинградскую и часть Калининской областей, вновь вступили на землю Эстонии.

Наступление советских войск на северо-западном направлении лишило немецкое командование возможности использовать силы группы армий «Север» для переброски на юг, где Красная Армия наносила главный удар зимней кампании.

Однако, хотя группа армий «Север» потерпела тяжелое поражение, разгромлена она не была.

«Результатом Первого сталинского удара было: полное освобождение Ленинградской области и важнейшей ж.-д. магистрали Ленинград—Москва; сокрушение всего северного стратегического фланга немецких армий. Советские войска разгромили главные силы немецкой группы армий «Север»; были созданы выгодные условия для последующего наступления в Прибалтике и Белоруссии».

О ТОМ, ЧТО НЕ СБЫЛОСЬ

Вышеописанные события в советской и российской военной истории получили ярлычок: «Ленинградско-Новгородская стратегическая наступательная операция». При внимательном рассмотрении возникают как минимум три вопроса.

Во-первых, потери.

Наинейшее статистическое исследование, изданное под патронажем Российского Генерального штаба, сообщает, что советские потери за 48 суток операции — с 14 января по 1 марта 1944 года — составили 313 953 человека убитыми и ранеными, 462 танка, 1832 орудия и миномета; 260 боевых самолетов. Однако потери 2-го Прибалтийского фронта подсчитаны только за последние 19 дней операции, то

есть начиная с 10 февраля (фактически за тот период, когда фронт потерял боевое соприкосновение с противником, осуществлявшим генеральное отступление). А ведь, если верить генералу армии Л.М. Сандалову (а почему бы не поверить бывшему начальнику штаба 2-го Прибалтийского фронта?), именно в первой половине января, к примеру, «особенно тяжело, со значительными потерями, наступали корпуса 10-й гвардейской армии». В середине февраля генерал М.М. Попов жаловался, что «во время только что проведенной операции мы израсходовали большую часть боеприпасов и горючего, численность личного состава в дивизиях уменьшилась до трех с половиной и даже до трех тысяч человек (*то есть почти вдвое*). Исправных танков и автомобилей осталось мало». Из наших же справочников следует: не было никакого наступления, не было и потерь.

В результате вырисовывается странная картина: Ленинградский фронт, успешно прорвав немецкую оборону и преследуя противника, потерял, по официальным данным, 227 440 человек. 2-й Прибалтийский в безрезультатных кровопролитных атаках — только 29 710 — почти в десять раз меньше.

Что-то мешает мне поверить в эту «латынь».

Во-вторых, не мелковаты ли масштабы для Первого сталинского удара?

Да, несомненно, Верховный хотел гораздо большего. Конечной целью наступления являлось полное «освобождение» Эстонии и большей части Латвии. В этом плане большое значение имели успешные действия двух Прибалтийских фронтов. Нанося удар смежными крыльями в стык групп армий «Центр» и «Север», они должны были изолировать и во взаимодействии с войсками Ленинградского фронта уничтожить группировку Кюхлера. Сознательно забыто, что при создании 1-го Прибалтийского фронта Ставка поставила его командованию однозначную задачу — развивать наступление в Прибалтику. Конечной целью этого наступления вдоль Западной Двины — через Витебск, Полоцк, Даугавпилс — должны были стать Рига и побережье Рижского залива. Однако сразу споткнулись уже на Витебске.

Операция фронта, которым командовал свежееиспеченный генерал армии И.Х. Баграмян, началась 13 декабря 1943 года. В ней приняли участие 4-я ударная, 11-я гвар-

дейская, 43-я и 39-я общевойсковые армии, 1-й и 5-й танковые, 3-й кавалерийский корпуса. Им противостояли 9-й, 53-й, 6-й армейские корпуса 3-й танковой армии генерала Рейнгардта — 8 пехотных и авиаполевых дивизий.

Замысел заключался в том, чтобы встречными ударами в направлении станция Бычиха войск 4-й ударной и 11-й гвардейской армий прорвать оборону немцев на флангах городокского выступа, окружить и уничтожить их группировку, а затем развивать удар на юг, овладеть Городком и Витебском. Левофланговой 39-й армии генерала Н.Э. Берзарина предстояло нанести удар с юго-востока.

Основная роль отводилась гвардейцам 11-й армии под командованием генерала К.Н. Галицкого, имевшей в своем составе 10 стрелковых дивизий и усиленной 1-м танковым корпусом. Ей же была придана и мощнейшая артиллерийская группировка — 21-я и 15-я артиллерийские дивизии прорыва, 8-я пушечная дивизия и более десяти артполков РГК, гвардейская минометная бригада и два минометных полка. На каждый километр участка прорыва приходилось 180 орудий и минометов. Дополнительно из 2-й гвардейской минометной дивизии и четырех отдельных полков была сформирована армейская группа реактивной артиллерии.

За 6—7 суток предполагалось продвинуться на 100 км, преодолевая 13—15 км в сутки.

Огневая обработка переднего края, начавшаяся в 9 часов утра, длилась почти два часа, затем огонь был перенесен в глубину. Вслед за двойным огневым валом двинулись пехота и танки. Действия авиации 3-й воздушной армии из-за нелетной погоды были ограниченными. Относительно быстро удалось захватить первую полосу траншей, затем Баграмян убедился, что «реальный ход наступления, если сравнить его с тем, что запланировано, как правило, приносит много сюрпризов». Продвижение резко замедлилось, немецкую оборону пришлось прогрызать со средней скоростью 2—4 км в сутки. На второй день в дело были введены танковые корпуса. 16 декабря передовые части обеих армий встретились в селе Меховое. В последующие два дня советские войска расчленили и почти полностью уничтожили окруженную немецкую группировку в составе двух пехотных дивизий и трех артиллерийских полков.

Одновременно силами трех армий разворачивалось наступление в южном направлении — на Витебск.

Вплоть до 18 января 1944 года войска 4-й ударной, 11-й гвардейской, 43-й и 39-й армий вели тяжелые бои, стремясь обойти с северо-запада и юго-востока Витебск — важнейший узел обороны на северном фланге группы армий «Центр» — и овладеть им. В ходе кровопролитных боев войскам правого крыла фронта удалось лишь освободить Городок и перерезать железную дорогу на Полоцк. Частями армии Берзарина был занят Сураж.

Объясняя свой не совсем удачный дебют в роли командующего фронтом, маршал Баграмян приводит несколько, по его мнению, объективных причин, помешавших довести операцию до конца. Здесь и тяжелые погодные условия, и сильная оборона противника, и недостаток горючего и боеприпасов, и лукавое «мы не имели существенного превосходства над врагом...».

Тогда Ставка привлекла к осуществлению Витебской операции и Западный фронт, передав ему 39-ю армию из 1-го Прибалтийского. Ударной группировке 1-го Прибалтийского фронта, сосредоточенной на смежных флангах — 4-й ударной, 11-й гвардейской и 43-й общевойсковой армиям, — надлежало наступать в общем направлении на Витебск с северо-запада, а Западному фронту генерала армии В.Д. Соколовского силами 33-й и 39-й армий при поддержке 5-й армии — с юго-запада. Совместными усилиями войска фронтов, насчитывавшие 436 000 бойцов и командиров, при поддержке 3-й и 1-й воздушных армий должны были раздавить витебскую группировку и овладеть городом. Для выполнения этой задачи были сконцентрированы средства усиления, равные чуть ли не всей группе армий «Центр».

«Никогда еще наш фронт не имел такой многочисленной и мощной артиллерии, как в этой операции, — вспоминает генерал-полковник Н.М. Хлебников. — Кроме штатной войсковой артиллерии мы располагали двумя артиллерийскими дивизиями прорыва — по шесть бригад в каждой, пушечной дивизией, 28 артиллерийскими и минометными полками, дивизией гвардейских реактивных минометов и рядом гвардейских минометных полков. На фронте наступления 11-й гвардейской и 4-й ударной армий, на участках прорыва, мы смогли сосредоточить по 270 стволов на каждый километр. И каких стволов! Более половины орудий и минометов имели калибр свыше 120 мм».

Западный фронт выставил 16 стрелковых дивизий, тан-

ковый корпус, 15 артиллерийских бригад и 9 артполков РКК.

Пушек было так много, что возникли трудности с их размещением. На огневые позиции их устанавливали не побатарейно, а целыми дивизионами.

6-й немецкий воздушный флот имел 700 боевых самолетов, две советские воздушные армии — 1500. Штатная численность трех советских танковых корпусов, выделенных для участия в операции, — 778 танков и САУ, с учетом потерь и некомплекта эту цифру можно поделить пополам. Но кроме корпусов, были придаваемые армиям отдельные танковые бригады, танковые и самоходные полки.

Шести советским армиям противостояла все та же 3-я танковая в составе трех армейских корпусов. На всю группу армий «Центр» имелось 630 танков и самоходных установок; у генерала Рейнгардта в районе Витебска, по советским данным, было 5 пехотных дивизий, 140 танков и штурмовых орудий, до 9 артиллерийских полков.

3 февраля после мощнейшей артиллерийской подготовки фронт был прорван наступающими соединениями на всех направлениях. Пехота быстро продвинулась на 6—7 км, но дальше наступление застопорилось. Германское командование стягивало резервы к участкам прорыва. Оно перебросило сюда резервы корпусов, штурмовые орудия и пехоту с других участков фронтов, одну дивизию из резерва группы армий.

На реках Пестуница и Заронок, на витебском оборонительном обводе, завязались напряженные, изнурительные бои.

В результате длительного непрерывного наступления на одном месте численность советских стрелковых дивизий в течение месяца снизилась до 4—5 тысяч человек. В 4-й ударной и 11-й гвардейской армиях с приданными им двумя танковыми корпусами осталось всего 126 исправных танков, а в 39-й и 33-й с учетом танкового корпуса — только 125. Заканчивались без счета расходуемые боеприпасы.

Войска Баграмяна и Соколовского еще глубже охватили с северо-запада и юго-востока Витебск, южнее города перерезали шоссе, идущее к Орше, и находились в 4—6 км от железной дороги Витебск—Орша. Но добиться скольконибудь значительного успеха не смогли.

13 марта, ввиду потери всех танков и 30 процентов лич-

ного состава наступление пришлось прекратить, не достигнув основной цели операции: Витебск оставался в руках противника.

Главная причина провала заключалась в том, что, как встарь, решили, не мудрствуя лукаво, действовать напролом и задавить противника массой людей и техники. Снова, как и в прошлом, весь этот громоздкий механизм начал рассыпаться, едва придя в движение. По мнению генерала Н.М. Хлебникова: «...слабое взаимодействие между пехотой, с одной стороны, танками и артиллерией — с другой, слабое управление войсками в динамике боя — все это предопределило неудачу хорошо задуманной операции...» Ах, как все хорошо было задумано!

Потери двух фронтов с 3 февраля по 13 марта — даты «официального» окончания Витебской наступательной операции — составили 135 012 человек убитыми и ранеными. Но директива Ставки о переходе к обороне была отдана лишь в начале мая.

Именно так, другие масштабы — другие и сроки.

На самом деле наступательные действия фронтов северо-западного направления вовсе не закончились 1 марта. Наоборот, с этого момента начинался четвертый, «освободительный» этап грандиозной операции. Главный удар Ленинградского фронта планировался на Нарвском перешейке в направлении Пярну в обход Тарту с севера. Вспомогательный, но тоже достаточно сильный удар наносился на Псков, откуда предполагалось развить успех в низовье Западной Двины. Часть сил должна была наступать в обход Чудского озера с юга.

Командование 2-го Прибалтийского фронта получило приказание готовить армии левого крыла к новому наступлению на Идрицу, Резекне. Вспомогательные удары надлежало готовить на Остров и Опочку. На себежском направлении, примыкающем с юга к идрицкому, планировалось наступление двух армий правого крыла 1-го Прибалтийского фронта.

Другое дело, что эта затея полностью провалилась.

Для координации операции на фронт отправились представитель Ставки маршал С.К. Тимошенко и назначенный к нему в качестве начальника штаба начальник Оперативного управления генерал-полковник С.М. Штеменко. Тимошенко, как большинство малограмотных начальников, «сильно

умных» генштабистов не жаловал, о чем не замедлил поставить в известность Штеменко:

«Зачем тебя послали со мной? — сразу же спросил маршал и, не дожидаясь моего ответа, продолжил: — Учить нас, стариков, хотите, доглядывать за нами? Напрасное дело!.. Вы еще под стол пешком ходили, а мы уже дивизии водили в бой, завоевывали для вас Советскую власть. Академии пооканчивали и думаете, что бога за бороду держите... Сколько тебе было лет, когда началась революция?»

Я ответил, что к тому времени мне исполнилось лишь 10 лет и, конечно, никакого вклада в революцию мною не сделано.

— То-то! — многозначительно заключил маршал.

Этот разговор привел меня в недоумение».

Рано утром 1 марта Тимошенко, Штеменко и командование Прибалтийских фронтов находились на фронтовых наблюдательных пунктах.

Из-за тумана и плохой видимости начало наступления задержалось. Около полудня после артиллерийской подготовки советские войска атаковали противника. Ожидаемого успеха это не принесло. Немцы знали о предстоящем наступлении и готовились к нему. Артиллерийский и пулеметный огонь с немецкой стороны был настолько плотным, что все попытки атаковать оказывались безуспешными.

День ото дня все больше давала себя знать наступившая весенняя распутица. Почва раскисла, особенно на равнинах. Вода затопила низины и овраги. Атакующие пехотинцы едва двигались по сплошной грязи. Колеса пушек и машин крепко засасывало в разбитых колеях дорог. Даже танки застревали в канавах и речках, останавливаясь иногда перед самыми вражескими позициями. Автомшины, да и конные обозы могли передвигаться только по ночам, когда подмерзала почва, а днем беспомощно увязали в грязи.

С разрешения Ставки Тимошенко дал указание о переносе наступления на 6 марта.

Главный удар силами четырех стрелковых корпусов в направлении на Опочку должна была наносить 10-я гвардейская армия, для чего она вновь перебралась на левый фланг. Передав свой боевой участок на фронте Пустошка — Мироново 3-й ударной, войска генерала Казакова к исходу 3 марта сосредоточились в районе озер Лосно и Березно.

Утром 6 марта 7-й и 19-й гвардейские стрелковые корпу-

са атаковали противника, но так как его огневые средства, скрытые в складках сильно пересеченной местности, в период артиллерийской подготовки уцелели, то в течение дня удалось овладеть лишь отдельными опорными пунктами на переднем крае обороны. В последующие двое суток части 19-го стрелкового корпуса продвинулись на 1,5—2 км.

12 марта командарм ввел в бой 15-й гвардейский стрелковый корпус, но противник, стягивая к участку прорыва резервы (в частности 12-ю танковую дивизию), ожесточенно сопротивлялся.

В результате семидневных боев соединения армии продвинулись в северо-западном направлении всего на 4—5 км. 17 марта командующий фронтом отдал приказ о переходе 10-й гвардейской армии к обороне.

На нарвском направлении войскам Ленинградского фронта не удалось продвинуться ни на шаг.

9 марта генерал Говоров, сосредоточив усилия на своем левом крыле, начал наступление силами 42-й, 54-й и 67-й армий — 173 120 офицеров и солдат — с целью овладеть Псковом. В первый же день здесь развернулись тяжелейшие бои, не прекращавшиеся до середины апреля. Советские войска прорвали сильно укрепленную оборону южнее города, продвинулись до 13 км, перерезали шоссе и железную дорогу, идущие от Пскова к Острову. Большего сделать не удалось, потери фронта составили свыше 42 000 убитыми и ранеными.

В это время на северной стороне опочечьего выступа войска 1-й ударной армии 2-го Прибалтийского фронта внезапно форсировали по льду реку Великая в 12 км северо-западнее Пушкинских Гор и овладели плацдармом на другом берегу, имевшим около 12 км по фронту и до 7 км в глубину. Развить успех не получилось. Немцы силами 13-й авиаполевой и 30-й пехотной дивизий удержали рубеж господствующих высот, преграждавших выход с плацдарма в юго-западном направлении.

Новую операцию штаб фронта начал планировать, отталкиваясь от этого «пяточка».

10-я гвардейская армия получила приказ сдать свой боевой участок войскам 3-й ударной и совершить марш-маневр к плацдарму на реке Великая. Вместе с ней из состава 3-й ударной армии перебрасывался стрелковый корпус генерал-лейтенанта Н.Д. Захватаева для усиления 1-й ударной ар-

мии, а заодно и сам генерал Н.Е. Чибисов — с той же целью. 140-километровый маршрут проходил вдоль линии фронта, приближаясь к нему в иных местах на 3—5 км. Войска армии двигались в ночное время, но, несмотря на принятые меры маскировки, скрыть перемещение армии вместе с соединениями и частями фронтового подчинения, происходящее почти на глазах у противника, было невозможно.

Выступив из лесов северо-восточнее озера Лосно в ночь на 28 марта, армия к рассвету 3 апреля сосредоточилась в районе станция Русаки — село Крюково. Из-за продолжавшегося потепления дороги пришли в такое состояние, что доставлять снаряды на огневые позиции можно было только на руках. Лед на реке Великая порыхлел, переправа на плацдарм осуществлялась лишь по двум спешно наведенным мостам, то и дело разрушавшимся артиллерийским огнем противника. Близился паводок. До распутицы оставалось недели полторы. Эту пору и было приказано использовать для наступления.

Неприятельская позиция, замыкавшая плацдарм с юго-запада, состояла из ряда опорных пунктов, оборудованных на высотах. Господствующие высоты в районе Пушкинских Гор позволяли немецким наблюдателям видеть каждую точку местности на плацдарме, просматривать не только боевые порядки передовых советских частей, но и вторые эшелоны и даже тылы местами, на 20—30 км. «Пятачок» простреливался с трех сторон огнем 32 артиллерийских батарей противника. В районе Пушкинских Гор немцы располагали крупной артиллерийской группировкой. В общем, исходный рубеж у Казакова и Чибисова энтузиазма не вызвал, но генерал Попов решительно отменил все возражения.

Оперативное построение 10-й гвардейской армии состояло из двух эшелонов: в первом — 7-й и 15-й гвардейские корпуса, во втором — 19-й гвардейский стрелковый корпус. Боевые порядки корпусов также строились в два эшелона. Непосредственно на плацдарме развернулись четыре стрелковые дивизии. Сосед справа — 1-я ударная армия — на том же плацдарме имел в первом эшелоне две дивизии. Все дивизии первого эшелона также построили глубокие боевые порядки. Например, 7-я гвардейская, занимавшая по фронту всего 1200 м, имела, по существу, три эшелона. В 30-й гвардейской при такой же ширине полосы в первом эшелоне находилось только два батальона, а в затылок им

«дышали» еще четыре. На каждую дивизию первого эшелона выделялось по 10—15 танков для сопровождения пехоты. Из артиллерийских средств на плацдарме удалось разместить только орудия прямой наводки и минометные батареи. Основная артиллерийская группировка оставалась на северо-восточном берегу Великой.

В ходе подготовки операции немцы вели себя довольно пассивно. Без особого противодействия с их стороны советские войска вышли на плацдарм и заняли исходное положение для атаки. Однако с утра 7 апреля, едва началась артиллерийская подготовка, противник открыл уничтожающий огонь по набитому войсками «пятакку». Дивизии первого эшелона сразу понесли настолько ощутимые потери, что некоторые подразделения пришлось заменить еще на исходном рубеже. Тем не менее две армии при поддержке армейской артиллерии и авиации 15-й воздушной армии перешли в наступление на юг с ближайшей задачей ударом в направлении села Жданы перерезать шоссе Остров—Опочка.

Однако артиллерийский огонь не смог надежно подавить ни системы пехотного огня противника, ни его артиллерийских и минометных батарей. Несмотря на поддержку атаки полком штурмовиков, стрелковые соединения захватили лишь отдельные участки первой линии. И только полки 30-й гвардейской дивизии к концу дня продвинулись на 4 км и овладели деревней Калинкино. Правда, этот «успех» стоил дивизии таких потерь, что ночью ее пришлось вывести в резерв.

В ходе боя выяснилось, что противник в период совершения 10-й гвардейской армией марша сумел по более короткому рокадному пути — шоссе Пустошка—Остров — подтянуть к плацдарму части 23, 69, 83-й пехотных и 12-й танковой дивизий, то есть те самые войска, которые противостояли армии при ее наступлении севернее Пустошки.

8 апреля советские артиллеристы с большим трудом накапливали боеприпасы на огневых позициях батарей. В последующие дни с 9 по 16 апреля стрелковые дивизии неоднократно атаковали врага, но безуспешно. Скопившиеся на плацдарме войска подвергались частым ударам авиации и почти непрерывным артиллерийским налетам противника. Попытки развить успех продолжались еще неделю, но существенных результатов не дали.

А весна тем временем набирала силу, дороги пришли в

непроезжее состояние, со дня на день должно было начаться весеннее половодье. Теперь даже успешный прорыв, если бы он и состоялся, не смог бы получить дальнейшего развития.

20 апреля последовал приказ о прекращении наступательных действий и о выводе 10-й гвардейской армии в резерв фронта.

Таким образом, еще в течение двух весенних месяцев советские войска безуспешно пытались прорвать линию «Пантера». Эти кровопролитные бои, которые на широком пространстве вели 12 советских армий, не удостоились даже звания самостоятельных фронтовых операций. У генерала армии М.И. Казакова об этом периоде остались самые грустные воспоминания: «Не знаю, как другие, а я очень досадовал тогда на то, что операции следовали одна за другой, готовились торопливо и походили больше на отдельные рывки, а не на строго продуманные, связанные одно с другим оперативные мероприятия. В результате вместо выхода на коммуникации врага войска фронта делали только неглубокие вмятины в его обороне».

Основным итогом четвертого этапа Первого сталинского удара стало то, что Ставка ВГК на практике окончательно убедилась, «что фашистское командование не имеет намерения отводить свои войска» и что «противник, занимавший мощную систему оборонительных сооружений, сопротивлялся искусно и с большим упорством».

Конечно, Сталин ожидал большего.

Поэтому имели место не только победные салюты, но и «разбор полетов». Верховный сместил с занимаемых должностей большинство высших командиров наиболее «провинившихся» — Прибалтийских фронтов.

Еще 21 января генерал М.И. Казаков заменил А.В. Сухомлина на посту командующего 10-й гвардейской. Александра Васильевича назначили заместителем начальника Военной академии имени Фрунзе. Его карьера на этом закончилась, до самой пенсии он так и проходил в генерал-лейтенантах.

Генерала Г.Н. Короткова с поста командующего 1-й ударной армией рокировали на должность командарма-22.

Генерал-полковника Н.Е. Чибисова в апреле перебросили с 3-й ударной армии командовать 1-й ударной, но там

продержали всего один месяц. В июне 1944 года Никандр Евлампиевич оказался в кресле начальника все той же академии имени Фрунзе. До конца войны его военные знания и опыт остались не востребованы. Да и, правду сказать, не «жуковской закваски» был генерал. По воспоминаниям сослуживцев, бывший штабс-капитан царской армии Чибисов обладал редкими у «краскомов» качествами: «Спокойный и уравновешенный, обладавший большим опытом практической работы в войсках, он в разговоре с подчиненными никогда не повышал голоса... Помню, как хладнокровно выслушивал он по телефону даже самые неприятные доклады командиров дивизий, давал короткие дельные указания. Он никогда и никому не грозил снятием с должности».

Зато сменивший Чибисова на посту командующего 3-й ударной генерал В.А. Юшкевич, которому Сталин дал шанс исправиться, «отличался... благородной внешностью и подчеркнутой строгостью. Я бы даже сказал — резкостью в обращении с людьми. В штабе его боялись... мне пришлось выслушать несколько замечаний по работе отдела. Пустяковые по существу, они излагались в грубой форме».

В резерв Ставки были отправлены командующий 4-й ударной генерал В.И. Швецов и командарм-43 генерал К.Д. Голубев.

Маркиан Михайлович Попов в апреле был понижен в должности и больше фронтами не командовал.

В итоге мы опять возвращаемся к первому вопросу: каковы истинные размеры наших потерь? Известно лишь, что за полтора месяца штурма Пскова войска трех армий Ленинградского фронта потеряли свыше 42 000 человек. В Витебской операции 1-го Прибалтийского — более 135 000. Причем официальным днем окончания Витебской операции называется 13 марта, однако согласно директиве Ставки 1-й Прибалтийский фронт перешел к обороне лишь в начале мая.

А сколько полегло при первом штурме Витебска, который из стратегического удара превратили в Городокскую операцию? При прорыве на Новосokolьники? На линии «Пантера»? При атаках на Идрицу? Да, оказывается, не было никаких атак! Например, летопись боевого пути 3-й ударной армии утверждает, что в период 1 марта — 9 июля ее войска занимались «ведением обороны на рубеже Балабнино, Симоново, Пустошка, Денисово». Удар на Витебск

всеми армиями своего фронта в изложении Баграмяна уместился в двух предложениях: «В течение всей зимы 1944 года войска 1-го Прибалтийского фронта непрерывно наносили удары по врагу. В конце концов их наступательные возможности иссякли».

Выдавая достигнутое за желаемое, маршал с гордостью утверждает: «Цель операции была в основном достигнута, городокский выступ ликвидирован». В общем, добились чего хотели. А деревня Гадюкино или город Витебск нам и вовсе были не нужны.

РАЗБОРКИ НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ

Самая большая гроза разразилась над головами командования Западного фронта. Оно фактически провалило то, что по логике вещей должно было стать Вторым сталинским ударом.

Перед генералом В.Д. Соколовским и его пятью армиями в конце сентября 1943 года была поставлена задача разгромить группу армий «Центр» на смоленско-минском направлении, освободить Оршу, Могилев, Вильнюс. Наступавший южнее Белорусский фронт генерала армии К.К. Рокоссовского должен был овладеть Минском.

Войска у двух генералов были примерно одинакового качества, соотношение сил с противником, условия местности — одинаковые. Вот только результаты разные. Рокоссовский с ноября 1943-го по март 1944 года провел три фронтовые операции, продвинулся до 200 км, освободил города Гомель, Речица, Мозырь, Калинковичи, Рогачев, потеряв около 200 000 бойцов.

Войска Западного фронта к 1 апреля 1944 года провели 11 операций на трех направлениях и преодолели от 10 до 20 км. Потери Западного фронта убитыми и ранеными составили 530 537 человек. После первых неудачных попыток Ставка 18 января потребовала от Соколовского взять хотя бы Витебск и Оршу, но и это для него оказалось непосильной задачей. Жуков таскал Соколовского за собой всю войну, и командование Западным фронтом — единственный случай, когда Василия Даниловича, чистокровного канцелярского работника, отпустили на самостоятельные хлеба. Однако карьере полководца сделать не получилось: мало что сам Соколовский в военном искусстве был бездарь

с амбициями, он и вокруг себя собрал таких же кадров, недостаток ума заменявших высокой требовательностью.

Вместо согласованных ударов для достижения определенной цели фронт проводил изолированные друг от друга армейские операции. Причем планировали их армейские штабы, а штаб фронта этих планов в глаза не видел, командующий утверждал их по телефону. Мало кто видел и самого командующего. В течение четырех месяцев Соколовский проживал вдвоем со своим «адъютантом» в полковничьих чинах в 100 километрах от собственного штаба. За это время с начальником штаба фронта он виделся не более 3—4 раз, командующие родами войск записывались к нему на прием за несколько дней.

Фактически Соколовский и его штаб войсками не руководили, а занимались только тем, что передавали московские директивы нижестоящим инстанциям. Затем надо было только регулярно стучать кулаком по столу, грозить подчиненным расстрелом и требовать выполнения поставленной задачи любой ценой.

Рыба гниет с головы: подчиненные относились к своим обязанностям соответственно. На правильную организацию боя, на жизни солдат им было наплевать. Разведка противника не велась. Огромная масса артиллерии лупила по своим, случалось даже прямой наводкой (!), в лучшем же случае — по пустому месту. Куда стреляют пушки, начальство не интересовалось, лишь бы открыли огонь по графику. Пехота шла в атаку на неподдавленные огневые точки, несла колоссальные потери и не двигалась вперед. При этом снарядов было израсходовано почти вдвое больше, чем на сражающемся за Киев 1-м Украинском фронте. В массированных и необеспеченных атаках был полностью уничтожен 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус: в нем осталось 2 (два!!!) танка.

Лучшим своим командармом Соколовский считал генерала В.Н. Гордова, командовавшего 33-й армией. На эту должность Василия Николаевича понизили с должности командующего Сталинградским фронтом, что было ему очень обидно. Генерал был человеком совершенно жуковского склада, то есть хам, мордобойщик, расстрельщик и вообще «горячий человек». Но зачем Сталину два Жукова? Тогда вообще никаких войск не напасешься. Как и под Сталинградом, основным методом управления боем у Гордова были

ругань, оскорбления и угроза расстрела. Потери 33-й армии за пять месяцев составили свыше 50 процентов потерь всего Западного фронта; Гордов уничтожил свою армию как минимум дважды, и нечего на немцев валить: прибывающие пополнения с ходу бросались в бой, командиры подразделений не знали своих солдат, а солдаты своих командиров. Он гнал под пулеметы разведчиков, химиков, саперов, ставил в цепь офицерский состав дивизий и корпусов. Из приказов командарма:

«Весь офицерский состав поставить в боевые порядки и цепью пройти лес, назначив небольшие отряды для выкуривания автоматчиков из их гнезд...»

Немедленно все управление корпуса отправить в цепь. Оставить в штабе только начальника оперативного отдела...

Лучше нам быть сегодня убитыми, чем не выполнить задачу...»

Под командованием Гордова в армии было убито и ранено 4 командира дивизии, 8 заместителей командиров дивизий и их начальников штабов, 38 командиров полков и их заместителей и 174 командира батальона. Не считая офицеров, расстрелянных без суда и следствия.

В принципе в Красной Армии все это были нормальные явления. Недаром солдатская поговорка утверждает: «На войне, как в колхозе, — все несправедливо». Если бы Соколовский и Гордов взяли хотя бы Оршу, то получили бы ордена и новые пополнения. Но тут уж больно случай был клинический: полмиллиона потерь и никакого результата. Поэтому для выяснения причин неудач Ставка в апреле 1944 года направила на Западный фронт специальную комиссию в составе члена ГКО Г.М. Маленкова, генерал-полковников А.С. Щербакова и С.М. Штеменко, генерал-лейтенантов Ф.Ф. Кузнецова и А.И. Шимонаева с несколькими группами проверяющих по всем родам войск и службам, которая пришла к выводу, что главной причиной отсутствия успеха в операциях Западного фронта является «неудовлетворительное руководство войсками со стороны командования».

Доклад комиссии товарищу Сталину от 11 апреля 1944 года вскрывает поразительную картину разложения «верхов» и безжалостного изничтожения «низов»:

«Ни в одной из перечисленных операций не была прорвана оборона противника, хотя бы на ее тактическую глубину, операция заканчивалась в лучшем случае незначительным

вклиниением в оборону противника при больших потерях наших войск... Западный фронт при проведении всех операций всегда имел значительное превосходство в силах и средствах перед противником, позволяющее безусловно рассчитывать на успех...

В 33, 31 и 5-й армиях были неоднократные случаи, когда артиллерия вела огонь по районам (квадратам), данным штабами артиллерии армии, а на самом деле в этих квадратах целей не было и артиллерия вела огонь по пустому месту, а нашу пехоту расстреливали огневые точки противника из других районов... на наблюдательных пунктах некоторых артполков были не офицеры, а рядовые бойцы...

Артиллеристы своих ошибок и недостатков не вскрывают, не изучают, а пытаются замазать их. Артподготовка проводится по шаблону. Начало артподготовки обозначалось залпом РС, затем проводился период разрушения и в конце — налет артиллерии по переднему краю. Противник привык к этому шаблону и, зная порядок огня, умело сохранял свою живую силу в укрытиях... Чрезмерная централизация артиллерии при продвижении пехоты вперед в руках командиров дивизий и выше лишает командира батальона средств подавления и возможности реагировать на обстановку. Особенно плохо воспитаны минометчики, в ряде случаев они просто уклоняются от связи с пехотой, задерживаются в тылу, вследствие чего минометы бьют куда попало... Орудия прямой наводки, несмотря на обилие их в боевых порядках пехоты, используются плохо и неумело. Подчиненность этих орудий не определена, конкретных целей они зачастую не имеют... Самоходные орудия используются неумело и должного эффекта не дают... Огонь контрбатареинных групп вследствие плохого знания целей и отсутствия корректировки малоэффективен. Артиллерия дальнего действия привыкла стрелять по площадям, по знакам разрыва стреляет плохо, не умеет быстро и точно переносить огонь. Контрминометные группы подавлять минометные группы противника не умеют, стреляют плохо и неметко. Контроль за выполнением огневых задач почти не осуществляется... Такое положение порождает безответственность у офицерского состава артиллерии».

Таким макаром фронт выбросил в воздух 17 661 вагон боеприпасов.

«Перегруппировка войск и подготовка к операциям проводилась без должной скрытности и дезинформации противни-

ка, в результате чего почти во всех операциях внезапность была потеряна и операции протекали в условиях готовности противника к встрече нашего наступления, хотя формально фронтом и не издавалось и все хранилось якобы в строжайшей тайне...

Войсковая разведка не организована, ведется беспланово. Разведывательные операции подготавливаются и проводятся плохо... в декабре месяце в 192 сд проведено 23 разведоперации с целью захвата «языка». Ни одного пленного в этих операциях не захвачено, а потери наших разведгрупп составили 26 человек убитыми и ранеными. В 192, 247 и 174 сд с 1 января по 15 февраля проведены сотни поисковых разведопераций и не захвачено ни одного пленного. В 331 и 251 сд разведчики неоднократно подрывались на своих минных полях, так как им не было указано их расположение... В 33-й армии все разведывательные подразделения соединений и частей участвовали в наступлении как линейные подразделения и почти полностью были уничтожены... Экипировка агентов, отправляемых в тыл противника, нередко являлась стандартной и позволявшей легко раскрыть нашего агента. На территорию, оккупированную немцами в 1941 г., посылались агенты в одежде с пометкой о производстве ее Москвошвейем в 1942 и 1943 гг... Многие агенты перестали посылать донесения исключительно потому, что нет питания для радиостанций...

Вместо тщательной подготовки операции и организации боя, вместо правильного использования артиллерии Гордов стремился пробить оборону противника живой силой. Об этом свидетельствуют потери, понесенные армией... 6 марта по приказу Гордова без суда и следствия был расстрелян майор Трофимов, якобы за уклонение от боя. На самом деле, как установлено следствием, майор Трофимов не был виноват... По заявлению ряда командиров, работавших с Гордовым, нечеловеческое отношение к людям, сплошная истерика так издергала их, что были случаи, когда командиры не могли командовать своими соединениями и частями. Командование фронта проходило мимо этих безобразий и продолжало считать его лучшим командующим армией...

Командование Западного фронта вместо изучения недостатков и их устранения проявляло самодовольство, зазнайство, не вскрывало недостатков, не учитывало ошибок, не учило людей... Командование фронта критики не терпит, попытки критиковать недостатки встречает в штыки...

Командующий фронтом т. Соколовский оторван от своих ближайших помощников — командующих родами войск и начальников служб, по многу дней не принимает их и не решает вопросов. Некоторые заместители командующего не знали о задачах своих родов войск в связи с проводившимися операциями, не говоря уже о том, что они не привлекались к разработке операций...

С октября 1943 г. по апрель 1944 г. Западный фронт, несмотря на превосходство в силах над противником и большой расход боеприпасов, продвижения вперед не имел. Все проведенные за эти полгода операции по вине командования фронта провалились. Западный фронт не выполнил задач, поставленных перед ним Ставкой Верховного Главнокомандования, и ослаблен в результате тяжелых потерь в людях и технике, явившихся следствием неумелого руководства командования фронта».

Кстати, Западный фронт находился ближе всего к Москве, но, к счастью, у Гитлера были другие заботы. Приказом Ставки, как не справившиеся со своими обязанностями были сняты с должностей командующий фронтом генерал Соколовский, начальник артиллерии фронта генерал Камера, начальник разведотдела полковник Ильницкий. Член Военного совета Булганин получил выговор за «недонесение» о безобразиях. Совершенно ясно, что наказали генералов не за бездарное руководство, не за бессмысленные потери и десятки тысяч похоронок, не за бессудные расстрелы, а за невыполнение приказа товарища Сталина. Наивно было бы полагать, что их отдали под суд, хотя тюрьма по ним плакала. Ведь они старались, особенно «лучший командарм» Гордов. Бил подчиненных? — проявлял высокую требовательность. Расстреливал? — осуществлял «твердое руководство». (А семья невинно убиенного майора Трофимова горбатилась в тылу: все для фронта, все для Победы. И если б не высокая комиссия, были бы они «членами семьи изменника Родины».)

Поэтому Гордова очень строго предупредили и дали ему под начало другую армию — 3-ю ударную! Сомнительно, что воевать он стал лучше, разве что еще больше «старался». Уже после войны, будучи командующим округом, генерал Гордов совершил гораздо более страшное преступление: он затаил обиду на товарища Сталина, чего не скрывал в беседах с боевыми товарищами. И был страшно наказан: осенью 1946 года 50-летнего номенклатурщика сделали простым

советским пенсионером. Помотавшись по собесам, постояв в очередях, лишившийся адъютантов и услуг спецраспределителей, отставной генерал-полковник затосковал, озабочился судьбой народной и принялся критиковать существующие порядки. Но главное, что его терзало и не давало спать по ночам, зафиксировали чуткие микрофоны МГБ: «Знаешь, что меня переворачивает? То, что я перестал быть владыкой...» В 1947-м его арестовали и три года спустя приговорили к расстрелу.

Генерала Соколовского по просьбе Жукова, не бросившего в беде старого друга, назначили начальником штаба 1-го Украинского фронта. В дальнейшем Василий Данилович так и провоевал под крылом Георгия Константиновича до самого Берлина и даже удостоился звезды Героя «за умелое руководство боевыми действиями войск в Берлинской операции, личное мужество и отвагу».

24 апреля приказом Ставки на месте Западного фронта были созданы 2-й и 3-й Белорусский.

Таким образом, первые удары в Белоруссии провалились. Естественно, они не могли быть ни сталинскими, ни сокрушительными.

ВТОРОЙ СТАЛИНСКИЙ УДАР

«...нанесли войска 1-го, 2-го, 3-го и 4-го Украинских фронтов в феврале—марте по южному крылу германского фронта. Стратегической целью второго сталинского удара являлся разгром германских групп армий «Юг» и «А» и освобождение Правобережной Украины. Первой задачей фронтов было уничтожение корсунь-шевченковской, криворожско-никопольской и ровенско-луцкой группировок противника. Выполнение этих трех задач явилось содержанием первого этапа второго сталинского удара»

К концу 1943 года на Украине сосредоточились наиболее крупные силы противоборствующих сторон. Немцы имели здесь до 40 процентов пехотных и около 70 процентов танковых и моторизованных дивизий, действовавших на всем советско-германском фронте. Еще более значительной была группировка Красной Армии: она включала около 42 процентов стрелковых и до 80 процентов танковых и механизированных соединений, что позволяло без значительных перегруппировок развернуть новое мощное наступление.

Поэтому именно на Украине Сталин решил нанести главный удар зимне-весенней кампании, в ходе которого планировалось разгромить все южное крыло противника, завершить освобождение Правобережья, выйти на государственную границу СССР и создать условия для развития наступления в Польшу, Чехословакию и на Балканы. Фактически — это десять ударов, десять операций, огромные танковые массы, лучшие сталинские полководцы.

С конца декабря 1943 года до середины апреля 1944-го на огромных просторах от Полесья до Черного моря, от Днепра до Карпат развернулась одна из крупнейших битв Второй мировой войны. В ней участвовало одновременно с обеих сторон около 4 миллионов человек, 45 500 орудий и минометов, 4200 танков, самоходных и штурмовых орудий, свыше 4000 самолетов.

Германское командование, хорошо понимая, какие серьезные военно-политические и экономические осложнения повлекут за собой потеря богатейших промышленных и продовольственных районов Правобережной Украины и выход советских армий на подступы к Балканам, требовало от войск любой ценой удержать позиции на южном крыле стратегического фронта. Стремясь восстановить оборону по Днепру и деблокировать крымскую группировку, Гитлер не раз подчеркивал, что, если невозможно будет удержать фронт на Востоке, в крайнем случае может обсуждаться вопрос об отступлении лишь на его северном фланге, но никак не на южном.

Такая постановка вопроса, когда приоритетными становились не оперативные, а политические и военно-экономические соображения, сильно осложняла жизнь германских командующих в действующей армии. Процесс, осенью 1942 года названный генералом Гальдером «штопкой дыр», прогрессировал.

Фюреру хотелось удержать все: Крым с его портами и аэродромами, уголь Донбасса и хлеб Кубани, марганец Никополя и руду Криворожья.

«Как это бывало часто, — вспоминает Манштейн, — Гитлер и на этот раз полагал, что его воля будет сильнее, чем реальные факты».

К концу 1943 года немецкие войска, действовавшие на Украине, — группы армий «Юг» и «А», были отброшены на рубеж Овруч, Радомышль, Канев, Баштина, Марганец, Качкаровка.

Группа армий «Юг» — 1-я и 4-я танковые, 8-я полевая армии — под командованием фельдмаршала Эриха фон Манштейна оборонялась на фронте южнее Овруч — Качкаровка на Днестре. Она удерживала небольшой участок правого берега реки в районе Канева, а также плацдарм глубиной 30 км и шириной 120 км на ее левом берегу под Никополем.

Группа армий «А» в составе 6-й немецкой и 3-й румынской армий под командованием фельдмаршала Эвальда фон Клейста занимала оборону южнее по нижнему течению Днестра, далее вдоль побережья Черного моря до Днестровского лимана.

В районе Яссы в резерве находилась 4-я румынская армия. В Крыму была отрезана 17-я немецкая армия.

Авиационную поддержку осуществлял 4-й воздушный

флот (1-й, 4-й и 8-й авиационные корпуса), а также основная часть Военно-воздушных сил Румынии.

К началу сражения за Правобережье группы армий «Юг» и «А» (без 17-й армии) насчитывали 91 дивизию, в том числе 18 танковых и 4 моторизованных, 2 моторизованные бригады, 5 отдельных танковых батальонов, 19 дивизионов штурмовых орудий.

В составе этой группировки, согласно «классическим» советским источникам, насчитывалось 1 760 000 человек, 2200 танков и штурмовых орудий, 16 800 орудий и минометов, 1460 боевых самолетов.

Германское командование намеревалось не только удержать занимаемые рубежи, но и попытаться ликвидировать советские плацдармы на правом берегу Днестра, а также ударом с никопольского плацдарма на юг и из Крыма на север установить связь со своей крымской группировкой.

Немцы вели поспешное строительство оборонительных сооружений. Однако к концу декабря они смогли на большей части фронта оборудовать только главную полосу обороны глубиной 4—6 км. На важнейших направлениях в 10—15 км от переднего края готовилась вторая полоса. В оперативной глубине по берегам рек Горынь, Южный Буг, Ингулец, Днестр, Прут оборудовались тыловые рубежи. Мощная оборона была создана в Крыму: в районе Перекопа и на Керченском полуострове.

С советской стороны южнее реки Припять действовали войска четырех фронтов.

1-й Украинский фронт — командующий генерал армии Н.Ф. Ватугин, — отразив наступление противника на киевском направлении, удерживал обширный плацдарм на правом берегу Днестра западнее Киева.

2-й Украинский фронт генерала армии И.С. Конева и 3-й Украинский генерала армии Р.Я. Малиновского занимали второй крупный плацдарм — от Черкасс до Запорожья.

4-й Украинский фронт под командованием генерала армии Ф.И. Толбухина главными силами охватывал никопольский плацдарм противника, частью войск закреплялся на широком фронте по левому берегу нижнего течения Днестра, а 51-й армией блокировал 17-ю немецкую армию в Крыму. На плацдарме, захваченном на Керченском полуострове, вела бои Отдельная Приморская армия генерала И.Е. Петрова.

По плану Ставки ВГК этим силам предстояло разгромить группы армий «Юг» и «А», освободить Правобережную Украину и Крым. Войска четырех фронтов должны были мощными ударами на ряде направлений расчленить вражескую группировку и уничтожить ее по частям. Вначале предусматривалось разбить противника в восточных районах Правобережья, окончательно отбросив его от Днепра, и занять рубеж Южный Буг (до Первомайского) — река Ингулец (от Кривого Рога до устья), а в последующем, развивая наступление, выйти на линию Луцк — Могилев — Подольский — Днестр, одновременно ликвидировать крымскую группировку.

1-й Украинский фронт, нанося главный удар на Винницу, Могилев-Подольский и частью сил на Луцк и Христиановку, и 2-й Украинский фронт, нанося главный удар на Кировоград, Первомайск и частью сил на Христиановку, должны были разгромить главные силы группы армий «Юг» и выходом к Карпатам расколоть стратегический фронт противника.

Войскам 3-го и 4-го Украинских фронтов ударами по сходящимся направлениям на Никополь, Ново-Воронцовку предстояло разгромить никопольско-криворожскую группировку врага, развить удар на Николаев, Одессу и освободить все Черноморское побережье. При этом 4-й Украинский фронт лишь в начальной стадии операции привлекался для совместных действий с войсками Малиновского по разгрому противника в районе Никополя; в последующем фронт переключался на разгром противника в Крыму совместно с Отдельной Приморской армией.

В наступлении кроме воздушных армий фронтов (2-й, 5-й, 17-й и 8-й) должна была участвовать авиация дальнего действия, которой ставилась задача наносить удары по железнодорожным объектам, портам и кораблям противника, а также по аэродромам и войскам, расположенным в его глубоком тылу.

Для прикрытия своих коммуникаций, водных переправ и других важных объектов в прифронтной полосе Ставка помимо фронтовых сил ПВО привлекала и крупные силы войск ПВО страны. В полосе четырех фронтов действовали четыре корпусных района, два истребительных авиационных корпуса и два дивизионных района Западного фронта ПВО, которым командовал генерал М.С. Громадин. Для

прикрытия угрожаемых объектов юга они имели свыше 2000 зенитных орудий, 1650 зенитных пулеметов, около 450 истребителей.

Окончательным итогом зимне-весенней кампании на юге должен был стать выход на линию государственной границы от Измаила до Бреста.

Действия 1-го и 2-го Украинских фронтов координировал представитель Ставки маршал Г.К. Жуков. Координатором 3-го и 4-го Украинских фронтов был назначен маршал А.М. Василевский.

Складывается впечатление, что Верховному Главнокомандующему больше нечем занять ни своего заместителя, ни начальника Генерального штаба. Оба являлись также единственными заместителями наркома обороны. Само перечисление должностей подразумевает, что высшие офицеры такого ранга должны, особенно в столь ответственные моменты, находиться в Ставке ВГК, у руля управления всеми Вооруженными Силами, где вырабатывались и принимались основные решения на действия войск, а не отрываться от своих прямых обязанностей выездами в войска.

Но Верховный имел по этому поводу свое мнение, он предпочитал находиться «у руля» самостоятельно. По воспоминаниям Василевского: «И.В. Сталин не любил, когда мы «засиживались» в столице. Он полагал, что для руководства повседневной работой в Генштабе и Наркомате обороны людей достаточно. А место его заместителей и начальника Генштаба — в войсках, чтобы там, прямо на месте, претворять в жизнь замыслы Ставки, согласовывать боевую работу фронтов и помогать им. Стоило мне или Г.К. Жукову ненадолго задержаться в Москве, как он спрашивал:

— Куда поедете теперь? — и добавлял: — Выбирайте сами, на какой фронт отправитесь. — Иногда сразу давал соответствующие указания».

Дело не только в этих двух маршалах, хотя их случай самый клинический, а в самом институте представителей Ставки. Эта отрывка советской системы управления сохранилась и по сей день: как только где-то происходит что-либо важное, сразу наезжает куча во все вмешивающихся больших начальников с целью «надзирать и докладать», не неся при этом никакой ответственности за происходящее.

Как вспоминает маршал К.К. Рокоссовский, еще весной 1943 года, командуя Центральным фронтом, он направил

на имя Сталина записку: «Обращалось внимание и на несколько непонятное положение в управлении войсками, когда начальник Генерального штаба вместо того, чтобы, находясь в центре, где сосредоточено все управление вооруженными силами, убывает на один из участков фронта, тем самым выключаясь из управления. Первый заместитель Верховного Главнокомандующего тоже выбывает на какой-то участок, и часто получалось так, что в самые напряженные моменты на фронте в Москве оставался один Верховный Главнокомандующий. В данном случае получалось «распределенческое» управление войсками.

Я считал, что управление фронтами должно осуществляться из центра — Ставкой Верховного Главнокомандования и Генеральным штабом. Они же координируют действия фронтов, для чего и существует Генеральный штаб. Уже первые месяцы войны показали нежизненность созданных импровизированных оперативных командных органов «направлений», объединявших управление несколькими фронтами. Эти «направления» вполне справедливо были ликвидированы. Зачем же Ставка опять начала применять то же, но под другим названием — представитель Ставки по координации действий двух фронтов? Такой представитель, находясь при командующем фронтом, чаще всего вмсшиваясь в действия комфронта, подменял его. Вместе с тем за положение дел он не нес никакой ответственности, полностью возлагавшейся на командующего фронтом, который часто получал разноречивые распоряжения по одному и тому же вопросу: из Ставки — одно, а от ее представителя — другое. Последний же, находясь в качестве координатора при одном из фронтов, проявлял, естественно, большую заинтересованность в том, чтобы как можно больше сил и средств стянуть туда, где находился сам. Это чаще всего делалось в ущерб другим фронтам, на долю которых выпадало проведение не менее сложных операций.

Помимо этого уже одно присутствие представителя Ставки, тем более заместителя Верховного Главнокомандующего, при командующем фронтом ограничивало инициативу, связывало комфронта, как говорится, по рукам и ногам. Вместе с тем появлялся повод думать о некотором недоверии к командующему фронтом со стороны Ставки ВГК».

Например, приезжает командующий Донским фрон-

том Рокоссовский на командный пункт командующего Юго-Западным фронтом Ватутина для увязки вопросов взаимодействия, а там — начальник Генерального штаба Василевский: «Мне показалось странным поведение обоих. Создавалось впечатление, что в роли командующего фронтом находится Василевский, который решал ряд серьезных вопросов, связанных с предстоящими действиями войск этого фронта, часто не советуясь с командующим. Ватутин же фактически выполнял роль даже не начальника штаба: ходил на телеграф, вел переговоры по телеграфу и телефону, собирал сводки, докладывал о них Василевскому. Все те вопросы, которые я намеревался обсудить с Ватутиным, пришлось обговаривать с Василевским».

Чем же тогда «фактически» занимался командующий 1-м Украинским фронтом, по отзывам — «очень впечатлительный человек» Ватутин, когда у него в штабе находился не Василевский, который считался излишне мягким начальником, а необузданный, деспотичный Жуков? Карандаши ему затачивал?

Хотя на всех фронтах имелись специальные направленные в генеральских чинах, в обязанности которых входило всестороннее и своевременное информирование Генерального штаба о действиях войск, хотя ежедневные сводки посылали сами штабы, а также политработники, особисты и прочая, прочая, главной обязанностью представителя Ставки было сочинение ежедневных докладов. Это было святое:

«Маршалу Василевскому. Сейчас уже 3 часа 30 минут 17 августа, а Вы еще не изволили прислать в Ставку донесения об итогах операции за 16 августа и о Вашей оценке обстановки... Последний раз предупреждаю Вас, что в случае, если Вы хоть раз еще позволите забыть о своём долге перед Ставкой, Вы будете отстранены от должности начальника Генерального штаба (!) и будете отозваны с фронта...

И. Сталин».

«Эта телеграмма потрясла меня», — вспоминает Василевский. Правда, потрясло Александра Михайловича не то, что начальник Генерального штаба должен писать доклады в Генеральный штаб вместо того чтобы их получать, а сам факт высочайшего выговора, впервые в безупречной доселе карьере. Потом Василевский успокоился и согласился, что без дисциплины в армии — никуда.

С момента своего назначения на должность в июне

1942 года Василевский только тем и занимался, что координировал действия разных фронтов. А с весны 1943 года почти вовсе перестал появляться в Генштабе, которым он якобы руководил. То есть своих прямых служебных обязанностей не исполнял. Он сам это признавал, когда писал представление на генерала А.И. Антонова: «Генерал армии Антонов А.И., будучи первым заместителем нач. Генштаба, фактически с весны 1943 г. несет на себе всю тяжесть работы нач. Генштаба при Ставке Верховного Главнокомандования и вполне с нею справляется».

С середины июня 1943 года по январь 1944-го Жуков был в Москве всего четыре раза, проведя в Ставке в совокупности две недели. То же самое можно сказать о начальнике Оперативного управления Генштаба генерале С.М. Штенко.

Мнение Рокоссовского мы уже знаем. Еще примеры из его воспоминаний:

«...для меня вообще непонятной представлялась роль заместителей Верховного Главнокомандующего Г.К. Жукова и А.М. Василевского, а тем более Г.М. Маленкова под Сталинградом... Пребывание начальника Генерального штаба под Сталинградом и его роль в тех мероприятиях, связанных с происходившими там событиями, вызывают недоумение».

Представитель Ставки Жуков на Курской дуге: «Жуков Г.К. впервые прибыл к нам на КП в Свободу 4 июля, накануне сражения. Пробыл он у нас до 10—11 часов 5 июля и убыл якобы на Западный фронт к Соколовскому В.Д., так, по крайней мере, уезжая, он сказал нам... В подготовительный к операции период Жуков Г.К. у нас на Центральном фронте не бывал ни разу... Был здесь представитель Ставки или не было его — от этого ничего не изменилось. А возможно, даже ухудшилось...»

Еще один «представитель» — Л.З. Мехлис весной 1942 года очень сильно «помог» командованию Крымского фронта. В результате: гибель трех армий, падение Севастополя, почти 250 тысяч пленных.

«Согласовывая работу фронтов», в сентябре 1943 года Жуков сбросил две бригады воздушных десантников на букринский плацдарм прямо в распоряжение немецких танковых дивизий. В ходе проведения Корсуньской операции «Маршал Советского Союза Жуков не сумел организовать

достаточно четкого взаимодействия войск, отражавших натиск врага, и был отозван Ставкой в Москву».

В октябре 1943-го сразу два «смотрящих» за Северо-Кавказским фронтом утвердили план авантюрного набега отряда кораблей на Ялту. В результате погибли три последних боеспособных эсминца Черноморского флота.

В январе 1944 года маршал К.Е. Ворошилов, «претворяя в жизнь замыслы Ставки», организовал высадку морского десанта через Керченский пролив. Десант погиб почти полностью. С понижением в воинском звании слетел с должности командующий Отдельной Приморской армией генерал И.А. Петров. На аудиенции Верховный ему разъяснил: «Мы вам не позволим прятаться за широкую спину товарища Ворошилова. Вы там были командующим и за все будете нести ответственность вы».

Так и мотались маршалы по фронтам, занимаясь, мягко говоря, не своим делом: ползали на брюхе по передовой, доводя до инфаркта командармов и уполномоченных, головой отвечавших за их драгоценные жизни, и очень тем гордились, инструктировали командиров дивизий, беседовали с «народом», выбивали для «своих» фронтов пополнения и технику, надзирали и погоняли.

Только в Красной Армии начальник Генерального штаба мог, разъезжая по немецким позициям, подорваться на mine и при этом считать, что он находится на своем месте: «Эта форма управления войсками через представителей Ставки, находившихся непосредственно в зоне боевых действий, оправдала себя». Василевский так и не понял, для чего эти пруссаки выдумали Генеральный штаб!

Подготовка советского наступления происходила в сложных условиях, когда войска вели почти непрерывные бои за днепровские плацдармы, а основные силы 1-го Украинского фронта отражали удар 4-й танковой армии на Киев. Действия этого фронта в предстоящей операции должны были начаться с контрнаступления против сильнейшей вражеской группировки. Для выполнения поставленной задачи Ставка в середине ноября передала в состав фронта из своего резерва 1-ю гвардейскую, а затем 18-ю общевойсковую и 1-ю танковую армии, а также два отдельных танковых корпуса, с подходом которых должно было начаться наступление.

К концу 1943 года в составе четырех советских фронтов (без 51-й армии, «закупорившей» выходы из Крыма) на-

считывалось 188 дивизий, 19 механизированных и танковых корпусов, 13 бригад — 2 406 100 человек, 28 654 орудия и миномета, 2015 танков и САУ. Советские ВВС (с учетом авиации дальнего действия) имели 2600 боевых самолетов.

Эти цифры взяты из советской «Истории Второй мировой войны». Однако они вызывают сомнения. Например, утверждается, что по количеству танков силы были равны, более того, эти данные «...опровергают вымыслы бывших гитлеровских генералов и ряда современных буржуазных авторов о якобы огромном численном преобладании советских войск... Характерным здесь было как раз то, что наступление начиналось при отсутствии существенного общего превосходства в силах над противником».

Но если считать, что все соединения были укомплектованы по полному штату, то немцы в составе танковых, моторизованных дивизий и отдельных батальонов должны были иметь 3287 танков и штурмовых орудий. При таком же подсчете у советской стороны (11 танковых, 8 механизированных корпусов, 12 отдельных танковых бригад, 21 отдельный танковый полк) выходит более 6000 танков и САУ. Конечно, обе стороны, ведя непрерывные бои, несли потери. Но, подчеркну, обе стороны. И даже если, и наверняка, наши потери были больше немецких, то и ротация кадров, и пополнение техникой у нас осуществлялись гораздо быстрее. Вот и генерал Ватугин перед новым наступлением получил более 1000 танков и 16 свежих стрелковых и 3 кавалерийские дивизии. Бывший командующий 1-й танковой армией маршал М.Е. Катуков прямо указывает: «Снова число боевых машин в армии доводили до штата — около 600». С начала декабря находилась в резерве и пополнялась техникой 3-я гвардейская танковая армия.

А Манштейн на совещании у фюрера жаловался, что группа армий «Юг» потеряла 133 000 человек, а пополнения получила только 33 000.

То ли дело в Красной Армии. В течение только ноября—декабря 1943 года четыре вышeperечисленных советских фронта в боях под Киевом и в нижнем течении Днепра потеряли 3200 танков, в следующие четыре месяца потеряют еще 4600 боевых машин. А всего в боях за освобождение Украины сторело более 12 000 танков и САУ.

Стоит ли опровергать «буржуазных авторов»? Ведь умение создать превосходство на избранном тобой театре или

направлении и есть военное искусство. Гитлер не смог определить для себя приоритетное направление и не успел усилить южный фланг. Товарищ Сталин успел. В результате: «Это численное превосходство дало возможность Советам наступать не только на одном, но часто и на многих участках одновременно, имея подавляющее превосходство в силах. Оно позволяло противнику удивительно быстро восполнять свои часто тяжелые потери».

А у немцев «...в тяжелых боях падала боеспособность немецких соединений. Пехотные соединения непрерывно находились в боях. Танковые соединения, как пожарную команду, бросали с одного участка фронта на другой».

Что и требовалось доказать.

Далее немецкий фельдмаршал признает: «Мы, конечно, не ожидали от советской стороны таких больших организаторских способностей, которые она проявила в этом деле, а также в развертывании своей военной промышленности. Мы встретили поистине гидру, у которой на месте одной отрубленной головы выростали две новые».

Наши полководцы почему-то этого стесняются. Наверно, хочется показать себя еще «искусней», доказать, что научились воевать «умением».

Начало стратегическому наступлению на Правобережной Украине положила Житомирско-Бердичевская операция 1-го Украинского фронта.

ЖИТОМИРСКО-БЕРДИЧЕВСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Нарушив связь между группами армий «Центр» и «Юг», советские войска, занимавшие киевский плацдарм, нависали над всей группировкой противника на Правобережной Украине. Поэтому германское командование стремилось ликвидировать этот плацдарм и вернуть Киев. Советские войска, увлекшись преследованием, разведки не вели, фланги не обеспечивали, на достигнутых рубежах не закреплялись.

16 ноября 1943 года 4-я танковая армия генерал-полковника Германа Гота перешла в контрнаступление на Киев, направляя главные усилия вдоль Житомирского шоссе. Нанеся сосредоточенный удар семью танковыми и одной моторизованной дивизиями по растянувшимся войскам 1-го Украинского фронта, немцы сильно потрепа-

ли советские части и, продвинувшись на 35—40 км, вновь овладели Житомиром, Коростенем, Брусиловом, окружив часть сил 60-й армии и восстановив прерванную было железнодорожную связь с группой армий «Центр». Казалось, путь на Киев открыт.

Обеспокоенный Сталин приказал Рокоссовскому сдать на время командование Белорусским фронтом своему заместителю и немедленно выехать к Ватутину в качестве представителя Ставки с полномочиями в случае необходимости, не ожидая дополнительных указаний, самому вступить в командование 1-м Украинским: «Мы тщательно разобрались в обстановке и ничего страшного не нашли. Пользуясь пассивностью фронта, противник собрал сильную ударную группировку и стал наносить удары то в одном, то в другом месте. Ватутин вместо того, чтобы ответить сильным контрударом, продолжал обороняться. В этом была его ошибка. Он мне пояснил, что если бы не близость украинской столицы, то давно бы рискнул на активные действия. Но сейчас у Ватутина были все основания не опасаться риска. Помимо отдельных танковых корпусов две танковые армии стояли одна другой в затылок, не говоря об общевойсковых армиях и артиллерии РКК. С этим количеством войск нужно было наступать, а не обороняться. Я посоветовал Ватутину срочно организовать контрудар по зарвавшемуся противнику. Ватутин деятельно принялся за дело».

В помощь двум попавшим в тяжелое положение общевойсковым армиям командующий фронтом успел перебросить на опасный участок части двух армий с букринского плацдарма, 3-ю гвардейскую танковую армию из-под Фастова, 1-й стрелковый и 7-й артиллерийский корпуса из резерва. На прямую наводку были выдвинуты 152-мм и даже 203-мм гаубицы. Ожесточенные бои длились десять дней. 7-я танковая дивизия за это время потеряла 70 процентов своего состава. Едва прибывшая из Европы, необстрелянная, не имевшая боевого опыта 25-я танковая генерала Шелла, столкнувшись с реалиями Восточного фронта, бежала с поля боя, заработав «психический шок». Тяжелые потери вынудили Гота прекратить наступление вдоль шоссе Житомир—Киев. После чего фюрер вывел заслуженного генерала в резерв, объявив что Гот переутомился. Новым командующим 4-й танковой армии стал генерал танковых войск Э. Раус.

Доложив Верховному, что Ватутин войсками руководит уверенно и с обязанностями справляется, генерал Рокоссовский вернулся в Белоруссию.

20 ноября командование группы армий «Юг» обратилось с письмом к ОКХ, в котором докладывалось, что при существующем положении дел группа в течение зимы не сможет удержать своих позиций: потери в людях и технике не восполнялись, прибывающие соединения направлялись на удержание бесперспективных с оперативной точки зрения районов. Манштейн предлагал в срочном порядке вывести войска из Днепровской дуги, эвакуировать из Крыма 17-ю армию; за счет этого сократить линию фронта на своем правом крыле, создать резервы, усилить значительно более важный северный фланг.

Эти рекомендации приняты не были: «В качестве причины для удержания Днепровской дуги Гитлер по-прежнему указывал на значение Никополя и Крыма для ведения войны. Он все еще не отказывался от надежды на то, что после успешного отражения атак противника в Днепровской дуге можно будет нанести удар в южном направлении, чтобы снова установить связь с крымской группировкой... Каждый раз, когда ему делали предложения о сокращении фронта, он пускал в ход аргумент о том, что в этом случае и у противника высвободятся силы. Этого, естественно, нельзя было оспаривать. Но Гитлер при этом сознательно не хотел видеть, что наступающий может истощить свои силы, атакуя оборонительные позиции, в том случае если они заняты крупными силами. Всякая же попытка удержать линию, которая занята войсками примерно так же, как линия охранения, должна привести к тому, что слишком слабые силы обороняющегося будут очень быстро истощены или противник просто выбьет их с этих позиций».

Советское командование, учитывая возможность дальнейших попыток противника наступать на Киев, решило сокрушительным ударом разгромить 4-ю танковую армию и отбросить ее к Южному Бугу. Однако войска Ватутина после тяжелых боев, длившихся с июля 1943 года, не могли решить эту задачу имевшимися силами. Поэтому Ставка дополнительно включила в состав фронта две общевойсковые и 1-ю танковую армию генерал-лейтенанта М.Е. Катукова, а также 4-й гвардейский и 25-й танковые корпуса.

8-й и 10-й танковые корпуса из состава фронта убыли на укомплектование. То есть количество танковых соединений с обеих сторон было примерно одинаковым, но советские имели возможность «работать в две смены».

К 24 ноября 1943 года в состав 1-го Украинского фронта входили 1-я гвардейская, 13, 18, 27, 38, 40, 60-я общевойсковые, 1-я и 3-я гвардейская танковые, 2-я воздушная армии, 54-й и 159-й укрепленные районы.

28 ноября командование 1-го Украинского фронта получило директиву Ставки, в которой говорилось:

«...1. Наличных сил Николаева недостаточно для осуществления контрудара и разгрома сил противника. Необходимо поэтому немедленно перейти Николаеву на жесткую оборону с задачей измотать силы противника силами нашей артиллерии и авиации при попытках его наступления или отдельных атак.

Оборона должна иметь не менее трех оборудованных рубежей с максимальным использованием противотанковых и других мин.

2. С подходом Леселидзе, Катуква и других сил обязательно нужно заняться организацией нашего контрнаступления с задачей разгрома сил противника и выходом на Южный Буг. Это контрнаступление нужно организовать так же основательно и тщательно, как это было сделано под Белгородом».

В соответствии с этим указанием Ватутин 29 ноября отдал оперативную директиву, в которой 13, 60, 1-й гвардейской, 38-й и 40-й армиям ставилась задача — немедленно перейти к жесткой обороне и не допустить противника к Киеву.

В резерве фронта сосредоточивались: 18-я армия в районе Бородеянка, Гостомель; 3-я гвардейская танковая армия — Черногородка; 1-я танковая армия — Святошино, Тарасовка, Жуляны; 5-й гвардейский танковый корпус — Тетерев, Песковка; 4-й гвардейский танковый корпус — Малин, Городище; 1-й гвардейский кавалерийский корпус — Заурядье, Вырва.

В этой же директиве были даны указания — пополнить стрелковые войска, создать запасы горючего, боеприпасов, продовольствия.

Одновременно началась разработка плана предстоящей наступательной операции.

Как и ожидалось, противник в начале декабря вновь перешел в наступление. На этот раз немецкое командование решило главный удар нанести севернее Житомирского шоссе, стремясь обойти Киев с севера.

6 декабря 48-й танковый корпус нанес удар в направлении Малина, в полосе 60-й армии генерал-лейтенанта И.Д. Черняховского и 1-й гвардейской армии генерал-полковника В.И. Кузнецова. Выбитые из Черняхова, части 30-го стрелкового корпуса, мягко говоря, поспешно отступили. «Противник наступал главным образом по ночам, — вспоминает полковник А.Б. Немчинский. — Ночью части 4-й гитлеровской танковой армии, двигавшиеся с зажженными фарами и с подвыванием сирен, пробивали широкий коридор в боевых порядках 60-й армии. Днем танки останавливались, но вступала в бой авиация, наносившая удары по советским войскам. Говорили, что на наш участок прибыл Роммель, который дал слово Гитлеру вернуть Киев».

Дивизии Черняховского, минируя дороги и прикрываясь арьергардами, отошли к Малину. Чтобы сбить темпы продвижения танковой группировки, широко применялись группы саперов — истребителей танков, действовавшие преимущественно ночью. Такие группы из 3—4 человек, вооруженные автоматами и противотанковыми минами, размещались у лесных дорог, просек, в узких местах наиболее вероятного появления танков противника. Заранее готовились и маскировались окопы и протягивались тросики с закрепленными на них минами. Фокус состоял в том, чтобы при появлении вражеской машины, выбирая тросик, положить мину прямо под гусеницу. После этого надо было выйти к своим, доложить номер уничтоженного танка и получить на грудь орден Славы 3-й степени. Те, кому удавалось вернуться с такого задания, естественно, обязательно что-нибудь да «уничтожали». Например, Москаленко без всякого сомнения сообщает, что в полосе его 38-й армии саперы, действуя в тылу противника, за трое суток уничтожили 35 танков и самоходных установок, 5 бронетранспортеров: «Эффект массового применения групп истребителей превосшел все наши ожидания».

Через три дня немцы перешли к активным действиям в районе Коростеня и Ельска против 13-й армии генерал-лейтенанта Н.П. Пухова. Несмотря на определенные успехи широко разрекламированного «нового мощного наступле-

ния», прорваться к Киеву с запада противнику не удалось. Однако захваченный 1-й гвардейской армией плацдарм на реке Тетерев пришлось оставить. В результате этого Ставка ВГК сместила Кузнецова, назначив 15 декабря на его место генерал-полковника А.А. Гречко.

Замысел операции 1-го Украинского фронта предусматривал нанесение четырех рассекающих ударов в полосе 200 км при общей протяженности полосы фронта 460 км. Главный удар намечалось нанести в направлении Житомир, Бердичев силами 1-й гвардейской, 18-й и 38-й общевойсковых, 1-й и 3-й гвардейской танковых армий с целью разгромить группировку противника в районе Брусилова — 8, 19, 25-я танковые дивизии, 2-я танковая дивизия СС «Рейх» — и в последующем выйти на рубеж Любар, Винница, Липовец.

Вспомогательные удары предусматривалось осуществить войсками, находящимися на крыльях фронта: справа от главного — 60-й армией с 4-м гвардейским танковым корпусом — в обход Житомира на Шепетовку; слева — смежными флангами 40-й и 27-й армий при участии 5-го гвардейского танкового корпуса — на Христиановку, где должны были состояться соединение с войсками 2-го Украинского фронта и окружение группировки врага, оборонявшей каневский выступ.

На северном фланге 13-я армия с приданными ей 1-м гвардейским кавалерийским и 25-м танковым корпусами получили задачу наступать на Коростень, Сарны, Новоград-Волынский.

Поддержка наступления фронта возлагалась на 2-ю воздушную армию генерал-лейтенанта С.А. Красовского.

При подготовке операции большое внимание уделялось мероприятиям по дезинформации противника. Для отвлечения внимания от направления главного удара имитировалось сосредоточение крупных сил на коростеньском направлении и на букринском плацдарме.

Итак, к началу операции 1-й Украинский фронт имел в своем составе 63 стрелковые, 3 кавалерийские дивизии, 1-ю Чехословацкую пехотную бригаду, 6 танковых и 2 механизированных корпуса, 5 отдельных танковых бригад, 16 танковых и самоходно-артиллерийских полков. Во фронте насчитывалось 924 300 человек, 11 387 орудий и минометов, 12 300 зенитных орудий, 297 установок реактивной артил-

лерии, 1125 исправных танков и САУ и 529 боевых самолетов.

Фронту противостояла 4-я танковая армия в составе 14 пехотных, 1 горнострелковой, 1 резервной, 2 охранных, 7 танковых и 1 моторизованной дивизий, корпусной группы «Ц», мотобригады СС «Лангемарк», 506-го и 509-го тяжелых танковых батальонов и 6 дивизионов штурмовых орудий. Танковые группировки действовали на двух участках: четыре дивизии в районе Брусилова и три в районе Малина. Корпусные группы представляли собой остатки двух или трех дивизий, сведенных под единым командованием. По численности и организации корпусная группа в лучшем случае соответствовала одной «нормальной» дивизии, но наши авторы в стремлении показать мощь противника считали их за три.

Немцы, по данным «Советской военной энциклопедии», имели 574 000 человек, 6960 орудий и минометов, 1200 танков и штурмовых орудий и до 500 боевых самолетов 8-го авиационного корпуса 4-го воздушного флота.

Вновь вызывают сомнение как первые, так и вторые цифры.

Вообще советские историки использовали какой-то совершенно иррациональный математический аппарат, напоминающий неевклидовую геометрию, где через две точки можно провести сколь угодно прямых. Простая арифметика не подходила: ведь нужно было показать мощь и преимущество социалистической промышленности, боевые успехи Красной Армии и численное превосходство противника одновременно. К примеру, к началу ноября 1943 года они насчитали под Киевом 422 вражеских танка, затем сообщают, что с 3 по 30 ноября войска 1-го Украинского фронта уничтожили 1800 и захватили 106 танков и штурмовых орудий, а на 24 декабря у генерала Рауса, по их утверждениям, числится 1200 боевых машин! То есть за неполные два месяца 4-я танковая армия получила неизвестно откуда 2684 танка и штурмовых орудия. Если учесть, что и в декабре велись ожесточенные бои в районе Малина, то значительно больше. Видно, на 4-ю танковую армию действительно вся Европа работала.

Кстати, на десять лет раньше «Военно-исторический журнал» давал по немецкой группировке гораздо более скромные цифры: 300 000 человек, 3500 орудий и мино-

метов, до 600 танков. Как видим, силы противника за десятилетие практически удвоились. К тому же 1200 танков и штурмовых орудий — это цифра как раз полного штата всех дивизий и батальонов 4-й танковой армии. А, как говорилось выше, в наступлении на Киев именно танковые подразделения понесли наиболее тяжелые потери. Маршал К.С. Москаленко подтверждает, что в немецких танковых дивизиях оставалось не более 50% первоначального состава. Это как раз и дает около 600 машин.

С другой стороны, мы знаем, что генерал Ватугин накануне операции получил четыре полностью укомплектованных танковых и механизированных корпуса, в составе которых находились примерно 1100 танков и САУ. Еще 419 танков и самоходных установок имелось в трех корпусах танковой армии Рыбалко. Если верить нашим энциклопедиям, получается, что во всех остальных танковых частях фронта, а это — 5-й гвардейский танковый корпус, пять отдельных танковых бригад, шесть отдельных танковых и десять самоходно-артиллерийских полков, боевых машин не было вообще.

Поэтому не будем верить энциклопедиям.

Большую роль играло трехкратное советское превосходство в пехоте. Численность личного состава фронта, несмотря на потерю 108 000 убитыми и ранеными, выросла по сравнению с ноябрем на 200 000 человек.

Таким образом, к прорыву привлекались все девять армий. На каждом из направлений создавались сильные группировки, при этом особенно мощная на направлении главного удара. В целях создания высоких плотностей войск командование фронта определило неширокие участки прорыва: для главной группировки — 18 км, для 60-й армии — 15 км, для 40-й и 27-й армий — 10 км, а для 13-й армии — всего 4 км. Оперативная плотность на участках составила в среднем 2—3 км на одну дивизию, около 180—200 орудий и минометов, более 20 танков на 1 км.

Избранная ширина участков прорыва обеспечивала необходимые условия для ввода в сражение подвижных групп. В то же время небольшое удаление участков прорыва друг от друга позволяло уже с преодолением тактической зоны обороны и расширением прорывов в сторону флангов объединить их в один общий участок прорыва и добиться образования глубокой бреши во вражеской обороне.

Переход в наступление планировалось произвести не одновременно на всех направлениях, а последовательно — сначала на главном, на второй день на левом крыле фронта и на третий день на правом крыле. Это позволяло массированно и более эффективно использовать авиацию на каждом из направлений, а также осуществлять маневр частью артиллерии РВГК с главного направления на вспомогательные.

Подвижные группы решено было ввести в сражение в ходе прорыва главной полосы обороны или после того, как стрелковые соединения овладеют ею.

По решению командующего фронтом во всех армиях устанавливался единый порядок ведения артиллерийского наступления. Артподготовка назначалась продолжительностью 90 минут, поддержка атаки пехоты и танков, которая должна была начаться на 51-й минуте, проводилась методом последовательного сосредоточения огня.

Планом авиационного наступления предусматривалось за двое суток до начала операции нанести удары по штабам, железнодорожным узлам и резервам противника, а непосредственно перед атакой всей штурмовой и бомбардировочной авиацией — по тактической обороне. С началом прорыва ставилась задача поддержать атаку главных сил путем непрерывного воздействия по опорным пунктам неприятеля, а с вводом в сражение танковых армий переключить основные силы авиации на их обеспечение.

Немцы имели в среднем 13 км на дивизию. Причем оборона их была неглубокой и носила очаговый характер. Так, в указаниях командующего 38-й армии до сведения командиров доводилось:

«Особенность обороны противника перед фронтом 38-й армии и соседа справа состоит: а) в большой подвижности войск (танковые соединения с мотопехотой); б) в системе размещения танков небольшими группами по населенным пунктам с целью усиления маневренности при контратаках; в) в наличии самоходной артиллерии и, следовательно, в маневренности ее; г) в малочисленности пехоты противника. Ожидаемый способ противодействия нашему наступлению со стороны противника будет заключаться в контратаках небольшими группами танков с автоматчиками и в попытках нанести контрудар резервами танков и пехоты при завязке боя в глубине обороны противника.

Задачей наступающих частей является: опережать любой маневр противника и, следовательно, находиться в полной готовности к немедленному отражению его контратак или подавлению всяких попыток перейти в контратаку».

Значительный прогресс в образовании наших полководцев демонстрирует 14-й пункт этого документа: «Обход населенных пунктов, обороняемых противником, с флангов и тыла считать обязательным и единственно правильным видом маневра, независимо от силы сопротивления противника».

В ходе подготовки наступления шла поголовная мобилизация мужского населения на освобожденных территориях. Немецкий Генштаб вовсе небезосновательно рассчитывал на истощение людских ресурсов в СССР.

На 1 января 1940 года в стране на воинском учете рядового и сержантского состава состояло 19 798 354 человека. Ориентирование советской военной доктрины на ведение наступательной победоносной войны привело к тому, что высшее военное командование придерживалось мнения о достаточности сил мирного времени для ведения боевых действий как минимум в течение года. Мобилизационным планом предусматривалось призвать около 10 миллионов четырнадцати возрастов: 5 миллионов направить на отмобилизование РККА И РККФ, 3,8 миллиона использовать в первый год войны на восполнение безвозвратных потерь действующих фронтов, 1,2 миллиона — для укомплектования новых частей.

Однако в первые же месяцы войны расходование людских ресурсов приобрело катастрофические размеры. Темп их «использования» в июне—июле 1941 года превышал один миллион человек в месяц. Сверх мобплана были призваны к этому времени 2,1 миллиона человек. Потери Красной Армии к декабрю, по самым скромным подсчетам, составили 4,5 миллиона убитыми, ранеными, пленными, из них более 3 миллионов — безвозвратные потери. За линией фронта к этому времени осталось 5,6 миллиона военнообязанных. В следующем году эти цифры были удвоены.

Уже на 1 августа 1941 года военнообязанных в возрасте до 40 лет на учете состояло всего 3,6 миллиона. Для изыскания людских ресурсов 20 августа был издан приказ наркома обороны № 0308 о замене рядового и сержантского состава молодых возрастов во всех тыловых частях и учреждениях,

в ряде инженерных частей и подразделений ВВС лицами старших возрастов, женщинами и ограниченно годными. Разбронировались и призывались рабочие оборонных предприятий, милиционеры, ссыльные переселенцы и отбывающие заключение по уголовным статьям.

К концу августа 1941 года стало очевидным, что все имевшиеся резервы военнообязанных, родившихся в 1905—1918 годах исчерпаны! И принимаются новые решения: призвать возраста 1885—1905 годов рождения, отменить отсрочки от призыва, снизить призывной возраст до 18 лет, снизить требования к состоянию здоровья солдат.

В 1944 году был разрешен призыв семнадцатилетних. В этой ситуации 70 миллионов советских граждан, проживавших на оккупированных территориях, являлись чуть ли не единственным источником людских ресурсов.

Это понимали и немцы: «Так как Советы в отбитых ими у нас областях немедленно мобилизовывали всех годных к военной службе мужчин до 60 лет и использовали все население без исключения, даже в районе боев, на работах военного характера, Главное командование вермахта приказало переправить через Днепр и местное население. В действительности эта принудительная мера распространялась только на военнотружущих. Но значительная часть населения добровольно последовала за нашими отступавшими частями, чтобы уйти от Советов... Количество присоединившихся к нам гражданских лиц составило, вероятно, несколько сот тысяч человек».

Одновременно, отходя за Днепр, немецкие войска применили тактику «выжженной земли», вывозя или уничтожая запасы продовольствия, предприятия, транспортную сеть, жилые дома. Впрочем, еще в конце 1941 года такую тактику применил Сталин, разрушая Подмоскowie с целью «выгнать немцев на мороз». Разница в том, что немцы уничтожали чужое, а мы свое. И еще Манштейн не догадался награждать боевыми орденами «выдающихся смельчаков за отважные действия по уничтожению населенных пунктов».

Оставшихся и дождавшихся освобождения жителей тут же призывали в Красную Армию, где они считались людьми «второго сорта», попавшими под подозрение уже только потому, что проживали на захваченной врагом территории. Их использовали как пушечное мясо, зачастую не выдавая ни оружия, ни обмундирования. Вот свидетельство из письма

домой немецкого солдата: «На вновь занимаемой территории Красная Армия призывала все население — мужчин и женщин. Сформированные из них трудовые батальоны используются для увеличения массы атакующих. Не имело значения, что эти призывники не обучены, большинство из них без оружия, а многие — без сапог. Взятые нами пленные говорили, что рассчитывают взять оружие у павших. Эти невооруженные люди, вынужденные идти в атаку, подозревались в сотрудничестве с нами и платили буквально своими жизнями за это подозрение».

Выгребали всех подчистую. Призыв осуществлялся распоряжениями командующих фронтами и армиями. За счет этих людей, призывавшихся, как правило, непосредственно в части, в значительной степени происходил недоучет советских безвозвратных потерь.

«Призывники с оккупированных, а особенно западных, областей расценивались как потенциальные предатели. Практически их гнали в атаку, как скот на бойню. Расчет был на то, что «черная пехота» только измотает немцев и заставит израсходовать запас боеприпасов, чтобы потом свежие части смогли заставить отступить противника с занимаемых позиций. Поэтому не выдавали несчастным ни обмундирования, ни винтовок. Зачем тратиться на тех, кому суждено погибнуть в первом же бою. И что погибнут — не беда, НКВД после войны меньше работы будет» (Б.В. Соколов, «Неизвестный Жуков»)

Так, к примеру, части 38-й армии генерала Москаленко в период 1—15 декабря «получили пополнение, в основном из мобилизованного местного населения освобожденной территории, общим количеством 18 000 человек в возрасте 18—45 лет». Через десять дней этих, не имеющих никакой военной подготовки людей бросят в бой в первом эшелоне. Соседи, 18-я армия, к середине декабря также «получила маршевое пополнение в количестве 11 631 человека... Пополнение продолжало поступать и во второй половине месяца».

У генерала Конева процесс превращения «шпака» в солдата вообще происходил молниеносно: «Мужчины освобожденных районов добровольно вступали в ряды регулярных частей, ведущих боевые действия с врагом. Например, только в одном селении Квитки около 500 мужчин влились в состав 180-й стрелковой дивизии и здесь же на окраине

села вступили в бой с атакующим противником». И что, дивизия их всех вооружила? И где-нибудь учтены эти добровольцы?

Лишь единицам таких призывников суждено было уцелеть, стать «нормальными» солдатами и получить форму и оружие.

Пехотным начальникам все же было проще решать проблему доукомплектования. А вот кого, например, посадить за рычаги танка? Маршал И.И. Якубовский вспоминает об острой нехватке специалистов в 3-й гвардейской танковой армии: из тыла потоком шли эшелоны с новенькой боевой техникой, но без экипажей, а личный состав пополнялся, как и в других армиях, «главным образом за счет отмотобилизованных в освобожденных районах».

Прорыв на направлении главного удара начался 24 декабря 1943 года. Вслед за разведкой боем была проведена мощная артиллерийская подготовка, начавшаяся залпом 3-й гвардейской тяжелой минометной дивизии. Из-за низкой облачности массированное применение авиации было исключено. Перейдя в атаку, войска главной группировки фронта быстро овладели опорными пунктами и узлами сопротивления противника на первой позиции и с ходу атаковали вторую. Здесь бои приняли более ожесточенный характер, движение стрелковых корпусов замедлилось. Чтобы быстрее завершить прорыв тактической обороны и вырваться на оперативный простор, в середине дня были введены в сражение обе танковые армии: в полосе 18-й армии — 3-я гвардейская генерал-полковника П.С. Рыбалко (6-й и 7-й гвардейские танковые, 9-й механизированный корпус, 91-я отдельная танковая бригада), в полосе 38-й армии — 1-я танковая армия Катукова (11-й гвардейский танковый и 8-й гвардейский механизированный корпус, 61-я гвардейская танковая бригада).

В результате их одновременного удара севернее и южнее Брусилова сопротивление противника было сломлено и к исходу дня прорыв тактической зоны обороны был завершен. Танковые армии продвинулись на глубину 15—20 км, а общевойсковые — до 10 км.

При состоянии немецкой обороны и общем соотношении сил было бы удивительно, если бы получилось иначе. Ведь в полосе шириной 18 км с советской стороны действовали 25 стрелковых дивизий, 3 танковых, 2 механизирован-

ных корпуса, 3 отдельные танковые бригады, 4 отдельных танковых и 2 отдельных самоходно-артиллерийских полка. Армии Москаленко и Катукóва главный удар наносили в 7-километровой полосе, имея оперативную плотность 1200 метров на дивизию.

Всему этому великолепию противостояли 68-я пехотная, 8, 19-я и «психически травмированная» 25-я танковые дивизии, все вместе имевшие 190 боевых машин, а также 2-я танковая дивизия СС «Рейх».

Для Манштейна, отправившегося отмечать Рождество в 20-ю моторизованную дивизию, этот удар оказался неожиданностью: «Первые донесения о начале наступления противника по обе стороны от шоссе Киев—Житомир я получил, находясь в 20-й мотодивизии, расположенной за угрожаемым участком фронта в резерве... Вначале донесения не содержали особо тревожных сведений». К тому же фельдмаршал полагал, что танковая армия Рыбалко находится севернее, в полосе 13-й армии. А о 1-й танковой армии, скрытно переброшенной из резерва Ставки, вообще не имел информации. Не знал он и о появлении 18-й армии Леселидзе.

48-й танковый корпус продолжал в это время попытки прорваться на восток от Малина в тыл 60-й армии Черняховского.

«Все это, — делает вывод маршал Москаленко, — не оставляет сомнений в том, что противник не имел представления о действительных масштабах перегруппировки наших войск, а следовательно, не знал и ее целей».

В общем, начало получилось удачным. На следующий день, несмотря на резкое ухудшение погоды, ограничивавшее применение авиации и затруднявшее действия наземных войск, соединения ударной группировки успешно продвигались вперед.

Командование группы армий «Юг» начало спешную переброску штаба 48-го танкового корпуса и входивших в его состав трех танковых дивизий — 1-й, 7-й и 1-й СС «Лейбштандарт «Адольф Гитлер» — в сторону Житомира.

25 декабря перешли в наступления 40-я и 27-я армии. К исходу дня прорыв был расширен по фронту до 80 км и на глубину 20—30 км. Создались условия для оперативного преследования.

На третий день операции, когда оперативная оборона

оказалась надломленной, а противник начал стягивать свои резервы к опасному для него направлению, в наступление перешли группировки правого крыла фронта. Особенно крупного успеха добилась 60-я армия генерала Черняховского. В течение дня ее войска продвинулись на глубину до 25 км.

26 декабря 328-я стрелковая дивизия 1-й гвардейской армии овладела важным узлом сопротивления Радомышлем.

27 декабря ударные группировки фронта продолжали наступление, хотя противник резко усилил сопротивление на житомирском направлении. Введя в бой три дивизии 48-го танкового корпуса, переброшенные из района Малина, и 18-ю артиллерийскую дивизию, прибывшую из-под Белой Церкви, он предпринял многочисленные контратаки в районе Коростышева. Но все они были отбиты, и советские войска в течение дня вновь продвинулись на 25 км. Несколько медленнее продвигалась армия Леселидзе, преодолевавшая лесной массив восточнее Житомира. В полосе 1-й танковой армии 11-й гвардейский танковый корпус генерала А.Л. Гетмана обошел Казатин с северо-запада, а 8-й гвардейский мехкорпус генерала С.М. Кривошеина — с востока. 28 декабря город был в руках советских войск. Войска 13-й армии 29 декабря выбили противника из Коростеня.

Столь стремительное продвижение объясняется тем, что противостоящие войска были в первые же два дня разгромлены еще в тактической зоне обороны, а крупных тактических и оперативных резервов у германского командования не было.

Особенно серьезные потери понесли те немецкие дивизии, которые попали под танковый «каток» главной группировки фронта: 19-я и 25-я танковые, а также дивизии передовой линии — 68, 208, 291-я пехотные дивизии. Последней во взаимодействии с корпусной группой «Ц» пришлось отражать удар всей 13-й армии генерала Пухова, имевшей в своем составе 13 стрелковых дивизий, 2 отдельные танковые бригады и 25-й танковый корпус. Пленные из состава 208-й пехотной дивизии показали, что в первых же боях дивизия была почти полностью обескровлена и в ней осталось около 600 человек. Командир 13-го армейского корпуса докладывал, что его соединения фактически не существует: в дивизиях на передовой осталось всего лишь

по 150—300 человек, а пехоты в целом — не более чем на один полк, солдаты измотаны.

Генерал Меллентин вспоминал: «Мы узнали, что 24-й танковый корпус потерпел поражение, что русские прорвались в районе Брусилова и теперь развивают прорыв. По имеющимся данным, они двигались к Житомиру, и 48-му ганковому корпусу была поставлена задача задержать их продвижение... Танковые дивизии 24-го корпуса (8-я, 19-я и дивизия СС «Рейх») были переданы в наше распоряжение, но никто и понятия не имел, где они находятся и какие понесли потери. Мы полагали, что их удастся обнаружить где-нибудь в лесах восточнее Житомира. Во всяком случае, теперь мы были обязаны определить местонахождение этих несчастных дивизий и восстановить фронт... Спустя некоторое время штабу нашего корпуса удалось установить радиосвязь с 19-й танковой дивизией и передать приказ прорываться в район южнее Житомира... Я никогда не забуду этого необычного Рождества. Из 19-й дивизии мы приняли радиограмму: «Атакован 30 танками противника. Горючего нет. Помогите, помогите, помогите!» После чего связь прервалась».

Что касается 25-й танковой, то в ней оставалось 30% личного состава при 20 танках, и в немецких документах она теперь значилась как «остатки дивизии».

Таким образом, прорыв тактической обороны на всех четырех участках был осуществлен в течение одного дня, а к исходу третьего дня операции все прорывы были объединены в общую брешь шириной до 200 км, и армии перешли к преследованию на широком фронте. Немецкую группировку, отступавшую из района Радомышля на Житомир, преследовали параллельными путями: с юго-востока — 3-я гвардейская танковая армия, а с северо-востока — 4-й гвардейский танковый корпус из фронтового резерва. Немцев, отходивших от Брусилова на Казатин, преследовала 1-я танковая армия.

К 30 декабря прорыв был расширен до 300 км по фронту, а его глубина достигла 100 км. Завязались бои за Житомир, Бердичев, Белую Церковь. По советским данным, к исходу шестого дня наступления войск 1-го Украинского фронта немцы потеряли убитыми и ранеными до 40 000 солдат и офицеров, свыше 3000 человек пленными, 579 танков, 92 штурмовых орудия, более 700 орудий и 680 минометов.

Можно подумать, что танков у генерала Рауса не осталось вовсе, вот только, по данным противника, вермахт за весь декабрь 1943 года на всех фронтах потерял 549 танков и 267 штурмовых орудий.

Своим наступлением войска Ватутина, охватывая каневскую группировку противника, создавали реальные предпосылки для ее окружения, что позволяло образовать в оперативной обороне врага значительную брешь, развитие наступления в которой могло привести к стратегическому прорыву. Дело было за 2-м Украинским фронтом.

Командование группы армий «Юг», еще недавно оптимистически оценивавшее положение, оказалось перед необходимостью «мучительной переоценки» обстановки. Фронт на огромном пространстве угрожающе трещал, готовый рухнуть. 4-я танковая армия откатывалась на запад. Надежды на возобновление обороны по Днепру исчезли. 25 декабря Манштейн вновь предложил ОКХ оставить никопольский выступ и за счет сокращения линии фронта перебросить на свой северный фланг 1-ю танковую армию генерал-полковника фон Макензена. Гитлер по-прежнему колебался в принятии решения.

В надежде замедлить темп советского наступления германское командование срочно подтягивало резервы, осуществляло реорганизацию управления войсками. Правифланговые соединения 4-й танковой армии — 24-й танковый и 7-й армейский корпуса, по существу отрезанные в каневском выступе, и часть войск из состава 8-й армии 29 декабря были подчинены переброшенному из Апостолова в Умань управлению 1-й танковой армии, войска которой передавались управлению 6-й армии. Соединения последней составили 44-й отдельный корпус. В районе Христиановки сосредоточивался 3-й танковый корпус — 6-я, 17-я танковые и 101-я легкопехотная дивизии, юго-восточнее Винницы — выделенный ОКХ 46-й танковый корпус в составе 16-й танковой, 1-й пехотной и 4-й горнострелковой дивизий. На эту перегруппировку отводилось шесть суток, тем временем обстановка в полосе 4-й танковой армии становилась критической.

В конце декабря серьезные события назревали в районе Житомира. Здесь действовала группировка в составе 7-й

танковой дивизии, части сил дивизии СС «Адольф Гитлер», 68, 208, 340-й пехотных и 213-й охранной дивизий.

Немцы намеревались упорно оборонять город, являвшийся важным узлом коммуникаций. Командование 1-го Украинского решило разгромить неприятельские войска одновременным ударом с флангов и с фронта. В соответствии с этим замыслом дивизии 60-й армии обошли город с северо-запада, перерезав шоссе и железную дорогу Житомир—Новоград-Волынский, а действовавший в составе армии 4-й гвардейский танковый корпус генерала П.Л. Полубоярова прорвался в район Высокой Печи, перехватив дорогу, ведущую от Житомира на запад. В это же время соединения 18-й и 3-й гвардейской танковой армий обошли город с юго-востока и перерезали шоссе и железную дорогу Житомир—Бердичев. Войска 1-й гвардейской армии подошли к Житомиру с востока.

В результате глубокого охвата флангов житомирской группировки оборонительные мероприятия противника в районе Житомира потеряли свое значение. Угроза окружения, нависшая над войсками, вынудила германское командование оставить этот узел сопротивления и начать отвод своих сил из Житомира на юг с целью соединиться с бердичевской группировкой. 31 декабря войска 1-й гвардейской и 18-й армий освободили город.

С освобождением Житомира и Казатина центр основных событий переместился на бердичевское направление, куда устремились основные силы фронта. Левифланговые части Катукова и Москаленко, гоня перед собой остатки 25-й танковой дивизии, угрожали коммуникациям в районе Винницы и Жмеринки.

В обороне 4-й танковой армии образовались две 75-километровые брешы. Одна на севере, на новоград-волынском и ровенском направлениях, где наступали 13-я и 60-я армии; другая — на винницком и уманьском направлениях, в полосах 38-й и 40-й армий. Для германского командования обе брешы представляли большую опасность. Первая из них разъединяла смежные фланги групп «Центр» и «Юг» и угрожала охватом всего левого фланга последней. Вторая брешь разрывала фронт группы армий «Юг». Устремившись в нее, советские соединения угрожали перерезать коммуникации войск противника, оборонявшихся в излу-

чине Днепра, что в дальнейшем могло привести к их окружению.

Таким образом, непосредственная и наибольшая опасность для немцев заключалась в потере Винницы, Жмеринки и Умани. Поэтому германское командование предприняло отчаянные попытки закрыть эту брешь. Главные свои усилия оно направило на удержание Бердичева и Белой Церкви, стремясь тем самым не допустить расширения разрывов в своем фронте. В то же время эти попытки несли угрозу стремившимся на юго-запад и юг соединениям 38-й и 40-й армий.

К счастью для немцев, несмотря на указания обходить населенные пункты «независимо от силы сопротивления противника», советские части увлеклись взятием городов. Ведь именно за это давали награды, звучали салюты и присваивались почетные наименования соединениям. Например, только за освобождение Житомира 17 частей и соединений стали именоваться Житомирскими. Как свидетельствует маршал Москаленко: «Подготовленных рубежей обороны врага в полосе армии не было обнаружено. Бои шли за населенные пункты и командные высоты, за которые противник отчаянно цеплялся». Это обстоятельство давало Манштейну, действовавшему в цейтноте, шанс успеть закончить перегруппировку сил: «...силы противника были связаны в боях с упоминавшимися выше изолированными группами войск 4-й танковой армии. Противник еще не видел или, во всяком случае, не полностью использовал возможности, предоставлявшиеся его подвижным соединениям благодаря наличию этих разрывов для нанесения ударов по тыловым коммуникациям или для окружения отдельных групп войск 4-й танковой армии».

Впрочем, Ватутин медлил недолго. В целях создания решительного перелома в полосе 40-й армии он подчинил ей 5-й гвардейский танковый корпус генерал-лейтенанта А.Г. Кравченко и направил его форсированным маршем с правого крыла фронта в город Сквир и далее в направлении Звенигородки. Удар танкистов способствовал резкому увеличению темпов продвижения 40-й армии, а также действовавшей левее 27-й армии. В ночь на 4 января Белая Церковь была освобождена. На правом фланге войска генерала Пухова 3 января овладели Новоград-Волынским.

Разрыв между центром 4-й танковой армии и войсками

в каневском выступе достиг 110 км. Сюда и повернуло командование 1-го Украинского фронта 1-ю танковую и 38-ю армии. Первая из них должна была наступать в южном направлении на Христиановку и там соединиться с войсками 2-го Украинского фронта, отрезая пути отхода противника из каневского выступа.

В центре завязались тяжелые бои за Бердичев — важный узел дорог, который обороняли части 1-й танковой дивизии, дивизии СС «Адольф Гитлер» и кавалерийский полк «Юг». Действовавшие здесь соединения 1-й танковой и 18-й армий еще в конце декабря попытались овладеть городом с ходу, но атака не удалась. Ворвавшиеся в город батальоны 44-й гвардейской танковой бригады были отрезаны противником. В это время другие советские части вели бои на подступах к городу. На пятые сутки им удалось пробить брешь в обороне немцев. Советские танки и пехота начали входить в город. Враг не выдержал. 5 января войска 18-й, 38-й, 1-й танковой армий освободили Бердичев, соединившись с подразделениями, действовавшими в окружении. Три советские армии одолели-таки три немецкие дивизии.

3-я гвардейская танковая армия, обойдя Бердичев с запада, попыталась развить наступление в направлении Хмельника, но завязла в обороне 208-й и 340-й пехотных дивизий. Здесь наши танкисты были неприятно удивлены «ранее не встречавшимися противотанковыми устройствами» немцев. Речь идет о 88-мм реактивном противотанковом ружье «панцершек», кумулятивная граната которого прожигала броню толщиной до 150 мм (толщина лобовой брони танка Т-34 составляла 47 мм, ИС-2 — 120 мм). Армия Рыбалко за 15 суток боев понесла большие потери, в строю осталось всего 59 танков и 26 самоходных установок.

Наступавшая на левом фланге 27-я армия 7 января овладела Ржищевом и соединилась с войсками, занимавшими букринский плацдарм. Танковые бригады Катукова в этот день ворвались в Липовец. Передовые советские отряды вышли в район 30 км севернее Умани, являвшейся базой снабжения войск фон Макензена, а также на подступы к Виннице, где находился штаб группы армий «Юг», который ввиду угрозы потери управления пришлось перевести в Проскуров.

«История Второй мировой войны», ссылаясь на архивы, которые, очевидно, хранят донесения наших команди-

ров об одержанных ими победах, удовлетворенно отмечает: «Только с 24 декабря 1943 г. по 6 января 1944 г. было уничтожено 72,5 тыс. германских солдат и офицеров, 1227 танков и штурмовых орудий, 1311 орудий и минометов, захвачено 4468 пленных, 246 танков и штурмовых орудий, 1087 орудий и минометов, 3246 автомашин. Большие потери в живой силе и технике противник понес и в последующие дни операции». Куда уж больше! Сводки и так составлялись по суворовскому принципу: «Пиши больше, чего их, супостатов, жалеть». Вновь получается интересная арифметика: генерал Раус, имея 1200, а скорее всего, все-таки 600 боевых машин, умудрился за две недели потерять 1473. Даже с учетом подошедших 6, 16-й и 17-й танковых дивизий результат не меняется: в 4-й танковой армии не осталось ни одного танка? Оказывается, ничего подобного. Как сообщает маршал Москаленко, опираясь на данные «всех видов разведки»: «Хотя большинство танковых дивизий противника после понесенных ими поражений имели большой некомплект, все же в их боевых порядках было отмечено до 600 танков».

По немецким данным, за весь январь на всех фронтах потери их сухопутных сил составили 44 500 человек убитыми и 22 000 пропавшими без вести, 531 танк и 283 штурмовых орудия.

Тем не менее советские войска нанесли тяжелое поражение 4-й и 1-й танковым армиям, отбросив их на 80—200 км на запад и юго-запад на 700-километровом фронте. Они почти полностью освободили Киевскую и Житомирскую области, ряд районов Винницкой и Ровенской областей.

Удар войск 1-го Украинского фронта был нанесен по самому чувствительному месту группы армий «Юг» — ее северному флангу, что грозило отсечением ее главных сил от путей, ведущих в Германию. 1-я и 4-я танковые армии понесли тяжелые потери: шесть дивизий из их состава потеряли около половины своей численности, а две дивизии были расформированы.

Войска Ватутина еще глубже охватили с севера группу армий «Юг». Правым крылом они овладели Сарнами и вышли на подступы к Ровно и Шепетовке, перерезав основную рокадную дорогу противника Вильнюс—Одесса. Прямое железнодорожное сообщение между группами «Центр» и «Юг» было прервано, а главные силы последней оказались под угрозой потери путей, ведущих в Германию. Левофлан-

говые армии фронта создали реальную возможность окружения вражеской группировки в каневском выступе. Дело оставалось за 2-м Украинским фронтом.

КИРОВОГРАДСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Для разрешения ситуации 4 января Манштейн вылетел в Ставку фюрера. Разговор получился тяжелым. Командующий группы армий «Юг» потребовал срочно выделить крупные силы для укрепления своего левого фланга либо за счет оставления Днепровской дуги и Крыма, либо за счет резервов. Гитлер в ответ заявил, что оставление Крыма будет означать отход Турции, Болгарии и Румынии, ослабление группы армий «Север» приведет к снятию блокады Ленинграда, отпадению Финляндии и потере господства в Балтийском море, а резервы ему нужны на Западе для отражения десанта союзников. Разочарованный Манштейн в личной беседе посоветовал фюреру передать Верховное командование кому-нибудь более компетентному, Гитлер, разумеется, был другого мнения. На том и расстались: «Так мне пришлось вернуться, ничего не добившись ни в отношении облегчения положения группы армий, ни в отношении урегулирования вопроса о нашем Главном командовании... Если наш фронт в течение января смог удержаться не только в районе никопольского плацдарма, но и в Днепровской дуге, то это объясняется самоотверженностью немецкого солдата. Его подвиги во время этих непрерывных тяжелых оборонительных боев вообще не поддаются описанию».

Обстановка для Манштейна осложнялась еще и тем, что в это время 2-й Украинский фронт приступил к проведению Кировоградской наступательной операции.

Войска под командованием генерала армии Конева в сентябре 1943 года форсировали Днепр и, развивая наступление на черкасском и криворожском направлениях, отбросили противостоявшую им 8-ю немецкую армию на 30—100 км от реки, овладев Черкассами, Знаменкой, Александрией.

Временно перейдя к обороне, советские армии доукомплектовывались личным составом, пополнялись вооружением, боеприпасами и готовили новое наступление на своем левом фланге.

Однако успехи, достигнутые в Житомирско-Берди-

ческой операции, создавали новые возможности для развития наступления на других направлениях. В связи с существенными изменениями в обстановке потребовалось уточнить задачи войскам всех фронтов, действовавших на Правобережной Украине. Ставка ВГК еще 29 декабря приняла решение о тесном взаимодействии 1-го и 2-го Украинских фронтов для разгрома противника в каневском выступе.

До этого 2-й Украинский фронт готовил удар в южном направлении на Березнеговатое с целью разгромить совместно с 3-м и 4-м Украинскими фронтами никопольско-криворожскую группировку врага. Теперь ему было приказано перенести основные усилия с левого крыла на центр и не позднее 5 января нанести главный удар на Кировоград, Первомайск, вспомогательный — на Шполу, Христиановку с целью соединиться там с войсками Ватутина. Уточнялась также задача 3-му Украинскому фронту. Он должен был, используя успех 1-го и 2-го фронтов, выдвинуться к Южному Бугу. Задача 4-го Украинского фронта оставалась прежней: Крым.

В распоряжение Конева Ставка выделила необходимые силы и материальные средства. Так, в конце декабря в состав фронта поступил 5-й Донской гвардейский кавалерийский корпус под командованием генерал-майора А.Г. Селиванова. За предыдущие три месяца потери фронта составили 303 тысячи человек, пополнения — 435 тысяч.

К началу января в состав 2-го Украинского входили 4, 5 и 7-я гвардейские, 37, 52, 53 и 57-я армии, 5-я гвардейская танковая, 5-я воздушная армии, 5-й гвардейский кавалерийский, 20-й танковый, 1, 7-й и 8-й механизированные корпуса. Всего фронт имел 59 стрелковых, 3 кавалерийские дивизии, 3 танковых, 4 механизированных корпуса, 3 отдельные танковые бригады, 4 отдельных танковых полка. Перед операцией 7-й мехкорпус был передан в подчинение командующего 5-й гвардейской армией, а 8-й механизированный корпус включен в состав 5-й гвардейской танковой армии.

К 1 января фронт насчитывал 594 000 человек, 7136 орудий и минометов, 700 боевых самолетов, 265 танков, 127 САУ — сообщает советский источник. Противоречия сам себе, этот же источник буквально на предыдущей странице говорит, что «для пополнения танковых войск фронт полу-

чил 300 танков и 100 самоходных установок». Только в танковой армии Ротмистрова в боеготовом состоянии имелось 238 танков и самоходных установок из общего количества 336 машин.

Перед 2-м Украинским фронтом, на 260-километровом участке от Канева до Баштины, оборонялась 8-я немецкая армия генерала пехоты Отто Велера, имевшая к 5 января в своем составе 8 пехотных, 1 кавалерийскую, 4 танковые, 1 моторизованную дивизию, отдельную штурмовую бригаду СС «Валлония», 8-й и 503-й танковые батальоны, 4 дивизиона штурмовых орудий — более 420 000 человек, 520 танков и штурмовых орудий, 5100 орудий и минометов, около 500 боевых самолетов.

Основная часть этих сил находилась в первом эшелоне. И конечно, «фронт имел незначительное общее превосходство над противником в силах и средствах и даже уступал ему в танках».

Главная полоса обороны состояла из системы опорных пунктов с развитой системой траншей. Из-за недостатка сил на ряде участков переднего края немцы имели только стрелковые окопы на три-пять человек, широко применяли проволочные заграждения — рогатки, спирали Бруно, а также плотные минные поля для прикрытия подступов к переднему краю и промежутков между опорными пунктами. Вторая полоса проходила в 6—8 км от переднего края и была оборудована значительно слабее. Сам Кировоград был сильно укреплен: каменные здания приспособлены к обороне, создана плотная система перекрестного и флангового огня, подступы к городу прикрывались системой проволочных и минных заграждений, были заминированы и важные сооружения внутри города: мосты, большие здания, аэродром.

«Таким образом, — свидетельствует маршал Конев, — оборона противника, построенная по системе сооружений полевого типа, была недостаточно глубокой и на ряде участков была занята недоукомплектованными, основательно потрепанными в предыдущих боях, но еще боеспособными соединениями врага».

Район боевых действий представлял собой открытую местность, бедную лесами, но сильно изрезанную балками и оврагами. В начале января снежный покров в этом районе не превышал 20 см, что позволяло войскам маневрировать

вне дорог. Сухая погода и небольшие морозы также благоприятствовали наступлению. Правда, частая облачность и туманы ограничивали действия авиации и артиллерии.

Итак, в соответствии с директивой Ставки Конев принял новое решение и поставил войскам новые задачи. Два удара, наносимых южнее и севернее Кировограда, должны были завершиться окружением противника, после чего намечалось совершить бросок на Христиановку, навстречу войскам 1-го Украинского фронта, и к Первомайску, образуя грандиозный «котел». Армиям правого крыла фронта предстояло осуществить самостоятельные прорывы в целях рассеяния окружаемой каневской группировки врага.

52-я армия генерал-лейтенанта К.А. Коротеева наносила удар в направлении Балаклея, Шпола и далее на Христиановку с разворотом части сил на Корсунь-Шевченковский. 4-я гвардейская армия генерал-майора А.И. Рыжова — в общем направлении на Ивангород, Златополь.

53-я армия генерал-лейтенанта И.В. Галанина с 5-м гвардейским механизированным корпусом генерал-майора Б.М. Скворцова получили задачу нанести удар на Малую Виску.

Главный удар фронт наносил на кировоградском направлении силами двух ударных группировок. Одна из них — 5-я гвардейская армия генерал-лейтенанта А.С. Жадова и 7-й механизированный корпус генерала Ф.Г. Каткова — должна была нанести удар в обход Кировограда с северо-запада, а другая — 7-я гвардейская генерал-полковника М.С. Шумилова и 5-я гвардейская танковая армии — с юго-запада с задачей окружить и уничтожить противника в районе Кировограда, а затем развивать наступление на Новоукраинку, Помощную.

Действия войск поддерживала авиация 5-й воздушной армии генерал-лейтенанта С.К. Горюнова.

Для проведения Никопольско-Криворожской операции 3-й и 4-й Украинские фронты планировали по три армейских удара.

Разгромить кировоградскую группировку немцев Конев планировал в течение двух дней, возлагая большие надежды на действия подвижных соединений. Так, генералу Жадову была поставлена задача освободить Кировоград к исходу первого дня операции. На подготовку к наступлению командующий фронтом дал двое суток.

Сосредоточение и перегруппировка войск проводились в строжайшей тайне. Необходимые распоряжения войскам отдавались устно или через офицеров связи. Всякие переговоры по телефону, связанные с предстоящим наступлением, категорически запрещались. Радиосредства работали только на прием. Все это обеспечило скрытность сосредоточения войск на направлении главного удара, в результате чего была достигнута внезапность.

Плотность артиллерии на участках прорыва составляла 120, в полосе 5-й гвардейской армии — 148 стволов на 1 км. Мощь огня снижалась тем, что фронт к началу операции располагал недостаточным количеством боеприпасов — 0,6—1,1 боевого комплекта, вследствие чего на артиллерийскую подготовку было отведено 0,6 и на поддержку атаки 0,4 боекомплекта. Погода не благоприятствовала применению авиации.

4 января с целью вскрыть огневую систему противника войска традиционно провели разведку боем.

Утром 5 января 1944 года, в день начала операции, из-за низкой облачности и тумана авиация подняться в воздух не смогла. Но улучшения погоды не предвиделось, и артподготовка началась в назначенное время.

В 9 часов по сигналу «Море» в атаку пошла пехота. На участке прорыва южнее Кировограда противник оказался слабо подавленным. Несмотря на все меры скрытности, немцам удалось вскрыть советские подготовительные мероприятия, они хорошо укрыли свою живую силу и огневые средства от артиллерийского огня и с началом атаки оказали ожесточенное сопротивление. Упорные атаки наших дивизий, следовавшие одна за другой, не приводили к успеху. Сказалось и отсутствие авиационной поддержки.

В этих условиях командующий фронтом приказал ввести в сражение 5-ю гвардейскую танковую армию Ротмистрова с задачей совместно с пехотой прорвать оборону и выполнить задачу дня.

Танковая армия вводилась двумя эшелонами: в первом — 29-й и 18-й танковые, во втором — 8-й механизированный корпус. Однако и они, встретив на своем пути организованную оборону, насыщенную танками и противотанковой артиллерией, продвигались медленно. К исходу дня совместными усилиями стрелковых и танковых соединений удалось завершить прорыв только главной полосы.

Иначе развивался прорыв на направлении действий северной ударной группировки. Противник, узнав о сосредоточении 5-й гвардейской танковой армии южнее Кировограда, не среагировал на разведку боем в полосе северной ударной группировки и не уплотнил перед ней боевые порядки. В 9 часов пехота, поддержанная последовательным сосредоточением огня, перешла в атаку. В полосе 53-й армии одновременно с ней перешел в наступление 5-й гвардейский механизированный корпус. В 11 часов, после прорыва первой позиции, в полосе 5-й гвардейской армии вошел в сражение 7-й мехкорпус, имевший всего 41 танк. Удар двух армий, усиленных двумя танковыми корпусами, позволил в первые часы создать брешь в обороне шириною 18 км, которую противник не мог закрыть тактическими резервами, а оперативные находились южнее. Танковые корпуса прорвали вторую позицию, а затем и всю главную полосу обороны. К исходу дня механизированный корпус Каткова вырвался на глубину 24 км.

Для наращивания силы удара и развития успеха Конев перегруппировал на это направление из южной группировки 8-й механизированный корпус, забрав его у Ротмистрова и подчинив Жадову. Несмотря на усиление, северная группировка на оперативный простор выйти не смогла: противник, разобравшись, что главный удар теперь наносится севернее Кировограда, перебросил туда свои танковые части.

Однако ослабление немецкой обороны южнее города позволило 7-й гвардейской армии совместно с 5-й гвардейской танковой армией прорвать вторую полосу и к исходу дня продвинуться на глубину до 20 км, а передовыми частями выйти к юго-восточной окраине Кировограда.

За второй день южная группировка продвинулась еще на 6—7 км. В ночь на 7 января 29-й танковый корпус генерал-майора И.Ф. Кириченко вышел к южной окраине Кировограда, вслед за танкистами в город ворвались части 297-й и 50-й стрелковых дивизий.

К 9 часам 7 января 7-й и 8-й механизированные корпуса обошли город с северо-запада и перерезали шоссе и железную дорогу Кировоград—Новоукраинка. В то же время части 18-го танкового корпуса, наступавшие к югу от Кировограда, перерезали дорогу Кировоград—Ровное. Таким образом, группировка противника из четырех дивизий — 3-й и 14-й танковой, 10-й моторизованной и 376-й пехотной — дей-

ствовавшая в районе Кировограда, лишилась основных путей отхода на запад. Южная группа соединилась с северной.

Немцы имели строгий приказ фюрера удерживать Кировоград любой ценой. Однако командир 3-й танковой дивизии генерал Байерлейн не видел смысла держать подвижную группировку привязанной к городу. Воспользовавшись отсутствием связи с вышестоящим начальством, генерал решил идти на прорыв.

«Встал интересный вопрос, — рассуждает немецкий историограф Пауль Карель. — Ведение последней войны в значительной степени определялось прогрессом средств связи. Серьезные оперативные решения можно было передать и начать приводить в исполнение в течение нескольких минут. Передислокация крупных соединений могла быть скоординирована с молниеносной быстротой. Если в прошлом курьеры должны были загонять своих лошадей только для того, чтобы обнаружить, что все равно опоздали, теперь требовались лишь зашифрованная радиограмма, непрослушиваемый разговор на дециметровой волне через сотни километров или диалог по телетайпу.

Однако достоинства средств современной коммуникации часто уничтожались своим недостатком — они ограничивали свободу действий боевых командиров во время сражений. Можно беспрестанно задавать вопросы, муштровывать командиров и менять приказы, не зная местных условий. Таким образом, и на немецкой, и на русской стороне в последнюю войну инициативу боевых офицеров и командующих держали в узде. Это обстоятельство имело особенно катастрофические последствия. Сталинград — самая яркая иллюстрация, а было и много других убедительных случаев. Так, неожиданный обрыв связи мог явиться для боевого командира счастливой паузой, во время которой он мог полагаться только на собственное суждение и собственную совесть солдата».

Надо сказать, что таких по-настоящему инициативных командиров в Красной Армии имелось немного, да и в вермахте их оставались единицы — все уже были достаточно «вымуштрованы». Поэтому идею Байерлейна три других командира дивизий не поддержали. В ночь с 7 на 8 февраля 3-я танковая, сбив немногочисленные советские заслоны, осуществила успешный прорыв на запад, прикрыла брешь в немецком фронте севернее Кировограда и контратаками

остановила продвижение 7-го и 8-го механизированных корпусов.

Двое суток спустя Гитлер дал окруженной группировке разрешение на свободу действий. В ночь с 9 на 10 февраля три немецкие дивизии внезапной атакой ушли за Ингул и восстановили сплошной фронт, имея слева 3-ю танковую дивизию, а справа — подоспевшую мотодивизию «Мертвая голова».

8 января войска 2-го Украинского фронта освободили Кировоград и в последующие дни продвинулись на запад еще на 15—20 км.

На направлении вспомогательного удара войска 52-й и 4-й гвардейской армий только к 7 января преодолели сопротивление противника и к 10 января продвинулись на 20—30 км.

Стремясь выполнить задачу, поставленную Ставкой, — соединиться с войсками Ватутина в районе Христиановки, — Конев перегруппировал в полосу 53-й армии танковую армию Ротмистрова и снова ввел ее в сражение. Однако ослабленная в предыдущих боях армия не смогла развить успех.

Наступление 2-го Украинского фронта захлебнулось. Конев отрапортовал об уничтожении 293 танков, 40 самоходок и 15 000 солдат и офицеров противника, а также о том, что ввиду сильной усталости войск продолжать операцию не может. В оперативных сводках, составленных на основе докладов из армий, командующему фронтом приходилось даже занижать потери противника, обуздывая фантазию своих подчиненных. Так, например, Военный совет 5-й гвардейской армии сообщал об уничтожении свыше 19 000 гитлеровцев, 123 танков, 25 самолетов. После войны на собственные реляции они будут ссылаться как на архивные документы. По немецким данным, только 503-й тяжелый батальон с батальоном «пантер», сведенные в группу «Беке», подбили 267 советских танков, потеряв один «тигр» и четыре «пантеры».

В мемуарах маршал скромно отметил, что и так «поставленная цель уже была достигнута», а деревня Гадюкино, то есть Христиановка, его не интересовала. Ну и, конечно, «вынудили немецко-фашистское командование перебросить сюда значительные силы с других направлений». На самом деле именно с этого направления, несмотря на «дерзкие, вы-

сокоманевренные» действия Конева, «немецко-фашистское командование» перебрасывало войска к Умани. Манштейн вообще с удовольствием сам бы оставил каневский выступ, но и здесь Гитлер не хотел уступать добровольно побережье Днепра, надеясь в перспективе нанести отсюда удар на восток и снова овладеть восточной частью дуги.

Самым важным результатом операции 2-го Украинского фронта явилось освобождение Кировограда — сильного опорного пункта и важного узла дорог, что нарушило устойчивость обороны 8-й армии. Вклинение советских войск в оборону противника на кировоградском направлении поставило под угрозу фланги как корсунь-шевченковской, так и кировоградской группировок. Однако вырваться на оперативный простор и замкнуть кольцо окружения в тылу каневской группировки войскам Конева не удалось.

Войска 3-го и 4-го Украинских фронтов 10—11 января начали наступление против 6-й немецкой армии в районе Никополя и Кривого Рога, но неудачно.

Не имея сил решительно контратаковать на нескольких направлениях, командование группы армий «Юг» в первую очередь принимало меры для ликвидации наибольшей угрозы — прорыва между 4-й и 1-й танковыми армиями. Тактика Манштейна в решении этой задачи проста в изложении и крайне сложна в исполнении: «Там, где мы имели сколько-нибудь достаточные силы, мы предоставляли противнику фронтально атаковать нас и наносили ему большие потери. В других случаях мы пытались путем своевременного отхода на отдельных участках помешать ему наступлением превосходящими силами выбить нас с занимаемых позиций. Неоднократно нам удавалось, сосредоточивая танковые соединения, останавливать прорвавшегося противника, а когда это было возможно, использовать допущенные ошибки, — например, когда он осмеливался после прорыва уходить слишком далеко вперед, — для нанесения контрударов».

Все прибывающие резервы бросались на прикрытие бреши на участке Винница — Умань. В указанном районе сосредоточивались 12 дивизий, в том числе новые: 16-я танковая из группы армий «Центр», 96-я и 254-я пехотные из группы «Север», 371-я пехотная из Германии, 332-я пехотная с восстановления, четыре венгерские и одна румынская дивизии из резерва группы армий.

Германское командование планировало нанести удар с трех сторон, взяв противника в клещи. С востока — из расположения 1-й танковой армии — 7-й армейский корпус, выведенный из каневского выступа, наносил удар во фланг. С запада, по другому флангу — 46-й танковый корпус. Сюда наносил удар высвобожденный из Днепровской дуги 3-й танковый корпус. Его задача состояла в том, чтобы, маневрируя, задержать и сковать противника, пока оба других корпуса не сосредоточатся для атаки.

К этому времени советские части несколько «увлеклись» прорывом. 38-я и 1-я танковая армии 10 января вели бои на ближних подступах к Виннице. Части 11-го гвардейского механизированного корпуса генерал-лейтенанта А.Л. Гетмана перерезали железную дорогу на участке Винница—Жмеринка у населенного пункта Ярышевка. 8-й гвардейский мехкорпус генерал-майора И.Ф. Дремова форсировал Южный Буг и овладел рядом населенных пунктов на его западном берегу. 1-я гвардейская танковая бригада ворвалась на восточную окраину Жмеринки и, перехватив участок железной дороги, ведущей отсюда на Одессу, разрушила пути и уничтожила несколько эшелонов. Войска 40-й армии находились в 10 км от Умани, а 5-й гвардейский танковый корпус вырвался к Звенигородке.

Линия фронта наступавших войск образовала выступ, выдвинутый на запад, в направлении Винницы. К тому же войска фронта в последние дни действовали в расходящихся направлениях. В результате значительного продвижения на северо-запад, юго-запад и юг фронт наступления достиг около 700 км, причем в ряде мест он не был сплошным.

Немецкое командование к 10 января сосредоточило восточнее Винницы шесть дивизий и два дивизиона штурмовых орудий 46-го танкового и 13-го армейского корпусов. Эти войска нанесли контрудар по выдвинувшимся вперед соединениям Катукова и Москаленко.

В это же время силами 6-й и 17-й танковых дивизий, 506-го танкового батальона и 249-го дивизиона штурмовых орудий 3-го танкового корпуса немцы предприняли контрудар в районе северо-западнее Умани по частям 5-го гвардейского танкового корпуса и 40-й армии. В окружении оказались две стрелковые дивизии и мотострелковая бригада.

С 14 января контрудары стали предприниматься по всему фронту. Таким образом, Манштейну удалось не только

надежно сковать ударные группировки 2-го Украинского фронта, но и выделить часть сил для нанесения удара по наступавшим армиям Ватутина. Советским войскам пришлось прекратить наступление и сосредоточить главные усилия на отражении контрударов. Обе стороны вводили в сражение дополнительные силы пехоты, танков, артиллерии и авиации.

Немцы продвинулись на 25—30 км, но большего добиться не сумели. После недельной передышки 24 января они вновь нанесли удары на винницком и уманьском направлениях и после четырехдневных боев окружили в районе Липовца части 1-й танковой и пять дивизий 17-го и 21-го корпусов 38-й армии. На помощь Москаленко и Катукосу 27 января была брошена прибывшая из резерва Ставки 2-я танковая армия генерал-лейтенанта С.И. Богданова. Правда, наши генералы жалуется на то, что эта армия имела всего два корпуса «малочисленного состава». Но, худо-бедно, около 300 машин у Богданова было. Другое дело, что 2-я танковая вводилась в сражение крайне неудачно: на широком фронте и по частям. Решительных результатов ей добиться не удалось, но окруженные советские части сумели вырваться из кольца, хотя и понесли большие потери.

По мнению Манштейна, «противник потерял наряду с 8000 убитыми только 5500 пленными, 700 танков, свыше 200 орудий». Маршал Москаленко высмеивает эти «фантастические цифры гитлеровского генерал-фельдмаршала» и тут же сообщает, что на 28 января в строю 3-й гвардейской танковой армии насчитывалось 73 танка и 13 самоходно-артиллерийских установок, а в 1-й танковой — лишь 67 танков и 22 САУ. Но ведь армия Катукоса вступила в операцию полностью укомплектованной, имея около 600 боевых машин. Более того, 15 января в ее состав вошел 31-й танковый корпус из резерва Ставки, насчитывавший 260 танков и САУ. Отсюда потери — 771 машина. Фактически от 1-й танковой ничего не осталось, кроме штабов, и приказом командующего фронтом ее управление было выведено в тыл на укомплектование. То же самое можно сказать о 5-м гвардейском танковом корпусе генерала В.М. Алексева. Армию Рыбалко вывели в резерв недель раньше: она вступила в бой, имея 419 исправных танков и самоходных установок, в ходе сражения получила из резерва и от ремонтной службы еще столько же и потеряла 752 боевые машины («3-я гвар-

дейская танковая» с. 151). Уточним, что, так как поле боя оставалось за Красной Армией, не все потери в данном случае являлись безвозвратными. Так, ремонтными бригадами 3-й гвардейской армии в ходе операции было возвращено в строй 328 единиц бронетехники. Масштабы людских потерь можно примерно прикинуть, учитывая тот факт, что 1-й Украинский фронт в среднем терял убитыми и ранеными до 4000 бойцов в сутки.

29 января активные боевые действия на этом направлении прекратились. Поскольку войска двух фронтов соединились в районе Звенигородки, у Манштейна появились другие заботы. Войска 1-й гвардейской, 18, 38 и 40-й армий закрепились на занимаемом рубеже.

Действовавшая на правом крыле фронта 13-я армия, чтобы избежать разрыва с 61-й армией Белорусского фронта, еще 11 января прекратила наступление главными силами, выдвинув передовые отряды к реке Горынь и заняв Сарны, Владимирец, Костополь, Тучин.

КОРСУНЬ-ШЕВЧЕНКОВСКОЕ ПОБОИЩЕ

Ход первых операций на Правобережной Украине показал, что противник обладал еще достаточными силами для сохранения устойчивости своего стратегического фронта. Сокрушение его возможно было либо нанесением ряда глубоких рассекающих ударов, как это намечалось первоначальным планом, для чего у фронтов пока недоставало сил, либо проведением сначала локальных операций имеющимися силами, в ходе которых можно было бы расшатать оборону врага, а затем, нанеся глубокие удары, сокрушить его фронт и выполнить задачи, намеченные на зимнюю кампанию.

Ставка, накапливая силы для летне-осенней кампании 1944 года, избрала второй путь, для чего были намечены три операции:

Корсунь-Шевченковская — силами 1-го и 2-го Украинских фронтов,

Ровно-Луцкая — на правом крыле 1-го Украинского фронта,

Никопольско-Криворожская — армиями 3-го Украинского фронта.

К этому времени особо важное значение приобрели боевые действия на стыке 1-го и 2-го Украинских фронтов. Германское командование продолжало делать все возможное, чтобы удержать каневский плацдарм и не дать этим фронтам сомкнуть смежные фланги. Оно стягивало против них новые силы и создало на пути наступления к Христиановке мощные танковые заслоны. Крупная группировка в районе Канева и танковые кулаки западнее и южнее его связывали действия фронтов, мешали их продвижению к Южному Бугу.

В директиве от 12 января Ставка потребовала от Ватутина и Конева более согласованных действий, отмечая: «Наступление главных группировок обоих фронтов развивается по параллельным направлениям, и решительных мероприятий для ликвидации оставшегося выступа противника не делается». Ставилась ближайшая задача: окружить и уничтожить группировку противника в каневском выступе путем наступления армий левого крыла 1-го Украинского фронта и правого 2-го Украинского фронта по сходящимся направлениям на Шполу. По сравнению с ранее поставленной задачей наступления на Христиановку глубина ударов обоих фронтов значительно сокращалась за счет смещения участков прорыва ближе к Днепру. Это позволяло миновать танковые заслоны, созданные противником севернее Умани и северо-западнее Кировограда, и облегчало окружение каневской группировки.

В связи с необходимостью тщательной подготовки задуманной операции наступление войск на смежных участках 1-го и 2-го Украинских фронтов временно приостановилось.

Таким образом, в середине января все Украинские фронты взяли тайм-аут. Готовя новые удары, советское Верховное Главнокомандование пополняло действующие фронты людьми, боевой и транспортной техникой.

В состав 1-го Украинского фронта были включены 47-я общевойсковая (9 стрелковых дивизий) и 2-я танковая (3-й и 16-й танковые корпуса) армии, 6-й гвардейский кавалерийский и 5-й механизированный корпуса, с 22 января по 3 февраля фронт получил 400 танков Т-34. На базе 5-го механизированного и 5-го гвардейского танкового корпусов формировалась новая 6-я танковая армия под командованием генерал-лейтенанта А.Г. Кравченко. Генерал-историк

А.Н. Грылев специально оговаривает, что в составе этой армии собралось 107 танков и САУ. Да отчего же? Неужели из резерва Ставки прибыл механизированный корпус, укомплектованный лишь на 40 процентов? Вот напасть: немецкие дивизии все время в боях, мы их все время разбиваем, а танков в них все больше и больше; в наших даже самых свежих корпусах техники постоянно не хватает! Правда, маршал Конев мимоходом отмечает, что 107 боевых машин у генерала Кравченко оставалось уже после прорыва к Звенигородке.

К Коневу прибыл 5-й Донской гвардейский кавалерийский корпус под командованием генерал-майора А.Г. Селиванова, который ранее входил в 4-й Украинский фронт. 3-му Украинскому фронту были переданы 37-я армия из 2-го Украинского, механизированный корпус из 4-го Украинского и стрелковый корпус из резерва Ставки.

Манштейн от ОКХ не получил ничего, кроме указаний удерживать позиции любой ценой. Фельдмаршал все более разочаровывался в своем Верховном Главнокомандующем: «От него нельзя было добиться оперативного указания о том, как должны в общем, а не только сегодня и помимо цепляния за пространство, проводиться дальнейшие операции».

В конце января почти одновременно начались подготовленные командованием советских фронтов в короткие сроки сразу три объединенные общим замыслом наступательные операции. Центральной и наиболее эффективной из них стала **Корсунь-Шевченковская битва**. При этом генерал Ватугин находился в сложнейшем положении: он одновременно проводил две наступательные операции на флангах и отражал контрудар в центре.

В каневском выступе, глубоко врезавшемся в расположение советских войск, в это время держала оборону немецкая группировка, включавшая 9 пехотных дивизий, 5-ю танковую дивизию СС «Викинг», бригаду СС «Валлония» и 4 дивизиона штурмовых орудий из состава 1-й танковой и 8-й полевой армий. Вершина выступа упиралась в Днепр в районе Канева. Ширина его у основания достигала 130 км, а общая площадь достигала около 10 тысяч кв. км. В стремлении Гитлера удержать его любой ценой не последнее место занимали расчеты пропагандистского характера — немец-

кие повара все еще «черпают воду из Днепра». Готовясь к упорной обороне, противник тщательно укреплял свои позиции. У основания выступа, где фронт стабилизировался только в середине января, ему не удалось завершить оборонительные работы. В самом выступе резервов у немцев не имелось. Однако западнее Кировограда размещались три танковые дивизии 8-й армии, а юго-восточнее Охматова действовали три танковые дивизии 1-й танковой армии.

Замыслом советской Ставки предполагалось нанести войсками двух фронтов мощные встречные удары под основание выступа и соединиться в районе Шпола — Звенигородка. Генерал Ватутин смог выделить для проведения операции 6 стрелковых дивизий 40-й и 27-й армий и два корпуса 6-й танковой армии, которые получили задачу прорвать оборону на 15-километровом участке Тыновка — Кошевое. План 2-го Украинского фронта предусматривал прорыв в районе Вербовка — Красносилка на 19-километровом участке смежными флангами 4-й гвардейской и 53-й армий и развитие наступления на Шполу, Звенигородку. В полосе 53-й армии планировался ввод танковой армии Ротмистрова, перебрасываемой из-под Кировограда (18, 20, 29-й танковые корпуса), и Донского кавалерийского корпуса.

Чтобы перегруппировать 5-ю гвардейскую танковую армию с левого крыла фронта на правую, в четырехдневный срок была построена рокадная дорога протяженностью 135 км. Разминирование дорог для рокады проводилось одним инженерным батальоном и инженерным батальоном миноискателей. Так вот, оказывается, «миноискателями» работали 160 собак. История службы четвероногих «друзей человека» на этой войне, как и история наших инженерных войск вообще и различных бригад спецназначения в частности, до сих пор не написана. За годы войны в войска было направлено более 60 тысяч собак; в Красной Армии имелось четыре отдельных батальона собак связи, 6000 собак-минеров, обезвредивших 4 миллиона мин, на счету противотанковых собак числится более 300 уничтоженных боевых машин.

Для сковывания сил противника и отвлечения их от направления главного удара намечалось за день до начала операции предпринять наступление силами 5-й и 7-й гвардейских армий. Правее ударной группировки предполагалось наступление 52-й армии. Таким образом, Конев выделял

35 стрелковых дивизий, 3 танковых, 1 кавалерийский корпус.

Поддержка войск фронтов возлагалась на авиацию 2-й и 5-й воздушных армий, а также на 10-й истребительный авиационный корпус ПВО страны. К началу операции за счет внутрифронтовых перегруппировок на направлениях главных ударов фронтов было создано превосходство над противником по численности войск в 3—4, артиллерии в 3—6, танкам и САУ в 5—10 раз. По авиации силы сторон были примерно равными.

Операция готовилась и осуществлялась в сложных условиях рано начавшихся на Украине оттепелей и весенней распутицы. Разбитые и раскисшие дороги затрудняли маневр войск и подвоз материальных средств. Остро стоял вопрос о накоплении боеприпасов. Ненастная погода и пришедшие в негодность грунтовые аэродромы ограничивали возможность использования авиации. Кроме того, на подготовку операции отводились весьма сжатые сроки — 5—7 суток.

Наступление войск 2-го Украинского фронта началось 24 января действиями усиленных передовых батальонов. Поддержанные артиллерией и небольшими группами штурмовиков, они внезапной атакой сломили сопротивление 389-й гессенской пехотной дивизии на переднем крае и к исходу дня на 16-километровом фронте продвинулись на глубину до 6 км.

«В такой обстановке, — отмечает генерал армии А.И. Радзиевский, — было бы целесообразным решительно развить успех, достигнутый передовыми батальонами, вводом в действие главных сил ударной группировки фронта. Однако командование фронта не пошло на изменение первоначального плана операции и не ввело в этот день главных сил. В результате противнику было предоставлено время для переброски своих сил к участку прорыва с других направлений».

С утра 25 января после десятиминутного огневого налета были введены в сражение главные силы 4-й гвардейской и 53-й армий. Они сразу встретили упорное сопротивление противника. Эффективность подавления его артиллерийским огнем оказалась недостаточной. Не действовала из-за плохой погоды и авиация фронта.

Требовалось немедленное наращивание усилий наступающих войск. Однако армии и корпуса, построенные в

один эшелон, не имели для этого сил и средств, и в 14 часов Конев на участке шириной всего 6 км ввел в сражение 5-ю гвардейскую танковую армию, имевшую 236 танков и самоходных установок. Тесно взаимодействуя с пехотой генерала Галанина, танкисты Ротмистрова завершили прорыв тактической зоны обороны и продвинулись к исходу дня на глубину до 18 км.

На второй день наступление армий замедлилось, так как им пришлось отразить ряд контратак спешно переброшенных к участку частей 14-й танковой и 57-й пехотной дивизий противника. 27 января немцы нанесли удары с юга 3-й, 11-й и 14-й танковыми дивизиями. Одновременно с севера ударила пехотная группировка, усиленная танками из дивизии «Викинг». После ожесточенных боев противник ликвидировал брешь в своей обороне, два корпуса 5-й гвардейской танковой армии оказались отрезанными от главных сил.

Конев, оценив сложившуюся обстановку, принял смелое решение: 29-му танковому корпусу генерал-майора И.Ф. Кириченко занять оборону фронтом на юг, 20-му продолжать развивать наступление на Шполу, Звенигородку, где соединиться с войсками 1-го Украинского фронта; 18-му танковому корпусу и конникам Селиванова войти в сражение соответственно в полосах 53-й и 4-й гвардейской армий, совместно с ними разгромить противостоящую группировку противника и развивать наступление вслед за корпусами первого эшелона танковой армии.

20-й танковый корпус в ночном бою овладел городом Шпола, а в 13 часов 28 января захватил Звенигородку и встретился с подошедшим к городу передовым отрядом 6-й танковой армии.

Войска 4-й гвардейской и 53-й армий во взаимодействии с 18-м танковым и 5-м гвардейским кавалерийским корпусами с 28 по 30 января пробили заслон противника в горловине прорыва и устремились в направлении Шпола, одновременно образуя внутренний и внешний фронт окружения.

Правда, казаки понесли при прорыве большие потери, постоянно норовя атаковать танки в конном строю: «Донцы неслись в конном строю с саблями наголо. В проходах между эскадронами мчались готовые к бою пулеметные тачанки. На станинах орудий, на подводах с боеприпасами и даже на рундуках полевых кухонь лежали наготове смельча-

ки с гранатами, чтобы в любую секунду ринуться на врага. А с правого и левого флангов, лесополос и оврагов фашисты посылали на казачью лавину мириады трассирующих пуль. Небо над головой расцвело необыкновенным фейерверком. Падали скошенные пулями кони. Падали люди».

Как признает Конев: «Надо сказать, что повозились мы с этим корпусом тогда немало».

Но и на немцев донцы произвели неизгладимое впечатление. Бывший командир 47-го танкового корпуса генерал фон Форман вспоминает: «Невзирая на потери — и я подчеркиваю, совершенно невзирая на потери, — массы русских около полудня устремились на запад, обходя немецкие танки, которые стреляли в них из всего, чем располагали. Это была ошеломляющая картина, потрясающая драма. Другого сравнения я не нахожу — прорвало плотину, громадный поток хлынул на равнину мимо наших танков, окруженных немногочисленными гренадерами, как мимо скал, возвышающихся в бурлящем потоке. Мы поразились еще больше, когда чуть позже кавалерийские соединения трех советских дивизий сомкнутым строем помчались сквозь наш заградительный огонь. Ничего подобного я давно не видел — это казалось нереальным».

1-й Украинский фронт перешел в наступление 26 января. Бои на участке прорыва носили упорный характер. Особенно сильное огневое сопротивление встретили войска 40-й и 6-й танковой армий, которая применялась в первом эшелоне. К исходу дня они продвинулись только на 2—5 км. При этом потери 6-й танковой армии составили 59 танков и САУ. Соединениям 27-й армии генерал-лейтенанта С.Г. Трофименко удалось продвинуться за день на 8—12 км. Трех советским армиям противостояли три немецкие пехотные дивизии.

На второй день войска 1-го Украинского фронта, используя успех 27-й армии, продвинулись до 10 км на правом фланге и до 25 км на левом фланге участка прорыва. Тактическая оборона противника оказалась прорванной на всем фронте. 28 января высланный вперед передовой отряд 6-й танковой армии к 13 часам достиг Звенигородки, где соединился с 20-м танковым корпусом генерала И.Г. Лазарева.

Таким образом, на четвертый день операции танковые армии 1-го и 2-го Украинских фронтов перерезали все пути,

связывавшие корсунь-шевченковскую группировку противника с основными силами.

В кольце оказались управления 11-го и 42-го армейских корпусов, 4 пехотные, 1 танковая дивизии, корпусная группа «Б», бригада СС «Валлония», 3 дивизиона штурмовых орудий и прорвавшийся с юга прямо в «котел» полк 14-й танковой дивизии, отдельные подразделения других частей. Численность окруженной группировки, по советским данным, достигала 80 000 человек, на ее вооружении имелось 1600 орудий и минометов, до 230 танков и штурмовых орудий. По мнению немецких авторов, в окружении оказались около 56 000 солдат и офицеров.

Командование окруженными войсками принял командир 11-го армейского корпуса генерал артиллерии Вильгельм Штеммерман, который, как в свое время Паулюс, получил приказ Гитлера не оставлять последний участок Днепра.

Такую чудную картинку застал едва прилетевший из Ставки фюрера Манштейн. Снова предстояло предпринимать «пожарные» меры. Окружение советскими войсками в районе Корсунь-Шевченковского большой немецкой группировки заставило германское командование прекратить контрудары восточнее Винницы и севернее Умани, а все танковые дивизии бросить для спасения окруженных войск.

1-я танковая армия получила приказ вывести из боя 3-й танковый корпус генерала Брайта и перебросить его дивизии — 16-ю, 17-ю и «Адольф Гитлер» — в район кризиса. При первой же возможности за ними должна была последовать 1-я танковая дивизия. Генералу Вёлеру ставилась задача сосредоточить у места прорыва 47-й танковый корпус Формана. Оба корпуса должны были нанести согласованные удары с запада и юга по советским войскам. Однако немцы не смогли быстро сосредоточить все назначенные силы. Танковая группировка 8-й армии начала наносить контрудары по войскам 2-го Украинского фронта с 1 февраля, а ударную группировку в полосе 1-й танковой армии удалось собрать только к 11 февраля.

А пока в немецкой обороне зияла абсолютно ничем не прикрытая 95-километровая брешь. Манштейн с ужасом ожидал того, что, как ему казалось, напрашивалось само собой: мощного удара, рассекающего фронт до границ Румы-

нии и приводящего к уничтожению всего южного фланга. Однако русские решили довольствоваться малым и «вцепились в мешок». Немецкие авторы и после войны приходили в недоумение:

«До сего дня не получено удовлетворительного ответа на вопрос, почему зимой 1943/44 года Ставка и, в частности, маршал Жуков и генерал армии Конев пропустили между пальцев уникальный шанс уничтожить немецкий южный фронт западнее Днепра. Переоценили силы немцев? Или недооценили ситуацию в мешке? Какой бы ни была причина — Конев и Жуков предпочли менее серьезное решение и сконцентрировали всю силу шести, а впоследствии семи армий, включая две первоклассные танковые армии и несколько отдельных танковых корпусов, на ликвидации шести с половиной немецких дивизий. Неэкономное усилие и постижимое только при предположении, что русские имели абсолютно превратное представление о силах немцев внутри мешка. Все свидетельствует о том, что советская операция строилась на простой, но нелепой ошибке. Русские, очевидно, были уверены, что окружили основную часть немецкой 8-й армии, в частности ее танковые подразделения, а также штаб армии».

Немцы успокоились лишь 31 января, узнав из радиоперехвата, что противник производит минирование прорыва.

3 февраля соединения 27-й, 4-й гвардейской армий и 5-го гвардейского кавалерийского корпуса образовали сплошной внутренний фронт окружения.

Для создания внешнего фронта использовались танковые армии Ротмистрова и Кравченко. В короткие сроки они создали на удалении 15—25 км от внутреннего фронта достаточно прочную противотанковую оборону. Танковые армии занимали оборону на фронте 50—60 км, танковые и механизированные корпуса — 18—20 км, а танковые и мотострелковые бригады — 7—8 км. 6-я танковая армия была усилена 47-м стрелковым корпусом, а 5-я гвардейская танковая армия — 49-м стрелковым корпусом, 34-й истребительно-противотанковой бригадой и 5-й инженерно-саперной бригадой РГК. В полосу армии были еще переброшены 11-я истребительно-противотанковая, 49-я легкоартиллерийская и 27-я отдельная тяжелая пушечная артиллерийские бригады. К флангам танковых армий примыкали войска 40-й и 53-й армий. Огромную роль сыграли саперы, уста-

новившие на танкоопасных направлениях около 40 тысяч мин.

Штеммерман, в свою очередь, был занят переброской войск, сокращением фронта и организацией круговой обороны.

Для уничтожения окруженной группировки привлекались 27-я армия 1-го Украинского фронта, 52-я, 4-я гвардейская армии и 5-й гвардейский кавалерийский корпус 2-го Украинского фронта — всего 16 стрелковых, 3 кавалерийские дивизии, 2 укрепленных района, а также средства усиления. В составе советских войск, действовавших на внутреннем фронте окружения, имелось около 2000 орудий и минометов, 138 танков и самоходно-артиллерийских установок. Их задачей являлось расчленение и уничтожение «котла». Практически одновременно разгорелись жестокие бои как на внутреннем, так и на внешнем фронтах. Немцы держались стойко, как молитву повторяя телеграмму командующего 1-й танковой армией: «Я вас выручу. Хубе». Поэтому, когда 8 февраля советское командование предъявило штабу Штеммермана ультиматум с требованием о капитуляции, он был отклонен.

В журнале боевых действий 2-го Украинского фронта отмечалось: «...несмотря на то, что окруженные несут ежедневно огромные потери в живой силе и технике, нет фактов деморализации и дезорганизации. В плен сдаются единицы, сопротивление упорное, контратаки не прекращаются. Это явление еще раз подчеркивает, что мы воюем все еще с очень сильной, упорной и устойчивой армией».

Между прочим в ультиматуме офицерам и солдатам, прекратившим сопротивление, гарантировалась жизнь и безопасность, а после окончания войны — возвращение в Германию или в любую другую страну по желанию военнопленного. В нем говорилось также, что всем сдавшимся будут сохранены военная форма, знаки различия, ордена, личная собственность и ценности, а старшим офицерам и холодное оружие.

Немцы этим обещаниям не верили и в плен сдавались редко. Сталин, объявив советских пленных предателями, к немецким, понятное дело, относился не лучше. Верховный поощрял жестокость по отношению к немцам, часто рекомендовал генералам пленных «допросить с пристрастием, а потом расстрелять». Так, казни военнопленных широко

практиковались советскими войсками во время Крымской операции 1942 года; расстрелы санкционировал представитель Ставки Л.З Мехлис. После высадки десанта в Феодосии морские пехотинцы уничтожили всех раненых в немецких госпиталях. Были целые дивизии, личный состав которых приказывалось в плен не брать, советских граждан на службе вермахта бойцы расстреливали по собственной инициативе.

Те, кто все-таки оказался в плену, как известно, после войны никуда не поехали. В 1945 году им вlepили по 10 лет лагерей, превратив из военнопленных в заключенных, и отправили восстанавливать разрушенное хозяйство. Ну а «зэкам» ордена не положены. 3 ноября 1945 года Лаврентий Павлович подписал приказ о лишении права ношения знаков отличия и различия военнопленных германской армии. В Германию и «любую другую страну» дожившие, а в плену умерло 518 520 человек бывших военнослужащих вермахта и его союзников, вернулись уже после смерти Сталина.

В это же время на внешнем фронте не затихали еще более жестокие бои с крупными силами, пытавшимися прорвать оборону советских войск и выручить «окруженцев». Германское командование непрерывно наращивало силы на внешнем фронте и бросало их в бой.

Группировка двух фронтов на внешнем фронте 3 февраля насчитывала 22 стрелковые дивизии, 4 танковых и 1 механизированный корпус, имевших со средствами усиления около 150 000 человек, 2736 орудий и минометов, 307 танков и САУ.

Для проведения деблокады немцы к этому времени сосредоточили 5 пехотных, 7 танковых дивизий, 4 танковых батальона, 3 дивизиона штурмовых орудий.

«Используя свое превосходство в танковых и самоходных орудиях, — нагнетает обстановку Грылев, — а также рассчитывая на мощный танковый таран тяжелых танков «тигр» и штурмовых орудий «фердинанд», враг надеялся пробиться к окруженным дивизиям». Откуда же такое превосходство? А вот, оказывается, наши ученые доказали, что Манштейн собрал здесь «около 1000» танков и штурмовых орудий! Думается, если бы соотношение сил было действительно таким, то 1000 немецких танков, да еще имея «тигры», да под водительством Манштейна, «переехали» бы 307 советских машин играючи, учитывая даже признание фельдмаршала

в том, что «снова подтвердилось, что советские танки при движении по снегу или размокшей почве превосходят наши танки по своей проходимости...». Конев называет цифру поскромнее — 600.

Остро встал вопрос снабжения дивизий Штеммермана. Немцы: «Первое время... расходовали имевшиеся запасы, а также продовольствие, добытое путем беспощадного ограбления местного населения». Одновременно немецкое командование налаживало доставку боеприпасов, горючего и продовольствия по воздуху. Наша авиация и зенитная артиллерия всячески старались этому помешать.

Но и советские ударные группировки, далеко оторвавшиеся от своих тылов, оказались в аналогичной ситуации. Начало февраля выдалось необычайно теплым. Из-за дождей и мокрого снега все виды транспорта, в том числе и гусеничный, могли передвигаться с большими трудностями, и, как сообщает генерал-лейтенант Д.И. Заев, «поэтому командование фронта было вынуждено поставлять горючее и боеприпасы для 6-й танковой армии самолетами ПО-2... Питание личного состава производилось в основном за счет местных ресурсов и трофеев. Как тогда шутили, сидели на «бабушкином аттестате».

В общем, «белые пришли — грабят, красные пришли, понимаешь, тоже грабят. И куда крестьянину податься?».

Все перемешалось, на земле и в воздухе шли непрерывные бои.

В начале февраля немцы особенно настойчиво пытались пробиться к окруженным войскам в полосе 2-го Украинского фронта в районах Ново-Миргорода и Толмача. Здесь они сосредоточили 3, 11, 13 и 14-ю танковые дивизии 8-й армии. В это время окруженная группировка, занимавшая городищенский выступ, находилась ближе всего к внешнему фронту именно в этом месте. Немецкие дивизии перешли в наступление против 53-й и 5-й гвардейской танковой армии, в которой оставалось 173 танка и САУ. В результате советские части были отеснены к северу на 5 км. Однако контратаками вторых эшелонов армий и вовремя подоспевшими резервами, в том числе 11-м гвардейским танковым корпусом генерала Гетмана и 64-й гвардейской танковой бригадой 1-й танковой армии, противник был полностью остановлен на этом направлении. Об участии в сражении

почти половины сил танковой армии Катукова почти все наши мемуаристы, а главные историки, как-то забыли.

Вскоре войска 52-й и 4-й гвардейской армий ликвидировали городищенский узел сопротивления.

Тогда германское командование перенесло центр тяжести боев на внешнем фронте в полосу 1-го Украинского фронта, в район Ризина. Здесь генерал Хубе сосредоточил 16-ю, 17-ю танковые дивизии, «Лейбштандарт «Адольф Гитлер», 503-й и 506-й тяжелые танковые батальоны. 6 февраля сюда подошли передовые подразделения 1-й танковой дивизии, а 10 февраля — вся дивизия в полном составе. Эта группировка должна была пробиться к окруженным по кратчайшему пути через Лысянку на Стеблев.

4 февраля 1-я танковая армия силами трех танковых дивизий, двух тяжелых батальонов при поддержке дивизиона штурмовых орудий нанесла удар в районе Ризина. А днем раньше возобновила атаки 8-я армия силами своих трех танковых дивизий и 8-го танкового батальона в районе Толмач — Искренное.

Армия генерала Вёлера успеха не добилась. Армия Хубе сумела вклиниться в оборону советского 47-го стрелкового корпуса, что создало опасность прорыва.

Советское командование приняло меры к локализации и ликвидации прорвавшегося противника. Ватутин отдал приказ ввести в сражение 2-ю танковую армию Богданова. Армия, пополнившаяся техникой, имела в составе 3-го и 16-го танковых корпусов 372 танка и самоходки.

На рассвете 6 февраля танкисты атаковали врага во взаимодействии с частями 40-й и 6-й танковой армии. Этим неожиданным ударом группировка противника была остановлена, а на ряде участков отброшена назад.

Тем не менее вклинение в советскую оборону сохранилось. Все говорило о том, что немцы готовятся возобновить наступление и с этой целью подтягивали 1-ю танковую дивизию и три дивизиона штурмовых орудий.

Советское командование, в свою очередь, принимало новые меры для усиления обороны. 8 февраля в район Лысянки для занятия прочной круговой обороны была выдвинута 8-я гвардейская танковая бригада 20-го танкового корпуса 5-й гвардейской танковой армии с 1895-м самоходно-артиллерийским полком и одним полком 31-й истребительно-противотанковой бригады.

К 4 часам утра 9 февраля бригада заняла указанный рубеж.

Кроме того, 20-й танковый корпус получил задачу засадами танков и артиллерии перекрыть дороги, идущие на север и на юг от Казацкого и Тарасовки, 18-й танковый корпус — засадами танков перекрыть дороги в районе Топильна, 29-й танковый корпус в районе Сердеговки.

Силами инженерных и артиллерийских частей фронта в коридоре, отделявшем окруженные войска противника от внешнего фронта, были организованы противотанковые опорные пункты.

К исходу 10 февраля противник закончил свои приготовления к новому удару. В районе Ризина 1-я немецкая танковая армия имела группировку из четырех танковых дивизий, двух танковых батальонов и четырех дивизионов штурмовых орудий. 8-я армия, перегруппировав силы 11, 13-й и 14-й танковых дивизий, создала ударную группировку в районе Ерки, откуда она должна была нанести удар на Лысянку.

Одновременно командование окруженной группировки стягивало в район Стеблева для удара через Шендеровку на Лысянку части двух пехотных дивизий, тяжелый танковый батальон дивизии СС «Викинг», бригаду СС «Валлония».

11 февраля в 11 часов немецкие войска вновь перешли в наступление на внешнем фронте. Почти на всем протяжении внешнего фронта окружения завязались тяжелые бои. Несмотря на упорное сопротивление 47-го стрелкового корпуса, 1-я танковая дивизия генерала Колля ночью прорвалась в южную часть Лысянки.

12 февраля войска окруженной группировки нанесли удар из района Стеблева на юго-запад в надежде соединиться со своими танковыми дивизиями. На этом направлении завязались тяжелые бои, нередко переходившие в рукопашные схватки. В полосе 27-й армии силам Штеммермана удалось выйти в район Шендеровки, в результате чего расстояние между окруженной группировкой и танковыми дивизиями Хубе сократилось до 10—12 км. Немцам помогало отсутствие согласованных действий двух штабов, особенно на стыке фронтов, где вообще никто не представлял себе ясно общей картины. Заместитель начальника корпусной разведки Донского корпуса майор Жук в дневнике отмечал: «Дороги расквасило неимоверно. Грязь затекает за голени-

ща. Артиллерия и танки отстали. Выручают лошади. Медленно, но упорно продвигаемся вперед. Хоть черт его маму знает, где теперь этот «перед». Мы уже бились фронтом на запад, на восток, на юг. Теперь наступаем на север. И все — вперед!»

Сталин был недоволен тем, как шел процесс ликвидации окруженных немецких корпусов. В специальной телеграмме, направленной в адрес Жукова, он указывал, что прорыв противника из района Стеблева в Шендеровку произошел вследствие следующих причин:

«Во-первых, не было общего плана уничтожения корсуньской группировки противника совместными усилиями 1-го и 2-го Украинских фронтов.

Во-вторых, слабая по своему составу 27-я армия не была своевременно усилена.

В-третьих, не было принято решительных мер к выполнению указаний Ставки по уничтожению в первую очередь стеблевского выступа противника, откуда вероятнее всего можно было ожидать попыток его прорыва...»

Скоординировать все эти вопросы и было прямой обязанностью представителя Ставки маршала Жукова. На что ему прямо указал Верховный: *«Должен сказать Вам, что я возложил на Вас задачи координировать действия 1-го и 2-го Украинских фронтов, а между тем из сегодняшнего Вашего доклада видно, что, несмотря на остроту положения, Вы недостаточно осведомлены об обстановке...»*

Верховный Главнокомандующий 12 февраля, несмотря на возражения Жукова, ликвидацию окруженной группировки поручил Коневу, а Ватутину приказал сосредоточить усилия на удержании внешнего кольца фронта. Георгий Константинович понимал, что тем самым лавры победы уходят от его протеже Ватутина к Коневу, но сделать ничего не смог. Вскоре «координатора» отозвали: *«...координировавший действия 1-го и 2-го Украинских фронтов Маршал Советского Союза Жуков не сумел организовать четкого взаимодействия войск, отражавших натиск врага, и был отозван Ставкой в Москву».* Это я цитирую маршала М.В. Захарова, бывшего начальника штаба 2-го Украинского фронта.

Выполняя приказ Ставки, Конев снял с внешнего фронта 5-ю гвардейскую танковую армию и перенацелил ее корпуса на действия на наиболее ответственных участках:

в районы Лысянки и Стеблева. Перегруппировка армии в условиях распутицы была чрезвычайно трудным делом. Поэтому Ротмистров приказал командирам корпусов все неходовые танки оставить на прежних рубежах, но непременно на буксирах перевести в назначенные районы 462-й истребительно-противотанковый полк. 49-й стрелковый корпус был передан в состав 53-й армии. Сюда же, совершив 120-километровый марш, прибыла 11-я гвардейская танковая бригада. Кавалерийский корпус выводился во фронтовой резерв.

В результате решительных мер положение в районе Лысянки и у-Шендеровки было укреплено. Линия фронта вокруг окруженной немецкой группировки достигала 35 км. Весь «котел» имел в поперечнике не более 12 км. 14 января войска 52-й армии освободили Корсунь-Шевченковский.

К 16 февраля стало ясно, что спасательная операция 3-го танкового корпуса провалилась, наступление генерала Брайта захлебнулось в десяти километрах от цели. Окруженные войска к этому времени занимали лишь три населенных пункта — Шендеровку, Хильки и Комаровку. В этой ситуации Манштейн приказал Штеммерману прорываться на юго-запад навстречу 3-му танковому корпусу.

Все оставшиеся войска стягивались в район Шендеровки. Прорыв было решено осуществлять тремя колоннами на фронте 4,5 км. В первом эшелоне должны были действовать: в северной колонне — 112-я пехотная дивизия, в центре — 72-я пехотная дивизия со 105-м гренадерским полком, в южной колонне — танковая дивизия СС «Викинг» и мотобригада СС «Валлония». За первым эшелоном двигались остатки других дивизий. Артиллерию после израсходования последних боеприпасов планировалось бросить. 88-я и 57-я дивизии прикрывали отход. Были уничтожены штабные документы и личные вещи. Нетранспортабельные раненные оставлялись с медицинским персоналом на милость противника.

Советское информбюро придумало еще более страшную сказку:

«...Гитлер после провала попыток спасти окруженных немцев дал немецким войскам, попавшим в «мешок», еще один приказ, в котором требовал, чтобы окруженные немецкие солдаты и офицеры принесли себя в жертву.. В упомянутом приказе Гитлера содержалась прямая директива

о том, чтобы окруженные немецкие солдаты и офицеры кончали жизнь самоубийством, если их положение станет безвыходным... Раненые солдаты и офицеры по приказу немецкого командования умерщвлялись и сжигались».

Фронтовой корреспондент Борис Полевой, весьма далекий от военного дела, по поводу немецкого плана авторитетно рассуждал в своем дневнике: «...то, что вся эта утомленная масса людей двигалась в походе компактным строем, было безусловной ошибкой командования врага... И в самом деле, разве не проще было рассредоточить эти массы, растечься, растаять во мраке, рассеяться на десятки и сотни мелких групп, которые могли бы в подавляющем своем большинстве без большого труда просочиться сквозь заслоны, как вода сквозь решето? Часто с успехом делали так наши крупные части, которые были окружены в первый период войны. Однако так могли действовать только солдаты, вооруженные не только хорошей техникой, но и высокой идеей. Штеммерман знал своих солдат, знал, что они дисциплинированные и стойкие, когда офицер стоит у них за спиной и когда на них действует гипноз приказа. Но он знал, наверное, и то, что, когда он рассредоточит остатки своих частей, лишив их офицерского пистолета у затылка и страшного призрака гестапо за спиной, части эти превратятся в стадо и солдаты поднимут руки».

Ну-ну. Мы помним, как в 1941 году «с успехом» выходили из окружения «мелкими группами» наши «крупные части». Например, бросившие свои войска или брошенные войсками Власов, Кирпонос, Кулик. Целые фронты, вооруженные «высокой идеей», растаяли, как вода в песке, а в плену оказалось около 3 миллионов человек.

К полуночи разыгралась метель, видимость снизилась до предела. В этот момент вся масса окруженных войск севернее Комаровки без выстрелов обрушилась на 180-ю стрелковую дивизию 27-й армии, прорвала ее позиции и вышла на второй рубеж обороны юго-восточнее Петровского к позициям 5-й гвардейской воздушно-десантной дивизии. Колев бросил в сражение все резервы: маневренные группы, танкистов Ротмистрова и конников Селиванова, ударивших с флангов. Танки действовали с зажженными фарами, казаки носились по полю с шашками наголо, в упор стреляла артиллерия, повсеместно вспыхивали рукопашные схватки,

«брать пленных было некогда». Колонны рассыпались, части перемешались.

«В этой бешеной гонке, — вспоминает боец бригады СС «Валлония», — машины опрокидывались, выбрасывая на землю раненых людей. Волна советских танков обогнала первые машины и захватила более половины конвоя; эта волна катилась по повозкам, уничтожая их одну за другой, как спичечные коробки, давя раненых людей и умирающих лошадей... У нас была минутная передышка, пока танки застряли и пытались выбраться из груды сотен грузовиков, раздавленных их гусеницами».

Аналогичное описание дает очевидец из 11-й гвардейской танковой бригады: «Спустя несколько минут танки бригады, а за ними невесть откуда взявшиеся кавалеристы ринулись на врага. Врезавшись в немецкие колонны, танки давили, а кавалеристы рубили фашистов... Весь путь от Комаровки до Лысянки был сплошь усеян трупами немецких солдат и офицеров, разбитыми орудиями и минометами, массой брошенных машин и другой боевой техники».

Боевые порядки обеих сторон переплелись настолько, что трудно было разобраться, где свои, а где враги. Немцы под непрерывным огнем, преследуемые танками, упорно рвались на юг, к заветной речке под названием Гнилой Тикич на внешнем фронте окружения.

«С рассветом, — утверждает советская история, — пехота и конница завершили разгром вражеской группировки... Лишь небольшие группы германских солдат и офицеров сумели спастись и выйти в район Лысянки, но они были полностью деморализованы».

В мемуарах Манштейна ситуация выглядит несколько по-иному: «В 1 ч. 25 м. в ночь с 16 на 17 февраля пришло радостное известие о том, что первая связь между выходящими из окружения корпусами и передовыми частями 3 тк установлена. Противник, находившийся между ними, был буквально смят. 28 февраля мы узнали, что из котла вышло 30 000—32 000 человек... при учете низкой численности войск это составило большую часть штыков».

О том же говорит и Типпельскирх: «...окруженным корпусам пришлось, бросив все тяжелое оружие, артиллерию и большое количество снаряжения, последним отчаянным броском пробиваться к своим войскам. Из окружения вышли лишь 30 тысяч человек». Естественно, что эти разбитые

дивизии были небоеспособны и отправлены в тыл на восстановление.

Немецкие источники единодушны в описании событий, в советских имеются разночтения, особенно настораживает хронометраж. Например, Манштейн и другие авторы сообщают, что прорыв начался около полуночи и к половине второго был установлен контакт с окруженными. Конеv утверждает, что им заранее на флангах предполагаемого прорыва были сосредоточены танковые и кавалерийский корпуса, которые получили команду наступать между 2 и 3 часами утра, «т. е. к моменту, когда гитлеровцы начали подходить к нашим передовым позициям обороны». А вот бывший начальник разведки 4-й гвардейской армии генерал Т.Ф. Воронцов сообщает, что казаки нанесли удар только на рассвете, то есть около 6 часов, а танковые корпуса Ротмистрова атаковали «немного позже». Тот же Воронцов проговаривается: «...как выяснилось позднее, генералы и старшие офицеры позорно покинули своих солдат еще в начале прорыва. На бронетранспортерах, под прикрытием нескольких уцелевших танков, сразу как только удалось пробить небольшую брешь в первой полосе наших боевых порядков, они бросились на юг и еще до рассвета бежали в район Лысянки».

Скажем честно, не очень похоже на боевых немецких генералов. Генерал Штеммерман при прорыве следовал с арьергардом, лично возглавил офицерскую роту, составленную из управления 11-го корпуса, и погиб в бою. Борис Полевой, приехавший посмотреть на труп, занес в дневник: «Как бы там ни было, он не удрал на самолете, как это сделали высшие офицеры его штаба, не покинул солдат. Он остался с ними и погиб солдатской смертью». Надо бы выбрать уж что-то одно: удрали на бронетранспортере, улетели в самолете, держали «пистолет у затылка» или умирали солдатской смертью?

Можно вспомнить другой пример: как удрали из Севастополя, бросив войска, генерал Петров и адмирал Октябрьский, их штабы и командиры дивизий, что не помешало им получить звание Героя Советского Союза «за умелое руководство... за мужество, отвагу и героизм в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками».

К тому же впереди бронетранспортеров, как мы знаем, «бежали к Лысянке» три дивизии.

Выходит, начало прорыва все-таки прохлопали, советские танкисты и кавалерия били уже «по хвостам» колонн, а основная часть корсуньской группировки избежала уничтожения, хотя и потеряла почти всю артиллерию, автотранспорт и много танков. Тяжелораненых, которых не успели «умертвить и сжечь», тоже пришлось бросить. Они и составили основную массу пленных.

Естественно, Коневу все командиры отрапортовали, что на их участке не прорвался ни один немецкий солдат, о том же отрапортовал и сам Конев. А кто проверит? Ведь враг прорвался не в наш тыл, а в свой. Командир же дивизии СС «Викинг» группенфюрер Гилле, получивший за этот прорыв из рук Гитлера Крест, по версии Конева, либо вылетел на самолете до начала сражения, «либо пролез через линию фронта, переодетый в гражданскую одежду». Вместе с ним, видимо, «пролезли» и командир 42-го корпуса генерал Либ, командир 72-й пехотной дивизии полковник Хон и, к примеру, 632 бойца бригады «Валлония» или 219 человек из 105-го гренадерского полка. Более 3000 солдат и офицеров вывел командир 57-й пехотной дивизии генерал Тровитц. Удалось спастись большей части 88-й пехотной дивизии генерала Риттберга.

Сталин догадывался, что дело нечисто, но Корсунь-Шевченковская битва уже была объявлена «новым Сталинградом на берегах Днепра», о выдающейся победе раструбили на весь мир и грохнули салютом из 224 орудий.

Кстати, традицию отмечать военные победы артиллерийским салютом заложил еще Петр I. Товарищ Сталин возродил этот обычай после победы на Курской дуге, когда освобождение Орла и Белгорода ознаменовали 12 залпами из 124 орудий. Количество залпов объяснялось наличием на складах всего 1500 холостых выстрелов. В дальнейшем было установлено три категории салютов: первая — 24 залпа из 324 орудий, вторая — 20 залпов из 224 орудий и третья — 12 залпов из 124 орудий. Корсуньскую победу отмечали по второй категории.

Пришло время считать трофеи и раздавать награды. Официальная «История Второй мировой войны» сообщает, что немцы потеряли в окружении 55 000 человек убитыми, более 18 000 пленными, большое количество техники. Еще около 3000 солдат и офицеров были вывезены транспортными самолетами. Отсюда «вытанцовывается» первоначаль-

чальная цифра 80-тысячной окруженной группировки. Еще 27 000 убитыми, до 1500 пленными, более 600 танков записали на свой счет войска, державшие внешний фронт окружения. Итого: немцы потеряли в Корсунь-Шевченковской операции 82 000 человек убитыми и около 20 000 пленными.

Войскам 2-го Украинского фронта и лично его командующему была объявлена благодарность Верховного. Генерал армии Конев за умелое руководство войсками 20 февраля был удостоен воинского звания «Маршал Советского Союза», Ротмистрову было присвоено звание «маршал бронетанковых войск».

Правда, по архивным данным, за весь период с 1 января по 1 марта 1944 года Красная Армия взяла в плен на всех фронтах лишь 15 351 неприятельского солдата и офицера. По данным Мюллера-Гиллебранда, за весь февраль опять же на всех фронтах сухопутные силы Германии потеряли убитыми 41 200 человек.

Немецкий автор прямо называет советские выкладки «забавным жонглированием» цифрами: «Ежедневный доклад 8-й армии на вечер 11 февраля 1944 года оценивает личный состав двух окруженных корпусов, включая русских добровольцев, в 56 000 человек. Из них в целом 2188 раненых были оставлены. Около 35 000 человек, согласно сведениям начальников штабов окруженных корпусов, вышли из окружения и были зарегистрированы приемными пунктами как прибывшие. Боевые журналы дивизий и полков тоже подтверждают эти данные. Их средние потери составляют 20—30 процентов. Таким образом, в список потерь в Черкассах входят 18 800 человек... Это не умаляет победы русских. Ее значение заключается в уничтожении боевой мощи шести с половиной немецких дивизий. Шесть с половиной дивизий потеряли все свое вооружение... Это означает, что шесть с половиной дивизий потеряны для дальнейших операций».

Конечно, это была крупная победа, имевшая оперативно-стратегическое значение. Противник был окончательно отброшен от Днепра в его среднем течении. Ликвидация каневского выступа и действовавшей в нем группировки устранила угрозу флангам 1-го и 2-го Украинского фронтов и вместе с тем обеспечила свободу маневра вдоль фронта; советские войска освободили важную железнодорожную

рокаду на правом берегу Днепра: Фастов—Белая Церковь—Корсунь—Шевченковский—Знаменка—Днепропетровск на всем ее протяжении. Сокращение линии фронта позволяло высвободить большое количество войск и использовать их для последующих боевых действий. Все это создавало благоприятные условия для развертывания дальнейшего наступления советских войск к Южному Бугу и Днестру.

РОВНО-ЛУЦКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Одновременно с разгромом корсунь-шевченковской группировки 1-й Украинский фронт осуществил правым крылом Ровно-Луцкую операцию с целью овладеть районом Ровно — Луцк — Шепетовка и занять выгодный рубеж для последующего удара с севера во фланг и тыл группы армий «Юг».

Основная роль отводилась 13-й армии под командованием генерал-лейтенанта Н.П. Пухова, имевшей в своем составе три стрелковых, 1-й и 6-й гвардейские кавалерийские корпуса. Главный удар армия наносила силами 76-го стрелкового и двух кавалерийских корпусов из района Сарны на Ровно и Луцк, обходя их с северо-запада. На левом фланге 24-й стрелковый корпус должен был продвигаться в обход Ровно с юга и юго-запада. Правофланговый 77-й стрелковый корпус имел задачу прикрыть правый фланг армии в районе Столина, а остальными силами выдвинуться к реке Горынь.

60-я армия генерал-лейтенанта И.Д. Черняховского имела в своем составе четыре стрелковых, 4-й гвардейский и 25-й танковый корпуса. Армия наносила главный удар силами 18-го гвардейского стрелкового корпуса на Шепетовку. 23-й стрелковый корпус, примыкавший к 13-й армии, должен был овладеть рубежом Острог — Славута. Остальные корпуса сковывали противостоящие силы противника, не допуская возможного удара группировки противника по левому флангу армии.

Обе армии имели 19 стрелковых дивизий, два кавалерийских и два танковых корпуса. В них в общей сложности было 2811 орудий и минометов, 140 танков и самоходных установок. Им противостояли шесть пехотных дивизий 13-го и 59-го армейских корпусов под командованием гене-

ралов Хауффе и Шульца. Южнее Шепетовки располагался 48-й танковый корпус в составе трех танковых дивизий.

Операция осуществлялась в условиях труднодоступной лесисто-болотистой местности, на ряде участков непроходимой для войск. Распутица и половодье еще более затрудняли наступательные действия. Но эти-то условия командование фронта использовало для достижения успеха. Немцы из-за недостатка сил и по условиям местности не имели между Сарнами и Шепетовкой сплошного фронта обороны. Только основные дороги перехватывались отдельными опорными пунктами; между ними имелись промежутки, которые патрулировались небольшими группами. Кроме того, удар из района западнее Сарнов обеспечивал внезапность, так как противник, учитывая сильную заболоченность местности, слабую сеть дорог и распутицу, полагал, что в этом районе действия крупных масс советских войск невозможны. В этих условиях советское командование основную ставку сделало на кавалерию.

В плане операции было предусмотрено и то, что реки в этом районе текут в меридиональном направлении. Поэтому важно было исключить необходимость их последовательного форсирования. Предполагалось маневрировать вдоль рек.

Одновременно с подготовкой сильного удара из района Сарнов во фланг и тыл луцко-ровенской группировке предусматривалось нанесение ударов с фронта с целью сковать противника и лишить его свободы маневра.

В районе предстоящих боевых действий оперировали партизанские соединения и отряды С.А. Ковпака, А.Ф. Федорова, М.И. Наумова, Д.Н. Медведева, А.Н. Сабурова. Планируя операцию, штабы 1-го Украинского фронта и 13-й армии согласовали с Украинским штабом партизанского движения действия войск и партизан.

Операция началась 27 января. На правом фланге 13-й армии 1-й и 6-й гвардейские кавалерийские корпуса в течение ночи на 27 января перешли линию фронта и к утру выдвинулись в районы Владимирец, Островце, Полицы, Седлиско. Здесь они остановились на дневку, готовясь к продвижению на рубеж реки Стырь.

Части 76-го стрелкового корпуса с утра 27 января прорвали оборону противника на своем правом фланге и продвинулись вперед на 5—7 км. 24-й стрелковый корпус успешно

форсировал на всем фронте Горынь и продвинулся от 4 до 6 км. Его 287-я стрелковая дивизия в первый же день наступления заняла Острог.

Войска Черняховского силами 18-го гвардейского и 23-го стрелковых корпусов на правом фланге выдвинулись на рубеж реки Горынь и подошли с севера и востока на подступы к Шепетовке.

На второй день кавалерийские корпуса, возобновив движение на запад, в ночь на 28 января достигли рубежа реки Стырь в районе Рафаловки, Чарторийска и передовыми отрядами форсировали реку в этих районах.

Германское командование было обеспокоено непрочным положением на северном фланге 4-й танковой армии, хотя не имело еще представления о целях и масштабах советского наступления. Главной задачей оно считало усилить оборону основных узлов и дорог и переправ на реке Стырь на ковельском направлении. С этой целью в район Столина и южнее срочно выдвигалась моторизованная дивизия СС «Фельдхернхалле», в район Маневичей — резервные части из Ковеля, в Ровно — части 19-й венгерской дивизии, в район Шепетовки — 7-я танковая дивизия и в район Ямполья — 21-я венгерская дивизия.

Стало ясно, что до Ковеля кавалеристы не дойдут.

Ночью 28 января Ватугин дал указание командующему 13-й армией повернуть корпуса для удара по Луцку и Ровно. В соответствии с этим генерал Пухов приказал 1-му кавалерийскому корпусу из занимаемого района наступать на юг и, действуя вдоль восточного берега реки Стырь, к исходу 31 января овладеть Луцком. 6-й гвардейский кавкорпус получил задачу нанести удар в направлении Клевани, атаковать Ровно с северо-запада и содействовать стрелковым корпусам, наступавшим с фронта, в разгроме ровенской группировки противника.

Поскольку кавалерийские корпуса должны были оставить район Рафаловка — Чарторийск, туда было приказано выдвинуть дивизии 77-го стрелкового корпуса.

Маневр был выполнен скрытно. Германское командование по-прежнему не имело представления о количестве советских войск и о размахе их действий. Передвижение колонн по лесам в своем тылу оно приняло за рейд партизанских соединений.

С утра 29 января 1-й и 6-й гвардейские кавалерийские

корпуса по приказу командующего 13-й армией повернули на юг, нанося удар в тыл группировке врага, действовавшей в районе Луцк — Ровно.

Наступление происходило в чрезвычайно трудных условиях: войска двигались по заболоченным лесным дорогам. Люди шли по пояс в ледяной воде, несли на руках боеприпасы, минометы, тащили орудия. Лошади выбивались из сил.

31 января части 1-го гвардейского кавалерийского корпуса под командованием генерал-лейтенанта В.К. Баранова вышли в район Киверцев, а 6-й гвардейский кавалерийский корпус генерал-лейтенанта С.В. Соколова овладел Клеванью. С выходом в район Киверцы — Клевань шоссе и железная дорога, связывающие Ровно с Луцком и Ковелем, были перерезаны, а войска противника, действовавшие в районе Луцка и Ровно, разобщены. Тылы всей луцко-ровенской группировки оказались под угрозой.

В этот момент немецкое командование получило уже более полное представление об обстановке и стало принимать отчаянные меры для спасения положения. Все полицейские и тыловые формирования были брошены на укрепление обороны Луцка, Ровно, Здолбунова, Шепетовки. В Луцк на усиление находившейся там 19-й пехотной дивизии венгров и немецкого гарнизона был переброшен 118-й дивизион штурмовых орудий.

Чтобы помешать маневру советских войск из района Ровно на северо-запад, были выдвинуты кавалерийский и охранный полки и полицейская команда. Продвигаясь по дороге без боевого охранения, эти полки попали в засаду, организованную 6-м кавкорпусом, и были разгромлены.

Корпус Баранова, развивая наступление от Киверцев на юго-запад, в ночь на 2 февраля ворвался в Луцк и к утру полностью овладел городом.

Корпус Соколова одной дивизией нанес удар на Дубно, а двумя другими — на юго-запад, в тыл ровенской группировке противника. 2 февраля советские войска освободили Ровно — административный центр рейхскомиссариата Украины. Гауляйтер Кох, за которым так упорно и безуспешно охотился легендарный ликвидатор Николай Кузнецов, конечно, убрался из города заблаговременно, приказав подчиненным ему полицейским частям держаться до последнего. Выбитые из города остатки гарнизона частью

поспешно отступали через леса на юго-запад, а частью — по единственной оставшейся у них дороге на юг, в сторону Здолбунова, преследуемые 8-й кавалерийской дивизией. Соединения 24-го стрелкового корпуса в ночь на 3 февраля овладели и этим городом.

С 9 февраля завязались бои за Дубно. Советское командование подтянуло в этот район 25-й танковый корпус, имевший 40 танков (остальные были потеряны в боях за Шепетовку). Противник же на усиление отошедших войск 13-го армейского корпуса перебросил под Дубно из Шепетовки 7-ю танковую дивизию (она пришла тоже от Шепетовки, но сохранила до 100 боевых машин). Попытки советских войск овладеть Дубно не увенчались успехом. С 14 февраля войска 6-го гвардейского кавалерийского, 24-го танкового и 25-го стрелкового корпусов перешли к обороне. Продвинуться за Стырь не удалось. О Ковеле нечего было и думать.

С самого начала операции напряженная борьба развернулась за Шепетовку — крупный узел железных дорог и важный опорный пункт обороны противника. В этом районе оборонялись 291-я и 96-я пехотные дивизии. Все ближайшие населенные пункты и окраины самого города немцы хорошо укрепили.

Как уже говорилось, войска 23-го, 18-го гвардейского и 15-го стрелковых корпусов, перейдя в наступление 27 января, в течение первого и второго дня операции продвинулись на 8—10 км.

Противник, чувствуя угрозу своим позициям в Шепетовке, в ночь на 28 января подтянул из резерва 7-ю танковую дивизию. В 13 часов 28 февраля 7-я танковая и части 291-й пехотной дивизии перешли в контратаку, потеснили войска 18-го гвардейского стрелкового корпуса, заняв Судилков. На усиление 18-го стрелкового корпуса к исходу дня был переброшен 25-й танковый корпус. Неприятель был остановлен.

В течение 28 января—9 февраля войска правого фланга 60-й армии вели бои местного значения и готовились к возобновлению наступления на Шепетовку. В связи с убытием 25-го танкового корпуса в полосу 13-й армии, на усиление 18-го гвардейского стрелкового корпуса прибыла 280-я стрелковая дивизия; в его полосу был перегруппирован и 4-й гвардейский танковый корпус.

Для обеспечения прорыва в полосе 18-го гвардейско-

го корпуса была сосредоточена достаточно сильная группировка артиллерии, позволившая создать плотность до 65 орудий и минометов на 1 км фронта.

Штурм начался на рассвете 10 февраля.

Соединения 23-го стрелкового корпуса уже к 17 часам продвинулись до 15—20 км и вышли в район Плужного, обойдя Шепетовку с запада. Это в значительной степени способствовало успеху 18-го гвардейского и 4-го танкового корпусов, которые с двух сторон охватили вражеский гарнизон Шепетовки и после тяжелых боев 11 февраля полностью овладели городом. Последовавшие контратаки немцев были отбиты.

С выходом 60-й и 13-й армий на рубеж Маневичи — Луцк — Шепетовка «цель операции была в основном достигнута».

Войска правого крыла 1-го Украинского фронта нанесли поражение противнику и еще глубже охватили северный фланг группы армий «Юг». Выйдя из лесисто-болотистого района, они заняли выгодные позиции для развития наступления в сторону Ковеля. Отбитые у врага крупные узлы шоссейных и железных дорог — Ровно, Здолбунов, Шепетовка — улучшили условия маневра силами и имели большое значение для снабжения войск при организации дальнейшего наступления.

В предвидении развития активных событий на ковельском направлении Ставка 17 февраля приняла решение о создании на стыке Белорусского и 1-го Украинского фронтов нового — 2-го Белорусского фронта.

НИКОПОЛЬСКО-КРИВОРОЖСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Важным звеном зимнего наступления на Правобережной Украине была Никопольско-Криворожская операция, осуществленная силами 3-го и 4-го Украинских фронтов.

К концу 1943 года войска 3-го Украинского фронта под командованием генерала армии Р.Я. Малиновского закрепились на рубеже Веселые Терны — Токмаковка — Беленькое. В состав фронта входили 8-я гвардейская, 6, 46, 17-я воздушная армии и 23-й танковый корпус — всего 19 стрелковых дивизий, 1 танковый корпус, 1 отдельная танковая бригада, 10 танковых и самоходно-артиллерийских полков — 337 000 человек.

Против никопольского плацдарма противника протяженностью 120 км и глубиной 10—15 км действовали войска 4-го Украинского фронта генерала армии Ф.И. Толбухина в составе 2-й и 3-й гвардейских, 5-й ударной, 28, 51, 8-й воздушной армий, 2-го и 4-го гвардейских механизированных, 19-го танкового и 4-го гвардейского кавалерийского корпусов — всего 38 стрелковых, 3 кавалерийские дивизии, 2 механизированных, 1 танковый, 1 кавалерийский корпуса, 3 танковых, 1 мотострелковая бригада, 6 танковых и самоходно-артиллерийских полков — 550 200 человек. Из них 10 стрелковых дивизий 51-й армии блокировали Крым.

Германское командование придавало большое значение удержанию Никополя и Кривого Рога — важного в экономическом отношении района марганцевых и железорудных разработок. Кроме того, этот плацдарм Гитлер планировал использовать для удара на Крым и восстановления сухопутной связи с 17-й армией. Немцы предпринимали энергичные меры к быстрейшему завершению строительства оборонительных рубежей.

Перед 3-м и 4-м Украинскими фронтами первый оборонительный рубеж противника имел три ряда траншей и окопов, опоясанных проволочными заграждениями и прикрытых минными полями. Все высоты и населенные пункты были хорошо укреплены. Готовились рубежи в оперативной глубине — по Днепру и на реке Каменка.

В районе Кривого Рога и Никополя действовала 6-я полевая армия под командованием генерал-полковника К. Холлидта. Армия, как известно, была уничтожена в феврале 1943 года, а в марте сформирована заново. Помня об этом, многие авторы видят некое предопределение ее поражений на последнем этапе войны, упоминая о некоем «духе Сталинграда», который витал над армией. Поражение вермахта действительно уже было предопределено. Но странная магия совпадений: против Никополя действовала и советская 6-я армия, дважды сгинувшая в Уманском и Барвенковском котлах.

Перед советскими войсками, действовавшими в этом районе, стояла задача разгромить криворожско-никопольскую группировку противника, ликвидировать никопольский плацдарм и отбросить вражеские войска за реки Ингулец и Южный Буг.

Сделать это они пытались еще в ноябре 1943 года, но це-

льный ряд предпринятых фронтальных атак не привел к желаемому результату. Как только советские войска вклинивались в оборону противника, он немедленно предпринимал контратаки и восстанавливал положение. «Никопольский плацдарм, — писал маршал С. Бирюзов, — являлся для нас сущим бедствием. Нависая над нашим правым флангом, он как бы раздваивал силы 4-го Украинского фронта». Трижды пытались прорваться с севера к Апостолову и войска 3-го Украинского фронта и трижды «умылись кровью». 24-я танковая дивизия в этих боях записала на свой счет 290 уничтоженных советских танков.

Интересно, что военные стратеги по обе стороны фронта одинаково оценивали оперативную бесперспективность никопольского плацдарма. Почти в то же время, как Манштейн уговаривал Гитлера вывести отсюда войска, сократить линию и укрепить за счет этого северный фланг группы армий «Юг», маршал Василевский доносил в Ставку свои соображения:

«В условиях данной обстановки сомнительно, чтобы противник продолжал серьезное сопротивление в излучине Днепра, а следовательно, и на никопольском плацдарме.

Успешные действия за первую половину дня сегодня слабого левого крыла Чуйкова и с плацдарма войск Шлемина подтверждают начало отвода войск противника из района к западу от Токмаковки. В ближайшее время, по-видимому, необходимо ожидать отвода войск противника и с никопольского плацдарма.

Противник за счет оставления территории в излучине Днепра, а следовательно, за счет сокращения фронта путем отхода за р. Ингулец, а быть может, и за р. Южный Буг, постарается освободить часть своих сил и прежде всего танковые дивизии, чтобы бросить их в район Жмеринка—Первомайск против Николаева и Степина (Ватутина и Конева. — *В.Г.*)».

На основании собственных выводов Василевский предлагал немедленно приступить к преследованию противника, а на левом крыле 4-го Украинского фронта подготовить и нанести удар силами четырех армий вдоль Южного Буга на Первомайск. 31 января Ставка одобрила этот план, приказав одновременно начать наступление на Крым.

Однако события развивались несколько иначе, чем предполагалось. Немцы не собирались оставлять запорожскую

излучину и никопольский плацдарм, а, наоборот, получили свой приказ «Ни шагу назад!».

Это стало ясно уже через три дня. В директиве Ставки Василевскому и Толбухину указывалось: «Намеченная Вами с 6.1 перегруппировка сил с никопольского плацдарма предполагает ликвидацию к этому сроку названного плацдарма. Между тем результаты наступательных действий 4-го Украинского фронта против Никополя не дают оснований для такого предположения».

За Никополь предстояло драться.

10—12 января 1944 года войска обоих фронтов начали наступление. 3-й Украинский фронт наносил главный удар силами 8-й гвардейской и 46-й армий на апостоловском направлении, а 4-й Украинский силами 3-й гвардейской, 5-й ударной и 28-й армий атаковал противника на никопольском плацдарме.

Тяжелые бои, длившиеся в течение пяти дней, не дали решительного успеха. Войска Малиновского вклинились в оборону на 6—8 км, но прорвать ее не смогли. У Толбухина результаты были еще мизерней.

17 января советское командование решило прекратить атаки и начать более тщательную подготовку к наступлению. В этот же день Военный совет 3-го Украинского фронта направил Верховному Главнокомандованию план операции, который в принципе не отличался от прежнего. Одновременно по предложению маршала Василевского Ставка усилила 3-й Украинский фронт, которому отводилась главная роль. В его состав была передана 37-я армия из 2-го Украинского фронта (6 стрелковых дивизий), 4-й гвардейский механизированный корпус из 4-го Украинского фронта и 31-й гвардейский стрелковый корпус из резерва Ставки (3 дивизии). Фронт в январе получил 64 танка, значительное количество боеприпасов и горючего.

В соответствии с общим замыслом операции генерал Малиновский решил главный удар нанести силами 46-й армии генерал-лейтенанта В.В. Плаголева, 8-й гвардейской армии генерал-полковника В.И. Чуйкова и 4-го гвардейского Сталинградского механизированного корпуса генерал-лейтенанта Т.И. Танасчишина из района Владимировки на Апостолово, Каменку, выйти к Днепру и во взаимодействии с 4-м Украинским фронтом окружить и уничтожить группировку противника в районе никопольского плацдарма. Обе

армии прорывали оборону на участке в 21 км, где создавалась плотность 140 орудий и минометов, 9 танков и САУ на 1 км. 37-й армии генерал-лейтенанта М.Н. Шарохина и 6-й армии генерал-лейтенанта И.Т. Шлемина предстояло нанести вспомогательные удары: первой — на Кривой Рог, второй — на Никополь. Наступление войск поддерживала 17-я воздушная армия генерал-лейтенанта В.А. Судца.

Войскам 4-го Украинского фронта — 3-й гвардейской армии генерал-лейтенанта Д.Д. Лелюшенко, 5-й ударной армии генерал-лейтенанта В.Д. Цветаева и 28-й армии генерал-лейтенанта А.А. Гречкина при поддержке 8-й воздушной армии генерал-лейтенанта Т.Т. Хрюкина — предстояло наступать против никопольского плацдарма. В полосе 5-й ударной армии планировалось использовать 2-й гвардейский механизированный корпус генерал-лейтенанта К.В. Свиридова.

Удары войск обоих фронтов должны были привести к дроблению вражеской обороны, лишить противника возможности маневрировать своими резервами и обеспечить уничтожение его по частям.

Таким образом, к операции привлекались 51 стрелковая дивизия, 2 механизированных корпуса, 2 отдельных танковых, 1 мотострелковая бригада, 6 отдельных танковых полков — 705 000 человек, 8048 орудий и минометов, 238 танков и САУ, 1333 боевых самолета. В резерве фронтов находились еще 2 танковых, 1 кавалерийский корпус, танковая и мотострелковая бригады, 2 отдельных танковых и 2 самоходно-артиллерийских полка.

К началу февраля войска 6-й немецкой армии, оборонявшиеся в районе Никополя и Кривого Рога, насчитывали 17 пехотных, 6-ю и 23-ю танковые, 16-ю моторизованную дивизии, 8 дивизионов штурмовых орудий — 540 000 человек, 2416 орудий и минометов, 327 танков и штурмовых орудий. Из них 8 пехотных дивизий и 3 дивизиона штурмовых орудий, объединенных в оперативную группу Шернера, занимали никопольский плацдарм.

6-ю армию поддерживал 1-й авиационный корпус 4-го воздушного флота.

И снова «по танкам преимущество было на стороне врага».

Умру, а не пойму, почему две немецкие танковые дивизии имеют «преимущество» по танкам над четырьмя совет-

скими корпусами, если первым полагалось по штату 125, а вторым 250 боевых машин? Конечно, о полном штате в ходе непрерывных боев говорить не приходилось. Вот и Манштейн подтверждает, что зимой 1944 года немецкие дивизии имели в среднем чуть более 30 исправных танков. За полгода с июля 1943 года по январь 1944-го группа армий «Юг» получила только 872 танка и штурмовых орудия. А четыре Украинских фронта на протяжении шести месяцев имеют роскошь терять по 1400—1500 боевых машин ежемесячно и при этом все время «уступают». И на данном участке войны даже по советским данным 23-я танковая дивизия немцев имела менее 60 танков, а советский 4-й гвардейский мехкорпус — 120. У немцев один батальон «тигров», а только в 46-й армии три отдельных танковых полка. Так откуда же «преимущество на стороне врага»?

Манштейн конкретно описал состояние 9-й и 23-й танковых дивизий на конец января: «В обеих дивизиях к тому времени было всего 5 исправных танков! Должен же был, наконец, наступить такой момент, когда храбрые войска в результате непрерывного перенапряжения исчерпают свои силы». И поскольку вскормленные Институтом военной истории Министерства обороны и Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС коллективы «больших ученых» врут мне прямо в глаза, я все больше верю «незадачливому гитлеровцу».

Наступление войск Малиновского началось утром 30 января ударами 37-й и 6-й армий на вспомогательных направлениях.

Войска генерала Шарохина прорвали оборону на 8-километровом фронте и продвинулись вперед на 3—4 км. Немцы, приняв вспомогательный удар 37-й армии за начало наступления главных сил, в первый же день на этом участке ввели в бой свои резервы — 9-ю и 23-ю танковые дивизии. К вечеру бои здесь достигли наивысшего напряжения. Нашим частям приходилось отражать ожесточенные контратаки, дивизии несли большие потери.

6-я гвардейская армия продвинуться не смогла. Тем не менее отвлекающую задачу армии выполнили. Вспоминая тот день, бывший командир 82-го стрелкового корпуса генерал-лейтенант П.Г. Кузнецов пишет: «Бой явно не клеился. Докладывая командующему, я нервничал.

— Не волнуйся, это к лучшему, — успокоил он меня.

Весь день я не понимал, почему командующий расценивает положение так оптимистически. Вражеские танки появлялись один за другим, прибывала и пехота. Сопротивление врага с каждым часом нарастало. А командующий уверяет, что это к лучшему. В чем же дело? Вечером, я изнервничавшись и не добившись от дивизий выполнения задачи дня, возвратился к себе в штаб».

А на следующий день из района западнее Новониколаевки нанесли главный удар 46-я и 8-я гвардейская армии. В упорных боях оборона противника была прорвана, а попавшие под удар пятнадцати советских дивизий 16-я моторизованная, 123-я и 46-я пехотные дивизии немцев понесли тяжелые потери и начали отступать. В 16 часов 1 февраля в сражение был введен 4-й гвардейский механизированный корпус, который в ходе ночной атаки захватил ряд населенных пунктов. Мотодивизия графа фон Шверина была полностью разгромлена. В журнале боевых действий 6-й немецкой армии появилась запись: «Измотанная в непрерывных боях 16-я моторизованная дивизия, потеряв большую часть оружия и автомашин, распалась на отдельные группы...»

Генерал Холлидт, поняв, что главный удар наносится на апостоловском направлении, перебросил танковые дивизии из полосы 37-й армии против главной группировки, когда та уже прорвала оборону. Туда же командующему группой армий «Юг» пришлось вернуть с полпути 24-ю танковую дивизию, направленную ранее на усиление войск 8-й армии, сосредоточиваемых для деблокирования корсуньшевченковской группировки.

Намеченный контрудар силами 9-й и 23-й танковых дивизий по правому флангу 4-го механизированного корпуса запоздал. Пока немецкие танки ползли по непролазной грязи к рубежу развертывания Новоукраинка, последний уже находился в руках советских танкистов, и «тридцатьчетверки», развивая успех, достигли следующего оборонительного рубежа по юго-западному берегу реки Каменки. Стрелковые подразделения успешно отразили контратаки, совершая невероятные подвиги. Полковник В.А. Крылов, описывая бой 4-й гвардейской стрелковой дивизии за деревню Софиевку, вдохновенно повествует так: «Одно за другим умолкали наши орудия. Не было снарядов... бойцы подпустили танки к своим позициям и стали забрасывать их гранатами. Кончились гранаты. А танки, тяжело ворочаясь, продолжали

утожить позиции полка. Тогда наиболее смелые взобрались на гитлеровские машины и стали забивать смотровые щели грязью (!)». По утверждению замполита, воины 3-го гвардейского полка гранатами и грязью закидали 18 танков противника.

2 февраля Гитлер, недовольный тем, что Манштейн выдергивает дивизии из днепровской излучины на север, передал 6-ю армию в подчинение группе армий «А». Но и Клейст уже мало что мог сделать. Все его резервы состояли из одной учебной пехотной дивизии.

К 5 февраля соединения 3-го Украинского фронта продвинулись на 45—60 км и овладели железнодорожным узлом Апостолово. Правофланговые дивизии 8-й гвардейской армии совместно с танкистами овладели Каменкой, Шолоховом, создав угрозу окружения 17-го армейского корпуса генерала Крейзинга (пять дивизий) в районе Марганец — Никополь. Угроза потери путей отхода вынудила Холлидта начать отвод отсюда войск на юго-запад вдоль правого берега Днепра.

6-я немецкая армия оказалась рассеченной на две части.

Из района Апостолова войска Глаголева продолжали развивать наступление на запад к реке Ингулец, а «чуйковцы» при поддержке 4-го гвардейского мехкорпуса стремились выйти к Днепру, чтобы полностью отрезать никопольскую группировку.

31 января начали активные действия и войска 4-го Украинского фронта. В 4 часа утра 50-я стрелковая дивизия 5-й ударной армии сбила неприятеля с занимаемого рубежа и продвинулась на глубину до 1,5 км. К 12 часам дня перешли в наступление 3-я гвардейская и 28-я армии.

С самого начала бои приняли напряженный характер. Немцы стремились во что бы то ни стало удержать за собой плацдарм и оказывали упорное сопротивление. Однако 23 советские дивизии ударами на разных направлениях взломали оборону 8 дивизий противника. В 15 часов в полосе 5-й ударной армии в сражение был введен 2-й гвардейский механизированный корпус. К исходу дня войска генерала Цветаева продвинулись на 7 км, а танкисты — до 11 км.

Противник под ударами советских войск начал отходить к переправам через Днепр у Большой Лепетихи и Никополя. По этим переправам сосредоточила огонь советская артил-

лерия, их непрерывно бомбили и обстреливали самолеты. В результате организованный отход неприятельских войск был нарушен. Однако немцам удалось сдержать наступление советских войск на предместных плацдармах и отвести свои дивизии на северный берег.

8 февраля войска 4-го Украинского фронта полностью очистили плацдарм от противника и совместно с 6-й армией 3-го Украинского фронта освободили Никополь. Механизированный корпус Свиридова был выведен в резерв фронта.

С потерей Никополя немецкие войска, действовавшие в этом районе, лишились последнего крупного опорного пункта и оказались перед катастрофой. Для отступления 17-го и 4-го армейских корпусов оставался один узкий коридор. Его ширина от Днепра до переднего края вышедших в район Шолохова и Перевизских хуторов танковых бригад генерала Танасчишина составляла всего 6—7 км, и он простреливался всеми калибрами артиллерии и минометов. За этот коридор западнее города развернулись исключительно напряженные бои. Немцы непрерывно контратаковали, стараясь любой ценой удержать за собой узкую полосу земли и вывести по ней остатки разбитой под Никополем группировки. Прикрываясь частью сил от ударов 6-й армии генерала Шлемина, свои основные силы они бросили против 8-й гвардейской, которая стремилась выходом к Днепро-провским плавням отрезать им пути отхода на запад. Для отражения натиска войск Чуйкова в районах Перевизское, Марьинское генерал Шернер сосредоточил части шести пехотных дивизий, отошедших с никопольского плацдарма и остатки 9-й танковой генерала Джолассе. Сюда же срочно прибыла 24-я танковая дивизия, подтягивался 560-й отдельный батальон «тигров».

11 февраля противник силами двух танковых и четырех пехотных дивизий нанес сильный контрудар с востока и юго-востока на Апостолово, в стыке 8-й гвардейской и 46-й армий. Немногочисленные советские части, действовавшие на этом направлении, вынуждены были отойти. К исходу дня немцам удалось продвинуться на 8—10 км. Создалась угроза захвата ими Апостолова. Малиновский срочно выдвинул из резерва стрелковую дивизию и два истребительно-противотанковых артиллерийских полка. Одновременно на угрожаемое направление были перегруппи-

пированы еще четыре дивизии и 4-й гвардейский механизированный корпус.

Контрудары немецких войск удалось отразить. Но и силы 8-й гвардейской армии, действовавшие юго-западнее и южнее Апостолова, значительно ослабли. Войска испытывали недостаток в боеприпасах. 4-й гвардейский механизированный корпус, понесший значительные потери, 10 февраля пришлось вывести в резерв.

Таким образом, Шернер не допустил советские войска к Днепровским плавням и удержал за собой дорогу, идущую вдоль Днепра из Никополя на Дудчаны. По ней под непрерывными ударами артиллерии и авиации отступали части пяти немецких пехотных дивизий. При отходе эти дивизии понесли большие потери в людях и технике. Почти все тяжелое вооружение и автотранспорт были разбиты либо захвачены нашими войсками. Тем не менее основные силы 4-го и 17-го корпусов ушли из никопольской ловушки. Майор Кандутш писал в своем дневнике: «Мешок разорван. Шернер сказал «до свидания». Без него и его начальника штаба мы сейчас, возможно, уже бы маршировали в сторону Сибири. Все, кто воевал в Никополе, никогда не забудут, чем мы обязаны Шернеру».

Типпельскирх приравнял эту операцию к корсуньшевченковской катастрофе: «Тяжелым поражением, не намного уступавшим по своим масштабам катастрофе 8-й армии, ознаменовалось начало февраля... когда удерживаемый немецкими войсками выступ в районе Никополя подвергся ударам русских войск с севера и с юга. Марганцевые рудники в районе города Марганец... оборона которых являлась основной причиной удержания тактически невыгодного выступа, и сам Никополь, включая также атакованный с юга плацдарм на левом берегу Днепра, 8 февраля были потеряны. Немецким дивизиям... лишь ценою очень тяжелых потерь удалось отступить в район южнее Кривого Рога».

После ликвидации противника в районе Никополя войска 3-го Украинского фронта силами 37-й армии продолжали вести бои к югу от Веселые Терны. 46-я армия выдвинулась на рубеж северо-западнее Апостолова, 8-я гвардейская — юго-западнее Апостолово. 6-я армия вышла в район Новой Воронцовки. 3-я гвардейская армия 10 февраля была передана в состав 3-го Украинского фронта, но вскоре выведена в резерв Ставки. 5-я ударная армия, также перешед-

шая в состав фронта, 10 февраля в исключительно тяжелых условиях форсировала Днепр и овладела плацдармом на его правом берегу в районе северо-западнее Малых Лепетих.

В течение нескольких дней войска фронта подтягивали артиллерию, подвозили боеприпасы, готовясь к возобновлению наступления на криворожском направлении.

В соответствии с новым планом удар в общем направлении на Кривой Рог наносился с двух направлений — 37-й армией с северо-востока и 46-й армией с юго-востока.

37-я армия, прикрываясь частью сил на правом фланге, должна была прорвать оборону на 10-километровом участке в обход Кривого Рога с севера. 46-я армия имела задачу прорвать оборону противника в центре своей полосы на 16-километровом участке, нанести удар непосредственно на Кривой Рог и во взаимодействии с 37-й армией уничтожить вражеские войска в этом районе. На участках прорыва обеих армий создавалась плотность 40—50 орудий и минометов на 1 км фронта.

Наступление началось 17 февраля: 37-й армии — в 5 утра, 46-й армии — в 10 часов после 30-минутной артиллерийской подготовки. Снегопад и метель затрудняли действия войск, исключили возможность использования авиации. На этот раз противник не дал застать себя врасплох. Он ожидал удара именно здесь и готовился к его отражению. На ряде участков немцы, опередив советскую артиллерию, нанесли удары по исходному положению выдвинувшихся войск. Шарохин и Глаголев ввели в бой вторые эшелоны, но и это не принесло особых успехов: «Атаки нашей пехоты противник отражал организованным огнем и контратаками. Каждый опорный пункт переходил из рук в руки по несколько раз. Промежутки между опорными пунктами гитлеровцы перекрыли минными полями. Прорвать сильно насыщенную танками оборону, не имея танков, было слишком сложно. Закреплявшая успех атаки артиллерия сопровождения представляла собой, по сути дела, громоздкие, незащищенные цели, быстро выводилась из строя... наше наступление превратилось в медленное прогрызание».

В течение первых двух суток стрелковые части продвинулись от 5 до 12 км.

Бои на дальних подступах к Кривому Рогу носили исключительно упорный характер. Противник сосредоточил в этом районе пять пехотных и две танковые дивизии

и непрерывно контратаковал. Что собой представляли эти танковые дивизии, мы уже представляем. Зато 20 февраля из Апостолова в район Кривого Рога был переброшен механизированный корпус Танасчишина, пополненный до полного штата. Корпусу были приданы два самоходно-артиллерийских полка СУ-76 и СУ-85, отдельный танковый полк, вооруженный английскими танками «Валентайн» и Т-34, и отдельный полк танков «Центурион».

С появлением на южной окраине 250 танков и САУ «враг значительно ослабил сопротивление и 22 февраля был выбит из города» частями 37-й и 46-й армий, нанесшими одновременный удар с юго-востока и северо-запада.

К 29 февраля войска 3-го Украинского фронта правым крылом и центром выдвинулись к реке Ингулец. Захватив с ходу плацдармы на его западном берегу, войска фронта заняли выгодные позиции для последующих ударов в направлении Николаева и Одессы. Ликвидировав никопольский плацдарм и отбросив врага из запорожской излучины Днепра, советские войска лишили германское командование последней надежды на восстановление связи по суше с заблокированной в Крыму 17-й армией. Значительное сокращение линии фронта позволило советскому командованию высвободить силы для овладения Крымским полуостровом. Было также объявлено, что «более 40 тысяч гитлеровцев нашли себе могилу на полях сражения, 4600 человек было взято в плен», добавим их к предыдущим репортажам.

В ходе двухмесячного зимнего наступления войск Украинских фронтов резко изменилась обстановка на южном крыле советско-германского фронта. Последовательными и одновременными ударами была взломана немецкая оборона от Припяти до нижнего течения Днепра, разбиты наиболее крупные группировки противника и полностью сорваны оборонительные планы германского командования на юге. Советские войска ликвидировали выступы в линии фронта, вдававшиеся на восток, устранили угрозу флангам и, выдвинувшись на линию Луцк, Шепетовка, Звенигородка, Кировоград, Кривой Рог, Каховка, заняли выгодное оперативное положение для нанесения глубоких рассекающих ударов и выхода на фланги основных группировок противника. Овладев крупными узлами железных дорог, советские войска получили возможность использовать важнейшие коммуникации и значительно улучшили условия манев-

ра и снабжения. Была создана благоприятная обстановка для дальнейшего развития наступления с целью завершить освобождение Украины и выйти на государственную границу СССР.

ВЕСЕННЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ

Высшее германское командование прекрасно понимало, какой кризис назревает на юге. 10 февраля 1944 года в сводке Генерального штаба о положении на Восточном фронте указывалось: «Особенно сильная угроза намечается для немецких сил, находящихся между Черным морем и районом р. Припять. Здесь по-прежнему остается главное направление операций советских войск. Решающий успех против группы армий «Юг» полностью освободил бы противнику путь на Балканы и в Польшу и сделал бы невозможной дальнейшую оборону немцами существующей линии фронта. Поэтому ход настоящих операций на участке группы армий «Юг», наряду с будущим развертыванием операций на северном фланге немецких войск, решит в первую очередь судьбу всего немецкого восточного фронта в целом».

Манштейн, предвидя новое советское наступление, обоснованно опасался за свой левый фланг, охраняемый лишь слабыми силами, и неоднократно требовал, чтобы в районе Ровно была сосредоточена еще одна армия. Однако Гитлер, считавший на данный момент приоритетной задачей ликвидацию угрозы союзного десанта на Западе, полагал, что наступательный порыв Красной Армии уже исчерпан, в весеннее время Советы не смогут проводить крупных наступательных операций, а до мая, когда будут накоплены новые резервы, солдаты Восточного фронта обязаны и способны продержаться: «Чем сложнее становилась обстановка на фронте, тем большее значение он придавал «вере» в окончательную победу. Эта «вера» стала играть для него большую роль при отборе командиров на должности от командира дивизии и выше».

Поэтому Манштейн и Клейст получили из резерва ОКХ лишь две пехотные дивизии на двоих.

Командованию группы армий «Юг» пришлось изыскивать внутренние резервы. Первым делом оно усилило свое левое крыло, над которым нависали с севера советские войска. Из состава 1-й танковой и 8-й армий перебрасыва-

лись на север 1-я, 11-я и 16-я танковые дивизии. За ними должны были последовать для сосредоточения в районе Проскурова 17-я танковая и 18-я артиллерийская. В распоряжение генерала Рауса выделялись также 7-я танковая дивизия, «Лейбштандарт «Адольф Гитлер» и 503-й батальон тяжелых танков, которые должны были сосредоточиться в районе Тернополя. Полоса обороны 4-й танковой армии, нацеливавшейся на удержание участка Тернополь—Дубно, была сокращена, а боевые порядки войск уплотнены. Перегруппировку планировалось закончить к 15 марта.

Штаб группы армий «Юг» в начале марта перебрался в Каменец-Подольский, а затем во Львов, на левом фланге. Манштейн считал целесообразней разместить штаб в центре своей группировки, но перебираться на румынскую территорию Гитлер запретил.

Отношения союзников были довольно натянутыми, их может проиллюстрировать характерный эпизод из мемуаров маршала М.Е. Катукова, описывающий январский рейд 1-й танковой бригады на Жмеринку: «Обходя опорные пункты врага, первыми к плотине у Сутиски вышли танки старшего лейтенанта Костылева и лейтенанта Горбача, а также бронетранспортер лейтенанта Балюка. Здесь они стали свидетелями пограничного конфликта. Дело в том, что за Южным Бугом начиналась территория «Великой Транснистрии» — оккупированные советские земли, отданные Гитлером Румынии. Завидев советские танки, немцы пытались проскочить на западный берег. Но румынская застава вдруг потребовала соблюдения формальностей пограничного режима. Взбешенные гитлеровцы развернулись в цепь, открыли по пограничникам автоматный огонь. Пограничники ответили огнем из пулеметов и винтовок. Появившиеся танки Балюка и Гавришко быстро уладили пограничный инцидент: смяв обе конфликтующие стороны, они овладели плотиной и электростанцией...»

Несмотря на принятые меры по восстановлению разбитых дивизий, восполнить потери, понесенные зимой, немцам не удалось.

Однако наступала весенняя распутица, по мнению германского командования исключавшая проведение крупных наступательных операций. Рассчитывая на длительную паузу в боевых действиях, ОКХ стремилось использовать время для восстановления сил и создания прочной обороны.

Не тут-то было. Сталин твердо решил, что к маю Красная Армия должна стоять на государственной границе СССР. Поэтому еще в середине февраля решено было продолжать наступление всеми фронтами без всякой передышки, несмотря на погодные и климатические условия с тем, чтобы мощными ударами от Полесья до устья Днестра расчленить германский фронт и, уничтожая войска противника по частям, завершить освобождение Правобережной Украины и создать благоприятные условия для дальнейших действий на запад и в сторону Балкан.

Решающую роль Ставка отводила войскам 1-го и 2-го Украинских фронтов. Согласно отданным 18 февраля директивам, 1-й Украинский фронт должен был нанести удар с рубежа Дубно — Шепетовка — Любар через Чортков на Черновицы с целью отрезать основным силам Манштейна пути отхода на запад в полосе севернее Днестра. Удар 2-го Украинского фронта планировался с рубежа Звенигородка — Шпола на Умань и далее к Днестру. Непосредственное руководство и координацию действий двух фронтов Сталин взял на себя.

3-му Украинскому фронту 28 февраля была поставлена задача форсировать Ингулец и, сворачивая немецкую оборону на нижнем течении реки, «обрушиться на войска противника, обороняющие Николаев». Одновременно силами вновь созданного 2-го Белорусского фронта под командованием генерал-полковника П.А. Курочкина предполагалось выйти в глубокий тыл группы армий «Центр». Фронту ставилась задача нанести удар на Ковель, а затем наступать на Брест и выйти к Западному Бугу. 4-й Украинский фронт полностью переключался на подготовку Крымской операции. Начало наступления как на Правобережной Украине, так и в Крыму намечалось на первые числа марта.

Учитывая условия распутицы, Верховное Главнокомандование стремилось свести к минимуму перегруппировку войск. Для наиболее целесообразного использования уже сложившейся при завершении предыдущих операций группировки были изменены разграничительные линии между фронтами и переподчинены отдельные армии. Ударные группировки фронтов усиливались резервами Ставки. 2-й Белорусский фронт получил из состава соседних фронтов 61-ю армию, управление 47-й армии, стрелковый корпус и ряд артиллерийских и инженерных соединений; из резерва

Ставки — 70-ю общевойсковую и 6-ю воздушную армии. 1-й Украинский фронт свои левофланговые 2-ю и 6-ю танковые, 40-ю общевойсковую армии передал соседу слева и в соответствии с полученными задачами перегруппировывал основные силы на правое крыло. В его состав из резерва выдвигалась 4-я танковая армия генерал-лейтенанта В.М. Баданова. 3-й Украинский принимал от Конева левофланговую 57-ю армию генерал-лейтенанта Н.А. Тагена и 28-ю армию из состава 4-го Украинского фронта. Основные силы генерал Малиновский сосредоточивал на плацдармах на правом берегу Ингульца, южнее Кривого Рога. Войска получили пополнение и более 750 танков. В общей сложности из танковых войск привлекались шесть танковых армий, девять отдельных танковых и механизированных корпусов и более 50 отдельных бригад и полков.

Советское командование упредило противника в сосредоточении и развертывании сил. Несмотря на плохую погоду и бездорожье, перегруппировки закончились в основном в намеченные и весьма сжатые сроки, в то время как рокировка войск противника на левое крыло группы армий «Юг» еще продолжалась. Сыграли свою роль повышенная проходимость советских танков и американских «Студебеккеров».

На фронте от Луцка до Херсона продолжали обороняться войска группы армий «Юг» и «А». К началу марта вместе с венгерскими и румынскими частями в них насчитывалось в общей сложности 58 пехотных, 18 танковых, 4 моторизованных, 1 артиллерийская, 2 охранные дивизии и моторизованная бригада — всего 1 400 000 человек, 14 500 орудий и минометов, 2000 танков и штурмовых орудий, 1530 самолетов.

Боевой и численный состав советских войск на Правобережной Украине в начале марта, по советским источникам: 1 930 000 человек, 29 700 орудий и минометов, 2442 танка и САУ, 1578 самолетов.

Правда, маршал Василевский утверждает, что, например, по танкам Украинские фронты превосходили врага в 2,5 раза. Следовательно, либо мы имели 5000 машин, либо немцы — около 980. Последнее более вероятно. Но что мог знать начальник Генерального штаба, он ведь не имел диплома историка.

«В марте 1944 г., — констатирует Манштейн, — наступил час, когда нам пришлось расплачиваться за большую ошибку, которую совершило немецкое Главное командование, состоявшую в том, что оно не хотело ничего отдавать (будь то на востоке или на других театрах военных действий), когда это было необходимо, чтобы достичь превосходства на решающем участке или, по крайней мере, сосредоточить на нем достаточное количество сил...

Ошибка состояла, далее, в том, что со времени провала последнего немецкого наступления, операции «Цитадель», Главное командование пыталось удерживать слишком растянутые фронты недостаточными силами, что вызвало совершенно излишний расход сил.

Наконец, Главное командование ошибалось, требуя, чтобы южный фланг Восточного фронта был прикован к защите далеко выдающихся на восток выступов фронта: в начале в Донецкой области, затем в Днепровской дуге и в Крыму, в результате чего противник получил возможность отрезать занимающие их группировки. При этом оно упускало из виду, что исход кампании будет решаться не на этих выступах, а там, где противнику удастся отбросить весь немецкий южный фланг на юг, к Черному морю и Румынии. Этим решающим участком фронта со времени операции «Цитадель» был всегда северный фланг группы армий «Юг».

Теперь было слишком поздно!»

4 марта 1944 года 1-й Украинский фронт начал **Проскурово-Черниговскую операцию**.

Фронт в своем составе имел 13, 60, 1-ю гвардейскую, 18-ю и 38-ю общевойсковые, 3-ю гвардейскую, 1-ю и 4-ю танковые, 2-ю воздушную армии, 4-й гвардейский и 25-й танковые корпуса, 1-й и 6-й гвардейские кавалерийские корпуса.

Главный удар наносили на Проскуров войсками 13, 60 и 1-й гвардейской армий, 3-й гвардейской и 4-й танковых армий, усиленных всей артиллерией фронта. Кроме того, два армейских удара намечалось осуществить на левом крыле в тесном взаимодействии с войсками Конева. Ширина участков прорыва колебалась от 5 до 13 км. Танковая армия Катуква составляла резерв.

Для создания ударной группировки армия Черняховского передвигалась в правую половину своей полосы, а левую уступала 1-й гвардейской армии. Та, в свою очередь, пере-

давала свою полосу 18-й армии, фронт которой в результате этого удваивался. С целью маскировки проводимых мероприятий 60-я армия оставляла на старых позициях один стрелковый корпус, передавая его 1-й гвардейской. Последняя делала то же самое в прежней своей полосе, получая взамен 17-й гвардейский стрелковый корпус из 38-й армии. В состав ударной группировки перемещалась из района Шумска танковая армия Рыбалко, от Киева совершали 350-километровый марш находившиеся на укомплектовании 1-я и 4-я танковые армии.

Наступление планировалось провести в два этапа на общую глубину 80—85 км в течение 12 дней. На выполнение ближайшей задачи глубиной 50 км отводилось трое суток.

Наиболее сложной была перегруппировка войск 60-й армии, которой предстояло не только переместить значительную часть своих соединений в новую полосу, но и выдвинуться вперед на 30 км, заняв более выгодное положение. 26 февраля войска Черняховского совместно с 4-м гвардейским танковым корпусом начали выдвигаться в новый исходный район и, сбивая мелкие группы противника, к 2 марта вышли на рубеж реки Горынь и переправились через нее в районе юго-западнее и южнее Изяслава и Корницы. Под их прикрытием на южном берегу Горыни заняли исходные районы танковые армии Рыбалко и Баданова.

Для обеспечения скрытности проводимых мероприятий имитировалась подготовка наступления в полосе 38-й армии: здесь проводились рекогносцировки, пристрелка артиллерии, ложное сосредоточение стрелковых и танковых соединений и, наконец, 2 марта — частная атака.

Очень важным считалось провести подготовку в такие сроки, которые германское командование считало невозможным для организации крупного наступления. В итоге не удалось создать необходимые запасы горючего, поэтому танкисты пошли в бой, имея лишь половину заправки.

В общей сложности 1-й Украинский фронт насчитывал 56 стрелковых, 6 кавалерийских дивизий, 7 танковых, 3 механизированных корпуса, 2 укрепленных района — 800 000 человек, 11 900 орудий и минометов, 1400 танков и САУ, 477 самолетов.

Перед фронтом, на участке от Рожище до Оратова, действовали войска 4-й и 1-й танковых армий — 9 пехотных (из них одна румынская и три венгерских), 9 танковых, 1 мото-

ризованная, 1 охранная дивизии, моторизованная бригада, 503-й и 509-й тяжелые танковые батальоны, 5 бригад штурмовых орудий, а также две сводные группы — 500 000 человек, 5530 орудий и минометов, 1100 танков и самоходок, 480 самолетов.

Немецкая оборона была полевого типа и состояла из отдельных окопов и стрелковых ячеек полного и неполного профиля, соединенных ходами сообщения, и опорных пунктов, подготовленных к круговой обороне. Глубина первой полосы достигала 4—6 км, вторая полоса готовилась в 10—12 км от переднего края.

Главную свою задачу командование группы армий «Юг» видело в том, чтобы выиграть время и по возможности сохранить боеспособность своих войск. Как заявил Гитлер генералу Цейтлеру: «Когда-нибудь же русские перестанут наступать».

Местность, где должны были развернуться боевые действия, представляет собой равнину, изрезанную густой сетью речных долин и оврагов, особенно у левых притоков Днестра. Южный Буг, Днестр, Прут в тактическом отношении затрудняли развитие операции. Тем более что форсировать их надо было в период весеннего разлива. Дорожная сеть в значительной степени была разрушена, что затрудняло маневр войск, а также подвоз и эвакуацию. К тому же началась весенняя распутица. Так как немногочисленные шоссейные пути пришлось предоставить артиллерии и автотранспорту, то пехоте и гужевому транспорту оставались лишь проселочные дороги.

«В таких условиях, — делится опытом маршал Москаленко, — противостоящие друг другу войска, как к магниту, тянутся к городам и дорогам с твердым покрытием. Разгорается жестокая борьба за населенные пункты, являющиеся узлами дорог, и наступающим приходится преодолевать яростное сопротивление противника, что, естественно, замедляет темпы их продвижения».

Это понимало и германское командование. Гитлер, как и все диктаторы, считавший себя великим полководцем и величайшим фортификатором всех времен, объявил важные населенные пункты и узлы коммуникаций «крепостями». В них назначались «коменданты», которые отвечали своей честью за оборону «крепости» и в случае ее падения расплачивались за это головой. Армии, в полосах которых находи-

лись эти объявленные лично фюрером «крепости», должны были обеспечить их снабжением и гарнизонами. Гитлер думал, что эти населенные пункты преградят путь к важным дорогам или рубежам, а их гарнизоны в случае необходимости будут вести бой в окружении, сковывая и задерживая продвижение наступающих.

В принципе здравая, но доведенная до абсурда идея в условиях маневренной войны не могла привести к успеху. Как пишет Манштейн: «На практике получалось, что для обороны этих городов выделялось больше войск, чем это было целесообразно для их удержания. Не приходится уже говорить, что эти силы и неоткуда было взять. «Крепости» без крепостных сооружений с наскоком собранным слабым гарнизоном рано или поздно попадали в руки противника, не выполняя отведенной им роли. Поэтому командование группы армий в каждом отдельном случае требовало и в конце концов добилось, что от этих «крепостей» отказывались до того, пока окружение их противником становилось неминуемым».

Этот вывод подтверждает Москаленко: «...гарнизоны «крепостей» оказывали сопротивление только до тех пор, пока не становилось неминуемым их окружение. Обнаружив наши обходные движения, гитлеровцы бросали тяжелое вооружение и поспешно бежали... Мы же, наступая, как-то даже и не почувствовали, что имеем дело с крепостями. Например, о том, что г. Винница был немецко-фашистским командованием объявлен крепостью, я узнал лишь много лет спустя, после войны, из воспоминаний гитлеровских генералов. Единственное, что бросалось в глаза в дни весенних боев 1944 г., это то, что, в частности, трофейным командам 38-й армии не приходилось собирать по полям брошенные гитлеровцами вооружение и технику, так как войска противника оставляли все это в населенных пунктах».

В период подготовки операции, 29 февраля, во время поездки в войска в перестрелке с отрядом Украинской повстанческой армии был смертельно ранен генерал Ватутин. Временно принять 1-й Украинский фронт Сталин приказал Жукову. 1 марта заместитель Верховного вступил в командование. Маршал внес в план операции только одно изменение: сочтя 13-ю армию недостаточно подготовленной к наступлению, поставил ей оборонительные задачи.

В первые же дни командования фронтом Георгий Константинович продемонстрировал подчиненным свой «ндрав». Начальник инженерных войск фронта генерал Б.В. Благославов вспоминал, как Жуков, едва вступив в командование, собрал командиров ночью на совещание. Там, на основании кратких докладов, одних он готов был представить к наградам, других снять с должности, третьих отдать под суд, а четвертых просто расстрелять. При этом маршал широко использовал непере译имые русские выражения. Благославов Жукову сразу же не понравился. Когда же генерал попросил обращаться к нему без мата и угроз, маршал выхватил маузер. Благославов в ответ схватился за парабеллум. Но американская дуэль не состоялась. Благославов, вспомнив субординацию, напомнил Жукову, что ждет его выстрела. Жуков, в свою очередь, сообразил, что за расстрел на месте столь высокопоставленного генерала его по головке не погладят. Георгий Константинович убрал маузер и пообещал, что до Благославова еще доберется.

На всю жизнь общение с новым командующим запомнил генерал Г.И. Хетагуров: «Непомерно груб, до оскорбления человеческих чувств». Георгий Иванович, человек кавказских кровей, ноги об себя вытирать не позволил и вскоре слетел с должности начальника штаба 1-й гвардейской армии на три ступеньки вниз. Для героя обороны Москвы и Сталинграда с трудом отыскалась должность командира 82-й стрелковой дивизии у Малиновского.

Зато верного друга В.Д. Соколовского, провалившегося на должности командующего Западным фронтом, Жуков мигом забрал к себе на должность начальника штаба фронта, «подвинув» генерала А.Н. Боголюбова.

4 марта в 8 часов утра войска 60-й и 1-й гвардейской армий после артиллерийской подготовки перешли в наступление. Но артиллерия выпустила снаряды, которых и без того не хватало, впустую. Буквально накануне Манштейн, убедившись, что он не успевает плотно закрыть угрожаемое направление, начал отвод 59-го армейского корпуса генерала Шульца. Так, без боя немцами была оставлена Шепетовка.

Тем не менее советское наступление началось успешно. Сломив сопротивление арьергардов противника, войска Черняховского и Гречко в первой половине дня овладели всей первой полосой обороны. Затем в полосе 60-й армии

в сражение были введены 730 танков 4-й и 3-й гвардейской танковых армий, продвинувшихся к исходу дня до 25 км. Правее рвался к Збаражу 4-й гвардейский Кантемировский танковый корпус Полубоярова, имевший 53 танка Т-34 и 26 самоходных установок СУ-85. В полосе 60-й армии противник отступал на Тернополь и Волочиск, перед 1-й гвардейской — на Староконстантинов.

Главным препятствием для наступающих войск поначалу была только распутица, сделавшая дороги почти непроходимыми для автотранспорта.

На следующий день в наступление перешел 11-й стрелковый корпус 18-й армии (после гибели генерала Леселидзе в командование армией вступил генерал-лейтенант Е. П. Журавлев). За два дня ударная группировка 1-го Украинского фронта преодолела оборону противника на фронте в 180 км и, обходя «крепости» и перехватывая коммуникации, продвинулась на глубину от 25 до 50 км. Войска, имея впереди танковые соединения, не снижали темпов продвижения.

7—10 марта передовыми частями они достигли рубежа Тернополь — Проскуров и перерезали важную для всего южного крыла германских войск железнодорожную коммуникацию Львов—Одесса. Между 4-й и 1-й танковыми армиями был вбит глубокий клин. Кантемировцы и части 15-го стрелкового корпуса ворвались в Тернополь, прошли его насквозь и достигли южной окраины города. Но в этот момент с юга начали подходить передовые части 7-й танковой дивизии противника и с ходу вступать в бой.

Войска Гречко 9 марта взяли Староконстантинов. 18-я армия к исходу 10 марта продвинулась до 30 км и завязала бои за Хмельник. На следующий день, обходя главными силами с юга Винницу, перешла в наступление армия Москаленко, имевшая в своем составе 11 стрелковых дивизий и 10 артиллерийских полков против трех пехотных дивизий противника. 13-я армия, обороняясь главными силами на участке севернее Луцка, левым флангом, взаимодействуя с 60-й армией, успешно продвигалась на Броды.

К этому времени Манштейн на новом оборонительном рубеже сосредоточил 9 танковых и 6 пехотных дивизий. С 7 марта немцы предприняли многочисленные контратаки. 3-й танковый корпус Брайта нанес контрудар от Проскурова на северо-запад, 48-й танковый корпус генерала Балька — на восток от Тернополя. Советские части после двух-

дневных боев оставили Тернополь и закрепились северо-восточнее города. Но армии Рыбалко и Баданова не только удержали железнодорожную магистраль, но и потеснили противника к югу. Однако дальше продвинуться не смогли, к тому же у танкистов оставался только неприкосновенный запас горючего, основная масса артиллерии отстала. Тяжелое ранение получил командующий 4-й танковой армией генерал Баданов, на его место был назначен генерал Лелюшенко. Бои приобрели характер артиллерийских дуэлей без продвижения вперед.

В этой обстановке 10 марта Жуков предложил Ставке сделать передышку.

Одновременно с 1-м Украинским фронтом войска Конева проводили **Умано-Ботошанскую наступательную операцию**. переброска командованием группы армий «Юг» танковых соединений от Умани на свое левое крыло облегчало задачу.

К началу марта в состав 2-го Украинского фронта входили 4, 5 и 7-я гвардейские, 27, 40, 52, 53-я общевойсковые, 2, 6 и 5-я гвардейская танковые, 5-я воздушная армии, 5-й гвардейский кавалерийский, 7-й и 8-й механизированные корпуса. Всего на фронте имелось 56 стрелковых, 3 кавалерийские дивизии, 6 танковых и 3 механизированных корпуса, 2 танковые бригады, 4 танковых полка и 4 самоходно-артиллерийских полка — 630 000 человек, 8800 орудий и минометов, 670 танков и САУ, 551 самолет. В частях ощущался значительный некомплект в личном составе, вооружении и боевой технике. Например, в трех танковых армиях насчитывалось 464 танка и 116 самоходных установок. Зато в инженерном отношении «армии обеспечивались щедро, как никогда» — до семи саперных рот на 1 км фронта.

Перед фронтом оборонялись войска 8-й армии, часть сил 6-й армии и 1-я пехотная дивизия из армии Хубе — всего 9 пехотных, 4 танковые, 2 моторизованные дивизии, корпусная группа «А», 3 танковых батальона и 6 бригад штурмовых орудий, насчитывавшие 400 000 человек, 3540 орудий и минометов, до 250 танков и штурмовых орудий, 500 самолетов.

Большая часть немецких войск, не оправившихся еще после корсунь-шевченковского поражения, находилась в первом эшелоне, 11-я и 14-я танковые дивизии и 506-й тяжелый танковый батальон были выведены в резерв. По поводу их укомплектованности красноречиво говорит рито-

рический вопрос Манштейна: «Как можно было наносить эффективные контрудары, если, например, во всем танковом корпусе насчитывалось всего 24 исправных танка?»

Сильно пересеченная местность, большое количество мелких и крупных рек, оврагов и балок благоприятствовали организации обороны.

2-й Украинский фронт должен был прорвать ее на двух участках, нанося главный удар в направлении на Умань силами 27, 52 и 4-й гвардейской общевойсковых (21 дивизия) и 6, 2 и 5-й гвардейских танковых армий. Две армии, примыкавшие к участку главного удара — 40-я и 53-я, — получили задачу создать на этих флангах группировки в составе пяти стрелковых дивизий каждая и, используя прорыв на главном направлении, нанести удары в целях обеспечения главной группировки фронта слева и справа и расширения полосы прорыва. На удалении 150 км от главного направления наносился вспомогательный удар на Новоукраинку смежными флангами 5-й и 7-й гвардейских армий. Общая задача: разгромить уманскую группировку немцев и выйти к Днестру, призвав противника к Карпатам.

7-й и 8-й механизированный корпуса были выведены на укомплектование и в операции участия не принимали.

Имея главной целью разгром 8-й немецкой армии, войска фронта одновременно отрезали пути отхода на юг 1-й танковой армии противника и содействовали 1-му Украинскому фронту в ее разгроме, а вспомогательным ударом оказывали помощь фронту Малиновского, наступавшему против 6-й немецкой армии.

4 марта по всему фронту была проведена разведка боем.

Ударная группировка перешла в наступление 5 марта. Авиация из-за густого тумана не действовала. После артиллерийской подготовки в 7.50 в атаку пошли пехота и танки. В первом эшелоне вместе со стрелковыми соединениями двигались и передовые части 2-й и 5-й гвардейской танковых армий.

Наступление, начавшееся в ненастную погоду и распутицу, было неожиданным для противника, что обеспечило быстрый взлом его обороны.

После прорыва первой позиции на глубине до 1,5 км от переднего края обороны для наращивания силы удара и развития успеха Конев в первый же день ввел в сражение главные силы 2-й танковой армии (3-й и 16-й танковые

корпуса) и 5-й гвардейской танковой армии (18, 20, 29-й танковые корпуса). Затем началось выдвижение и 6-й танковой армии (5-й гвардейский танковый и 5-й механизированный корпуса).

Танковая армия генерала Богданова уже к исходу дня вышла к реке Горный Тикич, продвинувшись на 14—16 км; к ночи на этот рубеж вышла пехота 27-й армии.

За ночь инженерно-саперные части при помощи войск оборудовали переправы. По ним переправились соединения 2-й танковой армии — 331 танк и САУ — и развили наступление на Умань, переместившись в полосу 52-й армии. Советские танки, появившиеся в тылу противника, вынудили его начать отход в полосе армии генерала Коротеева. В целях развития успеха армии Трофименко в ее полосе была введена 6-я танковая армия, имевшая 121 танк и 32 самоходки.

Несколько меньшим был результат в полосе 4-й гвардейской армии, где действовала танковая армия Ротмистрова — 196 боевых машин. Однако и они к 6 марта завершили прорыв тактической обороны, вышли к реке Горный Тикич и на следующий день форсировали ее передовыми частями.

8 марта, когда оперативная оборона была расшатана, перешли в наступление 5-я и 7-я гвардейские армии. Они успешно прорвали оборону и начали развивать наступление через Новоукраинку на Первомайск.

С утра 9 марта улучшилась погода, что позволило 5-й воздушной армии нанести ряд ударов по войскам противника и содействовать наземным войскам в продвижении вперед.

Немцы откатывались на запад, советские войска приступили к преследованию. За шесть дней в весеннюю распутицу они продвинулись на глубину около 70 км.

10 марта части 2-й танковой армии во взаимодействии с 29-м танковым корпусом 5-й гвардейской танковой и 52-й общевойсковой армий с ходу ворвались в Умань, захватив богатые трофеи, в том числе, как фантазирует советский источник: «200 вполне исправных «тигров», «пантер», «фердинандов». Не знаю, в чем дело, то ли наши полководцы и историки не знали немецкой техники, то ли другие машины для них слишком мелкая «дичь», но непременно им подай «тигры» и «пантеры». Нет, хотя немцы многое успели взорвать, трофеи, конечно, были, и трофеи значительные. Но точно не «фердинанды». В марте 1944 года вермахт на всех фронтах потерял 19 «пантер» и 28 «тигров». Что каса-

ется столь любимых «фердинандов», то их всего было произведено 90 единиц, потери в марте составили 3 машины. Быстрее всего в Панцерваффе «расходовались» самые массовые штурмовые орудия StuG III.

В это же время части 6-й танковой и 27-й армий овладели Христиановкой.

После освобождения Христиановки 6-я танковая армия, в которой осталось лишь 20 боевых машин, была выведена в резерв. Потерять за четыре дня 133 танка и САУ — неплохой результат?

На пути дальнейшего наступления войск 2-го Украинского фронта крупной естественной преградой являлся разлившийся Южный Буг. Германское командование надеялось, что немецким войскам удастся закрепиться на реке и не допустить дальнейшего продвижения Красной Армии. С этой целью оно стремилось возможно скорее отвести за Южный Буг свои дивизии, привести их в порядок и организовать прочную оборону. Отход прикрывали сильные арьергарды, оказывавшие упорное сопротивление.

Учитывая это обстоятельство, Конев усиливал темп преследования. Для быстрого выхода к реке и форсирования ее с ходу командование сформировало передовые отряды, включив в их состав танки, моторизованную пехоту, артиллерию и саперов. Из-за бездорожья и грязи орудия, как правило, двигались на прицепе за танками.

Широко практиковалось выдвигание на пути отхода противника мелких подразделений, которые минировали дороги, нападали из засад на отступающие войска, всячески задерживая их отход.

В результате 11 марта советские войска вышли к Южному Бугу одновременно с отступавшим противником, а на некоторых участках и раньше его.

В своем среднем течении Южный Буг достигает ширины 90—120 м и глубины 1—4 м. Вдоль правого берега реки немцы заранее построили сеть оборонительных сооружений и заграждений, состоявших из траншей и окопов полного профиля, противотанковых рвов, дзотов, блиндажей, минных полей и проволочных заграждений. Эти оборонительные сооружения в сочетании с естественным препятствием, каким являлась разлившаяся река, представляли собой труднопреодолимый оборонительный рубеж. Но и Красная Армия многому научилась.

Не давая противнику передышки, советские войска на лодках, плотках, понтонах и подручных средствах начали с ходу форсировать реку на 100-километровом фронте. Переправу начали передовые отряды, первыми вышедшие к реке.

«Как могло получиться, что противнику удалось так быстро добиться успеха? — анализирует ситуацию Манштейн. — Ведь до сих пор все время удавалось регулировать темпы отхода, когда он становился необходимым, а также либо останавливать прорвавшегося противника, либо препятствовать ему выйти на оперативный простор, по крайней мере, ограничить дальнейшее развитие его операций.

Кроме подавляющего превосходства сил, причиной этому было, естественно, окончательное истощение сил наших войск. Немецкие дивизии в непрерывных боях с середины июля были буквально перемолоты. Численный состав полков достигал лишь незначительной части своей первоначальной величины, оставшиеся силы были также измотаны ввиду постоянного перенапряжения сил. Присланное нам очень небольшое пополнение, не имеющее военного опыта, не могло компенсировать потерь в опытных унтер-офицерах и солдатах. Ядро войск, следовательно, было в значительной степени израсходовано... В общем, однако, просто не хватало людей и техники, чтобы оборонять большие пространства, в которых часто во много раз превосходивший нас по численности противник находил всегда брешь для нанесения удара».

Существенных успехов добились и войска 3-го Украинского фронта, синхронно с другими фронтами начавшие **Березнеговато-Снигиревскую операцию.**

Фронт в результате перегруппировок, произведенных во второй половине февраля, был значительно усилен. В его состав входили 5-я ударная, 8-я гвардейская, 6, 28, 37, 46, 57-я общевойсковые, 17-я воздушная армии, 23-й танковый, 2-й и 4-й гвардейские механизированные и 4-й гвардейский кавалерийский корпуса. Всего у Малиновского было 57 стрелковых, 3 кавалерийские дивизии, танковый и 2 механизированных корпуса, 1 укрепленный район — 500 000 человек, 7184 орудия и миномета, 573 танка, 593 самолета.

В полосе фронта оборонялась 6-я немецкая и 3-я румынская армии в составе 23 пехотных, 4 танковых, 1 моторизованной дивизий, 93-го и 560-го танковых батальонов, 8 бригад штурмовых орудий — 500 000 человек, 3386 орудий

и минометов, 359 танков, 550 самолетов. Румынскую армию можно было бы и не считать, поскольку она находилась за Южным Бугом — на «румынской территории».

После тяжелого поражения 6-й немецкой армии под Никополем, Кривым Рогом и отхода ее за реку Ингулец германское командование рассчитывало использовать для обороны разлившуюся реку и не допустить дальнейшего продвижения советских войск.

3-й Украинский фронт получил задачу, используя плацдармы на реке Ингулец южнее Кривого Рога, главный удар нанести силами 46-й и 8-й гвардейской армий, конно-механизированной группы и танкового корпуса в направлении на Новый Буг с целью расколоть фронт 6-й немецкой армии, а затем повернуть войска на юг и отрезать пути отхода немецким войскам, действовавшим восточнее Николаева. Войска правого крыла — 57-я и 37-я армии наносили удар с целью сковать левофланговые соединения 6-й немецкой армии. 6-я и 5-я ударная армии должны были наступать в направлении на Березнеговатое и Снигиревку с задачей во взаимодействии с 8-й гвардейской и КМГ разгромить правофланговые соединения генерала Велера. 28-й армии во взаимодействии со 2-м гвардейским механизированным корпусом ставилась задача наступать по правому берегу Днепра в общем направлении на Херсон и Николаев.

Советские части в предыдущих боях понесли большие потери. Во многих дивизиях осталось от 30 до 40 процентов личного состава; 2-й гвардейский механизированный корпус имел всего 28 танков. Несмотря на это, войска готовились к наступлению.

Подвижная группа Плиева сосредоточивалась на завоеванном армией Чуйкова плацдарме западнее Широкого. В состав ее вошли 4-й Кубанский казачий, 4-гвардейский механизированный корпуса и 5-я отдельная мотострелковая бригада. Мехкорпус Танасчишина имел 123 танка и самоходно-артиллерийские установки. Глубина поставленной задачи составляла 170 км. Поэтому на броню навьючили все необходимое для глубокого рейда: бочки с горючим, ящики с боеприпасами; на буксир брались орудия, подвижные радиостанции и полевые кухни.

Перед фронтом 8-й гвардейской армии (9 стрелковых дивизий, отдельный танковый полк) оборонялась 3-я гор-

нострелковая и 16-я моторизованная дивизии 4-го армейского корпуса. Причем мотодивизию сами немцы называли «былой тенью». Поэтому для ее усиления генерал Холлидт выдвинул свой последний резерв — 24-ю танковую дивизию генерала фон Эдельштейма.

На рассвете 6 марта войска главной группировки после артиллерийской и авиационной подготовки атаковали вражеские позиции. В полосе 46-й армии действовал 23-й танковый корпус, имевший 102 танка и 16 САУ. В тот же день началось наступление и на других участках. Однако низкие плотности артиллерии при очень короткой артподготовке не позволили надежно подавить оборону противника, который в течение дня оказывал упорное сопротивление. Наступление стало замедляться.

Тогда в 21.30 в ненастную погоду Малиновский ввел в сражение конно-механизированную группу. Ее удар оказался неожиданным и предрешил прорыв обороны на всю оперативную глубину. Главным препятствием оказалось не сопротивление противника, а абсолютное бездорожье.

Танки врзались в оборону километр за километром, передвигаясь по днище в грязи с огромной перегрузкой всех механизмов. Они буквально ползли, скорость не превышала 3—4 км в час. Во время движения рвались гусеницы, горели фрикционы, выходили из строя коробки передач и двигатели. За первые сутки боевых действий из строя вышли 42 машины. Неисправные танки стояли почти на каждом километре. Наиболее слабыми оказались английские «валентайны» и «центурионы». Они были совершенно не приспособлены для действий в условиях весенней распутицы и почти все сломались либо завязли на первых 20 километрах. Самыми выносливыми оказались «тридцатьчетверки» и созданные на их базе СУ-85.

Утром 8 марта подвижная группа, преодолев 45 км, вышла на подступы к городу Новый Буг, в котором располагался штаб 6-й армии. Здесь находились крупные склады продовольствия, горючего, боеприпасов и обмундирования. Город был с ходу атакован кавалерией при поддержке 36 танков. Генерал Холлидт не ожидал столь стремительного выхода советских частей к городу. На его оборону был брошен весь личный состав штаба армии и приданные ему части обеспечения, остатки 16-й моторизованной дивизии и едва разгрузившиеся на железнодорожной станции подразделения 79-й пехотной дивизии. Однако, не выдержав

удара кавалерийских и танковых полков, немцы оставили город. Поспешно укатил в Николаев и генерал Холлидт.

С захватом Нового Буга фронт немецкой 6-й армии оказался расколот на две изолированные части. Малиновский решил начать с разгрома южной группировки и повернул 8-ю гвардейскую армию и конно-механизированную группу на юг. Продвигаясь вдоль восточного берега реки Ингул на Николаев, они перехватывали пути отхода немецких войск, отступавших под ударами армий левого крыла фронта. Группе Плиева приказывалось к утру 10 марта овладеть Николаевом.

Немцы пытались задержать продвижение подвижных соединений массированными ударами авиации. Условия для этого были самые благоприятные. Недалеко находились аэродромы с бетонными взлетными полосами, стояла ясная погода, местность представляла собой ровную степь. А главное, советские части не имели авиационного прикрытия и средств противовоздушной обороны. В корпусе Танасчишина имелось четыре зенитные пушки.

Самолеты Люфтваффе непрерывно носились над колоннами наступающих войск: бомбили и расстреливали из пулеметов и пушек, охотились за танками и лошадьми. Условия, как на полигоне. Танковые экипажи выживали как могли: имитировали горение машин, маневрировали по степи, отстреливались из автоматов и даже вели огонь по самолетам из танковых пушек. Потери были велики.

«Авиация немцев изматывала наши части непрерывными штурмовыми ударами, — вспоминает генерал И.А. Плиев, — а мы не могли противопоставить ей нашу истребительную авиацию. Только ночью мы развивали боевые действия на полную мощь и наверстывали упущенное. Если бы Конно-механизированная группа имела надежное прикрытие с воздуха, то все свои задачи мы выполнили бы во много раз успешнее и по времени, и по оперативным результатам».

Три дня продолжался этот беспримерный рейд. 12 марта кавалерийский и механизированный корпуса в условиях непрерывных бомбардировок и контратак наземных войск противника вышли с запада к Ингульцу южнее Снигиревки, поставив всю южную вражескую группировку под угрозу полного окружения.

В это же время войска 6, 5-й ударной и 28-й армий теснили противника с востока и юга. Над 6-й армией снова витал призрак Сталинграда.

На следующий день армия генерала Гречкина овладела Херсоном, освободив от врага последний участок правобережья Днепра.

В результате ударов советских войск с востока, севера, запада и юга десять немецких дивизий, действовавших перед левым крылом фронта в районе Березнеговатое — Снигиревка, оказались в чрезвычайно тяжелом положении. Для создания полноценного «котла» требовалось быстрое выдвижение правофланговых соединений 8-й гвардейской армии в южном направлении. Но большая часть ее сил в это время была втянута в тяжелые бои с противником в районе Владимировка — Баштанка, так как немцы встречными ударами в этом районе пытались срубить советский клин. Здесь же с 12 марта был задействован 23-й танковый корпус. Причем при выдвижении от осколка авиабомбы погиб командир корпуса генерал-лейтенант Е.Г. Пушкин. Бои, по воспоминаниям Чуйкова, разгорелись отчаянные, командарм использовал все средства, чтобы не допустить прорыва: «К исходу дня 12 марта контратаки фашистов участились. Создалась реальная угроза их проникновения к Ново-Полтавке. Срочно сформированные две батареи из 105-мм немецких орудий и выставленные на огневые позиции около вагонов с немецкими боеприпасами не жалели снарядов. Артиллеристы вели огонь прямой наводкой по наступающей немецкой пехоте. Трудно сейчас сказать, сколько их шло на верную смерть. Огонь был уничтожающим. Пришлось создать дублирующие расчеты, чтобы артиллеристы могли сменяться через каждые два-три часа безостановочного огня».

Чуйковцы отбили все атаки, однако южнее сил одной КМГ для создания прочного внутреннего фронта окружения было недостаточно.

В результате части 17-го и 44-го армейских корпусов противника сумели прорваться через растянутые боевые порядки конно-механизированной группы и, бросив значительную часть своей техники, начали отходить за Ингул и в направлении Николаева. Корпуса Плиева и Танасчишина начали параллельное преследование, стремясь первыми выйти к переправам через реку.

Промежуточные итоги.

К 11 марта советские войска сокрушили оборону противника на огромном фронте от Ямполья до Черного моря. Главная группировка 1-го Украинского фронта продвинулась

до рубежа Тернополь — Проскуров и глубоко вклинилась между 4-й и 1-й танковыми армиями противника. Войска 2-го Украинского фронта, разгромив 8-ю немецкую армию, передовыми отрядами подвижных соединений достигли Южного Буга и отрезали пути отхода 1-й танковой армии противника на юг. Ударная группировка 3-го Украинского фронта, освободив Новый Буг, рассекла на две части 6-ю немецкую армию и подвижными соединениями вышла на пути отхода ее березнеговато-снигиревской группировки.

В связи с достигнутым успехом Ставка ВГК 11 марта уточнила задачи войскам. Глубина задач всех трех фронтов значительно увеличилась. 1-му Украинскому фронту надлежало «не ограничиваться выходом... на р. Днестр, а форсировать его с ходу, развивая удар на Черновицы с целью занятия этого пункта и выхода на нашу государственную границу». Для более тесного взаимодействия армий левого крыла фронта с его главной группировкой 18-я и 38-я армии должны были изменить направление наступления и нацелиться на Каменец-Подольский, сосредоточивая усилия ближе к правому флангу. Учитывая готовившийся на ковельском направлении удар 2-го Белорусского фронта, Ставка решила во взаимодействии с ними развивать успех 1-го Украинского фронта не только в южном, но и в западном направлении и приказала ему развернуть наступление правым крылом на Броды, Львов. Начало наступления на главном направлении с рубежа Тернополь — Проскуров намечалось на 20—21 марта.

2-му Украинскому фронту необходимо было решительно преследовать противника и, не дав ему возможности организовать оборону на Южном Буге, овладеть рубежом Муровано-Куриловцы — Могилев-Подольский — Днестр, захватив на нем переправы. Главную группировку предлагалось вывести в район Могилев-Подольский — Ямполь, то есть ближе к правому флангу. Это позволяло на данном этапе наступления не только выполнить основную задачу, но и более тесно взаимодействовать с 1-м Украинским фронтом по разгрому 1-й танковой армии Хубе. В дальнейшем главные силы фронта должны были «овладеть районом Бельцы — Кишинев и выйти на реку Прут — нашу государственную границу». Перенесение усилий в южном направлении способствовало более быстрому разгрому приморской группировки противника.

Эта задача ставилась и 3-му Украинскому фронту, который должен был не допустить отхода противника за Южный Буг, захватить переправы на участке Константиновка, Вознесенск, Новая Одесса, «дабы не дать возможности противнику организовать на р. Южный Буг оборону», с ходу овладеть городами Херсон и Одесса, занять Тирасполь и Одессу и продолжать наступление с целью выхода на Прут и северный берег Дуная.

Таким образом, трем Украинским фронтам предстояло, используя достигнутый к исходу 11 марта успех, завершить разгром главных сил южной стратегической группировки противника и выйти на государственную границу СССР.

В советских дивизиях транспортных средств было меньше, чем в дивизиях вермахта. Но при этом они проявляли удивлявшую немцев мобильность. Генерал Меллендорф объясняет этот феномен неприхотливостью русского солдата и гораздо меньшим количеством тыловых подразделений, основной задачей которых было обеспечение боевой деятельности при полном пренебрежении к людям: «В Красной Армии органам тыла не приходится беспокоиться об обеспечении войсковых частей обмундированием, палатками, одеялами и другими предметами, столь необходимыми для солдат армии Запада. Во время наступления они могут позволить себе забыть о снабжении войск даже продовольствием, так как войска находятся «на подножном корму». Основная задача частей снабжения сводится к доставке горючего и боеприпасов, но даже в этом случае для подвоза часто используют боевые машины. В русской моторизованной дивизии у солдата нет другого «багажа», кроме того, который он имеет при себе, и он ухитряется передвигаться на автомашинах, взгромоздившись на ящики с боеприпасами или бочки с горючим».

Действительно, нам трудно представить роту мясников, имевшуюся в каждой немецкой дивизии, наших рядовых с индивидуальными палатками и личным багажом. Весной 1944 года они пробирались через грязь и разлившиеся речушки в валенках и в штанах не по размеру. «Трудности материального снабжения! — вспоминает бывший начальник штаба 37-й армии генерал А. К. Блажей. — Кто мог знать, что на армейские склады поступит примерно тридцать процентов шинелей, брюк, гимнастеров, кожаных сапог и ботинок самых маленьких размеров? Где-то, видимо, мудрили, экс-

периментировали, сэкономили интенданты, а значительной части солдат приходилось наступать по грязи в валенках». Скромничает генерал, любой военный знает, в чем заключаются «эксперименты» интендантов.

В ночь на 12 марта ОКХ отдало приказ 8-й и 6-й армиям прекратить отход и остановить продвижение советских войск «по крайней мере» на Южном Буге. 4-я и 1-я танковые армии контрударами на рубеже Тернополь — Проскуров должны были сорвать продвижение 1-го Украинского фронта во фланг и тыл группы армий «Юг» и спасти положение всей южной стратегической группировки.

Войска Жукова в это время, отражая контрудары противника на рубеже Тернополь — Проскуров и готовясь к возобновлению наступления на направлении главного удара, продолжали вести активные боевые действия на флангах. На левом крыле 18-я армия после ожесточенных боев овладела городом Хмельник, а 38-я форсировала с ходу Южный Буг и 20 марта освободила Винницу. Войска правого крыла 15 марта одновременно с 2-м Белорусским фронтом перешли в наступление на Броды. 13-я армия силами девяти стрелковых дивизий при поддержке 25-го танкового, 1-го и 6-го гвардейских корпусов прорвала оборону 13-го армейского корпуса, освободила Дубно и Кременец, и, продвинувшись на 80 км, к 20 марта вышла на подступы к Бродам. Здесь развернулись тяжелые бои с переменным успехом.

Тем временем войска 60-й и 1-й гвардейской общевойсковых, 3-й и 4-й гвардейских танковых армий отразили атаки танковой группировки противника в районах Тернополя, Волочиска, Проскурова. Одновременно войска готовились к продолжению наступления. Армия Гречко осуществила крупную перегруппировку, перебросив со своего левого фланга на правый три стрелковых корпуса. В полосу 60-й армии подтягивалась 1-я танковая армия, подходили из резерва 106-й стрелковый корпус и еще две дивизии. По воспоминаниям Катуква, новые директивы у Черняховского и его штаба особого энтузиазма не вызвали: «Предварительные переговоры с Иваном Даниловичем о прорыве на юг не вселяли больших надежд. Даже такое впечатление создавалось, что для Черняховского и его штаба предстоящий прорыв был прямо-таки ножом острым.

— Понимаете, — говорил командарм, — мы еще после

последних боев не успели оправиться. А тут новый приказ — вперед. Хоть бы дали маленькую передышку.

Подсчитали мы с Иваном Даниловичем наши боевые ресурсы. Прорыв предстоял глубокий, а мощными огневыми средствами мы не располагали».

21 марта главная группировка 1-го Украинского фронта возобновила наступление на Черновицы.

Войска Черняховского и Гречко при содействии трех танковых армий и 4-го гвардейского танкового корпуса «сверх всякого ожидания» в первый же день взломали неприятельскую оборону и рванулись на юг. Особенно успешно наступали части свежей танковой армии Катюкова. Уже утром 23 марта, продвинувшись на 120 км, они овладели важным узлом железных дорог Чортковом, а в 10 часов 24 марта головные части 8-го гвардейского механизированного корпуса генерала Дремова вышли к Днестру. Левее подтягивались 11-й гвардейский танковый корпус Гетмана и 11-й стрелковый корпус генерал-майора И.Т. Замерцева. Танкисты Дремова и Гетмана с ходу форсировали Днестр и устремились на юг. В быстром темпе преодолев междуречье Днестра и Прута, к 23 часам 25 марта они овладели железнодорожной станцией Моши, выйдя с севера на подступы к Черновицам.

Красные командиры, как свидетельствует Катюков, окончательно преодолели «окруженческую» болезнь и линейное мышление: «...боевой опыт, накопленный к этому времени советскими войсками в наступательных операциях, в значительной мере предопределил успех такого стремительного продвижения вперед. Важно уже то, что танковые и механизированные бригады научились решать боевые задачи без боязни за свои тылы и фланги. Нас, например, уже не пугало, что передовые танковые части вырвались далеко вперед, оставляя позади уцелевшие опорные пункты врага».

Тем временем другие части 1-й танковой армии обошли город с запада, отрезая немцам пути отхода. В полдень 29 марта Черновицы были очищены от неприятеля.

С их потерей противник лишился последнего связующего звена между своими войсками, действующими к северу и югу от Карпат. Для связи с южной группировкой оставались только окружные железные дороги, идущие через Румынию. Стратегический фронт германских войск оказался разрезанным на две части. В то же время 1-я немецкая тан-

ковая армия была окончательно отсечена от 4-й танковой армии.

После овладения Черновицами и Коломыей войска Катукова продолжали активные действия в направлении Станислава и Надворной. Нанеся поражение противнику в предгорьях Карпат, части армии 8 апреля вышли на государственную границу на фронте свыше 200 км.

Не менее успешно действовала и 4-я танковая армия, развивавшая успех из района Волочиска на юг. 26 марта части армии, преодолевая яростное сопротивление 7-й танковой дивизии и 1-й танковой дивизии СС «Адольф Гитлер», ворвались в Каменец-Подольский.

Войска 1-й гвардейской армии, перегруппировав свои главные силы на правый фланг, совместно с частями 3-й гвардейской танковой армии, еще имевшими 106 боевых машин, нанесли удар северо-западнее Проскурова, и через три дня освободив город, продолжали наступление в юго-западном направлении, стремясь, используя успех 1-й и 4-й танковых армий, быстрее выйти в район Каменец-Подольского и встать на путях отхода 1-й танковой армии противника.

Танковая армия Рыбалко 28 марта была выведена в резерв на доукомплектование с целью подготовки к следующему этапу — овладению Львовом и Перемышлем.

К исходу 30 марта войска Гречко тремя стрелковыми корпусами достигли рубежа Чемеровцы — Смотрич.

В результате 4-я танковая армия противника была отброшена на запад, на рубеж Озерна — Козлов — Мариамполь, причем часть сил этой армии была окружена в Тернополе. 1-я танковая армия Хубе, действуя главными силами перед 1-й гвардейской, 18-й и 38-й армиями, с запада была охвачена нашей танковой армией Лелюшенко.

Войска 2-го Украинского фронта в это время продолжали форсировать Южный Буг почти во всей полосе наступления. Для наращивания силы удара Конев ввел в сражение 6-ю танковую армию, которой была поставлена задача переправиться через реку в полосе 27-й армии и наступать на Вапнянку, Могилев-Подольский, и кавалерийский корпус из своего резерва. Три танковые армии, сметая на своем пути вражеские заслоны, громя тылы противника, устремились к Днестру. 17 марта передовые части войск правого крыла фронта достигли реки и с ходу форсировали ее южнее

Могилев-Подольского в основном на подручных средствах. Севернее города к 21 марта на правый берег перебрался 5-й механизированный корпус в полном составе. В результате и на этом направлении фронт группы армий «Юг» оказался разорван. Правый фланг 1-й немецкой танковой армии был отброшен к северо-западу, а левый фланг 8-й армии — к югу. 24 марта германское командование вынуждено было передать 8-ю армию в группу армий «А».

После выхода войск 2-го Украинского фронта на Днестр и захвата ими крупного плацдарма на правом берегу реки — Ставка, учитывая, что продвижение 3-го Украинского фронта сдерживается сильным сопротивлением противника на нижнем течении Южного Буга, приказала Коневу повернуть главные силы на юг для наступления по правому и левому берега Днестра, а частью сил продолжать наступление на запад и юго-запад с целью выхода на государственную границу СССР с Румынией. Ударом войск 2-го Украинского фронта на юг имелось в виду отрезать пути отхода за Днестр 6, 8-й немецким и 3-й румынской армиям и совместными усилиями двух фронтов уничтожить их.

Войска 27-й и 52-й армий, преследуя разбитые вражеские части в междуречье Днестра и Прута, форсировали реку Реут и к исходу 25 марта передовыми частями первыми вышли к реке Прут на государственную границу Советского Союза. Столь важному событию в Москве салютовали по первой категории. В последующие дни войска этих армий форсировали реку и перенесли боевые действия на территорию Румынии.

26 марта маршал Антонеску писал Гитлеру: «Вернувшись сегодня в свою страну, я нашел, что положение выглядит совершенно иначе, чем это мне казалось, когда я был в Верховном командовании вооруженных сил».

В то время как войска правого крыла форсировали Прут и выдвигались в направлении Ясс, войска левого крыла — 5-я и 7-я гвардейские армии также успешно продвигались вперед. 22 марта армия генерала Жадова и 5-й гвардейский кавалерийский корпус освободили Первомайск. 29 марта войска 53-й армии овладели Балтой.

Это наступление Конев назвал самой трудной из своих операций: «В моей памяти неизгладимы картины преодоления солдатами, офицерами и генералами непролазной липкой грязи. Я помню, с каким невероятным трудом вы-

таскивали бойцы застрявшие по самые кузова автомобили, утонувшие по лафеты в грязи пушки, надсадно ревущие, облепленные черноземом танки. В то время главной силой была человеческая».

Немецкие «коллеги» полностью согласны с советским маршалом: «Кто не видел русской распутицы, тот не знает, что такое грязь»

Танковые армии понесли значительные потери в материальной части, главным образом по техническим причинам. На 26 марта во 2-й танковой армии оставалось 48 танков и САУ, в 5-й гвардейской — 16, в 6-й гвардейской — 46. В действиях танковых армий наступила пауза, необходимая для приведения частей в порядок, получения материальной части и горючего. Маневрировать дальше было невозможно. От Умани и Христиановки своим ходом шли на фронт новые машины.

Войска 3-го Украинского фронта, преследуя отходящего врага, 16—20 марта вышли к Южному Бугу и на подступы к Николаеву и захватили небольшие плацдармы в районах южнее Вознесенска, Новую Одессу на его правом берегу. Форсировать Южный Буг с ходу, как того требовала Ставка, не удалось. Противник, сумев отвести на правый берег реки и в район Николаева значительные силы своих войск, создал на этом выгодном рубеже организованную оборону.

4-й гвардейский механизированный корпус poleg практически весь, удерживая переправы у Михайловки, и не представлял больше ударной силы: в строю осталось 9 танков, в мотострелковых ротах по 15—20 человек, погибли два командира танковых бригад, начальник оперативного отдела корпуса, несколько офицеров управления.

Немецкие позиции на подступах к Николаеву оборудовались в течение пяти месяцев. Всего на этом направлении имелось четыре оборонительных рубежа, а также внешний оборонительный обвод Николаева, состоявший еще из четырех рубежей. Здесь имелось все что положено: противотанковые рвы, окопы полного профиля с ходами сообщения, опорные пункты, замаскированные огневые позиции, минные поля, проволочные заграждения. Армии Жадова и Гречкина вынуждены были шаг за шагом прогрызать прочную, хорошо организованную оборону, плотность насыщения которой войсками противника в результате отступления непрерывно увеличивалась, повышалась ее огневая

насыщенность, росла сопротивляемость. Но по мере приближения к городу сужалась полоса наступления советских войск, боевые порядки становились плотнее. 19 марта соединения механизированного корпуса Свиридова подошли к внешнему оборонительному обводу Николаева. Здесь бои приняли затяжной характер.

Интересно, что в отчетах 2-го гвардейского механизированного корпуса за 20 дней боев от Херсона до Николаева перечисляются убитые и плененные враги, уничтоженные орудия и автомобили, захваченные винтовки и склады. Но среди всего этого скрупулезно подсчитанного ущерба, который танкисты нанесли противнику, нет ни одного танка. Неужели не удалось подбить хотя бы один? Или их не было вообще? История 4-го гвардейского механизированного корпуса также не упоминает ни об одном столкновении с бронетехникой противника. Маршал Чуйков прямо отмечает, что в полосе действия его армии танков у противника не имелось.

Дальнейшее продвижение войск 3-го Украинского фронта было остановлено, директиву Ставки от 11 марта Малиновскому выполнить не удалось.

Однако Гитлер все равно решил снять с должности командующего 6-й армией Холлидта и назначил на его место генерала Хенрици.

ПРОХУДИВШИЙСЯ КОТЕЛ

Тем временем появилась возможность «организовать» немцам еще один Сталинград.

Еще 25 марта Верховный Главнокомандующий приказал Коневу быстрее выдвинуть 40-ю армию в направлении Хотина с целью отрезать 1-й танковой армии противника путь отхода за Днестр. Во исполнение приказа 40-я армия форсировала Днестр западнее Могилев-Подольского и, развернув наступление вдоль его южного берега, к 30 марта одним корпусом вышла на подступы к Хотину, глубоко охватив армию Хубе с юга. На следующий день наступавшие на внешнем фронте соединения 4-й танковой армии 1-го Украинского фронта установили с ней связь. Фланги двух фронтов сомкнулись.

В назревавшем «котле» северо-восточнее Каменец-Подольского оказалось 10 пехотных, 9 танковых, 20-я мо-

горизованная и 18-я артиллерийская дивизии, насчитывавшие около 200 тысяч человек. Протяженность линии фронта вокруг зажатой в этом районе группировки 1-й танковой армии составляла около 150 км.

Советские войска действовали стремительно и дерзко. Отдельные части, танковые и механизированные подразделения смело прорывались в тыл врага, сея панику и дезорганизуя его отход. Манштейн приводит по этому поводу упрек Гитлера: «...по данным авиаразведки, были отмечены всего-навсего отдельные танки противника, от которых бежали целые войсковые части немцев».

Однако полностью окружить эту группировку не удалось. Между правым флангом 1-й гвардейской армии, в районе Чемеровцы, и левым флангом 4-й танковой армии, в районе Ланцкоруни, имелся разрыв до 15 км. Танковая армия Лелюшенко, образовавшая юго-западную часть фронта окружения, понесла значительные потери и имела немногим более 60 боевых машин. Переданный ей на усиление 30-й стрелковый корпус имел очень мало артиллерии и к тому же вынужден был развертываться на указанном ему рубеже в ходе отражения сильных атак противника. Войска испытывали острый недостаток горючего, которое доставлялось только по воздуху.

На внешнем фронте окружения действовали 13, 60-я и 1-я танковая армии. Им противостояли войска 4-й танковой армии врага, насчитывавшие 14 дивизий. При этом на участке между Тернополем и Станиславом находились лишь мелкие отряды местных комендатур, охранные и полицейские формирования, а на южном берегу Днестра, перед армией Катукова, отходили части 7-го венгерского армейского корпуса.

Войска, вышедшие на внешний фронт, не организовали достаточно прочной обороны, особенно в полосе 18-го гвардейского стрелкового корпуса, подчиненного Катукосу. Неудовлетворительно велась разведка. Большим местом даже весной 1944 года в Красной Армии оставалась организация связи и управления войсками в наступлении.

«Будь у командиров корпусов хоть по две радиостанции, а у командиров дивизий по одной, все сразу стало бы на свое место, — вспоминает генерал Блажей. — Но радиостанций пока не хватает... Даже в штабе из девяти штатных радиопередатчиков работают только три... Требовался как воздух

подвижный узел на автомашинах, однако его удалось создать только летом... Очень выручали нас подвижные передающие радиоузлы, которые смонтировали из трофейных радиосредств на трофейных же вездеходах. Детище наших связистов было в тот период весьма ценной новинкой в армейской практике».

Таким образом, хотя советским войскам и удалось отсечь крупные силы противника и зажать их в сравнительно небольшом районе севернее Каменец-Подольского, условия для уничтожения вражеских войск не были созданы. Как внутренний, так и внешний фронты оказались уязвимыми, причем в наиболее важных местах. Наши войска, действовавшие на внутреннем фронте, по численности превосходили противника, но не имели достаточного количества артиллерии и уже потеряли почти все танки. Общевойсковые армии, наступавшие по труднопроходимой местности и с огромными сложностями перемещавшие свою артиллерию, не обладали достаточной ударной силой для решительных действий на расчленение группировки противника, которая имела в своем составе большое количество танковых соединений. Танковая армия Лелюшенко, значительно ослабленная — в ней осталось 67 танков, и испытывавшая большие трудности в снабжении боеприпасами и горючим, с трудом отражала атаки противника.

Германское Верховное командование принимало все возможные меры, чтобы оказать помощь оборонявшимся на Украине войскам. Опасаясь выхода из войны Венгрии, ОКВ приказало 19 марта германским войскам оккупировать ее территорию, а венгерскому Генеральному штабу — сформировать дополнительно восемь дивизий и направить их в распоряжение командующего группой армий «Юг». Одновременно 7-й венгерский корпус, входивший в 4-ю танковую армию, получил задачу занять оборону по Днестру на участке южнее Каменец-Подольского, севернее Станислава и не допустить прорыва войск Красной Армии к венгерской границе. В конце марта Гитлер обратился к Антонеску с письмом, в котором указывал, что «было бы важно напряжением всех сил остановить русских как можно дальше от границ союзных государств Юго-Востока и... организовать сплошной фронт». Оборона по верхнему течению Прута возлагалась на румынские войска. Фюрер требовал «ускорить мобилизацию и развертывание румынских дивизий и выве-

сти каждое боеспособное соединение... в северном направлении на Прут». 2 апреля ОКХ отдало оперативный приказ № 7 — последний приказ, содержащий директивные указания на сравнительно продолжительный период времени. Оно потребовало стабилизировать фронт: удерживая Крым, закрепиться на линии Днестр, Кишинев, Яссы, восточные предгорья Карпат, Тернополь, Ковель. Для организации обороны Одессы предусматривалось удерживать крупный плацдарм на Днестре от Дубоссар до Тилигульского лимана. Группе армий «Юг» в качестве первоочередной ставилась задача вывести из окружения 1-ю танковую армию.

Для закрытия бреши, образовавшейся в результате прорыва 1-го Украинского фронта, и создания сильной группировки для контрудара в последнюю декаду марта и первые числа апреля были переброшены пехотная дивизия и несколько дивизионов самоходной артиллерии из Франции, две дивизии из Югославии, дивизия из Румынии, три дивизии и одна бригада из Венгрии, а также 2-й танковый корпус СС под командованием обергруппенфюрера Пауля Хауссера. Основную ударную силу корпуса составляли новые прекрасно оснащенные танковые дивизии СС — 9-я «Хохенштауфен» и 10-я «Фрундсберг». Корпус Гитлер дал с большой неохотой, поскольку предназначался он для отражения союзнического десанта в Европе.

Эти войска использовались для образования нового фронта обороны между Озерна и Станиславом, а также для деблокирования 1-й танковой армии. переброска на Восточный фронт соединений и частей с Западноевропейского театра серьезно ослабила там противодесантную группировку немецких войск.

Масштабы перегруппировок и сосредоточения войск противника в районе юго-восточнее Львова, так же как и изменение направления отхода 1-й танковой армии, не были своевременно вскрыты командованием 1-го Украинского фронта. Вследствие этого оно не приняло соответствующих мер по усилению войск на направлениях готовившихся врагом ударов.

В создавшихся условиях Жуков решил перехватить пути отхода противника и ударами со всех сторон уничтожить его. Однако при этом командование фронта неточно определило направление прорыва вражеской группировки. Оно

считало, что 1-я немецкая танковая армия будет пробиваться на юг через Днестр, в Румынию.

Генерал Хубе поначалу и в самом деле считал наиболее целесообразным отходить на юг. Этот путь казался наиболее легким, хотя перспектива переправы через Днестр и отхода целой армии с многочисленной техникой в Карпаты сулила весьма крупные неприятности. Решив пробиваться на юг, командование армии приняло ряд обеспечивающих мер. В ряде мест были наведены переправы через Днестр и для их охраны высланы сильные отряды прикрытия. На правый берег реки переправились отдельные части и некоторые штабы.

Манштейн считал, что 1-я танковая армия должна отходить на запад, чтобы восстановить фронт обороны на львовском направлении: «Генерал-полковник Хубе... не хотел прорываться с армией на запад, а предлагал отвести ее на юг за Днестр. Безусловно, в данный момент это был более легкий путь. На запад ей пришлось бы пробиваться через две танковые армии противника, а на юг она могла уйти в то время еще без серьезных боев.

Тем не менее я не мог согласиться с этим мнением генерал-полковника Хубе. Во-первых, было необходимо, чтобы 1-я танковая армия, двигаясь на запад, соединилась с 4-й танковой армией. Как же иначе можно было предотвратить прорыв противника в Галицию севернее Карпат? Попытка армии ускользнуть на юг за Днестр в лучшем случае кончилась бы тем, что она была бы оттеснена в Карпаты, но и это сомнительно. Конечно, путь на юг через Днестр был вначале менее рискованным. Однако более детальный анализ показывал, что он вел армию к гибели. Она не имела переправочных средств и мостов для преодоления Днестра на широком фронте. При попытке переправиться по немногим постоянным мостам она потеряла бы вследствие действий авиации противника основную часть своей тяжелой техники. Но еще важнее, что противник вел наступление с востока уже южнее Днестра. Рано или поздно армия оказалась бы между этими наступающими силами противника и теми его двумя танковыми армиями, которые только что перерезали ее коммуникации и собирались форсировать в тылу армии Днестр в южном направлении».

Путь на юг, по мнению Манштейна, вел в тупик. На совещании у Гитлера в Оберзальцберге фельдмаршал пригрозил

отставкой, если его предложения не будут приняты, а также заверил Главнокомандующего, что «прорыв в западном направлении увенчается успехом, так как обе вражеские танковые армии, видимо, распьют свои силы в направлении переправ через Днестр».

Фюрер долго не соглашался санкционировать отход 1-й танковой армии, но в конце концов Хубе получил приказ прорываться именно в западном направлении на Чортков, Бучач. Одновременно немцы готовили контрудар навстречу с запада из района юго-восточнее Львова.

Прорыв окруженной под Каменец-Подольским группировки стал последней операцией Манштейна во Второй мировой войне. Он успел подготовить эту операцию, а осуществил ее уже его преемник Модель. 30 марта Манштейн был вызван к Гитлеру вместе с командующим группой армий «А» фельдмаршалом Клейстом. Фюрер отправил обоих в почетную отставку, наградив Мечами к Рыцарскому кресту. Свое решение он объяснил следующим образом: «На востоке прошло время операций крупного масштаба, для которых Манштейн особенно подходил. Здесь важно теперь просто упорно удерживать позиции. Начало этого нового метода управления войсками должно быть связано с новым именем и новым девизом». Гитлер заверил Манштейна, что не имеет к нему никаких претензий, считает одним из способнейших своих командиров, но в данный момент для него нет достойных задач. Вермахту уже не требовались мастера глубоких прорывов, время крупных маневренных операций прошло навсегда.

Впереди фельдмаршала ожидал плен, приговор британского трибунала, тюрьма и «Утерянные победы». Эвальд фон Клейст, которого сменил генерал Фердинанд Шернер, сгинул в советском лагере.

Через четыре дня группы армий «А» и «Юг» были переименованы в группы «Южная Украина» и «Северная Украина». Это было сделано; как выразился Гитлер, по «психологическим причинам».

Для выхода из окружения командование 1-й танковой армии создало три группы. В северную и южную входили по одной пехотной и одной танковой дивизии. Центральная группа включала пять танковых, моторизованную и пехотную дивизии. Остальным соединениям предстояло упор-

ными арьергардными боями сдерживать натиск советских войск и постепенно отходить за группами прорыва.

Способностей Жукова не хватило, чтобы провести «более точный анализ». Маршал Москаленко подчеркивает, что «при всех трудностях в снабжении войск боеприпасами и горючим фронт располагал силами, способными уничтожить Каменец-Подольскую группировку гитлеровцев. Но для этого прежде всего, конечно, нужно было по-иному использовать 1-ю танковую армию». Получилось, что собранная в кулак мощная танковая группировка немцев оперировала на северном берегу Днестра, а наиболее укомплектованная танковая армия Катукова — на южном. Сказывалось и некоторое «головокружение от успехов»: советские военачальники убедили себя, что противник уже разгромлен, потерял волю к сопротивлению и что «вследствие этого мы легко и в кратчайшие сроки уничтожим окруженную группировку».

Командование 1-го Украинского фронта, по-прежнему считавшее, что противник будет отходить на юг, и не подозревавшее о появлении танкового корпуса СС, главные усилия войск в конце марта направляло на то, чтобы отрезать врага от переправ на Днестре и захватить их. Даже настойчивые атаки немцев в западном направлении и то обстоятельство, что армия Лелюшенко и приданный ей 30-й стрелковый корпус с трудом сдерживали удары, рассматривались как стремление врага «просочиться» к переправам в населенном пункте Залещики.

В приказе Жукова, отданном в ночь на 29 марта, говорилось: «Дунаевская группировка противника окружена полностью. В течение 27, 28 марта группа пыталась прорваться в общем направлении через Каменец-Подольский за р. Днестр...

29 марта следует ожидать решительной попытки противника прорваться через Каменец-Подольский на Хотин...

Приказываю: армиям продолжать стремительное наступление и 31 марта полностью закончить разгром окруженной группировки противника».

Для этого Лелюшенко получил приказ разбить немцев в районе Ланцкоруни и, перейдя к обороне на рубеже Черчь — Каменец-Подольский — Китайгород, ни в коем случае не допустить прорыва противника к Днестру. 1-я гвардейская армия, имея главную группировку на своем правом фланге, должна была продолжать наступление в направлении Смо-

трич — Каменец-Подольский. 18-й и 38-й армиям — также наносить концентрические удары.

31 марта окруженная немецкая группировка, выдвигнув вперед танковые дивизии, таранным ударом прорвала оборону 4-й гвардейской танковой армии. Город, через который проходила на запад единственная мощеная дорога, Лелюшенко удержал, хотя был момент, когда в рукопашной схватке пришлось принять участие офицерам штаба армии и политотдела: «Мне и сейчас помнится, как трижды пришлось прерывать свой доклад Г.К. Жукову по радио в связи с прорывом противника на командный пункт 4-й танковой армии. Командующий фронтом в эти минуты говорил: «Иди, руководи отражением атаки, надеюсь, что в плен не попадешь, а потом доложишь». Жуков вообще со всеми нижестоящими был на «ты».

Обойдя Каменец-Подольский с севера, основные силы противника отходили на Борщев. Штаб фронта, продолжая считать, что противник пытается прорваться на юг, за Днестр, по-прежнему все усилия направлял на то, чтобы отрезать немцев от переправ. Все настолько были уверены, что положение 1-й танковой армии безнадежно, что утром 2 апреля по радио ей был предъявлен ультиматум с требованием капитулировать в двухдневный срок.

Любопытно, что советская история сей факт просто опускает и потому не приводит текст этого замечательного жуковского обращения, которое, по признанию ветеранов вермахта, привело их в полное изумление: в случае продолжения «бессмысленного сопротивления» маршал обещал расстрелять каждого третьего, попавшего в плен. Через два часа последовала поправка: «Расстреляны будут только те командиры, причем перед строем своих частей, которые, несмотря на то что предложение маршала адресовано им, откажутся прекратить сопротивление... Они будут наказаны за бессмысленное пролитие крови вверенных им войск».

4 апреля, когда ожидался ответ на ультиматум, Хубе вновь нанес удар в западном направлении. Преодолев реку Серет по двум захваченным стремительным ударом мостам, немцы перерезали железную дорогу и шоссе Чортков — Залещики, а вместе с ними и коммуникации танковой армии Катукова. Для перехвата путей отхода врага Жуков решил использовать 52-й и 74-й стрелковые корпуса, находившиеся на марше в районе Бучач — Тлумач, перегруппировать из

Каменец-Подольского 4-ю танковую армию, а затем еще несколько дивизий из 1-й гвардейской, 18-й и 38-й армий. Однако все эти части, бросаемые в бой с марша на широком фронте, почти без артиллерии, отбрасывались танковым клином.

Утром 5 апреля противник перешел в наступление на внешнем фронте. На пути 2-го танкового корпуса СС, который наносил удар на главном направлении, южнее Подгайц, оборонялись две растянувшиеся на 35-километровом фронте и понесшие потери дивизии 18-го гвардейского стрелкового корпуса генерал-лейтенанта И.М. Афонина. Они не смогли остановить врага. Немцы прижали советские части к реке, и последним удалось избежать полного уничтожения только потому, что с правого берега были поданы понтоны, на которых эвакуировались остатки корпуса.

7 апреля в районе Бучача авангарды корпуса СС соединились с передовыми частями 1-й танковой армии.

Преследуя выходящие из окружения части Хубе, войска 1-й гвардейской и 4-й танковых армий вышли в этот район и сделали попытку развить наступление в западном направлении. Немцы стремились отбросить их к востоку. Ожесточенные десятидневные бои окончились безрезультатно. Советские войска закрепились на рубеже Золотники — Бучач — устье реки Стрыпа. Немцы прочно закрыли брешь севернее Днестра.

То, что противник его переиграл, как и то, что ситуация на западном направлении вышла из-под контроля командования фронта, признал и сам Жуков: «Смяв оборону 18-го корпуса и 1-й гвардейской армии, танковая группа противника устремилась в район Бучача навстречу выходящим из окружения своим частям. Сколько гитлеровцев прорвалось из окружения, ни я, ни штаб фронта точно установить не смогли. Назывались разные цифры. Как потом оказалось, вышли из окружения не десятки танков с десантом, как тогда доносили войска, а значительно больше».

Так ведь и сам Жуков небось доложил о полном уничтожении 1-й немецкой танковой армии.

Кстати, именно в эти дни, конкретно 10 апреля 1944 года, Жуков был удостоен высшего военного ордена «Победа» за номером 1. Этого же ордена за номером 2 был награжден Василевский. Формулировка указа у обоих была одинакова: «За умелое выполнение заданий Верховного Главноко-

мандования по руководству боевыми операциями большого масштаба, в результате которых достигнуты выдающиеся успехи в деле разгрома немецко-фашистских войск...»

В первой половине апреля шли тяжелые бои и на тернопольском направлении. Войска 60-й армии силами 15-го стрелкового корпуса еще 24 марта окружили гарнизон Тернополя — 12 000 человек с 145 орудиями, а части 23, 28 и 106-го корпусов выдвинулись на 15—20 км к западу от города, образовав внешний фронт окружения.

Противник, окруженный в Тернополе, опоясал город сетью оборонительных сооружений и превратил каменные здания в укрепленные опорные пункты. Город был объявлен «крепостью». В приказе подчеркивалось, что в Тернополе немцы защищают «границы Германии». Советские войска предъявили немецкому гарнизону ультиматум, но тот был отклонен.

Для штурма к городу был подтянут 94-й стрелковый и 4-й гвардейский танковый корпуса. Бои с окруженным противником продолжались более полумесяца.

Германское командование в середине апреля пыталось прийти на выручку тернопольскому гарнизону. Три пехотные дивизии, форсировав Стрыпу в 20 км западнее города, потеснили советские части, а затем на плацдарм была введена 9-я танковая дивизия СС «Хоенштауфен». Для ликвидации возникшей угрозы в помощь пехоте Жуков перебросил из резерва 6-й гвардейский танковый корпус генерал-лейтенанта А.П. Панфилова, дополнительную артиллерию, 91-ю танковую бригаду и 11-й гвардейский танковый полк — 22 тяжелые машины ИС-2. Свежие части успели вовремя прибыть на место и организовать грамотную эшелонированную оборону на направлении вероятного удара противника вдоль шоссейной и железной дорог на Тернополь: окопали танки, организовали артиллерийские засады, установили минные поля.

Немецкая атака началась 15 апреля вскоре после полудня. Эсэсовцы, не предполагая встретить сильную, да еще и танковую, оборону, шли, как на параде. «Картина была внушительная, — вспоминает генерал В.С. Архипов. — Между железной и шоссейной дорогами, развернувшись на фронте в 2—2,2 км, двигалось на нас более ста танков. Они шли ротными колоннами, по 15—17 машин, впереди «тигры», за

ними более легкие «пантеры», в хвосте каждой колонны — 5—6 бронетранспортеров с пехотой. Редко доводилось мне видеть такой боевой порядок в атаке — обычно немецкая пехота шла за танками, а тут едет в бронетранспортерах, даже не рассредоточившись. Может, это для того, чтобы пехота сразу вместе с танками врзалась в наши боевые порядки? А может, 9-я танковая, которая только что прибыла из Франции, лишь теоретически представляла себе разницу между боевыми действиями в 1939—1940 годах и на Восточном фронте в 1944 году? Как бы там ни было, но подобное построение атакующих убийственно прежде всего для них самих... Когда они вышли на дальность 400—500 метров, я скомандовал по радио: «Огонь!» Ракеты дублировали команду. Ну и началось, и закружилась огненно-дымовая карусель! Сверху, с неба, будто свалились штурмовики «Илы» и пошли прочесывать танковые колонны. Оглушительно били тяжелые пушки танков ИС-2, бронебойные снаряды раскраивали даже мощную лобовую броню «тигров». Светлым дымом горели вражеские танки, черным — резиновые покрышки колес на бронетранспортерах. Костры над броней вспыхивали то здесь, то там по всей двухкилометровой ширине поля. После некоторого замешательства фашистские танки начали рассредоточиваться, пошли вправо и влево, другие — куда-то вниз, скрываясь в лощинах. Но там их встречали либо мины, поставленные саперами... либо огонь из засад прямой наводкой».

Сражение длилось ровно сутки. Танкисты Панфилова отбили все атаки. 16 апреля решительным штурмом был взят Тернополь, вырваться из города удалось лишь небольшой части гарнизона, комендант «крепости» генерал Нейдорф погиб. Вечером того же дня под прикрытием артиллерийской подготовки дивизия «Хоенштауфен» скрытно снялась с позиций и ушла за Стрыпу.

Напряженные бои развернулись к югу от Днестра, где на широком фронте действовала танковая армия Катукова. В первых числах апреля части армии вышли в район Надворной и на подступы к Станиславу. Ночной атакой 1-я гвардейская танковая бригада ворвалась в город, но утром была выбита противником. В наших источниках он упорно именуется «гитлеровцами», хотя, кроме 21-й венгерской пехотной дивизии, никого там больше не было.

Венгры, в свое время охотно принявшие участие в разделе Чехословакии и вторжении в Югославию, в войну с Советским Союзом ввязались без особого желания. Гораздо больше их привлекала Трансильвания, переданная в 1918 году Румынии. «Было известно, что наши союзники — как венгры, так и румыны — смотрели друг на друга с таким недоверием, что они держали лучшие свои части внутри страны, чтобы в случае необходимости иметь их под рукой».

Успехи вермахта в первый период подогрели энтузиазм венгерского правительства, и оно, опасаясь опоздать в разделе пирога, выделило на святое дело «борьбы с большевизмом» целую армию, насчитывавшую 200 000 человек. Однако Сталинград произвел впечатление холодного душа. В ходе январского наступления 1943 года Красная Армия наголову разгромила на Дону 2-ю венгерскую армию. По признанию регента Миклоша Хорти, сделанному им в письме Гитлеру, армия потеряла 80 000 солдат и офицеров убитыми и 63 000 ранеными. Венгерские войска были сняты с фронта.

Правительство тем временем «на всякий случай» налаживало тайные контакты с Лондоном и Вашингтоном. Лишь несколько дивизий венгры оставили на Украине. Причем им было дано строгое указание не участвовать в боевых действиях. Их задачи ограничивались охраной железных и шоссейных дорог от партизан в тыловых районах. Таким образом, если вермахт отступал, то его «авангардом» при этом были венгерские дивизии.

Однако с выходом советских войск к Карпатам немцев такая двойственная позиция союзника уже не устраивала. Германии необходимы были венгерские ресурсы, венгерская промышленность, венгерские солдаты. Вызванному в Ставку Хорти Гитлер 17 марта заявил, что «он, наученный горьким опытом Италии, предпримет меры для того, чтобы предотвратить подобные события в Дунайском бассейне». Для обеспечения «лояльности» Венгрии в ночь с 18 на 19 марта в страну с территории Австрии и Румынии вошли 11 немецких дивизий. Хотя именно сейчас на фронте от них наверняка было бы больше пользы, чем от венгерских, но это снова был «политический вопрос». Операция «Маргарет I» заняла всего 12 часов. Венгерская армия полностью перешла под германский контроль.

23 марта 1-я венгерская армия, насчитывавшая 8 пехотных и 1 танковую дивизию, была подчинена командованию

группы армий «Юг». На венгров возлагалась задача защиты Карпат и района между горным хребтом и верхним Днестром.

Маршал Жуков, упустив Хубе, начал переброску войск на южный берег Днестра для удара на Станислав. Сюда 12 апреля передислоцировалось управление 38-й армии, которое приняло на себя руководство действиями четырех стрелковых корпусов. Генерал Москаленко назначался «старшим начальником на станиславском направлении», в качестве «армии усиления» ему подчинялась 1-я танковая армия. В спешном порядке шло доукомплектование частей. Начать намечалось 21—22 апреля.

Однако 17 апреля в наступление перешел противник. Первой с плацдарма в районе Нижнего после сильной артиллерийской и авиационной подготовки нанесла удар 101-я легкопехотная дивизия при поддержке бронетехники 17-й танковой. На следующий день немцы дополнительно ввели в сражение части 6-й танковой и двух пехотных дивизий. Южнее Станислава начал наступление 7-й венгерский корпус и 2-я венгерская танковая дивизия. Ожесточенные бои продолжались до начала мая. За четыре дня противнику удалось потеснить советские части на 30—40 км на юг и юго-восток.

Сражение достигло кульминации 20 апреля. Противник ввел в бой свыше 200 танков и штурмовых орудий. ВМЕСТЕ С ВЕНГРАМИ???

Два командарма, действовавшие бок о бок, оставили об этом дне красочные воспоминания. Начало у этих историй почти идентичное, только концовки получились разные, как у фильма «Интердевочка».

Катуков вспоминает, как попросил помощи у командующего фронтом и Жуков обещал дать поддержку:

«Вскоре в распоряжение армии поступили два танкосамоходных полка, на вооружении которых состояли 122- и 152-мм пушки. Полки эти только что прибыли на фронт. Где-то в глубине страны они были сформированы и укомплектованы личным составом. Экипажи самоходно-артиллерийских установок не имели еще боевого опыта, но в их стойкости сомневаться не приходилось. Настроение у личного состава в полках было приподнятое.

Вот только подучить их, опыт фронтовой передать... Но до того ли, когда с часу на час жди фашистского контрудара.

Первые атаки гитлеровцы обрушили на Обертын — крупный узел дорог северо-восточнее Коломыи, прикрывающий подступы к днестровским переправам...

Вскоре у населенного пункта Незвиско гитлеровцы напоролась на танкосамоходные полки, присланные нам Георгием Константиновичем Жуковым. Встреча с советскими самоходками была для противника полной неожиданностью. Завязался ожесточенный бой. «Тигры», «пантеры» и другие фашистские танки попали под перекрестный огонь самоходных установок.

122- и 152-мм самоходно-артиллерийские установки выиграли сражение, 70 танков врага огневыми факелами пылали под Незвиско. Гитлеровцы откатились и прекратили контратаки по всему фронту в Северной Буковине.

Танкосамоходные полки свою задачу выполнили. Правда, в кровопролитном скоротечном бою они тоже понесли значительные потери. Главным образом потому, что экипажи самоходно-артиллерийских установок впервые участвовали в бою. Не было у них настоящего опыта для маскировки своих действий, не научились они еще быстро менять позиции, бить врага излюбленным танкистами методом — из засад.

Маршалу Советского Союза Г.К. Жукову кто-то доложил, что командование 1-й танковой армии неправильно использовало приданные ей самоходки. Полки вышли из строя, якобы потеряв напрасно много машин.

Началось следствие.

— Придется вам держать ответ за загубленные самоходки, — безапелляционно заявил председатель специально присланной комиссии.

— За что отвечать? — пытался я возражать. — За то, что обстановка потребовала немедленного ввода полков в бой? Разве за два часа можно передать необстрелянным бойцам-самоходчикам практический фронтовой опыт танкистов, накопленный ими за три года войны?

Но мои доводы на комиссию не произвели особенного впечатления. Не знаю, как бы все обернулось, если бы на наш участок фронта не приехал Г.К. Жуков.

Встретили командующего. Поначалу разговор был суровым.

— Что вы тут натворили? Угробили танкосамоходные полки? — жестко спросил Г.К. Жуков.

Вместо оправданий мы проводили командующего под Незвиско, на поле только-только отшумевшего боя, где еще дымились остовы 70 сгоревших фашистских танков.

— Это сделали танкосамоходные полки, — сказал я.

Георгий Константинович долго стоял молча.

— Все понятно, — сказал наконец он и пошел к машине.

Следствие было прекращено. Как крупнейший военачальник, много повидавший за три года войны, Г.К. Жуков понял, что правда на нашей стороне».

Такое совпадение: командарм-38 тоже попросил у Жукова усиления и тоже получил два полка:

«Истребительные противотанковые полки сражались умело и героически. Высокие боевые качества продемонстрировали присланные Г.К. Жуковым тяжелые танки ИС, вооруженные 122-мм пушкой, и самоходные установки, имевшие на вооружении 152-мм пушки. Оба полка немедленно по прибытии были мною введены в бой.

Здесь я впервые наблюдал их в сражении. Они были менее маневренны, чем Т-34, но как великолепно действовали эти мощные боевые машины! Спокойно, уверенно выводя танки из укрытия, экипажи останавливали их, не торопясь прицеливались и производили выстрелы. После каждого выстрела проверяли его результат и затем все так же спокойно, не спеша, вводили машины в укрытие. Совершив маневр, они вновь появлялись, и все начиналось сначала...

Свыше половины из 68 подбитых и уничтоженных в боях 20 апреля танков противника было на счету у экипажей ИС и самоходных орудий.

У нас же в тот день вышел из строя один танк».

Я понимаю, что мемуары — штука субъективная, но не настолько же! Ведь, судя по всему, очевидцы описывают один и тот же бой, даже количество уничтоженных немецких танков практически совпадает. Или командующий фронтом дал каждому командарму по два полка? В таком случае артиллерист Москаленко использовал их куда эффективней, чем мастер танковых атак Катукоев.

Странно, но, вспомнив о двух самоходных полках, Катукоев совсем забыл, что в ночь с 19 на 20 апреля от получил 6-й гвардейский механизированный корпус из 4-й танковой армии.

Обе стороны наращивали свои силы, но у Жукова воз-

возможностей для этого было больше. На южный берег Днестра были переброшены еще один стрелковый корпус и управление 18-й армии, две истребительно-противотанковые бригады, несколько артиллерийских полков. Катуков получил еще 213 единиц бронетехники, в том числе новенькие Т-34-85, которые тут же бросил в атаку: «Экипажам, получившим новые «тридцатьчетверки», пришлось дать два часа времени на их освоение. Больше дать мы тогда не могли. Обстановка на сверхшироком фронте была такая, что новые танки, обладающие более мощным вооружением, надо было как можно скорее ввести в бой».

Как говорится, «против лома нет приема». Этой тактике противник уже ничего не мог противопоставить. К началу мая его наступление выдохлось, на станиславском выступе наступило затишье. Советские войска удержали рубеж от устья реки Стрыпа, западнее Коломыи, Куты. Но и Жукову не удалось выполнить задачу на все 100% — Львов и Перемышль остались за немцами.

Катуков стал генерал-полковником, а его армия — 1-й гвардейской танковой армией.

Войска левого крыла 2-го Украинского фронта все глубже охватывали с севера группировку противника, действовавшую между Южным Бугом и Днестром, и создавали угрозу ее окружения. Чтобы задержать продвижение советских войск на кишиневском направлении, противник вынужден был перебрасывать часть сил 6-й армии, что ослабляло ее оборону перед 3-м Украинским фронтом. К середине апреля войска левого крыла 2-го Украинского фронта вышли на Днестр восточнее Кишинева. Здесь они встретили организованную оборону на заранее подготовленных рубежах.

Для того чтобы закрыть огромную брешь, которая образовалась в результате разгрома 8-й армии, остановить продвижение советских войск в Румынии и предотвратить угрозу окружения приморской группировки, германское командование вынуждено было произвести значительные перегруппировки. В район Ясс выдвигалась 4-я румынская армия — последний резерв Антонеску — восемь дивизий и одна бригада. На кишиневское направление для усиления 8-й немецкой армии перебрасывались еще семь румынских дивизий и две бригады. Три дивизии, в том числе две румынские, прибыли в 8-ю армию из состава группы армий «А». Всего против 2-го Украинского фронта с 21 марта до

конца апреля было переброшено из Румынии и группы армий «А» армейское и восемь корпусных управлений, 18 дивизий и три бригады.

Сопrotивление врага на ясском и кишиневском направлениях возросло. В то же время, ведя наступление в условиях полного бездорожья, войска фронта растянулись, тылы и значительная часть артиллерии отстали, армии понесли большие потери, снабжение войск ухудшилось. К тому же отставал от графика 3-й Украинский фронт, войска которого должны были выйти в район южнее Кишинева и оказать содействие при овладении городом.

Конев предложил перейти к обороне.

6 мая Ставка директивой подтвердила это решение.

ПОЛЕССКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Существенную помощь войскам 1-го Украинского фронта в разгроме северного фланга группы армий «Юг» оказал 2-й Белорусский фронт, осуществивший Полесскую операцию.

Успешное наступление войск 1-го Украинского фронта и продвижение его правого крыла далеко на запад создавали благоприятные условия для развития наступления в сторону Ковеля. Поскольку это направление считалось самостоятельным, Ставка 17 февраля 1944 года образовала на стыке Белорусского и 1-го Украинского фронтов 2-й Белорусский фронт под командованием генерал-полковника П.А. Курочкина в составе 61, 70, 47-й общевойсковых и 6-й воздушной армий, 2-го и 7-го гвардейских кавалерийских корпусов, Днепровской речной флотилии — 19 стрелковых, 6 кавалерийских дивизий, 1 отдельная танковая бригада, 3 отдельных танковых полка.

Согласно указаниям Ставки от 4 марта, фронт должен был организовать наступление на запад с ближайшей задачей разгромить ковельскую группировку противника. В дальнейшем планировалось овладеть Брестом, выйти на Западный Буг, а правым крылом выйти к реке Припять.

Главный удар предстояло нанести 47-й армии генерал-лейтенанта В.С. Поденова в обход Ковеля с севера и юга. Прибывшая из резерва 70-я «чекистская» армия генерал-лейтенанта И.Ф. Николаева должна была наступать с плацдармов на реке Стоход на Камень-Каширский с задачей, перерезав шоссе Брест—Ковель, не допустить удара про-

тивника с брестского направления. 61-й армии генерал-лейтенанта П.А. Белова предстояло очистить от противника южный берег Припяти, овладев городами Туров, Давид-Городок, Рубель, Столин.

Наступление предписывалось начать, «не ожидая полного сосредоточения войск фронта».

Вообще вся затея выглядит несколько авантюрно. Двадцать два дня отводилось генералу Курочкину от момента отдания директивы на создание нового фронта до момента атаки. На месте находились только армия Белова и 77-й стрелковый корпус, передаваемый из 13-й армии. Всё остальное еще только предстояло получить, сосредоточить, обеспечить всем необходимым, сколотить штабы, подготовить войска к наступлению. Чтобы организовать, например, 47-ю армию, требовалось получить три дивизии у Жукова, стрелковый корпус из резерва Ставки и дожидаться армейского управления от 2-го Украинского фронта.

Сосредоточение войск, прибывающих из резерва, происходило по единственной железной дороге. Они выгружались в районе Сарны, откуда выдвигались походным порядком. Но Сталин торопил, и Курочкин начал операцию в установленный срок, имея в своем распоряжении 13 дивизий. Остальные подходили и включались в бои по ходу дела; три дивизии и три отдельных танковых полка так и не прибыли.

В полосе фронта от Столина до Луцка оборонялись войска 2-й армии группы армий «Центр» — 7-я пехотная дивизия, боевые группы «Ханле» и «Агрикола» и шесть батальонов пехоты; часть сил 4-й танковой армии — 213-я охранная дивизия, группы Билле и «Гоуф», а также полицейские и охранные части. В ближайшем тылу располагались две венгерские пехотные дивизии.

В течение первой половины марта войска 2-го Белорусского фронта производили перегруппировку. Главные силы 47-й и 70-й армий подтягивались на рубеж реки Стоход, а их передовые отряды, сбивая мелкие группы врага, переправились на западный берег и в ряде мест заняли плацдармы.

15 марта развернули наступление армии Поленова и Николаева. 16 марта на столинском направлении перешли в атаку главные силы 61-й армии.

Действуя в исключительно сложных условиях лесистой и болотистой местности, 47-я и 70-я армии к 18 марта продвинулись вперед на 30—40 км. Им противостояла 213-я

охранная дивизия. Немцы были отброшены за Ковель, а гарнизон города блокирован пятью стрелковыми дивизиями 47-й армии. В Ковеле оказались в окружении подразделения сводной группы Баха, полк охранной дивизии и полицейские части. Несмотря на все советские атаки, «крепость» держалась.

Германское командование понимало, что прорыв на Ковель и Брест выводил Красную Армию в глубокий тыл группы армий «Центр», и принимало срочные меры для укрепления обороны на этом направлении. В последней декаде марта — в первых числах апреля немцы дополнительно перебросили в полосу 2-го Белорусского фронта танковую дивизию СС «Викинг», 4-ю танковую, четыре пехотных дивизии, пять бригад самоходных орудий.

По мере прибытия этих войск сопротивление противника возрастало. Его обороне способствовала сильно заболоченная местность с большим количеством рек. Начиная с 23 марта враг предпринял несколько сильных контрударов, стремясь деблокировать гарнизон Ковеля. 4 апреля дивизии «Викинг» удалось прорваться к городу, отбросить советские части и стабилизировать положение на этом участке. Войска 47-й армии закрепились на подступах к Ковелю, 70-я армия перешла к обороне на подступах к Ратно.

На правом крыле фронта 61-я армия не продвинулась ни на шаг.

Таким образом, 2-й Белорусский фронт не выполнил ни одной из поставленных задач и 5 апреля был упразднен. За 42 дня своего существования фронт потерял 22 263 человека убитыми, ранеными и больными. Из них в Полесской операции ровно половину.

Через десять дней генерал-полковник Курочкин был назначен командующим 60-й армией, которой и командовал до конца войны.

17 апреля 1944 года стратегическое наступление советских войск на Правобережной Украине, продолжавшееся почти непрерывно 4 месяца, завершилось разгромом всего южного крыла Восточного фронта Германии (за исключением блокированной в Крыму 17-й армии). Оно явилось одной из крупнейших операций Второй мировой войны, развернувшейся на фронте протяженностью до 1300—1400 км. В сражениях на Правобережной Украине с обеих сторон участвовало около 4 миллионов человек, 45,4 тысячи ору-

дий и минометов, 4,2 тысячи танков и самоходок (вранье). Это единственная операция, в которой с советской стороны действовали одновременно все шесть танковых армий. В ходе наступления десять дивизий и одна бригада групп армий «Юг» и «А» были уничтожены, 59 их дивизий потеряли от 50 до 70 процентов своего личного состава и техники.

Советские войска продвинулись на 250—450 км и, выйдя к предгорьям Карпат, рассекли южное крыло стратегического фронта противника.

«К концу операций второго сталинского удара советские войска выдвинулись на рубеж Ковель—Тарнополь—Бельцы—Ананьев... Вся Правобережная Украина была освобождена от немецко-фашистских захватчиков. Стратегический успех Второго сталинского удара создал предпосылки для решительных операций по освобождению Белоруссии и развитию наступления на львовском направлении, в сторону Балкан, на Одессу и в Крыму. Войска Советской Армии, глубоко вклинившись в расположение противника, получили возможность нанести новые удары по немецкой группе армий «Центр» в Белоруссии и освободить побережье Черного моря и Крыма.

Эта победа советских войск стала возможной благодаря мудрой сталинской стратегии, выросшей экономической мощи страны и всенародной помощи фронту, организаторской и руководящей роли большевистской партии, высокому моральному духу и наступательному порыву советских войск и оснащению их первоклассным оружием».

Немцы уступили территорию, но не дали себя окружить и уничтожить. Манштейн: «Противник не смог окружить все южное крыло Восточного фронта, что позволяли ему сделать оперативная обстановка и его многократное превосходство. Нам, правда, пришлось уступить противнику обширные области, и в то же время силы наших войск продолжали уменьшаться, но мы помешали противнику сделать решающий шаг к победе! Группа армий «Юг», хотя и кровотопа тысячами ран, сохранила свою боеспособность!»

В боях за освобождение Правобережной Украины войска пяти фронтов за четыре месяца потеряли 1 200 000 человек убитыми и ранеными (почти 100 полностью укомплектованных дивизий), около 5000 танков и самоходных установок (еще раз к вопросу о нехватке танков), и здесь речь идет как раз о безвозвратных потерях, 8000 орудий и минометов, более 700 самолетов.

ТРЕТИЙ СТАЛИНСКИЙ УДАР

«... нанесенный войсками 2-го, 3-го и 4-го Украинских фронтов и Отдельной Приморской армии во взаимодействии с Черноморским флотом в апреле—мае, завершил освобождение от немецко-румынских захватчиков всего Черноморского побережья — от Керчи до Днестровского лимана».

Этот удар включает Одесскую и Крымскую операции. Одесская операция, по существу, являлась продолжением Снигиревской операции 3-го Украинского фронта. Но велено было «классифицировать» ее как «первый этап третьего сталинского удара и дальнейшим развитием успеха второго сталинского удара на Черноморском побережье». Крымская операция составляет второй этап третьего сталинского удара.

ОДЕССКАЯ ОПЕРАЦИЯ

После тяжелого поражения в Березнеговато-Снигиревской операции немецким войскам удалось отойти за Южный Буг и на этом рубеже остановить наступление 3-го Украинского фронта. На левом берегу Южного Буга они удерживали Николаев. Однако стремительное наступление войск 2-го Украинского фронта в Уманско-Ботошанской операции, которые вышли на подступы к Яссам и Кишиневу, глубоко охватив с северо-запада приморскую группировку противника, вынудило немецкое командование перебросить часть сил с Южного Буга на кишиневское направление.

В этих условиях войскам генерала Малиновского было приказано после кратковременной подготовки возобновить общее наступление с целью разгромить приморскую группировку противника между реками Южный Буг и Днестр, освободить северо-западное побережье Черного моря с крупнейшим портом и городом Одесса.

Замысел предусматривал нанесение главного удара четырьмя правофланговыми армиями — 57, 37, 46 и 8-й гвардейской — с общим числом 38 стрелковых, две артиллерийские дивизии, группы Плиева и 23-го танкового корпуса в полосе Вознесенск, Новая Одесса на Жовтень, Тирасполь, Раздельная в охват группировки противника с северо-запада. Наиболее крупный плацдарм был захвачен северо-западнее Вознесенска. Он обладал достаточно большой оперативной емкостью, имел удобные подходы к реке и выходы на ее правый берег. Противник здесь был слабым и не мог оказать существенного сопротивления.

6-й и 5-й ударной армиям после освобождения Николаева предстояло силами 14 дивизий развивать наступление вдоль побережья и атаковать Одессу с северо-востока. 28-ю армию после овладения Николаевом планировалось вывести в резерв Ставки.

При успешном осуществлении этого замысла 6-я немецкая и 3-я румынская армии прижимались к Черному морю и попадали под угрозу окружения и полного разгрома.

К 28 марта войска 3-го Украинского фронта насчитывали в своем составе 57 стрелковых и три кавалерийские дивизии, танковый и механизированный корпуса — 470 000 человек, 12 678 орудий и минометов, 435 танков и самоходных установок, 436 боевых самолетов.

Противостоящие войска 6-й немецкой и 3-й румынской армий к этому времени имели 20 дивизий (16 немецких и 4 румынские), два танковых батальона, восемь бригад штурмовых орудий. Они насчитывали 350 000 человек, около 3200 орудий и минометов, 160 танков и штурмовых орудий. На этом направлении противник мог использовать до 550 боевых самолетов 1-го авиационного корпуса 4-го воздушного флота немцев и румынского авиационного корпуса.

26 марта армии правого крыла и центра 3-го Украинского фронта после артиллерийской подготовки приступили к форсированию Южного Буга и прорыву обороны противника на западном берегу. Левофланговые армии начали штурм Николаева.

В результате трехдневных боев 57-я и 37-я армии, используя успех левофланговых армий Конева, расширили плацдарм до 45 км по фронту и от 4 до 25 км в глубину.

Видя успех на правом фланге, Малиновский внес коррективы в план операции. Конно-механизированную груп-

пу и 23-й танковый корпус — 225 танков и САУ, располагавшихся в районе северо-западнее Новой Одессы, в полосе 46-й армии, было решено незамедлительно перегруппировать в полосу 57-й и 37-й армий.

В это время войска 6-й, 5-й ударной, 28-й армий и 2-го гвардейского механизированного корпуса вели тяжелые бои в районе Николаева.

Для оказания помощи наступающим с фронта войскам в овладении городом генерал Гречкин приказал высадить в Николаевском порту десант морской пехоты с задачей завязать бой в тылу немецких войск, внезапно действиями вызвать среди них переполох и отвлечь часть сил противника с фронта. Выполнение задачи возлагалось на 384-й отдельный батальон морской пехоты майора Ф.Е. Котанова. Для десанта было отобрано 55 добровольцев во главе с командиром отряда старшим лейтенантом К.Ф. Ольшанским.

Отремонтировав найденные в поселке Октябрьский семь старых рыбацких лодок и взяв в проводники местного рыбака А.Н. Андреева, отряд в ночь на 26 марта двинулся вверх по Южному Бугу. Непосредственно перед выходом в состав десанта были включены два связиста и десять саперов из отдельного инженерного батальона 28-й армии. Из-за встречного штормового ветра 15-километровый путь удалось преодолеть за пять с лишним часов. В связи с задержкой в пути саперы после окончания разминирования не смогли до рассвета возвратиться в свое расположение и вместе с проводником остались в составе отряда. Эти десантники поневоле в официальной истории советского Военно-морского флота именуется «красноармейцами-снайперами».

В 4 часа 15 минут 26 марта морские пехотинцы скрытно высадились в торговом порту, сняли охрану и, заняв несколько зданий, организовали круговую оборону в районе элеватора. Утром противник попытался небольшими силами уничтожить десант, но получил отпор. Затем немцы ввели в бой новые силы, подтянули артиллерию, шестиствольные минометы, использовали огнеметы. Десантники стояли насмерть. За двое суток они отбили 18 атак и погибли почти все.

Эти двое суток войска трех армий прогрызали немецкую оборону и никакой поддержки морской пехоте оказать не могли.

Наконец, в ночь на 28 марта 61-я гвардейская и 243-я

стрелковая дивизии из состава 6-й армии под сильным огнем противника на подручных средствах форсировали Ингул и с севера ворвались в Николаев. Прорыв этих дивизий нарушил устойчивость обороны противника. Не позволяя врагу опомниться, советские части к 4 часам пробились в центр города. Одновременно с востока в город вошли части 5-й ударной армии. С юга на город наступали войска 28-й армии и механизированный корпус Свиридова.

От десанта к этому времени в живых осталось 11 человек. Горстка раненых моряков во главе со старшиной 2-й статьи Кириллом Бочковичем удерживала свои позиции до утра 28 марта, когда в Николаевский порт ворвались наступавшие с фронта советские войска. С военной точки зрения десант потерпел неудачу и не оказал никакого влияния на ход операции, но его действия вошли в историю Отечественной войны как образец воинской доблести.

А также как образец бездушия нашей военной бюрократической машины.

55 морских пехотинцев по списку получили звание Героев Советского Союза. 12 «красноармейцев-снайперов», они же связисты и саперы, не получили ничего, поскольку в списке десантного отряда отсутствовали. Более того, фамилии большинства из них остались неизвестными. А ведь был не 41-й год, и мы наступали. Интересно, что, хотя весь отряд состоял из 68 человек и воспоминания одного из оставшихся в живых участников десанта так и называются — «Нас было 68», одна из площадей Николаева носит имя 67 героев, поскольку погибшего проводника Андреева Героем признали только в 1965 году.

В результате усилий трех армий советские войска к утру 28 марта полностью очистили Николаев — крупный порт и важный центр судостроения. Девятнадцать советских дивизий разбили три немецкие.

29 марта 28-я армия и 2-й гвардейский механизированный корпус были выведены в резерв.

5-я авиаполевая, 302-я и 304-я пехотные дивизии противника, удерживавшие Николаев, с тяжелыми потерями были отброшены на западный берег Южного Буга.

Прорыв обороны на флангах приморской группировки и угроза выхода ей в тыл войск 2-го Украинского фронта вынудили генерала Шернера начать отвод своих армий за Днестр. По отходящим колоннам массированные удары на-

носила авиация 17-й воздушной армии. Две истребительные дивизии прикрывали в это же время переправу 23-го танкового корпуса и конно-механизированной группы в районе Александровки. Переправа осуществлялась по одному понтонному мосту грузоподъемностью 30 тонн и поэтому сильно затянулась. Она была закончена только утром 30 марта.

Оказавшись на западном берегу, танкисты и казаки бросились догонять дивизии Гагена и Шарохина, которые достигли уже реки Тилигул.

На левом фланге, вдоль побережья Черного моря, успешно наступали войска 5-й ударной армии. 30 марта части 1-го гвардейского укрепленного района, передовой отряд 295-й стрелковой дивизии и части Черноморского флота комбинированным ударом с суши и с моря освободили Очаков.

Германское командование, опасаясь окружения 6-й армии и стремясь быстрее вывести ее из-под удара, принимало все меры, чтобы задержать продвижение советских войск на рубеже реки Тилигул. Здесь немцы заранее подготовили оборонительные позиции, которые были заняты отошедшими частями. Сильным препятствием для наступающих являлись заболоченные берега реки и ее топкое дно. Однако, несмотря на упорное сопротивление неприятельских арьергардов, войска Шарохина и конно-механизированной группы 31 марта форсировали реку и сбили противника с высот правого берега. Здесь во время авианалета погиб командир 4-го механизированного корпуса генерал Танасчишин. В командование вступил генерал-майор В.И. Жданов.

Продвижение советских войск после форсирования реки Тилигул еще более усложнилось, так как прошедшие дожди совершенно испортили дороги. Подвижные группы действовали в боевых порядках пехоты. Немецкая авиация группами по 30—40 самолетов систематически бомбила боевые порядки войск. Стрелковые и механизированные войска испытывали острые затруднения с боеприпасами и горючим. Поэтому 17-й воздушной армии приходилось выделять все более значительное количество самолетов для доставки войскам срочных грузов.

4 апреля группа Плиева овладела станцией Раздельная, перерезав железную дорогу, связывавшую Одессу с Тирасполем. Казаки, поддержанные танками, атаковали Раздельную в конном строю с командиром корпуса во главе:

«Шли на последних запасах физических сил и неистощимой воле. Танки, самоходки, автомашины двигались там, где, казалось, невозможно ни проехать, ни пройти. Их тянули, толкали, подкладывая под колеса и гусеницы бревна, доски, хворост — все, что можно, вплоть до телогреек и шинелей. Люди устали до той крайности, когда угрожающе теряется контроль над собой, притупляется чувство восприятия. Человек становится безразличным даже к опасности... В установленное время атаки части продолжали оставаться на своих рубежах. Они не в силах были сбросить с себя тяжкие оковы предельной физической усталости... И через мгновение по боевым порядкам прокатился один — конечный пункт приказа: «Передать всем: в атаку ведет лично командующий!..» Никогда еще мне не приходилось столь широко и подчеркнуто оповещать войска, что веду их в атаку сам. В тех случаях, когда это вызывалось крайней необходимостью боя, все получалось по ходу событий как-то само собой. Но теперь во весь свой рост встала зловещая альтернатива: или немедленная мощная ночная атака и большая победа, или затяжной бой на рассвете и огромные потери. Насквозь промокшие и предельно уставшие люди, если их сейчас остановить хоть на один-два часа, будут валиться на землю и засыпать, а значит, и замерзнуть».

В течение двух суток конно-механизированная группа отбивала контратаки и продержалась до подхода стрелковых войск 37-й армии, закрепивших достигнутый успех.

С выходом советских войск на этот рубеж фронт обороны противника на Южном Буге был расколот. 30-й и 52-й армейские корпуса 6-й немецкой армии под ударами 37-й и 57-й армий и 23-го танкового корпуса отбрасывались к Тирасполю. 29, 44 и 72-й корпуса 6-й армии и 3-й румынский армейский корпус охватывались войсками фронта с севера и северо-запада и прижимались к Одессе. Для этой группировки назревала угроза окружения. Она стала особенно острой, когда войска конно-механизированной группы, оторвавшись от боевых порядков стрелковых войск, 5 апреля достигли Страсбурга, куда вышла 30-я кавалерийская дивизия генерал-майора В.С. Головского.

Германское командование понимало опасность, создававшуюся для группировки его войск в районе Одессы. Во второй половине дня 5 апреля и в ночь на 6 апреля в район к юго-востоку от Раздельной начали спешно стягиваться

пять дивизий 29-го армейского корпуса. К северо-западу от станции сосредоточивались две дивизии 30-го корпуса. Обе эти группировки должны были нанести удар навстречу друг другу в направлении Раздельной и соединиться.

С утра 6 апреля немцы силами 29-го армейского корпуса нанесли удар из района юго-восточнее Раздельной, который пришелся по войскам 82-го стрелкового корпуса 37-й армии. Врагу удалось потеснить части корпуса, выйти к переправам через реку Кучуруган и соединиться со своими войсками, действовавшими северо-западнее Раздельной. В непрерывных боях во второй половине 7 апреля войскам Шарохина удалось расчленить прорвавшуюся группировку противника на две части. Дивизиям 29-го армейского корпуса удалось соединиться со своими войсками, отходящими на Тирасполь, а войска 44-го армейского корпуса снова были отброшены к югу и юго-востоку от Раздельной.

Тем временем войска центра и левого крыла фронта все ближе подходили к Одессе, которая оборонялась 72-м корпусом особого назначения и частью сил 44-го армейского корпуса. Всего в районе Одессы действовало около шести вражеских дивизий и большое количество отдельных частей. При организации обороны противник использовал советские сооружения, оставшиеся с осени 1941 года. Многочисленные балки, овраги, залитые водой, и лиманы сильно затрудняли действия наших войск.

К вечеру 9 апреля войска противника в районе Одессы оказались в условиях почти полного окружения.

Конно-механизированная группа, захватив 7 апреля Беляевку, Маяки, продолжала вести тяжелые бои в этом районе, отражая удары отходящих из-под Одессы войск противника. 10-я гвардейская кавалерийская дивизия под командованием полковника С.А. Шевчука заняла Овидиополь, но вскоре под давлением больших масс немецко-румынских войск, рвущихся к Днестру, она была расчленена на изолированные друг от друга части и отброшена на север.

8-я гвардейская и 6-я армии обходили Одессу с северо-запада, а 5-я ударная армия наступала на город вдоль побережья. Лишь в районе Овидиополя оставался путь отхода с последующей переправой через Днестровский лиман. Сюда и ринулась основная часть тылов, а потом и боевых войск Одесской группировки противника. Крупные группы пытались пробиться к переправам в районе Беляевки.

Вечером 9 апреля части 5-й ударной армии под командованием генерала В.Д. Цветаева с ходу ворвались в северные кварталы Одессы. Ночью к городу подошли войска 8-й гвардейской и 6-й армий и КМГ. Атака Одессы казаками с развернутыми знаменами, по мнению Плиева, «представляла собой грандиозное зрелище»:

«Кавалерийские дивизии, перестроившись в ходе боя в один эшелон и выдвинув в боевые порядки все танки, самоходные установки, артиллерию, пулеметные тачанки, все штабы и даже санитарные эскадроны — словом все, буквально все, — рванулись в конном строю вперед... Огромная лавина кубанцев перевалила через железную дорогу и устремилась к лесопосадке».

А потери — это «не главное, их несут все, кто дерется».

Плиев вообще много рассуждает о стратегии и тактике современной войны и о правильном применении в ней кавалерийских масс. Однако, живописуя взятие Одессы, сей стратег одной фразой демонстрирует, что и двадцать лет спустя уровень его познаний не поднялся выше устройства лошади. Всячески превознося мощь сабельного удара, генерал мимоходом вспоминает, что в его корпусе состояли на вооружении танки «Шерман», добавляя с пренебрежением к буржуйской технике: «Эти английские танки у нас называли «Братская могила четырех», до того они были ненадежны».

Во-первых, Плиев считает американский танк А4 «английским «шерменом», он так и не разобрался, на какой технике воевали его бойцы. Между тем «Шерман» являлся одним из лучших средних танков Второй мировой войны, по вооружению (76-мм пушка, два курсовых и один зенитный пулемет) и бронированию (75—100 мм) не уступавшим советской «тридцатьчетверке». Что касается надежности, то протокол испытаний на полигоне ГВТУ Красной Армии характеризует его как надежную боевую машину, простую в обслуживании и эксплуатации. Кстати, экипаж состоял из пяти человек.

Во-вторых, редко кто из наших генералов упустил случай лягнуть союзников по поводу их помощи: техники давали мало, да и та «ненадежная». То, что одних только танков англо-американцы поставили в количестве, достаточном для укомплектования 50 танковых корпусов, это, конечно,

по русским масштабам мелочь. Жуков эти корпуса «на завтрак ел».

Но ведь было еще более 400 тысяч непревзойденных автомобилей, таскавших пушки и придавших мобильность и маневренность советской пехоте. Без этих «Доджей», «Студебеккеров», «Виллисов» сталинские удары были в принципе невозможны, особенно весеннее наступление.

На американском бензине летали советские самолеты, по большей части сделанные из американского алюминия. Воинские эшелоны тянули американские паровозы по американским же рельсам, предотвратив паралич железнодорожного транспорта в Советском Союзе.

Маршал Жуков в частной беседе честно признал: «Нельзя отрицать, что американцы нам гнали столько материалов, без которых мы бы не могли формировать свои резервы, не могли бы продолжать войну... У нас не было взрывчатки, пороха. Не было, чем снаряжать винтовочные патроны. Американцы по-настоящему выручили нас с порохом и взрывчаткой. А сколько они нам гнали листовой стали! Разве мы могли бы быстро наладить производство танков, если бы не американская помощь сталью?» Страшал бы Плиев противника верной шашкой.

Список стратегически важных для выживания и Победы материалов, доставленных в Советский Союз, займет не менее двух листов. В нем будут вагоны и локомотивы, линкоры и тральщики, мука и сахар, кабель и броня, самолеты и автопокрышки, бронетранспортеры и зенитки, брезент и мотоциклы, снаряды и каучук, армейское сукно и медикаменты, и 5,5 миллиона пар обуви...

Сталин, Хрущев, Жуков, все вожди и полководцы знали, что без западных поставок Советский Союз не смог бы выиграть Отечественную войну, будучи не в состоянии произвести достаточное количество вооружений и боевой техники и обеспечить ее горючим и боеприпасами. Но эта правда была для узкого круга, а «электорату» десятилетиями вдалбливалось, что «у нас все это было свое в изобилии».

И вот сидит генерал Плиев в американском джипе, стреляет американским порохом, разговаривает по американскому телефону, носит сапоги из американской кожи, ест американскую тушенку, запивая канадским соком, и, высокомерно оттопырив губу, рассуждает о недостатках «английских «шерменов»: очень уж были ненадежные, ну

прямо «братская могила». Вместо того чтобы сказать слова благодарности или хотя промолчать.

Одесса была полностью освобождена советскими войсками 10 апреля.

В результате операции войска 3-го Украинского фронта во взаимодействии со 2-м Украинским нанесли тяжелое поражение 6-й немецкой и 3-й румынской армиям. Продвигнувшись на 180 км, советские войска освободили Николаевскую и Одесскую области и значительную часть Северной Молдавии. Были созданы условия для полного освобождения Молдавии, продвижения в глубь Румынии и на Балканы.

После овладения Одессой 6-я и 5-я ударная армии были выведены во второй эшелон фронта, а остальные армии продолжали развивать наступление на запад.

57-я армия с приданным ей 23-м танковым корпусом в течение 11 апреля продвинулась до 20 км на запад и 12 апреля вышла на восточный берег Днестра северо-западнее Тирасполя и, с ходу форсировав реку, захватила плацдармы. Причем танковый корпус, едва оторвавшись от пехоты, попал в окружение в районе Плоское и вел бой там до подхода стрелковых частей.

Армия Шарохина силами 57-го стрелкового корпуса в ночь на 12 апреля очистила от противника Тирасполь, а четыре дивизиями вышла на правый берег Днестра южнее города. Слева от нее реку преодолели части 46-й армии. 8-я гвардейская армия к 14 апреля полностью очистила побережье Днестровского лимана и в ночь на 15 апреля форсировала Днестр у Ильичевки.

В последующие дни войска фронта «через силу» продолжали наращивать силы на захваченных плацдармах. Все больше сказывались переутомление и понесенные потери. Тем не менее Ставка настаивала на продолжении наступления до последнего способного подняться в атаку солдата и сбить заслоны 6-й армии по Днестру.

«Редко кому из фронтовиков не доводилось слышать фразу: «Войска устали!» — описывает состояние 37-й армии генерал А.К. Блажей. — Усталость войск — это не только физическая усталость людей. Речь в этом случае идет о резком снижении наступательных возможностей всего войскового организма — от личного состава передовых до штабов и

тылов. Именно в таком состоянии находились многие части армии после форсирования Днестра и захвата плацдармов на его правом берегу. Боеспособность войск как бы вступила в противоречие с наступательным порывом личного состава. Все острее чувствовалась нехватка людей. По-прежнему с большими переборами подвозились боеприпасы. Артиллерийские батареи имели по 0,1—0,3 боевого комплекта снарядов. Пехота во время атак не всегда получала достаточную артиллерийскую, танковую и авиационную поддержку. И тем не менее затишья не наступало. Бои продолжались по всему фронту. Причем в ряде случаев они велись с еще большим, чем прежде, напряжением и ожесточением».

Продвижение войск фронта было остановлено организованной обороной противника, занявшего подготовленные рубежи на командных высотах, оборудованных сетью дотов советской постройки, прикрытых противотанковым рвом и трехкилометровой заболоченной поймой реки. Советские дивизии должны были преодолеть все это практически без артиллерийской и авиационной поддержки: свои самолеты не долетали, боеприпасы приходилось подвозить за сотни километров. В результате войска топтались на месте и несли потери. На требования командиров частей ускорить подвоз боеприпасов, у штабов был только один ответ: экономьте снаряды и мины и атакуйте.

Фронт, захлебываясь кровью, старался выполнить главную задачу, поставленную Сталиным, — выйти на государственную границу. Ночью 17 апреля штаб Малиновского направил командармам новую директиву: «...подготовить и провести наступательную операцию... разгромить группировку противника в южной части Бессарабии между Днестром и Прутом... Выйти на государственную границу...»

Командование фронта придавало большое значение предстоящей операции. Трем армиям придавались многочисленные средства усиления. Так, армия Шарохина получила 9-ю артиллерийскую дивизию прорыва, два полка «катюш», истребительную противотанковую бригаду, противотанковый артполк, полк самоходок, инженерно-саперные подразделения. Был, правда, один нюанс: все они не были обеспечены снарядами. В первый день наступления, включая прорыв обороны противника, разрешалось израсходовать около половины боекомплекта, при обычном расходе в подобных случаях не менее четырех-пяти. Это означало,

что о нормальной артиллерийской подготовке не могло быть и речи.

Ровно в два часа 25 апреля одновременно с недолгой артиллерийской канонадой поднялись в атаку стрелковые части 57, 37 и 6-й армий. Однако и на этот раз дело кончилось лишь незначительным продвижением вперед на отдельных участках. По сути, первый день не принес никаких результатов.

Поздно вечером, подводя итоги, Малиновский указывал: «Наступление 25 апреля развивалось неудовлетворительно. Необходимо потребовать от войск и проявить самим непоколебимую стойкость, напористость при отражении контратак врага. Наступление ни в коем случае не приостанавливать...»

Но и на следующий день итоги наспех подготовленной операции оказались прежними. Советские атаки захлебывались одна за другой. Немцы, надежно прикрываемые своей бомбардировочной и штурмовой авиацией, часто переходили в контратаки. На плацдармах сложилась такая ситуация, что уже трудно было определить, какая из сторон наступает, а какая обороняется.

«Командующий армией и я почти ежедневно бывали на наблюдательных пунктах корпусов и дивизий, лично следили за ходом боев, — пишет бывший начштабм-37. — Вывод напрашивался сам собой — пора прекратить безуспешные атаки!

Для человека, каким бы выносливым и закаленным он ни был, существует предел физического и психического напряжения, переступив который он впадает в состояние прострации или транса, теряет способность реагировать на внешние раздражители. Это относится не только к отдельным людям, но, как показал опыт боев, нередко в подобном состоянии оказывались целые подразделения и даже части. Многим участникам Великой Отечественной войны, в особенности командирам стрелковых частей и подразделений, несомненно, приходилось быть свидетелями таких на первый взгляд неожиданных явлений: заканчивается артиллерийская подготовка, огневой вал перемещается в глубину обороны противника, идут в атаку танки, а пехота продолжает лежать в окопах. Командир нервничает, ругается, грозит, но безрезультатно... Никто и ничто не в состоянии поднять людей с земли, пока они не восстановят минимальный

запас необходимой энергии. Поскольку их физическое и нервное напряжение перешло наивысшую грань, им нужна хотя бы кратковременная передышка. К сожалению, некоторые командиры, недостаточно знакомые с элементарными законами психологии и физиологии человека, пренебрегали подобными факторами или просто не обращали на них внимания. И это приводило порой к неоправданным потерям.

Войскам, как воздух, была необходима передышка. Это прекрасно понимали и командующий армией, и командиры корпусов, дивизий, полков. Знали об этом и в штабе фронта. Однако приказа приостановить атаки не поступало». Думаю, всех этих психологических изысков наши генералы набрались уже после войны с помощью своих литературных «негров» и редакторов.

Во всяком случае, «все прекрасно понимая», штаб фронта ежедневно подтверждал один приказ — прорвать вражескую оборону.

Лишь 6 мая, убедившись, что Малиновский добросовестно израсходовал все свои силы, Ставка издала директиву о переходе к обороне.

КРЫМСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Выход советских войск в район Одессы поставил в еще более безнадежное положение группировку противника в Крыму, что способствовало ее разгрому войсками 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской армии.

Освобождение Крыма, предусмотренное по первоначальному плану одновременно с наступлением на Украине, в действительности началось лишь на его завершающей стадии и вылилось в самостоятельную стратегическую операцию.

Особенности географического положения Крымского полуострова делали его важнейшей стратегической позицией на Черном море. Этим объясняется ожесточенный характер борьбы за него на протяжении почти всей войны. Гитлер до последнего пытался удержать Крым как из экономических, так и из политических соображений. Его потеря означала бы резкое падение престижа рейха в странах Юго-Восточной Европы и в Турции. Крым прикрывал балканский стратегический фронт Германии и важные мор-

ские коммуникации, идущие через черноморские проливы к портам западного побережья и вверх по Дунаю. Опасаясь за безопасность румынского побережья, против оставления полуострова категорически возражал маршал Антонеску.

Как известно, в мае 1942 года 11-я армия Манштейна вдребезги разгромила Крымский фронт генерала Козлова, уничтожив на Керченском полуострове три советские армии. Еще через месяц немцы штурмом овладели Севастополем, пленив около 95 000 бойцов и командиров. В результате стратегическая обстановка для советских войск на юге резко ухудшилась. Черноморский флот, обеспечивая действия сухопутных войск, понес большие потери и лишился всех своих оборудованных баз. Крым служил также плацдармом для вторжения на территорию советского Кавказа.

К осени 1943 года обстановка в корне изменилась в пользу Красной Армии. В начале октября Южный фронт Толбухина штурмовал Восточный вал на реке Молочная, прикрывавший подступы к Крыму с севера, а Северо-Кавказский фронт генерал-полковника И.Е. Петрова очистил от противника Таманский полуостров и вновь вышел к Керченскому проливу.

В Оперативном управлении Генерального штаба вновь достали карты Крыма. При обсуждении различных вариантов дальнейших действий часть операторов вынесла предложение Крым пока не брать, а изолировать там противника и освободить большую часть высвободившихся войск двух фронтов для действий на других направлениях. Полуостров, узкие подступы к которому легко было запереть, не представлял собой базы, откуда можно было бы нанести удар, да и силы 17-й армии — трех немецких и семи румынских дивизий — были недостаточными и непригодными для ведения подобных наступательных действий.

Однако это был бы несоветский подход, ведь нет таких крепостей, которые не могли бы взять большевики. Поэтому точка зрения «изоляционистов» была забракована в принципе: только штурм. Вопрос следовало рассматривать в единственной плоскости: «каким образом брать полуостров».

22 сентября по запросу Ставки свои соображения на этот счет прислал маршал Василевский. Его замысел состоял в том, чтобы войска Южного фронта одновременно с обходом Мелитополя с юга быстро захватили Сиваш, Перекоп,

Джанкой и ворвались бы в Крым на плечах противника. Для этого предлагалось усилить армии Толбухина за счет Северо-Кавказского фронта. Кроме того, в район Джанкоя должны были высаживаться воздушный и морской десанты с целью выхода в тыл противнику, оборонявшему Сиваш, и нанесения удара в северном направлении, навстречу войскам Южного фронта.

Однако перегруппировка всего фронта — дело хлопотное. Вместо массирования сил на одном направлении было принято решение одновременно с прорывом перекопских позиций форсировать Керченский пролив.

12 октября генерал Петров, получив соответствующую директиву Ставки, отдал приказ войскам фронта на проведение совместно с Черноморским флотом и Азовской военной флотилией десантной операции с целью овладения Керченским полуостровом. Поначалу Петров предполагал осуществить высадку двух армий на широком фронте, не только в Керчи, но и в районе Ялты, Алушты или непосредственно в Севастополь, чтобы заставить противника расконцентрировать свои войска. Однако это оказалось невозможно ввиду плачевного состояния флота.

Уже опыт проведения Керченско-Феодосийской операции 1941 года показал, что операции такой сложности нашим морским стратегам не по зубам. Тогда в условиях абсолютного советского господства на море и в воздухе погибла почти половина десанта и множество плавсредств, получили повреждения практически все привлеченные к операции боевые корабли. Немецкий автор К. Юон, оценивая тот десант в Крым с точки зрения «противоположного лагеря», пишет: «Флот не располагал мало-мальски пригодными десантными средствами, противовоздушная оборона была слишком слабой. Господство на море было безрезультатным из-за отсутствия хотя бы временного господства в воздухе. Высадка десанта в зимнее время без прикрытия авиации, без метеослужбы, без противотанкового оружия привела к тяжелым потерям. Еще раз советское командование проявило полное равнодушие к человеческим жизням, ограничиваясь высокопарным восхвалением героизма».

Осенью 1943 года возможностей для проведения крупной десантной операции было еще меньше. Полностью отсутствовали транспорты и высадочные средства специальной постройки. За два года войны Черноморский флот

понес тяжелые невосполнимые потери: 1 крейсер, 3 лидера, 11 эсминцев, 28 подводных лодок, десятки катеров, сотни вспомогательных судов и вооруженных пароходов. Буквально накануне, 5 октября, три стратега — Кузнецов, Петров и Владимирский — послали отряд в составе лидера «Харьков», эсминцев «Беспощадный» и «Способный» в набег на Ялту. Отработав стрельбу по берегу, в результате которой погибло несколько жителей города и ни одного солдата противника, корабли утром легли на обратный курс. 6 октября на отходе они были настигнуты и уничтожены немецкими пикировщиками.

От такой бессмыслицы Сталин пришел в ярость. Верховный велел от греха подальше все крупные боевые корабли Черноморского флота вывести в резерв Ставки.

Азовская военная флотилия только в августе 1942 года при прорыве в Новороссийск потеряла 107 катеров и вооруженных судов, 14 кораблей были взорваны в базах. Немцы, в свою очередь, оставляя Таманский полуостров, уничтожили или увели в Крым все, что могло держаться на воде. Флотилия создавалась заново.

Таким образом форсировать Керченский пролив было фактически не на чем, об огневой поддержке со стороны боевых кораблей нечего было и заикаться, а большая часть полевой артиллерии до крымского берега не доставала. К тому же надвигался сезон осенних штормов.

Но задача была поставлена, Петрову и курировавшему фронт маршалу Тимошенко предстояло ее выполнять. На подготовку отводилось две недели. Итоговый замысел операции сводился к высадке крупных сил севернее и южнее Керчи. После захвата плацдармов войска должны были ударами по сходящимся направлениям овладеть портами Керчь и Камыш-Бурун, далее развивать наступление на запад и во взаимодействии с войсками Южного фронта освободить Крым.

Это решение предусматривало создание двух отрядов. Первый отряд образовали Азовская флотилия и войска 56-й армии генерал-лейтенанта К.С. Мельника, которые должны были осуществить вторжение в северо-восточную часть Керченского полуострова и овладеть Керчью. Командовал отрядом командующий Азовской флотилией контр-адмирал С.Г. Горшков. Во второй отряд вошли корабли Черноморского флота, сосредоточенные в Новороссийске, и вой-

ска 18-й армии генерал-лейтенанта К.Н. Леселидзе. Они должны были осуществить высадку в восточной части полуострова в районе рыбацкого поселка Эльтиген. Этой группой командовал командир Новороссийской ВМБ контр-адмирал Г.Н. Холостяков.

На флангах основных десантов предусматривалась выброска двух демонстративных: в районе мыса Тархан, на северо-восточном побережье Керченского полуострова, и в районе горы Опук, юго-западнее Эльтигена.

Для обеспечения высадки создавались 16 отрядов, основу которых составили базовые и речные тральщики, рыбацкие сейнеры, мотоботы, а также гребные баркасы и плоты из пустых железных бочек. Пестрота в типах высадочных средств, различная их вместимость, скорость хода и мореходность усложняли организацию, «тюлькин флот» требовал соответствующего дооборудования для обеспечения быстрой погрузки и выгрузки живой силы и техники. Из бронекатеров и морских охотников сформировали два отряда прикрытия и два отряда артиллерийской поддержки. Всего привлекалось 119 катеров различного класса и 159 вспомогательных судов, считая самодельные «понтонны».

На косе Чушка и западной оконечности Таманского полуострова было сосредоточено 667 орудий калибром от 203 до 76 мм и 90 установок РС. Общая численность советских войск составляла 150 000 человек.

Воздушное прикрытие должны были обеспечить свыше 1000 самолетов 4-й воздушной армии и авиации флота.

Несмотря на явную материальную необеспеченность, в войсках царило оптимистическое настроение. Господствовало мнение, что понесшая потери на Кубани и при эвакуации с Тамани 17-я армия, которой грозила к тому же полная блокада, не станет упорно держаться за Крым, и высадиться на Керченском полуострове будет не слишком трудно. Имелись даже «не проверенные пока данные», что немцы якобы уже начали отход.

Общее руководство операцией возлагалось на командующего Северо-Кавказским фронтом генерала Петрова и его помощника по морской части командующего Черноморским флотом вице-адмирала Л.А. Владимирского. Высаживаемые войска оставались в подчинении своих коман-

дармов, которые руководили их действиями как в период подготовки, так и после высадки.

Операцию планировалось начать в ночь на 28 октября одновременно на обоих направлениях, однако из-за разыгравшегося шторма ее пришлось отложить на три дня.

На Керченском полуострове на широком фронте оборонялись части 98-й немецкой пехотной, 6-й румынской кавалерийской и 3-й румынской горнострелковой дивизий с частями усиления, всего около 60 000 солдат и офицеров. На побережье были развернуты 175 орудий полевой и противотанковой артиллерии, 11 минометных и 23 зенитные батареи. Керченский пролив и подходы к нему были минированы. В портах Керчь, Феодосия, Камыш-Бурун была сосредоточена корабельная группировка, насчитывавшая 30 быстроходных десантных барж, 25 сторожевых и торпедных катеров, 6 тральщиков и другие вооруженные суда. Зная уникальную способность советских генералов наступать на одни и те же грабли, германское командование просто не могло не ожидать высадки крупного десанта противника на побережье Керченского полуострова. Более того, минная обстановка в южной части пролива позволяла с большой вероятностью прогнозировать, что высадка наиболее вероятна в северной части побережья.

Вечером 31 октября в Темрюке и на Тамани началась посадка войск на корабли и суда. На керченском направлении в качестве первого эшелона десанта должны были высаживаться две дивизии 11-го гвардейского стрелкового корпуса генерала В.Ф. Сергацкого. В качестве штурмового отряда с ними шел 369-й отдельный батальон морской пехоты. Через сутки в качестве второго эшелона планировалась высадка еще одной стрелковой дивизии. Вслед за 11-м гвардейским должен был высаживаться 16-й стрелковый корпус под командованием генерала К.И. Провалова. В район Эльтигена в первом эшелоне десантировались 318-я Новороссийская и 117-я гвардейская стрелковые дивизии, 255-я морская бригада и 386-й батальон морской пехоты. За ними должны были последовать остальные части 20-го стрелкового корпуса.

Десантные отряды должны были выйти на старт к 24 часам. Однако погода вновь подвела синоптиков: усилился ветер, на Азове и в проливе начинался шторм. Все это ска-

зывалось на соблюдении графика, сдвигая все этапы операции на полтора-два часа. Артиллерийские огневые позиции на косе Чушка почти полностью оказались в воде. Адмирал Горшков предложил отложить операцию, однако командующий Черноморским флотом его не поддержал. На запрос Петрова адмирал Владимирский авторитетно заявил: «Шторма не будет. А если пролив и будет шуметь, то это усыпит бдительность противника».

Когда отряды Азовской флотилии вышли в открытое море, шторм достиг силы шести баллов. Сборище из 150 маломореходных и вовсе немореходных, перегруженных людьми, боеприпасами и снаряжением плавсредств, просто физически не могло в таких условиях, да еще ночью, преодолеть 20 миль от Темрюка до крымского берега. Часть из них тут же утонула или была выброшена на берег. Поэтому командующий фронтом вынужден был дать распоряжение Горшкову и командарму Мельнику вернуть десанты в исходное положение.

На Тамани ситуация развивалась аналогично. Корабли в места посадки войск 18-й армии прибывали крайне медленно, некоторые не пришли вовсе. Пришлось увеличить нагрузку на прибывшие суда, оставить на берегу часть артиллерии. В открытое море десант вышел лишь в 3 часа утра 1 ноября.

«Уже здесь, на старте, нарушилась стройная система боевых порядков, — вспоминает бывший командир 318-й стрелковой дивизии генерал Г.Ф. Гладков. — Погода делалась все хуже. Волны швыряли суда из стороны в сторону. Катера с трудом буксировали плоты с материальной частью. Передовые отряды, шедшие на плоскодонных мотоботах, перемешались между собой. С передового флагманского корабля мы с тревогой наблюдали эту нерадостную картину...»

Тем не менее корабли держали курс на Крым. Несмотря на то что «пролив шумел», бдительность противника это не усыпило. Десантные отряды были обнаружены в трех километрах от берега. В 4 часа 30 минут по сигналу с судов передового отряда с Тамани была проведена сильная артиллерийская подготовка. 51 тяжелое орудие подвижных дивизионов Потийской и Туапсинской баз и 140 армейских пушек ударили по четырехкилометровому фронту высадки, а затем перенесли огонь дальше, на 500 метров от уреза воды.

Однако стрельба вслепую с одного берега пролива по другому не смогла подавить огневую систему противника:

«Снова несколько прожекторов осветили десант. Их лучи задерживались на судах, как бы подсчитывая наши силы. Потом в небе появились сотни осветительных ракет, и противник начал обстрел. Снаряды рвались всюду. Вокруг флагманского катера то и дело поднимались серые колонны воды.

Вода ревела, обрушиваясь на палубу. С некоторых катеров повалил черный дым. Непроглядный мрак беспрестанно сменялся ярким, обнажающим светом. В те моменты, когда отважные летчицы Таманского полка направляли свои самолеты на прожекторные установки противника, свет выключался. Самолет уходил, и снова прожектористы протягивали свои дьявольские щупальца к десанту. Здесь мы понесли первые потери. Затонуло несколько мелких судов.

Слева от флагмана грохнуло три взрыва. Мы видели, как развалился подорвавшийся на минах катер. На нем был штаб 31-го полка во главе с полковником Ширяевым... Справа загорелся еще катер. Было видно, как матросы сбивают пламя. «Руби буксир!» — отчаянно прокричал чей-то голос. Обрубленный конец хлестнул по волне. Плот с двенадцатью противотанковыми пушками встал дыбом и исчез во тьме».

Вот так около 5 часов началась высадка первого броска частей 18-й армии в районе Эльтигена и коммуны «Инициатива». Сильный прибой заливал малые суда и шлюпки. С глубоко сидящих катеров, которые не могли подойти к пляжу, бойцы добирались до берега вплавь и с «полундрой» по минным полям шли в атаку. Плоскодонные плавучие средства выбросили штурмовые отряды, но ни одно из них не вернулось: «Это была самая трагическая ошибка в плане десантной операции. Расчет был на плоскодонные суда: доставив передовые отряды, они должны были возвратиться и, курсируя между кораблями, баржами и берегом, высадить в несколько приемов весь десант. Но большинство плоскодонных судов сразу вышло из строя. Некоторые погибли от огня, несколько подорвались на минах. Эти неизбежные потери мы учитывали и предвидели. Мы не учли силу шторма: основная часть плавсредств штормовая волна выбросила на берег и разбила о камни. Высаживаться теперь было не на чем».

В этот момент моряки получили приказ возвращаться в базу: «Корабли разворачивались и уходили. Они уходили от крымского берега. А там возле самой воды маячила чья-то фигура, потрясая руками над головой».

Всего в течение ночи удалось высадить на берег немногим больше двух тысяч человек в основном из состава 318-й стрелковой дивизии и отдельной морской бригады, восемнадцать 45-мм пушек и пятнадцать минометов. На крымском берегу не оказалось ни одной штабной группы и ни одного командира полка. Отдельные подразделения, не имея общего руководства, действовали самостоятельно. Из 121 единицы различных катеров и высадочных средств, принимавших участие в переброске войск, погибло 37 единиц и 29 вышли из строя, получив различные повреждения.

К рассвету десантникам удалось захватить в районе Эльтигена плацдарм до 5 км по фронту и до 2 км в глубину. Днем в поселок на одиночном мотоботе прорвался полковник Гладков с управлением 318-й дивизии.

Немцы старались в кратчайший срок сбросить десант в море, однако тот зацепился прочно. Большую помощь в удержании плацдарма сыграли огонь тяжелой артиллерии с Таманского полуострова и авиационная поддержка. В течение 1—3 ноября советские штурмовики помогли отразить 37 атак противника, группами по 8—10 самолетов «Илы» почти непрерывно висели над полем боя. Только в течение 1 ноября штурмовая авиация флота совершила около 600 самолето-вылетов для поддержки высадившихся частей. По воздуху доставлялись боеприпасы и продовольствие.

Лучшей поддержкой эльтигенцам была бы скорейшая высадка войск второго эшелона, в частности 117-й гвардейской стрелковой дивизии. Но из-за больших потерь в корабельном составе адмирал Холостяков, имея только 46 малотоннажных судов и 6 бронекатеров, в ночь на 2 ноября смог за два рейса отправить от Тамани только один стрелковый полк и немного легкой артиллерии, всего 3270 человек. Подкрепление на плацдарм было высажено, но при этом потеряно еще 30 единиц плавсредств — ведь теперь ни о какой внезапности не могло быть и речи. Немецкая артиллерия, торпедные катера и быстроходные баржи оказывали активное противодействие. За каждый рейс к крымскому берегу, перераставший в морской бой, приходилось платить

дорогую цену. Попытки организовать перевозки в дневное время провалились.

Десант севернее Керчи снова откладывался, погода по-прежнему не позволяла судам Азовской флотилии выйти в море.

К 4 ноября флот высадил в Эльтигене 9220 человек при 35 орудиях. Эти войска нуждались в регулярном снабжении, полностью от него зависели. Для переправки через пролив остальных частей армии Леселидзе у флота не осталось ничего.

По утверждению Гладкова, на суше его атаковала вся 98-я немецкая пехотная дивизия в сопровождении совершенно несусветного — не менее 60 — количества танков и самоходных установок, все, как водится, «тигров» и «фердинандов»: «Немцы во второй половине дня начали «волновые атаки»: шла одна линия танков и пехоты, за ней на расстоянии 300—400 метров другая, третья... Первые «волны» разбились. Перед окопами торчали горевшие танки, валялись трупы врага... За три дня десантники, артиллеристы и авиаторы уничтожили более 30 боевых машин».

Это особенно впечатляет, если учесть тот факт, что на весь Крым у командующего 17-й армией имелся только 259-й дивизион 75-мм штурмовых орудий, располагавшийся в районе Джанкоя. Правда, маршал Еременко упоминает о наличии на Керченском полуострове двух румынских танковых рот, но и это дает цифру чуть больше 40 боевых машин.

К этому времени войска 4-го Украинского фронта, преодолев укрепления Турецкого вала, ворвались на Перекопский перешеек и завязали бои за Армянск. Находившаяся в Крыму группировка противника была блокирована с суши и отрезана от основных сил вермахта. С 1 по 6 ноября 10-й стрелковый корпус 51-й армии «по методу Фрунзе» (маршал Кошевой рассказывает, что даже проводника нашли того же самого, который показывал дорогу красным полкам в 1920 году, и, несмотря на семидесятилетний возраст, старик снова не подкачал), по грудь в ледяной воде, с боеприпасами на плечах форсировал Сиваш и захватил плацдарм на его южном берегу. Однако дальше продвинуться в глубь Крыма не удалось.

Это был «звонок» Петрову — пора наступать. Воспользовавшись тем, что противник сосредоточил основные силы

для борьбы с десантом 18-й армии, в ночь на 3 ноября Азовская флотилия успешно высадила северо-восточнее Керчи две дивизии 11-го стрелкового корпуса. К 8 ноября на плацдарме сосредоточились пять стрелковых дивизий, морская бригада и два отдельных батальона морской пехоты. 11 ноября началось наступление войск Северо-Кавказского фронта на плацдарме под Керчью.

Керченско-Эльтигенская десантная операция на этом закончилась, советские потери за 11 дней составили 27 397 человек убитыми, утонувшими и ранеными. Из 16 бронекатеров, обеспечивавших десант, штурм и противник уничтожили 9. Ни одной из поставленных целей достигнуто не было.

К середине ноября части 56-й армии, продвинувшись на 10—12 км, очистили от противника северо-восточный выступ Керченского полуострова и вышли к поселку Булганак и восточным окраинам Керчи. Однако здесь «наши войска были остановлены превосходящими силами противника» — все той же 98-й пехотной дивизией генерала Рейнгардта, и перешли к обороне. Захваченный Приморской армией плацдарм насквозь просматривался и простреливался противником, был мал и неудобен, то есть не обладал достаточной оперативной емкостью для накопления крупных сил. «Получался какой-то замкнутый круг, — объясняет причины неудачи генерал-полковник К.И. Провалов. — Для того чтобы сломить врага, требовалось больше сил и средств. И в то же время переброска на Керченский полуостров, скажем, 227-й стрелковой дивизии уже мешает, а часто просто не позволяет маневрировать частями и подразделениями. Важно и то, что наличие в обороне у гитлеровцев господствующих высот, в том числе горы Митридат, почти исключало скрытность нашей подготовки к боевым действиям. С Митридата, с других не менее удобных высот, на которых располагались огневые позиции фашистских батарей, противник, имея отличный обзор, вел непрерывный артогонь по боевым порядкам наших частей, находящимся на плацдарме, нанося нам ощутимые потери в личном составе».

Наступление 51-й армии Крейзера через Перекоп и Сиваш также захлебнулось. Прорвавшиеся с ходу через Турецкий вал, местами еще вовсе не занятый противником, передовые части 4-го гвардейского Кубанского кавалерийского и 19-го танкового корпусов ввязались в бои за мощный

узел сопротивления Армянск. Подтягивание и развертывание основных сил проводились осторожно и недостаточно энергично, внезапность была утрачена. Немцы контратаками блокировали советские части в районе Армянска и нанесли им серьезные потери. Остатки их с трудом пробились через Турецкий вал.

Наращивание сил и снабжение войск на сивашском плацдарме было сопряжено с большими трудностями. «Разведка района переправ, — вспоминает бывший командир 63-го стрелкового корпуса маршал П.К. Кошевой, — показала, что переброска войск корпуса на крымский плацдарм вброд могла иметь место лишь в исключительном случае. Те, кто переходил залив по мелководью, как правило, вскоре заболели. Насыщенные солью холодная вода и грязь разъедали тело. Люди опухали. Борьба с простудами и воспалением суставов в тех условиях было почти невозможно. Ориентироваться надо было на инженерные переправы».

А их еще предстояло создать. 51-й армии предстояла трудная «зимовка».

Первая попытка освободить Крым провалилась.

Поскольку 18-я армия ввиду отсутствия плавсредств не могла быть высажена на плацдарм под Эльтиген, она решением Ставки выводилась из состава Северо-Кавказского фронта и направлялась на Украину. С армией уходила и артиллерия, которая поддерживала огнем эльтигенцев. Другие заботы появились и у авиации. Десант в Эльтигене, потерявший более половины своего состава, плотно блокированный противником с моря и с воздуха, был занесен в разряд отвлекающих и «списан», как выполнивший свою задачу. Организовать его эвакуацию либо помочь живой силой и техникой командование фронта и флота не могло, да и не собиралось. Оно уже планировало новые отвлекающие десанты. Официальная история 18-й армии утверждает, что начиная с 9 ноября «наращивание сил и доставка снабжения на плацдарм фактически прекратились».

Для поднятия морального духа смертников 18 ноября полковнику Гладкову передали поздравления в связи с тем, что 34 бойца и командира его группы удостоены звания Героя Советского Союза. «Поздравляем красный десант с наградами! Скоро они вам выйдут боком», — кричало немецкое радио. От полного уничтожения десантников спасли лишь воля комдива, высокий профессионализм личного

состава, прошедшего «Малую землю», и девчонки из полка ночных бомбардировщиков майора Е.Д. Бершадской, сбрасывавшие по ночам на пятачок плацдарма мешки с боеприпасами и продовольствием.

20 ноября Северо-Кавказский фронт был ликвидирован за ненадобностью. На базе управления фронта и 56-й армии создавалась Отдельная Приморская армия.

4 декабря генерал Петров предпринял еще одну попытку. План состоял в том, чтобы, сковав боем части противника, оборонявшегося в Керчи и на высотах по берегу Азовского моря, основными силами армии прорвать немецкую оборону в ее центре северо-восточнее города, а затем сходящимися ударами 16-го и 11-го корпусов с востока и северо-запада овладеть Керчью.

В 8.30 после 60-минутной артиллерийской подготовки войска Отдельной Приморской армии поднялись в атаку. Однако из-за неудовлетворительной разведки артподготовка цели не достигла, огневая система противника оказалась неподавленной. Советская пехота и танки, натолкнувшись на хорошо организованный огонь, не смогли овладеть передним краем и откатились назад. В последующие дни все повторялось по тому же сценарию и с тем же результатом: успеха не было ни на одном из участков. Прибывающие на полуостров пополнения тут же бросались в бой без всякой подготовки и несли большие потери.

Более того, отражая советское наступление севернее Керчи, немцы одновременно приступили к решающему штурму Эльтигена. Группа Гладкова, действовавшая в отрыве от главных сил более месяца, оказалась в критическом положении: почти полностью израсходованы боеприпасы, продовольствие, медикаменты; на три тысячи бойцов и командиров приходилось более тысячи раненых. Удерживать плацдарм сил не было; отсутствие помощи со стороны командования, бессмысленность и обреченность дальнейшего «сидения» угнетающе действовали на личный состав, появились случаи дезертирства. Не имея возможности эвакуировать десантников ввиду недееспособности Черноморского флота, Петров приказал Гладкову самостоятельно прорываться к Керчи на соединение с Приморской армией, поскольку сама армия прорваться к десанту тоже оказалась неспособна.

В ночь на 7 декабря, оставив тяжелораненых и до сотни бойцов в качестве арьергарда, отряд Гладкова численностью

около 1500 человек вброд форсировал Чурбашское озеро и, скрытно совершив 20-километровый марш по тылам противника, вышел к Керчи. В 7 часов утра внезапной атакой, действуя в основном холодным оружием, десантники захватили ключевую позицию противника — гору Митридат, которая так «мешала» корпусам Сергацкого и Провалова, и южную окраину города с Угольной пристанью. Группа бойцов под командованием майора Григоряна прошла город насквозь, пересекла передний край и вышла в расположение Отдельной Приморской армии. Немцы настолько растерялись, что следом довольно свободно могли соединиться со своими и остальные десантники, до полудня их даже никто не пытался контратаковать. Но овладение столь важным рубежом практически без боя было феноменальной удачей, и Гладков решил остаться на своем новом «плацдарме». Керчь была практически в руках, один удар со стороны 16-го стрелкового корпуса, позиции которого находились на дистанции прямой видимости, решил бы все дело.

Однако Петров и его штаб, не ожидавшие такой прыти от уже «похороненных» гладковцев, оказались не готовы воспользоваться ситуацией, а войска Приморской армии растеряли весь боевой пыл в плохо обеспеченных атаках предыдущих дней. В 14.00 (прошло шесть часов после установления радиосвязи) недоумевающий комдив-318 отправил командарму шифровку:

«Почему же не переходите в наступление? Нам очень трудно. Противник против нас сосредоточивает все новые и новые подразделения. Уже со всех сторон замкнул кольцо вокруг захваченного нами рубежа. У нас сил мало. Боеприпасы на исходе. Раненые сосредоточены у пристани. Нам нужна срочная помощь в людях и боеприпасах. Выбрасывайте ко мне десант. Гору Митридат не сдадим. Это такой рубеж, который обеспечит победу над противником, занимающим Керчь...»

7 декабря оказался днем упущенных возможностей. Ударов, несмотря на заверения Петрова, так и не последовало. Части 16-го стрелкового корпуса, имевшего главной задачей взятие города, к вечеру продемонстрировали слабую активность и на том успокоились. Долго не могли успокоиться лишь десантники, в третий раз совершившие невозможное.

«Оценивая создавшуюся обстановку, — вспоминает Гладков, — все мы были крайне удивлены тем, что 16-й корпус не прорвал оборону.

— Я все время наблюдал за действиями корпуса, — сказал Ивакин. — Никакого наступления не видел. Артподготовка была слабая. Показалась небольшая цепь пехоты и шесть танков. Пехота залегла, а танки ушли обратно.

— Не понимаю! — возмущался Бушин. — Целая армия на плацдарме, неужели нельзя было побольше сил выделить для прорыва! Ведь наш Григорян с отрядом прошел фронт обороны немцев. Это же был сигнал для корпуса...»

(Надо отметить, что группа Григоряна насчитывала 18 человек, у генерала Провалова имелось четыре стрелковые дивизии, два танковых, три минометных, два артиллерийских полка).

Общий вывод «гладковцев»: «Седьмого декабря Керчь могла быть взята. Резервы противника в районе города действовали против десанта. Усилить части, занимавшие оборону перед 16-м корпусом, немцам было нечем. Пленные, захваченные десантниками в Керчи, показывали, что утром у них была паника; никто не знал, что делается, ими никто не управлял.

Обстановка не была правильно учтена штабом армии. Нерешительность командарма и его штаба дали противнику выигрыш во времени...»

С этой оценкой согласен адмирал Холостяков: «Будучи моряком, я остерегаюсь вдаваться в разбор сухопутных операций. И все же думается, что обстановка, сложившаяся к утру 7 декабря, могла быть тогда использована для овладения всей Керчью. Конечно, при немедленных и очень решительных действиях достаточно крупными силами... Однако войска, сосредоточенные под Керчью, очевидно, не были готовы перейти в наступление».

Эти шесть часов, которые потерял не сумевший быстро среагировать на изменения в обстановке генерал Петров, стоили армии четырех месяцев топтания на месте под огнем немецкой артиллерии и пулеметов.

Утром 8 декабря советские стрелковые корпуса по-прежнему не предприняли никаких активных действий. В помощь Гладкову к Угольной пристани прибыли суда с батальоном 83-й морской бригады (380 человек), сформированным в основном из молодого пополнения, впервые шедшего в бой. Сочтя такую подмогу малобоеспособной, комдив оставил батальон оборонять пристань. Через трое суток ожесточенных боев, так и не дождавшись прорыва

армии, остатки десанта были выбиты с горы Митридат и эвакуировались с южной окраины Керчи. В ночь на 10 декабря отряд из 22 катеров и мотоботов под огнем принял на борт 1080 человек. При этом два катера были потоплены и восемь получили повреждения. Сутки спустя было снято с берега и подобрано из воды 360 человек. Кстати, прикрывавший эвакуацию заслон снова вышел к своим через боевые порядки противника.

На этом закончилась сорокадневная эпопея морского десанта 18-й армии.

В помощь Петрову Сталин послал из Москвы начальника Оперативного управления Генштаба генерала С.М. Штенко и представителя Ставки маршала К.Е. Ворошилова.

После провала в роли главнокомандующего Северо-Западным направлением и организатора обороны Ленинграда Ворошилов успел «поработать» представителем Ставки на Волховском фронте. Результатом его деятельности стало постановление ГКО № 356 от 1 апреля 1942 года, в котором, в частности, говорилось:

«Ввиду просьбы т. Ворошилова он был откомандирован в феврале месяце на Волховский фронт в качестве представителя Ставки для помощи командованию фронта и пробыл там около месяца. Однако пребывание т. Ворошилова на Волховском фронте не дало желаемых результатов.

Желая еще раз дать возможность использовать свой опыт на фронтовой работе, ЦК ВКП (б) предложил т. Ворошилову взять на себя непосредственное командование Волховским фронтом. Но т. Ворошилов отнесся к этому предложению отрицательно и не захотел взять на себя ответственность за Волховский фронт, несмотря на то что этот фронт имеет сейчас решающее значение для обороны Ленинграда, сославшись на то, что Волховский фронт является трудным фронтом и не хочет провалиться на этом деле.

Ввиду всего изложенного ЦК ВКП (б) постановляет:

1. Признать, что т. Ворошилов не оправдал себя на порученной ему работе на фронте.
2. Направить т. Ворошилова на тыловую военную работу».

Однако именно на тыловой работе, где и ковалась победа, особенно требовались знания и организаторский талант. Где мог приложить свои способности безработный маршал, имевший за плечами один класс сельской школы? В про-

изводстве самолетов? Поэтому, поруководив до ноября 1942 года партизанским движением, где «лично инструктировал командиров партизанских отрядов», маршал снова «представлял» Ставку на разных фронтах, без риска «провалиться на этом деле».

Воспоминания Штеменко о деятельности Ворошилова в Крыму носят преимущественно анекдотический характер. Перво-наперво по дороге на фронт маршал («*Барин у нас большой просветитель был*») устроил Штеменко экзамен по оперному искусству и литературе: «Рискуя оконфузиться перед К.Е. Ворошиловым, я тем не менее рассказал ему все это без утайки. Мой собеседник сочувственно улыбнулся и заметил только, что музыка всегда украшает жизнь, делает человека лучше. «Экзамен» по литературе прошел более успешно». По вечерам: «Климент Ефремович просил обычно Китаева читать вслух что-нибудь из Чехова или Гоголя. Чтение продолжалось час-полтора. Китаев читал хорошо (*самое подходящее занятие для полковника на войне!*), и на лице Ворошилова отражалось блаженство».

Прибыв на Керченский плацдарм, «виднейший организатор Вооруженных Сил», как было у наших маршалов заведено, сразу поперся на передовую: «Неугомонный Климент Ефремович не ограничился только тем, что услышал от командиров корпусов и увидел сам с их НП. Он рвался в окопы, на передний край, хотя, по правде говоря, делать ему там было нечего. Отговорить его от этого не удавалось.

— Никогда под пулями не кланялся и врага не боялся, — парировал он все наши доводы. — А если кто считает, что там и без нас обойдутся, может со мной не ходить.

После этого попробуй задержаться на НП или в штабе. Все, конечно, пошли в дивизии и полки первого эшелона».

Орел, Климент Ефремович! Но разве в том состоит доблесть полководца? Пулям не кланяется, врагов не боится, а взять на себя ответственность — слабо. Такому и отделение доверить нельзя.

Вот маршал курирует Ленинградский фронт: идет вслед за танком по льду Невы, дабы наглядно убедиться, что лед вес танка не выдержит. Убедился: танк утонул. Картину с восхищением наблюдал офицер-пограничник А.П. Козлов: «Враг обстреливает район, но Ворошилов, наблюдая за полем боя, словно и не замечает близких разрывов. Убит стоявший неподалеку полковник. Даже и после этого маршал

не счел нужным уйти... На Ладого о Клименте Ефремовиче ходили легенды. Рассказывали, что еще в 1941 году, будучи командующим Ленинградским фронтом, Ворошилов, чтобы предотвратить отход отдельных наших пехотных подразделений на направлении главного удара немцев, бросился с группой офицеров наперерез отступавшим и тем самым восстановил положение, предотвратил прорыв фронта».

Что и говорить, храбрый был вояка. Приехал и грудью закрыл прорыв «на направлении главного удара». Непонятно только, кто фронтом руководил, пока «первый маршал» занимался такими интересными делами?

До Ворошилова действия Петрова «координировал» маршал Тимошенко, примерно таким же манером:

«— Прикройся от этой высоты дымовой завесой, — сразу же решил представитель Ставки Маршал Советского Союза С.К. Тимошенко, который прибыл на мой наблюдательный пункт и которому я докладывал свои соображения. — Вызови авиацию, они поставят думы, а ты в это время атакуй. Ну а сейчас поехали, посмотрим, как твое войско живет.

Противник с высоты своих позиций кое-где неплохо наблюдал наши коммуникации и, разумеется, не пропускал ни одной машины, чтобы не обстрелять ее из орудий или минометов... Ехали медленно, в нескольких местах немцы обстреляли нас из минометов, но ни Тимошенко, ни его водитель как будто не замечали этого... Эти несколько часов, пока я с маршалом ездил, потрачены были с большой пользой».

Так и катались по фронтам «китайские наблюдатели», давая советы, демонстрируя войскам безумную личную храбрость, а потом — в вагончик, слушать на ночь Гоголя в профессиональном исполнении холуев-полковников (вот и Соколовский сидит в 100 км от фронта с адъютантом-полковником. Непременно должен быть именно полковник, это подчеркивает твою значимость — видно, что ты большой начальник).

Получив подкрепление в лице «видного полководца сталинской школы», командующий Отдельной Приморской армией начал разрабатывать новый план. К этому времени на плацдарме скопились девять стрелковых дивизий, две морские, одна танковая бригады, тяжелая артиллерия.

Основная роль по-прежнему отводилась войскам 16-го стрелкового и 11-го гвардейского корпусов. На этот раз главный удар решили нанести на правом фланге плацдар-

ма, в обход «неприступного» поселка Булганак с севера. Для обеспечения успеха прорыва и захвата командных высот, которые трудно было штурмовать в лоб, по инициативе Ворошилова было намечено высадить на Азовское побережье в ближайшем тылу немецких войск в районе мыса Тархан тактический морской десант. План операции Ставка утвердила 22 декабря, на подготовку отвели 10 дней.

Для высадки азовцы собрали все исправные средства — около 40 тендеров, мотоботов, рыбацких сейнеров, несколько сторожевиков и бронекатеров. Основной десант состоял из 166-го гвардейского стрелкового полка, 143-го батальона морской пехоты и роты разведчиков под общим командованием подполковника Г.К. Главацкого общей численностью около 3000 бойцов и командиров. Численность вспомогательного десанта майора Н.Д. Алексеенко не превышала 700 человек. Ответственность за подготовку десантов, посадку на суда и обеспечение перехода по морю возложили на адмирала Холостякова, вступившего во временное командование Азовской флотилией. Высадка неоднократно откладывалась то из-за неготовности сухопутных войск, то по причине плохой погоды.

Как вспоминает Холостяков: «Впору было отменять ее и в ночь на 10 января: накануне над морем висел непроглядный туман, а теперь угрожал разыгаться шторм. Однако новая отсрочка считалась невозможной, приказ был категорическим, и десант пошел».

Посадка началась вечером 9 января 1944 года. От кордона Ильич, где суда принимали на борт войска, до мыса Тархана всего 15 миль, но на Азове снова поднимался шторм, из-за чего задерживались погрузка и выход в море. Когда десант к рассвету добрался до места высадки, сила шторма достигла пяти баллов. Снова захлестываемые волнами тонули и разбивались суда, снова матросы и солдаты бросались в прибой и с трудом выбирались на берег под огнем неприятельской артиллерии и ударами авиации. На главном направлении высадилось 1765 человек, на вспомогательном — 374. Снова, сражаясь с врагом и со стихией, десантники выполнили задачу, овладев грядой высот в тылу противника.

И снова — все без толку. Атака армии с фронта захлебнулась. Части 11-го гвардейского стрелкового корпуса за сутки сумели продвинуться на 1—2 км, но соединиться с отрядом Главацкого не смогли. К исходу второго дня, не по-

лучая помощи и израсходовав боеприпасы, десантники по приказу Петрова сами прорвались к главным силам. Корпус без всякого результата бился о немецкую оборону до конца января, за сутки боя удавалось продвинуться максимум на 200—300 метров. От артиллерийского огня погибли половина офицеров штаба, в том числе командир корпуса.

Тогда триумvirат — Ворошилов, Петров, Штеменко — принял решение, не прекращая атак по всему фронту, основные усилия перенести на левый фланг армии. Главный удар теперь должен был наносить 16-й стрелковый корпус, обходя Булганакский укрепленный район с юга. И конечно — морской десант, который планировалось высадить прямо в Керченский порт. В первом эшелоне шли 369-й и 393-й батальоны морской пехоты, во втором — планировался полк 339-й стрелковой дивизии. Набор задач — стандартный: зацепиться, закрепиться, отвлечь на себя, держаться до подхода основных сил.

В ночь с 22 на 23 января Азовская флотилия, уж невозможно и представить на чем, успешно высадилась в черте города морских пехотинцев. Одновременно поднялись в атаку дивизии Провалова. Эта совместная операция армии и флота оказалась самой короткой: батальоны в ночном бою потеряли друг друга и действовали вразнобой, полк второго эшелона так и не дождался посадки на суда, части 16-го стрелкового корпуса прорвать оборону не смогли, хотя массированно применили тяжелые огнеметы...

«...несмотря на настойчивость и упорство Приморской армии, — пишет Василевский, — действия ее войск не только не дали желаемых результатов, но и привели к значительным и неоправданным потерям, а потому вызвали беспокойство в Ставке. Верховный Главнокомандующий в разговоре со мной по телефону неоднократно выражал недовольство руководством боевыми действиями Приморской армии».

Люди у Петрова закончились, полки по численности сравнялись с батальонами, а батальоны были меньше роты. 28 января генерал Петров вынужден был остановить наступление.

Чтобы оправдать свое фиаско, наши мемуаристы придумали версию о том, что своими активными действиями и «массовым героизмом» Приморская армия приковала к себе семь дивизий противника, причем называются номера

частей, которые и вовсе в Крыму никогда не бывали. Кроме того, как сообщает маршал Еременко, в тылах 17-й армии настолько активизировались партизаны, что против них пришлось бросить две дивизии румынского горнострелкового корпуса. Интересно, с кем же сражалась в это время на Перекопе 51-я армия Крейзера и кто окружил в районе Армянской 19-й танковый корпус, если всего в Крыму имелось десять дивизий противника?

Оптимизм наших полководцев в оценке самых неудачных своих действий неизменно однообразен: «Несмотря на отсутствие территориальных успехов со стороны советских войск, враг понес огромный урон...»

Как писал начинающий поэт: «Пусть пушка взорвана, она еще стреляет...»

В начале февраля генерал Петров предпринял еще одну попытку вырваться с плацдарма на оперативный простор, но к этому времени на Керченском полуострове появилась 73-я пехотная дивизия.

7 февраля в командование Отдельной Приморской армией вступил генерал армии А.И. Еременко. Петров с формулировкой «за самоустранение от проведения боевой операции» был понижен в звании до генерал-полковника и выведен в резерв Ставки.

В первых числах февраля, когда велись бои за никопольский плацдарм, маршал Василевский представил свои соображения по организации наступления в Крыму, считая возможным начать наступление 18—19 февраля. Однако Верховное Главнокомандование приняло решение провести его после того, как будет очищено от противника нижнее течение Днепра до Херсона и войска Толбухина освободятся для решения других задач. 17 февраля Ставка в связи с разгромом никопольской группировки противника приказала начать наступление в Крыму не позднее 1 марта независимо от хода других операций. Но из-за ненастной погоды и сильных штормов на Азовском море, задерживавших перегруппировку войск фронта и их переправу через Сиваш, операцию пришлось отложить. 16 марта Сталин приказал начать ее после овладения районом Николаева и выдвижения советских войск к Одессе.

В окончательном варианте замысел операции заключался в том, чтобы одновременными ударами войск 4-го Украинского фронта с севера, от Перекопа и Сиваша, и От-

дельной Приморской армии с востока, из района Керчи, в общем направлении на Симферополь—Севастополь расчленил вражеские войска и полностью уничтожил группировку противника.

Решающая роль отводилась 4-му Украинскому фронту. Главный удар планировалось нанести с плацдарма на южном берегу Сиваша силами 51-й армии (10 стрелковых дивизий, 78-й УР, 32-я гвардейская танковая бригада) и 19-го танкового корпуса. Плацдарм снабжался по двум переправам, находящимся под постоянным артиллерийским и авиационным воздействием противника, организация наступления отсюда представляла большие трудности. Из-за частых штормов армия Крейзера регулярно оказывалась отрезанной от своих тылов. Однако так же думали и немцы, а значит, при соблюдении всех мер скрытности, должен был сработать фактор внезапности. К тому же удар со стороны Сиваша выводил советские войска в тыл всем укреплениям противника на Перекопе и позволял быстро вырваться на оперативный простор. Овладение Джанкоем открывало свободу действий в сторону Симферополя и Керченского полуострова. Вспомогательный удар наносился 2-й гвардейской армией генерал-лейтенанта Г.Ф. Захарова (8 стрелковых дивизий, 116-й УР) на Перекопском перешейке. Отдельная Приморская армия (12 стрелковых дивизий, 2 морские бригады, 63-я танковая бригада) должна была прорвать оборону севернее Керчи и развивать удар в направлении Симферополь—Севастополь, а частью сил — вдоль южного берега Крымского полуострова. На керченском направлении наступление предполагалось начать через 2—3 дня после начала Перекопской операции.

На Черноморский флот возлагалась задача блокировать Крым, наносить удары по коммуникациям противника, действовать войскам на приморских флангах. 1-я бригада торпедных катеров из Анапы и 2-я бригада из Скадовска должны были уничтожать неприятельские суда на ближних подступах к Севастополю и непосредственно в портах; бригада подводных лодок — на дальних подступах и авиация — на всем протяжении коммуникаций противника. Всего для этих целей выделялось 12 подводных лодок, причем предписывалось постоянно иметь на подходах к неприятельским портам не менее 7, 31 торпедный катер и 430 из 650 самолетов морской авиации.

В ходе планирования возникла была идея одновременно с наступлением Отдельной Приморской армии высадить оперативные морские десанты силою до четырех дивизий и двух отдельных батальонов морской пехоты на северный и южный берег Керченского полуострова. Но по зрелом размышлении, изучив обстановку на театре и состояние флота, Еременко от этой затеи отказался: «Анализ опыта высадки десантов в Феодосии и Керчи в 1941 и 1942 гг. подсказывал, что успех операции требовал наличия сильного, быстроходного военно-морского флота, надежного воздушного прикрытия и внезапности действий. Всего этого мы не имели». Поэтому Азовская флотилия получила задачу обеспечивать перевозки через Керченский пролив.

Координацию действий всех привлекаемых к операции сил осуществлял представитель Ставки маршал Василевский. Представителем Ставки в Отдельной Приморской армии оставался маршал Ворошилов.

Подготовка происходила в исключительно сложных условиях. В распутицу при бездорожье в район предстоящих боевых действий перебрасывалась 2-я гвардейская армия, сосредоточивались крупные силы артиллерии и бронетанковых войск. Через Сиваш на плацдарм соединения и части переправлялись по двум построенным саперами двухкилометровым дамбам и мостам, поддержать которые в работоспособном состоянии удавалось лишь благодаря поистине титаническим усилиям: «Переправы были одной из главных целей авиации и даже артиллерии противника... Автотранспорта не хватало, чтобы подвезти грунт для подсыпки дамбы. Приходилось издалека подвозить пиломатериалы. Трудности усугублялись тем, что дорог с твердым покрытием в районе не было. Глинистая почва, насыщенная солью, размокла. Грязь засасывала любой транспорт... Обстоятельства вынудили создать не предусмотренную никакими штатами и долгосрочными прогнозами «службу проталкивания машин». Задача этой доморощенной организации состояла в том, чтобы вывозить из грязевого плена транспортные средства. Приказом по корпусу для этих целей выделялись от частей дежурные тракторы и люди. В особо ненастные дни количество бойцов «службы проталкивания» доходило до тысячи человек. Только так удавалось подвозить землю, бревна и доски к переправам, доставлять продовольствие и горючее, боеприпасы войскам, эвакуировать с плацдарма

раненых и заболевших. Бойцы работали, покрытые с головы до пят соленой грязью. Сменившись с дежурства, они подчас не могли ни помыться, ни обсушиться». Исключительно сложной являлась переброска на плацдарм с соблюдением тщательных мер скрытности и маскировки танкового корпуса генерал-лейтенанта И.Д. Васильева, осуществленная с 13 по 25 марта.

К началу операции в составе советских войск насчитывалось 30 стрелковых дивизий, танковый корпус, 2 укрепленных района, 2 стрелковые, 3 танковые бригады, 4 отдельных танковых полка — 470 000 человек, 5982 орудия и миномета, 559 танков и САУ. Плотность артиллерии на участках прорыва была доведена до 150—160, а на Перекопе — до 200 стволов на километр.

В 4-й и 8-й воздушных армиях, поддерживавших сухопутные войска, имелось 1250 самолетов.

Блокированная в Крыму 17-я немецкая армия, которой командовал генерал-полковник Эрвин Енеке, имела приказ удерживать Крым во что бы то ни стало, хотя с выходом советских войск к Карпатам политические мотивы Гитлера утратили всякое значение. В феврале—марте армия получила две пехотные дивизии, перебросенные морем и по воздуху, и к началу апреля 1944 года имела в своем составе пять немецких, семь румынских дивизий, две бригады штурмовых орудий, большое количество артиллерийских, инженерных, строительных, охранных и полицейских частей. Армия насчитывала в своем составе 195 000 человек, 3600 орудий и минометов, 215 танков и штурмовых орудий. Ее поддерживали 148 самолетов 1-го авиационного корпуса генерала Дихмана, базировавшихся в Крыму, и авиация с аэродромов в Румынии.

Основные силы — 49-й горнострелковый корпус генерала Конрада (50, 111 и 336-я пехотные дивизии, 279-я бригада штурмовых орудий), 3-й румынский кавалерийский корпус (9-я кавалерийская, 10-я и 19-я пехотные дивизии) — оборонялись в северной части Крыма. Штабы корпусов находились в Джанкое.

На Керченском полуострове действовал 5-й армейский корпус генерала Альмендингера (73-я и 98-я пехотные дивизии и 191-я бригада штурмовых орудий), 6-я кавалерийская и 3-я горнострелковая дивизия румын.

Южное побережье Крыма от Феодосии до Севастополя

прикрывал 1-й румынский горнострелковый корпус (1-я и 2-я горнострелковые дивизии), западное — от Севастополя до Перекопа — два полка 9-й румынской кавалерийской дивизии.

Штабы 17-й армии и 1-го горнострелкового корпуса румын находились в Симферополе.

На Перекопском перешейке на глубину до 35 км были оборудованы три полосы обороны: Турецкий вал, Ишуньские позиции и рубеж по реке Чатырлык. Хотя основу немецкой обороны составляли советские позиции, оборудованные в 1941 году, никакой информацией о них наше командование не обладало. Ее приходилось добывать по крупицам всеми видами разведки. Как вспоминает начальник артиллерии 2-й гвардейской армии генерал И.С. Стрельбицкий: «Артиллерийским огнем вскрыта маскировка 12 дотов. Эти доты отчетливо видны. Однако амбразуры не просматриваются, так как построены с расчетом на фланговый огонь. Как много потрачено усилий и средств только на обнаружение этих дотов! А ведь мы бы могли иметь исчерпывающие данные о всех укреплениях, так как 8 дотов построены нашими войсками в 1941 году. Гитлеровцы захватили их, исправили, вооружили своими пулеметами и теперь подготовили для борьбы с нами. Казалось, должны где-то сохраниться чертежи их, координаты точек стояния с описанием секторов огня. Однако, к большому сожалению, все попытки найти эту важную документацию не увенчались успехом... Поэтому и пришлось нам теперь специально вскрывать гитлеровскую маскировку, израсходовав на это очень много гаубичных снарядов». Оборону непосредственно на перешейке держала 50-я пехотная дивизия генерал-майора Сикста, усиленная отдельными немецкими и румынскими частями, при 400 орудиях и минометах.

Перед плацдармами советских войск на южном берегу Сиваша противник в узких межозерных дефиле оборудовал две-три полосы. На Керченском полуострове на всю его 70-километровую глубину были построены четыре оборонительные полосы.

В оперативной глубине готовилась оборона на рубеже Саки, Сарабуз, Карасубазар, Старый Крым, Феодосия.

С момента сухопутной изоляции жизненно важное значение для немецко-румынской группировки приобрели морские коммуникации с Одессой и портами Румынии.

Резко возросла интенсивность движения на трассе Севастополь—Констанца. Если в феврале здесь прошли 20 конвоев, то в марте — 44, а в апреле — 141. Их охрану обеспечивали германские легкие силы — 13 торпедных катеров, 30 охотников, 17 катеров-тральщиков, а также авиация. Румынский флот выделил четыре эсминца и три канонерские лодки. Кроме них, большую роль сыграли около 80 самоходных десантных барж и паромов, решавшие на театре широкий круг задач. Немцы в этот период по-прежнему господствовали на море, а рапорты советских подводников о десятках потопленных судов не производили на них никакого впечатления.

Одновременно с подготовкой к обороне полуострова штаб 17-й армии разрабатывал и план эвакуационных мероприятий под кодовым названием «Рудербот» (позднее — «Адлер»). В приказе Енеке, датированном 14 марта, говорилось: «Соотношение сил в Крыму в настоящий момент вынуждает командование подготовить эвакуацию Крыма морским и воздушным путем». Основная идея состояла в том, чтобы, используя многочисленные отсечные позиции, в течение шести-семи дней отвести войска в Севастопольский укрепленный район и в течение трех недель вывезти их морем.

Войска 4-го Украинского фронта начали наступление в 10.30 утра 8 апреля. Перед этим за пять суток тяжелая артиллерия разрушила значительную часть долговременных сооружений противника. Атаке предшествовала почти трехчасовая артиллерийская подготовка, проведенная по сложному и оригинальному графику. Сначала в течение 80 минут велся интенсивный огонь на уничтожение обнаруженных разведкой и наблюдением целей, затем был произведен мощный пятиминутный огневой удар по переднему краю из полутора тысяч стволов. На 86-й минуте артиллеристы произвели ложный перенос огня в глубину. Когда немецкая пехота выбралась из блиндажей в окопы для отражения предстоящей атаки, а их батареи открыли заградительный огонь, советская артиллерия вновь нанесла удар по переднему краю, а специально выделенные 50 батарей накрыли действующие огневые позиции противника. Затем огонь вновь был перенесен в глубину, а пехотинцы с криками «ура» подняли над окопами полторы тысячи чучел в касках, имитируя начало атаки. Немцы снова выскочили

из блиндажей, готовясь ее отразить, но вместо атаки снова получили на головы сотни тонн металла. Наконец, вслед за перемещающимся огневым валом двинулись вперед стрелковые цепи.

Несмотря на это, прорыв развивался медленно. Значительная часть огневых средств, будучи хорошо укрытой, ожила. Хорошо укрепившийся противник оказывал ожесточенное сопротивление. Более половины советских танков сопровождения и самоходных установок подорвались на минных полях.

В полосе 51-й армии войска 1-го гвардейского стрелкового корпуса, наносившие главный удар, овладели лишь первой и местами второй траншеей. Более успешно действовал на «второстепенном» направлении и потому получивший меньше всех средств усиления 63-й стрелковый корпус генерала Кошевого, выбивший противника из всех трех траншей первой оборонительной позиции.

Результаты первого дня операции позволили выявить участки наиболее сильного сопротивления. Оценив обстановку, Толбухин дал указание усилить 63-й корпус, против которого действовала менее устойчивая, чем немецкие войска, 10-я румынская пехотная дивизия, 32-й гвардейской танковой бригадой, а также сосредоточить здесь основные усилия 2-й гвардейской артиллерийской дивизии прорыва 8-й воздушной армии.

В 11 часов 9 апреля после часовой артиллерийской подготовки войска 51-й армии возобновили наступление. Корпус Кошевого, отбив контратаки пехотного полка 111-й дивизии и 279-й бригады штурмовых орудий, введенных из резерва, продвинулся еще от 4 до 7 км. В итоге первых двух дней успех еще более обозначился в полосе 63-го стрелкового корпуса. Сюда командующий фронтом приказал дополнительно перебросить бригаду реактивной артиллерии М-31, а также подтянуть из резерва армии стрелковую дивизию. 10 апреля ударом пяти дивизий войска Кошевого выбили противника из межозерного дефиле, создав условия для ввода в прорыв 19-го танкового корпуса.

Напряженные бои шли в это время и на Перекопском перешейке. В течение первого дня дивизии 2-й гвардейской армии прорвали оборону на глубину до 3 км и овладели Армянском. Для развития успеха в ночь на 9 апреля начала вводиться 87-я гвардейская стрелковая дивизия.

К концу второго дня операции войска генерала Захарова полностью прорвали первую оборонительную полосу. Противник был вынужден начать отход на Ишуньские позиции. Успеху наступления войск 2-й гвардейской армии в значительной мере способствовали решительные действия армии Крейзера, а также высадка в тылу противника десанта в составе усиленного стрелкового батальона — 512 человек, 2 орудия, 6 минометов.

Утром 11 апреля 63-й стрелковый и 19-й танковый корпуса перешли в наступление. Они разгромили основные силы противостоящего противника и начали быстро продвигаться к Джанкою.

Успешное продвижение 51-й армии создало благоприятные условия для прорыва Ишуньских позиций, поскольку войска Крейзера частью сил выходили им в глубокий тыл. Однако 2-й гвардейской армии пришлось приложить большие усилия для разгрома врага на этих позициях. С этой целью части 87-й гвардейской стрелковой дивизии перед рассветом 12 апреля перешли вброд Каркинитский залив и к 6 часам утра ударили в тыл противнику в 1,5 км юго-западнее Красноперекопска. В это же время части 126-й стрелковой дивизии внезапно перешли вброд озеро Старое и в 6 часов утра овладели Красноперекопском. Другие соединения армии атаковали с фронта.

Прорыв советских корпусов в сторону Джанкоя предрешил участь и тех частей противника, которые еще удерживали позиции на Чонгарском полуострове. Действовавшие здесь части 19-й пехотной румынской дивизии были вынуждены начать поспешное отступление, которое вскоре превратилось в бегство.

К вечеру 11 апреля после ожесточенного боя Джанкой был взят. С овладением этим городом оборона противника в северной части Крыма рухнула окончательно. Немцы поспешно отступали к «линии Гнейзенау» в районе Симферополя.

Войска 4-го Украинского фронта перешли к преследованию: 2-я гвардейская армия — по западному берегу на Евпаторию, а 51-я и 19-й танковый корпус — в центральной части полуострова в общем направлении на Симферополь.

Выход советских войск в район Джанкоя поставил под угрозу пути отхода керченской группировки противника и тем создал благоприятные условия для наступления От-

дельной Приморской армии. Опасаясь окружения, противник решил отвести войска с Керченского полуострова, но обеспечить скрытность не сумел. «Еременко сразу понял, что происходит. Известили не разведчики, а сами занервничавшие и зачастую уже недисциплинированные соединения. Некоторые румынские части, подразделения немецких Люфтваффе и Военно-морского флота пренебрегли приказами по сохранению секретности. Вместо соблюдения радиомолчания начались бесконечные переговоры. Румыны, а также немецкие морские артиллеристы бросились «использовать» свои боеприпасы, которые не могли забрать с собой; поджигали казармы и наблюдательные вышки, волокли фугасы на аэродром в Багерово. Штабы и командиры с яростью наблюдали за этим опасным разгулом, но справиться с ним не могли. В результате русские были предупреждены об отступлении фактически до того, как оно началось».

Обнаружив приготовления к отходу, армия Еременко в ночь на 11 апреля перешла в решительное наступление. Главные ее силы обошли с севера Керчь, а 16-й стрелковый корпус после тяжелых уличных боев к утру освободил город.

11 апреля развернулось преследование противника по всем направлениям. Казалось, немцам уже некуда деваться, сложившуюся ситуацию красноармейцы окрестили «фрицеловкой». Румыны действительно предпочитали сдаваться в плен. Немцы стягивались к Севастополю. Германское командование стремилось силами наиболее устойчивых частей прикрыть отход войск и эвакуацию военного имущества. Здесь опять повторяется интересная закономерность: когда советские войска не могут прорвать оборону противника, генералы красочно рассказывают о десятках вражеских танков, которые контратакуют и героически уничтожаются прямо возле их командных пунктов. Но вот все рубежи преодолены, враг бежит, а танки его как будто испаряются, их нет среди скрупулезно подсчитанных трофеев.

2-я гвардейская армия, завершив прорыв Ишуньских позиций, утром 12 апреля вышла к оборонительному рубежу по реке Чатырлык и к 12 часам преодолела его. Сутки спустя подвижные отряды 13-го гвардейского стрелкового корпуса освободили Евпаторию, Саки, затем Ак-Мечеть, очистив западную часть Крыма. Два других корпуса — 54-й

и 55-й — продолжали преследование и 15 апреля вышли на рубеж реки Бельбек, где встретили упорное сопротивление противника, занявшего оборону на подступах к Севастополю.

51-я армия вместе с 19-м танковым корпусом вела преследование вдоль шоссе и железной дороги Джанкой—Симферополь—Бахчисарай. Танкистам были приданы два стрелковых полка, посаженных на 120 автомашин. 13 апреля они освободили главный город и важнейший узел коммуникаций полуострова — Симферополь. 14 апреля 79-я танковая бригада ворвалась в Бахчисарай, а 202-я танковая бригада выбила противника из Качи и соединилась с частями армии Захарова. На следующий день подразделения танкового корпуса вышли к реке Бельбек восточнее Мекензия.

Части Отдельной Приморской армии 12 апреля прорвали оборону противника на Ак-Монайских позициях, и уже к ночи подвижная группа 16-го стрелкового корпуса вышла к Феодосии и, обойдя город с севера, овладела им. Наконец армия Еременко вышла из узкой горловины Керченского полуострова на степные просторы Крыма. Части 11-го гвардейского и 3-го горнострелкового корпусов командарм направил на Старый Крым, Карасубазар. 16-й стрелковый корпус получил задачу наступать по Приморскому шоссе.

13 апреля в районе Карасубазара произошло соединение войск Отдельной Приморской армии и 4-го Украинского фронта. Корпус Провалова, двигаясь вдоль Черноморского побережья, 14 апреля освободил Судак, 15-го — Алушту и Ялту. Однако 73-я и 98-я пехотная дивизии противника сумели ускользнуть.

В ходе оборонительных боев и поспешного отступления немецкие потери составили 13 131 человек, румынские — 17 652.

15—16 апреля войска 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской армии вышли на подступы к Севастополю, где были остановлены организованной обороной противника на внешнем обводе Севастопольского оборонительного района. Василевский и Толбухин не теряли надежды взять город с ходу и сорвать начавшуюся эвакуацию немецких войск. Однако предпринятые 19 и 23 апреля попытки были сорваны упорным сопротивлением противника, продвижение стрелковых дивизий составило 100—150 метров в сутки; танковый корпус ввиду обилия минных полей вообще не удалось ввести в бой. Несмотря на острое недовольство Ста-

лина промедлением с ликвидацией крымской группировки, пришлось начать тщательную подготовку к штурму сильно укрепленного рубежа.

ШТУРМ СЕВАСТОПОЛЯ

После прорыва советских войск в глубь Крымского полуострова командование 17-й немецкой армии и группы армий «Южная Украина» пришло к заключению о неизбежности полной эвакуации войск из Крыма: боеспособность немецких соединений значительно снизилась, румынские части находились на грани расформирования. Собственно, эвакуация началась еще 12 апреля. В первую очередь вывозились тыловые службы, транспортные части, солдаты Восточного легиона, военнопленные и гражданские. К 20 апреля удалось эвакуировать 67 000 человек — в среднем 7000 в день. Соединения 1-го авиакорпуса еще базировались внутри укрепленного района и обеспечивали надежное прикрытие с воздуха. Действия советской авиации в этот период немцы характеризуют как «сверхосторожные» и не наносившие особого урона. «Еще более важным являлся тот факт, что весь апрель и советский Черноморский флот не смог нанести ни одного значительного удара по немецким конвоям. Операции его подводных лодок были слабыми, в них никогда не участвовало более пяти-восьми лодок одновременно, что не позволяло достичь успеха, вследствие героических действий немецких противолодочных сил. Советские торпедные катера атаковали только ночью и не добивались результата. Главные силы советского Черноморского флота продолжали стоять в своих потайных местах. В результате прекрасно оборудованный порт Севастополь можно было использовать с максимальной нагрузкой. Все выглядело обнадеживающе».

Но Гитлер не согласился с решением штаба 17-й армии и категорически потребовал удерживать «последнюю крепость готов», оставив на полуострове всех, кто способен сражаться. Он снова исходил прежде всего из политических соображений: «Для того чтобы вести войну, мне прежде всего нужны две вещи — румынская нефть и турецкий хром. Если я сдам Крым, потеряем и то и другое». Кроме того, фюрер считал, что в случае эвакуации морем можно было спасти лишь разрозненные соединения, тогда как высвобо-

дивившиеся крупные силы советских войск были бы использованы через короткое время на других участках фронта. Перед войсками, оставленными в Севастополе, была поставлена задача: сковывать силы противника и нанести ему как можно большие потери. 24 апреля эвакуация была прекращена. Из Румынии морем и по воздуху было подвезено около 6000 немецких солдат и офицеров. На место генерала Енеке, не верившего в возможность удержания Севастополя, 1 мая фюрер назначил командира 5-го армейского корпуса генерала Альмендингера. Генерала Конрада на должности командира 49-го горнострелкового корпуса сменил генерал Гартман по кличке Железный Густав.

Для обороны была использована мощная система укреплений на подступах к городу, состоявшая из трех полос. Наиболее сильными узлами сопротивления являлись Мекензиевы Горы, Сахарная Головка и особенно Сапун-гора, запиравшие все подступы к Севастополю и господствовавшие над окружающей местностью. В частности, на Сапун-горе имелось шесть линий траншей, прикрытых противопехотными и противотанковыми заграждениями в несколько рядов.

17-я армия имела в своем составе остатки пяти немецких и трех румынских дивизий. По данным штаба 4-го Украинского фронта, она насчитывала 72 000 солдат и офицеров, около 1830 орудий и минометов, 50 танков и штурмовых орудий и до 100 боевых самолетов. Тяжелую артиллерию сохранил только 49-й корпус.

Все советские войска, вышедшие к Севастополю, 18 апреля были объединены под единым командованием. Отдельная Приморская армия была преобразована в Приморскую армию и включена в состав 4-го Украинского фронта. Командармом ее был назначен генерал-лейтенант К.С. Мельник. Фронт имел 253 000 человек, 5333 орудия и миномета, 106 танков и САУ.

В соответствии с планом, утвержденным маршалом Василевским, главный удар наносился левым флангом 51-й, правым флангом и центром Приморской армии на участке Сапун-гора, высоты севернее Карани. Удар в этом районе позволял использовать танковые войска, поскольку местность здесь носила менее пересеченный характер. Разгром врага на Сапун-горе при всей трудности ее штурма сразу

давал нашим войскам решающее преимущество: оборона противника теряла свою устойчивость.

Вспомогательный удар наносился в полосе 2-й гвардейской армии. При этом с целью отвлечения внимания противника этот удар намечалось начать на двое суток раньше главного. Армия Захарова должна была прорвать оборону в районе юго-восточнее Бельбека и нанести удар в направлении Мекензиевы Горы — восточный берег Северной бухты, прижать противника к морю и уничтожить его. Затем форсировать Северную бухту и овладеть восточной частью Севастополя.

8-й воздушной армии, имевшей 1023 самолета, ставилась задача сосредоточить большую часть сил сначала в полосе 2-й гвардейской, а потом в полосе левого фланга 51-й и Приморской армий. Для ударов по обороне противника привлекались также 2, 3 и 4-й гвардейские бомбардировочные корпуса и 50-я бомбардировочная дивизия 6-го бомбардировочного корпуса дальнего действия. Всего они имели 567 самолетов.

На направлениях главного удара плотности достигали 200—258 орудий и минометов на один километр участка прорыва, а во 2-й гвардейской армии — 180. (Манштейн, готовясь к штурму Севастополя в июне 1942 года, гордился, что сумел сосредоточить до 110 стволов на километр прорыва — «немцы никогда не достигали такого массивного применения артиллерии».)

В подготовительный период советский «бог войны» методически разрушал долговременные оборонительные сооружения, которые и без того были разрушены и немцами не восстанавливались. Массивные удары наносила авиация. По мере приближения дня штурма сила огневых ударов непрерывно нарастала. В последние шесть суток была проведена предварительная авиационная подготовка наступления, в ходе которой на противника обрушилось свыше 2000 тонн осколочных и фугасных и около 24 000 противотанковых бомб.

Черноморский флот получил задачу силами авиации и боевых кораблей блокировать группировку противника с моря, уничтожать его плавсредства в порту, бухтах и на переходах морем. С целью лучшего управления 15 апреля была сформирована Севастопольская военно-морская база с временным пребыванием ее в Ялте. В нее вошли 1-я и 2-я

бригады торпедных катеров. Флот в отличие от армии не мог похвастать особыми успехами.

Гитлер не зря снял с поста генерала Енеке: операция «Адлер» развивалась полным ходом, и развивалась успешно. В эвакуации приняли участие 13 относительно крупных и 6 малых транспортов, 2 румынских вспомогательных судна, немецкие самоходные баржи и силы охранения — в общей сложности около 170 кораблей и судов. С 10 апреля по 4 мая 37 конвоев вывезли из Крыма 92 000 военнослужащих, около 11 000 гражданских лиц и 3800 военнопленных. Еще 21 конвой доставил в Севастополь боеприпасы, горючее и продовольствие. В результате 31 атаки советских самолетов, 12 атак подводных лодок и 2 атак торпедных катеров из состава конвоев были потоплены танкер «Оссар», лихтер «Лео», 2 буксира и катер-охотник. Еще 3 транспорта и одна БДБ получили повреждения. Общие потери противника в людях составили 850 человек. За те же 20 дней советская морская авиация потеряла 59 самолетов, на базу не вернулась подводная лодка Л-6.

До последних дней «экспресс Севастополь — Констанца» работал бесперебойно, Черноморскому флоту так и не удалось прервать морские сообщения противника.

В 10 часов 5 мая артиллерия 2-й гвардейской армии открыла огонь. Два часа она громила оборону противника. Авиация нанесла бомбардировочные и штурмовые удары по объектам, не досягаемым для артиллерии. В это же время 51-я и Приморская армии в своих полосах действиями отдельных отрядов демонстрировали атаку.

В 12 часов дня войска Захарова пятью стрелковыми дивизиями перешли в наступление против 336-й саксонской дивизии генерала Хагемана и к 19 часам захватили вторую траншею, продвинувшись до 1—2 км. Бои носили очень упорный характер. Командарм решил с утра следующего дня ввести в бой вторые эшелоны корпусов и развивать наступление. Утром 6 мая войска армии возобновили атаку. Встречая организованное сопротивление, они к исходу дня лишь местами смогли продвинуться до одного километра.

Наступление 2-й гвардейской армии, несмотря на ограниченный успех, приковало внимание противника к этому участку. Генерал Альмендингер поверил, что главный удар наносится с севера, и перебросил сюда часть сил и большое количество зенитной артиллерии.

7 мая в 10.30 на участке Сапун-гора—Карань после полуторачасовой артподготовки при поддержке всей авиации фронта штурм Севастопольского укрепленного района начали левофланговые соединения 51-й и Приморской армий. С первых же минут завязались кровопролитные бои. Особенно тяжелыми они были в районе Сапун-горы, которую атаковали шесть дивизий.

Однако к вечеру ключ к обороне города был в советских руках, все попытки немцев отбить высоту были тщетны. Корпуса Приморской армии в этот день почти не продвинулись. Советское командование немедленно использовало благоприятные возможности для наращивания усилий в районе Сапун-горы. В течение ночи сюда был выдвинут 10-й стрелковый корпус генерала Г.П. Неверова.

В полосе 2-й гвардейской армии сумела продвинуться вперед 347-я стрелковая дивизия, создав благоприятные условия для развития удара в направлении Мекензиевых Гор. Поэтому Захаров дал указание в ночь на 8 мая перебросить часть сил 13-го гвардейского корпуса к правому флангу 55-го стрелкового корпуса.

К 3 часам перегруппировка завершилась, и передовые отряды начали немедленное наступление, а в 7 часов атаковали и главные силы. К исходу дня Мекензиевы Горы были взяты, и войска 2-й гвардейской достигли Северной бухты. Северная группировка противника в составе 50-й немецкой пехотной и 2-й горнострелковой дивизии румын была отсечена от своих главных сил и прижата к морю.

В полосе 51-й армии противник был оттеснен к внутреннему обводу Севастополя.

Войска Приморской армии в этот день на правом фланге силами 11-го гвардейского стрелкового корпуса также вышли к внутреннему обводу, а на левом фланге 3-й горнострелковый и 16-й стрелковый корпуса продвинулись от 2 до 6 км, завершив прорыв главной полосы обороны, овладев населенным пунктом Карань. Создались благоприятные условия для развития удара в направлении мыса Херсонес. В связи с этим по указанию командующего фронтом 19-й танковый корпус в ночь на 9 мая выводился в исходный район с задачей войти в сражение в полосе 3-го горнострелкового корпуса и развивать удар в направлении Камышевой бухты.

Поздним вечером 8 мая, получив от генерала Шернера

доклад о том, что дальнейшая оборона Севастополя невозможна, Гитлер дал согласие на отступление на Херсонесские позиции и эвакуацию 17-й армии.

Начался заключительный этап борьбы. В ночь на 9 мая авиация дальнего действия нанесла удары по кораблям и транспортам противника в бухтах Северной, Камышевой, Казачьей и Стрелецкой, а также по аэродрому на мысе Херсонес. Самолеты 8-й воздушной армии ночью и утром бомбардировали и штурмовали войска, технику и узлы сопротивления.

Противник продолжал упорно сопротивляться уже не с целью удержания Севастополя, а для того, чтобы обеспечить более или менее планомерную эвакуацию войск.

2-я гвардейская армия в ночь на 9 мая силами стрелкового полка от каждой дивизии продолжала наступление, не позволяя северной группировке противника ни опомниться, ни привести свои части в порядок. В эту ночь в районе Северной косы был высажен десантный отряд в составе стрелкового батальона 387-й дивизии, который сыграл важную роль в овладении северной стороной Севастополя.

Выход советских войск на побережье Северной бухты на всем ее протяжении имел чрезвычайно важное значение. Тылы неприятельской группировки, оборонявшейся в Севастополе, сразу оказались под угрозой. Артиллерия 2-й гвардейской армии прямой наводкой била по огневым средствам, живой силе и транспортам противника в районе Южной бухты, а также в бухте Стрелецкой.

Под прикрытием огня более чем 600 орудий дивизии Захарова начали форсировать Северную бухту. В дело шло все, даже гробы: «Немцы много гробов заготовили. Вот и пустим их в дело... Прошли минута, две, и вот на волнах закачались гробы с облепившими их солдатами». Водная гладь бухты напоминала холст Босха: перемешались люди, гробы и лошадиные трупы.

«В соответствии с приказом на эвакуацию всех лошадей застрелили и сбросили в море. Они стояли в очереди, терпеливо ожидая, когда придет их час. Бухта была забита тысячами лошадиных трупов. Волны покачивали их вверх и вниз.... Румыны сочли, что слишком долго убивать каждого старого друга в отдельности, поэтому они пригнали животных к обрыву и стреляли из пулеметов. Несколько часов подряд».

Армия Крейзера также продолжала наступление ночью на 9 мая специально выделенными полками, а с утра — главными силами. Соединения 1-го гвардейского стрелкового корпуса овладели Корабельной слободой, а 63-й и 10-й стрелковые корпуса к 15 часам ворвались в юго-западную часть города.

К исходу 9 мая город Севастополь был полностью освобожден советскими войсками, причем, судя по всему, город противник оставил беспрепятственно. Вот что вспоминает полковник М.И. Новичихин, бывший сотрудник разведотдела 10-го стрелкового корпуса:

«Мы вошли в Севастополь. И тут немцы осуществили такую провокацию: они распространили дезинформацию, что война окончена. Началось братание, стрельба в воздух из боевого и личного оружия. Артиллеристы расстреляли весь боекомплект, а кто стрелял из личного оружия — все патроны. Органы СМЕРШ пытались прояснить обстановку, но это удалось не сразу».

Войска Приморской армии главными силами вместе с 19-м танковым корпусом, введенным в сражение утром 9 мая, развивали наступление в направлении мыса Херсонес, куда отходили остатки 17-й армии.

На заранее подготовленном рубеже, прикрывавшем мыс Херсонес, противник оказал отчаянное сопротивление. Здесь он сосредоточил наиболее стойкие части из остатков немецких дивизий и всю наличную артиллерию — всего около 30 000 офицеров и солдат. По немецким данным, на полуострове находилось 50 000 человек. Основную оборонительную линию составляла непрерывная траншея с многочисленными ходами сообщения. Были возведены бетонные блиндажи, сосредоточены запасы боеприпасов, продовольствия и воды. Однако последний немецкий аэродром теперь полностью накрывался советской артиллерией, и самолеты Дихмана были вынуждены покинуть Крым. Торпедные катера по ночам вывозили личный состав. Общую погрузку армии планировалось осуществить в ночь с 10 на 11 мая, для чего выделялось более 190 немецких и румынских кораблей и судов. Однако поднявшийся шторм остановил начавшее движение к Крыму конвой, маломореходным судам пришлось вернуться, а эвакуацию отложить на сутки.

Попытки Приморской армии прорвать рубеж с ходу успеха не имели. Для нового штурма пришлось перегрупп-

пировать войска 51-й армии, освободившие Севастополь, в частности, 10-й стрелковый корпус. Впрочем, атаки при этом не прекращались.

Пока наземные соединения готовились к прорыву, советская авиация, а также надводные и подводные силы флота стремились сорвать эвакуацию сил противника. Самолеты вылетали для выполнения заданий непрерывно днем и ночью. 10 мая в двух милях севернее мыса бомбардировщики потопили прибывшие без истребительного прикрытия транспорты «Тотила» и «Тея», осуществлявшие погрузку войск с катеров и барж.

Из показаний пленных советскому командованию стало известно, что с 4 часов ночи 12 мая противник намеревается начать общий отход для посадки на суда. Указания Толбухина в связи с этим сводились к тому, чтобы решительной атакой не допустить эвакуации противника, уничтожить его войска или пленить их, а вражеские суда потопить в бухтах или в море.

Вечером 11 мая немецкие передовые части получили приказ отойти к пунктам посадки и обеспечить их оборону; эвакуационный флот стоял на рейде. В ночной неразберихе многие суда не нашли пунктов посадки, а многие солдаты — судов. К рассвету 12 мая на берегу оставалось около 10 000 человек. В 3 часа 1000 орудий и минометов Приморской армии и 10-го стрелкового корпуса открыли ураганный огонь (генерал Рейнгардт с остатками своей 98-й пехотной дивизии, удерживавшей центр позиции, в это время уже отчалил. Спаслись большинство бойцов 73-й пехотной дивизии и 2800 человек из 50-й пехотной. Другим повезло меньше). Вслед за этим войска атаковали никем не защищаемый «аварийный рубеж». В победной реляции указывалось, что «в короткий срок оборона была взломана», и к 7 часам утра все побережье бухт Стрелецкая, Круглая, Камышевая было занято частями 51-й армии. К 10 часам утра Приморской армией, в составе которой действовал танковый корпус, был очищен от врага мыс Херсонес.

К полудню 12 мая последние очаги сопротивления были подавлены. Противник, видя безнадежность положения, начал большими группами сдаваться в плен. По воспоминаниям выживших: «Сопровождавшие танки советские пехотинцы, казалось, были просто в ярости. Они кричали, стреляли, били ружейными прикладами. Один немецкий

унтер-офицер отказался отдать свой Золотой крест. Они сказали: «Хороший солдат» — и... скосили очередь. Офицеров отбирали и уводили. Раздавались звуки выстрелов и крики... Служивших у немцев русских построили на скале и расстреляли».

17-я немецкая армия потерпела поражение. Крым вновь стал советским. При этом коммунистические историки приводят явно завышенные цифры безвозвратных потерь противника: более 100 000 человек, в том числе 61 587 пленных. Весьма примечательно, что авторы «Истории Второй мировой войны», в создании которой участвовали четыре института, ссылаются в оценках на труд генерала А.Г. Грылева «Днепр—Карпаты—Крым», а Грылев, в свою очередь, черпал данные из сообщений Совинформбюро. Таким образом, вся советская историческая наука стоит на прочном фундаменте измышлений пропагандистов военной поры. Но кто может «травить байки» лучше моряков? Флот объявил о потоплении с 8 апреля по 12 мая 191 вражеского судна (по более поздним «уточненным» данным — 102), при этом «только с 3 по 13 мая при эвакуации из Крыма противник потерял в море около 42 000 солдат и офицеров». Кто не верит, попробуй пересчитай. Только подводники совершили 16 атак, и все они, конечно, оказались «успешными».

В действительности за 12 дней мая немцы и румыны провели 110 конвоев. Лишь в последние 8 дней с 5 по 12 мая они понесли довольно серьезные потери в судах. Советская авиация, торпедные катера и подводные лодки потопили за этот период 6 транспортов, вспомогательное судно, 3 самоходные баржи, 2 лихтера, катер-охотник и буксир. Кроме того, в самом Севастополе в результате артиллерийского огня и налетов авиации погибли танкер, 2 лихтера, буксир, 2 катера. Итого — 24 единицы. Ряд судов получил серьезные повреждения. Еще десяток плавсредств было выведено из строя в результате массированных авианалетов на Феодосию и Судак. Вместе с затонувшими транспортами, по разным данным, погибли от 3 до 8 тысяч человек.

В течение месяца германские и румынские военно-морские силы вывезли из Крыма около 115 000 военнослужащих, более 11 000 гражданских лиц и 4260 пленных. Этим путем попали в Германию, в частности, героини Эльтигена. Еще 21 457 человек вывезли самолеты 1-го авиационного корпуса Люфтваффе. Даже в последнюю ночь,

12 мая, под ураганным огнем артиллерии немцы смогли эвакуировать с мыса Херсонес около 12 000 бойцов. Таким образом, общие потери немецко-румынской группировки в Крыму с 8 апреля по 12 мая 1944 года не могут превышать 65 000 человек убитыми и пленными, из них около 35 000 — в Севастополе. Была брошена вся артиллерия и техника.

Советские потери за этот же период составили 17 754 человека убитыми, 67 065 ранеными, 171 танк, 521 орудие, 179 самолетов.

Любой советский источник, описывающий Крымскую наступательную операцию, обязательно сравнивает ее с обороной Крыма советскими войсками и всенепременнейше сочтет своим долгом лягнуть Манштейна: «Если в 1941—1942 гг. гитлеровским войскам понадобилось 250 дней, чтобы овладеть Севастополем, который героически защищали советские воины, то в 1944 г. советские войска всего лишь за 35 дней взломали мощные укрепления противника в Крыму и очистили почти весь полуостров. Штурм же собственно Севастопольского укрепленного района занял 8 дней, а освобождение Севастополя — 58 часов».

При этом как-то забывают, что штурм Крыма начался 1 ноября 1943 года, продолжался более семи месяцев и стоил почти 200 тысяч убитых и раненых. Манштейн проканителелся всего на два месяца дольше. Правда, он, имея 10 дивизий, за девять месяцев уничтожил четыре советские армии, а наши полководцы как большим достижением хвастают, что тремя армиями сумели разбить 12 дивизий противника.

«Победы, достигнутые Советской Армией в результате операций третьего сталинского удара, коренным образом изменили обстановку на юге страны и позволили советским войскам начать наступление в Бессарабии и Румынии при содействии Черноморского флота. Третьим ударом было завершено зимнее наступление 1944 года, в результате которого Советская Армия вышла на фронт Нарва — Псков — Великие Луки — Мозырь — Ковель — Коломыя — Оргеев — Тирасполь — Одесса, подошла к государственным границам Советского Союза и перенесла военные действия на территорию Румынии».

После освобождения Крыма войска 51-й и 2-й гвардейской армий перебрасывались на новое направление —

в Прибалтику. Но не сразу. Как сообщает «смершевец» М.И. Новичихин: «Нам пришлось задержаться в Крыму, причиной тому была эвакуация татар с полуострова».

ОДИННАДЦАТЫЙ СТАЛИНСКИЙ УДАР

Что ж это за эвакуация такая? А это — одна из операций одиннадцатого сталинского удара. Удара по народам-предателям.

С началом войны большевики небезосновательно опасались роста антисоветских настроений на Кавказе и в Средней Азии. И не ошиблись, не подвел их марксистский анализ.

Мусульманские народы никогда не прекращали борьбы за независимость как с царской империей, так и с советской властью. Насильственная коллективизация, религиозные преследования, закрытие и разрушение мечетей, террор ОГПУ—НКВД лишь добавляли хвороста в огонь. В 20-е и 30-е годы восстания вспыхивали во многих районах Кавказа и Средней Азии. Все они были беспощадно и жестоко подавлены, руководители и активные участники расстреляны, кого-то депортировали, кого-то репрессировали, кто-то ушел в горы и продолжал партизанить. Калмыки и сегодня не забыли зверства буденновской конницы в 1930 году.

С началом войны партизанская борьба на Кавказе вспыхнула с новой силой. Горцы саботировали мобилизационные мероприятия, массово дезертировали из Красной Армии, совершали нападения на отдельные отряды и органы власти у нее в тылу, встречали немецкие войска как своих освободителей, служили им проводниками, охотились на советских партизан и записывались в «северокавказский легион».

Так, охотно сотрудничала с немцами основная масса балкарцев. Причем «ответственные советские работники» были в первых рядах. Так, министром Кабардино-Балкарии немцы назначили бывшего помощника прокурора республики, председатель горсовета Нальчика стал его бургомистром. Аналогично события развивались в трижды расстрелянной Карачаевской автономной области. В Чечено-Ингушской АССР в октябре 1941 года вспыхнуло «контрреволюционное и антисоветское» восстание на территории Шатойского района. Хотя немцы до Чечни не добрались, там приходи-

лось держать крупный контингент войск НКВД для «ликвидации бунтовщиков». Методы чекисты применяли такие же, как и любые карательные войска: захват заложников, расстрел родственников, спецоперации по ликвидации зачинщиков, сожжение аулов, порой вместе с жителями.

«Возрождение бандитизма» на Кавказе комиссары объясняли «результатом плохой постановки партийно-политической работы», а также «частнособственнической психологией местного населения». У кавказцев на «бациллы большевизма» оказался особо стойкий иммунитет.

Активно сотрудничали с немцами калмыки, которым пообещали автономию и признали «арийским народом». Поддержало оккупантов большинство крымских татар. Немцы открыли на полуострове мечети, предоставили татарам местное самоуправление. В большинстве татарских деревень не было гарнизонов, а размещались добровольческие отряды самообороны, которые боролись с советскими партизанами.

В 1944 году, когда Красная Армия начала освобождение оккупированных территорий Советского Союза, настал час сталинской мести за измену. В принципе предателями были все, кто посмел жить и работать под властью гауляйтеров и бургомистров, а не секретарей обкомов и партторгов. Крымские татары, чеченцы, ингуши, балкарцы, карачаевцы, калмыки оказались «предателями» поголовно. Понятно, что с немцами сотрудничало далеко не все население, а самые непримиримые враги советской власти ушли вместе с вермахтом; многие представители кавказских народов сражались на фронте в рядах Красной Армии. На территории Чечни немцев вообще не было. Но Сталин не тратил больше времени на «партийно-политическую работу», а собрался решить проблему национализма и сепаратизма кардинально. С формальной подачи Берии было принято решение о проведении войсковых операций по массовому переселению особо провинившихся народов с конфискацией имущества.

27 декабря 1943 года упразднена Калмыцкая АССР.

«Операция по переселению лиц калмыцкой национальности в восточные районы (Алтай, Красноярский край, Амурскую, Новосибирскую и Омскую области) прошла успешно. Всего перемещено 93 139 человек. Во время проведения операции эксцессов не было. Нарком Берия».

В феврале 1944 года настала очередь чеченцев и ингушей. Горные районы Кавказа наводнили войска НКВД — 100 тысяч бойцов и несколько тысяч оперативных работников. 22 февраля, накануне Дня Красной Армии, жителей согнали на митинги и объявили о депортации. С собой разрешалось взять не более 45 кг груза на семью. Жителей гнали под конвоем вниз, где их ждали вагоны для скота. Пытавшихся убежать или спрятаться пристреливали.

«Операция по выселению чеченцев и ингушей проходит нормально. 25.2 погружено в железнодорожные эшелоны 342 637 человек, на 29.2 — 478 479 человек, из них 91 250 ингушей и 387 229 чеченцев. Операция прошла организованно, без серьезных случаев сопротивления и других инцидентов....»

Очевидец вспоминает: «Составов не хватало. Оставшихся постреляли. Засыпали песком, землей кое-как. Да и постреляли кое-как. И они, как червяки, начали выползать. Всю ночь их достреливали». Зондеркоманды везде одинаковы, как их ни назови.

Указом от 7 марта 1944 года Чечено-Ингушская АССР упразднялась и образовывался Грозненский округ в составе Ставропольского края.

В марте за чеченцами последовали балкарцы, гагаузы и карачаевцы.

«Погружено в эшелоны и отправлено к местам нового поселения в Казахскую и Киргизскую ССР 37 103 балкарца. Заслуживающих внимания происшествий во время операции не было».

Зачистка Крыма от «антисоветских элементов» началась в апреле, едва армии Еременко и Толбухина ворвались на полуостров. К «эвакуации» крымских татар, кроме 23 тысяч бойцов НКВД, решили привлечь заодно войска, штурмовавшие Севастополь. Организацию описывает все тот же офицер СМЕРШ: «В населенный пункт, где мы расквартировались, прибыли машины, груженные беженцами (среди них были русские, украинцы, белорусы и представители других национальностей). Каждая машина подходила к домам: из них насильственно выселяли татар и вселяли беженцев. Татар погружали в те же машины и направляли на железнодорожные станции. Хозяин дома, в котором мы жили (*кулацкая сволочь*) перед отправлением зашел в хлев и из охотничьего ружья убил всех животных: лошадей, коров, овец, несколько птиц (*сразу видно, что в этой деревне акцию*

проводили «неспециалисты», хозяина надо было пристрелить, едва он достал ружье). Эшелоны с татарами направлялись в глубь страны, потом возвращались пустыми в Крым для эвакуации наших войск, закончивших освобождение Крыма».

Полуостров «освободили» также от болгар, греков и армян. Всего же — от 225 000 местных жителей. Работа была проделана большая, 413 бойцов невидимого фронта, наиболее отличившиеся в борьбе с «изменниками родины», удостоились боевых орденов и медалей.

В очищенной от татар Алушке после войны установили памятник великому асу Амет-хану Султану, дважды Герою Советского Союза и крымскому татарину.

К 1949 году четвертая часть депортированных вымерла. Выживших реабилитировали и разрешили вернуться на родину в 1956 году.

*Светлой улыбкой взор озарен,
Сталин на счастье народов рожден!
Грудью орлиной в грозу и пургу,
Смелый и грозный, он страшен врагу.
Нас в счастливое время взрастил,
Нас он бесстрашью в борьбе научил.*

У малых народов долгая память. Мы все оправдали высокими идеалами, а потом и вовсе забыли, теперь снова молимся на «светлый образ» Иосифа Виссарионовича; они, я знаю точно, не забыли ничего.

ПЛАНЫ НА ЛЕТО

К середине 1944 года в положении воюющих государств и коалиций произошли существенные изменения.

В ходе зимних и весенних операций Красная Армия добилась выдающихся успехов.

Поражения вермахта вызвали резкое обострение противоречий в странах — союзницах Германии. Все они искали возможности для выхода из войны с минимальным для себя ущербом, пытались наладить контакты с Западом и Москвой, прощупывая почву на предмет заключения перемирия. На Тихом океане Япония утрачивала одну позицию за другой.

Советская военная промышленность в первом полугодии произвела 61 600 артиллерийских орудий, 3700 минометов, 13 800 танков и САУ, 19 600 боевых самолетов. В 1944 году

своего максимума достигли англо-американские поставки по ленд-лизу. Хотя советское правительство старалось как можно меньше распространяться о западной помощи, в официальном обращении к армии и народу оно было вынуждено признать, что «успехам Красной Армии в значительной мере содействовали наши союзники, Соединенные Штаты Америки и Великобритания, которые снабжали нас весьма ценным стратегическим сырьем и вооружением, подвергали систематической бомбардировке военные объекты Германии и подрывали, таким образом, военную мощь последней».

Все это позволяло удовлетворять растущие потребности фронта.

Советские Вооруженные Силы на 1 июня 1944 года насчитывали свыше 9 миллионов человек, 244 тысячи орудий и минометов, свыше 20 тысяч танков и самоходных установок, 36 тысяч боевых самолетов. Если по количеству личного состава армия увеличилась ненамного, то ее техническая оснащенность за два последних года выросла в 2,5—3 раза. Организация и подготовка советских войск, как никогда ранее, соответствовала требованиям войны.

В действующей армии находилось 461 стрелковая, воздушно-десантная и кавалерийская дивизия — 6,6 миллиона человек, 98 100 орудий и минометов, 7100 танков и САУ, 13 500 боевых самолетов.

В резерве Ставки имелись еще управления 4-го Украинского фронта, двух общевойсковых армий, танковой и воздушной армий, 9 танковых, 7 механизированных, 1 кавалерийский и 11 авиационных корпусов — 30 стрелковых и кавалерийских и 36 авиационных дивизий, насчитывавших 645 тысяч человек, 9500 орудий и минометов, 1800 танков и САУ, 2900 боевых самолетов. Располагая столь крупными резервами, Сталин мог значительно усиливать фронты на решающих участках и направлениях.

Военно-политические цели СССР в войне на ближайший период были изложены в первом приказе Верховного Главнокомандующего. Они заключались в том, чтобы «очистить от фашистских захватчиков всю нашу землю и восстановить государственные границы Советского Союза по всей линии, от Черного моря до Баренцева моря... Преследовать раненого немецкого зверя по пятам и добить его

в собственной берлоге... Вызволить из немецкой неволи наших братьев поляков, чехословаков и другие союзные с нами народы Западной Европы...» Эти цели были положены в основу планирования летнего наступления.

Окончательное решение о проведении такого наступления было принято в конце апреля 1944 года на совместном заседании Политбюро и Ставки. Предстояло подготовить и осуществить серию последовательных и взаимоувязанных операций. Главный удар планировалось нанести на центральном участке советско-германского фронта, чтобы разгромить группы армий «Центр» и «Северная Украина», оборонявшихся в Белоруссии и в западных областях Украины, затем освободить другие районы Советского Союза и перенести боевые действия на территорию Европы.

Предполагалось, что нанесение главного удара на этом участке приведет не только к разгрому двух сильнейших группировок противника и прорыву стратегического фронта, но и к разъединению и изоляции неприятельских войск, действовавших на северо-западном и южном направлениях.

Советское наступление должно было начаться операцией Ленинградского и Карельского фронтов на Карельском перешейке и в Южной Карелии с целью вывода из войны финского союзника Германии. Затем без промедления должен был последовать сокрушительный удар четырех фронтов в Белоруссии. Предусматривалось: в тот момент, когда германское командование придет к выводу, что именно здесь происходят главные события, и двинет сюда резервы с юга, развернуть решительное наступление 1-го Украинского фронта на львовском направлении. В то же время намечалось силами 2-го Прибалтийского фронта сковать войска группы армий «Север». После разгрома противника в этих операциях Ставка считала возможным развернуть активные наступательные действия на балканском направлении, в Прибалтике и на Крайнем Севере.

О планах советского командования на лето 1944 года Сталин 6 июня писал Черчиллю: «Летнее наступление советских войск, организованное согласно уговору на Тегеранской конференции, начнется к середине июня на одном из важных участков фронта. Общее наступление советских войск будет развертываться путем последовательного ввода

армий в наступательные операции. В конце июня—начале июля наступательные операции превратятся в общее наступление советских войск».

В этот день началась операция «Оверлорд» — союзники наконец высадились в Нормандии. Для операций Красной Армии это имело огромное стратегическое значение. Через неделю после начала высадки, убедившись, что союзники всерьез открыли долгое время дебатированный «второй фронт», Сталин в интервью газете «Правда» заявил: «Это — несомненно блестящий успех наших союзников. Нельзя не признать, что история войн не знает другого подобного предприятия по широте замысла, грандиозности масштабов и мастерству выполнения... Истерики Гитлер, который два года хвастал, что он проведет форсирование Ла-Манша, не рискнул сделать даже попытку осуществить свою угрозу. Только британским и американским войскам удалось с честью осуществить грандиозный план форсирования Ла-Манша и массовой высадки десантных войск».

Англо-американцы отвлекали на себя до 70 процентов германской авиации, почти весь военно-морской флот, а в последний год войны, когда советские людские ресурсы были уже сильно истощены, до 40 процентов сухопутных сил вермахта.

Германское командование решило, что летом 1944 года главным театром военных действий должен стать Западный. Замысел сводился к тому, чтобы сильными ударами танковых и моторизованных соединений сбросить в море союзнический десант во Франции, неизбежность которого для Гитлера была очевидна. До тех пор на Востоке следовало имеющимися силами удерживать занимаемые позиции и не допустить прорыва обороны.

В действующей армии находилось 285 расчетных дивизий, в том числе 31 танковая и 17 моторизованных. Впервые количество немецких дивизий на советско-германском фронте уменьшилось до 157, в то время как на Западе и в районе Средиземноморья выросло до 106.

Численность действующей армии на 1 июня 1944 года составляла 4000 тысяч солдат и офицеров, 124 тысячи орудий и минометов, 10 900 танков и штурмовых орудий, 5700 боевых самолетов. Из них на Восточном фронте находилось 2200 тысяч человек. Люфтваффе располагали в

общей сложности 2364 истребителями и 788 ночными истребителями.

В резерве Главного командования сухопутных войск находилось аж 6 дивизий, 4 бригады и управление 17-й армии. В составе этих сил насчитывалось 106 тысяч солдат и офицеров, 1200 орудий и минометов и 236 танков и штурмовых орудий.

Рейх располагал еще значительными экономическими возможностями. Его промышленность продолжала наращивать военное производство. Был освоен выпуск новых видов оружия — реактивных самолетов, крылатых и баллистических ракет. В июне на Лондон начали падать первые ФАУ. Немецкие конструкторы изобрели много удивительных, просто революционных штукovin военного назначения (например, Эйзенхауэр был убежден, что если бы немцы пустили в ход крылатые ракеты на шесть месяцев раньше и нанесли удары по английским портам, «то вся операция «Оверлорд» могла бы оказаться перечеркнутой»). Победители копировали и изучали их в течение последующего десятилетия. Но спасти рейх они уже не могли. Большинство не вышло из стадии разработок, а те, которые успели попасть на фронт, были не доведены, малочисленны и потому не обеспечили перелома в войне с коалицией, обладавшей огромным количественным превосходством в традиционном вооружении. Германский атомный проект был закрыт, когда стало ясно, что каких-либо результатов от него следует ожидать не ранее 1947 года. Рост военного производства все острее вступал в противоречие с нехваткой сырья и рабочих рук.

Тем не менее немецкий обыватель до конца войны верил в «чудо-оружие» фюрера. Даже в марте 1945 года министр вооружений Альберт Шпеер, знавший истинное положение дел, с удивлением отмечал: «Они нисколько не сомневались в победе! «У фюрера наверняка есть последний козырь, который он пустит в ход в последний момент. А пока он заманивает противника в ловушку!» Даже некоторые министры по наивности своей верили в пресловутый замысел Гитлера: он якобы намеренно уступил врагу часть территории, чтобы в последний миг использовать против него сокрушительное чудо-оружие».

«Последним козырем» фюрера оказалась капсула с ядом.

Покушение 20 июля привело к окончательному разрыву Гитлера со своим генералитетом: «Свойственное его характеру глубоко укоренившееся недоверие к людям вообще, и к Генеральному штабу и генералам, превратилось теперь в ненависть». Фюрер все больше опирался на СС и партийные органы. Разрыв между офицерами армии и СС стал открытым после приказа Бормана гауляйтерам «арестовывать армейских офицеров при наличии подозрений, так как практически весь Генеральный штаб находится в заговоре с московским комитетом «Свободная Германия».

«...противоречия, разрушавшие дух спайки и солдатского взаимопонимания, еще более обострились, — пишет Мюллер-Гиллебранд. — Постановка задач и донесения шли, часто минуя командира или командующего, по так называемому «служебному каналу офицеров национал-социалистического руководства», хотя такового официально не существовало. Наблюдение за подозреваемыми и инакомыслящими подрывало доверие... Доносы стали частым явлением...»

24 июля 1944 года было узаконено, что при всех должностных назначениях и перемещениях, в особенности генералов, проверялась надежность их взглядов и мировоззрения. Кроме того, при заполнении всех анкетных сведений следовало указывать вероисповедание, а также (о, ужас!) данные о жене.

1 августа 1944-го в отношении военнослужащих было введено в действие положение об измене Германии. (Ужель статья «об измене родине»? На пятом году войны! Да Гитлер демократ был невиданный!!!). Этим положением узаконивались аресты родственников военнослужащего.

Однако, успокаивает Мюллер-Гиллебранд, это положение было направлено в первую очередь «против родственников участников покушения от 20 июля и родственников находящихся в русском плену сторонников комитета «Свободная Германия». Объявить предателями всех военнопленных фюрер так и не догадался.

Далее все было очень похоже на то, что происходило у нас в 1941 году: «В создавшихся условиях искали виновных в надвигающейся катастрофе, притом таким образом, чтобы нельзя было обвинить в ней Гитлера».

Москву неудача покушения не огорчила. Более того, устранение фюрера и создание в Германии нового правительства,

которое могло бы вступить в мирные переговоры с антигитлеровской коалицией, Сталину были невыгодны. Гораздо заманчивей было пройти по Европе с «освободительной миссией» и «добить фашистского зверя в его берлоге».

25 июля 1944-го фюрер издал указ о тотальной мобилизации для нужд войны и потребовал до конца года поставить в строй миллион новых солдат: «...провести проверку всего государственного аппарата, включая имперские железные дороги, имперскую почту и все общественные учреждения, организации и предприятия, чтобы путем полной рационализации использования персонала и материальных средств, отмены и ограничения маловажных для ведения войны задач, упрощения организационной структуры и процесса производства высвободить максимальное количество людей для использования их в вооруженных силах и военной промышленности...» Имперским уполномоченным по обеспечению тотальной войны был назначен имперский министр доктор Геббельс.

И, наконец, дело дошло и до «ополчения».

Указом Гитлера от 25 сентября 1944-го был установлен порядок формирования фольксштурма, подчинявшегося национал-социалистической партии: «Сформировать фольксштурм для обороны территории родины из пригодных к военной службе мужчин в возрасте от 16 до 60 лет». Члены фольксштурма носили гражданскую одежду с нарукавной повязкой. Вооружение состояло из трофейных винтовок, редко в каких подразделениях имелись пулеметы и противотанковые средства. Местами обеспеченность боеприпасами составляла пять патронов на винтовку при отсутствии какого-либо организованного снабжения.

В армию были призваны последние немецкие мужчины; понижение призывного возраста с семнадцати до шестнадцати с половиной лет и мобилизация бывших «незаменимых» работников с трудового фронта обеспечили набор более 700 тысяч человек в августе, сентябре и октябре.

Начался распад германских сухопутных сил.

ЧЕТВЕРТЫЙ СТАЛИНСКИЙ УДАР

«...был нанесен войсками Карельского и Ленинградского фронтов в июне в районе Карелии. Этим ударом началась победоносная летняя кампания 1944 года. Советские войска после тщательной подготовки, действуя в сложных природных условиях, 10 июня начали штурм вражеских укрепленных рубежей и за 11 дней полностью преодолели долговременную оборону, созданную противником на Карельском перешейке, на реке Свирь и на междуозерном участке, севернее Петрозаводска».

На протяжении почти двух десятилетий отношения между СССР и Финляндией развивались сложно и противоречиво.

После Октябрьского переворота 1917 года на карте Российской империи одно за другим стали появляться самостоятельные государства: Бухарский эмират, Войсковое правительство Украинского казачества, Украинская Центральная Рада, Кокандская автономия, Молдовская Народная Республика, Западноукраинская народная республика, Правительство Алан-орды в Казахстане, Сибирское независимое государство и прочие.

Одним из первых 13 ноября 1917 года объявил о независимости сейм Финляндии. Совет народных комиссаров постановлением от 18 ноября признал свершившийся факт; для Ленина эта была всего лишь бумажка. В это время финансируемая на немецкие деньги и получавшая оружие от русских гарнизонов финская Красная Гвардия разоружала отряды шюцкора, занимала административные здания, вокзалы, телефонные и телеграфные станции.

Германские власти, крайне заинтересованные в выходе России из войны, делали все возможное, чтобы ускорить процесс «триумфального движения советской власти» на всей территории бывшей империи. Они поставляли большевикам материальную помощь, военных специалистов и огромные деньги, которые приходилось отрабатывать.

Об этом свидетельствует, к примеру, секретное письмо-распоряжение представителя Германского Имперского Банка фон Шанца наркому иностранных дел Чичерину от 8 января 1918 года:

«Сегодня мною получено сообщение, что в распоряжение наших агентов переведено 50 миллионов рублей золотом для вручения их представителям Народных Комиссаров. Кредит этот предоставлен Правительству России на уплату содержания Красной Гвардии и агитаторам в стране. Имперское Правительство считает своевременным напомнить Совету Народных Комиссаров необходимость усиления пропаганды в России, так как враждебное к существующей в России Власти отношение Юга России и Сибири очень озабочивает Германское Правительство. Необходимо послать повсюду опытных людей для установления единообразной Власти».

К этому времени Ленин и компания отчетливо видели, что большая часть населения враждебна большевикам: чего только стоили декреты о печати, о создании карательно-террористической организации под названием ВЧК и о национализации банков. В результате последней лихой бандитской акции у вкладчиков были экспропрированы все деньги подчистую. 5 января 1918 года «борцы за дело пролетариата» расстреляли мирную манифестацию рабочих на улицах Петрограда, а на следующее утро анархистствующая матросня во главе с А.Г. Железняковым разогнала Учредительное собрание, которое должно было избрать законное правительство демократической России.

Для «установления единообразной Власти» левые радикалы сознательно взяли курс на гражданскую войну. Владимир Ильич сформулировал и основные слагаемые успеха в борьбе с собственным народом — массовый террор и хлебная пайка. На прошедшем 10—18 января III Всероссийском съезде Советов все тот же «матрос Железняк» заявил, что «большевики готовы расстрелять не только 10 000, но и миллион народа, чтобы сокрушить всякую оппозицию». Выпотрошив «массам» карманы, взялись отнимать последнее. Окончательным шагом, раздувшим пожар братоубийства в России, стал принятый 9 мая 1918 года декрет о продразверстке, в котором народному комиссару продовольствия предоставлялось право «применять вооруженную силу в случае оказания противодействия отбиранию хлеба или иных продовольственных продуктов».

Такое совпадение: одновременно с январскими событиями в Петрограде началась гражданская война в Финляндии. 27 января Рабочий исполнительный комитет — высший орган власти «красных финнов» — обратился с «Революционным воззванием к финскому народу». Красная Гвардия начала захват административных учреждений и стратегических пунктов в стране. На следующий день социал-демократы сформировали революционное правительство — Совет народных уполномоченных, который упразднил сейм, сенат и прочие старорежимные учреждения. Зато очень быстро учредил революционный суд. Все было проделано по правилам марксистско-ленинской науки. Уже 1 марта Ленин и вице-премьер СНУ Эдвард Голлинг подписали в Смольном «Договор об укреплении дружбы и братства между РСФСР и Финляндской Социалистической рабочей республикой». Сталин, лучший ленинский ученик, проделает подобный фокус еще не один раз. 7 марта на VII чрезвычайном съезде РКП (б) советский вождь объявил, что «наша революция... перекинулась в Финляндию».

Но большинство финнов, как и русских, оказались нормальными людьми, то есть «белыми». Они не желали ждать, когда товарищи «куусинены» и «сиролы» отберут у них все имущество и начнут отстреливать по классовому признаку. Пример России, где раскручивался маховик массовых убийств, метастазами расползались концентрационные лагеря и одновременно обсуждались проекты установки памятников таким «великим революционерам», как Сатана, Каин и Иуда, был перед глазами. И сенат не пожелал упраздниться, а наделил чрезвычайными полномочиями бывшего генерала царской армии Карла Маннергейма, назначив его командовать верными правительству войсками.

К счастью для Финляндии, Германия не была заинтересована в победе «красных финнов», а Советская Россия не имела возможности оказать им «братскую помощь» извне. Согласно условиям Брестского мирного договора, подписанного 3 марта 1918 года, Россия обязалась признать Финляндию самостоятельным государством, вывести оттуда свои войска и прекратить всякую агитацию против правительства суверенной Финляндии. Кого немцы признавали законным правительством, стало ясно, когда 7 марта Германия подписала договор с «белофиннами». Поэтому здоровые силы в стране победили довольно быстро. К началу мая,

несмотря на то что через товарища Эйно Рахья большевики на нужды финской революции отвешивали бриллианты и другие драгоценности килограммами, вся территория бывшего Великого княжества Финляндского была очищена от Красной Гвардии, а «видные деятели коммунистического движения» влились в ряды московской коминтерновской номенклатуры.

В период иностранной интервенции против Советской России финны не удержались от искушения и попытались в рамках концепции создания «Великой Суоми» отхватить от бывшей империи Восточную Карелию (с формальной точки зрения она не являлась в то время территорией РСФСР, на этой территории было провозглашено одно из буферных государств, возглавляемое «красными финнами», — Карельская трудовая коммуна), но эта затея провалилась. 14 октября 1920 года был подписан Тартуский мирный договор, согласно которому Финляндии отходили Печенгская область и западная часть полуострова Рыбачий. В остальном сохранялась линия старой административной русско-финляндской границы.

В 20—30-е годы отношения двух стран продолжали оставаться напряженными. Несмотря на подписание в 1932 году пакта о ненападении, который два года спустя был продлен на 10 лет, правительство Финляндии с подозрением относилось к любой внешнеполитической инициативе советского руководства. Финны, наблюдая за активной подрывной и террористической деятельностью ВЧК—ОГПУ в соседних странах, не без основания полагали, что конечной целью коммунистов-интернационалистов является возвращение бывших «колоний» и установление в них «пролетарской диктатуры». Советские люди, бесновавшиеся в пароксизмах преданности делу Ленина—Сталина на митингах по поводу разоблачения очередной «антипартийной группы», были «чужой расой, у которой иное мировоззрение и иные нравственные ценности». Поэтому в течение 15 лет финское правительство выделяло миллионы марок на строительство укреплений на своих границах.

Московские товарищи, подталкиваемые военными, еще с середины 30-х годов вынашивали планы присоединения части территории на Карельском перешейке и полуострове Ханко, намереваясь построить там оборонительные рубежи и военно-морскую базу.

Наконец, с августа 1939 года, договорившись с Гитлером о разделе Европы, Сталин смог приступить к «территориально-политическому переустройству» оговоренной сферы интересов СССР. Сначала было покончено с Польшей. Затем в сентябре—октябре были навязаны договоры о «взаимопомощи» Эстонии, Латвии и Литве. На основании их советские «друзья» ввели в эти страны войска и разместили в Прибалтике военные базы. После этого Кремль начал шантажировать финское правительство. На переговорах в Москве Сталин предложил финнам подписать такой же договор и пойти на территориальные уступки на Карельском перешейке. Подчеркнув желание советской стороны, заключавшееся в том, «чтобы расстояние от Ленинграда до границы было 70 км», вождь блеснул остроумием: «Ленинград мы отодвинуть не можем, а поэтому должна отодвинуться граница». Кроме того, на полуострове Ханко предлагалось разместить советскую военную базу. Финская делегация категорически отвергла советские предложения, перемежавшиеся с неприкрытыми угрозами, и 13 ноября, прервав переговоры, покинула Москву. «Сегодня получают слово солдаты», — напутствовал ее Молотов. Затем последовала провокация в Майниле.

30 ноября в 8 часов утра войска Ленинградского фронта получили приказ без объявления войны «перейти границу и разгромить финские войска». Из текста приказа следует, что забота советского правительства о безопасности Ленинграда была фикцией. На самом деле «мы идем в Финляндию не как завоеватели, а как друзья и освободители финского народа от гнета помещиков и капиталистов». В тот же день президент заявил, что «Финляндия и СССР отныне находятся в состоянии войны».

На следующий день после начала боевых действий Москва заявила, что Советскому правительству путем «радиоперехвата стало известно», что в только что освобожденном финском городе Териоки «левыми силами» Финляндии было сформировано «правительство Демократической Финляндской Республики» во главе с видным деятелем коммунистического движения О. Куусиненом. Этим же «радио» удалось «перехватить» «Обращение ЦК Компартии Финляндии к трудовому народу». Это сделать было несложно, поскольку все «видные деятели» сидели на кремлевских харчах с 1919 года, а министерские портфели делили на квартире Отто Куусинена на Кировском проспекте. 3 дека-

бря весь мир узнал о том, что «правительство ДФР» объявило о заключении «Договора о взаимной помощи и дружбе» с СССР и провозгласило недействительным правительство Финляндской Республики в Хельсинки.

4 декабря хельсинкское правительство попыталось урегулировать конфликт через шведского посланника Винтера. Однако Молотов ему объяснил, что СССР войны с Финляндией не ведет и не признает «так называемого «финляндского правительства», уже покинувшего Хельсинки и направившегося в неизвестном направлении...». 5 декабря Молотов заявил о том, что Красная Армия лишь оказывает помощь Вооруженным Силам ДФР, и подтвердил факт мира с Финляндией. Однако и на этот раз «фокус не удался». Сталинский трюк с созданием марионеточного правительства, призывавшего иностранное государство к оккупации собственной страны, привел к совершенно обратным результатам. Он консолидировал все силы в Финляндии на борьбу «против большевистского фашизма», хотя ранее многие политики, в том числе маршал Маннергейм, выступали в пользу далеко идущих уступок. Теперь даже бывшие бойцы Красной Гвардии записывались в добровольцы.

Война приняла затяжной и кровопролитный характер. Она показала потрясающе высокую боевую подготовку и стойкость финской армии и продемонстрировала всему миру невероятно низкую боеспособность и необученность советских воинов-освободителей. Последнее обстоятельство стало одним из аргументов, убедивших Гитлера подписать план «Барбаросса». Позорная агрессия привела к внешнеполитической изоляции Советского Союза, западные страны занимали все более враждебную позицию, прямо называя СССР союзником Гитлера. Внутри страны нарастали экономические трудности. Поэтому, свершив «дело чести» — прорвав «линию Маннергейма», советское руководство стало искать пути к заключению мира в этой необъявленной войне.

С маленькой Финляндией воевал уже не ЛенВО, а почти половина всей РККА. Финская армия держалась на пределе сил, положение на фронте было критическим, все резервы иссякли. Под давлением военных сейм согласился на переговоры.

12 марта 1940 года Москва подписала мирный договор с «презренным белофинским правительством помещиков

и капиталистов». Никого не представлявшее «правительство» Куусинена отправилось на свалку истории. Спорные вопросы, естественно, были урегулированы в пользу победителей. В состав СССР вошли весь Карельский перешеек, включая город Выборг, Выборгский залив с островами, западное и северное побережье Ладожского озера, финская часть полуостровов Рыбачьего и Среднего. Финляндия сдала Советскому Союзу в аренду сроком на 30 лет полуостров Ханко, а СССР снял свое предложение о заключении пакта о взаимопомощи и обязался вывести свои войска из области Петсамо. Таким образом, Сталин формально получил даже больше, чем требовал до начала войны. Однако финны отстаивали свою независимость и сохранили вооруженные силы. А Советский Союз вместо нейтрального государства получил на своей границе убежденного врага, жаждущего реванша.

Горький опыт Зимней войны усилил убежденность финского правительства во враждебности СССР. Финны стали искать политическую поддержку везде, где ее можно было найти. В конечном счете, именно советская агрессия и стремление «получить компенсацию» толкнули Финляндию на военный союз с Германией. Большое впечатление произвела оккупация и присоединение «к счастливой семье советских народов» независимых прибалтийских республик, осуществленная летом 1940 года. Финское правительство воочию увидело уготованное будущее. К тому же до финнов дошли слухи о требованиях относительно Финляндии, предъявленных Молотовым во время ноябрьского визита в Берлин. Финны опасались, что безусловный нейтралитет, которого они придерживались ранее, приведет лишь к войне одновременно против Германии и СССР. Предпочтительнее было вовремя выбрать одну из сторон. Перспективы дружбы со Сталиным вырисовывались достаточно ясно. Западные державы помочь ничем не могли. С августа 1940 года был взят курс на сближение и военное сотрудничество с Германией.

В конце мая 1941 года в Зальцбурге состоялись финляндско-германские переговоры. Как указывает генерал Дитмар: «Решающей предпосылкой для ведения операций против Ленинграда с севера, а также операции по захвату Мурманской железной дороги было вступление Финляндии в войну на стороне Германии. Советский Союз сам

способствовал этому. Затеянная под пустячным предлогом зимой 1939/40 года война, суровые условия Московского мира, которым она закончилась, и почти открытые угрозы самому существованию Финляндии со стороны Советского Союза явились причиной возникновения в финском народе чувства такого отчаяния и тревоги, что присоединение к сильной, стоявшей тогда в зените своего могущества Германии казалось для финнов единственным выходом из создавшегося положения». Впрочем, немцы на финнов не давили, да и Финляндия не спешила с заверениями в союзнической верности. Была достигнута договоренность о перемещении германских войск из Норвегии в финское Заполярье, а также о совместном ведении боевых действий в случае нападения Советского Союза на Финляндию.

Главной целью финнов было возвращение утраченных территорий, далее все зависело от хода войны и желания немцев делиться приобретенным с «братьями по оружию».

Несмотря на военные приготовления Финляндии, поставленной в известность о плане «Барбаросса», поводом к началу войны стали советские бомбардировки финских городов и аэродромов, начавшиеся 25 июня 1941 года. Конечно, без объявления войны. Это правительства помещиков и капиталистов были обязаны придерживаться норм международного права, а первая в мире «республика трудящихся» ни с кем не воевала, а лишь оказывала помощь «угнетенным классам».

История Ленинградского военного округа с гордостью сообщает: «24 июня Ставка Главного Главнокомандования Вооруженных Сил СССР информировала Военные советы Северного фронта, Северного и Балтийского флотов, что на территории Финляндии сосредоточиваются немецкие войска и авиация для нанесения ударов по Ленинграду и захвата Мурманска и Кандалакши. Чтобы предупредить (???) их нападение, советская авиация по указанию Ставки на рассвете 25 июня нанесла удары по 18 аэродромам противника, совершив 487 самолето-вылетов. Было уничтожено 30 вражеских самолетов на земле и 14 сбито в воздушных боях. Удары по вражеским аэродромам продолжались и в последующие дни».

Примечательно, что буквально за три дня до этого Сталин, нежный и пушистый, ужасно боится всяческих провокаций. А вот теперь бомбит соседа без всяких комплексов,

ничего на самом деле не зная о планах «захвата Мурманска и Кандалякши». Он еще верит, что Красная Армия могучим ударом перенесет боевые действия на чужую территорию.

В тот же вечер на заседании парламента было заявлено, что война начинается с того же, с чего Зимняя война — с нападения СССР.

26 июня президент Рюти объявил войну Советскому Союзу. Перейдя в наступление 3 июля, финская армия в течение трех месяцев отвоевала все принадлежавшие Финляндии ранее территории. В конце сентября она вышла к Свири, форсировала ее, захватила плацдарм восточнее Лодейного Поля, овладела Петрозаводском. Севернее Онежского озера 5 декабря, после упорных боев, был взят Медвежьегорск. В результате были перерезаны все северные сухопутные коммуникации Ленинграда. Принимать участие в наступлении на «колыбель русской революции», штурмуя укрепления 22-го укрепленного района под огнем кронштадтских фортов, Маннергейм отказался.

6 декабря 1941 года Финляндии объявила войну Великобритании. Через четыре дня на стороне антигитлеровской коалиции выступили Соединенные Штаты Америки. Поражение немцев под Сталинградом поколебало веру финнов в победу германского оружия. «Финское правительство, потерявшее уверенность в успехе, — пишет Дитмар, — и поэтому озабоченное судьбой своей страны, отказывалось от любых действий, которые могли еще больше обострить отношения Финляндии с США. Дело в том, что последние порвали дипломатические отношения с Финляндией не полностью, и финны видели в этом единственный путь к спасению, если в ходе войны положение Германии не улучшится. При подобных обстоятельствах новое немецко-финское наступление было связано для финнов с очень большим политическим риском».

Начиная с 1943 года правительство Финляндии предпринимало попытки установить мирные контакты с Великобританией и США, но неудачно. В парламенте все настойчивее звучали требования о разрыве союза с Германией и выходе из войны. В ноябре 1943 года руководство социал-демократической партии выступило с заявлением, в котором подчеркивало не только право Финляндии на выход из войны в момент, когда она сочтет это удобным, но и отметило, что этот шаг следует предпринять без задержки. Тогда же

финское правительство при шведском посредничестве провело зондаж позиции Москвы по вопросу заключения мира. Основным препятствием сразу же стало желание финнов удержать занятые в ходе «войны продолжения» собственные территории, то есть признание границы 1939 года. Однако Сталин твердо стоял на позиции признания приобретений Советского Союза, осуществленных в результате сговора с Гитлером в 1939—1940 годах.

В середине января 1944 года советские войска взломали оборону немцев под Ленинградом и Новгородом и отбросили их в Прибалтику. В течение месяца Красная Армия продвинулась на 150—250 км, очистила от противника побережье Финского залива до устья реки Нарва и всю территорию восточнее Нарвы и Чудского озера. Сложившаяся обстановка вынудила правительство Финляндии в конце января вновь обратиться к правительству СССР, чтобы выяснить условия, на которых Финляндия могла бы прекратить военные действия и выйти из войны. В Стокгольме была организована встреча советского посла А.М. Коллонтай с прибывшим представителем Финляндии государственным советником Ю. Паасикиви, в ходе которой Коллонтай первым делом указала, что отправной точкой для заключения перемирия может быть только граница 1940 года.

Для большей «убедительности» весь февраль, пока шли неофициальные переговоры, советская авиация дальнего действия бомбила объекты на территории Финляндии. 11 и 23 февраля были нанесены массированные удары по портам Котка и Турку. За две ночи 358 самолетов сбросили 402 тонны бомб на портовые сооружения и суда. В ночь на 7, 17 и 27 февраля АДД совершила три налета на Хельсинки. 1980 самолетов обрушили на город 2386 тонн бомб, в том числе сверхтяжелые авиационные фугасы ФАБ-2000 и ФАБ-5000. Особенно мощным был третий налет, в котором принимали участие 850 самолетов. Он продолжался 12 часов; удары наносились с различных направлений и эшелонировались по времени и высоте.

В конце марта состоялись переговоры в Москве, где финской делегации были переданы советские предложения мира с Финляндией, основное содержание которых сводилось к следующему. Разрыв отношений с Германией и интернирование или изгнание немецких войск в течение начинающегося апреля; восстановление Московского договора 1940 года;

немедленное возвращение советских и союзных пленных; демобилизация половины финской армии и перевод ее на мирное положение; возмещение убытков Советскому Союзу в размере 600 миллионов долларов, выплачиваемых в течение пяти лет товарными поставками; возвращение СССР Петсамо и Петсаамской области. Советское правительство, в свою очередь, отказывалось от права на аренду полуострова Ханко без какой-либо компенсации.

18 апреля на советские условия был официально дан отрицательный ответ. Финское руководство все еще надеялось, что Германия в критический момент окажет Финляндии необходимую военную и экономическую поддержку. Оно рассчитывало также на политическую помощь правительства США, которое имело с ним дипломатические отношения. Определенное влияние оказывало и прямое давление Берлина, считавшего, что заключение сепаратного мира явится актом «абсолютного предательства», и делавшего все, чтобы не допустить выхода Финляндии из войны. По мнению финских историков, даже блокаду Ленинграда Гитлер продолжал до последнего для того, чтобы вынудить финские войска не прекращать боевые действия с Красной Армией. Германский посланник в Хельсинки прямо говорил о возможности оккупации ставшей ненадежной Финляндии немецкими войсками. Однако после катастрофических поражений в зимне-весенней кампании, особенно на южном крыле Восточного фронта, угрозы фюрера уже не могли быть обеспечены реальной силой.

К середине 1944 года Финляндия находилась в состоянии глубокого кризиса.

Финское командование ставило перед своей армией задачу во что бы то ни стало удерживать занимаемые позиции. Используя многочисленные озера, реки, болота, лесные массивы, гранитные скалы и возвышенности, финны создали прочную, хорошо оборудованную в инженерном отношении оборону. Ее глубина на Карельском перешейке достигала 120 км, а в Южной Карелии — до 180 км. Особое внимание уделялось строительству долговременных укреплений на Карельском перешейке.

В Южной Карелии и на Карельском перешейке финны имели 14 пехотных, 1 танковую дивизию, 8 пехотных и 1 кавалерийскую бригаду. В них насчитывалось 268 000 человек, 1930 орудий и минометов, 110 танков и штурмовых орудий

и 248 самолетов. Эта группировка фактически представляла собой все силы финской армии, за исключением одной пехотной бригады, находившейся на севере. Основу бронетанкового парка составляли трофейные советские танки Т-34 и Т-26 и 75-мм штурмовые орудия StuG40 германского производства. Финские летчики-истребители летали на голландских «фоккерах», французских «моранах», германских «мессерах», американских «брюстерах», британских «харрикейнах», советских «чайках». В бомбардировочной авиации «служили» такие машины, как «Бленхейм» Mk I, Ju-88, Do-17, ДБ-3 и Пе-2.

Часть представителей военного руководства считала, что Вооруженные Силы СССР «не предпримут наступления против Финляндии», а сосредоточат все свои усилия на разгроме Германии.

Однако летнее наступление Красной Армии совершенно неожиданно для противника началось именно на Карельском перешейке и в Южной Карелии.

ВЫБОРГСКО-ПЕТРОЗАВОДСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Для разгрома финской армии, восстановления государственной границы на данном участке фронта и вывода Финляндии из войны Ставка советского Верховного Главнокомандования решила провести крупную наступательную операцию. Войска Ленинградского и Карельского фронтов при содействии Балтийского флота, Ладожской и Онежской военных флотилий мощными ударами должны были разгромить противостоящего противника, овладеть Выборгом, Петрозаводском и выйти на рубеж Тикшеозеро—Сортавала, Котка. Операцию начинали войска Ленинградского фронта, затем в наступление переходил Карельский фронт. Выделенные для этого силы насчитывали 451 500 человек, около 10 000 орудий и минометов, свыше 800 танков и самоходно-артиллерийских установок, более 2200 самолетов.

Выборгскую операцию на Карельском перешейке предстояло проводить войскам правого крыла Ленинградского фронта под командованием генерала армии Л.А. Говорова. К участию в ней привлекались соединения 23-й и 21-й армий — 15 стрелковых дивизий, 3 стрелковые, 2 отдельные танковые бригады, 2 укрепленных района. Всего в этих армиях насчитывалось около 189 000 человек, 5500 орудий и

минометов, 881 реактивная установка, 628 танков и САУ. Приморские фланги обеспечивали: со стороны Финского залива — Балтийский флот, со стороны Ладожского озера — Ладожская военная флотилия.

На перешейке оборонялись 3-й и 4-й финские армейские корпуса, объединенные 15 июня в оперативную группу «Карельский перешеек». В группу входили пять пехотных (2, 3, 10, 15-я и 18-я), единственная танковая дивизия, одна пехотная и одна кавалерийская бригады. Всего у финнов было 100 000 человек, 960 орудий и минометов, 110 танков и самоходных установок, около 200 самолетов.

Первая полоса обороны общим протяжением около 80 км строилась финнами в условиях непосредственного соприкосновения с советскими войсками, была оборудована средствами полевой фортификации и строилась по принципу опорных узлов, прикрывавших все тактически важные направления. Этот рубеж защищали три пехотные дивизии и одна пехотная бригада. Вторая полоса протяжением 76 км располагалась в 15—25 км за первой и была построена на выгодном естественном рубеже. Эта полоса являлась основой всей обороны Карельского перешейка и была рассчитана на длительное сопротивление. Она имела большое количество мощных железобетонных сооружений, гранитных надолбов, убежищ. Средняя плотность железобетонных сооружений на 1 км фронта в узлах сопротивления составляла 12—14 дотов и 18—22 убежища. Третья полоса обороны протяжением около 120 км проходила по линии озер Вуоксинской водной системы, через Сумма на Мурила. Особенностью ее являлось то, что она состояла из укреплений «линии Маннергейма», которые частично были восстановлены и усилены развитой системой сооружений полевого типа. Помимо трех оборонительных полос, финны превратили в укрепленный район Выборг с прилегающей к нему территорией, создав вокруг него два обвода. Побережье Финского залива и Ладожского озера были укреплены на случай отражения десантов Красной Армии.

Так как труднопроходимая лесисто-болотистая местность на Карельском перешейке затрудняла широкое применение тяжелой боевой техники, Говоров решил нанести главный удар силами 21-й армии генерал-лейтенанта Д.Н. Гусева на приморском направлении — вдоль северо-восточного побережья Финского залива. Это позволя-

ло широко использовать морскую артиллерию для прорыва обороны противника и высаживать десанты с моря в помощь войскам, наступавшим на Выборг. 23-я армия генерал-лейтенанта А.И. Черепанова переходила в наступление после выхода войск генерала Гусева на рубеж реки Сестра. Овладеть Выборгом планировалось на 9—10-й день операции. Подавляющая часть сил фронта сосредоточивалась на участке прорыва протяженностью 12,5 км.

Три армии Ленинградского фронта, сосредоточенные на Нарвском участке, получили приказ активизировать свои действия и не допустить переброски немецких войск из Прибалтики на Карельский перешеек. В случае использования германским командованием части сил 20-й горной армии для помощи финнам предусматривался переход в наступление советских войск севернее Беломорска.

Балтийский флот до начала операции должен был скрытно перебросить из района Ораниенбаума на Карельский перешеек войска 21-й армии в составе пяти дивизий, а затем огнем морской артиллерии и авиацией содействовать им в развитии наступления, прикрывать приморский фланг, срывать подвоз подкреплений и снабжение финской армии, быть готовым к высадке тактических десантов. Ладожская военная флотилия под командованием контр-адмирала В.С. Черокова получила задачу огнем корабельной артиллерии и демонстрацией высадки десанта содействовать правому флангу 23-й армии.

Действия сухопутных частей поддерживали 13-я воздушная армия (966 самолетов), два гвардейских истребительных авиаполка ПВО и авиация КБФ (475 самолетов) и более 200 машин авиации дальнего действия. В результате сосредоточения сил и средств на правом крыле Ленинградского фронта советские войска превосходили противника по пехоте в 2 раза, по артиллерии и танкам в 6, по авиации в 8 раз. На направлении главного удара превосходство было абсолютным.

9 июня, за день до начала операции, артиллерия Ленинградского фронта совместно с береговой и корабельной артиллерией в течение 12 часов разрушала наиболее прочные оборонительные сооружения в первой полосе обороны противника. На 20-километровом участке фронта перед позициями 21-й армии плотность огня сухопутной артиллерии достигала 200—220 орудий и минометов. От флота сведен-

ные в четыре артиллерийские группы огонь вели шесть батарей Кронштадта, тринадцать батарей железнодорожной артиллерии, два орудия Научно-испытательного морского артиллерийского полигона, орудия линкора «Октябрьская революция» и двух крейсеров. Всего — 174 орудия, в том числе 35 орудий калибра 203—406 мм. При этом, как отмечает генерал-майор С.Т. Шевченко, бывший работник штаба береговой обороны КБФ, группам артиллерии флота впервые за войну «были поставлены задачи в самом общем виде в отличие от прежних операций, когда планы огня разрабатывались до батарей включительно. Такое планирование стало возможным вследствие возросшей культуры в работе штабов, повышения мастерства офицеров-артиллеристов». Для этого понадобилось «всего» три года истребительной войны.

В это же время 720 самолетов 13-й воздушной армии генерала С.Д. Рыбальченко и авиации флота, которой командовал генерал М.И. Самохин, наносили сосредоточенные бомбовые удары и осуществляли корректировку артиллерийского огня.

Из 189 запланированных целей в полосе нанесения главного удара было полностью разрушено 176 оборонительных сооружений противника.

10 июня в 6 часов утра артиллерия и авиация приступили к подготовке наступления сухопутных войск. В ней участвовали 3 эсминца, 4 канонерские лодки, 21 артиллерийская батарея Кронштадтского района и батареи Ижорского сектора береговой обороны, 15 батарей 1-й гвардейской морской железнодорожной артиллерийской бригады. Массированные удары были нанесены по финским опорным пунктам в районе Старый Белоостров — озеро Светлое — станция Райяйоки, разрушив и повредив до 70% полевых оборонительных укреплений. Корабельная и береговая артиллерия наносили удары по району Райвола—Олила.

За 3 часа 15 минут было проведено шесть налетов по главной полосе обороны с чередованием методического огня. В результате только на небольшом участке в районе Белоострова были уничтожены 130 дотов, дзотов, бронированных колпаков и других сооружений. Почти все проводочные заграждения были снесены, противотанковые препятствия разрушены, минные поля уничтожены, траншеи

вспаханы, причинен большой урон в живой силе. Советская авиация безраздельно господствовала в воздухе.

В результате финская оборона в первой полосе была дезорганизована, потери в некоторых частях достигли 70%. Поэтому, когда советская пехота и танки, следуя за огневым валом, двинулись в атаку, противник не смог сразу оказать организованного сопротивления. Войска генерала Гусева в первый же день прорвали первую полосу обороны, с ходу форсировали реку Сестра и продвинулись на 14 км вдоль Выборгского шоссе.

Говоров усилил 21-ю армию 108-м стрелковым корпусом из резерва фронта. 97-й стрелковый корпус из 21-й армии был передан в состав 23-й армии, войска которой перешли в наступление 11 июня. К исходу дня 97-й и 98-й стрелковые корпуса армии Черепанова вели бои на рубеже Терлолово—Хирели. 21-я армия силами 30-го гвардейского корпуса овладела Хирели, Матилла и вела бой за Икола. На левом фланге 109-й корпус занял Келломени, Райволу и Териоки. Первая полоса обороны была преодолена на 40-километровом фронте.

В этих боях полностью была разгромлена 10-я финская пехотная дивизия. Ее остатки отвели в тыл для пополнения и переформирования. Маннергейм приказал немедленно начать переброску на Карельский перешеек 4-й пехотной дивизии и 3-й пехотной бригады из Восточной Карелии. 12 июня он отправил на Карельский перешеек 17-ю дивизию и 20-ю бригаду.

К исходу дня 13 июня соединения 21-й армии вышли ко второй полосе обороны, но прорвать ее с ходу не смогли, так как противник успел занять ее оперативными резервами и частями, отошедшими с первой полосы обороны.

Учитывая, что главная группировка финских войск сосредоточилась в полосе Выборгского шоссе, Говоров решил перенести направление главного удара на левый фланг — вдоль Приморского шоссе. В состав 21-й армии был передан из резерва фронта 110-й стрелковый корпус и перегруппировано около 110 артиллерийских дивизионов.

На рассвете 14 июня, после мощной артиллерийской подготовки, советские войска начали штурм второй полосы обороны. Атаки на побережье Финского залива были отбиты. Бои носили исключительно ожесточенный характер. Но у деревни Куутерселькя 1-я гвардейская танковая бригада,

совершив маневр в обход этого важного узла сопротивления, сумела прорвать фронт. Ночью финны ввели в бой танковую дивизию под командованием генерал-майора Лагуса. Однако к утру она была разбита и отброшена на 5 км к северу. Финны потеряли 25 машин Т-26. Этим было положено начало прорыву второй полосы.

К 16 июня советские войска расширили прорыв до 75 км и продвинулись более чем на 40 км, выйдя на приморском направлении к третьей полосе обороны. Маннергейм отдал приказ финским войскам отступить и занять линию Выборг—Купарсаари—Тайпале. В этот же день маршал принял тяжелое, но единственно правильное решение о сдаче практически без боя хорошо укрепленных карельских рубежей и сосредоточении основных сил на Карельском перешейке для прикрытия важнейших жизненных центров страны. Правый фланг 4-го армейского корпуса к этому времени был отброшен к водному рубежу Финский залив—озеро Куолемайярви—озеро Пэркярви, где 4-я дивизия генерал-майора Аути, прибывшая из Восточной Карелии, сдерживала советские войска на направлении главной железной дороги в ожидании того, как сложится обстановка на направлении Кивеннапа. Там, в 25 км к югу, на линии Ваммелсуу—Тайпале сражалась 3-я дивизия генерал-майора Паяри. Над ней нависла угроза окружения, и дивизию отвели на правый фланг.

К исходу 17 июня советские войска полностью прорвали вторую полосу обороны и приступили к преследованию. Подвижные отряды, состоявшие из автоматчиков, посаженных на танки, устремились вперед, обходя опорные пункты и узлы сопротивления.

18 июня на плечах отходившего противника на приморском направлении они ворвались в третью полосу обороны и, прорвав ее в районе населенного пункта Мурила, к вечеру овладели Койвисто. Успешно шло продвижение и в направлении Сумма—Выборг.

19 июня «линия Маннергейма» на участке более чем в 50 км была занята войсками Ленинградского фронта. За выдающиеся заслуги и умелое управление войсками генералу армии Говорову было присвоено звание Маршала Советского Союза.

Несмотря на критическое положение, финское командование все еще пыталось остановить советское наступле-

ние. Маршал Маннергейм обратился к войскам с призывом во что бы то ни стало удержать позиции. В связи с надвигающейся катастрофой правительство Финляндии в тот же день уполномочило начальника Генерального штаба Эрика Хейнрикса обратиться к германскому военному руководству с просьбой предоставить помощь войсками. Однако немецкое командование вместо запрошенных шести дивизий перебросило морем из Таллина лишь 122-ю пехотную дивизию и 303-ю бригаду штурмовых орудий, которые были двинуты на Карельский перешеек. Кроме того, в Финляндию прибыл 200-й германский полк, состоявший из эстонских добровольцев. В это же время с аэродромов Эстонии перелетели 20 пикирующих бомбардировщиков Ju-87 и 10 истребителей FW-190. Больше немцы дать не смогли. Напоследок удалось закупить у Германии 14 танков Pz Kpfw IV, три «тридцатьчетверки» и 29 штурмовых орудий.

В полосе Выборг—Вуокса шириной около 40 км оборону держали три финские пехотные дивизии и две бригады, а вдвое большую полосу Вуокса—Суванто—Тайпале обороняли две дивизии и одна бригада. Резервы — танковая бригада, а также отведенная на пополнение 10-я дивизия — находились западнее Выборга, где финны ожидали главный удар советских войск. Из Восточной Карелии ожидалось прибытие 17, 11 и 6-й дивизий.

На рассвете 19 июня 180-мм советские железнодорожные батареи открыли огонь по городу и железнодорожной станции Выборг. А на следующий день войска 21-й армии преодолели внешний и внутренний выборгские обводы и штурмом овладели Выборгом. Однако продвинуться севернее города советские войска не смогли из-за упорного сопротивления 10-й и 17-й финских дивизий, а также подошедших немецких частей.

Одновременно 23-я армия при содействии Ладожской военной флотилии на широком фронте вышла к оборонительному рубежу противника, проходившему вдоль Вуоксинской водной системы.

По достигнутому результату операция Ленинградского фронта получила название Выборгской. Советская и российская историография по сей день называет 20 июня датой ее окончания. Соответственно потери фронта оцениваются за 11 дней боев в 6000 убитыми и 24 000 ранеными. То, что еще 20 суток советские войска безуспешно атаковали фин-

ские позиции на Карельском перешейке, никакого названия не удостоилось, и салюты по этому поводу не гремели.

А между тем сразу после занятия Выборга Ставка уточнила задачи войскам Ленинградского фронта. В директиве от 21 июня указывалось, что фронт главными силами должен 26—28 июня овладеть рубежом Иматра—Лаппенранта—Виройоки, а частью сил наступать на Кексгольм, Элисенваара и очистить от противника Карельский перешеек северо-восточнее реки и озера Вуокса, создав предпосылки для перенесения боевых действий непосредственно на территорию Финляндии. «Выполняя эти указания, — повествует наша «История», — войска Говорова продолжали наступление. В жестоких схватках с врагом советские воины проявляли мастерство и массовый героизм». Однако сопротивление противника резко усилилось. На фронте появились 11-я и 6-я финские дивизии, а также 122-я немецкая.

22 июня в Хельсинки прибыл министр иностранных дел Германии Риббентроп. Он потребовал, чтобы финское правительство сделало публичное заявление о том, что Финляндия будет сражаться на стороне Германии до конца. Поскольку члены правительства в это время старались наладить мирные контакты с Москвой, то 26 июня президент Рюти подписал и публично озвучил декларацию, в которой давал личное обязательство не допустить подписания сепаратного мира с СССР без согласия с правительством «Германской империи».

В конце июня моряки Балтийского флота провели операцию по очистке от противника островов Бьёркского архипелага. Размещенные на них батареи, фактически оказавшиеся в тылу Ленинградского фронта, своим огнем препятствовали развертыванию боевых действий флота в Выборгском заливе по поддержке сухопутных войск. Кроме того, с островов противник систематически обстреливал шоссе и железные дороги Карельского перешейка. Силы финского гарнизона, удерживавшего острова, оценивались примерно в 3000 человек. Основные укрепления находились на острове Бьёрке и состояли из трех десятков орудий, в том числе калибра 254 и 152 мм, большого количества дзотов, минных и проволочных заграждений. Правда, тяжелые финские батареи израсходовали много боезапаса и не могли его пополнить ввиду блокады островов.

В связи с этим командующему Балтийским флотом было приказано высадить на острова десант и захватить их. Командование всеми десантными силами возлагалось на вице-адмирала Ю.Ф. Ралля. Во время подготовки к операции тральщики проложили фарватер по малым глубинам вдоль материкового берега пролива Бьёркезунд. Впрочем, мин там не оказалось. Одновременно легкие силы флота начали прикрывать район предстоящих действий.

Для проведения операции выделялись два батальона 260-й морской стрелковой бригады генерал-майора Кузьмичева — около 1500 человек при 30 орудиях. В состав сил высадки вошли 4 канонерские лодки, 2 сторожевых корабля, 8 бронекатеров, 12 торпедных и 16 сторожевых катеров, 28 тендеров, 24 катера-дымзавесчика и 28 катерных тральщиков. Артиллерийскую поддержку с берега должна была оказывать батарея 122-мм орудий, так как из-за поврежденных железнодорожных путей использовать мощную железнодорожную артиллерию не представлялось возможным. Прикрытие с воздуха вменялось флотской авиации.

Адмирал Ралль пришел к выводу, что наиболее уязвимым местом архипелага является восточное и северное побережье острова Пийсаари. Поэтому он решил сначала высадить десант на этот остров. После захвата плацдарма основными силами десанта предстояло овладеть островом Пийсаари, а затем островами Бьёрке, Торсари с последующим захватом и очищением всего архипелага. Силы высадки сосредоточивались в районе Майсала на западной оконечности полуострова Койвисто.

В ночь с 20 на 21 июня было решено произвести силовую разведку на острове Пийсаари силами одной роты. Движение отряда, состоявшего из 3 тендеров в охранении 4 катеров «КМ» и одного бронекатера, маскировалось демонстративным выходом другой группы, якобы направлявшейся в Кронштадт, а затем было прикрыто дымовыми завесами. В 4.40 десант без потерь высадился на острове Пийсаари, захватил участок шириной 400 м и глубиной 300 м и перешел к круговой обороне. Противник меньше всего ожидал высадку в этом месте, так как подойти к восточному побережью острова можно было, только пройдя пролив Бьёркезунд, который на всем протяжении простреливался артиллерийским и минометным огнем, а в ряде мест и стрелковым оружием.

Подтянув силы, финны пытались сбросить роту в море. Успешный захват плацдарма резко менял обстановку. Силовая разведка переросла в десантную операцию. Необходимо было немедленно послать подкрепления. Части бригады морской пехоты еще находились в пути к местам сосредоточения. У места посадки в готовности была лишь одна рота с 45-мм противотанковой пушкой. В 10 часов эта рота под огнем противника была переброшена через пролив. Положение разведывательного отряда несколько улучшилось.

Вскоре с севера в пролив вошел отряд из шести кораблей противника. Он обстрелял район высадки десанта, но под воздействием советской авиации и артиллерии вынужден был поспешно отойти в шхеры. Перед заходом солнца финны перебросили на остров Пийсаари подкрепления с острова Бьёрке и предприняли ряд контратак. Десант продолжал упорно обороняться.

Утром 22 июня к месту высадки прорвались 2 бронекатера и 8 тендеров с катерами-дымзавесчиками, а вскоре подошли и остальные высадочные средства и силы поддержки. Они немедленно приступили к переброске подразделений морской стрелковой бригады с материка на остров Пийсаари. К 17 часам все выделенные части высадились на острове и при поддержке штурмовой авиации повели наступление в южном направлении. Финны оказали достойное сопротивление, неоднократно переходя в контратаки. Сильно пересеченная местность, обильно поросшая лесом, затрудняла использование артиллерии в боевых порядках морской пехоты. Единственная дорога, идущая вдоль восточного побережья острова, находилась под огнем 152-мм батареи с острова Торсари. Лишь к 2 часам ночи сопротивление противника стало ослабевать, его артиллеристы израсходовали весь боезапас. Оставив сильные заслоны, вооруженные автоматическим оружием финны оторвались от советских частей и беспрепятственно эвакуировались на шлюпках и катерах. Утром 23 июня остров Пийсаари был полностью очищен от противника.

Одновременно были оставлены гарнизонами острова Торсари и Бьёрке. 25 июня после короткой перестрелки с командой поста наблюдения десантники заняли остров Туппурунсари. В ночь на 27 июня была успешно проведена операция по захвату острова Руонти.

На суше дела шли гораздо хуже. Войскам Ленинградского фронта не только не удалось выйти на указанный в директиве Ставки рубеж, но и вообще продвинуться хотя бы на шаг. Тогда маршал Говоров, учитывая усиление вражеских сил западнее Выборга, решил нанести одновременный удар с фронта и со стороны моря. Для решения этой задачи выделялись переброшенные на Карельский перешеек в конце июня войска 59-й армии генерала И.Т. Коровникова, которые ранее занимали оборону по восточному берегу Чудского озера. Армия получила задачу во взаимодействии с силами флота овладеть островами Выборгского залива, высадиться на материк, нанести удар по приморскому флангу и тылу выборгской группировки противника и соединиться с войсками 21-й армии. Балтийский флот выделил бригаду шхерных кораблей, 64 катера и тендера и 1-ю бригаду железнодорожной артиллерии. Командование этими силами вновь возлагалось на адмирала Ралля, назначавшегося одновременно заместителем генерала Коровникова по морской части. Расценивая острова Тейкарсаари и Суонисаари как ключ островной позиции противника, командующий 59-й армией решил захватить их в первую очередь.

В 4.50 1 июля советский десант, состоявший из одного батальона 185-го стрелкового полка и разведывательной роты 260-й морской бригады, преодолев сильное сопротивление противника, высадился на южную часть острова Тейкарсаари. Высадке предшествовала артиллерийская подготовка, действия десанта поддерживала штурмовая авиация, корабельная и береговая артиллерия.

Финское командование, понимая значение внешних островов Выборгского залива для устойчивости своего правого фланга, подготовило маневренные группы для усиления гарнизонов на этих островах и необходимые транспортные средства. Поэтому вскоре после высадки десанта на острове Тейкарсаари оно сумело быстро перебросить сюда подкрепления и контратаками вынудить советский десант «к обратной посадке».

Неудача не охладила пыла командующего 59-й армии. Генерал Коровников, подтвердив свое решение о захвате островов Тейкарсаари и Суонисаари, считал необходимым захватить одновременно с ними и остров Ревансаари. Он приказал подготовить более крупные десанты и высадить по одному полку на каждый из первых двух островов. Артилле-

рии и штурмовой авиации надлежало обеспечить развертывание сил, их высадку и продвижение. Для захвата острова Ревансаари выделялся еще один стрелковый полк, высадку которого должны были обеспечить инженерные части 59-й армии, так как мелководье исключало возможность использования здесь средств флота.

Для высадки десантов в бухтах южного побережья Выборгского залива к 3 июля были сосредоточены 108 тендеров, паромов, катеров и бронекатеров. Учитывая опыт предыдущего десанта, командир высадки имел резерв из штурмового батальона и 10 катеров. К этому времени 224-я стрелковая дивизия, воспользовавшись близостью некоторых островов к юго-восточному берегу залива, заняла их.

В 9 часов 4 июля силы высадки, выйдя на Транзундский рейд, начали развертывание. После артиллерийской и авиационной подготовки в 11 часов десант высадился на острова. К 16.50 Суонисаари и соседний с ним остров Эссисаари были полностью очищены от противника. Сложнее складывалась обстановка на острове Тейкарсаари, расположенном вблизи от юго-западного материкового берега залива, откуда противник смог быстро перебросить подкрепления. 160-й стрелковый полк, которому удалось вскоре после высадки выйти на противоположный берег острова, нес большие потери. Перейдя в наступление, финны выбили, сбросили полк в залив. От высадки резервного штурмового батальона командир сил высадки, оценив обстановку, отказался.

Утром следующего дня на остров Тейкарсаари было высажено пять батальонов 124-й стрелковой дивизии и четыре танка Т-26. Попытки финнов подбросить подкрепления на этот раз энергично пресекалась авиацией и бронекатерами.

К 6 июля все острова Выборгского залива были очищены от противника. Однако операция сильно затянулась и от высадки на материк пришлось отказаться. Тем более что эта акция явно не сулила успеха, а 21-я армия за первую декаду июля смогла продвинуться лишь на 10—12 км северо-западнее Выборга. 23-я армия к тому времени ликвидировала плацдарм на южном берегу реки Вуокса и захватила небольшой плацдарм на ее северном берегу.

Сопrotивление противника на Карельском перешейке все более усиливалось. К середине июля здесь действовало до трех четвертей финской армии. Ее войска занимали ру-

беж, который на 90 процентов проходил по водным препятствиям, имевшим ширину от 300 м до 3 км. Это позволило финнам создать в узких дефиле прочную оборону и иметь сильные тактические и оперативные резервы.

«Дальнейшее наступление советских войск на Карельском перешейке в этих условиях могло привести к неоправданным потерям, — сообщает нам «История Второй мировой войны». — Поэтому Ставка приказала Ленинградскому фронту с 12 июля 1944 года перейти к обороне на достигнутом рубеже». Да когда это товарища Сталина пугали потери? Наступление попросту выдохлось.

Потери Ленинградского фронта составили около 86 000 человек убитыми и ранеными, то есть более половины первоначального состава.

К этому же периоду относится история «уничтожения» финского броненосца, типичная в сложившейся в Советской стране системе очковтирательства. В ходе десантной операции воздушная разведка доложила, что финны направили в Выборгский залив свой самый сильный корабль — броненосец береговой обороны «Вяйнемяйнен», безуспешная охота на который велась на протяжении двух войн. Советская сторона разыскивала корабль всеми возможными средствами, финская — столь же тщательно прятала его. Наконец, долгожданная цель была обнаружена стоящей в базе Котка. Сами летчики пытались убедить командование, что корабль на проявленных фотоснимках на броненосец вовсе не похож, но начальству очень хотелось, чтобы это был неуловимый «Вяйнемяйнен». На том и порешили.

12 июля 30 пикирующих бомбардировщиков Пе-2 под командованием Героя Советского Союза гвардии полковника В.И. Ракова, прикрываемые 24 истребителями Як-9, нанесли удар по кораблю. Было сброшено 70 бомб ФАБ-500 и ФАБ-100. Однако ни одна из них не попала в цель. Тогда было решено провести специальную операцию, в разработке которой принял участие сам командующий авиацией флота генерал-майор М.И. Самохин. На операцию выделили 132 самолета, сведенные в две ударные и четыре обеспечивающие группы. Командовать группами Самохин назначил либо командиров полков, либо их заместителей. В течение трех дней пилоты тренировались в прицельном бомбометании по точечной цели. Наконец, 16 июля атака была повторена по всем правилам «воздушного устава».

Истребители обеспечивали чистое небо, штурмовики наносили удары по средствам противовоздушной обороны, демонстративная группа имитировала ложные атаки, пикирующие бомбардировщики сбросили на цель более 60 фугасных бомб весом от 100 до 250 кг, под занавес две пары топмачтовиков с высоты 30 метров сбросили шесть 1000-кг бомб. Вражеский корабль, получив не менее четырех попаданий, сначала накренился, потом опрокинулся и затонул.

На радостях командующий флотом адмирал В.Ф. Трибуц подписал шесть представлений на присвоение званий Героя Советского Союза. Гораздо позже выяснилось, что «героями» был уничтожен не финский броненосец «Вяйнемаяйнен», а немецкий крейсер ПВО «Ниобе», представлявший собой тихоходную баржу постройки 1900 года с вооружением из восьми 105-мм зенитных орудий и двадцати пяти 40-мм автоматов. Советские источники сообщают об одном потерянном самолете, немцы утверждают, что за два налета они сбили около ста машин. Истина, как всегда, где-то посередине. Но налицо несоответствие затраченных материальных средств достигнутому результату. Хотя, весьма вероятно, что ради Золотых звезд все и затевалось.

Таким образом, в результате Выборгской операции советские войска продвинулись на 110—130 км и вынудили противника перебросить значительные силы из Южной Карелии на Карельский перешеек. Это изменило соотношение сил в пользу левого крыла Карельского фронта и тем самым создало благоприятные предпосылки для успеха **Свирско-Петрозаводской операции.**

Карельский фронт, имевший в своем составе пять общевойсковых и одну воздушную армию, принадлежал к числу «долгожителей». Созданный в августе 1941 года, он существовал уже три года в отведенных ему территориальных пределах. С тех пор как финским войскам «за счет большого численного превосходства» удалось занять Южную Карелию, выйти на рубеж Свири и захватить Петрозаводск, перерезав движение по Кировской железной дороге и Беломоро-Балтийскому каналу, с декабря 1941 года здесь не происходило никаких изменений. Финны «большого достичь не сумели». Войска Карельского фронта соответственно «героически» удерживали оборону, но сами наступательной инициативы после неудачного опыта зимой 1941/42 года не проявляли, ограничиваясь заброской в тыл

противника диверсионных групп и партизанских отрядов. Активные боевые действия велись лишь в Заполярье, где действовали германские войска.

Войска и командиры фронта, простояв длительное время в обороне, опыта организации и проведения крупных наступательных операций не имели. Поэтому, обратив свой взор на север, Сталин первым делом в феврале 1944 года сменил все командование Карельского фронта. Вместо генерал-полковника В.И. Фролова, отправленного на тыловую работу, прибыл генерал армии Мерецков. С собой он привез полевое управление ликвидированного Волховского фронта, офицеры которого заменили своих предшественников, за редким исключением, на всех постах. Перед новым командующим была поставлена конкретная задача: готовить войска к наступательным действиям и представить разработку по разгрому немецко-финских войск в Карелии и в районе Петсамо в ходе летне-осенней кампании.

В конце февраля Мерецков представил Ставке соображения относительно предстоящих действий. Основной удар предлагалось нанести на кандалакшском участке фронта в сторону границы Финляндии и далее по ее территории к Ботническому заливу, отсекая большую часть немецких войск от финской армии. После выхода к заливу удар развивался на юг, против финнов. На мурманском направлении планировался вспомогательный удар.

Ставка в ответ приказала, не дожидаясь получения директив, начать подготовку к операции. Однако в мае планы изменились: Верховный принял решение одновременно с ударом на Карельском перешейке провести операцию в Южной Карелии. Генерал-полковник А.Ф. Хренов со слов Мерецкова описывает итоги совещания в Кремле: «Товарищ Сталин всех внимательно выслушал, потом положил руку на карту, прикрыл пальцем Лодейное Поле и сказал: «Наступать будем здесь. Как только наши войска выйдут к станции Лоймала, Финляндия выйдет из войны». На этом, как вы понимаете, спор был исчерпан».

Новый замысел состоял в том, чтобы ударами с двух направлений разгромить группировку финских войск между Онежским и Ладожским озерами. Главный удар наносила 7-я армия из района Лодейного Поля в общем направлении Олонец, Сортавала. Войска 32-й армии должны были наступать из района северо-восточнее Медвежьегорска

в направлении Суоярви, а частью сил — на Петрозаводск. Остальные войска фронта — 14-я, 19-я и 26-я армии — находились в готовности к переходу в наступление в случае переброски немецких войск из Центральной в Южную Карелию. Ладожской и Онежской флотилиям предписывалось содействовать наступлению войск вдоль побережий и высадить десанты.

Начало операции наметили на 25 июня. Однако 9 июня, в связи с предстоящим наступлением Ленинградского фронта на Карельском перешейке, Сталин приказал Мерцкову быть готовым через десять дней.

Финны еще осенью 1941 года приступили к созданию в Южной Карелии мощной глубоко эшелонированной обороны, особенно между Онежским и Ладожским озерами. Ее совершенствование продолжалось непрерывно до лета 1944 года. Оборона имела шесть полос и ряд отсечных позиций.

Первая полоса проходила по рубежу Ошта, Свирьстрой и далее по реке Свирь до Ладожского озера. Ее передний край был прикрыт противотанковыми препятствиями, многополосными проволочными заграждениями и минными полями. Основой полосы являлись опорные пункты на роту—батальон и узлы сопротивления на полк. Участки сплошных траншей из двух-трех линий были прочно одеты деревом, а в болотистых районах сооружены дерево-земляные укрепления в виде стен и заборов, достигавших высоты двух метров. У берега реки во многих местах были затоплены специальные рогатки, опутанные колючей проволокой. Участки, наиболее удобные для форсирования, густо минировались. Как на переднем крае, так и в глубине имелись дзоты и бронеколпаки с установленными в них пулеметами и орудиями. Оборонительная система включала ряд укрепленных районов, важнейшим из которых был Олонецкий, находившийся на правом фланге второй полосы.

Аналогично были оборудованы и остальные полосы между Онежским и Ладожским озером. В целом глубина обороны противника на этом направлении доходила до 200 км. Севернее Онежского озера финны оборудовали две полосы и ряд промежуточных рубежей в глубине. И здесь система обороны включала ряд укрепленных районов, наиболее мощным из которых был Медвежьегорский. Однако наличие большого количества труднопреодолимых есте-

ственных препятствий не позволило создать на этом участке сплошной фронт. Оборона строилась главным образом на прикрытии отдельных направлений.

К тому же сама местность Южной Карелии сильно затрудняла ведение наступательных действий: исключалось наступление крупными массами войск, нельзя было эффективно использовать тяжелую технику, затруднялся маневр, усложнялись разведка противника и управление войсками.

Все эти масштабные оборонительные мероприятия являются, конечно, еще одним ярким подтверждением «агрессивных устремлений финской военщины».

Укрепления на перешейке между Ладожским и Онежским озерами занимала «Олонецкая» оперативная группа в составе 5-го (11-я и 17-я пехотные дивизии, 20-я пехотная бригада) и 6-го (5-я и 8-я пехотные дивизии, 15-я пехотная бригада) армейских корпусов и Ладожской бригады береговой обороны — 76 000 солдат и 580 орудий.

Финнам здесь противостояла 7-я армия под командованием генерал-лейтенанта А.И. Крутикова, бывшего, по мнению Мерецкова, «до мозга костей военным человеком». В состав армии входили 6 стрелковых дивизий (21,67, 114, 272, 314-я и 368-я), 3 бригады морской пехоты (3, 69-я и 70-я) и 2 укрепленных района. За июнь Ставка перебросила сюда 37-й гвардейский, сформированный из воздушно-десантных частей, 99-й и 94-й стрелковые корпуса, седьмую артиллерийскую дивизию прорыва, 7-ю гвардейскую и 29-ю танковые бригады, три отдельных танковых полка и три тяжелых самоходно-артиллерийских полка, отдельную роту бронемашин, гвардейскую бригаду реактивных минометов, 40-ю зенитно-артиллерийскую дивизию, саперные части. Из резервов фронта с кандалакшского направления на Свирь был направлен 127-й легкий стрелковый корпус. Два таких корпуса были сформированы на Карельском фронте из морских стрелковых, отдельных лыжных бригад и лыжных батальонов. Они предназначались для наступления на труднодоступной местности и, в отличие от обычных соединений, не имели никакого транспорта: вооружение, артиллерия, минометы, боеприпасы перевозились вьюками.

Главный удар армия Крутикова должна была наносить от Лодейного Поля вдоль берега Ладожского озера на Олонец, Питкяранту и Сортавалу. Это давало возможность взаимодействовать с Ладожской военной флотилией контр-

адмирала В.С. Черокова и использовать имевшиеся на этом направлении дороги, пригодные для движения тяжелой техники.

На участке западнее Беломорска до Онежского озера оборонялась «Масельская» оперативная группа в составе трех пехотных дивизий и одной пехотной бригады, входивших во 2-й армейский корпус, а также пехотная дивизия и отдельный пограничный батальон, подчиненные непосредственно Верховному командованию. На правом фланге финские позиции проходили по южному стоку Беломоро-Балтийского канала. Здесь стояли 1-я и 6-я пехотные дивизии, 21-я пехотная бригада.

С советской стороны им противостояла 32-я армия генерал-лейтенанта Ф.Д. Гореленко, которой предстояло силами трех стрелковых дивизий (289, 313-й и 176-й) и танкового полка нанести вспомогательный удар в сторону Медвежьегорска, Юостозера, Суоярви, навстречу 7-й армии.

Всего для участия в операции выделялось 16 стрелковых дивизий, два укрепленных района, три стрелковые и две отдельные танковые бригады — 202 000 солдат и офицеров, около 4000 орудий и минометов, более 300 танков и самоходных установок. Авиационная поддержка должна была осуществляться 588 самолетами 7-й воздушной армии и в первый день в ходе форсирования Свири частью сил 13-й воздушной армии.

При подготовке операции основные силы сосредоточивались в полосе 7-й армии: 70% стрелковых соединений, 83% артиллерии, 94% танков от общего количества войск, привлекавшихся к наступлению. Ширина Свири в этом месте достигала 300—400 м, глубина 5—7 м. В район Лодейного Поля прибыли 1-я и 20-я штурмовая инженерно-саперные бригады, два отдельных моторизованных понтонно-мостовых батальона, два армейских инженерно-саперных батальона, маскировочная и гидротехническая роты, отдельный парк инженерных машин и оперативная группа военно-геологического отряда. Кроме того, за два дня до начала операции должны были подойти 13-я инженерно-саперная бригада и 30-й моторизованный понтонно-мостовой батальон из резерва фронта, а также отдельная рота с шестью самоходными паромами грузоподъемностью по 16 тонн из резерва Ставки. Наконец, Ладожская военная флотилия выделяла пять тендеров и два буксира с 600-тонными бар-

жами. Инженерные службы армии и фронта готовились к форсированию реки основательно и со вкусом.

Они же обратили внимание командования на расположенный выше места планируемой переправы мощный гидроузел Свирь-3, находившийся в руках противника. Плотина, создавая перепад уровня 18 метров, удерживала 125 миллионов кубометров воды. Расчеты показали, что в случае открытия затворов или внезапного взрыва плотины по реке прокатится четырехметровый вал воды, способный мощным гидравлическим ударом смыть любую переправу. Поэтому инженеры предложили разрушить плотину самим до начала операции. Правда, командование, по свидетельству начинжа фронта, «сомневалось в том, что противник решится на мгновенный взрыв плотины», но все же решило не пускать дело на самотек. Для утверждения плана уничтожения ценного народнохозяйственного объекта Мерецкову пришлось ехать в Москву доказывать военную необходимость подобной акции. В конце концов товарищ Сталин дал «добро».

Выполнение этой задачи было возложено на авиацию Балтийского флота. Для разрушения плотины были привлечены 55 бомбардировщиков. Их экипажи прошли подготовку на специально оборудованном полигоне, после чего самолеты сосредоточились в районе Новой Ладogi. С 18 июня начались прицельное бомбометание и стрельба тяжелой артиллерией по затворам плотины и шлюзовым створам. В верховьях спускали по реке плавающие мины. Лишь к вечеру 20-го числа нужный «эффект был достигнут»: плотина была повреждена в трех местах, уровень реки поднялся на два метра.

Увлеченное такими интересными делами на собственной «кухне», командование Карельского фронта не заметило, что противостоящие им силы противника уменьшились более чем вдвое. В соответствии с приказом Маннергейма войска грузились в поезда и убывали на Карельский перешеек, где решалась судьба Финляндии. Из состава «Масельской» группировки исчезли 4-я и 6-я пехотные дивизии. Под носом у генерала Крутикова тихо снялся с позиций 5-й армейский корпус. Рубеж на Свири остались защищать 5-я и 8-я пехотные дивизии и 15-я пехотная бригада. Лишь в ночь на 20 июня командарм-7 получил донесение, что противник в полосе от Онежского озера до Свирыстроя

начинает свертывать плацдарм. Получив разрешение от командующего фронтом, Крутиков приказал соединениям, расположенным на правом фланге, начать преследование врага, форсировать на его плечах Свирь в районе Подпорожья и захватить вторую полосу неприятельской обороны на северном берегу. Преследование началось с утра 20 июня, но оказалось делом непростым. Финны оставили за собой многочисленные заграждения, их части прикрытия сопротивлялись с большим ожесточением.

А тем временем в полосе главного удара завершилась подготовка к форсированию.

Ровно в 8 часов утра 21 июня был произведен залп гвардейских минометов. В 8.05 над финскими позициями появились несколько сот бомбардировщиков и штурмовиков. В 8.40 открыли огонь 1595 орудий и минометов. В районе прорыва средняя плотность составляла 164 ствола на километр фронта. Артиллерийская подготовка длилась три с половиной часа. Прямой наводкой били в противоположный берег танки и самоходные установки.

Во время артподготовки в районе Лодейного Поля с целью доразведки целей проводилась демонстративная переправа войск через Свирь. Шестнадцать солдат-добровольцев из 300-го полка 99-й дивизии и 296-го полка 98-й дивизии бросились в воду и, толкая перед собой плоты и лодки с чучелами людей, начали медленно пересекать реку. Финны немедленно открыли огонь, что позволило выявить их целевые огневые точки. Гвардейцы достигли противоположного берега и завязали там бой. Самое удивительное, что все они остались живы и месяц спустя были удостоены звания Героя Советского Союза.

Без четверти двенадцать 360 бомбардировщиков и штурмовиков 7-й и 13-й воздушных армий нанесли повторный удар по финским позициям. Затем 15-минутный огневой налет произвела артиллерия. Одновременно началось форсирование Свири.

Для решения этой задачи было сосредоточено значительное количество десантно-переправочных средств, на которых только одним рейсом могли переправиться до 20 стрелковых батальонов с вооружением.

Переправившись первым, эшелон разведки и обеспечения проделал проходы в заграждениях и захватил кромку противоположного берега. Вслед за ним в полосе шириной

четыре километра на плавающих автомобилях, десантных лодках и тендерах реку форсировали части первых эшелонов стрелковых дивизий 37-го гвардейского корпуса. В течение двух часов десантные переправочные средства под беспорядочным ружейно-пулеметным и минометным огнем противника совершили по 4—6 рейсов. К 13 часам части инженерных войск навели через Свирь 11, а к исходу дня 20 паромных переправ. За пехотой началась переброска танков и САУ. Переправу поддерживал огнем поднявшийся вверх по реке отряд бронекатеров Ладожской флотилии.

Артиллерия и авиация до такой степени перепахали прибрежную полосу, что высадка войск была произведена почти беспрепятственно. «Нашему взору открылась потрясающая картина, — вспоминал бывший командир полка 100-й гвардейской дивизии генерал Х.Л. Харазия. — Все вокруг горит и дымится. Вражеская оборона от реки километров на пять в глубину изрыта бомбами и снарядами. Орудия и минометы, исковерканные и обгоревшие, валяются на своих огневых позициях. Траншеи и ходы сообщения разрушены. Немногие оставшиеся в живых солдаты и офицеры противника настолько потрясены, что лишились способности к какому бы то ни было сопротивлению. Стоят с поднятыми руками и трясутся. Траншеи буквально завалены телами вражеских солдат и офицеров. А в дотах, к нашему немалому удивлению, мы обнаружили трупы солдат противника, на которых не было никаких следов ранений. Но все — синие. Их убивало взрывной волной от наших реактивных снарядов, которая проникала через амбразуры в доты».

В первый же день операции ударная группировка 7-й армии прорвала главную полосу обороны противника на 12-километровом фронте, продвинувшись на глубину до 6 км. Пройдя через боевые порядки дивизий первого эшелона, вперед рванулась подвижная группа с задачей выйти в глубокий тыл противника. Но этого ей не удалось. Танки заехали в болоте, следовавшие за ними машины забили единственную дорогу. Стрелковым полкам пришлось тащиться к намеченному рубежу через болота и скалы, на себе вынося боевую технику и боеприпасы.

22 июня войска генерала Крутикова продолжали наступление. В полдень части 368-й стрелковой дивизии, преследовавшие противника на подпорожском направлении, прорвались к реке в районе Вознесенья и с ходу форсировали

ее на подручных средствах. Пехоту поддерживали огнем корабли Онежской флотилии. 99-й стрелковый корпус овладел районным центром Подпорожье и тоже переправился через реку. К концу дня Свирь была форсирована на всем ее протяжении от Онежского и Ладожского озера. Главной группировке, несмотря на усилившееся сопротивление противника, удалось расширить плацдарм на реке Свирь до 60 км по фронту и до 12 км в глубину.

Финское командование начало отводить 8-ю и 5-ю дивизии и 15-ю бригаду на вторую линию обороны. Отход прикрывали сильные арьергарды.

Войска 32-й армии также начали активные действия на сутки раньше установленного срока. 20 июня генерал Гореленко приказал провести разведку боем на участке 313-й и 289-й дивизий, и в результате стало известно, что финские части — 1-я пехотная дивизия и 21-я бригада — перегруппировываются и готовятся к отходу. Советские войска получили приказ преследовать противника. В ночь на 21 июня передовые части 313-й стрелковой дивизии форсировали Беломоро-Балтийский канал и внезапным ударом выбили противника с первой линии обороны. Затем через канал переправились основные силы дивизии. Днем 21 июня советские войска освободили Повенец и лесными тропами устремились к Медвежьегорску. 176-я и 289-я стрелковые дивизии вклинились в оборону противника и с боями к вечеру вышли к озеру Вожема и станции Малыга. За первый день части 32-й армии преодолели 16 км, однако под Медвежьегорском застряли почти на двое суток. Лишь с подходом 289-й стрелковой дивизии город 23 июня был взят совместным ударом с севера и востока.

Отступая, финские войска минировали и разрушали дороги и лесные тропы, взрывали мосты, устраивали массовые завалы в лесах. Естественные и искусственные препятствия гибко сочетались с умелым маневрированием и упорным сопротивлением. В тылу советских войск оставлялись группы снайперов-наблюдателей с радиостанциями, отстреливавших в первую очередь офицеров и информировавших свое командование обо всех действиях противника. Наступление Карельского фронта резко замедлилось.

Ставка в директиве от 23 июня выразила неудовлетворение низкими темпами продвижения и потребовала более решительных действий. Еще бы, ведь шестнадцати дивизиям

и трем бригадам Мерецкова, поддерживаемым тремя сотнями танков и самоходок, тяжелой артиллерией и всей мощью авиации, противостояли три финские пехотные дивизии и две бригады. Командующий фронтом получил приказ главными силами 7-й армии энергично развить наступление в направлении Олонец, Питкяранта и частью сил — в направлении Коткозеро, Пряжа, с тем чтобы не допустить отхода на северо-запад группировки противника, действовавшей перед правым флангом армии, и во взаимодействии с 32-й армией, которая должна была наступать главными силами на Сувилахти и частью сил на Кондопогу, освободить Петрозаводск.

Но с утра 23 июня 4-й и 37-й стрелковые корпуса 7-й армии по-прежнему вели упорные бои в полосе предполья второй линии финской обороны. Лишь правофланговый 99-й корпус, оставив за спиною Подпорожье, успешно продолжал наступление, не встречая организованного сопротивления. Походными колоннами войска двинулись по лесной дороге к Коткозеру и вышли на шоссе Петрозаводск—Олонец.

32-я армия совместным ударом трех дивизий 23 июня освободила Медвежьегорск и продолжала наступление на Петрозаводск.

В этот же день Ладожская флотилия при поддержке около 300 самолетов авиации флота высадила в междуречье Тулоксы и Видлицы, в тылу олонецкой группировки противника, десант с задачей перерезать важнейшие сухопутные коммуникации противника, лишив его тем самым возможности подвоза резервов на приозерный участок фронта. Кроме того, высадка десанта в этом районе должна была создать угрозу окружения олонецкой группы финнов и вынудить их бросить против высадившихся сил свои части с других участков. Для прикрытия его действий на берегу выделялась авиация фронта — 3 штурмовых и 2 бомбардировочных авиационных полка. Высадку двух эшелонов 70-й отдельной морской стрелковой бригады — 3667 человек — под командованием подполковника А.В. Блака обеспечивали 78 боевых и вспомогательных кораблей и судов.

В 5 часов утра канонерские лодки, бронекатера и авиация провели обработку места высадки. Нападение оказалось неожиданным для противника, и передовые отряды без особых трудностей закрепились на берегу. В 9.20 под

прикрытием артиллерийского огня и дымовых завес закончил высадку первый эшелон десанта. К 14 часам, несмотря на возрастающее противодействие, подошли и начали высаживаться войска второго эшелона. Всего на берег десантировались 3159 человек. Морская бригада в первый же день захватила плацдарм 4,5 км по фронту и 2 км в глубину, оседлав железную и шоссейные дороги от Олонца на Питкяранту.

Финны срочно направили к месту высадки части 15-й пехотной бригады и отдельный егерский батальон. К исходу 23 июня при поддержке бронепоезда они сильными контратаками попытались сбросить десант в озеро. К полудню 24 июня стали поступать тревожные сведения о кризисной ситуации, подполковник Блак просил подкрепления людьми и боеприпасами. Как нарочно, резко ухудшилась погода, авиация не смогла подняться в воздух, и вся тяжесть поддержки десанта легла на бронекатера и канонерские лодки. По приказу командующего флотилией канонерские лодки передали на берег 60% своего боезапаса. Однако сил бригады по-прежнему было недостаточно, чтобы сдерживать натиск противника. Положение спасла осуществленная в срочном порядке доставка на плацдарм к 16 часам трех тысяч бойцов 3-й бригады морской пехоты. В результате все атаки противника были отбиты.

В это время генерал Крутиков произвел перегруппировку сил, подтянул артиллерию и приступил к прорыву второй полосы обороны.

Высадка крупного десанта в тылу финских войск и обход их войсками 99-го корпуса создали реальную угрозу окружения 5-й и 8-й пехотных дивизий. Поэтому командование противника было вынуждено в ночь на 24 июня начать отвод своих частей на западный берег Видлицы. Прикрывая отступление, финны в 18.00 провели массированный артиллерийский налет, продолжавшийся почти четыре часа, по изготовившимся к атаке и следовавшим в колоннах к рубежам развертывания стрелковым полкам. Советские части понесли значительные потери и вынуждены были перенести начало наступления на утро. Выяснилось, что неспроста на подходах к укрепленным рубежам вся территория была размечена специальными знаками, нанесенными на камнях и деревьях и обозначающими заранее пристрелянные точки. Стоило советскому подразделению оказаться рядом с таким

знаком, как финны, получив сообщение от наблюдателей, тут же открывали огонь на поражение. «Даже их автоматные очереди подчас имели скрытый смысл, — удивляется Харазия. — Их код «служил как докладами о нашем продвижении, так и наводкой на нас огня вражеских батарей». К тому же «кукушки» всех пород и мастей буквально озверели», в общем — «враг изошрялся в коварных приемах».

Сломив сопротивление арьергардов, подразделения 37-го гвардейского корпуса генерал-лейтенанта П.В. Миронова, с приданными им 29-й танковой бригадой и 372-м самоходно-артиллерийским полком 25 июня заняли Олонц. В полночь 27 июня передовые части 7-й армии, соединившись с десантом в районе Видлицы, начали преследование противника в направлении Питкяранта.

В этот же день они вошли в Нурмолицы, 28 и 29 июня вели бои с частями 8-й пехотной дивизии в районе Торосозеро, а 30 июня вышли к Видлице между Ивасельгой и Большими Горами. 99-й корпус к 30 июня вел бой в районе Ведлозера. 4-й корпус занял сильные узлы сопротивления Сармяги и Обжа и быстро продвигался по берегу Ладожского озера.

«Преодоление сравнительно небольшого пути от Лодейного Поля до Олонца потребовало огромного напряжения сил, — вспоминает генерал Хренов. — На один километр фронта здесь приходилось по двенадцать дотов и дзотов. А на долю саперов выпало обезвредить 40 тысяч мин. Трудным и долгим было это наступление...» Для борьбы с «озверевшими» финскими снайперами войска разворачивались в цепи и проводили сплошное прочесывание огнем верхушек деревьев. Почему-то считалось, что «кукушки» сидят именно там, хотя ни один опытный снайпер, если он не самоубийца, на дерево не полезет. В таком «бою» один только 301-й полк 100-й гвардейской дивизии за день израсходовал три боекомплекта патронов, а командир полка в свое оправдание доложил, что «за один только день мы сбили с деревьев более полусотни «кукушек»(!).

Части 15-й бригады и 5-й дивизии финнов отошли за Видлицу и заняли оборону на ее западном берегу.

28 июня правофланговые соединения 7-й армии и наступавшие с севера вдоль Онежского озера части 32-й армии приблизились к Петрозаводску. Одновременно Онежская военная флотилия высадила в 25 км южнее города батальон

морской пехоты, который первым вошел в оставленный финнами Петрозаводск. Кировская железная дорога была очищена от противника на всем ее протяжении.

С выходом войск 7-й армии на реку Видлица 30 июня закончился первый этап наступления на свирско-олонецком направлении. На правом фланге армии советские войска после форсирования Свири преследовали отступающих финнов в направлении от Вознесенья на Шелтозеро и Петрозаводск. 94-й стрелковый корпус, так и не введенный в бой, Ставка вывела из состава Карельского фронта.

2 июля 37-й гвардейский корпус возобновил наступление на реке Видлица и успешно преодолел ее. Через два дня советские ударные подразделения подошли к реке Тулемайоки. Только через трое суток, сломив упорное сопротивление финнов, корпусу удалось форсировать реку и продвинуться еще на 15—20 км. Противодействие со стороны противника неуклонно возрастало.

Вдоль побережья Ладожского озера наступал 4-й стрелковый корпус, который 3 июля также вышел к Тулемайоки, но форсировать ее не смог. Удалось только захватить поселок и крупную железнодорожную станцию Салми. Чтобы ускорить продвижение, генерал Крутиков 6 июля на стыке между 4-м и 37-м корпусами ввел в бой 127-й легкий стрелковый корпус. Ему была придана 7-я гвардейская танковая бригада. Перед корпусом стояла задача разгромить противника западнее поселка Уома и вместе с 4-м корпусом уничтожить финские войска в районе Питкяранта. И снова доты, надолбы, заграждения и мины, мины, мины. Мерецков в мемуарах обмолвился: «Саперные подразделения гибли одно за другим, а дело требовало продвижения». Поэтому применялись самые оригинальные способы. К примеру, если минное поле считалось противопехотным, по нему пускали самоходные установки, а за ними по гусеничным колесам следовали бойцы. Есть еще проверенный жуковский способ: наступать прямо по минам, стараясь перебежать по местам разрывов.

Наконец, 10 июля город Питкяранта был взят. Дальнейшее наступление приостановилось — прорвать узел обороны в районе Кителя не удалось, как не удалось ни окружить, ни уничтожить ни одной части противника. По мере приближения советских войск к границе все более упорным становилось сопротивление. Линия фронта остановилась

на рубеже Питкяранта—Лоймола, то есть почти на том же рубеже, где закончилась Зимняя война. Финны восстановили и усилили здесь старые оборонительные сооружения, используя особенности рельефа местности. Об этот рубеж армия Крутикова безуспешно билась еще почти месяц, но не продвинулась больше ни на шаг. До финляндской границы оставалось около 80 км.

32-я армия решала сложную задачу по овладению Пороозерским узлом обороны. Несмотря на сильно пересеченную местность, армии, используя специальные отряды на автомашинах высокой проходимости, удалось совершить обходной маневр, что решило исход дела. В 5 часов утра 21 июля части 176-й стрелковой дивизии овладели Ленгонвара и вышли к государственной границе СССР образца 1940 года, о чем Мерецков немедленно отрапортовал Сталину.

В конце июля войска генерала Гореленко, продолжая преследовать отступающего противника, вышли на линию Лоймола—Ленгонвара и даже попытались перенести боевые действия на территорию Финляндии. 25 июля 289-я стрелковая дивизия перешла границу и продвинулась на 12 км в направлении Викиниemi.

Финское командование перебросило подкрепления из глубины страны и с северного участка фронта и 31 июля нанесло контрудар по флангам. Советские части потерпели поражение, были отброшены от государственной границы и оставили город Ленгонвара, о чем, конечно, тоже было доложено товарищу Сталину.

После тяжелых боев к 9 августа фронт стабилизировался по рубежу Кудамгуба, Куолиσμα, восточнее Лоймола, Питкяранта. Войска Карельского фронта перешли к обороне. Потери за полтора месяца боев составили 63 603 человека убитыми и ранеными.

В результате операции советские войска нанесли поражение противнику и продвинулись на 110—250 км. Была освобождена большая часть Карело-Финской ССР с ее столицей Петрозаводском, очищены Кировская железная дорога и Беломоро-Балтийский канал. Выход к границе Финляндии создал предпосылки для ускорения ее вывода из войны.

Однако фактически войска Говорова и Мерецкова не достигли государственной границы СССР ни на одном участке. Финнам ценой больших усилий удалось остановить советское наступление на всех направлениях. Боевые действия на

финском фронте приобрели позиционный характер. Ставка начала снимать отсюда войска и перебрасывать их на запад, где в результате разгрома группы армий «Центр» открылись новые перспективы на берлинском и прибалтийском направлениях. Общие потери двух советских фронтов и Балтийского флота за два месяца составили 294 танка и САУ, 489 орудий и минометов, 311 самолетов, более 150 000 человек убитыми и ранеными. Потери финской армии также были велики: около 12 000 погибших, свыше 50 000 раненых и пропавших без вести. Кстати, финны в боях потеряли 41 танк и штурмовое орудие, но при этом умудрились пополнить свой бронетанковый парк дюжиной советских «трофеев».

Именно бои лета 1944 года привели к тому, что в последующих переговорах с Советским Союзом правительству Финляндии удалось избежать требований о безоговорочной капитуляции. Сталин еще раз убедился, что финны готовы защищать свою землю, а новое вторжение в Суоми будет стоить и крови, и международных осложнений. Своя позиция в отношении Финляндии имелась у западных союзников, помогавших ей в период Зимней войны. Кроме того, за развитием событий внимательно следили другие Скандинавские страны для определения дальнейшей внешнеполитической линии в отношениях с СССР.

Тем не менее дальнейшие перспективы Финляндии в войне были безнадежны. 1 августа президент Рюти, самый последовательный сторонник германо-финского сотрудничества, ушел в отставку. Три дня спустя сейм единогласно утвердил президентом республики маршала Маннергейма. Трезво оценивая обстановку, последний заявил: «Финляндия не должна во всем следовать за Германией, она должна отделить свою судьбу от судьбы гитлеровского рейха».

25 августа правительство Финляндии через своего посланника в Стокгольме передало Коллонтай письменную просьбу возобновить переговоры о заключении перемирия с Советским Союзом. В этот же день посол Финляндии в Берлине получил указание заявить германскому правительству, что отныне Финляндия не считает себя связанной принятыми ею ранее обязательствами. 29 августа советское правительство сообщило о согласии вступить в переговоры, если Финляндия порвет отношения с Германией и обеспечит вывод немецких войск со своей территории в течение двух недель.

3 сентября премьер-министр Финляндии Атти Хакцелль выступил по радио с обращением к народу, сообщив решение правительства начать переговоры о выходе Финляндии из войны. В ночь на 4 сентября правительство Финляндии сделало заявление по радио, что принимает советские предварительные условия, разрывает отношения с Германией и соглашается на вывод немецких войск к 15 сентября. Одновременно Главное командование финской армии объявило, что прекращает военные действия по всему фронту с 8 часов утра 4 сентября 1944 года. В свою очередь, с 8.00 5 сентября Ленинградский и Карельский фронты по распоряжению Ставки закончили военные действия против финских войск. 8 сентября в Москву прибыла финская делегация.

В период с 14 по 19 сентября проходили переговоры, которые вели представители СССР и Англии, действовавшие от имени всех Объединенных Наций, с одной стороны, и финская правительственная делегация — с другой. Советские требования остались теми же, что и те, которые были выдвинуты в марте, только сумма репараций была уменьшена вдвое. Переговоры завершились 19 сентября подписанием Соглашения о перемирии.

В итоге решительным образом изменилась вся стратегическая обстановка на северном крыле советско-германского фронта. Были созданы благоприятные условия для освобождения советского Заполярья и северных районов Норвегии. В результате изгнания врага с побережья Финского залива от Ленинграда до Выборга улучшились условия базирования Балтийского флота. Он получил возможность для ведения активных действий в Финском заливе и безопасный выход в Балтийское море для содействия операциям в Прибалтике. Значительная часть сил советских войск, действовавших на карельском участке фронта, могла теперь быть задействована на других направлениях.

Прекращение военных действий Финляндией поставило группировку германских войск на Крайнем Севере в положение полной изолированности от остальных сил вермахта. Германия не просто лишилась одного из самых стойких своих союзников, но и оказалась в состоянии войны с ним.

Согласно советским условиям, немецкие войска должны были покинуть территорию Финляндии до 15 сентября, в противном случае они должны были быть интернированы. Однако, с одной стороны, малореально было уложиться в

указанный срок, тем более что основная масса войск 20-й горной армии занимала позиции не на финской, а на советской территории, с другой — трудно себе представить, чтобы 200-тысячная группировка немцев в Лапландии дала себя разоружить. Кроме того, Гитлер вовсе не собирался оставлять своих позиций в Заполярье, особенно богатый никелем район Петсамо. К 14 сентября Германия эвакуировала менее половины своих войск, в основном из южных районов страны, а 36-й и 18-й корпуса едва начали отход на кандалакшском и кестеньгском направлениях. Советский Союз предложил свою помощь в разоружении, однако финны категорически отказались, зная, что выпроводить Красную Армию обратно им точно не удастся. Впрочем, и Мерцкову товарищ Сталин дал указание, сильно удивившее командующего Карельским фронтом, не информированного о тонкостях «большой политики»: отступлению 20-й горной армии не препятствовать, решительных действий по отношению к ней не предпринимать, «не ввязываться в тяжелые бои с отходящими частями противника и не изнурять наши войска». Сталин все прекрасно понимал, он сам занимался «разоружением» немецких горных егерей уже три года и пока без особого успеха. Но тут можно было помотать нервы финскому правительству, обвиняя его в невыполнении соглашений и толкая его на решительный конфликт с Германией. Ведь в это время еще полным ходом шли переговоры в Москве, а Вождь умел находить рычаги для политического давления.

Немцы сами дали повод для развертывания боевых действий. Несмотря на заверения Маннергейма о глубоком сожалении по поводу конца «германо-финского братства по оружию», германские представители в Финляндии получили указание из Берлина прекратить всякие контакты с финнами, которые рассматривались теперь как предатели. Соответственно и вести себя немцы стали, как на вражеской территории.

Так, в ночь на 15 сентября они попытались овладеть островом Готланд, расположенном в Финском заливе. С помощью советской авиации гарнизон отразил десант. Еще больше возмутили финнов известия о многочисленных разрушениях, совершаемых отступавшими на север немецкими войсками. Финской армии пришлось применить силу, чтобы поторопить «гостей».

30 сентября 3-й пехотный корпус атаковал с юга позиции 18-го горноегерского корпуса в районе Торнио. Одновременно финны высадили морской десант на открытом фланге немецких войск. Разгорелись тяжелые бои, которые обеими сторонами велись с исключительным упорством. Они закончились тем, что егеря прорвались на север и, ведя непрерывные арьергардные бои, отступили через Мунио в Норвегию. 8 октября финны овладели городом Кеми, а к концу месяца заняли Мунио. «Это была последняя и самая мрачная глава в истории немецко-финской дружбы», — писал генерал Дитмар.

В самом северном уголке Финляндии, на стыке трех границ, немцы удерживали небольшой участок территории до 25 апреля 1945 года.

Финнам удалось избежать уготованной им Сталиным советизации, ни один советский солдат не вступил на территорию Суоми. А что такие планы у Москвы были не только в 1939-м, но и в 1944 году, подтверждает бывший член ЦК Компартии Югославии Милован Джилас, описавший ужин на сталинской даче через три года после окончания войны:

«Слева от меня сидел молчаливый Молотов, а справа многословный Жданов. Последний рассказывал о своих контактах с финнами и с уважением говорил об их аккуратности при поставке репараций.

— Все точно вовремя, в прекрасной упаковке и отличного качества.

Он закончил:

— Мы сделали ошибку, что их не оккупировали, — теперь бы все было уже кончено, если бы это сделали.

Сталин:

— Да, это была ошибка — мы слишком оглядывались на американцев, а они и пальцем бы не пошевелили.

Молотов:

— Ах, Финляндия — это орешек!»

«Таким образом, уже в результате первых четырех сталинских ударов были разгромлены сильные стратегические фланговые группировки противника и получена возможность нанесения сокрушительных ударов по его центральной группировке, прикрывавшей кратчайший путь в глубь Германии. В этой обстановке советское Верховное Главнокомандование начало осуществление пятого сталинского удара в Белоруссии».

ПЯТЫЙ СТАЛИНСКИЙ УДАР

«...был нанесен войсками 1-го Прибалтийского, 3-го, 2-го и 1-го Белорусских фронтов в июне—июле в Белоруссии, при содействии многотысячной армии белорусских партизан, по немецкой группе армий «Центр».

В результате первых четырех сталинских ударов, осуществленных Советской Армией в январе-мае 1944 года, были разгромлены сильные стратегические группировки противника на северном и южном крыле советско-германского фронта и созданы благоприятные условия для ликвидации центральной группировки в Белоруссии.

К исходу третьего года войны фронт в Белоруссии протяженностью более 1100 км проходил по линии озеро Нещедро, восточнее Витебска, Орши, Могилева, Жлобина, по реке Припять, образуя огромный выступ на восток, дугой огибавший Минск. На этом рубеже оборонялись войска группы армий «Центр» под командованием фельдмаршала Эрнста Буша. В нее входили 3-я танковая, 4, 9 и 2-я полевые армии, которые поддерживала авиация 6-го воздушного флота под командованием генерала Риттера фон Грейма. На севере к ней примыкали войска 16-й армии группы армий «Север», на юге — 4-я танковая армия группы армий «Северная Украина». В группе «Центр» вместе с примыкающими соединениями соседних групп армий насчитывалось 63 дивизии (в том числе 4 танковые и 3 моторизованные) и 3 бригады. В них насчитывалось 1 200 000 человек, 9500 орудий и минометов, 900 танков и штурмовых орудий, 1350 самолетов.

Войска фельдмаршала Буша, занимая так называемый «белорусский балкон» и располагая хорошо развитой сетью железных и шоссейных дорог для широкого маневра по внутренним линиям, преграждали Красной Армии путь

на Варшаву. При переходе советских войск в наступление к северу или к югу от «балкона» они могли наносить мощные фланговые удары.

Германское командование намеревалось любой ценой удержать выгодные для него позиции на центральном участке фронта. Оно считало, что советские войска смогут нанести в Белоруссии лишь второстепенный удар, и исключало возможность использования здесь большого количества танков. Немцы надеялись, что лесисто-болотистая и озерная местность облегчит им оборонительные действия, стеснит маневренность советских войск и вынудит их наступать вдоль дорог, в лоб наиболее сильным оборонительным позициям. При этом предусматривалось отразить удары советских войск без усиления группы армий «Центр», поскольку все резервы готовились для отражения предстоящего вторжения во Францию.

В соответствии с основной идеей оборонительной операции и при отсутствии крупных резервов командование группы армий расположило свои войска в тактической зоне в один эшелон. Главные силы, сосредоточенные в районах Полоцка, Витебска, Орши, Могилева, Бобруйска и Ковеля, прикрывали наиболее удобные для наступления направления. Крупные города немцы превратили в сильные узлы сопротивления. В оперативном резерве находилось 11 дивизий, частично скованных действиями партизан.

Развитая в инженерном отношении оборона достигала в глубину 250—270 км. Кроме тактической зоны было оборудовано в глубине четыре рубежа и несколько промежуточных полос и отсечных позиций. Наиболее подготовленной являлась тактическая зона обороны, имевшая две полосы. Главная полоса глубиной 5—6 км состояла из двух, местами из трех позиций, оборудованных траншеями полного профиля, соединенных между собой ходами сообщения. При этом умело использовались условия местности: оборонительные рубежи проходили, как правило, по западным берегам многочисленных рек, имеющих широкие заболоченные поймы. Особенно сильно были укреплены районы Витебска и Бобруйска.

Однако германское командование имело здесь недостаточные резервы. Оперативная плотность обороны составляла 30 км на дивизию. Жесткие приказы Гитлера «держаться» лишали командиров свободы маневра, многие дивизии, в

соответствии с новой стратегией фюрера, были прочно привязаны к «укрепленным районам» и «крепостям». В полосе группы армий «Центр» такими «укрепленными районами» были объявлены города Слуцк, Бобруйск, Могилев, Орша, Витебск и Полоцк.

Между тем освобождение большей части Белоруссии планировалось еще в ходе зимне-весеннего наступления Красной Армии, когда советские войска должны были выйти на линию Лепель, Минск, Брест. Однако грандиозные операции на Украине поглотили грандиозные ресурсы, и на центральном направлении нашим военачальникам, привыкшим воевать количеством, сил разбить противника не хватило. Неоднократные попытки наступать в районе Витебска и Орши были малорезультативны и оплачивались дорогой ценой. Генерал Штеменко подтверждает: «Генштаб считал, что главная причина наших неудач севернее Польсы заключалась не столько в прочности вражеских позиций, сколько в грубых нарушениях некоторыми командирами и штабами правил организации, обеспечения и ведения наступления».

ПЛАН «БАГРАТИОН»

В апреле, планируя материальное обеспечение летней кампании, Ставка Верховного Главнокомандования приняла решение, что разгром немецких войск в Белоруссии является главной задачей Красной Армии летом 1944 года.

В основу плана была положена классическая идея нанесения двух мощных ударов в основания белорусского выступа — с севера от Витебска через Борисов на Минск и с юга через Бобруйск также на Минск с целью разгромить главные силы группы армий «Центр» восточнее столицы Белоруссии.

Тщательно был проанализирован опыт незавершенных операций зимне-весенней кампании. А он говорил, что без быстрого и решительного разгрома значительных группировок на ряде участков одновременно противник способен осуществить маневр, отвести свои войска на ближайшие оборонительные рубежи и сохранить целостность своего фронта. Поэтому, планируя операцию «Багратион», Ставка решила силами четырех фронтов одновременно перейти в наступление на витебском, оршанском, могилевском и бо-

бруйском направлениях, прорвать оборону на шести участках, окружить и уничтожить мощные фланговые группировки противника в районах Витебска и Бобруйска и, развивая удары по сходящимся направлениям к Минску, окружить и уничтожить основные силы группы армий «Центр». В последующем предусматривался ввод дополнительных сил и переход в наступление соседних фронтов в целях полного освобождения Белоруссии, Западной Украины и значительной части Литвы и Польши.

Ликвидация на первом этапе витебской и бобруйской группировок создавала в обороне противника оперативные бреши шириною 90—100 км, через которые без задержки могли прорваться в глубину крупные силы подвижных войск. Действуя по сходящимся направлениям на Минск, они могли окружить и во взаимодействии с общевойсковыми армиями уничтожить крупные силы группы армий «Центр» восточнее Минска на глубине более 200 км. Это приводило к образованию стратегической бреши шириной около 500 км, на закрытие которой немцы неизбежно должны были привлечь стратегические резервы и силы с других направлений.

«Иначе говоря, — разъясняет генерал А.И. Радзиевский, — в этом замысле нашла законченное выражение идея непрерывного развития тактических прорывов в оперативные, оперативных — в стратегические, в ходе которых непременно попадали в окружение и уничтожались несколько крупных группировок противника».

В самом плане ничего гениального не было. После войны маршал Жуков объяснял писателю К. Симонову, что «...достаточно было посмотреть на карту, чтобы стало вполне очевидным, что мы должны были нанести удары именно с тех направлений, с которых мы их потом и нанесли, что мы в состоянии создать этот белорусский котел и что в итоге это может закончиться прорывом шириной 300—400 километров, который немцам нечем будет заткнуть. Немцы могли это предвидеть. Логика событий и элементарная военная грамотность подсказали бы им необходимость вывести свои войска из будущего котла, сократить и уплотнить фронт, создать за своим фронтом оперативные резервы — словом, все, что полагается в подобных случаях. Но немцы этого не сделали и в результате подверглись разгрому в Белорусской операции».

На самом деле фельдмаршал Буш, конечно же, смотрел на карту и предлагал отвести войска к реке Березина, сократив фронт на 240 км, но Гитлер предложение отклонил. У него были свои стратегические соображения. Фюрер ожидал высадку союзников во Франции, которую рассчитывал отразить мощным танковым контрударом, и для выигрыша времени готов был пожертвовать немецкими войсками в Белоруссии. Если же англо-американский десант не состоится, то сосредоточенные в Польше 5 танковых дивизий, включая танковый корпус СС, смогут ударить по наступающим советским армиям в Белоруссии или на Украине и спасти группы армий «Центр» или «Северная Украина» от разгрома.

Таким образом, идея нанесения концентрических ударов с флангов не оригинальна, и Буш, давно освоивший азы военной науки, старательно их укреплял. Кстати, и маршал Василевский считал, что план был: «...прост и в то же время смел и грандиозен. Простота его заключалась в том, что в его основу было положено решение использовать выгодную для нас конфигурацию советско-германского фронта на белорусском театре военных действий...» А дробить фронт сразу в нескольких местах придумал еще царско-советский генерал Брусиллов. Для этого требовалось просто создать колоссальное превосходство в силах над противником. И оно было создано.

В группировку советских войск, привлекаемую для разгрома группы армий «Центр», входили 1-й Прибалтийский, 3, 2 и 1-й Белорусские фронты, Днепровская военная флотилия, в составе которых было 20 общевойсковых, две танковые и пять воздушных армий — 172 стрелковые и кавалерийские дивизии и три бригады, семь укрепрайонов, 12 танковых и механизированных корпусов, 17 отдельных танковых и самоходно-артиллерийских бригад, 80 отдельных танковых и самоходно-артиллерийских полков, девять самоходно-артиллерийских дивизионов. В них насчитывалось 2 400 000 офицеров и солдат, 36 400 орудий и минометов, 5200 танков и САУ, 5300 боевых самолетов, без учета привлекаемой авиации дальнего действия (а это более 1000 машин).

Однако в 1941 году Красная Армия тоже имела подавляющее численное превосходство над вермахтом, но провести такую операцию она бы тогда просто не сумела. Свидетельством тому многочисленные провалившиеся удары начального периода войны. Планирование и успешное осу-

шествление такой операции, как «Багратион», — признак качественных изменений в армии, выросшей квалификации штабов и командного состава всех степеней. Трехлетнее «обучение» наших полководцев можно считать законченным. Это подтверждает и противник:

«...Гитлер отменил все эти возражения своих боевых командиров. Он отказывался видеть, что летом 1944 года на поле сражения вышла совершенно новая Красная Армия, а не та, с которой он воевал в 1941 или 1942 годах. Офицеры и красноармейцы извлекли важные уроки из операций 1943 года. Самое главное, они научились сосредотачивать свои усилия на направлениях главных ударов, максимально использовать подвижные войска и крупные танковые соединения. Кроме того, русские не испытывали недостатка в вооружении и боеприпасах... Обращаясь к русскому патриотизму, большевистская система подняла народ на поразительные усилия. Не последнюю роль в этом сыграли и военные успехи по освобождению огромных территорий, и пагубная оккупационная политика Гитлера с ее философией «низших рас».

В соответствии с общим замыслом войскам 1-го Прибалтийского фронта предписывалось во взаимодействии с 3-м Белорусским фронтом разгромить витебско-лепельскую группировку противника и освободить Витебск. В последующем развивать наступление на Лепель, Шяуляй, отсекая группу армий «Север» от группы «Центр» и выходя на Балтику в районе Клайпеды.

Войска 3-го Белорусского фронта должны были нанести два удара: один — навстречу удару 1-го Прибалтийского фронта и другой — вдоль минской автомагистрали на Борисов и частью сил на Оршу. Далее — через Вильнюс и Каунас к границам Восточной Пруссии.

2-му Белорусскому фронту надлежало действовать на вспомогательном направлении Могилев, Белыничи и, отсекая 4-ю полевую армию на две части, выйти на Березину, а затем в район Белостока.

1-й Белорусский фронт должен был разгромить бобруйскую группировку немцев нанесением двух ударов: один из района Рогачева в направлении Бобруйск, Осиповичи; другой — из района нижнего течения реки Березины в общем направлении на Слуцк с охватом Бобруйска с юга. В последующем намечалось наступление левого крыла фронта на ковельском направлении.

Парадоксально, но Генеральный штаб в этот период старательно избегал в документах самого слова «окружение». Ликвидация Сталинградского котла, затянувшаяся на два с половиной месяца, неудачи советских полководцев с ликвидацией демянской или каменец-подольской группировок произвели на Сталина негативное впечатление. Немецкие солдаты в окружении проявляли стойкость и демонстрировали высокую боевую выучку, приковывая к себе большое количество войск и боевой техники. Причем в большинстве случаев им удавалась либо деблокада, либо прорыв окруженных сил. С военной точки зрения, окружение и последующее уничтожение противника является желанной целью любой операции. Но для Верховного в 1944 году важнее было не уничтожение живой силы в «котлах», что отнимало время и ресурсы, а занятие как можно большей территории и перенесение военных действий в Европу. Вот и мучились, по признанию Штеменко, с вопросом, что же делать после прорыва вражеской обороны:

«Мыслилось, что разгром значительной части наиболее боеспособных неприятельских войск будет достигнут уже в период прорыва обороны, первая полоса которой была особенно насыщена живой силой. Поскольку противник резервировал свои войска мало, возлагались большие надежды на первый огневой удар по его тактической зоне. С этой целью фронтам и давалось такое большое количество артиллерийских дивизий прорыва. Что же касается дальнейших способов действий, то они вырисовывались по-разному. Никаких сомнений не вызывал район Витебска. Здесь оперативное положение советских войск делало наиболее целесообразным окружение с одновременным дроблением и уничтожением вражеской группировки по частям. Применительно же к другим направлениям термин «окружение» не употреблялся...

Нужно было придумать что-то новое. Родилась, в частности, такая идея: нанеся поражение основной массе войск противника в тактической глубине его обороны мощным артиллерийским и авиационным ударом, отбросить их остатки с оборудованных позиций в леса и болота (?). Там они окажутся в менее благоприятных условиях: мы будем бить их с фронта, с флангов, с воздуха (*Неужели с фронта, да еще по лесам и болотам проще?*), а с тыла помогут партизаны (??). По результатам это было равнозначно окружению (???), и мы считали такой метод действий безусловно выгодным».

Идиотизм этой «новой идеи» был настолько очевиден, что, как вспоминает Штеменко: «...нас поправили». Решили — окружать, куда уж тут деваться.

30 мая Ставка окончательно утвердила план операции. Начать ее решено было 19—20 июня. На следующий день директива ушла в войска.

Координация действий войск 1-го Прибалтийского и 3-го Белорусского фронтов была возложена на представителя Ставки, начальника Генерального штаба маршала Василевского, а 2-го и 1-го Белорусских фронтов — на заместителя Верховного Главнокомандующего маршала Жукова. Кроме того, на 2-й Белорусский фронт направлялся начальник оперативного управления Генштаба генерал Штеменко. Представителями Ставки по авиации являлись Главный маршал авиации А.А. Новиков и маршал авиации Ф.Я. Фалалеев.

С начала июня командующие фронтами и армиями приступили к интенсивной подготовке, перегруппировке войск, созданию ударных группировок, массированию сил и средств на главных направлениях. На участках прорыва на 1 км фронта сосредоточивалось до 160—204 орудий и минометов, 15—20 танков непосредственной поддержки пехоты. При этом, в отличие от предшествующих операций, отдельные танковые бригады и полки использовались не централизованно в масштабе дивизии, а придавались подразделениям и стрелковым полкам, что позволяло более тесно организовывать их взаимодействие с пехотой в условиях лесисто-болотистой местности. Только для непосредственной поддержки стрелковых частей выделялось 2229 танков и самоходно-артиллерийских установок. Артиллерийская подготовка предусматривалась продолжительностью 120—140 минут на всю глубину главной полосы обороны. На 1-м Белорусском фронте впервые за годы войны поддержка атаки пехоты и танков планировалась двойным огнем валом на глубину 1,5—2 км.

В ночь перед наступлением планировалось провести мощную предварительную авиационную подготовку, совершив более 2700 самолето-вылетов. Чтобы ослабить авиационную группировку противника в Белоруссии, АДД за 6—10 суток до начала наступления провела воздушную операцию по уничтожению немецких самолетов на аэродромах, в которой приняли участие 8 авиакорпусов.

В период подготовки операции Ставка и командование фронтов организовали обширные мероприятия по маскировке своих действий и дезинформации противника. Чтобы убедить его в том, что летом 1944 года главный удар советские войска нанесут на юге, в мае—июне производилось ложное сосредоточение войск на кишиневском направлении. На Украине находилось и большинство танковых армий. С 20 по 23 июня были организованы разведки боем в полосах 1-го Украинского, 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов. Все это позволило советскому командованию скрыть подготовку крупнейшей операции летней кампании. Даже за неделю до наступления, когда, по свидетельству генерала Типпельскирха, командованию группы армий «Центр» стало известно о сосредоточении значительных сил Красной Армии в Белоруссии, в германском Генеральном штабе «доминирующей оставалась точка зрения, предполагавшая нанесение русскими основного удара на фронте группы армий «Северная Украина»... На просьбу группы армий «Центр» выделить ей, по крайней мере, более крупные резервы было заявлено, что общая обстановка на Восточном фронте не допускает иной группировки сил». В результате из 30 танковых и моторизованных дивизий вермахта на советско-германском фронте 24 находились южнее Припяти. Противник не смог вскрыть направление главного удара советских войск и не сумел подготовиться к его отражению.

Перед операцией активизировали свою деятельность белорусские партизаны. Они совершали диверсии на коммуникациях, добыли для советского командования разведывательную информацию, а в период с 20 по 23 июня подорвали свыше 40 000 рельсов. Впрочем, польза от подобных акций зачастую спорна. В погоне за количеством организацию диверсий на коммуникациях превратили в своего рода социалистическое соревнование. Рельсы уничтожали и разбирали в основном на второстепенных участках, которые немцы не использовали. Как писал профессор «диверсионных наук» И.Г. Старинов, в принципе считавший глупостью разрушение железнодорожной колеи: «Подрывали и бодро рапортовали. А в это же время немцы с второстепенных участков сами снимали рельсы на переправку. Здесь они им не нужны были. Партизанам же для счета легче подрывать там, где они хозяева, а не там, где немцы охраняют».

Так как железная дорога не справлялась к сроку с огром-

ным объемом перевозок — только за июнь необходимо было подать фронтам более 75 тысяч вагонов с людьми и грузами — начало операции пришлось передвинуть на три дня.

Не обошлось и без диагностированной Рокоссовским «ведомственности». Главная роль в операции отводилась 3-му и 1-му Белорусским фронтам. Поэтому именно эти фронты имели наибольшее количество людей и техники, здесь почти безотлучно находились Василевский и Жуков, проблемы «подшефных» решались в первую очередь. 2-й Белорусский фронт действовал на вспомогательном направлении, курировал его Штеменко, не имевший статуса представителя Ставки и звания маршала: «Немало волнений доставила и авиация дальнего действия. В принципе с применением ее все было ясно, но на практике получалось иначе. Два маршала — Жуков и Василевский, организовавшие боевые действия справа и слева от 2-го Белорусского фронта, все прибрали к своим рукам. После наших настойчивых просьб Георгий Константинович выделил нам некоторое количество авиации дальнего действия, но только на бумаге. На деле же до самого последнего момента мы не имели возможности даже ставить задачи тяжелым бомбардировщикам — их представители в штабе 2-го Белорусского фронта не появлялись. Эта сила, казалось, начисто выпадает из огневого баланса фронта». В конце концов сошлись на том, что 1-й Белорусский перейдет в наступление на день позже остальных, что позволяло сманеврировать авиацией с одного направления на другое.

6 июня союзники высадились в Нормандии. 11 июня германские танковые дивизии двинулись из Польши на Запад. Туда же ушли почти все дивизии СС и резервы. Советские ВВС наконец достигли безусловного превосходства в воздухе, так как Люфтваффе срочно перебросило основные силы с Восточного фронта для противодействия англо-американским войскам. На Востоке действовала лишь пятая часть всех германских истребителей. «Благодаря Эйзенхауэру, — считает Карель, — Сталин завоевал русское небо».

Меллендорф вообще считает, что «судьба Германии была решена успешной высадкой союзников в Нормандии».

Судьба группы армий «Центр» была предрешена.

23 июня началась операция «Багратион» — генеральное наступление в Белоруссии.

ВИТЕБСКО-ОРШАНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

На правом фланге с целью разгрома левого крыла группы армий «Центр» два фронта проводили Витебско-Оршанскую операцию.

В состав 1-го Прибалтийского фронта под командованием генерала армии И.Х. Баграмяна входили 4-я ударная, 6-я гвардейская, 43-я общевойсковая и 3-я воздушная армии, насчитывавшие 24 стрелковые дивизии, 1 стрелковую, 1 механизированную, 4 отдельные танковые бригады, 1 укрепрайон, 1 танковый корпус, 4 танковых и 4 самоходно-артиллерийских полка — 359 500 человек, 4900 орудий и минометов, 687 танков и самоходно-артиллерийских установок.

Фронт должен был нанести главный удар в 25-километровой полосе на стыке групп армий «Север» и «Центр» силами 6-й гвардейской армии генерал-лейтенанта И.М. Чистякова и 43-й армии генерал-лейтенанта А.П. Белобородова в общем направлении на Бешенковичи, во взаимодействии с частью сил 3-го Белорусского фронта разгромить витебско-лепельскую группировку, форсировать Западную Двину и выйти в район Лепель, Чашники. Подвижную группу фронта составлял 1-й танковый корпус генерал-лейтенанта В.В. Буткова. 4-я ударная армия должна была наступать на Полоцк.

В 3-й Белорусский фронт входили 11-я гвардейская, 5-я, 31-я, 39-я общевойсковые, 5-я танковая, 1-я воздушная армии — 33 стрелковые, 3 кавалерийские дивизии, 3 танковых, 1 механизированный корпуса, 1 укрепрайон, 5 отдельных танковых бригад, 5 танковых и 16 самоходно-артиллерийских полков — 579 300 человек, 8412 орудий и минометов, 689 установок реактивной артиллерии, 1169 танков и 641 самоходная установка, 1864 боевых самолета. Командующим фронтом был назначен бывший командарм-60 тридцативосьмилетний генерал-полковник И.Д. Черняховский, быстро растущий талантливый полководец и известный бабник.

Фронт наносил два удара: один 39-й и 5-й армиями на Богушевск, Сенно, чтобы способствовать разгрому витебской группировки противника; другой — силами 11-й гвардейской и 31-й армий на Борисов с целью разгрома во взаимодействии со 2-м Белорусским фронтом оршанской группировки. Для развития успеха в оперативной глубине были созданы подвижные группы: конно-механизирован-

нии группа в составе 3-го гвардейского Сталинградского механизированного и 3-го гвардейского кавалерийского корпусов и 5-я гвардейская танковая армия; в 11-й гвардейской армии подвижной группой являлся 2-й гвардейский Тацинский танковый корпус. Ввод в сражение танковой армии Ротмистрова зависел от хода прорыва в северной или южной ударной группировке и должен был производиться по личному указанию Василевского там, где откроется оперативный простор для широкого маневра.

Войскам двух фронтов противостояли четыре армейских корпуса 3-й танковой и 4-й полевой армий, а также 1-го армейского корпуса группы армий «Север», всего — 16 дивизий. Против фронта Черняховского немцы имели в первой линии семь дивизий. Надо сказать, что в 3-й танковой армии генерала Рейнгардта не было ни одной танковой и ни одной моторизованной дивизии.

Накануне дня общего наступления на всех фронтах была проведена разведка боем. На 1-м Прибалтийском она началась на рассвете 22 июня после 20-минутной артиллерийской подготовки. Сопротивление немцев оказалось неожиданно слабым. В ходе боя передовым батальонам удалось на отдельных участках вклиниться в оборону на глубину до 1,5 км и местами овладеть первой позицией. В 6-й гвардейской армии в полосе 22-го гвардейского стрелкового корпуса для развития успеха были введены в бой подразделения главных сил полков первого эшелона, что позволило уже к исходу дня прорвать главную полосу обороны противника на фронте 15 км и продвинуться на глубину 5—7 км. Действия разведывательных отрядов, предпринятые с ограниченной целью, привели к тому, что неприятельская оборона и огневая система оказались серьезно нарушенными еще до ввода главных сил. Изменилось и начертание переднего края.

Все это потребовало внести изменения в планы артиллерийского наступления. В армии Чистякова продолжительность артподготовки была сокращена наполовину, уменьшалось количество привлекаемой к ней артиллерии.

На 3-м Белорусском фронте разведка боем проводилась во второй половине дня 22 июня. Передовые батальоны уже через два часа захватили первую позицию. В бой были введены части первого эшелона, которые продвинулись в глубину до 3,5 км. В полосе других армий успех был намного

меньшим. В целом разведка боем подтвердила, что оборона противника на оршанском направлении значительно сильнее, чем на богушанском.

В ночь на 23 июня авиация дальнего действия и фронтовые бомбардировщики совершили около 1000 самолетовылетов, нанеся удары по узлам обороны противника на участках прорыва. Из-за неблагоприятных погодных условий использовать авиацию на полную мощь на начальном этапе операции не удалось.

С утра 23 июня проводилась артиллерийская подготовка, а затем в наступление перешли главные силы фронтов. 4-я ударная армия генерал-лейтенанта П.Ф. Малышева, действовавшая на полоцком направлении, почти не продвинулась. Стрелковые соединения 6-й гвардейской и 43-й армий, обходившие Витебск с северо-запада и сопровождаемые танками непосредственной поддержки пехоты и самоходными орудиями, при поддержке артиллерии и авиации сломали сопротивление двух немецких пехотных дивизий 6-го армейского корпуса и стали быстро продвигаться в глубину. Командующий фронтом отдал распоряжение ввести в прорыв 1-й танковый корпус, имевший 297 боевых машин. Однако после прошедшего дождя, испортившего дороги, выдвигание корпуса происходило медленно. Для его ввода потребовалось бы освободить немногочисленные дороги, что могло затормозить продвижение успешно наступавших стрелковых соединений и выдвигание к Западной Двине переправочных средств. Поэтому генерал Баграмян внес поправку в план наступления и решил ввести танковый корпус в дело после захвата стрелковыми войсками плацдарма на реке. К исходу дня войска фронта полностью завершили прорыв тактической зоны обороны противника, продвинулись на глубину 16 км и расширили прорыв до 50 км по фронту.

На 3-м Белорусском фронте наибольший успех был достигнут на богушевском направлении. На участке главного удара 39-й армии генерал-лейтенанта И.И. Людникова еще за полчаса до окончания артиллерийской подготовки было замечено, что немецкие подразделения, не выдержав мощного огневого удара артиллерии, начали отходить из первой траншеи. Было принято решение о переносе огня в глубину и начале атаки по всему фронту. Части 5-го гвардейского стрелкового корпуса быстро овладели первой и второй

граншеями и с ходу захватили три исправных моста через реку Лучеса. Это дало возможность уже к 12 часам преодолеть реку главными силами корпуса, а еще через час завершить прорыв главной полосы обороны противника. К исходу дня корпус продвинулся на 14 км и расширил прорыв до 20 км по фронту. Успешно действовали и соединения 5-й армии генерал-лейтенанта Н.И. Крылова, которые, используя достигнутые накануне успехи передовых батальонов, решительной атакой завершили прорыв главной полосы, с ходу прорвали вторую полосу обороны и продвинулись на 10—13 км. (Командарм-5 в мемуарах «скромничает», подробно перечисляя каждую часть противника, но не давая никакой информации о собственных силах: «В полосе наступления армии оборонялись 299-я пехотная дивизия и 456-й пехотный полк 256-й пехотной дивизии, усиленные тремя резервными пехотными и двумя танковыми батальонами, тринадцатью артиллерийскими и двумя минометными дивизионами и дивизионом штурмовых орудий». Для сравнения, сам Крылов имел в своем распоряжении 9 стрелковых дивизий, усиленных двумя танковыми бригадами, двумя танковыми, четырьмя самоходными полками, 3-й артиллерийской дивизией прорыва, двумя артиллерийскими и одной минометной бригадой.)

Таким образом, войска Людникова и Крылова за один день полностью прорвали тактическую зону обороны и расширили прорыв до 50 км по фронту. Под Витебском, как и планировалось, назревал «котел». Поскольку немцам было приказано считать его «крепостью», в ней, выполняя приказ фюрера, оставался сидеть генерал Гольвитцер и весь его 53-й армейский корпус. Советские подвижные группировки продефилировали мимо Витебска в немецкие тылы.

На оршанском направлении в первый день прорвать развинутую в инженерном и огневом отношении оборону 27-го армейского корпуса не удалось. На второстепенном направлении правофланговые соединения 11-й гвардейской армии генерал-лейтенанта К.Н. Галицкого, наступавшие на заболоченном слабо прикрываемом участке, смогли вклиниться на 4—8 км, а 31-я армия вообще успеха не имела. В связи с этим командарм решил перегруппировать сюда вторые эшелоны двух стрелковых корпусов, наступавших на главном направлении, и стрелковую дивизию из своего резерва. Ввод их в сражение позволил на следующий день

продвинуться на глубину до 14 км. Действия остальных армий успеха не имели.

24 июня обе армии ударной группировки 1-го Прибалтийского фронта, преследуя отходившего противника, продвинулись на глубину до 30 км. Они вышли к Западной Двине и с ходу захватили пять небольших плацдармов на южном берегу. Гвардейцы Чистякова вновь «удивили» командование фронта, опередив график на сутки и оставив далеко позади штатные переправочные средства. Но порыв был велик, сопротивление противника, не успевшего закрепиться и организовать оборону на водном рубеже, незначительно. К тому же по заведенной традиции солдатам было объявлено, что те, кто первыми форсируют реку, будут представлены к званию Героя. Командующий 6-й гвардейской, прибывший к месту событий по приказу Баграмяна с целью проверить достоверность доклада, наблюдал: «...все водное пространство покрыто людьми! Кто на досках, кто на бочках, кто на бревнах, кто вплавь движется к противоположному берегу. Противник же ведет только редкий минометный огонь... А что творилось рядом с нами на берегу! Местные жители — женщины, старики, подростки — рушили свои сараи, снимали с петель ворота и вместе с бойцами тащили их к реке. Один старик в моем присутствии подошел к хате, ударил топором по раме, выбил ее и крикнул красноармейцам: «Давай, ребята, разбирай ее!» В полосе 43-й армии за переправы пришлось дать серьезный бой.

С вводом в сражение еще одного стрелкового корпуса 6-й гвардейской армии был образован общий плацдарм протяженностью 65 км и глубиной до 10 км. На него 25 июня переправился 1-й танковый корпус, который сразу же во взаимодействии со стрелковыми частями перешел в преследование. В этот же день войска 43-й армии вышли в район Гнездиловичи, где установили непосредственную связь с армией Людникова.

Таким образом, на третий день операции в районе Витебска были окружены две пехотные и две авиаполевые дивизии. Гитлер дал санкцию на прорыв 53-го корпуса на запад при условии, что одна дивизия должна остаться и удерживать крепость. В любом случае это странное распоряжение пришло слишком поздно: на этот раз «колечко» отковалось прочное. Гольвитцер сделал попытку выйти из окружения и с частью своих соединений вышел в район

и 19 км юго-западнее города, но это все, что ему удалось. 26 июня был освобожден Витебск, оставленная продолжать оборону 206-я пехотная дивизия генерала Гиттера была уничтожена полностью. На следующий день, утратив надежду на прорыв, немцы приняли ультиматум и капитулировали. Они потеряли 20 000 убитыми, около 10 000 пленными, много оружия и боевой техники. В плен сдались командир 53-го армейского корпуса Гольвитцер, его начальник штаба полковник Шмидт, командиры 206, 246-й и 197-й пехотных дивизий. Корпус был полностью уничтожен, были убиты командиры 4-й и 6-й авиаполевых дивизий.

«В 1942 г. у Воронежа молодой генерал Черняховский сражался против немолодого генерала Гольвитцера, — писал в те дни Илья Эренбург, — Черняховский учился воевать. Этим летом к генералу Черняховскому привели пленного генерала Гольвитцера: Черняховский научился побеждать». Дезорганизованные остатки немецких дивизий откатывались за Березину.

В обороне фельдмаршала Буша возникла первая брешь.

Во второй половине дня 24 июня в полосе 5-й армии вошла в прорыв конно-механизированная группа под общим командованием генерал-лейтенанта Н.С. Осликовского — 322 танка и САУ. Она обогнала пехоту, а на следующий день ворвалась в Сенно и перерезала железную дорогу Орша—Лепель. Поскольку на оршанском направлении войска застряли между Днепром и болотами, перспектива ввода здесь танковой армии отпадала. Поэтому маршал Василевский, согласовав вопрос со Сталиным, принял решение перебросить 5-ю гвардейскую танковую армию, имевшую в строю 524 боевые машины, в район Богушевска и оттуда, используя успех генерала Крылова, направить ее, обходя Оршу с тыла, на Толочин и Борисов. Решение Ставки об изменении направления ее ввода Ротмистров воспринял без энтузиазма; танковая армия, «всегда блестяще проявлявшая себя, в данном случае действовала хуже, чем прежде». Недовольство Ротмистрова можно понять. Поскольку еще в ночь с 22 на 23 июля танковая армия получила приказ выдвигаться в полосу 11-й гвардейской, по первому варианту. Теперь ей предстояло возвращаться назад в исходное положение и маршировать к Крылову, теряя драгоценные сутки на маневр.

Однако утром 25 июня ее части вошли в прорыв на бо-

гушевском направлении. Действия танкистов поддерживали четыре авиакорпуса и две авиадивизии 1-й воздушной армии генерал-лейтенанта М.М. Громова. К исходу следующего дня танкисты продвинулись на 50 км, овладели районным центром Толочин и перерезали коммуникации противника западнее Орши. При дальнейшем выдвигании на Борисов армия встретила упорное сопротивление прибывшей из-под Ковеля 5-й танковой армии противника.

Активнее стали развиваться события и на оршанском направлении. Командование группы армий «Центр» пыталось удержать минскую автомагистраль и укрепить фланг 4-й армии генерала Курта фон Типпельскирха в районе Орши, перебросив туда две дивизии из своего резерва. Но было уже поздно: утром 26 июня в полосе армии Галицкого вступил в сражение 2-й гвардейский танковый корпус генерал-майора А.С. Бурдейного. Он обошел Оршу с северо-запада и к вечеру вышел на Минскую автомагистраль. Противник вынужден был начать отвод войск, оборонявшихся к югу от города. 27 июня войска 11-й гвардейской и 31-й армий освободили Оршу.

На других участках подвижные группы и стрелковые части успешно развивали наступление по всему фронту и к исходу 28 июня достигли реки Березина. 1-й стрелковый корпус с помощью 1-го танкового в ожесточенном бою взял Лепель. За шесть дней войска Баграмяна и Черняховского, разгромив левое крыло группы армий «Центр», продвинулись от 80 до 150 км, а фронт прорыва достиг 200 км.

МОГИЛЕВСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Одновременно с северными соседями 2-й Белорусский фронт начал Могилевскую наступательную операцию. В состав фронта входили 33-я, 49-я, 50-я общевойсковые и 4-я воздушная армии. В них насчитывалось 22 стрелковые дивизии, 1 укрепленный район, 4 отдельные танковые бригады, 1 танковый и 10 самоходно-артиллерийских полков — 319 500 бойцов и командиров. Им противостояли три корпуса 4-й немецкой армии, имевшие в полосе фронта 8 дивизий, в том числе 18-ю моторизованную. Воздушная армия генерала К.А. Руденко имела 528 исправных самолетов.

В начале июня по личному распоряжению Сталина был снят с должности по «состоянию здоровья» командующий

фронтом генерал И.Ф. Петров. Петрова «съел» член Военного совета незабвенный Л.З. Мехлис. Провалив вместе с генералом Козловым Крымскую операцию 1942 года, лишившись должности начальника Главного политического управления РККА, неугомонный Лев Захарович тем не менее не утратил большевистской бдительности и принципиальности. Кочуя с фронта на фронт в качестве ЧВС, Мехлис неустанно строчил доносы на своих начальников, поэтому редко где задерживался больше двух месяцев. Чем-то не приглянулся ему и генерал Петров, возможно, слишком интеллигентной манерой поведения. Едва получив директиву Ставки на подготовку Белорусской операции, Мехлис написал Сталину о мягкотелости Петрова, его болезненном состоянии и неспособности обеспечить успех операции. Сталин «стуку» внял и отправил абсолютно здорового Петрова в санаторий. Генералу в 1944 году определенно не везло: в январе его сняли с понижением в звании с Отдельной Приморской армии, в мае назначили командующим фронтом, а через полтора месяца опять сняли.

(То, что дело не в болезни, подтверждает тот факт, что болел как раз генерал Черняховский и по состоянию здоровья даже не смог присутствовать на майском совещании в Ставке, где с командующими фронтами обсуждался план операции «Багратион». Это не помешало Черняховскому, пришедшему с должности командарма, командовать 3-м Белорусским, правда, под бдительным присмотром Василевского. Народная поговорка говорит: «Не по хорошему мил, а по милу хорош». К опытному и грамотному Петрову у товарища Сталина «было какое-то предвзятое отношение». А вот Черняховский своим обаянием импонировал Вождю. Среди анекдотов о Верховном Главнокомандующем есть такой: «Василевский показал Сталину целую папку клеуз на генерала армии Черняховского. Речь в них шла о том, что у него много женщин.

— Что будем делать? — спросил Василевский.

— Что будем делать? Что будем делать? — задумался Сталин. — Будем завидовать!»)

Командующим 2-го Белорусского фронта был назначен генерал-полковник Г.Ф. Захаров, который считался «человеком своенравным и не в меру горячим». Это отмечают почти все, имевшие счастье с ним служить. Бывший начальник политуправления фронта генерал-лейтенант А.Д. Окоро-

ков отмечает, что: «Новый командующий оказался прямой противоположностью спокойному в обращении, мягкому и дружелюбно настроенному И.Е. Петрову и, как мне кажется, уступал своему предшественнику в военной эрудиции. К тому же Г.Ф. Захаров был излишне резок с подчиненными». О деятельности этого военачальника в должности заместителя Жукова на Западном фронте хорошо запомнилось и кавалерийскому генералу П.А. Белову: «Он щедро расточал угрозы, прибегал к самым крутым мерам... Вообще командиры стремились избегать встреч с Захаровым».

Обеспечивающий введение Захарова в должность и подробности предстоящей операции генерал Штеменко даже обеспокоился такой высокой концентрацией «горячих людей» в одном штабе: «Я очень опасался, что он начнет по-своему трактовать уже утвержденный Ставкой план операции, осложнит отношения с начальником штаба фронта генерал-лейтенантом А.Н. Боголюбовым, работником опытным, но тоже вспыльчивым. К тому же и Л.З. Мехлис оставался здесь...» Опасения оказались не напрасными: с первых дней Захаров, никогда до этого самостоятельно фронтом не командовавший, начал «по-своему трактовать», не дав себе труда побывать на местности, «пытался опротестовать направление главного удара» и, «как мы и ожидали, не замедлил объявить, что до него здесь все было плохо и ему-де придется долго исправлять чужие грехи». На совещании с командирами корпусов и дивизий командующий подтвердил свою репутацию полководца жуковской школы. Обматюкав всех скопом и каждого по отдельности, он объявил: «Здесь говорить буду я, а вам надлежит только слушать и записывать мои указания». Одним словом, фронт попал в твердые руки.

Лишь категорическое заявление представителя Генштаба о том, что план утвержден Ставкой и не может быть изменен без ее ведома, заставило воспарившего к вершинам стратегического планирования военачальника успокоиться и заняться делом. Впрочем, «Георгий Федорович зла не держал и был отходчив», но теперь генерал-лейтенанту Мехлису пришлось подыскивать новое «место работы». Кстати, Захаров откомандовал около четырех месяцев и в ноябре был понижен на должность командарма.

2-й Белорусский фронт прорывал оборону силами одной 49-й армии генерал-лейтенанта И.Т. Гришина четырехкор-

пусного состава на участке 12 км с задачей расцезь на две части армию генерала Типпельскирха и лишить противника возможности снять силы с центрального направления для стабилизации положения на флангах. Соседи получили приказ удерживать занимаемые рубежи и быть готовыми перейти к преследованию противника при его отходе.

Особенность прорыва заключалась здесь в том, что он осуществлялся с форсированием реки, имевшей широкую заболоченную пойму.

Для нанесения мощного удара по переднему краю фронтовые умельцы сконструировали «летающие торпеды»: «На реактивный снаряд М-13 с помощью железных обручей крепилась деревянная бочка обтекаемой формы. Внутри бочки заливался жидкий тол. Общй вес такого устройства достигал 100—130 килограммов. Для устойчивости в полете к хвостовой его части приделывался деревянный стабилизатор. Стрельба производилась из деревянного ящика с железными полозьями в качестве направляющих. Ящик этот помещали предварительно в котлован и придавали ему нужный угол возвышения. При желании можно было запускать сериями по пять—десять штук. 9 июня мы провели опытную стрельбу. Выпустили 26 торпед одиночным порядком и сериями. Дальность их полета достигала 1400 метров, а взрывы были такой силы, что в суглинистом грунте образовались воронки по шесть метров в диаметре и до трех метров глубиной. Командование фронта считало целесообразным применить в процессе артподготовки, по крайней мере, 2000 этих устройств». Для сравнения, снаряд М-13 без «насадки» создавал воронку диаметром 2 метра и глубиной до 1 метра.

Бурную деятельность, важность которой современному молодому поколению не понять, развили «мехлисы» и «окороковы»: «Неоценимую помощь в период подготовки к наступлению, подготовки скрытой и потому особенно трудной, нам оказали специальные бюллетени Главного политического управления об опыте партийно-политической работы в боях под Сталинградом и на Курской дуге. Все мы не только ознакомились с постановкой политической работы в войсках, но и помогали проводить собрания, митинги, беседы, активно вникали в дела армейской печати.... В те части 49-й армии, которым предстояло в первую очередь прорвать позиционную оборону гитлеровских войск, на-

значили наиболее опытных политработников. Проследили за тем, чтобы во всех стрелковых ротах были созданы партийные и комсомольские организации... Особое значение придавалось подбору и воспитанию партротов».

23 июня в ходе артиллерийской подготовки специально выделенные усиленные роты форсировали реку Проня и захватили первые три траншеи. Вслед за ними по наведенным саперами штурмовым мостикам переправились к концу артподготовки и главные силы дивизий. Однако танки и самоходные установки при преодолении заболоченной поймы встретили большие трудности, что сказалось на замедлении темпа атаки. К исходу 23 июня войска генерала Гришина, нанося удар на фронте в 12 км, продвинулись вперед на 5—8 км. Но отдохнуть им не пришлось. Судя по воспоминаниям генерала Окорокова, сонмы политработников спать солдатам вообще не давали ни перед наступлением, ни в ходе его: «В ночь на 22 июня мы получили текст исторического документа Советского правительства «Три года Отечественной войны Советского Союза», и тотчас же политработники стали организовывать собрания, на которых бойцам разъяснялось содержание этого документа. А на рассвете 23 июня, за два-три часа до начала наступления, во всех частях и подразделениях прошли митинги...» После целого дня боев становится еще интереснее: «Политическая работа в наступающих войсках шла непрерывно, в буквальном смысле и днем, и ночью. В подразделениях, подсвечивая себе карманными фонариками, политработники, партроты, члены партийного бюро выпускали газеты-молнии, писали короткие листовки — их передавали из рук в руки. А в частях и подразделениях второго эшелона, которым под утро предстояло вступить в бой, политработники проводили митинги, там проходили партийные и комсомольские собрания».

На следующий день войска 49-й армии с боями преодолели еще 12—14 км.

В ночь на 25 июня немцы начали отход за Днепр. В преследование перешли соединения 33-й армии генерал-майора А.П. Пенчевского и 50-й армии генерал-лейтенанта И.В. Болдина. 26—27 июня войска 2-го Белорусского фронта вышли на восточный берег Днепра, форсировали его и к 28 июня освободили города Могилев, Шклов и Быхов. В районе Могилева была уничтожена оборонявшая «кре-

пость» 12-я пехотная дивизия противника. Остатки гарнизона вместе с командиром дивизии генералом Бамлером и комендантом Могилевского укрепленного района генералом фон Эрмансдорфом сдались в плен. В сражении погиб командир 39-го армейского корпуса генерал артиллерии Мартинек и сменивший его генерал Шинеманн.

В это время штурмовая авиация фронта нанесла мощный удар по колоннам немецких войск, отходивших на Минск и преследуемых частями 49-й армии. Советские дивизии устремились к Березине.

БОБРУЙСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

1-й Белорусский фронт генерала армии К.К. Рокоссовского включал в себя 3, 28, 47, 48, 61, 65, 69, 70-ю полевые, 2-ю танковую, 6-ю и 16-ю воздушную армии, 1-ю армию Войска Польского, а также конно-механизованную группу в составе 1-го механизированного и 4-го гвардейского Кубанского кавалерийского корпусов и Днепровскую военную флотилию. Всего — 90 дивизий, 4 укрепрайона, 6 танковых, 1 механизированный корпус, 1 кавалерийская, 1 стрелковая, 3 танковых, 2 самоходно-артиллерийских бригады, 11 отдельных танковых и 27 самоходно-артиллерийских полков — 1 153 300 человек, 15 500 орудий и минометов, 900 реактивных установок, около 1000 танков.

Замысел проводимой правым крылом фронта Бобруйской операции, предложенный Рокоссовским, заключался в нанесении противнику ударов по сходящимся направлениям из районов севернее Рогачева и южнее Паричи в общем направлении на Бобруйск с целью окружения и уничтожения бобруйской группировки и дальнейшего продвижения на Пуховичи, Слуцк. Сталин и его заместители на майском совещании настаивали на том, чтобы нанести один главный удар с плацдарма в районе Рогачева. Командующий фронтом, исходя из недостаточной оперативной плотности плацдарма и условий местности, не позволявших действовать достаточно крупными силами, настаивал на своем варианте — два удара и «оба — главные». Верховный дважды предлагал Рокоссовскому выйти в соседнюю комнату и обдумать предложения Ставки, но в конце концов утвердил план фронта.

В состав северной ударной группировки входили 3-я и 48-я армии и 9-й танковый корпус, имевший 251 танк и САУ; южной — 65-я и 48-я армии, КМГ и 1-й гвардейский танковый корпус — 526 боевых машин. Днепровская флотилия должна была поддерживать наступление 65-й армии генерал-лейтенанта П.И. Батова и переправлять войска 48-й армии генерал-лейтенанта П.Л. Романенко через Березину. На правом крыле фронта было сосредоточено около 10 000 орудий и минометов и 850 пусковых установок, что позволило иметь 225 и более стволов на 1 км.

Воздушное прикрытие операции обеспечивали 2033 самолета, в том числе 932 истребителя 16-й воздушной армии генерал-полковника С.И. Руденко.

Оборонялась на бобруйском направлении 9-я армия противника (10 пехотных дивизий) под командованием генерала Ганса Йордана и две дивизии 4-й армии, имевшие 2600 орудий и 110 штурмовых орудий.

Главная сложность предстоящего наступления заключалась в том, что войскам предстояло действовать в трудно-преодолимой лесистой и сильно заболоченной местности, которую пересекали притоки реки Припять, особенно на паричиском направлении. Войска напряженно учились преодолевать болота и речки на подручных средствах, ориентироваться в лесу, строили гати и осваивали «мокроступы» — болотные лыжи из лозы. Германское командование меньше всего ожидало удара в этом районе, поэтому немецкая оборона носила здесь очаговый характер.

Рокоссовский и Жуков устроили между собой своеобразное соревнование. Командующий фронтом контролировал действия южной ударной группировки, представитель Ставки — северной. «...Жуков, в свое время горячо отстаивавший идею главного удара с днепровского плацдарма 3-й армии, отправился туда. Уезжая, Георгий Константинович шутя сказал мне, что они с Горбатовым подадут нам руку через Березину и помогут вытащить войска из болот к Бобруйску. А вышло-то, пожалуй, наоборот», — вспоминает Рокоссовский.

Прорыв начался 24 июня. Накануне была проведена разведка боем, но так как три других фронта уже вели наступление, немцы привели свои войска в полную боевую готовность, и передовые батальоны были встречены сильным огнем и многочисленными контратаками и успеха не имели.

В ночь перед началом прорыва 16-я воздушная армия и авиация дальнего действия нанесли сильные бомбовые удары по главной полосе обороны.

В 4.55 началась артиллерийская подготовка. Хотя противник ожидал ее, но сила огня артиллерии и удары авиации потрясли его до основания, особенно на направлении действий южной ударной группировки. Под грохот «артиллерийской музыки» саперы крепили гати.

Войска 65-й и 28-й армий перешли в атаку в 7 часов утра при поддержке двойного огневого вала и штурмовой авиации. Вслед за пехотой по бревенчатым настилам через болота двинулись танки непосредственной поддержки, артиллерия и самоходно-артиллерийский полк. К 13 часам части Батова преодолели все пять линий траншей и продвинулись до 5—6 км. Чтобы развить успех и отрезать немцам пути отхода из Бобруйска, командарм ввел в сражение 1-й гвардейский Донской танковый корпус генерал-майора М.Ф. Панова. Благодаря этому 65-я армия, а также 28-я армия генерал-лейтенанта А.А. Лучинского в первый день наступления продвинулись вперед до 10 км и увеличили прорыв до 30 км по фронту, а танковый корпус с боями преодолел 20 км.

Эта «высокая проходимость» русского солдата и его «чрезвычайная близость к природе» вызывала у противника прямо мистические чувства: «Для него просто не существует естественных препятствий: в непроходимом лесу, болотах и топях, в бездорожной степи — всюду он чувствует себя как дома. Он переправляется через широкие реки на самых элементарных подручных средствах, он может повсюду проложить дороги. В несколько дней русские строят многокилометровые гати через непроходимые болота; зимой колонны в сто шеренг по десять человек в каждой направляются в лес с глубоким снежным покровом; через полчаса на смену этим людям приходит новая тысяча, и через несколько часов на местности, которая у нас на западе считалась бы непроходимой, появляется протоптанная дорога. Неограниченное число солдат позволяет обеспечить переброску тяжелых орудий и другой боевой техники по любой местности без всяких транспортных средств».

Соединения северной ударной группировки смогли вклиниться в оборону противника только на 2—4 км. Войска 3-й армии генерал-лейтенанта А.В. Горбатова встретили упорное сопротивление. Отбивая непрерывные контратаки

противника, они овладели лишь первой и второй траншеями и вынуждены были закрепиться. Сказались на результатах атаки и трудности, связанные с преодолением заболоченной поймы реки Друть. «Вечером 24 июня, — вспоминает Рокоссовский, — мне позвонил Жуков и с присущей ему прямоотой поздравил с успехом, сказав, что руку Горбатову придется подавать нам с южного берега Березины».

С утра 25 июня генерал Горбатов ввел в сражение две танковые бригады 9-го танкового корпуса генерал-майора Б.С. Бахарова. Совершив маневр по лесисто-болотистой местности, танкисты, поддержанные тремя авиационными корпусами (!), завершили прорыв главной полосы и вышли ко второй.

В полосе наступления 28-й армии во второй половине дня в прорыв вошла конно-механизированная группа под командованием генерала Плиева, с которой взаимодействовали два авиационных корпуса. Таким образом, в дело вступили около 900 танков и самоходных установок.

26 июня Горбатов, а вернее, Жуков, находившийся на командном пункте 3-й армии и лично инструктировавший генерала Бахарова, бросил вперед весь 9-й танковый корпус с задачей прорваться в глубокий тыл противника, захватить Старицы и перерезать шоссе Могилев—Бобруйск. (Жуков, по наблюдениям генерала Чистякова, тоже был «незлопамятным»: «К слову говоря, мне не раз приходилось встречаться с Г.К. Жуковым, и я, кажется, немного изучил некоторые особенности его характера. Все мы знали, что, если маршал Жуков придет в хорошем настроении, все равно распечет за какое-либо упущение, которое заметит, и уедет сердитый. А если придет в плохом, распечет, но уедет в хорошем. При всем том маршал Жуков всегда являл нам пример незлопамятности». Главное — всех поставить раком и показать, кто есть начальник.)

Армия Батова к концу третьего дня наступления вышла на подступы к Бобруйску, а армия Лучинского освободила Гусев. Группа Плиева вышла к реке Птичь в районе Глуска и местами форсировала ее. Танковый корпус Панова перерезал дороги, идущие от Бобруйска на запад. Войска 9-й немецкой армии оказались обойденными с северо-запада и юго-запада. Противник начал отход, но было уже поздно.

27 июня 9-й и 1-й гвардейский танковые корпуса замкнули кольцо вокруг бобруйской группировки противника.

В окружение попало 6 дивизий 35-го армейского и 41-го танкового корпусов — 40 000 солдат и офицеров, большое количество вооружения и техники. Часть войск фронта получила задачу ликвидировать окруженную группировку, главные же силы продолжали развивать наступление на Осиповичи и Слуцк. Вслед за подвижными войсками 3-я и 28-я армии выдвигались на внешний фронт окружения, а 48-я и 65-я — на внутренний.

Генерала Йордана Гитлер заменил Николаусом фон Форманном. Последнему досталось незавидное наследство: основная часть 9-й армии была к этому времени окружена в Бобруйске и на восточном берегу Березины.

Правда, северо-западный участок внутреннего фронта в это время прикрывался лишь частями двух танковых корпусов, так как стрелковые соединения подойти еще не успели. Именно на этом участке немцы начали подготовку к прорыву, чтобы соединиться с войсками 4-й армии и создать вместе с ней оборону на Березине и подступах к Минску. Во второй половине дня противник предпринял в районе Титовки до пятнадцати атак, стремясь пробиться на север: «...самая неистовая атака разыгралась перед фронтом 444-го и 407-го полков. В этом районе были сосредоточены в основном силы нашего артиллерийского полка. Не менее 2 тысяч вражеских солдат и офицеров при поддержке довольно сильного орудийного огня шли на наши позиции. Орудия открыли огонь по атакующим с дистанции семьсот метров, пулеметы — с четырехсот. Гитлеровцы шли. В их гуще разрывались снаряды. Пулеметы выкашивали ряды. Фашисты шли, переступая через трупы своих солдат. Они шли на прорыв, не считаясь ни с чем... Это была безумная атака... Мы видели с НП жуткую картину», — вспоминал командир 108-й стрелковой дивизии генерал П.А. Теремов.

Воздушная разведка обнаружила, что противник стягивает бронетехнику, автомашины и артиллерию на дорогу Жлобин—Бобруйск. В сложившейся обстановке представители Ставки Жуков и Новиков решили сорвать намерения немцев с помощью массированного применения всей имеющейся авиации. В 19.15 первые группы бомбардировщиков и штурмовиков 16-й воздушной армии генерал-полковника С.И. Руденко начали наносить удар по голове вражеской колонны, а последующие — по остановившимся на дороге автомашинам. В течение полутора часов 526 са-

молетов группами по 26—30 машин наносили непрерывные удары по окруженным войскам, нанеся им огромный урон и окончательно деморализовав. Бросив всю технику, немцы пытались пробиться в Бобруйск, но попадали под фланговый огонь 105-го стрелкового корпуса 65-й армии. К этому времени подошли войска 48-й армии Романенко и ударами с нескольких направлений к 13 часам 28 июня в основном уничтожили окруженную группировку противника. Немецкий 35-й армейский корпус перестал существовать, в числе сдавшихся в плен оказался его командир генерал фон Лютцов, командир 134-й пехотной дивизии генерал Филипп покончил с собой.

Генерал Горбатов, страстный последователь Суворова, питавшийся из солдатского котла, тот самый, про которого Сталин сказал: «Горбатова могила исправит», использовал «пейзажи» разгрома вокруг Бобруйска в воспитательных целях, устроив «экскурсию» для войск второго эшелона: «...я проезжал по железнодорожному мосту через Березину, приспособленному противником для автотранспорта, и был поражен увиденной картиной: все поле, примыкавшее к мосту, усеяно трупами гитлеровцев, их было не менее трех тысяч... Мне вспомнилось старинное выражение: «Трупы врага пахнут хорошо», — и я изменил маршрут двум дивизиям второго эшелона, чтобы они прошли через железнодорожный мост и посмотрели на работу своих товарищей из первого эшелона. Пройденные лишние шесть километров окупятся в будущем...»

Одновременно шли бои за сам Бобруйск. В городе насчитывалось более 10 000 немецких солдат, причем сюда все время просачивались остатки разбитых восточнее частей. Комендант Бобруйска генерал Адольф Хаман сумел организовать сильную круговую оборону. Дома были приспособлены под огневые точки, забаррикадированы улицы, на перекрестках врыты танки, подступы к городу тщательно заминированы. Кровавопролитные бои за Бобруйск продолжались с 27 до 29 июня. Только небольшой группе противника численностью около 5000 человек под командованием командира 41-го танкового корпуса генерала Гофмайстера удалось прорваться в направлении на Осиповичи, но и она была вскоре уничтожена, а генерал пополнил коллекцию пленных.

В ходе боев на бобруйском направлении противник по-

терял около 74 000 солдат и офицеров убитыми и пленными. Поражение немцев под Бобруйском создало еще одну большую брешь в их обороне.

Существенную помощь войскам 1-го Белорусского фронта оказала Днепровская военная флотилия под командованием капитана 1-го ранга В.В. Григорьева. Ее корабли, продвигаясь вверх по Березине, поддерживали огнем пехоту и танки 48-й армии. Они переправили с левого берега реки на правый 66 000 бойцов, много вооружения и боевой техники. Флотилия нарушала переправы противника и высаживала десанты у него в тылу.

Наступление советских войск в Белоруссии в период с 23 по 28 июня поставило группу армий «Центр» перед катастрофой. Ее оборона оказалась прорванной на всех направлениях 500-километрового фронта. Группа понесла тяжелые потери. Советские войска продвинулись на запад на 80—150 км, освободили сотни населенных пунктов, окружили и уничтожили 13 немецких дивизий и тем самым получили возможность развернуть стремительное наступление в направлении Минск, Барановичи.

За умелое руководство войсками при разгроме витебской и бобруйской группировок противника 26 июня Черняховскому было присвоено воинское звание генерала армии, а 29 июня генералу армии Рокоссовскому — звание Маршала Советского Союза. Генерал Ротмистров, наоборот, за нерешительные действия танковой армии заработал выговор от Верховного: «Ставка требует от 5-й гв. Танковой армии стремительных и решительных действий, отвечающих сложившейся на фронте обстановке».

В ходе боевых действий германское командование стремилось поправить положение своих войск в Белоруссии за счет скудных резервов и маневра силами с других участков Восточного фронта. Но эти меры оказались запоздалыми и недостаточными и не смогли эффективно повлиять на ход событий.

К исходу 28 июня 1-й Прибалтийский фронт вел боевые действия на подступах к Полоцку и на рубеже Заозерье, Лепель, а войска 3-го Белорусского фронта подошли к реке Березина. В районе Борисова продолжались ожесточенные бои с танками противника. Левое крыло фронта круто загибалось на восток. Оно составляло северный участок своеобразного мешка, в котором оказалась 4-я армия и часть сил

9-й армии противника, избежавшие окружения под Бобруйском. С востока немцев теснили войска 2-го Белорусского фронта, которые находились от Минска в 160—170 км. Соединения 1-го Белорусского фронта вышли на рубеж Свислочь, Осиповичи, окончательно взламывая оборону противника на Березине и охватывая его с юга. Передовые части фронта находились в 85—90 км от столицы Белоруссии. Создавались исключительно выгодные условия для окружения главных сил группы армий «Центр» восточнее Минска.

Действия советских войск сорвали попытки германского командования организованно отвести свои части за Березину. 4-я немецкая армия при отступлении вынуждена была пользоваться в основном одной грунтовой дорогой Могилев — Березино — Минск. Противник не смог оторваться от преследования. Под непрерывными ударами на земле и с воздуха немецкие войска несли большие потери. Гитлер негодовал. 28 июня он сместил фельдмаршала Буша с поста командующего группой армий «Центр» или, как заметил Гудериан, на тот момент — командующего «пустым пространством». На его место прибыл «пожарный фюрера» фельдмаршал Вальтер Модель, который некоторое время одновременно оставался и командующим группой армий «Северная Украина».

МИНСК И ПОЛОЦК

Ставка советского Верховного Главнокомандования 28 июня приказала наступавшим войскам сходящимися ударами окружить противника в районе Минска. Задача замкнуть кольцо возлагалась на 3-й и 1-й Белорусские фронты. Им предстояло стремительно продвигаться на Молодечно и Барановичи, чтобы создать подвижный внешний фронт. Частью сил они должны были создать прочный внутренний фронт окружения. В направлении Минска одновременно наступали и войска 2-го Белорусского фронта. Они сковывали, дробили и уничтожали части противника, не давали им возможности оторваться и быстро отойти на запад. Советская авиация, прочно удерживая господство в воздухе, наносила мощные удары по противнику, дезорганизовывала планомерный отход его войск и перегруппировки резервов. Одновременно войска 1-го Прибалтийского, правого крыла 3-го Белорусского и часть сил 1-го Белорусского фрон-

тов должны были продолжать продвижение на запад, уничтожить подходящие резервы противника и, не позволяя противнику вновь создать сплошной фронт в Белоруссии, создать условия для развития наступления на шяуляйском, каунасском и варшавском направлениях.

Фронты без паузы приступили к выполнению поставленных задач. Войска Черняховского в течение 29—30 июня вышли к реке Березина, форсировали ее в нескольких местах и начали стремительное движение к Минску. 1 июля танковая армия Ротмистрова освободила Борисов.

Не сумев задержать советские части на Березине, Модель попытался организовать оборону восточнее белорусской столицы на линии Долгиново — Логойск — Смолевичи — Червень, однако сделать это не удалось. Обходя опорные пункты противника лесами и болотами с помощью проводников из партизан, войска 3-го и 1-го Белорусских фронтов все ближе подступали к Минску. Танкисты 5-й гвардейской армии вышли к истокам Свислочи, закрывая пути на север. Войска 11-й гвардейской и 31-й армий ворвались с востока в Смолевичи. С юга успешно продвигались войска 1-го Белорусского фронта.

Минск оборонялся остатками трех пехотных и 5-й танковой дивизией фон Заукена, а также полицейскими частями.

2 июля части 2-го гвардейского танкового корпуса совершили почти 60-километровый бросок через партизанский район под Смолевичами и обрушились на немцев под Минском. В ночном бою противник был разгромлен, и танкисты утром 3 июля ворвались в город. На северную окраину Минска вышли части Ротмистрова, а за ними — передовые отряды армий Галицкого и Глаголева. В 13 часов с юга вступил в город 1-й гвардейский танковый корпус; вслед за ним с юго-востока подоспели соединения 3-й армии 1-го Белорусского фронта. К исходу дня столица Белоруссии была освобождена.

Пока шли бои в районе Минска, войска конно-механизированной группы Осликовского на правом крыле 3-го Белорусского фронта продвинулись на 120 км. 3-й гвардейский механизированный корпус, форсировав реку Вилию, вместе с партизанами захватил Вилейку и отрезал врагу пути отступления на северо-запад. На левом крыле 1-го Белорусского фронта группа Плиева перерезала железную дорогу Минск — Барановичи, овладела Столбцами и Городеей.

В результате параллельного преследования подвижными войсками 3-го и 1-го Белорусских фронтов и фронтального преследования войсками 2-го Белорусского фронта в районе восточнее Минска к 4 июля были окружены части 12-го, 27-го, 35-го армейских, 39-го и 41-го танковых немецких корпусов общей численностью около 100 тысяч человек.

Ликвидация немецкой группировки восточнее Минска была осуществлена в период с 5 по 11 июля. К выполнению этой задачи были привлечены войска 33-й армии 3-го Белорусского и часть сил 50-й и 49-й армий 2-го Белорусского фронта.

Оказавшиеся в кольце дивизии противника были объединены в две группы. Одна во главе с командиром 12-го армейского корпуса и временно исполняющим обязанности командующего 4-й армией генералом Мюллером сконцентрировалась восточнее Волмы. Другая, во главе с командиром 78-й штурмовой дивизии генералом Гансом Траутом — юго-восточнее Волмы. Немцы пытались прорваться на запад и выйти в район Барановичи, но в ходе тяжелых боев, продолжавшихся с 5 по 11 июля, были взяты в плен или уничтожены. Противник потерял свыше 70 000 человек убитыми и около 35 000 пленными. В числе пленных находилось 12 генералов, три командира корпуса и девять командиров дивизий. 4-я немецкая армия фактически перестала существовать. Из одиннадцати ее дивизий уцелела только 286-я охранная.

Войска 1-го Прибалтийского фронта, завершив Витебско-Оршанскую операцию, в соответствии с задачей, поставленной Ставкой, с 29 июня проводили Полоцкую операцию. Им противостояли соединения 16-й армии группы армий «Север» и часть сил 3-й танковой армии группы армий «Центр». Стремясь удержать Полоцк, немецкое командование превратило его в мощный узел обороны и сосредоточило на подступах к городу сильную группировку войск, включавшую шесть пехотных дивизий.

Замыслом операции предусматривалось ударами по сходящимся направлениям с северо-востока и юга окружить и уничтожить полоцкую группировку противника. Основная роль в операции отводилась 4-й ударной армии генерал-лейтенанта П.Ф. Малышева, которая наносила главный удар своим левым флангом с целью обойти Полоцк с северо-запада. Обход Полоцка с юго-запада осуществляли

правофланговые соединения 6-й гвардейской армии, а ее основные силы вместе с 43-й армией наступали в направлении Глубокое, Свенцяны. В период подготовки операции была проведена скрытная перегруппировка войск и создано превосходство в силах на избранных для ударов участках.

29 июня 4-я ударная и 6-я гвардейская перешли в наступление на Полоцк и, преодолевая сопротивление противника, стали охватывать фланги его полоцкой группировки. К вечеру 1 июля они вышли к восточной и южной окраинам города. Основные силы Чистякова и Белобородова в этот день вышли на рубеж Германовичи, Гвоздово, Докшицы, а танковые соединения прорвались к реке Десна. После ожесточенных трехдневных уличных боев к утру 4 июля Полоцк был полностью освобожден от противника. Войска левого крыла фронта, преследуя отходившие немецкие соединения, к исходу 4 июля продвинулись на запад около 110 км и вышли на границу Литвы.

Овладев полоцким узлом обороны противника, советские войска получили возможность вести наступление по обоим берегам Западной Двины в общем направлении на Даугавпилс (Двинск). Успешное продвижение 1-го Прибалтийского фронта на полоцком и свенцянском направлениях надежно обеспечивало с севера наступление главной стратегической группировки советских войск в Белоруссии.

3 июля Гитлер отстранил генерала Линдемана от командования войсками группы армий «Север». Его заменил генерал Фриснер, до этого успешно руководивший действиями оперативной группы «Нарва».

На этом закончился первый этап операции «Багратион».

За 12 дней советские войска продвинулись на 225—280 км при среднесуточном темпе 20—25 км, освободили большую часть Белоруссии. Немецкая группа армий «Центр» потерпела катастрофическое поражение: ее главные силы были окружены и разгромлены. В плен было взято 51 930 солдат и офицеров. С выходом Советской Армии на рубеж Полоцк, озеро Нарочь, Молодечно, Несвиж в фронте противника образовалась огромная брешь протяженностью 400 км. Для ее прикрытия в распоряжении Моделя имелось около 8 дивизий. Появилась возможность начать неотступным преследованием гнать остатки разбитых немецких войск к западной границе СССР.

Стабилизация положения на Восточном фронте стала важнейшей задачей германского командования. Имевшиеся в наличии силы группы армий «Центр» могли прикрывать лишь основные направления. Гитлеровской Ставке пришлось на помощь Моделю срочно перебрасывать дополнительные войска из Прибалтики, Германии, Норвегии, Польши и Венгрии. А пока фельдмаршалу приходилось выкручиваться. Оценивая действия Моделя, маршал Жуков признал: «...я должен сказать, что командование группы армий «Центр» в этой крайне сложной обстановке нашло правильный способ действий. В связи с тем что сплошного фронта у них не было и создать его при отсутствии необходимых сил было невозможно, немецкое командование решило задержать наступление наших войск главным образом короткими контрударами. Под прикрытием этих ударов на тыловых рубежах развертывались в обороне перебрасываемые войска из Германии и с других участков советско-германского фронта».

«Почему русские смели с поля боя так много отважных, опытных, стойких дивизий и за сорок восемь часов ввергли группу армий «Центр» в абсолютную катастрофу?

Задавать эти вопросы — значит искать факторы, стоящие за советской победой. Может быть, их огромное численное превосходство? Однако немецкий фронт на Востоке часто успешно противостоял численно превосходящему противнику. Может быть, мощь советской артиллерии? Но и в этом нет ничего нового, и конечно же не здесь причина катастрофы, немецкие дивизии не единожды сталкивались с такой плотностью артиллерийского огня. Решающий фактор состоял совершенно в другом — не в оглушающем численном превосходстве и великолепном вооружении Красной Армии, а прежде всего в появлении превосходящих красных воздушных сил, они решающим образом изменили баланс сил. Советское превосходство в воздухе явилось самым неприятным сюрпризом для немецких войск на Востоке. Долголетний немецкий контроль за небом над полями сражений в России неожиданно закончился. Воздушные силы союзников очистили русское небо. Не кто иной, как западные союзники! Через первые сорок восемь часов вторжения во Францию стало ясно, что исход событий на Западе зависит от того, будет ли положен конец этому господству Эйзенхауэра в воздухе. Это господство парализовало все контратаки немецких танковых

войск: самолеты разбили моторизованные дивизии, когда те только направлялись к побережью; оно пошатнуло «Атлантический вал» и сверху вывело гитлеровскую европейскую крепость из боя. Герман Геринг не предусматривал подобного поворота событий. Поэтому в первые дни июня 1944 года Гитлеру ничего не оставалось, как совершенно лишить свой Восточный фронт всех эскадрилий Люфтваффе и перебросить их на Запад... Поражение в воздухе было абсолютным. На западе немецких эскадрилий не хватило, чтобы бросить вызов господству Эйзенхауэра в воздухе, и на востоке немецкие войска в решающий момент оказались без крыши, без помощи, которая в современной войне составляет жизненно важную необходимость. Таким образом, противник получил контроль в небе, что и явилось решающим фактором катастрофического поражения группы армий «Центр».

Действительно, немецкий 6-й воздушный флот мог противопоставить мощи пяти советских воздушных армий всего 40 исправных истребителей.

Кроме подавляющего количественного превосходства, советская авиация поднялась на качественно новую ступень в вопросах организации управления благодаря повсеместному внедрению радиосвязи. В ходе проведения Белорусской операции авиационные генералы Хрюкин, Вершинин, Скрипко творили совершенно невероятные вещи: перенацеливали армады ближних и дальних бомбардировщиков прямо в воздухе. Немцы, правда, освоили эту науку еще до войны, поскольку без организации взаимодействия родов войск, быстрого принятия решений и мгновенного доведения их исполнителям «блицкриг» был невозможен в принципе. Красной Армии понадобился год, чтобы это осмыслить и еще два — создать и освоить.

Как происходил этот процесс на примере 1-й воздушной армии, подробно рассказал генерал Е. В. Кояндер. В первый год войны ушедшие на задание эскадрильи, покинув аэродром, никем не управлялись, истребители с земли не наводились, штурмовики не взаимодействовали с наземными войсками, так как на советских самолетах не было радиостанций. В отдельных авиадивизиях раций не имелось вовсе ни в воздухе, ни на земле. Летом 1942 года в армии появился один радиофицированный истребительный полк. Причем лишь треть машин в нем имела приемно-передающие радиостанции и половина — только приемники. Это считалось

большим достижением. Тогда же была предпринята первая попытка наведения истребителей с наземного пункта. Эксперимент провалился из-за неумения летчиков пользоваться связью.

Летом 1943 года в состав армии вошел 2-й истребительный авиакорпус генерала А.С. Благовещенского. Все самолеты его дивизий были полностью оснащены приемно-передающими радиостанциями: «Когда начальник штаба корпуса подполковник Д.С. Компанец доложил об этом, мы поначалу не поверили ему».

Кардинально положение со связью изменилось лишь к лету 1944 года. Вот как теперь выглядела организация связи в 1-й воздушной армии: «...все самолеты бомбардировочной, штурмовой и истребительной авиации оснащены бортовыми приемно-передающими радиостанциями. Их нет только на ночных бомбардировщиках По-2. Армейскому полку связи дополнительно выделено 10 мощных радиостанций, размещенных на «студебеккерах». На шести из них смонтированы установки РСТ-1 с аппаратами СТ-35, осуществляющие буквопечатание по радио. На 10 «виллисах» установлены радиостанции наведения. Каждая радиостанция имеет выносное устройство, позволяющее управлять приемником и передатчиком на расстоянии до 75 метров. Они могут работать и на ходу... Неизмеримо возросли возможности и проводных средств... Проволоки и арматуры имеется на 750 проводо-километров... На армейском КП находились три мощные радиостанции. Одна работала в сети вызова авиации на поле боя и являлась личной радиостанцией командующего. Две другие предназначались для отдельного управления бомбардировщиками и штурмовиками. Управление истребителями предусматривалось на волнах тех соединений, которые они прикрывали. В штабе армии и штабах авиасоединений было в достатке радиоаппаратуры...»

И достигнутый результат: «Наступление в Белорусской операции, как известно, развивалось стремительно. В этих условиях наибольшая нагрузка при управлении авиацией легла на радио. Офицеры авиации, находившиеся в наземных армиях и подвижных войсках, держали непрерывную связь с ведущими групп бомбардировщиков и штурмовиков. В быстро менявшейся обстановке часто получалось так, что самолеты подходили к цели, скажем, к населенно-

му пункту, а он уже освобожден пехотинцами или танкистами. Любое промедление с перенацеливанием могло привести к удару по своим войскам. Но теперь настали совсем другие времена. Наводчики объяснялись со штурмовиками и истребителями уже не выполнением горок или покачиванием крылом, а живым человеческим голосом. Радиосвязь «земля—воздух» обеспечивала надежность и высокую оперативность управления авиацией на поле боя... Радиосвязь в Белорусской операции стала главным и безотказным нервом управления боевыми действиями авиации».

Большую роль в насыщении Красной Армии современными средствами связи сыграли поставки союзников. За это наш мемуарист традиционно плюнул в их сторону: «Их прибытие в армию совпало с поступлением аппаратуры связи американского производства, в том числе большой партии наземных коротковолновых и ультракоротковолновых радиостанций.

Для управления авиационными соединениями наиболее приемлемыми оказались радиостанции СЦР-399, а для работы на аэродромах — СЦР-284. Они были просты и надежны, а автокузова, в которых монтировалась аппаратура, легко переставлялись на автомобили разных марок. Но вот техническое описание станций, правила их эксплуатации — все было на английском языке.

С чьей-то легкой руки освоение американских раций стали называть, конечно с откровенной издевкой, «вторым фронтом»...

Поступление радиосредств из-за океана вызвало массу хлопот по их освоению и внедрению, хотя решающего значения в обеспечении авиации радиосвязью они и не имели».

Генерал описывает «простые и надежные» американские радиостанции, установленные на американских «студбеккерах» и «виллисах», имеет в достатке американских «проводо-километров», но «значения это не имело». Для перевозки аэродромной станции РАТ советского производства требовалось три грузовика.

Между тем в СССР было поставлено 35 800 радиостанций, 5899 приемников, 245 тысяч телефонных аппаратов и 348 локаторов, что обеспечило основные потребности Красной Армии, 1,7 миллиона километров полевого телефонного кабеля и 387,6 тысячи тонн меди, что составляло 82,5% советского производства за войну.

Аналогичные процессы происходили во всех родах войск. Отставной майор А.Т. Холин вспоминает, как летом 1941 года получил рацию, отделение связистов и первое боевое задание: организовать в Нежине пункт связи со штабом Юго-Западного фронта: «...я решил вскрыть упакованный в брезент радиопередатчик, чтобы самому посмотреть его и кое о чем порасспросить радистов: хорошо ли они знают технику, умеют ли выявлять неисправности и устранять их? Вскрыли и ахнули... Это был кустарный передатчик, изготовленный специалистами Киевского радиоцентра. И никакого, конечно, технического описания. Были заметны последствия поспешного демонтажа: какие-то детали висели на почти перетершихся проводах, в нескольких местах нарушена пайка. Чтобы не затруднять внимание читателя радиотерминологией, скажу — похоже, что передатчик работал только на одной волне, и на какую был настроен сейчас, определить было невозможно. Не могли мы определить, как нам перестраивать на нужные нам волны с помощью съемных шупов на катушках самоиндукции.

Не лучшее положение было и с радиоприемником, где для грубой настройки применялись сменные катушки самоиндукции, а более точная настройка осуществлялась двумя конденсаторами переменной емкости по шкалам, разделенным на сто градусов».

Тот же автор описывает радиоузел 1-го Белорусского фронта три года спустя: «В скором времени к нам начала поступать американская аппаратура. Это были в основном радиостанции типа СЦР-299 и СЦР-399. По мощности они несколько уступали нашим РАФ, но были более мобильны, так как смонтированы в металлических будках автомашин «шевроле» и «студебеккер», которые отличались повышенной проходимостью по бездорожью за счет передних ведущих колес... Радиоузел был укомплектован тремя мощными радиостанциями РАТ, двадцатью четырьмя радиостанциями типа РАФ и СЦР-399, двумя комплектами аппаратных радио-Бодо для работы со штабами армий буквопечатанием по радио. Все это было полностью смонтировано на автомашинах. Радиоузел связи был подготовлен для одновременной работы по 32 радиоканалам»

Но даже и в 1944 году, по мнению генерала Покровского: «По качеству связь к тому времени уже отставала от требований управления войсками в операции с большим разма-

хом и с высокими темпами». По насыщенности войск средствами связи уровня вермахта мы так и не достигли.

После завершения первого этапа операции Ставка дала фронтам новые директивы, согласно которым они должны были ликвидировать окруженную группировку противника восточнее Минска и продолжать решительное наступление на запад. 1-й Прибалтийский фронт должен был развивать наступление на каунасском направлении. Баграмян для удобства управления передавал 4-ю ударную армию 2-му Прибалтийскому фронту, а взамен получал три общевойсковые армии и механизированный корпус. 3-му Белорусскому фронту предписывалось наносить удар в направлении Молодечно, Вильнюс. Перед войсками 2-го Белорусского фронта ставилась задача наступать главными силами на Волковыск и в дальнейшем выйти к Белостоку. 1-й Белорусский получил приказ усилить наступление правым крылом в направлении Барановичи, Брест. 2 июля был утвержден план действий его левого крыла, которое теперь должно было включиться в наступление и продвигаться на Брест и Люблин. Если на первом этапе операции «Багратион», решая задачи проламывания стратегического фронта противника и окружения его группировок, фронты наносили концентрические удары, то теперь необходимо было организовать скорейшее преследование и еще большее расширение прорыва. Ставка требовала нанесения ударов по расходящимся направлениям, разворачивая, по определению Василевского, «стратегический веер».

На этом этапе в дело дополнительно вводились управления двух армий, танковый корпус и 24 стрелковые дивизии. Решено было также подключить к активным действиям на севере войска 2-го и 3-го Прибалтийских, на юге — 1-го Украинского фронтов. Это давало возможность сковывать силы противника на широком фронте, на нескольких направлениях, срывать его попытки сосредоточить силы для противодействия наступлению в Белоруссии.

НАСТУПЛЕНИЕ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

В обстановке, сложившейся после крупных поражений группы армий «Центр», германское командование решило сдерживать наступление советских войск главным образом короткими контрударами, чтобы под их прикрытием раз-

вертывать войска, перебрасываемые с других участков и из Германии с целью восстановления сплошного фронта обороны. Особенно упорное сопротивление противник оказывал южнее Даугавпилса. Он угадывал стремление советского командования кратчайшим путем выйти к Рижскому заливу и представлял возможную перспективу развития событий в полосе 1-го Прибалтийского фронта. Поэтому уцелевшие части 3-й танковой армии спешно отводились на заранее подготовленные позиции между озерами и болотами, чтобы обороняться во взаимодействии с войсками 16-й армии группы «Север», закрепившимися в районе Даугавпилса. Немцы рассчитывали, что им удастся, используя сложную местность, задержать советские войска даже небольшими силами.

Цель проводимой Баграмяном операции — разгромить группировку противника в районе Шяуляя, а затем выйти к Рижскому заливу и отрезать пути отхода немецкой группе армий «Север» в Восточную Пруссию. После выхода левым крылом на рубеж озеро Дрисвяты, Богинское, Нарочь войска 1-го Прибалтийского фронта должны были силами 6-й гвардейской, 43-й, 39-й (последняя передавалась из состава 3-го Белорусского фронта), прибывших из Крыма 2-й гвардейской и 51-й армий развивать наступление в общем направлении на Свенцяны, Каунас, Шяуляй. Разрабатывая этот план, в Генеральном штабе исходили из предположения, что под угрозой отсечения от Германии войска группы армий «Север» поспешат уйти из Прибалтики в Восточную Пруссию. Маршал Василевский разъяснял Баграмяну: «В обстановке, когда фронт стремительно катится к самой Германии, подвергать изоляции и угрозе уничтожения огромные силы, находящиеся в Прибалтике, — величайшая глупость. Значит, следует ожидать, что Гитлер поспешит отвести группу армий «Север» в Восточную Пруссию, чтобы использовать ее в сражениях за собственно Германию». Если главные силы 1-го Прибалтийского фронта будут наступать на рижском направлении, считал маршал, то их задержат отходящие войска противника, и они не смогут преградить им путь в Восточную Пруссию. Значит, главный удар — на Каунас, к северо-восточным границам Пруссии. Последующие события показали, что у Гитлера, из соображений политического характера, по этому поводу было другое мнение, хотя — военные мыслят одинаково — немецкие

генералы на самом деле предлагали отвести группу армий «Север» на рубеж Западная Двина, Рига.

«Основными мотивами, толкнувшими Гитлера на это, — по мнению генерала Бутлара, — были, вероятно, желание оказать воздействие на Финляндию и стремление продолжить ввоз железа и никеля из Скандинавии». Как ни ругают фюрера генералы вермахта за военные просчеты, но им не приходилось думать над вопросами, где взять железо для танков и пушек, никель и марганец для производства брони, резину для автомобилей, нефть для моторов. А ведь именно летом 1944 года германская военная промышленность, несмотря на нехватку рабочих рук, стратегические бомбардировки, недостаток сырья, достигла пика своей производительности.

5 июля войска Баграмяна без оперативной паузы начали **Шяуляйскую операцию**. Первоначально наступление велось двумя оставшимися в составе фронта армиями — 6-й гвардейской и 43-й. Армия Чистякова наступала на Даугавпилс с юга, на подступах к которому разгорелись кровопролитные бои. Местность для продвижения войск была исключительно тяжелая. Немцы перебросили сюда пять свежих дивизий и сосредоточили крупные силы авиации. К тому же Баграмяну приходилось выделять часть сил для прикрытия своего правого крыла со стороны группы армий «Север», а 1-й танковый корпус, в котором осталось в строю не более десятка боевых машин, вывести в тыл на доукомплектование. Как вспоминает генерал Чистяков: «Ни в одной операции Великой Отечественной войны мне не приходилось так часто докладывать командующему фронтом о тяжелом положении армии, как у Даугавпилса. Временами положение у нас было буквально критическим...»

10 июля в наступление перешли войска 2-го Прибалтийского фронта генерала Еременко. Два дня спустя 4-я ударная армия захватила Дриссу, что облегчило борьбу за Даугавпилс. Сосредоточившийся там противник уже думал не о том, как ударить с севера по флангу 1-го Прибалтийского фронта, а об обороне города. Но и взять Даугавпилс войскам Чистякова, растянувшимся четырьмя корпусами на 160-километровом фронте, не удавалось.

В центре и на левом крыле наступление 43-й и переданной в состав фронта 39-й армий на каунасском направлении шло более успешно. К середине июля войска здесь про-

двинулись на запад до 140 км, перерезали железную дорогу Даугавпилс—Вильнюс, шоссе Даугавпилс—Каунас и сорвали попытку противника прочно обеспечить стык 16-й и 3-й танковой армий. Однако к этому времени стало ясно, что никаких признаков отхода немцев из Прибалтики не наблюдается, наоборот, германское командование энергично готовит контрмеры.

12 июля Василевский обратился в Ставку с просьбой освободить 1-й Прибалтийский фронт от нанесения главного удара левым крылом на Каунас и разрешить сосредоточить усилия на правом крыле, против Даугавпилса, нацелив уже подходившие 51-ю и 2-ю гвардейскую армии в центр, на Паневежис и Шяуляй. Теперь начальник Генштаба считал, что, развивая в дальнейшем этот удар на Ригу, можно быстрее расколоть здесь немецкую оборону, выйти к Балтийскому побережью и отрезать группу армий «Север» от Германии. Армия генерала Людникова при таком раскладе вновь возвращалась в состав 3-го Белорусского фронта, которому предстояло решать задачу овладения Каунасом. Сталин согласился с предложениями Василевского, но запрашиваемую для Баграмяна танковую армию не дал. Он разрешил передать после доукомплектования лишь 3-й гвардейский мехкорпус генерала Обухова. Удар с вводом новых сил назначили на 20 июля.

Войскам 3-го Белорусского фронта директивой Ставки от 4 июля была поставлена задача: главными силами наступать в общем направлении на Вильнюс, Каунас и не позднее 10—12 июля освободить Вильнюс и Лиду, в дальнейшем выйти к Неману и захватить плацдарм на его западном берегу. Справа 1-й Прибалтийский фронт наносил удар на шяуляйском направлении; слева войска 2-го Белорусского наступали на Гродно.

Войска 3-го Белорусского фронта приступили к проведению **Вильнюсской операции** без оперативной паузы, имея все армии в первом эшелоне. Наступление развивалось стремительно. Сплошного фронта обороны противник не имел и оказывал противодействие лишь отдельными подошедшими соединениями и остатками разбитых частей. Немецкое командование пыталось остановить продвижение советских войск на заранее подготовленном рубеже Даугавпилс, Вильнюс, Лида, на котором сосредоточивало отступавшие

и вновь прибывающие части и соединения. Сильные позиции были созданы в районе Вильнюса.

Командование группы армий «Центр» заранее подготовило город к обороне и стянуло к нему отступающие части 3-й танковой армии генерала Рейнгардта. Гарнизон города насчитывал 12—15 тысяч солдат и офицеров. Кроме того, в ходе боевых действий эта группировка была усилена за счет вновь прибывших соединений.

Чтобы упредить противника, Черняховский с рассветом 4 июля повернул 5-ю гвардейскую танковую армию на столицу Литвы. 5 июля войска 3-го Белорусского фронта овладели важным транспортным узлом Молодечно. 7 июля танкисты Ротмистрова вышли к Вильнюсу и сковали немецкую группировку с фронта. 8 июля с северо-востока начала наступление на город 5-я армия Крылова, усиленная 3-м гвардейским механизированным корпусом генерал-лейтенанта В.Т. Обухова. Они обошли Вильнюс с севера, пробившись к реке Вилия и перерезали железную дорогу на Каунас. 11-я гвардейская армия обошла город с юга и соединилась с дивизиями Крылова. 9 июля город был полностью блокирован советскими частями. Армии Черняховского немедленно рванули на Каунас и Сувалки. Тем временем 31-я армия генерала Глаголева взяла Лиду.

Одновременно развернулись бои по уничтожению окруженных немецких войск. Противник, стремясь деблокировать окруженную группировку, сосредоточил до 150 танков и штурмовых орудий, полк мотопехоты и предпринял несколько контратак из районов Майшёгала и западнее Веви-са. Пытался вырваться из окружения и гарнизон Вильнюса, усиленный парашютным десантом в 600 человек, высаженным 10 июля в 6 км западнее города.

Однако все эти попытки оказались безуспешными. Две «пятые» армии — Крылова и Ротмистрова — пресекли все попытки противника спасти вильнюсский гарнизон под командованием генерала Штагеля от капитуляции.

Большую роль в операции сыграла 1-я воздушная армия. Особенно активными были действия авиации с 7 по 13 июля. Непосредственно перед штурмом города 163 самолета Пе-2 и 51 Ил-2 нанесли бомбоштурмовой удар по основным узлам сопротивления противника, чем способствовали овладению Вильнюсом. В последующие дни основные усилия 1-й воздушной армии были сосредоточены на под-

держке войск при форсировании реки Неман. В ходе напряженных шестидневных боев советские войска уничтожили окруженную группировку и 13 июля овладели Вильнюсом.

В период боев за Вильнюс войска Галицкого и Глаголева, продолжая наступать на запад, вышли к реке Неман и захватили несколько плацдармов на его левом берегу. Общий фронт форсирования в районе Алитуса и к югу от него составил 70 км, глубина захваченных плацдармов доходила до 7—10 км. Стремясь не допустить расширения плацдармов, немецкое командование подтянуло в этот район крупные резервы. Кавалерийский корпус генерала Осликовского завязал бои за Гродно. Здесь советские войска также столкнулись с резервами противника. Сломить их сопротивление с ходу не удалось, и Гродно был освобожден лишь 16 июля.

К 20 июля войска 3-го Белорусского фронта продвинулись на глубину до 210 км со средним темпом 13—16 км в сутки. В результате Вильнюсской операции были созданы благоприятные условия для выхода войск фронта к границам Восточной Пруссии. До конца июля армии Черняховского вели бои по упрочению плацдармов на западном берегу Немана.

Войска 2-го Белорусского фронта, преследуя разгромленного под Минском противника, должны были без какой-либо оперативной паузы нанести удар в направлении Новогрудок, Волковыск, Белосток, не позднее 12—15 июля овладеть районом Новогрудок и выйти на реки Неман, Молочадь; в дальнейшем овладеть Волковыском и наступать на Белосток. Ставка передала фронту 3-ю армию Горбатова, а 33-я армия перешла в подчинение Черняховского.

На первом этапе Белостокской операции за десять дней армии генерала Захарова, уничтожая арьергарды разбитых под Минском соединений противника и громя его подходящие резервы, продвинулись с боями на 230 км и, форсировав реки Березина, Свислочь, Щару и Неман, вышли на рубеж Гродно, западнее Волковыска.

Советское командование стремилось вывести свои войска на рубеж Белосток, Брест до того, как противник сумеет закрыть брешь в обороне. Войска маршала Рокоссовского, разделенные припятскими болотами, с выходом к Бресту улучшали свое оперативное положение, а протяженность линии фронта сокращалась при этом вдвое. Однако, чтобы

достичь Белостока и Бреста, нужно было овладеть Барановичами — крупным узлом коммуникаций, который немцы старались удержать во что бы то ни стало.

В направлении Барановичи развивали наступление войска правого крыла 1-го Белорусского фронта. Широко используя подвижность танков и моторизованной пехоты, боевые возможности авиации, советские войска наносили удары в обход узлов обороны противника, перехватывая его пути отступления. В результате согласованных действий 8 июля они освободили Барановичи, 10 июля — Слоним и Лунинец, 14 июля — Пинск и к 16 июля вышли на рубеж Свислочь, Пружаны.

К середине июля основные силы группы армий «Центр» были разгромлены. Почти полностью уничтожены 25 дивизий. Особенно большие потери понесли 4-я полевая и 3-я танковые армии. От первой уцелела одна дивизия, от второй — три.

17 июля 1944 года Сталин показал немцам Москву, а всему миру наглядно продемонстрировал успехи Красной Армии. Спецмероприятие получило название «Большой вальс».

По центральным улицам столицы под конвоем прошли 57 600 пленных, захваченных в основном в Белоруссии. Впереди гигантской колонны двигались генералы и офицеры. Позади следовали поливальные машины, символически дезинфицируя город от следов «завоевателей жизненного пространства».

В полосе 1-го Прибалтийского фронта соединения 43-й армии 18 июля достигли реки Швянтойи и с ходу форсировали ее. В обороне противника на шяуляйском направлении образовалась значительная брешь. Это уязвимое место было использовано 2-й гвардейской и 51-й армиями, введенными в сражение 20 июля. Их наступление с юга обеспечивала 39-я армия, снова переданная в состав 3-го Белорусского фронта и наступавшая на Каунас. Вступление в дело сразу восемнадцати свежих дивизий не могло не дать результата, организованное сопротивление противника было сломлено в первые же часы. Обе армии перешли в преследование.

22 июля соединения 51-й армии генерал-лейтенанта Я.Г. Крейзера овладели Паневежисом — крупным узлом коммуникаций. Войска 2-й гвардейской армии под коман-

дованием генерал-лейтенанта П.Г. Чанчибадзе освободили город Рагува. Части Белобородова перерезали железную дорогу Паневежис—Даугавпилс. Лишь в 6-й гвардейской армии наступление застопорилось. Но сутки спустя, в связи с продвижением 2-го Прибалтийского фронта, обошедшего Даугавпилс с севера, немцы начали отступление в сторону Риги. К вечеру 24 июля соединения 4-й ударной армии ворвались на западную окраину Даугавпилса.

Гитлер снова решил сменить командование группы армий «Север». Вместо Фриснера был назначен генерал Шернер: «Он славился поразительной храбростью, твердостью и решимостью, большим тактическим искусством и верой в железную дисциплину. Он был абсолютно бесстрашен».

Чтобы сломить возрастающее сопротивление противника на шяуляйском направлении, Баграмян 26 июля ввел в сражение с рубежа западнее Паневежиса 3-й гвардейский механизированный корпус. Продвинувшись за день более чем на 70 км, его части вышли на окраины Шяуляя. 27 июля дивизии Крейзера и бригады Обухова, обойдя Шяуляй с северо-запада и юго-запада, овладели городом. Одновременно пал другой важный узел сопротивления — Даугавпилс.

В тот же день Ставка приказала 1-му Прибалтийскому фронту повернуть главные силы на Ригу, а левым крылом наступать на клайпедском (мемельском) направлении, создавая внешний фронт окружения группы армий «Север». Корпус Обухова без промедления повел наступление вдоль шоссе Шяуляй—Елгава. Стремительным ночным броском бригады преодолели 80 км и 28 июля вышли к Елгаве. Танкисты попытались овладеть городом с ходу, но понесли большие потери, пытаясь преодолеть хорошо организованную оборону, и получили указание дожидаться подхода стрелковых частей, а частью сил пробиваться к Рижскому заливу. 30 июля 8-я гвардейская механизированная бригада полковника С.Д. Кремера с ходу овладела городом Тукумс, а на следующий день достигла передовыми отрядами Рижского залива. Группа армий «Север» оказалась отрезанной от Восточной Пруссии.

Армия Крейзера и танкисты Обухова 31 июля заняли Елгаву. Передовые отряды 43-й армии вышли на южный берег реки Мемеле и завязали бои за переправы. 6-я гвардейская медленно двигалась к Риге вдоль левого берега Даугавы.

К концу июля войска правого крыла фронта вышли на рубеж южнее Ливаны, река Мемеле, а левого — на рубеж Куршанай, Кедайнйай.

В результате Шяуляйской операции войска 1-го Прибалтийского фронта продвинулись от 100 до 400 км, нанесли поражение группировке противника на шяуляйском направлении и освободили значительную часть территории Латвии и Литвы. Отрезав группе армий «Север» пути отхода в Восточную Пруссию, войска фронта вынудили противника перебросить крупные силы для восстановления своих коммуникаций и тем самым внесли значительный вклад в успешное завершение Белорусской операции.

На 2-м Белорусском фронте 17 июля 50-я, 3-я и введенная в сражение из второго эшелона 49-я армия генерал-лейтенанта И.Т. Гришина, а также 3-й гвардейский кавалерийский корпус, переданный из 3-го Белорусского фронта, сломали сопротивление противника на рубеже Гродно, Свислочь, отразили его контрудары и, развивая наступление, 27 июля после двухдневных боев овладели Белостоком. К концу июля армии Захарова вышли на линию Августовский канал, река Нарев.

В результате Белостокской операции армии Захарова к концу июля вышли на рубеж восточнее Августов, Белосток, река Нарев и приступили к освобождению северо-восточных районов Польши, а также вышли на подступы к границе Восточной Пруссии. Действия 2-го Белорусского фронта под Белостоком опрокинули планы противника нанести удар по правому крылу войск Рокоссовского фронта и облегчили их наступление в конце июля.

НАСТУПЛЕНИЕ ВЫДЫХАЕТСЯ

Войска правого крыла и центра 1-го Белорусского фронта продвинулись на запад на 400—450 км и к исходу 17 июля вышли на рубеж западнее Свислочь, Видомля, Дрогичин, обошли с севера болотистые районы Полесья и создали предпосылки для согласованных действий всех сил фронта при дальнейшем развитии наступления в Белоруссии и освобождении восточных районов Польши.

Учитывая складывающуюся обстановку, командование фронта заблаговременно готовило переход в наступление войск левого крыла на ковельско-люблинском направле-

нии. В их состав входили 70-я, 47-я, 8-я гвардейская и 69-я общевойсковые, 2-я танковая, 6-я воздушная армии, 2-й и 7-й гвардейские кавалерийские, 11-й танковый корпуса, а также 1-я армия Войска Польского — 36 стрелковых и 6 кавалерийских дивизий, 4 танковых корпуса, 3 отдельных танковых и самоходно-артиллерийская бригада, 26 танковых и самоходных полков, насчитывавшие 416 000 человек, более 7600 орудий и минометов, 1750 танков и самоходно-артиллерийских установок, 1465 боевых самолетов.

Замысел Люблин-Брестской операции заключался в том, чтобы ударами в обход Брестского укрепленного района с севера и юга разгромить люблинскую и брестскую группировки противника и, развивая наступление на варшавском направлении, выйти на широком фронте к Висле. Главный удар наносился из района Ковеля в общем направлении на Люблин, Варшаву, а частью сил в обход Бреста с юга. Армии правого крыла при поддержке 16-й воздушной армии наступали на варшавском направлении, обходя брестскую группировку противника с севера.

Войскам 1-го Белорусского фронта здесь противостояли основные силы 2-й полевой и часть сил 4-й танковой армий группы «Северная Украина».

В период подготовки к нанесению удара 6 июля войска левого крыла частью сил заняли город Ковель, оставленный немцами «без всякого нажима с нашей стороны», а утром 18 июля сосредоточенная в этом районе группировка советских войск перешла в наступление главными силами.

Соединения ударной группировки левого крыла фронта при мощной артиллерийской поддержке и активной помощи авиации в первый же день прорвали оборону противника. 47-я армия, командование которой принял бывший комиссар Генерального штаба генерал-лейтенант Н.И. Гусев, — это был четырнадцатый командарм, будет еще и пятнадцатый — начала стремительно продвигаться на Седльце, а 8-я гвардейская генерала Чуйкова и 69-я армия генерал-лейтенанта В.Я. Колпакчи, поддержанные 11-м танковым корпусом, насчитывавшим 233 танка, — на Люблин. 20 июля, продвинувшись на 70 км, они на широком фронте вышли к реке Западный Буг, с ходу форсировали ее и вступили в пределы Польши. Противник поспешно отходил на запад. Успеху левого крыла 1-го Белорусского фронта способствовало начавшееся 13 июля наступление 1-го Украинского

фронта, проводившего Львовско-Сандомирскую операцию, войска которого частью сил правого крыла в интересах взаимодействия наносили удар на Замостье. 22 июля войска Колпакчи освободили Хелм, а 11-й танковый корпус генерал-майора И.И. Ющука ворвался в Парчев.

После прорыва обороны противника на Западном Буге 21 июля в сражение были введены 2-я танковая армия генерал-лейтенанта С.И. Богданова — огромная сила в 805 танков и САУ, и 2-й гвардейский кавалерийский корпус генерал-лейтенанта В.В. Крюкова. Германское командование понимало, что разворот войск левого крыла 1-го Белорусского фронта для выхода в тыл и фланг группировке, оборонявшейся севернее Полесья, может произойти на рубеже Бреста. Поэтому оно стянуло в этот район вместе со значительными силами 2-й армии большие резервы. Удерживая Брест, противник стремился разобщить усилия фронта и преградить советским войскам путь к Варшаве.

В тяжелую ситуацию попала опередившая соседей 65-я армия генерала Батова. Продвигаясь через район Беловежской пуши, ее войска 24 июля были внезапно атакованы 4-й танковой и 5-й танковой дивизией СС «Викинг».

«Наш правый сосед — 2-й Белорусский фронт — несколько поотстал, — вспоминает маршал Рокоссовский, — а 65-я армия, не встречая особого сопротивления со стороны противника, быстро преодолела лесные массивы Беловежской пуши, вырвалась вперед и тут попала в неприятную историю, будучи атакованной с двух сторон частями двух немецких танковых дивизий. Они врзались в центр армии, разъединили ее войска на несколько групп, лишив командарма на некоторое время связи с большинством соединений. Был такой момент, когда перемешались наши части с немецкими и трудно было разобрать, где свои, где противник; бой принял очаговый характер... Части и подразделения 65-й армии проявили большую выдержку в столь сложной обстановке. Они быстро занимали круговую оборону, отражали вражеские атаки, старались пробиться друг к другу. П.И. Батов и его штаб приняли необходимые меры. Командование фронта прислало на выручку стрелковый корпус и танковую бригаду. Положение было восстановлено, а противник, понеся большие потери, с трудом унес ноги. Но Павлу Ивановичу пришлось пережить тяжелые минуты». Войска Батова вышли к Западному Бугу и с ходу его форсировали.

Соединения 28-й армии вместе с 70-й армией генерал-полковника В.С. Попова, боевой путь которого начинался от стен Брестской крепости 22 июня 1941 года, предприняв наступление с трех сторон на брестском направлении, охватили город и в лесах западнее Бреста разгромили до четырех немецких дивизий. 27 июля 28-я армия вышла северозападнее города к Западному Бугу. Пути отхода брестской группировки противника на запад были отрезаны. 28 июля войска 61-й армии генерал-полковника П.А. Белова при содействии части сил 70-й и 28-й армий освободили Брест.

Войска левого крыла 1-го Белорусского фронта быстро продвигались к Висле. 24 июля 2-я танковая армия, командование которой после ранения Богданова принял генерал-майор А.И. Радзиевский, и армия Чуйкова заняли Люблин.

В трех километрах от города была обнаружена первая «фабрика смерти» — Майданек. Освобождая оккупированные территории, советские солдаты на каждом шагу сталкивались с варварством и зверствами, сопровождавшими насаждение «нового порядка», видели разоренные города и расстрельные рвы, «выжженную землю» и концлагеря, знали о Бабьем Яре, но Майданек настолько поражал концентрацией садизма и бесчеловечности в одном месте, что Би-би-си отказалась верить сообщениям собственного корреспондента: «Ибо здесь было огромное промышленное предприятие, где тысячи «простых» немцев трудились полный рабочий день над уничтожением миллионов других людей, участвуя в своего рода массовой оргии профессионального садизма, — что еще хуже, — относясь к происходящему с деловитой уверенностью в том, что это такая же работа, как и любая другая».

Даже много всякого повидавший Чуйков, по его собственному признанию, не смог себя заставить посетить лагерь смерти. Но он был показан тысячам советских солдат и оказал огромное воздействие на Красную Армию. По воспоминаниям Верта, они помнили «запах Майданека», пробивая путь на запад, и если замполиты говорили об освободительной миссии, бойцы думали о возмездии: «Итак, были «простые фрицы» образца 1944 г., а вместе с тем были и тысячи гиммлеровских профессиональных убийц. Но существовала ли между ними какая-нибудь четкая грань? Разве «простые фрицы» не принимали участия

в уничтожении «партизанских деревень»? И, во всяком случае, разве «простой фриц» не одобрял того, что творили его коллеги в войсках СС и в гестапо? Или он этого не одобрял? Вот та и психологическая и политическая проблема, которая должна была принести Советскому правительству и Красной Армии... много забот».

Продолжая наступление, 25 июля танкисты Радзиевского вышли к Висле в районе Демблина. Однако армия не имела тяжелых понтонных парков и не смогла форсировать рек с ходу. По приказу командующего фронтом генерал-Радзиевский передал свой участок 1-й армии Войска Польского, введенной в сражение из второго эшелона, а сам начал развивать наступление вдоль правого берега реки к Варшаве. Польские части должны были форсировать Вислу на демблинском направлении и захватить плацдарм на западном берегу.

27 июля к реке вышла 69-я армия Колпакчи. Ее войска с ходу преодолели реку близ Пулавы и к 29-му овладели плацдармом. Попытка польской армии оказалась неудачной. Но с утра 1 августа к форсированию в районе Магнушев приступила 8-я гвардейская армия. В течение дня чуйковцы захватили плацдарм шириной 15 км и глубиной до 10 км.

28 июля к Висле выдвинулись войска 8-й гвардейской армии, 1-й армии Войска Польского, введенной в сражение из второго эшелона фронта, и 69-й армии, нарушив взаимодействие между группами армий «Центр» и «Северная Украина».

Танкистам Радзиевского командование фронта поставило задачу овладеть предместьем Варшавы — Прагой и совместно с 47-й армией Гусева отрезать противнику пути отхода на запад. Эту задачу выполнить не удалось.

Фельдмаршалу Моделю в конце концов удалось организовать упорное сопротивление советским войскам на границе Прибалтики с Восточной Пруссией, под Белостоком, юго-восточнее Варшавы. Противник теперь не только упорно оборонялся, но и стремился наносить чувствительные контрудары с привлечением большого количества танков. Ожидая дальнейшего развития наступления 1-го Белорусского фронта на Варшаву, немцы сосредоточили юго-восточнее ее на правом берегу сильную группировку в составе пяти танковых и одной пехотной дивизий. Они намеревались сильным контрударом в южном направлении

разгромить левое крыло фронта, сорвать форсирование его войсками Вислы и наступление на Варшаву. На случай неудачи были подготовлены оборонительные позиции на подступах к Праге.

С 27 июля в районе Праги и Седльце развернулось ожесточенное сражение, в котором с советской стороны участвовали 2-я танковая и 47-я армии, 11-й танковый и 2-й гвардейский кавалерийский корпуса. В боях с частями 4-й и 19-й танковых дивизий, дивизий «Викинг», «Тотенкопф», «Герман Геринг», происходивших при господстве немецкой авиации в воздухе, армия Радзиевского потеряла около 500 танков. Одновременно войска Чуйкова и Колпакчи вели упорные бои по расширению плацдармов на Висле в районе Магнушева и юго-западнее Пулав. В начале августа ни одной из сторон не удалось осуществить свои намерения.

28 июля Ставка уточнила задачи фронтов. Прибалтийские фронты обязывались нанести решающие удары по группе армий «Север». Перед войсками Баграмяна ставилась задача нанести удары на Ригу и Клайпеду, перерезать коммуникации, связывавшие группу армий «Север» с Восточной Пруссией. Армии Ленинградского фронта должны были наступать через Северную Эстонию. 3-й Белорусский фронт должен был не позднее 2 августа овладеть Каунасом и к 10 августа всеми силами выйти на границу с Восточной Пруссией. Войскам Захарова предписывалось главными силами развивать наступление в направлении Ломжа, Остроленка, преодолеть Нарев и продвигаться по Великопольской низменности на Млаву. Рокоссовский получил приказ, наступая правым крылом на Варшаву, не позднее 8 августа овладеть Прагой и, форсировав Вислу, «нанести удар в северо-западном направлении, парализовать вражескую оборону по Нареву и Висле и планировать наступление на Торунь и Лодзь». Южнее 1-й Украинский фронт готовился к броску на Краков. Специальной директивой от 29 июля Жукову и Василевскому было поручено не только координировать действия шести фронтов, но и непосредственно руководить войсками.

Войска Черняховского, завершив Вильнюсскую операцию, в течение второй половины июля вели ожесточенные бои с крупными силами противника на рубеже реки Неман и готовились к продолжению наступления. Немецкое ко-

мандование стремилось задержать выдвижение Советской Армии к границам Германии и ликвидировать плацдармы на левом берегу Немана. К концу июля стянуло на каунасское направление против войск 3-го Белорусского фронта 10 пехотных и две танковые дивизии, две пехотные бригады и 30 отдельных полков и батальонов.

Ставка ВГК поставила войскам 3-го Белорусского фронта задачу развивать наступление на каунасском направлении и не позднее 1—2 августа ударом 39-й армии совместно с 5-й гвардейской танковой армией с севера и 5-й и 33-й армиями с юга овладеть городом Каунас. До 10 августа войска фронта должны были выйти к границе Восточной Пруссии и прочно закрепиться для подготовки к вторжению на ее территорию.

28 июля войска Черняховского перешли в наступление всеми армиями. Атаке предшествовала 40-минутная артиллерийская подготовка. Преодолевая упорное сопротивление противника, войска правого крыла фронта к исходу 29 июля продвинулись на 10—17 км, а центра и левого крыла — на 5—15 км.

30 июля сопротивление противника на рубеже Немана было окончательно сломлено. В полосе 33-й армии был введен в прорыв 2-й гвардейский танковый корпус, который при поддержке авиации стремительно продвинулся на 35 км и завязал бои за Вилкавишкис. Успешные действия танкового корпуса создали угрозу окружения каунасской группировки немецких войск и вынудили ее к отступлению перед левым флангом 5-й и в полосе 33-й армий. Советские войска перешли к преследованию. Используя успех танкового корпуса, войска 33-й армии 31 июля овладели городом и железнодорожной станцией Мариямполье (Капсукас), а 5-й армии ворвались в Каунас и к вечеру очистили от противника большую часть города. К утру 1 августа Каунас — важнейший узел обороны противника на подступах к Восточной Пруссии — был полностью освобожден. Севернее Каунаса успешно продвигались 39-я и 5-я гвардейская танковые армии. К началу августа войска фронта продвинулись вперед до 50 км и расширили прорыв до 230 км. Они освободили более 900 населенных пунктов и вышли на линию Кедайнай, Каунас, Пильвишки, Мариямполье.

2 августа 1944 года 1-й дивизион 142-й пушечной бригады 33-й армии произвел первый артиллерийский обстрел

территории Третьего рейха. До Восточной Пруссии оставалось 10—20 км.

В течение августа войска противника наносили сильные контрудары северо-западнее и западнее Каунаса. Отразив их, к концу месяца войска фронта продвинулись еще на 30—50 км и основными силами вышли к заранее подготовленным укрепленным позициям противника на линии восточнее Расейняй, Кибартай, Сувалки.

В результате Каунасской операции войска под командованием Черняховского вышли к границам Восточной Пруссии, заняв исходные позиции для неизбежного вторжения.

Германское командование тем временем подтягивало соединения к левому фасу войск 1-го Прибалтийского фронта, особенно к Тукумсу, Добеле и Шяуляю. Немцы стремились встречными ударами ликвидировать шяуляйско-елгавский выступ и восстановить непосредственную связь группы армий «Центр» с правым крылом группы армий «Север». Для этого оно перегруппировало в район Шяуляя крупные силы танковых и моторизованных войск.

2 августа противник силами до шести пехотных дивизий, поддержанных танками, ударил с севера на Биржай, Паневежис, в стык войскам Крейзера и Белобородова. Вырвавшаяся вперед 357-я стрелковая дивизия 43-й армии, которой командовал генерал А.Г. Кудрявцев, оказалась в окружении. Неоднократные ее попытки прорваться к своим успеха не приносили. Город Биржай переходил из рук в руки; но 3 августа был оставлен советскими войсками. В Москве на эти события отреагировал «товарищ Семенов». Он взмахнул трубкой и сказал: «Сейчас не сорок первый год. Дивизию выручить во что бы то ни стало».

Баграмян усилил армию Белобородова стрелковым корпусом из своего резерва и 19-м танковым корпусом — 200 танков и САУ — генерал-лейтенанта И.Д. Васильева из резерва Ставки. 5 августа два стрелковых и танковый корпуса перешли в наступление, которое превратилось во встречный с группировкой противника и развивалось очень медленно. Немцы встретили советские танки огнем самоходных орудий из засад, бригады Васильева несли значительные потери. В течение полутора суток непрерывных боев продвинуться удалось на 8—9 км. Наконец, в ночь на 7 августа, атаковав с зажженными фарами и открытыми люками, танковый корпус пробил брешь в немецкой обороне

и деблокировал дивизию Кудрявцева. Группировка противника в районе Биржай была отброшена.

Пожалуй, пора было переходить к обороне. Дальнейшее продвижение на запад было опасным. Разведка отмечала все более активную переброску танковых и пехотных колонн противника из Восточной Пруссии в район Шяуляя, в полосу действий 2-й гвардейской армии, но конкретной информации о силах и дислокации противника добыть не смогла. Ставка по-прежнему требовала от Баграмяна продолжать наступление, в первую очередь на Ригу, поскольку войска 2-го и 3-го Прибалтийских фронтов, наступавшие с востока, встретили упорнейшее сопротивление и вынуждены были остановиться в 150 км от столицы Латвии. Однако все попытки Крейзера форсировать реку Лиелупе и создать плацдарм для ввода механизированного корпуса провалились. По просьбе Василевского в состав 1-го Прибалтийского фронта вернули 4-ю ударную армию и начали переброску 5-й гвардейской танковой. Направление главного удара решили перенести в полосу армии Малышева, наступавшей на Ригу вдоль Даугавы от Крустпилса.

Начиная с 16 августа противник, сосредоточив шесть танковых и моторизованную дивизию «Великая Германия», стал наносить удар за ударом под основание выступа советских войск у Шяуляя и по вершине — у Тукумса и Добеле. Командующий фронтом перебросил для усиления войск Чанчибадзе и Крейзера все резервы, танковый и механизированный корпус, а также прибывшую 17 августа 5-ю гвардейскую танковую армию, командование которой принял генерал-лейтенант В.Т. Вольский. Правда, исправных боевых машин в армии насчитывалось чуть более трех десятков. Кроме того, ожидалось прибытие четырех истребительно-противотанковых артиллерийских бригад. Массированному применению танков фронт противопоставил массированную артиллерию и десятки тысяч противотанковых мин и сумел стабилизировать положение под Шяуляем. Для окончательного разрешения назревшего кризиса Василевский и Баграмян решили перебросить к Шяуляю основные силы 6-й гвардейской армии. Однако эти меры запоздали.

20 августа немцы с двух сторон ударили на Тукумс, одновременно высадив десант на побережье Рижского залива. Сутки спустя оборона 1-го стрелкового корпуса армии Крейзера рухнула, две дивизии оказались в окружении и

вынуждены были пробиваться на рубеж Елгава, Добеле. Таким образом, противнику удалось оттеснить советские войска от Рижского залива и восстановить сухопутную связь группы армий «Север» с Восточной Пруссией, создав шедший через Ригу коридор шириной до 50 км.

Говорят, когда советские войска вышли к Балтийскому морю, генерал Баграмян послал Сталину бутылку балтийской воды. Но пока эта бутылка добиралась до Кремля, немцам удалось отбить плацдарм. Сталин уже знал об этом и, когда ему вручили бутылку, сказал: «Верните ее товарищу Баграмяну, пусть он ее выльет в Балтийское море»..

До середины сентября 1-й Прибалтийский фронт вел тяжелые бои в районах западнее и северо-западнее Шяуляя, отражая сильные контратаки противника, стремившегося расширить коридор вдоль Балтийского побережья.

Войска Рокоссовского к началу августа вышли на рубеж западнее Суража, Цехановец, севернее Седльце, Калишин, восточнее Праги и далее на юг по Висле и продолжали бои за Прагу и расширение плацдармов.

2 августа немцы силами трех танковых и одной пехотной дивизии нанесли контрудар между Седльцем и Прагой. Танковая армия Радзиевского попятилась, но, организовав оборону, отбивалась трое суток, до подхода 47-й армии. К этому времени переправившись через Буг, к Варшаве начали выходить 48-я, 65-я, 47-я, 70-я армии. Противник отступил за Вислу и Нарев и сосредоточил усилия на ликвидации магнусhevского и пулавского плацдармов. 2-я танковая армия 6 августа была выведена в резерв.

Отразив контратаки, войска 1-го Белорусского фронта возобновили наступление. Бои становились все напряженнее, особенно на подступах к Праге и к плацдармам. Добиться существенных успехов фронт не сумел.

Достигнув рубежа Елгава, Добеле, Шяуляй, Августов, рек Нарев и Висла, советские войска 29 августа 1944 года официально завершили операцию «Багратион» — крупнейшую стратегическую операцию Красной Армии. Размах и масштабы ее были грандиозны. В составе наступающих советских войск с учетом прибывших в ходе боев резервов насчитывалось свыше 2,5 миллиона человек, более 45 000 орудий и минометов, свыше 6000 танков и самоходно-артиллерийских установок, более 5000 боевых самолетов.

Сражение развернулось на пространстве, охватывающем до 1000 км по фронту и до 600 км в глубину. В итоге двухмесячных боев советские войска разгромили 38 дивизий противника, 26 из них были полностью уничтожены.

Потери германских сухопутных сил на фронтах были наивысшими за всю войну, не считая победной весны 1945 года: в июле они составили 59 тысяч убитыми и 310 тысяч пропавшими без вести, в августе — 64 тысячи и 408 тысяч. В ходе операции «Багратион» немцы потеряли убитыми, ранеными и пленными до 400 000 солдат и офицеров. Из 47 немецких генералов, воевавших на передовой в качестве командиров корпусов и дивизий, 10 погибли и 22 оказались в плену. В 1946—1947 годах всех «белорусских» генералов пропустили через суды военных трибуналов. Комендант Могилева Эрмансдорф за военные преступления был публично повешен на Минском ипподроме; к смертной казни приговорили коменданта Бобруйска генерала Хамана. С остальных содрали лампасы и осудили на срок от 10 до 25 лет.

По признанию генерала Бутлара, «разгром группы армий «Центр» положил конец организованному сопротивлению немцев на Востоке».

Общие потери четырех советских фронтов и 1-й армии Войска Польского с 23 июня по 29 августа составили 770 тысяч человек, из них 180 тысяч безвозвратно, 2957 танков и САУ, 2447 орудий и минометов, 822 самолета.

ПОЛЬСКИЙ ВОПРОС

Между поляками и русскими издавна существовала традиция взаимного недоверия. «Для поляков было всегда невозможно добиться политических гарантий от любых своих соседей, — указывает А. Кларк, — потому что все они домогались польских земель и предпочитали присваивать их вместо того, чтобы защищать».

Большевикам независимая Польша тоже никогда «не нравилась». Причем активно не нравилась. Сразу же после Октябрьского переворота, объявив о праве наций на самоопределение, ленинское правительство приступало к советизации всех территорий, входящих прежде в состав Российской империи. Польские патриоты, стремившиеся на обломках рухнувшей державы возродить национальное государство, прекратившее существование после насиль-

ственного раздела 1795 года, сразу же были зачислены в «контру».

Уже с января 1918 года ВЧК начало целенаправленно проводить против них политику террора. При Ставке была учреждена особая Комиссия «по борьбе с польскими контрреволюционными войсками», основной задачей которой являлось «истребление контрреволюционных зачинщиков среди польских войск». Даже из этой коротенькой выдержки следует, что «зачинщиками» оказалось большинство поляков. Поэтому «комиссия признала возможным объявить все польские войска вне закона».

28 января военная контрразведка доносила Дзержинскому:

«В действующих против контрреволюционеров фронтовых войск выделено для борьбы с поляками и румынами несколько батальонов. Платим 12 рублей в день при усиленном питании. Из нанятых частей, посланных против легионеров, выделены два отряда: один из лучших стрелков для расстрела офицеров-поляков, другой из литовцев и латышей для порчи запасов продовольствия в Витебской, Минской и Могилевской губ., в местах сосредоточения польских войск. Некоторые местные крестьяне также согласны нападать на поляков и истреблять их».

Польский народ в основной своей массе оказался иммунным к «бациллам большевизма», а польские лидеры не пожелали вести его строем в коммунистические казармы. На почве этих политических разногласий с 1919 года начались острые конфликты, переросшие затем в вооруженные столкновения между Советской Россией и родившимся заново после Версальского мира суверенным Польским государством. В июле 1920 года Красная Армия вышла к Висле и обошла Варшаву, вопрос советизации Польши казался Ленину уже решенным и не самым существенным, ему мерещились красные знамена по всей Европе. В эти дни «вождь мирового пролетариата» телеграфировал Сталину:

«Зиновьев, Каменев, а также и я думаем, что следовало бы поощрить революцию тотчас в Италии. Мое личное мнение, что для этого надо советизировать Венгрию, а может, также Чехию и Румынию».

Однако поход за мировой революцией с треском провалился. Войска Тухачевского потерпели сокрушительное поражение.

18 марта 1921 года в Риге был подписан мирный договор между РСФСР и «буржуазно-помещичьей Польшей», согласно которому проигравшие войну большевики признали границу значительно восточнее линии Керзона и обязались выплатить 10 миллионов золотых рублей контрибуции. Кроме того, обе стороны постановили взаимно уважать государственный суверенитет, воздерживаться от вмешательства во внутренние дела друг друга, от враждебной пропаганды и «всякого рода интервенций», а также не создавать и не поддерживать на своей территории организаций, имеющих целью вооруженную борьбу с другой договаривающейся стороной.

Без преувеличения можно сказать, что все Советское государство создавалось именно как такого рода «организация», в составе которой функционировали другие «организации» — Коминтерн, ОГПУ, Разведывательное управление, Нелегальная военная организация при Штабе Красной Армии, Части особого назначения... Не успели, фигурально выражаясь, просохнуть чернила под этим договором, как Реввоенсовет Республики начал разрабатывать план вторжения на приграничные польские территории «партизанских отрядов» для осуществления там террористических акций против мирного населения. Ильич пришел от этой идеи в восторг. *«Прекрасный план! — писал он Э.М. Склянскому. — Доканчивайте его вместе с Дзержинским. Под видом «зеленых» (мы потом на них и свалим) пройдем на 10—20 верст и перевешаем кулаков, попов и помещиков. Премия: 100 000 р. за повешенного...»*

План активно проводился в жизнь до середины 20-х годов. Руководили «краснопартизанскими» бандами на территории страны, с которой имелся договор о мире и добрососедских отношениях, кадровые офицеры РККА; стреляли и вешали ясно кого — «белополяков». К.П. Орловский, один из таких героев «невидимого фронта», в автобиографии писал о своей «боевой работе»:

«С 1920 г. по 1925 год по заданию Разведупра работал в тылу белополяков, на территории Западной Белоруссии, в качестве начальника участка, вернее, был организатором и командиром краснопартизанских отрядов и диверсионных групп, где, за пять лет, мною было сделано несколько десятков боевых операций, а именно: 1. Было остановлено три пассажирских поезда, 2. Взорван один Жел. Дор. Мост... 6. За один

только 1924 год по моей инициативе и лично мной было убито больше 100 чел. жандармов и помещиков».

Несмотря на старательно раздуваемый «народный гнев», революции в Польше не случилось. Оплачивать сдельную работу диверсантов и палачей было дороговато, польское государство укреплялось и Корпус охраны пограничья успешно партизан отлавливал, к тому же СССР добивался признания на международной арене. «Орловских» и «ваупшасовых» пришлось отозвать. Гимны этим героям поют до сих пор. Оказывается: «Это не был бандитизм, как пытались представить партизанское движение польские власти. Партизаны-добровольцы, перейдя навязанную путем насилия несправедливую границу, вступали на землю своего народа и боролись за нее». Например, «коренной белорус» С.А. Ваупшасов. Более того, эти офицеры иностранной разведки, получавшие премии за каждого убитого: «...имели на нее (*белорусскую землю*) гораздо больше моральных прав, чем завоеватели из Польши».

В 1932 году с Польшей подписали договор о ненападении, который, как показало время, в глазах кремлевского руководства стоил дешевле бумаги, на которой был написан.

Ну не любил верный ленинец Сталин «фашистскую Польшу» и гонорливых поляков. В этом его чувства абсолютно совпадали с чувствами Адольфа Гитлера. Польское правительство отвечало большевикам взаимностью, но страстно хотело дружить с нацистами и самозабвенно рвалось делить с ними несчастную Чехословакию.

Поэтому, когда в 1939 году фюрер предложил Кремлю поделить сферы влияния в Европе и произвести четвертый раздел Польши, советский генсек с радостью утвердил пакт с Германией и, самое главное, тайные протоколы к нему. В беседе с Г. Димитровым Сталин разъяснил свою позицию: «Уничтожение этого государства в нынешних условиях означало бы одним буржуазным фашистским государством меньше! Что плохого было бы, если бы в результате разгрома Польши мы распространили социалистическую систему на новые территории и население».

В долгий ящик решили не откладывать. Через неделю после подписания пакта случилась провокация в Гляйвице, и 1 сентября немецкие танковые клинья вспороли Польшу. Утром 17 сентября в Москве польскому послу вручили ноту

советского правительства, в которой утверждалось: «Польское государство и его правительство фактически перестали существовать. Тем самым прекратили свое действие договоры, заключенные между СССР и Польшей. Предоставленная сама себе и оставленная без руководства, Польша превратилась в удобное поле для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР. Поэтому, будучи доселе нейтральным, советское правительство не может более нейтрально относиться к этим фактам... советское правительство отдало распоряжение Главному командованию Красной Армии дать приказ войскам перейти границу и взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии». Советские войска к этому времени уже выступили в Освободительный поход и в дружном согласии с вермахтом приступили к ликвидации, по молотовскому определению, «уродливого детища Версальского договора».

К началу октября все было кончено. Товарищи по оружию отметили победу совместными парадами и банкетами. После чего «в порядке дружественного обоюдного согласия» принялись осваивать приобретенные территории. Германия свою часть объявила протекторатом. Коммунистическое Политбюро приняло 1 октября программу советизации западных областей, которая стала неукоснительно осуществляться. Избранные 22 октября Народные собрания Западной Украины и Западной Белоруссии провозгласили Советскую власть и обратились с просьбой о включении их в состав Советского Союза. 1—2 ноября Верховный Совет СССР удовлетворил их просьбу.

В течение двух следующих лет проживавшее здесь население учили жить в «братской семье советских народов». Методы уже были отработаны: национализация, конфискация, раскулачивание, коллективизация, классовая борьба и террор. Нагрянувшие вслед за войсками органы НКВД первым делом произвели аресты политических и государственных деятелей, крупных чиновников, военных, капиталистов и земельной аристократии. Эти люди не годились для строительства светлого будущего. «Злейшими врагами трудового народа» были объявлены польские осадники, которых поголовно с семьями — 137 000 человек — выселили в спецпоселения в Поволжье, Казахстане и «солнечном Коми». За ними последовали служащие полиции, суда, проку-

ратуры, деятели культуры, священники, учителя, врачи, агрономы, кулаки и прочий чуждый элемент. В 1939—1941 годах на территории западных областей было репрессировано 10 процентов населения всех национальностей. Последний эшелон с депортированными отправился из Бреста 21 июня 1941 года.

Польское правительство во главе с генералом Сикорским, созданное во Франции 30 сентября 1939 года и позднее перебравшееся в Лондон, не признало территориальных изменений, произведенных в Польше. Сталину на их мнение было глубоко плевать. Казалось, польский вопрос решен окончательно и бесповоротно.

Но тут грянуло гитлеровское нападение, и все хитроумные сталинские планы в одночасье пошли прахом. Единственным союзником Советского Союза оказалась «империалистическая» Великобритания, которую в период дружбы с Гитлером министр иностранных дел В.М. Молотов обвинял в нападении на миролюбивую Германию и развязывании Второй мировой войны. Черчилль, за спиной которого стояла экономическая мощь Соединенных Штатов, протянул руку помощи, а Сталин в этой помощи остро нуждался: Красная Армия терпела поражение за поражением, оставляя врагу колоссальные территории, людские и материальные ресурсы. Правда, в Лондоне сидело польское правительство Владислава Сикорского, боровшееся за свободу и независимость своей страны, но Сталина не интересовали теоретические вопросы в момент, когда вермахт стоял у ворот Смоленска.

30 июля 1941 года советским и польским эмигрантским правительствами было подписано соглашение о восстановлении дипломатических отношений и о создании польской армии на территории СССР «под командованием, назначенным Польским правительством». Советский Союз и Польша взаимно обязались оказывать друг другу всякого рода помощь и поддержку в войне против гитлеровской Германии. Более того, правительство СССР признало советско-германские договоры 1939 года утратившими силу. К советско-польскому соглашению был приложен протокол следующего содержания: «Советское правительство предоставляет амнистию всем польским гражданам, содержащимся ныне в заключении на советской территории в качестве ли военнопленных или на других достаточных осно-

ваниях со времени восстановления дипломатических сношений». В соответствии с этим протоколом 12 августа был принят Указ Президиума Верховного Совета об амнистии «всех польских граждан». Польское гражданство определялось по национальному признаку.

Тогда же в Заволжье началось формирование 75-тысячной армии генерала Андерса. Значительный контингент в армии составляли выпущенные военнопленные, заключенные и спецпоселенцы. Кроме этого, с согласия советского правительства в Англию было отправлено 200 польских летчиков для комплектования польских авиационных частей. В декабре в Москву прибыл генерал Сикорский и подтвердил обещание поляков сражаться против немцев плечом к плечу с Красной Армией. В Куйбышеве появилось польское посольство. В западных областях Белоруссии и Украины польское население и отряды Армии Крайовой помогали советским партизанам в борьбе против общего врага.

Однако идиллия длилась недолго. Поляки требовали возвращения украинских и белорусских земель и на каждом шагу глупо козыряли своим антисоветизмом. Так, за два года пребывания в советских тюрьмах у генерала Андерса выработалась стойкая аллергия на русских, и уже в январе 1942 года он начал требовать отправки своего воинства в Иран. Его офицеры тоже не желали сражаться вместе с москалями и жаловались на плохой паек. В конце концов накануне Сталинградской битвы армия Андерса, вооруженная на советские средства в самое тяжелое для СССР время, ушла на Средний Восток охранять британские нефтепромыслы. Как свидетельствует А. Верт: «На русских отъезд поляков произвел впечатление бегства крыс с корабля, который, как им казалось, утонул».

После Сталинградской битвы Сталин уже не сомневался в победе и в том, что Красной Армии удастся захватить Польшу и установить там удобный ему режим. Правительство же Сикорского наивно полагало возможным восстановление независимого Польского государства в границах, определенных Рижским договором.

Кризис в отношениях был неизбежен, весной 1943 года подоспел «удобный случай». 13 марта Берлин распространил сообщение о том, что в Катынском лесу под Смоленском обнаружены массовые захоронения польских граждан, якобы расстрелянных органами НКВД весной 1940 го-

да. Польское правительство в эмиграции 20 марта 1943 года, одновременно с германским правительством, обратилось в Международный комитет Красного Креста с просьбой о расследовании данного факта. В ответ правительство СССР обвинило польское правительство в союзнничестве с Гитлером и 25 апреля разорвало с ним дипломатические отношения.

Сталин указывал Черчиллю в письме от 21 апреля 1943 года: «...*Враждебная Советскому Союзу клеветническая кампания, начатая немецкими фашистами по поводу ими же убитых офицеров в районе Смоленска, на оккупированной германскими войсками территории, была сразу же подхвачена правительством г. Сикорского и всячески разжигается польской официальной печатью. Правительство г. Сикорского не только не дало отпора подлой фашистской клевете на СССР, но даже не сочло нужным обратиться к Советскому Правительству с какими-либо вопросами или разъяснениями по этому поводу...*»

Союзники по антигитлеровской коалиции в то время, когда все усилия были направлены на разгром Германии и ее сателлитов, не хотели осложнять отношения с Кремлем и раздувать скандал, который играл на руку немцам. Более того, на Тегеранской конференции они фактически признали довоенные советские территориальные приобретения и право СССР иметь своим соседом не суверенное, а «дружественное государство».

Исторический опыт показывает, что другом советских коммунистов могли быть только коммунисты, причем чутко прислушивающиеся к голосу Москвы. Например, Тито или Мао оказались хуже врагов — они были «неправильные» коммунисты и строили «неправильный» коммунизм. Сталин не мог пустить столь важное дело на самотек. В 1942 году, как преемница им же разгромленной в 1938-м Коммунистической партии Польши, была создана Польская Рабочая партия, которая 1 января 1944 года объявила об образовании Крайовой Рады Народовой во главе с Болеславом Берутом со своей «народной военной организацией» — Армией Людовой, действовавшей на оккупированных территориях. Одновременно в Советском Союзе из «надежных» поляков была сформирована дивизия имени Тадеуша Костюшко, а затем 1-я польская армия под командованием генерала Зигмунда Берлинга, одного из немногих

офицеров, отказавшихся последовать за Андерсом. Для еще большей надежности в ее составе было немало советских граждан польской национальности, агентов бдящих «органов» и кадровых советских офицеров. К примеру, членом Военного совета армии был Кароль Сверчевский, о котором Рокоссовский пишет: «Он прошел службу от рядового до генерала у нас, в Красной Гвардии и Красной Армии, командовал интернациональной бригадой в республиканской Испании». Офицером Красной Армии, сменившим по приказу партии фуражку на конфедератку, был и командир 3-й дивизии бригадный генерал Станислав Галицкий. Всего в Войске Польском набиралось до 20 тысяч советских офицеров. Да и сам Рокоссовский вскоре станет Маршалом «независимой» Польши.

От сотрудничества с Армией Крайовой было приказано перейти к открытой конфронтации: отряды польских повстанцев разоружать, их командиров расстреливать. Одним из последствий этого решения стал вынужденный уход в начале 1944 года советских партизан из ряда областей Западной Белоруссии — местное население отказало им в своей поддержке.

21 июля 1944 года был образован Польский комитет национального освобождения (ПКНО) во главе с председателем Эдвардом Болеславом Осубка-Моравским. Тогда же Рада взяла на себя руководство 1-й польской армией и приняла решение объединить ее с Армией Людовой в единое Войско Польское. Главнокомандующим был назначен генерал Михайл Роля-Жимерский. Едва 22 июля войска 69-й армии освободили польский город Хелм, как ПКНО опубликовал манифест, в котором первым делом польское правительство в эмиграции объявлялось незаконным и провозглашалась «народная власть». Четыре дня спустя в Москве было подписано «Соглашение между правительством Союза Советских Социалистических Республик и Польским комитетом национального освобождения об отношениях между советским Главнокомандующим и польской администрацией после вступления советских войск в Польшу».

Фактически советское правительство уже официально признало марионеточное прокоммунистическое правительство Польши. В эти дни Сталин не без иронии писал британскому премьеру:

«Мы не хотим и не будем создавать своей администрации в Польше, ибо мы не хотим вмешиваться во внутренние дела Польши. Это должны сделать сами поляки... Польский Комитет Национального Освобождения намерен взяться за создание администрации на польской территории, и это будет, я надеюсь, осуществлено. В Польше мы не нашли каких-либо других сил, которые могли бы создать польскую администрацию. Так называемые подпольные организации, руководимые Польским Правительством в Лондоне, оказались эфемерными, лишенными влияния...»

Уничтожение и пленение более 300 тысяч членов этих «эфемерных» организаций стало одной из насущных задач Красной Армии и органов госбезопасности.

«В первые дни обстановка в Польше оставалась сложной, — вспоминает ЧВС 1-го Украинского фронта генерал Крайнюков. — Донесения, поступавшие от военных советов армий, от командиров, политорганов и комендатур, свидетельствовали о том, что так называемые «полномочные представители» польского эмигрантского правительства в Лондоне кое-где норовили самочинно захватить органы местного самоуправления, стремясь оттеснить подлинных представителей народной власти. Имели место вылазки и провокации со стороны чуждых элементов».

На проведенном в начале августа заседании ГКО Верховный разъяснил специально приглашенным членам Военных советов фронтов политическую линию. «Председатель ГКО заявил, — вспоминает ЧВС 1-го Украинского фронта генерал Крайнюков, — что мы никакой своей администрации на территории Польши создавать не будем и своих порядков устанавливать тоже не станем. Нам не следует вмешиваться во внутренние дела освобождаемой страны. Это суверенное право самих поляков. Образован Польский комитет национального освобождения. Он и создаст свою администрацию. С ПКНО следует поддерживать тесную связь, никакой иной власти не признавать.

— Повторяю, никакой другой власти, кроме Польского комитета национального освобождения, не признавать!»

В третий раз Красная Армия пришла в Польшу под лозунгами «избавления польского народа от гитлеровского ига, от национального унижения, от рабства» и восстановления «независимой, сильной и демократической Поль-

ши». Идеи классовой борьбы и революции были отложены на послевоенное время.

Свою штаб-квартиру Комитет разместил в Люблине. Декреты комитета, диктовавшиеся из Кремля, подкреплялись всем «авторитетом» советских военных комендатур.

Между тем в Польше и Западной Белоруссии существовало хорошо организованное и широко распространенное подполье, руководимое из Лондона. Наиболее массовой и авторитетной организацией была Армия Крайова под командованием генерала Тадеуша Бур-Комаровского. С приходом Красной Армии в западные районы Белоруссии действовавшие там отряды АК были уничтожены или взяты в плен. Еще 20 июля штаб войск НКВД по охране тыла 3-го Белорусского фронта издал приказ о задержании лиц, принадлежащих к вооруженным формированиям эмигрантского правительства. В этом приказе обобщался опыт операции, проведенной двумя днями раньше, когда были окружены и захвачены бойцы объединенной группировки Виленского и Новогрудского округов Армии Крайовой, активно участвовавшие вместе с войсками Черняховского в освобождении от немцев Вильнюса. Они были разоружены и под конвоем 86-го пограничного полка препровождены в местечко Медники, а затем отправлены в глубь СССР.

После воззваний Люблинского комитета, признания его советским правительством, заявлений Сталина и известий о разоружении отрядов АК польское правительство в Лондоне решило, что пора показать всему миру, кто обладает в стране реальной военной силой и пользуется поддержкой населения. План «Буря» заключался в том, чтобы до подхода Красной Армии своими силами освободить Варшаву. Затем британские ВВС доставили бы из Лондона эмигрантское правительство, которое бы заняло свое законное место в столице Польши. Главная цель: «...вступающие в Варшаву советские войска должны найти ее в польских руках и быть поставлены перед фактом присутствия польских гражданских и военных властей как законных хозяев столицы республики». Момент был выбран удачно: армии Рокоссовского форсировали Вислу и выходили к Праге, а немецкая администрация в Варшаве начала сворачивать свою деятельность.

1 августа в городе началось восстание. Его возглавил Бур-Комаровский, имевший в своем подчинении 20 тысяч

бойцов. К нему присоединились отряды Армии Людовой и другие патриотические силы. Всего в боевых действиях против немецкого гарнизона приняли участие до 40 тысяч человек. К 6 августа уже держали под своим контролем чуть ли не весь город, значительно пополнили за счет немцев запасы вооружения и уже готовились встречать первых эмиссаров из Лондона. Однако им не удалось захватить железнодорожные вокзалы и мосты через Вислу.

Гитлер приказал беспощадно подавить восстание, а Варшаву сровнять с землей. В город были введены эсэсовские части, которые повели методическую войну на тотальное уничтожение. Особо кровавую славу своими зверствами снискала в Варшаве отдельная штурмовая бригада СС под командованием Оскара Дирлевангера, укомплектованная набранными в концлагерях немецкими уголовниками, «восточными добровольцами» и карателями по призыванию всех мастей. После успехов, одержанных в первую неделю, положение восставших неуклонно ухудшалось. У них не было танков, тяжелого вооружения, не хватало продовольствия, медикаментов, боеприпасов. Британские самолеты по ночам прорывались к Варшаве и сбрасывали необходимые грузы, однако эти поставки были незначительны и зачастую оказывались в распоряжении немецких и даже советских войск. С 12 августа Бур-Комаровский непрерывно просил помощи у Лондона, тот, в свою очередь, обратился к Москве. Но Красную Армию на варшавском направлении охватило странное оцепенение.

А действительно, с чего бы вдруг товарищу Сталину отдавать правительству Миколайчика политический контроль над Польшей? И сорок лет спустя советская пропаганда клеймила варшавское восстание как «политическую диверсию», организованную польской реакцией».

Правда, внезапная остановка еще недавно стремительно рвавшихся к Висле армий Рокоссовского объяснялась чисто военными причинами: усилившимся сопротивлением противника, большими потерями, растянутостью коммуникаций, недостатком боеприпасов, усталостью войск. Всё это так. Однако вспомним, что всего за три дня до начала восстания Ставка планировала глубокую операцию на польской территории с выходом на линию Торунь, Лодзь, Ченстохова, Краков — 150 км западнее Варшавы, маршалу Жукову было поручено непосредственное руководство тре-

мя фронтами сразу, соответствующие указания получили Рокоссовский, Захаров и Конев. Ни один из маршалов против этого не возражал и на «усталость войск» не жаловался. Тем не менее, небывалое дело, указания Ставки не выполняли. 1-й Белорусский фронт бездействовал до сентября.

Действительно, в начале августа немцы нанесли контрудар на варшавском предполье, но он был отбит, и 6 августа здесь наступило затишье. Еще через несколько дней прекратились атаки на магнусhevский и пулавский плацдармы. «Гитлеровцы, получив отпор, окончательно отказались от попыток столкнуть нас в Вислу.. Наступила пора тихой оборонительной или, точнее сказать, окопной жизни», — пишет В.И. Чуйков. Дело в том, что к середине августа танковые дивизии группы армий «Центр» ушли в Прибалтику пробивать коридор к группе армий «Север». Те самые шесть дивизий, от которых Баграмян отбивался под Шяуляем и Тукумсом. Части 4-го танкового корпуса СС вплотную занялись повстанцами в Варшаве. Но и тогда советские армии на Висле не сдвинулись с места. Рокоссовский, Батов, Чуйков — все наши полководцы, в воспоминаниях из последних дней июля перескакивают в сентябрь, и не понять, чем они занимались в августе. Известно лишь, что Чуйков с Рокоссовским ходили в баню. Варшава еще держалась. Бывший начальник политотдела 47-й армии генерал М.Х. Калашник путает «и даты и названья». Сначала он пишет: «К началу августа наши войска достигли варшавского обвода...», а десятью страницами ниже с сожалением сообщает: «Варшавское восстание... Мы узнали о нем, когда наши войска были еще далеко от польской столицы и не могли оказать необходимую помощь восставшим».

Наконец 29 августа последовала директива Ставки: войскам 2-го и 1-го Белорусских фронтов продолжать наступление, выйти к реке Нарев и захватить плацдармы. Сразу все пришло в движение, вышли из летаргии командующие. Бывший командарм-65 пишет: «Рокоссовский предупредил меня: «В данный момент время работает против нас, если дадите возможность врагу собрать силы, то форсировать Нарев с ходу не удастся. Сейчас, как никогда, нужен темп и темп. Прошу учесть — маршал Жуков передал категорическое требование Сталина: в первых числах сентября войска должны быть за Наревом».

3-я армия 2-го Белорусского фронта пробилась к реке, 6 сентября овладела городом и крепостью Остроленка, а 16 сентября — Ломжей. Однако преодолеть Нарев ей не удалось. Войска Рокоссовского, действуя силами 28-й, 65-й и 48-й армий, 5 сентября форсировали Нарев, захватили плацдармы в районах Ружан и Сероцка и до 9 сентября, отражая немецкие контратаки, боролись за их расширение.

11 сентября Рокоссовский двинул на Прагу 47-ю, 70-ю, частично 1-ю армию Войска Польского, 8-й танковый корпус и в три дня очистил ее от противника (согласно предыдущей директиве он должен был это сделать 8 августа). К этому времени поляки в городе находились при последнем издыхании. Установив связь с повстанцами, войска 1-го Белорусского фронта начали оказывать им поддержку ударами авиации и артиллерии, сбрасывать на парашютах оружие, боеприпасы, медикаменты. Эти факты, по мнению коммунистических историков, «опровергают попытки недругов Советского Союза и народной Польши приуменьшить советскую помощь варшавским повстанцам».

Естественно, Сталин не был политическим недоумком, чтобы вслух объявить, что ему не нужны в Польше ни правительство Миколайчика, ни подчинявшиеся только ему польские войска. Даже американские «летающие крепости» добирались до Варшавы и сбрасывали контейнеры, чем можно было бы объяснить бездействие советской авиации, базировавшейся в 150 км от города? Зато он отказал англо-американским самолетам в посадке на советские аэродромы, мотивируя тем, что «Советское правительство не хочет иметь ни прямого, ни косвенного отношения к варшавской аванюре». (Интересно, что все зарубежные авторы упоминают некое провокационное обращение московского радио от 29 июля, в котором говорилось о предстоящем освобождении города, и «работники Сопrotивления» призывались к восстанию против отступавшего врага. Этот призыв привел к преждевременному «взрыву».)

15 сентября Верховный приказал 1-й армии Войска Польского провести разведку боем: форсировать Вислу, захватить плацдармы непосредственно в Варшаве и установить контакт с повстанцами. Реку предстояло преодолеть 3-й пехотной дивизии, усиленной шестью советскими артиллерийскими бригадами, минометным полком и шестью артиллерийскими дивизионами. Ей были приданы три ин-

женерных батальона и батальон плавающих автомобилей. В ходе форсирования с 16 по 20 сентября на левый берег реки переправились три польских полка. Они были плотно блокированы немцами на так называемом черняковском плацдарме и не смогли пробиться к центру города. Рокоссовский решил операцию прекратить. Понеся значительные потери, части дивизии вернулись на восточный берег.

«Эта неудача объясняется прежде всего тем, что форсирование Вислы велось локально (*а почему, собственно, одной дивизией, если в наличии имелось три армии?*), для осуществления его в более широких масштабах тогда не было условий (*каких?*). В силу сложившейся обстановки оно было начато без глубокой и детальной разведки противника (*опять же, почему?*). Кроме того, крайне отрицательно на форсировании сказались предательское поведение руководства варшавского восстания (*а вот это — гнусность, совершенная коллективом авторов в угоду Кремлевскому Заказчику. Честный историк повторил бы вслед за Вилемом Пречаном: «...есть вещи, вокруг которых историк должен ходить на цыпочках, когда пишет о событиях, во время которых люди подвергали свою жизнь опасности и готовы были принести в жертву самое ценное вне зависимости от того, руководствовались ли они при этом чувством долга, человеческой ответственности, верности моральным принципам или просто протеста против несправедливости и бесчеловечности»*), которое, преследуя свои корыстные цели, не организовало ни одного удара из города в сторону плацдармов (*вот парадокс: 1-й Белорусский фронт полтора месяца ничем не мог помочь погибающим полякам в силу «усталости войск», а теперь выясняется, что это поляки не помогли Белорусскому фронту!*)). Но главная загвоздка не в этом, а в том, что руководство АК «упорно занимало враждебную позицию в отношении польских демократических сил и Советского Союза» (История Второй мировой войны т.9, с.72).

Сталин и Берут — истинные защитники демократии!

2 октября Бур-Комаровский подписал акт о капитуляции, и бои в городе прекратились. В ходе варшавского восстания погибло 225 тысяч человек повстанцев и мирного населения. Оставшихся в живых немцы выселили из города, значительную часть бросили в концлагеря. Сама Варшава была почти полностью разрушена. Армия Крайова получила удар, от которого она уже не оправилась, что зна-

чительно облегчило Сталину работу по дальнейшей «демократизации» Польши. Надежды лондонского правительства развеялись как дым, Миколайчику советская сторона по всем вопросам предложила обращаться в Комитет национального освобождения.

В то время как помощь Варшаве оказывала одна 3-я пехотная дивизия, совсем рядом 14 стрелковых дивизий 47-й и 70-й армий день за днем упорно, кроваво и безуспешно атаквали модлинский плацдарм противника, который к тому же был им не нужен. Даже на выдавшего виды Рокоссовского эта бойня произвела впечатление:

«Противник на всем фронте перешел к обороне (*события происходят в конце октября*). Зато нам не разрешал перейти к обороне на участке севернее Варшавы на модлинском направлении находившийся в это время у нас представитель Ставки ВГК маршал Жуков... Местность образовывала треугольник, расположенный в низине, наступать на который можно было только с широкой ее части, т. е. в лоб... С высоких берегов противник прекрасно просматривал все, что творилось на подступах к позициям, оборудованным его войсками. Самой сильной стороной его обороны было то, что все подступы простреливались перекрестным артиллерийским огнем с позиций, расположенных за реками Нарев и Висла, а кроме того, артиллерией, располагавшейся в крепости Модлин у слияния названных рек. Войска несли большие потери, расходовалось большое количество боеприпасов, а противника выбить из этого треугольника мы никак не могли. Мои неоднократные доклады Жукову о нецелесообразности этого наступления и доводы, что если противник уйдет из этого треугольника, то мы все равно занимать его не будем, так как он нас будет расстреливать своим огнем с весьма выгодных позиций, не возымели действия. От него я получал один ответ, что он не может уехать в Москву с сознанием того, что противник удерживает плацдарм на берегах Вислы и Нарева. Для того чтобы решиться на прекращение этого бессмысленного наступления вопреки желанию представителя Ставки, я решил лично изучить непосредственно на местности обстановку.. То, что мне пришлось видеть и испытать в ответ на наш огонь со стороны противника, забыть нельзя... Это был настоящий ураган, огонь вели орудия разных калибров, вплоть до тяжелых:

крепостные, минометы обыкновенные и шестиствольные... Какая там атака!».

Рокоссовский пробыл «на местности» один день, а войска ходили по ней в бессмысленные атаки почти два месяца! Вот так, буквально до последней буквы и последнего солдата, товарищ Жуков исполнял приказы Верховного Главнокомандующего. Отсюда риторический вопрос: приказывал ли Сталин своему заместителю штурмовать Варшаву?

В октябре немцы контрударами, массированно применяя танки, стремились во что бы то ни стало ликвидировать плацдармы. Сталин приказал во что бы то ни стало их удержать. Удержали. Армия генерала Гусева продолжала устилать трупами модлинский треугольник. Бои здесь продолжались до 2 ноября.

Потери двух фронтов в сражении за наревский рубеж составили почти 160 000 человек убитыми и ранеными.

«В итоге пятого удара советские войска полностью освободили Белорусскую ССР, значительную часть Польши и большую часть Литовской ССР. Советские войска, продвинувшись на запад до 500—600 км, вышли на Вислу и Неман, подошли непосредственно к границам Германии. Разгром немецкой обороны в Белоруссии позволил организовать новые сокрушительные удары: 6-й сталинский удар на Западной Украине и 8-й сталинский удар в Прибалтике, заставляя врага метаться с одного участка фронта на другой и расходовать свои стратегические резервы по частям».

Эффективную поддержку сухопутным войскам при прорыве обороны, окружении и ликвидации крупных группировок немецких войск, форсировании рек и преследовании противника оказали ВВС, совершив свыше 153 тысяч боевых самолето-вылетов. Это позволило прочно удерживать господство в воздухе и сосредоточить основные силы воздушных армий на поддержке ударных группировок фронтов, дезорганизации планомерного отхода противника и уничтожении крупных группировок его войск. Быстрому продвижению наземных войск и освобождению Бобруйска и Пинска способствовали действия Днепровской военной флотилии.

Важное значение для обеспечения успешных боевых действий войск в ходе операции имело хорошо организованное взаимодействие фронтов, видов Вооруженных сил

и родов войск. Советские войска наносили согласованные удары с целью одновременного прорыва вражеской обороны на широком фронте, окружали крупные группировки противника и преследовали его отходящие части на большую глубину. В операции в большом масштабе осуществлялось взаимодействие Советской Армии с партизанами.

Советские войска показали высокое искусство стремительного фронтального и параллельного преследования отходящего противника, которое велось высокими темпами и на большую глубину. Командование фронтов и армий широко использовало подвижные соединения и части для выхода на тылы отходившего противника, что лишало вражеское командование возможности заблаговременно занимать оборону на заранее подготовленных рубежах.

Тактика советских войск отличалась широким использованием передовых батальонов, высокой боевой выучкой и хорошо организованным взаимодействием всех родов войск, умелыми действиями их при штурме городов, форсировании водных преград, преодолении лесисто-болотистой местности.

«Багратион» — одна из красивейших и эффективных операций Красной Армии. К сожалению, в Европе советское командование вновь вернулось к стратегии лобовых ударов.

По утверждению адъютанта Гитлера полковника Николауса фон Белова, именно после сокрушительного разгрома группы армий «Центр» в Белоруссии фюрер перестал верить в победу.

ШЕСТОЙ СТАЛИНСКИЙ УДАР

«...был осуществлен войсками 1-го Украинского фронта в июле—августе в районе Западной Украины, где была разгромлена группировка противника на Львовском направлении и часть ее, понеся огромные потери, отброшена за реки Сан и Вислу».

Успешные действия советских войск в Белоруссии создали к середине июля благоприятные условия для перехода в наступление 1-го Украинского фронта маршала Конева на львовско-сандомирском направлении.

ЛЬВОВСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

На линии протяженностью 440 км, проходившей западнее Ковеля, Тернополя и Коломыи, большей частью своих сил занимала оборону группа армий «Северная Украина» под командованием генерала Йозефа Гарпе. В нее входили 1-я и 4-я немецкие танковые, а также 1-я венгерская армии, всего 34 пехотные, пять танковых, одна моторизованная дивизии и две пехотные бригады. В них насчитывалось свыше 600 тысяч человек, 6300 орудий и минометов, 900 танков и штурмовых орудий. При этом левофланговые соединения 4-й танковой армии противостояли войскам 1-го Белорусского фронта. Из состава 4-го воздушного флота привлекалось 700 самолетов. Этими силами германское командование рассчитывало удержать оставшуюся в его руках часть территории Украины, а также прикрыть направления, которые вели в южные районы Польши и Чехословакию, имевшие большое экономическое и стратегическое значение.

Потерпев поражение на Правобережной Украине и ожидая новых сталинских ударов, немцы настойчиво укрепляли и совершенствовали оборону, особенно на львовском направлении. Они создали здесь три оборонительные полосы, но к началу наступления полностью успели подготовить лишь две, образовавшие тактическую зону обороны. Пять

танковых, одна моторизованная и три пехотные дивизии составили резерв командующих армиями и группой армий.

В состав 1-го Украинского фронта входили 1, 3-я и 5-я гвардейские, 13, 18, 38-я и 60-я общевойсковые армии, 1-я и 3-я гвардейские и 4-я танковые, 2-я воздушная армии, 4-й гвардейский, 25-й и 31-й танковые, 1-й и 6-й гвардейские кавалерийские корпуса, а также 1-й чехословацкий армейский корпус. Всего фронт имел 80 стрелковых и кавалерийских дивизий, 3 механизированных и 7 танковых корпусов, 4 отдельные танковые бригады, 18 отдельных танковых и 24 самоходно-артиллерийских полка — около 1 200 000 человек, 15 500 орудий и минометов, 1056 установок реактивной артиллерии, 1667 танков и 529 самоходных установок, свыше 3246 самолетов. Это было самое крупное фронтовое объединение из всех до сих пор создававшихся.

В связи с предстоящей операцией Верховный 23 июня 1944 года провел специальное совещание, на котором Конев доложил свое решение нанести два удара: на львовском и рава-русском направлениях. Это позволяло рассечь группу армий «Северная Украина», окружить и уничтожить противника в районе Бродов. План вызвал возражения со стороны Сталина, считавшего распыление сил на двух направлениях нецелесообразным. Он рекомендовал наносить один мощный удар — на Львов, вложив в него все силы. Конев доказывал, что удар на одном направлении позволит противнику широко маневрировать имеющимися у него в резерве танковыми и моторизованными соединениями и сосредоточить в одном месте всю авиацию. Кроме того, наступление одной ударной группировки на наиболее укрепленном направлении приведет не к прорыву, а прогрызанию обороны, выталкиванию противника от рубежа к рубежу и не даст больших оперативных выгод. В конце концов командующий фронтом отстоял свою точку зрения. 24 июня Сталин утвердил план операции, предложенный фронтом, но в напутствие сказал: «Имейте в виду, Конев, операция должна пройти безупречно и принести желаемый результат».

Цель ее состояла в том, чтобы разгромить группу армий «Северная Украина», завершить освобождение Украины и перенести боевые действия на территорию Польши. Операция осуществлялась во взаимодействии с войсками 1-го Белорусского фронта, которые развивали наступление на

люблинском направлении. Общий замысел предусматривал нанести на правом крыле и в центре два мощных удара и прорвать фронт на двух направлениях, отстоящих один от другого на 60—70 км. Первый удар намечалось нанести из района западнее Луцка в направлении на Сокаль, Рава-Русская и второй — из района Тернополя на Львов с задачей разгромить львовскую группировку немцев, овладеть Львовом и крепостью Перемышль.

В ударную группировку на луцком направлении входили 3-я гвардейская армия генерала В.Г. Гордова, 13-я армия генерала Н.П. Пухова, 1-я гвардейская танковая армия генерала М.Е. Катукова, конно-механизированная группа, в которую входили 25-й танковый и 1-й гвардейский кавалерийский корпуса под общим командованием генерала В.К. Баранова. Наступление этой ударной группировки обеспечивалось четырьмя авиационными корпусами 2-й воздушной армии.

В ударный «кулак» на львовском направлении вошли 60-я армия генерала П.А. Курочкина, 38-я армия генерала К.С. Москаленко, 3-я гвардейская танковая армия Рыбалко, 4-я танковая армия Лелюшенко, конно-механизированная группа генерала С.В. Соколова в составе 31-го танкового и 6-го гвардейского кавалерийского корпусов. С воздуха их поддерживали пять авиационных корпусов.

Таким образом, были созданы сильные ударные группировки войск на обоих направлениях. В луцкой на участке прорыва шириной 12 км намечалось сосредоточить 14 стрелковых дивизий, два танковых, механизированный, кавалерийский корпуса и две артиллерийские дивизии прорыва — 3250 орудий и минометов, 717 танков и самоходных установок, 1300 самолетов. На львовском направлении на 14-километровом участке должны были нанести удар 15 стрелковых дивизий, четыре танковых, два механизированных, кавалерийский корпуса и две артиллерийские дивизии прорыва — 3775 стволов, 1084 танка и САУ, 1950 самолетов.

3-я гвардейская и 4-я танковая армии должны были глубокими охватывающими ударами севернее и южнее Львова на пятый день операции выйти на рубеж Немиров—Яворов значительно западнее города.

На левом крыле фронта по предгорьям Карпат были развернуты войска 1-й гвардейской армии генерала А.А. Греч-

ко и 18-й армии Е.П. Журавлева. Используя успех соседей, армия Гречко, создав ударную группировку из пяти дивизий и 4-го гвардейского танкового корпуса, должна была перейти в наступление, захватить плацдарм на Днестре в районе Галича, обеспечивая этим действия войск на львовском направлении. Армии Журавлева, действовавшей южнее Днестра, ставилась задача прочно удерживать занимаемые рубежи и быть в готовности к переходу в наступление на станицславском направлении.

В резерве фронта имелась 5-я гвардейская армия генерала А.С. Жадова, которая по указанию Ставки была перебросена из состава 2-го Украинского фронта, и 47-й стрелковый корпус.

Развернув наступление, ударные группировки должны были разгромить главные силы противостоящего противника, частью сил ударами по сходящимся направлениям окружить и уничтожить немецкие соединения в районе Бродов. Затем им предстояло, развивая успех и обходя Львов с северо-запада и юго-запада, овладеть городом. На пятый день операции планировался их выход на рубеж Грубешув, Томашув, Немиров, Яворов, Роздал. На втором этапе главные усилия переносились на сандомирское направление с целью форсирования Вислы и создания крупного оперативного плацдарма в районе Сандомира. В реальности осуществление окружения было связано с немалыми трудностями, поскольку на линии развертывания ударных группировок фронт не имел никаких изгибов.

10 июля план операции был окончательно утвержден Ставкой. При этом были даны указания использовать танковые армии и конно-механизированные группы не для прорыва обороны, а для развития успеха, а также выражены сомнения в способности пехоты поддерживать темп продвижения 35 км в сутки, который установил Конев.

Чтобы скрыть подготовку операции, штаб фронта разработал план оперативной маскировки, которым предусматривалось имитировать сосредоточение двух танковых армий и танкового корпуса на левом крыле фронта, в полосах 1-й гвардейской и 18-й армий. Для его осуществления в широком масштабе применялись ложные перевозки бронетехники по железной дороге, имитировались районы выгрузки танковых соединений, обозначался их марш в район сосредоточения и велись открытые радиопередачи. В лож-

ных районах было выставлено большое количество макетов танков, автомашин, орудий и другой техники. Ложные аэродромы с макетами самолетов для натуральности прикрывались дежурными звеньями истребителей. В ряде населенных пунктов побывали «квартирьеры», распределявшие дома для «прибывающих штабов и частей».

Несмотря на строжайшие меры маскировки, полностью обмануть противника не удалось. Немцы ждали наступления войск 1-го Украинского фронта в первую очередь, на львовском направлении, где поставили оперативный резерв — 3-й танковый корпус. Они усилили разведку, вскрыли расположение и состав общевойсковых армий, определили направления готовящихся ударов, наметили контрмероприятия, в частности, отвод войск на вторую полосу на значительном участке фронта, однако переброску в район южнее Луцка танковой армии Катукова не выявили.

Плотность орудий и минометов на участках прорыва составила более 250 стволов на 1 км. Продолжительность артиллерийской подготовки планировалась 1 час 40 минут. Для непосредственной поддержки пехоты выделялось 349 танков и САУ. В период подготовки операции соединения фронта «получили значительное пополнение людьми, призванными из областей Правобережной Украины». Политработники помогали этим людям «полностью освободиться от последствий фашистской и буржуазно-националистической пропаганды и по-настоящему подготовиться к выполнению воинского долга». После этого необученных призывников почти сразу бросали на передовую, не считаясь ни с какими потерями, и это был самый испытанный способ освободить их от влияния «буржуазно-националистической пропаганды».

Прорыв предстояло проводить в благоприятных условиях, когда Белорусские фронты успешно преследовали противника на подступах к Неману и в верховьях Нарева, создавая тем самым угрозу обхода левого фланга группы армий «Северная Украина». Ход операции «Багратион» давал основания предполагать возможный отвод немцами своих войск в глубину перед правым флангом или во всей полосе 1-го Украинского фронта, что следовало.

Действительно, 10 июля Коневу стало известно о намерении противника отвести свои силы на вторую полосу обороны. Маршал в мемуарах пишет, что это его с толку не

сбило: «Из опыта предыдущих операций мы учли, что противник всегда пытается обмануть нас, отведя свои силы с первой полосы обороны на вторую, чтобы сохранить силы в период артподготовки и сорвать наше наступление». Все правильно, вот только плана на этот случай у командующего не имелось. В результате немцы на рава-русском направлении, прикрываясь арьергардами 291-й пехотной дивизии, успели отойти основными силами 42-го армейского корпуса на вторую полосу, уплотнить боевые порядки и подбросить резервы. Правда, стрельбы по пустому месту удалось избежать.

12 июля Конев решил провести разведку боем силами усиленных рот от каждой дивизии первого эшелона. В 22 часа на обоих направлениях предстоящих ударов вперед двинулись разведывательные отряды. В полосе 3-й гвардейской армии было установлено, что с наступлением сумерек 88-я и 72-я пехотные дивизии начали отход с переднего края. Непосредственно перед участком прорыва части 291-й пехотной дивизии отразили атаку разведывательных отрядов. В течение 13 июля еще можно было отдать распоряжения о перемещении и развертывании ударных группировок перед второй полосой и спланировать ее прорыв и эффективное огневое поражение, но командующий не стал этого делать.

Наступление на северном фланге началось 13 июля после 30-минутной артподготовки силами передовых батальонов 3-й гвардейской и 13-й армий. В течение дня передовые батальоны продвинулись на 7—8 км. Наконец, в 18 часов после массированных огневых налетов артиллерии и ударов авиации перешли в наступление главные силы дивизий первого эшелона. Они быстро сломили сопротивление противника, что неудивительно, поскольку оборону здесь держали два полка 291-й пехотной дивизии, и устремились ко второй полосе, но прорвать ее с ходу не смогли. Основные силы 42-го немецкого корпуса — три пехотные дивизии — успели без больших потерь отступить и подготовиться к отражению атак. На направлении удара северной группировки противник подтянул также 16-ю и 17-ю танковые дивизии.

В итоге первый удар пришелся в пустоту. Теперь следовало произвести перегруппировку войск, что требовало 12—16 часов, произвести разведку и готовить новый прорыв. Командующий фронтом решил не терять на это времени. Вот на людях можно было не экономить, тем более

на неблагонадежном пополнении. Атака второй полосы началась утром 14 июля при плотности 90—100 орудий, когда имелась возможность иметь по 200 стволов на километр. Переместившаяся за войсками артиллерия едва заняла позиции и не успела произвести пристрелку. Разведывательных данных о противнике и его огневых средствах на второй полосе обороны почти не имелось. Поэтому Конев решил не тратить зря снаряды: огневой налет длился всего 5 минут. Естественно, противник оказался слабо подавленным, а наступающие войска встретили упорное сопротивление. Ряд контратак предприняли немецкие танковые дивизии. Для их отражения, по свидетельству генерала И.П. Галицкого, были применены «противотанковые» собаки:

«Особо нахально лезли вперед фашистские танки. В резерве полковых саперов был взвод собак — истребителей танков лейтенанта И.Н. Жукова. Командир части полковник Покровский приказал лейтенанту уничтожить «тигры». Жуков выдвинул вперед отделение младшего сержанта Бочарова в составе четырех проводников с собаками. Подпустив танки на дистанцию 100 м, воины пустили собак. Два «тигра» были подорваны, третий повернул обратно. Полк отбил контратаку фашистов и снова устремился вперед».

В течение дня советским войскам не удалось добиться успеха. Лишь 76-й стрелковый корпус армии Гордова, не входивший в состав ударной группировки, смог нащупать слабое место в обороне неприятеля. В его полосе была введена в бой 1-я гвардейская танковая бригада. Совместно они продвинулись на глубину до 8 км. Хотя бы даже полгода назад наступление 1-го Украинского фронта на этом бы и закончилось, захлебнувшись кровью. Но теперь количественное преимущество над противником было колоссальным, что позволяло повторять попытку за попыткой до получения нужного результата.

На этот раз было решено в течение ночи привести войска в порядок, выдвинуть в первую линию вторые эшелоны стрелковых корпусов, а утром 15 июля провести мощную артиллерийскую подготовку и завершить прорыв тактической зоны обороны. Количество орудий и минометов удалось довести до 200 стволов на 1 км.

В 8.30 войска северной ударной группировки возобновили наступление. Наиболее успешно в этот день действовали соединения 13-й армии. Ее корпуса прорвали вторую

полосу обороны к исходу дня. Успеху способствовало, что основные усилия армии были сосредоточены на участке наиболее потрепанной 291-й пехотной дивизии.

На следующий день прорыв второй полосы осуществила и 3-я гвардейская армия, создав условия для ввода в сражение подвижных групп. При этом Конев изменил первоначальный порядок их ввода, очень ему хотелось организовать «котел» по типу корсуньского. Сначала, 16 июля, он ввел конно-механизированную группу генерала Баранова. Она должна была уже на следующий день овладеть районом Каменка-Струмиловская, захватить плацдарм на Западном Буге и перерезать бродской группировке противника пути отхода на запад. Однако наличие в составе группы уязвимых кавалерийских соединений затрудняло ей проход в оперативную глубину через узкую брешь. Это привело к потере целых суток, необходимых для развития тактического прорыва в оперативный.

Лишь 17 июля в полосе 13-й армии в прорыв, на глубине 20 км от бывшего переднего края, вошла танковая армия Катучова, имевшая 416 танков и самоходных установок, оперативная оборона немцев была окончательно прорвана и войска правой ударной группировки получили свободу для маневренных действий. Успешно развивая наступление, танкисты с ходу форсировали Западный Буг и овладели плацдармом в районе Добричина, вступив на территорию Польши. На следующий день войска генерала Гордова преодолели реку в районе Сокаля. 25-й танковый корпус генерала Ф.Г. Аникушина, составлявший ударную силу КМГ, обогнал боевые порядки пехоты и вышел к Западному Бугу, а соединения 1-го гвардейского кавалерийского корпуса 18 июля овладели Деревлянами.

Используя успех подвижных войск, стрелковые соединения продолжали расширять и углублять прорыв.

В более сложной обстановке развивалось наступление на львовском направлении. Разведка, проведенная 13 июля, показала, что противник оказывает яростное сопротивление и оставлять позиции не намерен. Поэтому решено было начать операцию 14 июля. Но Конев все еще сомневался и не хотел тратить снаряды впустую. По аналогии с обстановкой, сложившейся на рава-русском направлении, он полагал, что и здесь немцы вот-вот начнут отвод войск. Утром без артподготовки в атаку пошли только передовые

отряды дивизий. Они овладели к 9 часам первой и второй траншеями и дальше продвинуться не смогли. Наступила нелепая пауза. Желая оказать мощное огневое воздействие на противника, командующий фронтом приказал вводить в бой первые эшелоны только после нанесения ударов с воздуха. Погода же в первую половину дня выдалась совершенно нелетной. Армиям пришлось ждать улучшения метеорологических условий.

В 16 часов после артиллерийской подготовки, длившейся полтора часа, и массированных ударов авиации перешли в наступление главные силы 60-й и 38-й армий, имевшие задачу в первый день прорвать тактическую зону обороны противника на глубину до 20 км. Однако успех был незначителен, к исходу дня им удалось продвинуться лишь на 3—7 км, хотя двум армиям, имевшим 22 стрелковые дивизии, здесь противостояли четыре пехотные дивизии, а семь из десяти дивизий армии Москаленко действовали на 6-километровом участке, штурмуя оборону 357-й пехотной дивизии.

Хотя бомб и снарядов было выброшено много, эффективность артиллерийской и авиационной подготовки оказалась низкой. Уверовав в свою могучесть, пренебрегли разведкой, и огневая система противника оказалась неподдавленной. Собрав все танки в ударные кулаки, пехоте для непосредственной поддержки почти ничего не дали. Так, 38-й армии выделили только 29 танков и 45 самоходных установок, которые в основном были «израсходованы» еще утром. Зато позади стояла танковая армия в ожидании, когда стрелковые войска расчистят для нее путь для действий в оперативной глубине. Потеря времени и темпа привела к тому, что немцы совершенно точно определили направление давно ожидаемого ими удара, успели перегруппировать силы и подтянуть тактические резервы, о наличии которых в этом районе советское командование не подозревало.

С целью ускорить прорыв тактической зоны обороны противника Конев утром 15 мая в полосе армии Курочкина ввел в сражение часть сил 3-й гвардейской танковой армии. Развернулись ожесточенные бои. Особенно напряженная обстановка сложилась у генерала Москаленко. Германское командование, создав ударную группировку из 1-й и 8-й танковых дивизий, нанесло здесь контрудар из района Плугов, Сборов и потеснило соединения 38-й армии на 2—4 км.

Вынуждены были остановиться и отражать вражеские атаки и левофланговые соединения 60-й армии.

Вообще кажется, что, готовя операцию и собрав на одном фронте небывалые силы и средства, противника всерьез не воспринимали и особого сопротивления от него не ожидали. Маршал Москаленко признает, что контрудар во фланг его армии оказался совершенной неожиданностью: «Как это могло произойти? Полагаю, что первопричиной такого промаха являлось недостаточное изучение противостоящих вражеских сил. Как фронтовые, так и армейские разведывательные группы не сумели полностью вскрыть состав, группировку и замысел врага. Отсюда и несовершенство армейских планов наступательной операции. План 38-й армии несомненно был бы несколько иным, если бы располагали более подробными сведениями о намерениях, силах и средствах противника». В общем, так старались скрыть собственные намерения, что выяснить намерения противника времени не хватило.

Чтобы выправить положение, 2-й воздушной армии было приказано «сосредоточиться» на танковой группировке немцев. Как мы помним, здесь наши войска поддерживали около 2000 самолетов. В течение дня бомбардировщики и штурмовики четырех авиакорпусов совершили свыше 1800 самолето-вылетов, сбросив более 100 тонн бомб на квадратный километр. В результате ударов авиации, артиллерии 38-й армии, а также танковой и механизированной бригад, выделенных из армии Лелюшенко, немецкие войска были дезорганизованы, понесли значительные потери и резко снизили активность. Генерал Меллентин пишет: «На марше 8-я танковая дивизия, двигавшаяся длинными колоннами, была атакована русской авиацией и понесла огромные потери. Много танков и грузовиков сгорело; все надежды на контратаку рухнули». Контрудар противника был отбит, однако перспектива введения 4-й танковой армии в прорыв на данном участке оставалась призрачной.

Немцы предприняли сильные контратаки и против 60-й армии. Но здесь ее соединения совместно с частями армии Рыбалко успешно преодолели сопротивление противника и, продвинувшись 15 июля на глубину 18 км, на пятикилометровом участке в районе Колтов прорвали вторую полосу неприятельской обороны, создав так называемый колтовский коридор.

Этот проход, по предложению генерала Рыбалко, был использован утром 16 июля для ввода 3-й гвардейской танковой армии. Армия насчитывала в своем составе около 42 000 человек, 555 танков и САУ, в том числе 42 машины ИС-2, 563 орудия и миномета, 79 реактивных установок, 241 бронетранспортер. Узкая полоса прорыва, бездорожье, торфянистые почвы и проливные дожди вынуждали всю эту массу войск и техники двигаться по одному маршруту сплошной непрерывной многокилометровой колонной под артиллерийским и минометным огнем противника. Решение было рискованное, так как проход, через который предстояло протолкнуть крупнейшее танковое объединение, был в три-четыре раза уже, чем предусматривалось уставами и сложившейся практикой, но Конев, хоть и не без колебаний, принял его. По плану ударная группировка должна была уже быть у Львова, а она еще не сдвинулась с места. Для поддержки армии с воздуха командующий фронтом выделил шесть авиационных корпусов; в течение всего светлого времени над коридором висели советские истребители.

Стремясь ликвидировать колтовский коридор и не допустить прорыва танковых войск в оперативную глубину, немцы возобновили контратаки с севера частями 13-го армейского корпуса и с юга двумя танковыми дивизиями. Обстановка создавалась исключительно напряженная. Однако танкам Рыбалко удалось протиснуться вперед. К исходу 18 июля они преодолели тыловой рубеж противника, по двум наведенным мостам форсировали реку Пелтев и вышли в район Дзедзилув, Красное, а части 9-го механизированного корпуса достигли Деревлян, где соединились с конно-механизированной группой генерала Баранова, завершив окружение бродской группировки противника.

С утра 17 июля через колтовский коридор, так как в полосе 38-й армии успеха достигнуто не было, начала входить в прорыв и 4-я танковая армия. Ей предстояло, обходя Львов с юга, развивать наступление на Городок. Однако в течение 17—18 июля из-за сильного противодействия немецких войск на флангах полностью ввести армию в прорыв не удалось. Половина ее сил совместно с войсками 60-й армии вынуждена была отражать неприятельские контратаки южнее Золочева. Тем не менее Конев приказал генералу Лелюшенко продолжать выполнение поставленной задачи наличными силами.

Чтобы быстрее высвободить 13-ю и 60-ю армии для развития наступления на львовско-перемышльском направлении, командующий фронтом к уничтожению бродской группировки дополнительно привлек 4-й гвардейский и 31-й танковые корпуса, авиацию и артакорпуса РКК.

С целью расширения прорыва в сторону левого крыла фронта в наступление перешла 1-я гвардейская армия. Используя участок прорыва 38-й армии, она с утра 16 июля нанесла удар в направлении Бережаны, разгромила здесь войска противника и тем самым заставила германское командование свертывать оборону перед армией к югу. Армия Москаленко, отражая контратаки с юга, продвинулась на 8—14 км.

Таким образом, за шесть дней наступления, с 13 по 18 июля, войска 1-го Украинского фронта, несмотря на исключительно упорное сопротивление противника, достигли крупного оперативного успеха. На обоих направлениях они прорвали оборону противника на фронте 200 км, продвинулись на глубину до 50—80 км, форсировали Западный Буг и окружили немецкую группировку в районе Бродов.

Одновременно с боями по ликвидации бродской группировки войска фронта продолжали развивать наступление на запад. Особенно успешно оно развивалось на правом крыле. 1-я гвардейская танковая армия 19 июля сломала сопротивление противника на Западном Буге и приступила к преследованию. В связи с быстрым продвижением 3-й гвардейской и 13-й армий по расходящимся направлениям между ними образовался большой разрыв. Поэтому конно-механизированная группа Соколова получила задачу из района Рава-Русская нанести фланговый удар на северо-запад, на Фрамполь. Выходом в тыл противника она должна была содействовать продвижению армии Гордова, установить взаимодействие с соединениями 1-го Белорусского фронта, в дальнейшем форсировать с ходу Вислу и захватить плацдармы.

К этому времени крайне благоприятная обстановка сложилась на львовском направлении. Львов являлся одним из важнейших стратегических объектов и крупным центром коммуникаций противника, во многом определявшим устойчивость его обороны. В связи с этим сам город и прилегающая к нему местность были сильно укреплены. Ближайшие селения были превращены в опорные пункты

с развитой системой укреплений и инженерных заграждений. Но сил у немцев в районе Львова было недостаточно, оперативные резервы они уже израсходовали. Войска 3-й гвардейской танковой армии и 13-й армии находились в 20—30 км от города. 4-я танковая армия своим 10-м гвардейским танковым корпусом вышла в район Ольшаницы, в 30 км восточнее Львова. С севера город охватывала конно-механизированная группа Баранова. В этой ситуации ночью 19 июля Конев отдал приказ генералу Рыбалко обходным маневром с севера и северо-запада, а генералу Лелюшенко с юга овладеть Львовом не позднее утра 20 июля. Однако сделать этого не удалось. Как справедливо заметил в своих воспоминаниях Лелюшенко, которому пришлось с ходу поворачивать свои войска на 90 градусов на север: «Это была новая задача — не обходить Львов, а брать его». При чем брать чисто танковыми соединениями.

Конно-механизированная группа Баранова вместо стремительного броска на запад ввязалась во фронтальные атаки за Жолкев и не выполнила поставленной перед ней задачи. Конев торопил: «Топтание группы вторые сутки перед слабым противником — преступление». Но и 21 июля корпуса Баранова бились лбом о Жолкев.

4-я танковая армия вела безуспешные бои одним корпусом на юго-восточных подступах к Львову. Остальные ее силы были связаны обороной колтовского коридора и отражением контрудара 48-го танкового корпуса, в котором, кстати, не было ни одной танковой дивизии. Встретив у города упорное сопротивление, армия не смогла продолжить наступление, ее силы оказались разбросанными в четырех районах.

Генерал Рыбалко, стремясь скорее взять Львов, не мудрствовал лукаво и вместо обходного маневра атаковал немецкие позиции по кратчайшему расстоянию по дороге Красное—Львов. Энтузиазм командарма подстегивало то обстоятельство, что на пути к городу армия не встретила сколько-нибудь значительного сопротивления. В результате танки уперлись в торфяное болото и втянулись в затяжные бои на крайне неудобной местности.

«С первого взгляда — поле как поле, — вспоминает генерал В.С. Архипов, — а в действительности — слабый торфяник, предательски покрытый густой зеленой травой. Гусеницы танков прорывали глубокие черные колеи, кото-

рые тотчас заполняла вода... В такой обстановке на заболоченной, исключавшей всякую возможность маневра местности наши подразделения предприняли несколько атак. Они были неудачными. Пришлось доложить генералу Новикову, что танки вязнут, мы несем потери, а продвижения нет... Более двух суток мы вели бой практически на месте... все мы чувствовали очень остро, что блестяще начатый рейд танков, прошедший вопреки бездорожью и плохой погоде в хорошем темпе и с минимальными потерями, вдруг застыл».

Из-за сильных дождей, размывших дороги, тылы отстали и не успевали своевременно подвозить боеприпасы и горючее. Несмотря на указания Конева совершить обходное движение, Рыбалко «увлекся». До города оставалось 7—8 км, и он хорошо просматривался с наблюдательных пунктов. Командиры корпусов докладывали, что нужен еще небольшой натиск, и бригады ворвутся во Львов. На отдельных участках танкисты клиньями врезались в оборону противника, но каждый раз немцы подбрасывали к участку прорыва свежие силы и стабилизировали положение.

Основные силы 60-й армии и левофланговые дивизии 13-й армии с приданными им двумя танковыми корпусами были скованы окруженной бродской группировкой противника.

Ход операции значительно выбивался из графика, немцы, навязывая затяжные бои, сбивали темп продвижения советских войск.

20 июля генерал Катукон получил приказ повернуть 1-ю гвардейскую танковую армию на юго-запад и стремительно развивать наступление к реке Сан с тем, чтобы форсировать ее, перехватить пути отхода противника на запад.

За это время немцы успели перебросить в район Львова со станиславского направления части трех дивизий и укрепить здесь свою оборону. Обстановка, сложившаяся под Львовом к исходу 21 июля, уже не позволяла овладеть городом с ходу силами только танковых армий.

Опасаясь флангового удара советских войск со стороны Перемышля на юг, германское командование стало отводить со станиславского направления на запад части 24-го танкового и 59-го армейского корпусов. Войска 38-й и правого фланга 1-й гвардейской армий, сбивая арьергарды, начали преследование. Чтобы отрезать немцам пути отхода, генерал

Лелюшенко получил указание немедленно нанести стремительный удар южнее Львова на Самбор, разгромить тылы противника и не допустить отхода львовско-станиславской группировки.

К исходу 21 июля наступление войск 1-го Украинского фронта развернулось в 400-километровой полосе от Грубешува до Днестра. Соединения 1-й гвардейской танковой, 13-й армий и конно-механизированной группы Баранова, обходя Львов с северо-запада, развивали наступление к реке Сан.

К 22 июля, отразив многочисленные контратаки на внешнем и внутреннем фронте окружения, советские войска расчленили окруженную группировку на две части и полностью ликвидировали ее. По оценке Конева, в «котле» было восемь немецких дивизий. Более поздние источники указывали скромнее: «до восьми», генерал армии Лелюшенко — «до шести дивизий противника». Это ДО в количественном отношении означает около пяти дивизий — 340-ю и 361-ю пехотные, частично 454-ю охранную, корпусную группу «Ц», которую засчитали за три дивизии и 14-ю пехотную дивизию СС «Галиция». Все они были разгромлены, а первые две уничтожены почти полностью. Причем «галичан» в плен не брали. По докладу опять же командующего фронтом, ставшему официальным «историческим» источником, немцы потеряли более 38 000 человек убитыми и 17 000 пленными. Если пленных нужно было сдавать под счет, то количество «убитых» в советских источниках никогда нельзя считать достоверным. Кстати, генерал армии Д.Д. Лелюшенко вспоминает, что на рассвете 20 июля «окруженные» немцы преодолели колтовский коридор западнее Золочева и «плотными боевыми порядками» ворвались в район расположения штаба и тыла 4-й танковой армии, бои здесь длились двое суток и, конечно, «лишь немногим удалось прорваться в Карпаты». Ну, например, трем тысячам украинских эсэсовцев.

Летописцы боевого пути 3-й гвардейской танковой армии мимоходом сообщают, что немцы потеряли 25 000 человек убитыми и пленными во всей Львовско-Сандомирской операции.

Ликвидировав «котел» под Бродами, командование фронта сосредоточило основные силы для разгрома львов-

ской группировки. Штаб фронта принял решение, используя успех армий Катукова и Пухова, ускорить обход Львова танковой армией Рыбалко с северо-запада и запада, 4-й танковой армией — с юга, а войсками 60-й армии нанести удар с востока. 38-я армия должна была продолжать энергичное наступление от Перемышля на южную окраину Львова.

Конев сообщает, что несмышленный Рыбалко наконец «уяснил смысл моего требования и приступил к перегруппировке». Оставив 56-ю гвардейскую бригаду изображать активность на торфяных болотах, 3-я гвардейская танковая армия в период с 22 по 24 июля вышла из боя, совершила 125-километровый марш-маневр, по хорошим дорогам, сбивая заслоны, главными силами обошла Львов с севера и запада и развернула наступление на двух расходящихся направлениях: на Львов — с запада силами 7-го гвардейского танкового корпуса генерала С.А. Иванова и 6-м гвардейским танковым корпусом генерала В.В. Новикова, усиленным 91-й танковой бригадой, на Перемышль — с востока. Этот маневр имел для фронта исключительно важное значение. Выход танковых войск в район Яворова и юго-восточнее от него перерезал коммуникации львовской группировки противника, которые вели на Ярослав и Перемышль.

В то время как танкисты Рыбалко совершали марш-маневр в район Яворова, 4-я танковая армия штурмовала город с юга. Конев, описывая сильно затянувшиеся бои за Львов, валит все на бестолковость подчиненных: я, мол, приказывал «обходить Львов глубже с запада». Однако тут же приводит собственные директивы, направленные Лелюшенко. 19 июля командарм получает приказ «овладеть Львовом», два дня спустя — не ввязываясь в затяжные бои, снова «стремительно выходить на Городок», а 22 июля — «главными силами армии нанести немедленно стремительный удар на Самбор» и взять его к исходу 25 июля. После этого, делая из командарма законченного дурака, Конев сообщает, что «генерал Д.Д. Лелюшенко, имея задачу наступать на Самбор, чтобы не допустить отхода противника на юго-запад, решил «по пути» частью сил ворваться во Львов». Между тем, к исходу 22 июля главные силы 4-й танковой армии вели бои на южной окраине Львова, а ее 10-й Уральский гвардейский танковый корпус «по пути» ворвался в город, где был отрезан немцами.

Армия Катукова, пройдя с боями 120 км, в этот день вы-

шла передовыми частями к Сану севернее и южнее Ярослава, оторвавшись от стрелковых соединений 13-й армии на 50 км. В ночь на 23 июля танкисты небольшими силами форсировали реку и захватили плацдарм. Однако дальнейшее продвижение застопорилось, немцам удалось втянуть советские войска на реке Сан в затяжные бои. Высокую активность стала проявлять германская авиация, нанося удары главным образом по переправам. Лишь еще сутки спустя 1-я гвардейская танковая армия форсировала Сан севернее и южнее Ярослава. Сюда же вышли 25-й танковый корпус и войска генерала Пухова. Выход крупных танковых сил на левый берег Сана, в глубокий тыл противника, оказал большое влияние на ход борьбы за Львов.

24 июля развернулось концентрическое наступление на Львов. С востока и северо-востока наступали войска 60-й армии и 4-й гвардейский танковый корпус. Уральский танковый корпус генерала Е.Е. Белова вел уличные бои. Западнее города в район Городка вышел 7-й гвардейский танковый корпус армии Рыбалко. Однако, несмотря на приказ Конева овладеть Львовом к вечеру, сражение за него продолжалось еще несколько дней. Чтобы избежать полного окружения, вечером 25 июля германское командование начало отводить свои войска из Львова на Самбор. Утром 27 июля совместными усилиями войска 4-й и 3-й гвардейской танковых армий, 60-й и 38-й армий при поддержке фронтовой авиации и авиации дальнего действия завершили освобождение Львова.

Город обороняли 168-я и 68-я пехотные и 101-я горнострелковая дивизии.

Почти одновременно части 3-й и 1-й гвардейских танковых армий ночным штурмом взяли Перемышль и Ярослав. Город-крепость Перемышль оборонял гарнизон, насчитывавший до 3000 человек, при штурмовых орудиях и двух бронепоездах. С севера и востока Перемышль прикрыли реки Сан и Вяра, вокруг города имелось кольцо из 15 старых фортов и 25 узлов сопротивления с дотами, построенными в 1939—1941 годах. Однако немцы фортификационные сооружения к обороне не готовили и сдали их без боя. В ночь на 27 июля, окружив Перемышль, части 6-го гвардейского, 11-го гвардейского, 25-го танкового корпусов и 287-й стрелковой дивизии 13-й армии ворвались в город и к полудню следующего дня очистили его от противника.

Правда, задачу выхода к Самбору армия Лелюшенко, втянувшись в бои за Львов, не решила.

Упорные бои шли также на левом крыле фронта. Широко используя выгодные для обороны условия горной местности, германское командование стремилось удержать в своих руках коммуникации, ведущие из Львова и Станислава через Карпаты в Чехословакию и Венгрию. Но с переброской частей на львовское направление оборона здесь оказалась ослабленной. Кроме того, выход танковых армий к Львову создавал угрозу флангу и тылу группировки, действовавшей северо-восточнее Станислава. Германское командование вынуждено было спешно отводить отсюда войска на запад.

1-я гвардейская армия, преследуя противника, 24 июля с ходу и на ряде участков без боя форсировала реку Гнилая Липа и освободила город Галич.

23 июля перешла в наступление 18-я армия генерала Журавлева, имевшая в своем составе десять дивизий и средства усиления, в которых насчитывалось 77 289 солдат и офицеров, 1416 орудий, 209 установок РС, 34 самоходных орудия. В полосе ее наступления действовала 1-я венгерская армия генерала Миклоша — 75 000 человек, 600 орудий и минометов, 159 танков и штурмовых орудий. Для повышения стойкости в состав венгерских армейских корпусов входили немецкие пехотные дивизии, но именно эти дивизии генералу Гарпе пришлось бросить на защиту Львова. Сосредоточив все усилия на 4-километровом участке на своем левом фланге, армия Журавлева в первый день прорвала оборону 16-й венгерской пехотной дивизии и повела наступление в общем направлении на Долину. Венгры сражались упорно, систематически организуя контратаки. В течение трех дней войска Журавлева продвинулись на 30 км, вышли на рубеж Делятин, Отыня и завязали бои за проходы в предгорьях Карпат в районе Доры, обходя станиславскую группировку противника с юга.

Части 1-й гвардейской армии, развивая успех, 27 июля заняли Станислав.

На правом крыле фронта продолжалось наступление к Висле. К исходу 27 июля войска 3-й гвардейской армии и конно-механизированной группы Соколова вели бои на линии Вильколаз, Красник; левофланговые соединения вышли к реке Сан.

Поражением основных сил группы армий «Северная Украина» и освобождением Львова и Станислава завершился первый этап стратегической операции. Группа армий «Северная Украина» оказалась рассеченной на две части: остатки 4-й танковой армии генерала Неринга отходили за Вислу, войска 1-й танковой армии генерала Рауса и 1-й венгерской армии генерала Миклоша откатывались к Карпатам. В ходе наступления советские войска продвинулись на глубину до 200 км в полосе 400 км. Севернее армии 1-го Белорусского фронта к этому времени освободили польские города Люблин, Демблин и подходили к Висле.

Сложилась выгодная обстановка для стремительного наступления армий правого крыла к Висле и на Сандомир, а также для развития успеха армиями левого крыла в направлении Дрогобыча и разгрома войск противника в предгорьях Карпат.

Для воссоздания фронта обороны на Висле германское командование начало перебрасывать сюда управление 17-й армии, 23-ю и 24-ю танковые дивизии из группы армий «Южная Украина», две пехотные дивизии и управление 24-го танкового корпуса с других участков фронта, две дивизии и отдельные части из Германии.

Учитывая обстановку, 28 июля Ставка ВГК потребовала от командования фронта сосредоточить усилия на правом крыле и во взаимодействии с 1-м Белорусским фронтом развить наступление в западном направлении, воспрепятствовать противнику занять оборону на Висле, с ходу форсировать ее и захватить плацдармы в районе Сандомира. В дальнейшем наступать в общем направлении на Ченстохув и Краков.

Войскам левого крыла фронта предстояло воспрепятствовать выходу немецких частей из состава станиславской группировки к Висле, овладеть районом Дрогобыча и одновременно занять перевалы через Карпаты. С этой целью 60-я армия развивала наступление на Дембицу, 38-я во взаимодействии с группой Баранова — на Кросно. 4-й танковой армии была поставлена задача форсированным маршем к утру 28 июля выйти в район Самбора, откуда стремительным ударом к исходу дня овладеть Дрогобычем и Бориславом, чтобы совместно с 1-й гвардейской армией, вышедшей к этому времени правым флангом в район Ходорова, разгромить противника и не допустить его отхода на северо-запад,

за реку Сан. Однако из-за усилившегося сопротивления на Днестре армия Лелюшенко не смогла выполнить поставленную задачу. Отступившая из Львова 168-я пехотная и части 8-й танковой дивизии остановили корпуса 4-й танковой армии, не допуская их к Дрогобыч-Бориславскому нефтеносному району. Не выполнив поставленную задачу, наш полководец привычно объявляет, что его армия «сковывала на этом участке крупную неприятельскую группировку». Но очень скоро дивизии из этой группировки оказались в районе Сандомира.

Войска генерала Гречко за три дня с 28 по 30 июля смогли продвинуться на 8—15 км и вели бои на рубеже Роздол, Журавно. Главные силы 18-й армии Журавлева к 30 июля овладели железнодорожной станцией Долина, перерезав шоссейную дорогу, ведущую через Карпаты на Венгерскую равнину.

Германское командование упорной обороной на Днестре и контратаками стремилось вывести части львовской и станиславской группировок за реку Сан по наиболее удобному оставшемуся пути через Дрогобыч, Самбор, Санок. Немцы дрались упорно. В течение пяти дней, с 31 июля по 4 августа, особенно ожесточенные бои развернулись в районе Долины, Выгоды. Чтобы обеспечить отвод частей своей 1-й танковой армии и сохранить коммуникации, ведущие в Чехословакию и Венгрию, немцы предпринимали контратаки силами до пяти дивизий, в том числе 8-й немецкой и 2-й венгерской танковых.

1-я гвардейская во взаимодействии с 38-й армией продолжала наступление и 5 августа овладела важным узлом дорог городом Стрый. Войска 18-й армии, сломив сопротивление противника, форсировали реку Сьвица. Армия Москаленко взяла Санок.

Поскольку действия 1-го Украинского фронта развивались по двум расходящимся направлениям, это намного усложнило управление войсками. Кроме того, наступление в Карпатах требовало специальной подготовки, особых способов боевых действий и методов управления. В связи с этим Ставка признала целесообразным создать новое фронтовое управление, нацеленное на преодоление Карпат с последующим развитием наступления на Ужгород, Мукачево и выходом на Венгерскую низменность.

5 августа был воссоздан 4-й Украинский фронт под ко-

мандованием проверенного специалиста по ведению боевых действий в горах генерала И.Е. Петрова, которого пришлось для такого случая отозвать из санатория. Своеобразен сталинский юмор: членом Военного совета был назначен Лев Захарович Мехлис. Несколько позже здесь объявился и Георгий Федорович Захаров, он стал заместителем Петрова. В состав фронта вошли 1-я гвардейская и 18-я общевойсковые, 8-я воздушная армии, а также танковые, артиллерийские и другие части.

Продолжая продвижение, эти армии 6 августа овладели Дрогобычем, а на следующий день взяли Борислав и Самбор. Дальнейшее наступление застопорилось. Попытки советских войск с ходу захватить перевалы через Карпатский хребет успеха не имели, и бои здесь приняли затяжной характер. 15 августа Ставка приказала войскам 4-го Украинского фронта перейти к обороне и в двухнедельный срок подготовиться к новой операции.

БАНДЕРОВЩИНА

С уходом вермахта война на Украине не закончилась.

Едва вступив на Правобережье, советские бойцы с удивлением и обидой увидели, что сражаться приходится не только с немцами, но и с освобождаемыми украинцами. Первые столкновения между РККА и Украинской повстанческой армией начались уже на Левобережной Украине. На западных землях их количество резко возросло.

В 1941—1944 годах УПА вела борьбу с немцами, отрядами польской Армии Крайовой и советских партизан. Программные установки украинских националистов на создание независимой Украинской державы неизбежно вели к конфронтации с советскими войсками. Красная Армия, в свою очередь, не могла мириться с тем, что в ее тылах активно действуют антисоветские вооруженные отряды, совершающие нападения на ее подразделения.

Активные антиповстанческие действия начались вскоре после того, как был смертельно ранен генерал Ватутин. В марте 1944 года 1-й Украинский фронт выделил для этих целей кавалерийскую дивизию, усиленную 20 бронетанковыми автомобилями и 8 танками. С марта на западноукраинских землях появились и специально обученные войска, имеющие опыт карательных операций. С этого времени берет начало прак-

тика проведения чекистско-армейских операций, в которых совместно с подразделениями НКВД активно участвовали боевые части Украинских фронтов. В ходе таких операций в апреле—мае были уничтожены отряды бандеровцев в северных районах Тернопольской области. После стабилизации линии фронта борьба в насыщенной советскими войсками зоне не имела перспектив. В этот период командование УПА отдало приказ не ввязываться в бои, беречь и накапливать силы, активизировать идеологическую работу с украинским контингентом в Красной Армии. Негативное влияние подполья на морально-психологическое состояние личного состава беспокоило советское командование гораздо больше, чем диверсионные акции.

Вдохновленный успешными операциями по депортации населения Кавказа и Крымского полуострова, Сталин решил, что украинский народ тоже заслуживает «наказания». Надо сказать, что поначалу Вождь пытался проявить гуманность и обойтись обычными «процедурами». 7 января 1944 года вышло распоряжение Наркомата внутренних дел, согласно которому «всех выявленных пособников на территории Украины арестовать с конфискацией имущества и направить в Черногорский спецлагерь (*Красноярский край*)». В связи с вступлением Красной Армии на западно-украинские земли в марте того же года в недрах все того же ведомства родился новый документ, в котором говорилось: «Семьи, в составе которых есть оуновцы, находящиеся на нелегальном положении, а также семьи осужденных оуновцев взять на учет и выселить в тыловые районы СССР». Тогда же Н.С. Хрущев внес предложение о переселении семей активных участников украинского подполья. Уже в апреле генерал Серов докладывал, что к переселению подготовлены 2000 семей. Они направлялись в Красноярский край, большей частью на предприятия горнодобывающей промышленности Норильского района. К этому времени Сталин принял решение не мелочиться.

22 июня 1944 года появился приказ № 0078/42:

«...За последнее время на Украине, особенно в Киевской, Полтавской, Винницкой, Ровенской и других областях, наблюдается явно враждебное настроение украинского населения против Красной Армии и местных органов Советской власти. В отдельных районах и областях украинское население враждебно сопротивляется выполнять мероприятия партии

и правительства по восстановлению колхозов и сдаче хлеба для нужд Красной Армии, хлеб закапывают в ямы. Во многих районах враждебные украинские элементы, преимущественно из лиц, укрывающихся от мобилизации в Красную Армию, организовали в лесах «зеленые» банды, которые не только взрывают воинские эшелоны, но и нападают на небольшие воинские части, а также убивают местных представителей власти. Отдельные красноармейцы и командиры, попав под влияние полуфашистского украинского населения и мобилизованных украинцев из освобожденных областей Украины, стали разлагаться и переходить на сторону врага. Из вышеизложенного видно, что украинское население стало на путь явного саботажа Красной Армии и Советской власти и стремится к возврату немецких оккупантов. Поэтому, в целях ликвидации и контроля над мобилизованными красноармейцами и командирами освобожденных областей Украины

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Выслать в отдаленные края Союза ССР всех украинцев, проживавших под властью немецких оккупантов.

2. Выселение производить:

а) в первую очередь украинцев, которые работали и служили у немцев;

б) во вторую очередь выслать всех остальных украинцев, которые знакомы с жизнью во время немецкой оккупации;

в) выселение начать после того, как будет собран урожай и сдан государству для нужд Красной Армии;

г) выселение производить только ночью и внезапно, чтобы не дать скраться одним и не дать знать членам его семьи, которые находятся в Красной Армии.

3. Над красноармейцами и командирами из оккупированных областей установить следующий контроль...»

Подлинность этого документа неоднократно подвергалась сомнению сразу после его опубликования. Однако бывший нарком внутренних дел Украины генерал В.С. Рясной в беседах с Феликсом Чуевым подтвердил, что такой приказ был и поначалу деятельно претворялся в жизнь: «Мне этот приказ привез из Москвы один из заместителей наркома внутренних дел. И было сказано, что за активную деятельность против Красной Армии со стороны оуновцев, выступления «боёвок», за враждебное отношение к русскому народу товарищ Сталин приказал выселить всех украинцев к известной матери, а конкретнее — в Сибирь... Несколько эшелонов мои молодцы за-

полнили. Но потом этот приказ вдруг остановился». Эта, так сказать, депортация проводилась до 1952 года. За этот период, по украинским данным, из районов только Западной Украины на лесоповал и «стройки коммунизма» выселено около 200 тысяч семей, что составляет приблизительно 800 тысяч человек.

С завершением Львовской операции на Украине закончился период немецкой оккупации. Главные силы Красной Армии ушли на запад. Осенью 1944 года УПА приняла политическую декларацию, в которой заявлялось: «Мы за полное освобождение украинского народа от московско-большевицкого и немецкого ярма, за создание Независимой Соборной Державы без панов, помещиков, капиталистов, без большевицких комиссаров, энкавэdistов и партийных паразитов».

Война была объявлена. В ней УПА изначально была обречена на поражение, так как не могла в одиночку одолеть могучую тоталитарную систему.

Советская власть сразу дала понять, что она вернулась всерьез и надолго. Вскоре снова потянулись эшелоны в Сибирь и на Дальний Восток с националистами и пособниками оккупантов. Репрессиям и арестам подвергались все, кто имел хоть малейшее отношение к ОУН или УПА, работал в органах немецкой администрации, подозревался в «национализме». С целью уменьшения повстанческой «базы» проводилась массовая мобилизация в армию. На призывные пункты должны были явиться около 700 тысяч человек. Однако многие из них пополнили ряды повстанцев. Только в Галиции 150 тысяч призывников не явились на сборные пункты. Мобилизация мужского населения в районах Западной Украины приобрела характер «охоты на людей». Войсковые части оцепляли села, производили массовые облавы, затем конвоировали «призывников» в специальные лагеря.

Выполняя приказ Сталина ликвидировать националистическое движение до конца войны, правительство УССР и Наркомат внутренних дел к концу 1944 года задействовали на борьбу с УПА около 200 тысяч солдат внутренних войск, бойцов партизанских (в частности ковпаковцев) и карательных отрядов. С декабря 1944-го по июнь 1945 года было проведено три крупномасштабные антиповстанческие операции силами нескольких дивизий при поддержке артиллерии, танков и авиации. В январе 1945 года на За-

падной Украине побывал глава правительства и секретарь ЦК компартии Н.С. Хрущев. Он провел в Львове несколько заседаний с партийным и советским активом, а также с руководителями силовых структур, на которых потребовал принятие самых решительных мер: публично вешать пойманных повстанцев, брать заложников, репрессировать семьи участников «бандитских формирований».

Претворяя в жизнь указания Москвы и Киева, органы внутренних дел и госбезопасности развернули на западно-украинских землях массовый террор. В донесении генерала Рясного указывалось, что на протяжении 1944—1945 годов было проведено 40 тысяч операций, в ходе которых убито 103 тысячи и задержано 125 тысяч повстанцев, выявлено 83 тысячи человек, уклонявшихся от призыва в армию. Поскольку количество бойцов УПА никогда не превышало 80 тысяч, значительную часть арестованных и убитых составили мирные жители края, которые, правда, успев испытать на себе прелести социализма в 1939—1941 годах, в массовом большинстве сочувствовали идеям повстанцев.

Вернувшаяся власть вела себя не лучше немецких оккупантов и своими действиями подтверждала самые худшие опасения. Почти 90 процентов руководящих работников были присланы из России и Восточной Украины, не знали и не желали знать местных особенностей, языка (народ и его радетели говорили на разных языках, поскольку Львовщина никогда не входила в состав Российской империи и русского большинство населения не знало), допускали серьезные ошибки и злоупотребления. Новое руководство форсированными темпами проводило «унификацию» края в соответствии с советскими порядками. Весной 1945 года Сталин лично утвердил план ликвидации греко-католической конфессии, которая объединяла почти 5 миллионов прихожан, не подчинявшихся Москве. Претворяя план в жизнь, НКВД арестовал и сослал на каторгу главу униатской церкви, 10 епископов, 1400 священников и тысячи верующих.

После окончания Второй мировой войны у Москвы появились возможности наводнить непокорный край регулярными войсками и организовать широкие карательные мероприятия: на территории Западной Украины были развернуты Львовский и Прикарпатский военные округа. Из числа бывших фронтовиков формировались подвижные группы — пешие, конные и механизированные. Во всех

районных центрах были размещены воинские части, из внутренних войск создавались сильные гарнизоны, из местных жителей набирались карательные батальоны («ястребки»), в состав которых входили и бывшие бойцы УПА. Повсюду вводился комендантский час, переписывалось население. Главным методом борьбы с УПА и подпольем ОУН оставались репрессии, физическая ликвидация руководителей сопротивления, создание отрядов провокаторов, акции устрашения.

В течение 1945 года отряды УПА потеряли 9 тысяч убитыми и почти 24 тысячи пленными. В «Большой блокаде» 1946 года для борьбы с «бандитами» был выставлен контингент почти в 60 тысяч человек с танками и другим тяжелым вооружением, но ликвидировать сопротивление УПА—ОУН не удалось. Несмотря на потери в живой силе, вывоз членов семей в Сибирь, накал сопротивления Советской власти не спадал. Только в 1945 году на Львовщине повстанцы провели около 3000 вооруженных акций, в ходе которых было убито около 5000 сотрудников НКВД, бойцов карательных батальонов, партийных и советских работников. Всего в результате ответного террора Повстанческой армии и подполья украинских националистов погибло почти 30 тысяч граждан и до 20 тысяч военнослужащих, милиционеров, пограничников.

В конце 40-х годов националистическое подполье сосредоточило свои силы на пропагандистской работе и саботаже. Условия борьбы становились все более сложными, движение пошло на спад. 5 марта 1950 года в стычке под Львовом погиб командующий УПА Роман Шухевич.

Лишь в середине 50-х годов было окончательно подавлено вооруженное сопротивление на территории Западной Украины. У каждой из сторон в этой истории своя правда. Сегодня в западноукраинских городах все бывшие улицы имени Ленина носят имя Степана Бандеры.

САНДОМИРСКИЙ ПЛАЦДАРМ

1-й Украинский фронт, овладев Львовом, правым крылом без паузы продолжал наступление к Висле. 3-я гвардейская армия получила задачу выйти к реке и в ночь на 29 июля форсировать ее и овладеть Сandomиром. В полосе армии Гордова в районе Аннополя должна была преодолеть Вислу

и конно-механизированная группа Соколова. 13-й армии предстояло к утру 29 июля правым флангом выйти к Висле от Сандомира до устья Вислоки и к утру следующего дня захватить плацдармы, а соединениями левого фланга овладеть городом Жешув. Танковой армии Катукова ставилась задача с утра 29 июля нанести удар на направлении Майдан, Баранув, с ходу форсировать Вислу и к утру 1 августа захватить плацдарм. Южнее наступала армия Рыбалко, имевшая в строю 468 танков и САУ.

Таким образом, на сандомирское направление нацеливались главные силы фронта: три общевойсковые, две танковые армии и конно-механизированная группа. Туда же намечалось выдвинуть из резерва 5-ю гвардейскую армию. Остальные армии должны были продолжать наступление западнее и юго-западнее Львова с тем, чтобы прижимать противника к Карпатам, не допуская его выхода к северо-западу от Перемышля.

3-я гвардейская армия совместно с группой Соколова 29 июля разгромила группировку противника в районе Аннополя и вышла к реке. На следующий день ее передовые дивизии на отдельных участках захватили три небольших плацдарма на западном берегу севернее Сандомира. Но из-за недостаточной организованности переправа войск и техники проходила медленно. В первые же дни боев на Висле армия потеряла от бомбежек противника четыре переправочных парка, инженерные войска понесли большие потери. Вследствие неудовлетворительной организации работ на переправе и слабого управления войсками плацдармы не удалось расширить. Более того, части 76-го стрелкового корпуса были отброшены с плацдарма на восточный берег.

Более успешно действовали армии Катукова и Пухова. 1-я гвардейская танковая армия совершила 90-километровый марш вдоль фронта на северо-запад, а затем устремилась к Висле. Во второй половине дня 29 июля она вышла к реке на широком фронте и с ходу начала ее форсировать южнее Сандомира с использованием войсковых и подручных переправочных средств. Одновременно переправлялись передовые части 350-й стрелковой дивизии 13-й армии. К исходу 30 июля на захваченный ими плацдарм переправились основные силы 24-го стрелкового корпуса, а также подразделения мотопехоты 1-й гвардейской танковой армии. Быстрый подход армейских и фронтовых парков обе-

спечил переправу артиллерии и танков почти одновременно с пехотой. Не имея достаточно сил и средств, германское командование первоначально не могло оказывать сильного противодействия. В районе Баранува 31 июля стали переправляться на плацдарм войска 3-й гвардейской танковой армии, которые получили приказ, не мешкая, развивать наступление вдоль Вислы на Краков.

К исходу 1 августа плацдарм был расширен до 15 км по фронту и 10 км в глубину. Все это приходилось делать под сильным воздействием авиации противника, так как истребительная авиация еще не успела перебазироваться и действовала ограниченными силами. Во 2-й воздушной армии, кроме того, ощущался недостаток горючего. Чтобы прикрыть переправы, было принято решение слить часть горючего из баков бомбардировщиков и штурмовиков и передать истребителям.

Масштабы форсирования непрерывно нарастали. Бои за расширение плацдарма не прекращались ни днем, ни ночью. Высокую активность проявляла немецкая авиация.

В своих воспоминаниях Конев делает вид, что Сталин неуверенно подталкивал его продолжать наступление, а командующий фронтом аргументированно и твердо упирался. В качестве доказательства приводится телефонный разговор с Верховным, произошедший 2 августа:

«И.В. Сталин задал мне вопрос:

— Не собираетесь ли вы 3-ю гвардейскую танковую армию двинуть на Краков?

Я сказал, что сейчас войска фронта ведут бои за расширение плацдарма на Висле... Далее я сказал, что в таких условиях я не считаю целесообразным начинать действовать на краковском направлении и посылать танковую армию на Краков. Танковая армия сейчас главным образом имеет задачу расширить и закрепить сандомирский плацдарм и отразить танковые атаки врага.

Это удовлетворило И.В. Сталина».

Приходится сделать вывод, что по нечетным дням фронтом командовал кто-то еще помимо прозорливого Конева, поскольку 6-й гвардейский танковый корпус в это время полным ходом рвался к древней польской столице, имея впереди 53-ю бригаду Архипова, который свидетельствует:

«Генерал В.В. Новиков приказал *(разговор происходит 1 августа)*, не дожидаясь полного сосредоточения частей

корпуса, продолжить наступление вдоль Вислы на юго-запад. Общее направление — Краков. Бригада двинулась в указанном направлении, разгоняя мелкие гарнизоны противника, прошла за сутки около 40 км, форсировала приток Вислы реку Нида и овладела железнодорожной станцией Вислица к утру 3 августа. Мы были уже в глубоком тылу противника. Нас никак не ожидали встретить ни польское население, ни фашисты... летчики «юнкеров» и «фоккевульфов», летевшие с краковских аэродромов к сандомирскому плацдарму, лишь приветственно покачивали крыльями в адрес нашей колонны... Стремительное продвижение захватило всех нас. На коротких остановках танкисты окружали меня: «Товарищ полковник, сколько до Кракова?» Майор Коробков — его батальон шел головным — очередной доклад заканчивал коротким: «Дашь Краков!» В свою очередь, командир корпуса приказы и указания завершал фразой: «Только вперед!» И вдруг радиограмма — повернуть обратно, вернуться в исходный район. Отметим — после мифического разговора со Сталиным и вполне реально обозначившейся угрозы на своих флангах. Именно в эти дни стало известно о варшавском восстании и остановились «уставшие» армии Рокоссовского. Немцы воспользовались паузой.

Чтобы отбить натиск 1-го Украинского фронта и не допустить расширения плацдарма, командование группы армий «Северная Украина» приказало подошедшей 17-й армии генерала Шульца нанести контрудар в направлении Майдан, перехватить коммуникации советских войск, наступавших в северо-западном направлении, и во взаимодействии с 4-й танковой армией уничтожить их. 4-я танковая армия получила задачу, обороняя участок по рекам Сан и Висла, ударом из района Сандомира как можно скорее ликвидировать плацдармы советских войск на своем северном фланге и установить взаимодействие с 17-й армией, атаковавшей с юго-запада. Германское командование стремилось во что бы то ни стало восстановить оборону по западному берегу Вислы. Однако сил для этого было пока недостаточно.

В первой половине августа положение изменилось — в район Сандомира были переброшены пять дивизий из группы армий «Южная Украина», пять пехотных дивизий из Германии и три пехотные дивизии из Венгрии. Сюда прибыли также шесть бригад штурмовых орудий и отдельный

батальон тяжелых танков. По мере подхода резервов активность немецких войск нарастала. В начале августа ожесточенные бои развернулись на обоих берегах Вислы. Противник пытался встречными ударами вдоль восточного берега отрезать переправившиеся на плацдарм войска от главных сил фронта и уничтожить их.

С утра 2 августа немцы из района Мельца силами 23-й танковой и 78-й пехотной дивизий нанесли удар вдоль правого берега Вислы в направлении Баранува и на следующие сутки прорвались к переправам. Для их отражения были привлечены 9-й механизированный корпус и все имевшиеся здесь силы, в том числе саперные и понтонные батальоны и танки, находившиеся на сборных пунктах аварийных машин. Совместными усилиями они остановили противника. Несмотря на это, положение в районе сандомирского плацдарма к исходу 3 августа оставалось напряженным. Между передовыми частями 4-й танковой и 17-й немецких армий в районе Баранува оставалось 12 км. Конев понял, что предстоит упорная борьба за сандомирский плацдарм и повернул обратно танковый корпус Новикова. От удара на Краков пришлось отказаться. Обстановка требовала переброски на левый берег Вислы свежих сил. Необходимо было разгромить группировки противника, наносившие контрудары и представлявшие наибольшую угрозу для войск, действовавших на плацдарме.

Темпы переправы войск через Вислу значительно снизились. Для разгрома немецкой группировки, наносившей удар из района Мелеца, и дальнейшего расширения сандомирского плацдарма командующий фронтом решил ввести в сражение резерв — 5-ю гвардейскую армию. Перейдя 4 августа с марша в наступление, гвардейцы нанесли поражение мелецкой группировке противника, отбросили ее от переправ южнее Баранува и овладели городом Мелец. 6 августа 32-й и 34-й гвардейские стрелковые корпуса по наведенным мостам вышли на западный берег Вислы. 33-й корпус в районе Мелеца форсировал Вислоку и развивал наступление в направлении Щуцина. В это же время южнее города появились соединения 60-й армии Курочкина.

К 8 августа 5-я гвардейская двумя корпусами и 3-я гвардейская танковая армия, действуя в центре плацдарма, вышли на рубеж Шидлув, Стопница, Новы-Корчин и здесь вынуждены были перейти к обороне. И хотя армии не име-

ли на этом направлении соприкосновения с противником, последовал приказ остановиться и приступить к созданию прочной обороны. Конев уже совершенно ясно видел, что на его флангах концентрируются ударные немецкие группировки, насчитывавшие уже шесть танковых дивизий (около 400 танков и штурмовых орудий), уготавливая классические клещи. В этих условиях безоглядное продвижение в глубь Польши, в то время как армии Рокоссовского стояли на Висле, было бы самоубийством.

Тем временем войска 13-й и 1-й гвардейской танковой армий, находившиеся на правом фланге, возобновили наступление с целью завершить разгром главных сил 4-й танковой армии и расширить плацдарм в сторону Сандомира и Островца, но из-за переутомленности, большого некомплекта в людях, боевой технике и боеприпасах достигнуть значительных успехов не смогли. К 10 августа они вышли на рубеж южная окраина Сандомира, Лагув, Ракув, где встретили сильное противодействие введенных в сражение резервов противника и приостановили продвижение.

В целом активными действиями фронту удалось расширить плацдарм до 60 км по фронту и до 50 км в глубину. Здесь уже находились войска четырех армий, в том числе двух танковых.

Напряженные бои на сандомирском плацдарме шли до конца августа. Германское командование, стремясь восстановить оборону на Висле, продолжало усиливать 4-ю танковую армию. Конев, в свою очередь, для усиления только 5-й гвардейской армии передал генералу Жадову 31-й танковый корпус (в нем, правда, осталось всего 70 танков), 9-ю гвардейскую бригаду реактивных установок, 3-ю артиллерийскую дивизию прорыва, всего — около 1000 орудий и минометов. Рыбалко получил несколько артиллерийских полков и тяжелую самоходную артиллерию. На вероятных направлениях неприятельских контрударов велись усиленные оборонительные работы, минировались танкоопасные направления.

Утром 11 августа противник силами двух танковых (3-й и 16-й) и 20-й моторизованной дивизий 3-го танкового корпуса нанес рассекающий удар с запада, из района Хмельника, в направлении Сташув, Осек. На севере резко активизировал свои действия 42-й армейский корпус немцев. Удар пришелся в стык 5-й гвардейской и 13-й армий. Ожесточенные

бои продолжались двое суток. Немецким войскам удалось потеснить стрелковые части, продвинуться на 8—10 км и овладеть районом Шидлув. Однако их попытки развить удар в направлении Баранува успеха не имели. Конев быстро перебросил в район Сташува 6-й гвардейский танковый корпус Новикова и 91-ю танковую бригаду. Жесточайшее сражение разгорелось на земле и в воздухе, но теперь советские танкисты не спешили бросаться во встречные атаки. Да и оборонявший Сташув 32-й гвардейский стрелковый корпус генерал-лейтенанта А.И. Родимцева имел сталинградскую закалку.

«Не часто доводилось мне, — вспоминает Архипов, — видеть одновременно такую массу танков и следовавших за ними бронетранспортеров. Вражеские — ряд за рядом — заполнили все видимое с НП пространство от Оглендува и далее на юг. Должен сказать, что даже на обстрелянного солдата такая массивированная атака с неуклонным движением, с ревом сотен моторов, от которого звон стоит в ушах, оказывает сильное психологическое давление. К тому же солдат должен ждать, пока бронированная лавина приблизится на дальность прямого выстрела его пушки, то есть на 800—1000 метров. А мы стремились подпускать танки еще ближе, на 400—500 метров, потому что, во-первых, результативность огня резко возрастала, а во-вторых, этот огонь — внезапный, мощный, почти в упор — наносил врагу не только громадные потери, но и производил на его танкистов очень сильное психологическое воздействие... А в воздухе творилось что-то невероятное. Десятки самолетов, наших и немецких, крутились одной громадной, в несколько этажей быстроходной каруселью. Бой кипел, как говорится, от солнца до земли, и сбитые бомбардировщики и истребители, оставляя длинные шлейфы, врезались в боевые порядки наступающего противника, и в нашу оборону».

Над плацдармом действовала 9-я гвардейская истребительная авиационная дивизия выдающегося советского аса полковника А.И. Покрышкина, получившего здесь свою третью Звезду Героя. Правда, для того чтобы эту Звезду заработать, Александру Ивановичу не надо было ничего сбивать, побед и без того хватало: Покрышкин согласился «патриотично» пересесть из любимой «Аэрокобры» в советский «Як».

Отбив атаку, советские части перешли в контрнаступление-

ние и выбили немцев из Оглендува. К исходу 15 августа положение на этом участке стабилизировалось. Армия Рыбалко перешла к обороне, имея в строю 148 танков и САУ.

В районе Сташува немцами впервые был пущен в дело 501-й отдельный тяжелый танковый батальон, имевший в своем составе 40 новейших машин типа Pz Kpfw VI Ausf B, известных в нашей литературе как «королевский тигр». Этот 68-тонный танк, имевший лобовую броню толщиной 150 мм, являлся самой тяжелой и наиболее защищенной боевой машиной Второй мировой войны. В дуэльном бою он превосходил все типы танков союзников, великолепная длинноствольная 88-мм пушка по дальности стрельбы и бронепробиваемости не имела себе равных и в сочетании с великолепной оптикой позволяла атаковать в лоб любую выбранную цель. Ценой за это были большой вес, размеры и невысокие ходовые качества.

Однако первое применение «королевских тигров» оказалось таким же неудачным, как в свое время дебют «тигров» обыкновенных под Ленинградом. Местность в полосе наступления представляла собой слабые, едва ли не зыбучие пески, в которых увязали даже средние «пантеры». Единственным проходимым местом для тяжелых машин была глубокая лощина, через которую, пересекая передний край, тянулась грунтовая дорога от Оглендува к Сташуву. По этой дороге германское командование, не обладая достоверной разведывательной информацией о начертании переднего края, и пустило 12 августа 501-й тяжелый батальон. На выходе из лощины «тигры» попали в огневую ловушку, организованную 53-й гвардейской танковой бригадой Архипова и приданными ей артиллерийскими частями усиления. Сначала вынесенная вперед засада из трех танков, замаскированных под копны ржи, пропустив колонну вперед, обстреляла немецкие танки в правые борта, подбив четыре машины. Тяжелый батальон развернулся вправо, в сторону засады, и подставился под массированный огонь танковой бригады, тяжелого самоходного артполка и гаубичных дивизионов — более 200 стволов калибром до 152 мм. Одновременно с воздуха лощину обработали советские штурмовики. По советским данным, было подбито 24 «Тигра» II, по немецким — 11. Полностью погиб штаб батальона. Три совершенно исправных «королевских тигра», завязшие при

отходе в песчаном грунте, были захвачены в качестве трофеев и отправлены в Москву.

История первой встречи с «королевскими тиграми» после войны приобрела характер охотничьих рассказов. Несмотря на то что в боевых действиях приняли участие всего 39 машин, складывается впечатление, что их били буквально все участники боев на плацдарме, причем били запросто. Например, историографы 5-й гвардейской армии утверждают, что еще в ночь на 12 августа воины 289-го полка 97-й гвардейской стрелковой дивизии «захватили четыре тяжелых танка типа «королевский тигр», впервые примененных врагом на нашем фронте». Хотя разгрузка эшелона на станции Шидлув едва началась. Сам генерал армии Жадов утверждает, что его войска схватились с «Тигром» II еще 11 августа, до подхода танкистов Новикова: «...темпы наступления противника значительно снизились, несмотря на применение новых танков, так называемых «королевских тигров». Надо сказать, что эти танки имели целый ряд отрицательных качеств в сравнении с обычными «тиграми». Катуков, действовавший на совершенно другом направлении, не преминул прихвастнуть: «Но как и раньше, наши гвардейцы на своих «тридцатьчетверках» били обыкновенные «тигры», так и теперь столь же успешно били и «королевские», ибо 85-мм пушке, которая теперь устанавливалась на Т-34, не была страшна толстостенная броня». Его политический заместитель генерал Н.К. Попель имеет свою историю: оказывается, батальон 1-й гвардейской танковой бригады еще в ночь на 6 августа в ночном рейде захватил 13 исправных «королевских тигров» и предъявил их Катукову: «Особенно поразила Катукова броня... Командарм приоткрыл люк и присвистнул: «Ничего себе игрушечка! Даже поголок миллиметров тридцать».

Ясности ради напомним, что Звезду Героя за этот бой получил сидевший в засаде и уничтоживший три «тигра» гвардии младший лейтенант Оськин Александр Петрович, командир танка 53-й гвардейской бригады 6-го танкового корпуса 3-й гвардейской танковой армии. Комбриг полковник Архипов стал дважды Героем.

Одновременно командование фронта продолжало усиливать свои войска на плацдарме. В период с 11 по 15 августа сюда из района Санока были переброшены 4-я танковая армия, стрелковый корпус и некоторые части 3-й гвардей-

ской армии. Армия Лелюшенко, совершив в течение четырех ночей 200-километровый форсированный марш, к утру 15 августа сосредоточилась восточнее Сташува, имея в строю 141 танк и самоходное орудие.

Но и противник продолжал подтягивать и бросать в бой свежие подразделения. Не добившись существенного успеха в районе Сташува, он 13 августа частями 3, 24-й и 1-й танковых и 371-й пехотной дивизий ударил в направлении Стопница, Поланец. И на этом участке «враг бросал в бой десятки танков, в том числе «королевские тигры» (?). Генерал Жадов сосредоточил в районе Стопницы три истребительно-противотанковые и одну пушечную бригады, два противотанковых полка, полк гвардейских минометов. В ходе шестидневных ожесточенных боев немцы к 18 августа сумели потеснить войска 5-й гвардейской армии и 31-го танкового корпуса на 6—10 км, овладели Стопницей, но ликвидировать плацдарм им не удалось. Утром 19 августа Жадов при поддержке 10-го гвардейского танкового корпуса нанес контрудар и отбросил противника в исходное положение.

Одновременно с отражением контрудара в районе Стопницы Конев решил провести наступление с целью окружения и уничтожения 42-го немецкого армейского корпуса, нависавшего над правым флангом и действовавшего в районе Сандомира. В операции участвовали соединения 13-й и 1-й гвардейской танковой армии, имевшей еще 184 танка, а также стрелковый корпус 3-й гвардейской армии. 14 августа после полуторачасовой артподготовки и ударов авиации войска фронта прорвали оборону противника и, развивая наступление, нанесли серьезный урон трем немецким дивизиям. 18 августа части 13-й армии овладели Сандомиром, что придало большую устойчивость правому флангу плацдарма.

Потеря Сандомира вынудила германское командование прекратить атаки под Стопницей и перебросить часть танковых дивизий в район Ожарува, откуда 19 августа последовал новый контрудар в южном направлении на помощь блокированным 72-й и 291-й пехотным дивизиям 42-го армейского корпуса. Войска Пухова и Катукова, испытывавшие недостаток в боеприпасах и горючем, не смогли удержать занимаемые рубежи. Немцам удалось соединиться со своей окруженной группировкой. Однако развить удар на Сандо-

мир их танковые дивизии не смогли. Совинформбюро два дня спустя, как обычно, объявило о полном уничтожении немцев в «котле»: «...севернее города Сандомир наши войска завершили ликвидацию окруженной группировки... ввиду отказа сдаться, большая часть окруженных войск противника уничтожена...»

Упустивший немцев, знающий правду Катукон и двадцать лет спустя утверждал, что окруженная группировка была полностью ликвидирована, ссылаясь при этом... на сообщение Совинформбюро. Кукушка хвалит петуха за то, что хвалит он кукушку.

С 20 по 23 августа соединения 33-го стрелкового корпуса 5-й гвардейской армии, усиленные 4-м гвардейским танковым корпусом, во взаимодействии с 60-й армией овладели важным узлом железных дорог и крупным промышленным центром городом Дембица и прилегающими к нему районами.

Новую попытку ликвидировать сандомирский плацдарм немцы предприняли в районе так называемого лагувского выступа. Ударами четырех танковых и двух пехотных дивизий по сходящимся направлениям противник намеревался окружить советские войска в районе Лагува: Особого ожесточения бои достигли 26 августа. Немецким войскам удалось захватить горный кряж северо-западнее Опатува и вклиниться в оборону 13-й армии на 6—7 км. В результате ответных ударов 4-й танковой, 5-й гвардейской и 13-й армий положение было восстановлено, часть сил 16-й танковой и 97-й горнострелковой дивизий противника окружена и уничтожена. На этом закончились попытки германского командования сбросить советские войска с западного берега Вислы.

Таким образом, войска фронта отразили все контрудары и прочно закрепили плацдарм, который имел в ширину до 75 км и 55 км в глубину. Наличие этого важного плацдарма обеспечивало возможность развернуть на нем крупную ударную группировку для последующего наступления на запад, в Силезию.

В то время когда шла напряженная борьба на Висле, войска левого крыла фронта в составе 60-й и 38-й армий и конно-механизированной группы Баранова продолжали наступление на запад. Развивалось оно крайне медленно. Противник оказывал упорное сопротивление. Войскам при-

ходилось действовать на сильно пересеченной местности, изобилующей водными преградами. Германское командование энергично вело борьбу за сохранение коммуникаций, ведущих в Чехословакию и Венгрию. Передовые части армии Москаленко в середине августа вышли к реке Вислока и на двух участках преодолели ее, но в результате настойчивых контратак 8-й и 18-й танковых дивизий вынуждены были пятиться назад. К концу месяца фронт стабилизировался на рубеже Щуцин, Дембица, Кросно, Санок.

На этом Львовско-Сандомирская операция закончилась.

29 августа войска 1-го Украинского фронта перешли к обороне. 1-я гвардейская танковая армия была выведена в резерв фронта, 3-я гвардейская танковая армия до сентября отражала неприятельские контрудары на северном участке плацдарма, затем была также выведена из боя. 4-я танковая, приняв от соседей всю оставшуюся бронетехнику, составляла второй эшелон фронта, усиливая наиболее угрожаемые направления при удержании сандомирского плацдарма.

В итоге операции были достигнуты важные стратегические результаты: войска 1-го Украинского фронта нанесли тяжелое поражение группе армий «Северная Украина», очистили от захватчиков западные области Украины и юго-восточные районы Польши, форсировали Вислу, захватили крупный плацдарм западнее Сандомира и создали благоприятные условия для проведения новых операций. Вся территория Украины в довоенных границах, за исключением небольших малонаселенных районов, была возвращена в лоно «семьи народов свободных». Понесенные противником в этой операции тяжелые потери вынудили его перебросить в полосу 1-го Украинского фронта из группы армий «Южная Украина» до восьми дивизий, что облегчило войскам 2-го и 3-го Украинского фронтов разгром неприятельских сил в районе Ясс и Кишинева.

Вместе с тем генерал Радзиевский считал, что КПД операции оказался невысок: «Вместе с тем следует отметить, что большие затраты сил и средств 1-м Украинским фронтом на прорыв тактической зоны обороны и развитие его в оперативную глубину ограничили его возможности по использованию результатов стратегического прорыва. Общая глубина продвижения его войск оказалась в два раза меньше, чем в Белорусской операции, хотя подвижных соедине-

ний у него было больше, чем во всех фронтах, наступавших в Белоруссии севернее Полесья. Кроме того, вблизи полосы наступления 1-го Украинского фронта действовали четыре танковых корпуса левого крыла 1-го Белорусского фронта». Ну да для нас любые потери оправданны, если есть результаты.

Потери фронта составили 289 296 человек убитыми и ранеными, 1269 танков и САУ, 1832 орудия и миномета, 289 самолетов. Группа армий «Северная Украина», согласно советским источникам, лишилась 200 тысяч убитыми, ранеными и пленными.

Армейские и энкавэдэшные части незамедлительно приступили к «нормализации жизни» на занятых территориях: «Для нормализации жизни на освобожденной советской и польской земле была усилена борьба против гитлеровской агентуры — националистических банд. Не имея никакой опоры среди населения, бандиты занимались террором: убивали местных активистов, пытались срывать призыв в Красную Армию и Войско Польское, разрушали коммуникации и линии связи, нападали на тылы и мелкие гарнизоны... В результате принятых мер вооруженные банды в прифронтной полосе были в основном ликвидированы».

СЕДЬМОЙ СТАЛИНСКИЙ УДАР

«...был осуществлен войсками 2-го и 3-го Украинских фронтов в августе в районе Кишинев — Яссы. По приказу Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина в задачу войск 2-го и 3-го Украинских фронтов входило окружение и разгром в районе Кишинева немецко-румынской группы армий «Южная Украина».

Отношения Советского Союза с Румынией, как, впрочем, и со всеми другими соседями, не заладились с момента создания «первого в мире государства рабочих и крестьян». Едва придя к власти и аннулировав все обязательства царского правительства, большевики на нужды мировой революции национализировали все ценности, в том числе и золотой запас Румынии, который хранился с 1915 года в Императорском банке. Пока большевики завоевывали Россию, румыны, воспользовавшись ситуацией, в январе 1918 года оккупировали и аннексировали Бессарабию. В 1919 году румынские войска принимали активное участие в подавлении Венгерской советской республики, завоевав заодно право на Буковину и Трансильванию. Одним словом, «боярская» Румыния, как и «панская» Польша, были злейшими врагами Советской власти, а бессарабский вопрос еще более осложнял налаживание нормальных отношений. СССР не признал аннексию Бессарабии и неоднократно настаивал на возвращении оккупированных территорий, румыны, в свою очередь, нагло требовали вернуть золотой запас.

Великие державы юридически также не признали Бессарабию частью Румынии, но и особенно не возражали. Тем более что румынское правительство постоянно напоминало, что оно защищает на Днестре всю европейскую цивилизацию от большевизма. Румынское королевское правительство усиленно «дружило» с Англией и Францией в обмен на гарантии своей неприкосновенности.

Однако в 30-х годах обстановка резко изменилась: рухнула Версальская система, англо-французские позиции в

Европе все более ослабевали, усиливалось влияние Германии и Италии. Активизировалась деятельность компартии, получавшей инструкции от Коминтерна: «...лишь низвержение капиталистических правительств, лишь установление рабоче-крестьянского правительства и присоединение к Советскому Союзу на основе равноправия и взаимности, лишь осуществление социализма обеспечат трудящимся балканских стран национальное равноправие, свободную и счастливую жизнь».

Начало войны в Европе, успехи Германии, пассивная позиция Англии и Франции, «популяризации грандиозного опыта СССР» в Польше и Финляндии заставили Бухарест лихорадочно искать реального союзника против Москвы. Попытки получить гарантированную поддержку со стороны соседей не принесли результатов. Венгрия и Болгария имели к Румынии собственные территориальные претензии. Италия рассчитывала продолжить сближение с Венгрией и ограничилась общими обещаниями. Все это потребовало от Румынии пересмотра внешней политики в пользу сближения с единственным возможным в то время противником СССР — Германией. 15 апреля 1940 года король Кароль II высказал мнение, что Румыния должна присоединиться к «политической линии Германии». 28 мая 1940 года был подписан новый германо-румынский договор, согласно которому предполагалось увеличить поставки нефти Берлину на 30% в обмен на обеспечение румынской армии современным вооружением. Румынское руководство стало настойчиво предлагать Гитлеру сотрудничество в любой области по его желанию. Одновременно предпринимались попытки улучшить отношения с Советским Союзом. 1 июня Румыния предложила СССР расширить товарооборот, но советская сторона не поддержала это предложение; Сталин уже принял решение об окончательном урегулировании бессарабского вопроса.

26 июня Советское правительство предъявило Румынии ультиматум с требованием очистить территорию Бессарабии, а заодно и Северной Буковины, которая никогда не была в составе Российской империи. На принятие решения давалось 48 часов. Берлин, заинтересованный во взаимовыгодном сотрудничестве с Москвой в деле перекраивания карты Европы, посоветовал Бухаресту уступить, и к исходу следующего дня румынское правительство приняло советские условия. 28 июня 1940 года дивизии Красной Армии во главе с Жу-

ковым двинулись на Днестр, освободить молдаван и украинцев от гнета «румынских бояр». 29 июня первые эшелоны вышли на реку Прут и заняли переправы, к исходу 1 июля новая граница была полностью занята советскими войсками. Оккупацией территорий дело не закончилось: советская сторона, кроме того, потребовала от Румынии возвращения угнанного подвижного железнодорожного состава и «возмещения ущерба», нанесенного румынской армией при отходе из Бессарабии, оценив его почти в 2,6 миллиарда лей.

В этой обстановке Венгрия и Болгария решили, что им тоже пора реализовать свои территориальные претензии. Стремясь к раздуванию противоречий на Балканах и усилению собственного влияния, их поддержали все великие державы, в том числе и Советский Союз. В итоге состоявшихся в августе—сентябре румыно-болгарских переговоров и второго венского арбитража Румыния передала Болгарии территорию Южной Добруджи, к Венгрии отошла Северная Трансильвания. Общая площадь страны уменьшилась на 49 тысяч кв. км, а население — на 3 миллиона человек. Германия гарантировала неприкосновенность новых границ.

Само собой разумеется, с точки зрения кремлевских мифотворцев оккупация Красной Армией Бессарабии и Буковины «отвечала интересам всех заинтересованных в разрешении конфликта народов и служила делу упрочения советско-румынских отношений», зато отторжение Северной Трансильвании продемонстрировало «отказ реакционных правителей Румынии от остатков суверенитета».

6 сентября 1940 года Кароль II отрекся от престола в пользу сына Михая I, а главой румынского правительства стал бывший начальник Генерального штаба генерал Ион Антонеску. Новое румынское правительство, не подозревая о том, что его отношения с пролетарским государством значительно «упрочились», решило форсировать сближение с Германией, и уже 15—17 сентября в Берлин была передана просьба о направлении в Румынию военной миссии. В первой декаде декабря в Румынию для обучения румынской армии и охраны нефтяных источников прибыли германские войска общей численностью 25 тысяч человек. 23 ноября 1940 года Румыния официально присоединилась к Тройственному пакту.

В январе 1941 года Антонеску дал согласие на пропуск через румынскую территорию немецких войск для нападе-

ния на Югославию и Грецию. В мае того же года Румыния приняла предложение Гитлера разместить на своей территории германские войска, предназначенные для нападения на Советский Союз, и принять участие в войне против СССР. Кроме того, Румыния являлась основным поставщиком нефти для Германии.

22 июня 1941 года правительство Антонеску выставило на фронт 13 дивизий и 9 бригад в составе 3-й и 4-й армий. До середины августа они действовали на территории Бессарабии и Северной Буковины. После форсирования Днестра 3-я армия, переименованная в экспедиционную, вела боевые действия в подчинении 11-й армии Манштейна на юге Украины и в Крыму. 4-я румынская армия после овладения Одессой была возвращена в Румынию.

В летнюю кампанию 1942 года румынское правительство по требованию Гитлера вновь выделило значительный контингент войск для действий на Восточном фронте. Под Сталинградом действовали 26 румынских дивизий. На Волге Красная Армия вдребезги разгромила 3-ю армию и 6-й армейский корпус, после чего количество румынских дивизий в действующих войсках значительно сократилось. С 22 июня 1941 года по 1 января 1944 года румынская армия потеряла до 660 тысяч человек, в том числе безвозвратно — около 410 тысяч.

В 1944 году Румыния переживала глубокий внутривнутриполитический кризис. После Сталинграда и Курска в руководящих кругах усилилось стремление заключить сепаратный мир с Англией и США, однако тайные переговоры с союзниками к успеху не привели. «Балканский вариант» Черчилля к тому времени был отвергнут в пользу операции «Оверлорд».

В конце марта армии Конева вышли на советско-румынскую границу. 2 апреля 1944 года Наркомат иностранных дел СССР опубликовал заявление, в котором говорилось: «Советское правительство доводит до сведения, что наступающие части Красной Армии, преследуя германские армии и союзные с ними румынские войска, перешли на нескольких участках реку Прут и вступили на румынскую территорию. Верховным Главнокомандованием Красной Армии дан приказ советским наступающим частям преследовать врага вплоть до его разгрома и капитуляции.

Вместе с тем Советское правительство заявляет, что оно

не преследует цели приобретения какой-либо части румынской территории или изменения существующего общественного строя Румынии и что вступление советских войск в пределы Румынии диктуется исключительно военной необходимостью и продолжающимся сопротивлением войск противника».

10 апреля ГКО принял постановление, в котором давались указания о линии поведения советских войск и командования на территории Румынии. От военного командования требовалось сохранить существующие румынские органы власти, систему административного и общественного устройства. Общее руководство по организации гражданского управления и контролю за его деятельностью возлагалось на Военный совет 2-го Украинского фронта. Работу местной администрации направляли советские военные коменданты, назначенные из числа «политически подготовленных и морально устойчивых офицеров».

По просьбе румынского правительства 12 апреля Москва предложила Румынии следующие условия перемирия: разрыв с немцами и объявление войны Германии; восстановление границы по договору 1940 года; возмещение убытков, причиненных Советскому Союзу в ходе военных действий на его территории и оккупации; обеспечение советским и другим союзным войскам возможности свободно передвигаться по румынской территории в любом направлении в соответствии с военной обстановкой. Правительство Антонеску отказалось принять эти условия. Ну что ж, сказал товарищ Сталин, народам «придется самим взять в свои руки дело своего освобождения от немецкого ига», а Красная Армия выполнит «интернациональный долг».

В плане летне-осенней кампании наступление советских войск на Юго-Западном театре военных действий имело наиважнейшее значение. После высадки союзных войск в Нормандии Сталин уже не спешил навеститься в Берлин, что привело бы к немедленному окончанию войны. До этого момента необходимо было «освободить от фашистского ига» как можно больше стран Европы, «сорвать планы закабаления их империалистическими государствами» и под надежной защитой СССР «самим решать свою судьбу».

«Важнейшее значение имело также и то, — не скрывает генерал профессор М.М. Минасян, — что освобождение этих народов Красной Армией должно было неизбежно

привести к созданию подлинно народно-демократических режимов на Балканах...»

Успех удара на юге лишал рейх союзников и возможности получения стратегических материалов и продовольствия, вывозившихся из Югославии, Албании, Греции, угрожал выходом к границам самой Германии. Немцы это прекрасно понимали и придавали большое значение южному участку фронта, прикрывавшему путь на Балканы, но в оценке ситуации просчитались дважды. Сначала они ожидали советский удар южнее Карпат, стянув на угрожаемое направление большую часть танковых дивизий, но вместо этого грянула катастрофа в полосе группы армий «Центр». Германское командование пришло к выводу, что противник на время отложил «Балканский вариант», что крупная наступательная операция на юге в ближайшее время маловероятна, и произвело крупные перегруппировки на варшавское, краковское и восточнопрусское направления — и снова ошиблось.

15 июля заместитель начальника Генштаба генерал А.И. Антонов передал командованию 2-го и 3-го Украинского фронтов распоряжение Ставки представить к концу месяца свои соображения и расчеты о проведении совместной наступательной операции в районе Ясс и Кишинева с целью разгромить войска группы армий «Южная Украина», освободить Молдавию и вывести Румынию из войны.

ЯССКО-КИШИНЕВСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

К середине августа 1944 года на рубеже протяженностью 580 км, проходящем через Красноильск, Пашкани, севернее Ясс и далее по Днестру до Черного моря, занимали войска группы армий «Южная Украина» под командованием генерала Ганса Фриснера, разделенной на две армейские группы: «Вёлер» — 8-я немецкая, 4-я румынская армии и 17-й отдельный немецкий армейский корпус и «Думитреску» — 6-я немецкая и 3-я румынская армии. Войска группы армий имели 25 немецких и 22 румынские дивизии, 5 горнострелковых и пехотных румынских бригад. Их поддерживали часть сил 4-го воздушного флота и румынский авиационный корпус. Перед этим, в конце июля, 12 дивизий, в том числе 6 танковых и 1 моторизованная, из группы

армий «Южная Украина» были переброшены в Белоруссию и на Западную Украину.

Изъятие столь значительного числа дивизий из группы армий «Южная Украина» привело к ее ослаблению и сильно обеспокоило Антонеску. 4 августа маршал встретился с Гитлером, чтобы выяснить дальнейшие намерения руководства рейха. Фюрер заверил румынского диктатора, что вермахт будет защищать Румынию как собственную территорию. Но, в свою очередь, он потребовал от Антонеску заверения о том, что Румыния останется союзницей рейха при любых обстоятельствах и возьмет на себя содержание немецких войск, действовавших на румынской территории.

Используя многочисленные водные преграды и холмистую местность, противник создал сильную оборону с развитой системой полевых укреплений, инженерных заграждений и ряда долговременных железобетонных сооружений на глубину до 80 км. Она включала три, на яском направлении четыре оборонительные полосы. Кроме того, в глубине были оборудованы рубежи по рекам Прут и Серет. Немецко-румынская группировка с тылами насчитывала 900 тысяч человек, 7600 орудий и минометов, 404 танка и штурмовых орудия, 810 самолетов.

Планируя операцию, советское командование учитывало, что войска противника были развернуты на выгнутой на восток дуге, левое крыло которой упиралось в Карпаты, а правое — в Черное море. При этом большинство дивизий и наиболее боеспособная 6-я немецкая армия занимали вершину выступа; оперативная плотность составляла здесь 8 км на одну дивизию. На флангах оперативная плотность достигала 18—20 км на дивизию, и там оборонялись в основном румынские войска. В точности повторялась сталинградская диспозиция. Правда, для повышения устойчивости румынских дивизий, в которых росли капитулянтские настроения, их перемежевывали немецкими соединениями, которые должны были сыграть роль «корсетных спиц для румын».

2 августа Ставка направила 2-му и 3-му Украинским фронтам директиву с конкретными задачами. Им предстояло прорвать оборону противника на двух далеко отстоящих друг от друга участках — северо-западнее Ясс и южнее Бендер — и, нанося удары по сходящимся направлениям, окружить и уничтожить основные силы группы армий «Южная

Украина», а затем в высоких темпах развивать наступление в глубь Румынии.

2-й Украинский фронт, которым командовал генерал Малиновский, наносил главный удар силами 27-й, 52-й, 53-й общевойсковых и 6-й танковой армий из района северо-западнее Ясс в общем направлении на Васлуй, Фэлчу, отрезая пути отхода яссско-кишиневской группировки противника на запад, вспомогательный удар — силами 7-й гвардейской армии и конно-механизированной группы вдоль реки Серет для обеспечения правого фланга главной группировки. После окружения яссско-кишиневской группировки главными силами 2-го Украинского фронта предстояло наступать в направлении на Фокшаны, образуя внешний фронт окружения и совместно с войсками 3-го Украинского фронта уничтожить окруженную группировку.

3-й Украинский фронт под командованием генерала Толбухина главный удар наносил силами 57-й, 37-й и правого крыла 46-й армий с кицканского плацдарма, из района южнее Бендер, в направлении Ермоклия, Селемет, Хуши, вспомогательный удар — частью сил 46-й армии во взаимодействии с Дунайской военной флотилией через Днестровский лиман в направлении на Белгород-Днестровский. Дунайская флотилия должна была высадить десанты северо-западнее и южнее города, а с выходом войск 3-го Украинского фронта к Дунаю содействовать им в форсировании реки и обеспечивать беспрепятственное движение по ней. После окружения яссско-кишиневской группировки войскам 3-го Украинского фронта ставилась задача развивать наступление в общем направлении на Рени и Измаил, не допуская отхода противника за Прут и Дунай.

Действия сухопутных войск поддерживали 5-я и 17-я воздушные армии. Черноморский флот имел задачу поддерживать огнем войска приморского фланга 3-го Украинского фронта, нарушать прибрежные морские коммуникации противника, наносить авиационные удары по его военно-морским базам.

Координацию действий фронтов осуществлял представитель Ставки маршал С.К. Тимошенко.

Для проведения операции привлекались 91 дивизия, 3 укрепленных района, 3 танковых и 3 механизированных корпуса, 2 отдельные танковые, 1 самоходно-артиллерий-

ская бригада и 1 мотострелковая бригада, 7 танковых и 20 самоходно-артиллерийских полков — 1 314 200 человек, 16 000 орудий и минометов, 893 установки реактивной артиллерии, 1870 танков и САУ и 2200 боевых самолетов. В составе советских войск находилась 1-я добровольческая румынская пехотная дивизия имени Тудора Владимиреску, набранная из румынских эмигрантов и бывших военнопленных.

В ходе подготовки был осуществлен ряд перегруппировок, на направлениях главных ударов созданы мощные ударные группировки. Здесь было сосредоточено 67—72% пехоты, до 61% артиллерии, 85% танков, почти вся авиация. Благодаря этому на участках прорыва фронты имели превосходство над противником: в людях — в 4—8, в артиллерии — в 6—11, в танках — в 6 раз. Это обеспечивало им возможность непрерывно наращивать мощь ударов и поддерживать высокие темпы наступления. Артиллерийская плотность на участках прорыва достигала 240—280 стволов на 1 км фронта. Столь высокая концентрация огневой мощи позволила Малиновскому отказаться от авиационной подготовки прорыва. Впервые за войну на обоих фронтах была произведена перспективная аэрофотосъемка всех основных маршрутов действия подвижных войск и переправ на глубину 60—80 км. В течение весны фронты мобилизовали в освобожденных районах Украины около 400 тысяч человек, в некоторых соединениях пополнение составляло более половины личного состава.

18—19 августа немцы наконец вскрыли советскую подготовку к наступлению и даже установили дату его начала. Генерал Фриснер обратился ко всем старшим офицерам немецких и румынских войск со специальным воззванием, в котором предупреждал, что в ближайшие дни следует ожидать большого наступления Красной Армии. Фриснер требовал защищать позиции до последней возможности, обеспечить тесное взаимодействие союзных войск: «Плечом к плечу с нашими испытанными румынскими товарищами, полагаясь на нашу боевую подготовку, наше вооружение и наши укрепленные позиции, мы можем с решительной уверенностью встретить эти атаки».

На большее времени не оставалось.

Наступление обоих фронтов началось утром 20 августа после сильной артиллерийской, а на 3-м Украинском фрон-

те и авиационной подготовки, подавившей первую позицию главной полосы обороны.

Войска 2-го Украинского фронта в первый же день прорвали тактическую оборону противника на всю глубину и продвинулись на 16 км. Германское командование, пытаясь остановить продвижение, в районе Ясс бросило в контратаки три пехотные и 1-ю танковую дивизии. Но это не изменило положение, поскольку в дело вступили более 1000 советских танков. В полосе 27-й армии генерала С.Г. Трофименко после преодоления второй линии обороны в прорыв была введена 6-я танковая армия под командованием генерала А.Г. Кравченко, имевшая 506 боевых машин. Это был единственный в ходе Отечественной войны случай, когда танковая армия вошла в «чистый» прорыв. К исходу дня ее соединения вышли к третьей оборонительной полосе, проходившей по хребту Маре. В высоком темпе развивалось и наступление 3-го Украинского фронта. 37-я, 46-я и 57-я армии в течение дня прорвали главную полосу обороны и, продвинувшись в глубину на 12 км, местами вклинились во вторую полосу.

Расчет оказался точен: румыны дрогнули, вновь оголив фланги немецких дивизий. Генерал Фриснер пишет: «...причиной этого сравнительно быстрого успеха явилось не численное превосходство, а прежде всего недостаточная стойкость и ненадежность многих румынских соединений.. Значительная часть личного состава этих дивизий бросила свои позиции еще во время артиллерийской подготовки... противник неожиданно быстро сумел глубоко вклиниться в расположение 7-й и 5-й румынских пехотных дивизий, которые покинули свои позиции без боя».

В течение 20 августа группа армий «Южная Украина» потеряла сразу 6 дивизий и в один день оказалась на грани катастрофы. Вечером генерал Велер докладывал: «То впечатление, которое производят румынские части, можно определить как катастрофическое».

На второй день наступления ударная группировка 2-го Украинского фронта вела упорную борьбу за третью полосу на хребте Маре, а 7-я гвардейская армия генерала М.С. Шумилова и конно-механизированная группа генерала С.И. Горшкова — за Тыргу-Фрумос. 21 августа к району прорыва германское командование стянуло части 12 дивизий, в том числе двух танковых. Наиболее упорные бои

развернулись на подступах к Яссам, где войска противника трижды переходили в контратаки. Но ввод в сражение в полосе 52-й армии 18-го (250 машин) и 23-го (190 машин) танковых и 5-го гвардейского кавалерийского корпусов сорвали планы Фриснера. К исходу дня войска Малиновского окончательно сокрушили оборону противника. Расширив прорыв до 65 км по фронту и до 40 км в глубину и преодолев третью оборонительную полосу, они овладели городами Яссы и Тыргу-Фрумос и вышли на оперативный простор.

Войска 3-го Украинского фронта в этот день также завершили прорыв. Введенные в сражение 7-й (203 машины) и 4-й гвардейский (237 машин) механизированные корпуса продвинулись до 30 км в глубину и фактически отсекли 6-ю немецкую армию от 3-й румынской.

Вечером 21 августа Ставка Верховного Главнокомандования приказала фронтам как можно быстрее выйти в район Хуши, чтобы завершить окружение группировки противника и открыть дорогу к основным экономическим и политическим центрам Румынии.

22 августа германское командование начало отвод группы «Думитреску» с кишиневского выступа за реку Прут. Одновременно группа «Велер» получила приказ отступить на тыловую оборонительную позицию «Траян». Но было уже слишком поздно. С утра 22 августа в наступление вдоль реки перешла 4-я гвардейская армия генерала И. В. Галанина. Действуя совместно с 52-й армией генерала К. А. Коротеева, она к исходу дня продвинулась на 25 км и овладела двумя переправами через Прут. Обходя узлы сопротивления противника, 18-й танковый корпус совершил стремительный 50-километровый бросок к Хуши. На внешнем фронте окружения советские войска захватили Васлуй. Танковая армия Кравченко устремилась к Фокшанским воротам, чтобы с ходу прорвать укрепленный район и тем самым открыть путь в Центральную Румынию, Болгарию, к границам Югославии и Венгрии.

Крупных успехов добился и фронт Толбухина. Соединения 7-го механизированного корпуса генерала Ф. Г. Каткова вышли в район Гуры-Галбены, а 4-й гвардейский механизированный корпус, заняв Тарутино и Комрат, развивал наступление на Леово. Тем самым 3-я румынская армия была окончательно изолирована от 6-й немецкой армии.

К исходу 22 августа ударные группировки фронтов пере-

хватили основные пути отхода противника на запад. Моряки Дунайской флотилии совместно с десантной группой 46-й армии форсировали Днестровский лиман, освободили город Белгород-Днестровский и развивали наступление в юго-западном направлении.

23 августа 18-й танковый корпус вышел в район Хуши, 7-й механизированный — к переправам через Прут в районе Леушены, а 4-й гвардейский механизированный — к Леово. Оперативное окружение кишиневской группировки противника было завершено.

В тот же день 46-я армия генерала И. Т. Шлемина во взаимодействии с Дунайской флотилией закончила окружение 3-й румынской армии, которая на следующий день прекратила сопротивление. Группа «Думитреску» перестала существовать. 6-я армия перешла в непосредственное подчинение командования группы армий «Южная Украина». Армии была поставлена задача скорее перебросить войска через Прут и организовать оборону на его западном берегу. Но эти попытки были тщетными, фронт рухнул, войсками никто не управлял: «...не существовало уже ни штабов, ни тылов, ни специальных небоевых подразделений; все, от генерала до штабного писаря, превратились в обычных бойцов».

В 20 часов 30 минут 23 августа германскому командованию стало известно о крупнейших политических изменениях в Румынии и падении правительства Антонеску. Положение немецких войск коренным образом изменилось. Через три часа было принято решение, санкционированное Гитлером, об отходе кратчайшим путем в Карпаты. Но и эта задача оказалась невыполнима.

24 августа 5-я ударная армия генерала Н. Э. Берзарина освободила Кишинев. 25 августа было завершено создание внутреннего фронта окружения яско-кишиневской группировки противника. В гигантском «котле» оказались 18 из 25 немецких дивизий. Почти все находившиеся на фронте румынские соединения к этому времени были разгромлены.

Таким образом, на пятый день операции было достигнуто окружение главных сил группы армий «Южная Украина». Войска, действовавшие на внешнем фронте, заняли города Роман, Бакэу, Бырлад и подошли к городу Текуч. Между внутренним и внешним фронтами окружения образовалась полоса глубиной 100—120 км. Тем самым создавались благо-

приятные условия для ликвидации окруженной группировки и стремительного наступления советских войск в глубь румынской территории. Эти задачи решались уже в новых военно-политических условиях.

Советское командование, выделив 34 дивизии, один танковый и два механизированных корпуса для ликвидации окруженной группировки, остальные силы 2-го и 3-го Украинских фронтов, в том числе 6-ю танковую армию, нацелило в глубь Румынии. В развитии наступления на внешнем фронте главная роль отводилась войскам Малиновского.

К исходу 27 августа окруженная восточнее Прута группировка перестала существовать. Вскоре была уничтожена и та часть войск, которой удалось переправиться на западный берег Прута с намерением пробиться к Карпатским перевалам. Противник потерпел сокрушительное поражение. Из 25 немецких соединений 18 были ликвидированы, две дивизии 17-го армейского корпуса отошли в полном составе. Удалось уйти также разбитым частям трех пехотных дивизий и остаткам 1-й танковой и 10-й моторизованной. Командование группы армий «Южная Украина» констатировало, что корпуса и дивизии 6-й армии должны рассматриваться как окончательно потерянные и что этот разгром представляет собой самую большую катастрофу из тех, которые когда-либо переживала группа армий.

В это время войска 2-го Украинского фронта развивали успех в сторону Северной Трансильвании и на фокшанском направлении, выходя на подступы к П्लоешти и Бухаресту. Соединения 46-й армии 3-го Украинского фронта во взаимодействии с Черноморским флотом вели наступление на приморском направлении.

Германское командование предпринимало попытки задержать советские войска, выиграть время, чтобы восстановить фронт. В директиве ОКВ от 26 августа перед генералом Фриснером ставилась задача создать и удержать оборону на линии Восточные Карпаты, Фокшаны, Галац, хотя для этого у группы армий не было ни сил, ни средств. К Карпатам отступали шесть сильно потрепанных дивизий 8-й армии. На венгерско-румынской границе находились 29 венгерских батальонов, которые действовали в основном перед правым крылом и центром 2-го Украинского фронта. Перед левым его крылом и 3-м Украинским фронтом оборонялись остатки отступавших с фронта соединений, а также тыло-

вые части группы армий «Южная Украина» и отдельные немецкие гарнизоны.

Упорное сопротивление противник оказал на подступах к Восточным Карпатам. Сосредоточенные здесь остатки немецких дивизий и венгерские батальоны вели бои, используя выгодную для обороны горно-лесистую местность. Однако наступавшие на этом направлении 7-я гвардейская, 40-я армия генерала Жмаченко и конно-механизированная группа Горшкова сумели отбросить противника и преодолеть Восточные Карпаты.

Успешно развивалось наступление войск левого крыла 2-го Украинского фронта, включавшего 27-ю, 53-ю, 6-ю танковую армии и 18-й танковый корпус. Эти войска при активной поддержке авиации сокрушали отдельные очаги сопротивления и быстро продвигались на юг. Танковая армия преодолела фокшанский укрепленный рубеж и 26 августа заняла Фокшаны. На следующий день она подошла к городу Бузэу, овладение которым открывало дорогу на Плоешти и Бухарест.

Войска Толбухина, наступая на юг по обоим берегам Дуная, отрезали пути отхода разбитым войскам противника к Бухаресту. Дунайская флотилия и Черноморский флот, содействуя наступлению сухопутных войск, обеспечивали переправы через Дунай, высаживали десанты, наносили удары морской авиацией.

К 29 августа были заняты города Тулча, Галац, Констанца, Сулина и другие.

Таким образом, фронты генералов Малиновского и Толбухина успешно осуществили Яско-Кишиневскую операцию, в исключительно короткий срок окружили и уничтожили крупнейшую группировку противника. В ходе боев с 20 августа по 3 сентября советские войска разгромили и уничтожили 22 немецкие и почти все находившиеся на фронте румынские дивизии. Было взято в плен 106 тысяч немецких солдат и офицеров, в том числе 25 генералов и огромное количество боевой техники. Противник понес настолько большой урон, что для восстановления сплошного фронта ему потребовалось около месяца.

Яско-Кишиневская операция — одна из крупнейших и выдающихся по своему стратегическому и военно-политическому значению операций советских Вооруженных Сил. Столь масштабное и решительное поражение приве-

ло к краху немецкой обороны на южном крыле советско-германского фронта, изменило всю военно-политическую обстановку на Балканах. Румыния вышла из войны на стороне Германии и 24 августа объявила ей войну.

Потери советских войск за десять дней боев составили 13 197 человек убитыми и 53 933 ранеными, 75 танков и САУ, 111 самолетов.

Еще в июне 1944 года на секретном совещании представителей дворцовых кругов, армии, национальных и коммунистической партий был образован военный комитет, взявший курс на подготовку вооруженного восстания, свержение правительства Антонеску и вывод Румынии из войны на стороне держав Оси. Начало восстания было намечено на 26 августа, однако бурное развитие событий на фронте ускорило выступление. Вечером 23 августа по приказу короля Михая маршал Антонеску был арестован в королевском дворце в Бухаресте и вместе со своими министрами посажен под арест на конспиративной квартире ЦК КПР. Части гарнизона получили приказ занять и защищать государственные учреждения, центральную телефонную станцию, телеграф, радиостанцию и другие важные объекты, прервать связь между германскими учреждениями и воинскими частями и воспрепятствовать их передвижению.

В первые же часы восстания было образовано так называемое правительство специалистов под председательством генерала К. Санатеску, ведущую роль в котором играли национально-буржуазные партии. В 23 часа 30 минут бухарестское радио сообщило о смещении правительства Антонеску и создании «правительства национального единства», объявлена декларация румынского короля о прекращении военных действий против Объединенных наций и принятии Румынией советских условий перемирия.

Утром 24 августа начальник румынского Генерального штаба направил штабу Фриснера телеграмму. В ней говорилось, что «командование румынскими вооруженными силами обеспечивает свободный выход немецких частей с территории Румынии и желает избежать всяческих вооруженных столкновений между немецкими и румынскими войсками при условии, если немецкие войска не будут чинить препятствия румынским войскам при их передвижении на юг.. румынские сухопутные, военно-воздушные

и военно-морские силы прекращают борьбу и всяческую враждебную деятельность против советских войск...»

Такой вариант не устраивал ни Гитлера, ни Сталина.

Наркомат иностранных дел СССР сделал заявление, в котором подтвердил советскую позицию, но не преминул напомнить, что «помощь румынских войск войскам Красной Армии в деле ликвидации немецких войск является единственным средством скорого прекращения военных действий на территории Румынии и заключения Румынией перемирия с коалицией союзников».

Фюрер, понятно, реагировал более остро. Как отмечает Кларк, нацисты каждый раз искренне поражались измене союзников: «Как ни невероятно, но «предательство» союзников и взрывы ненависти и мести, которые стали происходить на оккупированных территориях при ослаблении немецкой администрации, явились шоком для вермахта и даже для СС. Следовавшие до сих пор с безмятежной уверенностью макиавеллиевскому завету «Пусть лучше тебя боятся, чем любят», немцы тем не менее верили, что поскольку они — нация господ, никому, кроме большевиков и евреев, не придет в голову противостоять им».

Получив известия о событиях в Бухаресте, Гитлер приказал «путч подавить», короля арестовать, создать правительство во главе с генералом, дружественно настроенным к Германии. Фриснеру предоставлялись чрезвычайные полномочия для действий в Румынии. Фельдмаршал Кейтель и генерал Гудериан в докладе фюреру предлагали «принять все меры к тому, чтобы Румыния исчезла с карты Европы, а румынский народ перестал существовать как нация».

Утром 24 августа немцы подвергли бомбардировке Бухарест и перешли в наступление, для участия в котором удалось наскрести 5-ю зенитную дивизию, пехотный полк, роту танков и две бригады штурмовых орудий. Общее руководство операцией возлагалось на главу германской военно-воздушной миссии в Румынии генерала А. Герстенберга. Фриснер отдал приказ командирам немецких воинских частей, размещенных в тыловых районах Румынии, поддержать Герстенберга всеми имеющимися в их распоряжении силами и средствами. 26 августа стало очевидно, что генерал не может справиться с поставленной задачей. Войска, направленные против восставших, возглавил генерал Штахель — бывший комендант Варшавы. В связи с открытием

военных действий немецкими войсками против Румынии румынское правительство отдало своим войскам приказ начать боевые действия за изгнание немцев из страны и за освобождение Трансильвании.

В начале восстания немцы имели в Бухаресте и его пригородах около 14 тысяч солдат и офицеров. Кроме того, они надеялись перебросить в город часть сил из района Плоешти. Большие надежды германское командование возлагало на военизированные формирования румынских немцев, в которых насчитывалось свыше 40 тысяч человек. На стороне восставших в столице было примерно 7 тысяч военнослужащих и 50 вооруженных патриотических групп. Однако германскому командованию не удалось использовать перевес в силах и подавить восстание в Бухаресте. Советские войска продолжали добивать немецкие соединения и стремительно продвигались к городу. В то же время в Бухарест начали прибывать румынские войска из других районов страны. Соотношение сил здесь быстро менялось в пользу восставших. К 28 августа численность румынских войск в столице достигала около 39 тысяч человек. Это позволило повстанцам не только отразить атаки немцев, но и самим перейти к решительным действиям и разгромить немецкий гарнизон. На следующий день они очистили от противника Бухарест и его окрестности и удерживали их до подхода советских войск. Вооруженные столкновения с немцами происходили также в Плоешти, Брашове и некоторых других городах и районах Румынии.

Войска 2-го и 3-го Украинских фронтов после успешного завершения Яско-Кишиневской операции развернули энергичное наступление в центральной части Румынии и на подступах к Болгарии.

29 августа Ставка поставила перед Малиновским и Толбухиным задачу — завершить разгром гитлеровцев в Румынии. 2-му Украинскому фронту предстояло главными силами развивать наступление в направлении Турну-Северина, занять Плоештинский нефтепромышленный район, очистить от остатков немецких войск Бухарест и к 7 сентября овладеть рубежом Кымпулунг, Питешти, Джурджу. В дальнейшем эта группировка войск должна была выйти на Дунай южнее Турну-Северина. Войска правого крыла фронта наступали в северо-западном направлении с задачей овладеть перевалами через Восточные Карпаты и к 15 сентября

выйти на рубеж Бистрица, Клуж, Сибиу. Затем они наносили удар на Сату-Маре с целью содействия 4-му Украинскому фронту в преодолении Карпат и выходе в районы Ужгорода и Мукачева. Войска 3-го Украинского фронта должны были, развивая наступление во всей своей полосе, занять Северную Добруджу, форсировать Дунай на участке Галац, Измаил и к 5—6 сентября выйти на румыно-болгарскую границу.

Выполняя директиву Ставки, войска Малиновского нанесли по противнику новые мощные удары. Преодолевая упорное сопротивление немецких войск, 5-й гвардейский танковый корпус 6-й танковой армии 29 августа разгромил их на окраине Плоешти и ворвался в город. К утру 30 августа совместными усилиями корпуса и 3-й гвардейской воздушно-десантной дивизии 27-й армии Плоешти был полностью очищен от противника. Вместе с советскими войсками в освобождении Плоешти участвовали 18-я румынская пехотная дивизия, действовавшая с фронта, а также румынские части и рабочие отряды, блокированные немцами в городе.

В течение 30 и 31 августа советские и румынские войска разгромили противника в долине реки Прахова и освободили весь Плоештинский район. В результате была устранена угроза Бухаресту с севера, вермахт лишился румынской нефти, а советские войска получили возможность быстро продвигаться в Трансильванию. Генерал Бутлар отметил: «...30 августа русские овладели нефтяным районом Плоешти, несмотря на упорнейшее сопротивление отдельных разрозненных частей, поддержанных с воздуха. С военно-экономической точки зрения это был самый тяжелый и, можно сказать, решающий удар для Германии».

Успешно наступали на Бухарест два других корпуса танковой армии Кравченко. Вслед за ними продвигались войска 53-й армии генерала И.М. Манагарова, а южнее ее — 46-я армия Шлемина. Их задача состояла в том, чтобы как можно быстрее разгромить немецкие части, преграждавшие подступы к Бухаресту, и оказать помощь повстанцам.

«Реакционные деятели» в румынском правительстве прекрасно понимали, что вместе с Красной Армией в Бухарест придут и советские порядки. Поэтому они пытались не допустить этого, настаивая на прекращении дальнейшего продвижения Красной Армии в глубь Румынии, предлагая

объявить Бухарест, район Ильфов и всю западную территорию страны зоной, куда советские войска не должны были вступать. С таким предложением представители Санатеску обратились к обоим командующим фронтами. Одновременно указывалось, что ликвидацию немецких войск на не занятой еще «освободителями» территории румынское правительство берет на себя. Генералы и слушать не стали этот детский лепет и продолжали выполнение задач, поставленных Верховным Главнокомандующим. 6-я танковая, 53-я и 46-я армии вплотную подошли к Бухаресту и тем самым обеспечили закрепление победы восстания.

Отдельные части армии Шлемина прошли через румынскую столицу 29—30 августа. 30 и 31 августа в Бухарест вступили войска 6-й танковой и 53-й советских армий, а также части дивизии имени Владимиреску. Советское командование назначило комендантом города генерал-майора И.Н. Буренина и взяло «под охрану главных румынских военных преступников» — членов правительства Антонеску. 1 июня 1946 года они были казнены по приговору народного суда.

Дальнейшее наступление 2-й Украинский фронт вел уже совместно с румынской армией, которая повернула оружие против германского рейха. К началу вступления в войну с Германией Румыния имела две армии, включавшие девять боеспособных дивизий, остатки семи вернувшихся с фронта разбитых дивизий и 21 учебную дивизию. Они были слабо вооружены, располагали незначительным количеством артиллерии и почти не имели танков.

Соединения 1-й румынской армии, которой командовал генерал Н. Мачич, прикрывали границу с Венгрией и Югославией на западе и северо-западе. Они находились на удалении 200—300 км от советских войск. Из остатков 3-й и 4-й румынских армий была сформирована 4-я армия под командованием генерала Г. Аврамеску. Она получила задачу прикрывать румыно-венгерскую границу на севере.

Для советских войск в Румынии сложилась исключительно благоприятная ситуация. Перед правым крылом и центром 2-го Украинского фронта действовало до шести дивизий противника, перед левым крылом и армиями Толбухина немецких войск не было. Открывалась перспектива в короткие сроки полностью очистить территорию Румынии от врага. После вывода в резерв Ставки 4-й гвардейской

и 52-й армий у Малиновского оставались четыре общевойсковые армии, имевшие 10 стрелковых корпусов; один стрелковый корпус находился в резерве фронта.

Германское командование стремилось восстановить рухнувший стратегический фронт, сомкнуть южный фланг группы армий «Южная Украина» с группой армий «Ф», находившейся в Югославии, и создать прочную оборону по линии Восточных и Южных Карпат и Западных Балкан. Оно сосредоточило в Трансильвании остатки группы армий «Южная Украина», а также венгерские части, намереваясь нанести внезапный удар по румынским войскам и захватить перевалы в Карпатах до выхода туда советских войск.

С утра 5 сентября пять немецких и венгерских дивизий при поддержке танков и авиации из района Турда начали наступление против 4-й румынской армии, которая только что вышла на этот участок и не успела организовать оборону. К исходу 6 сентября противник сумел продвинуться на 20—30 км. В последующие два дня под его натиском румыны отступили еще на 20—25 км. Одновременно немцы развернули наступление и против 1-й румынской армии. 6 сентября они форсировали Дунай северо-западнее Турну-Северина и создали угрозу захвата города Тимишоара и крупного промышленного центра Решица.

В этой сложной обстановке по соглашению с правительством Румынии 1-я и 4-я румынские армии, 4-й отдельный армейский корпус и 1-й авиационный корпус — всего 20 дивизий — с 6 сентября перешли в оперативное подчинение командующего 2-м Украинским фронтом. К тому времени в них насчитывалось 138 тысяч человек, 1809 минометов, 611 орудий и 113 исправных самолетов.

Малиновский для разгрома группировки противника, наступавшего против 4-й румынской армии, немедленно направил 27-ю и 6-ю танковую армии. Для уничтожения сил противника, наступавших против 1-й румынской армии, были привлечены 53-я армия и 18-й танковый корпус. Действия этих войск поддерживала 5-я воздушная армия, в состав которой вошел румынский авиационный корпус.

5 сентября Ставка приказала 2-му Украинскому фронту, наступавшему в западном направлении, повернуть свои главные силы на север и северо-запад и нанести удары на Клуж и Деву, а правофланговым армиям преодолеть Трансильванские Альпы и южную часть Карпатского хребта... Об-

щая задача состояла в том, чтобы выйти на рубеж Сату-Маре, Клуж, Дева, Турну-Северин и помочь 4-му Украинскому фронту пробиться в Закарпатье. В дальнейшем ему предстояло выйти на реку Тисса на участке Ньиредьхаза, Сегед.

Наступить пришлось в исключительно сложных условиях. Танки с трудом преодолевали карпатские перевалы. Авиация противника непрерывно бомбила узкие горные проходы. Наконец, войска 6-й танковой армии, преодолев горный массив, 7 сентября вышли в район Сибиу. Советские и румынские солдаты совместными усилиями отразили контрудары противника и перешли в наступление. Особенно упорные бои разгорелись у города Турда.

46-я и 57-я армии 3-го Украинского фронта с 31 августа по 6 сентября совершали марш в юго-западном направлении и, не встречая сопротивления, вышли на болгарскую границу. Вслед за ними на приморский фланг выдвинулась 37-я армия.

12 сентября в Москве было подписано Соглашение о перемирии с Румынией. Восстанавливалась советско-румынская граница 1940 года и аннулировался «венский арбитраж» о Северной Трансильвании. Румынское правительство взяло обязательство выставить не менее 12 пехотных дивизий для участия в войне против Германии и Венгрии под общим руководством советского командования, а также возместить убытки, причиненные СССР.

Для контроля за выполнением условий перемирия была создана Союзная контрольная комиссия в Румынии в составе представителей СССР, США и Великобритании под председательством маршала Р.Я. Малиновского.

Тем временем главные силы фронта, продолжая наступление, вели ожесточенные бои с упорно оборонявшимся противником.

9 сентября Ставка усилила фронт 4-м и 6-м гвардейскими кавалерийскими корпусами из своего резерва, а 10 сентября — 46-й армией и 7-м мехкорпусом, переданными из 3-го Украинского фронта. Правый сосед — фронт генерала Петрова — в этот день начал Карпатскую наступательную операцию и медленно продвигался к перевалам.

К 15 сентября усилиями 27-й и 6-й танковой (12 сентября стала гвардейской) армий и 4-й румынской армии враг был отброшен на исходные позиции. Войска вышли к обо-

ронительному рубежу, проходившему по рекам Муреш и Арьеш. Под их натиском немецко-венгерские соединения начали на ряде участков оставлять свои позиции и отходить в глубь страны. 53-я армия и 18-й танковый корпус генерала П. Д. Говоруненко, выдвинувшиеся в полосу обороны 1-й румынской армии, к исходу 12 сентября передовыми соединениями вышли в район Петрошени и к Турну-Северину. Действуя впереди, танковый корпус овладел районами Брад, Дева. Войска генерала Манагарова, преодолев Трансильванские Альпы, вышли в эти районы на трое суток раньше назначенного срока. Они разбили передовые части противника и захватили плацдарм для развертывания сил армии и фронта в Венгерской равнине. Отразив ожесточенные атаки противника, советские и румынские войска сорвали его попытки захватить перевалы.

Успешные действия главных сил 2-го Украинского фронта в Южных Карпатах поставили под угрозу мощного флангового удара всю группировку немецко-венгерских войск. Однако германскому командованию в середине сентября удалось сосредоточить здесь 27 дивизий, в том числе 6 танковых и моторизованных, и восстановить сплошную линию обороны. Группа армий «Южная Украина» 23 сентября была преобразована в группу армий «Юг». Во второй половине сентября на этом участке, особенно в Северной Трансильвании, продолжались упорные бои.

Усилив свои войска в районе Клуж, Турда двумя танковыми дивизиями и двумя венгерскими горнострелковыми бригадами, противник организовал мощные контрудары по 27-й, 6-й гвардейской танковой и 4-й румынской армиям. Продвижение советско-румынских войск на этом направлении застопорилось.

Иначе сложилась обстановка на левом крыле фронта. Здесь войска 53-й армии во взаимодействии с 1-й румынской армией, развивая наступление на северо-запад, освободили города Арад и Белюш и 22 сентября вышли на румыно-венгерскую границу. 23 сентября соединения 18-го танкового корпуса и 243-я стрелковая дивизия полковника Н. Н. Парфентьева, вступив на венгерскую землю, заняли село Баттонья, а спустя три дня — и первый венгерский город — Мако.

Итак, в сентябре войска 2-го Украинского фронта продвинулись на западе и северо-западе от 300 до 500 км, сорва-

ли замыслы германского командования стабилизировать фронт на линии Южных Карпат, очистили от неприятеля часть Северной Трансильвании и вышли к границам Югославии и Венгрии. Их наступление по-прежнему осуществлялось в тесном взаимодействии с войсками 3-го Украинского фронта, силами Черноморского фронта и Дунайской военной флотилии, которые в это время из Добруджи и юго-восточных районов Румынии предприняли поход в Болгарию.

К 5 октября вместе с советскими сражались две румынские армии — 23 дивизии, отдельный мотомехполк и авиационный корпус. После 16 октября в румынских войсках на фронте осталось 17 дивизий, которые были плохо укомплектованы и ощущали недостаток вооружения и боевой техники. Остальные соединения были отведены в тыл.

В октябре 1944 года Румыния была полностью очищена от немецких войск. 25 октября части 40-й армии Жмаченко и 4-й румынской армии генерала Аврамеску ликвидировали последние опорные пункты противника в стране — изгнали его из городов Сату-Маре и Карей.

Около семи месяцев, с конца марта 1944 года, Красная Армия вела бои за освобождение Румынии. Решающее значение в достижении этой цели имела Яско-Кишиневская операция, в ходе которой были уничтожены 16 немецких дивизий. Освобождение Румынии было достигнуто ценой больших жертв. С марта по октябрь 1944 года пролили свою кровь на румынской земле свыше 286 тысяч советских солдат, из них 69 тысяч погибли и пропали без вести. В ходе боев советские войска потеряли здесь 2083 орудия и миномета, 2249 танков и самоходных установок, 528 самолетов. Потери румынских войск в борьбе против немцев с 23 августа по 30 октября составили более 58 тысяч человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести.

Захват Румынии и выход советских войск на границы Болгарии, Югославии и Венгрии предрешили вопрос о скором изгнании германских войск из всех Балканских стран.

БОЛГАРСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Болгария являлась конституционной монархией, по советской терминологии, была «монархо-фашистским» государством. В течение нескольких десятилетий царский двор

был связан с Германией, являясь ее союзником в Первой мировой войне. В экономике в целом сельскохозяйственной страны большую роль играл германский капитал. Дипломатические отношения с Советским Союзом были установлены в 1934 году.

С началом Второй мировой войны и перенесением боевых действий в зону Средиземного моря все заинтересованные стороны старались укрепить свое влияние на Балканах. Гитлер в октябре 1940 года предложил царю Борису III вступить в Тройственный пакт, обещая поддержку болгарских территориальных претензий к Греции относительно Западной Фракии, но София опасалась осложнить отношения с Англией, Турцией, Югославией и СССР. Советское правительство предложило заключить договор о взаимопомощи, «который поможет Болгарии в осуществлении ее национальных устремлений не только в Западной, но и Восточной Фракии», и организовать поставки оружия. Одновременно советская дипломатия, быстро привыкшая общаться языком секретных протоколов, неоднократно предупреждала Берлин, что считает Болгарию «зоной безопасности СССР». Англия и США надеялись удержать Болгарию на позициях нейтралитета.

20 ноября к Тройственному пакту присоединилась Венгрия, 23 ноября — Румыния. На Софию давили все. Гитлер, уже подписавший директиву о вторжении в Грецию, предусматривавшую использование болгарской территории, обещал обеспечить неучастие Болгарии в войне. Советский Союз регулярно напоминал, что только он «способен гарантировать безопасность Болгарии» при сохранении «ее нынешнего режима и удовлетворений ее исторических требований». Англо-американцы усиленно отговаривали от принятия советских предложений.

Болгарское руководство прекрасно понимало, что сближение с Англией означает втягивание в войну, а сближение с СССР чревато социальными переменами. Намек на возможность сохранения «нынешнего режима» царю Борису, надо думать, особенно понравился. В этой обстановке вступление в Тройственный пакт в Софии посчитали меньшим из зол. 15 января 1941 года Германия согласилась удовлетворить болгарские требования о получении выхода к Эгейскому морю, и 20 января Болгария решила присоединиться к Тройственному пакту на условиях невмешательства в англо-

германскую войну и содержания Германией своих войск на болгарской территории. Однако под германским нажимом 2 февраля София взяла на себя расходы по содержанию частей вермахта, и в тот же день было подписано военное соглашение, по которому болгарская армия ставилась фактически под германский контроль.

1 марта болгарское правительство объявило о присоединении к Тройственному пакту, в тот же день на территорию страны вступили германские войска, предназначенные для вторжения в Грецию и Югославию, а 5 марта Англия разорвала с Софией дипломатические отношения. 6 апреля вермахт начал операцию на Балканах, которая закончилась капитуляцией Югославии 17 апреля и Греции — 23 апреля.

После балканской кампании немецкие войска были выведены из Болгарии. Болгарское правительство не объявило войны Советскому Союзу и не присоединилось к Германии в момент ее нападения на СССР. И хотя Англия и США формально находились в состоянии войны с Болгарией, Советский Союз с ней не воевал, и в Москве и Куйбышеве в течение всей войны находился болгарский посланник. Немцы использовали Болгарию как источник сырья и военно-морскую базу на Черном море.

Летом 1943 года после смерти царя Бориса правительство назначило регентский совет при малолетнем наследнике престола Симеоне.

С лета 1941 года в стране начало разворачиваться активное движение Сопротивления. Поскольку присутствие немцев на территории Болгарии не носило характер оккупации, то и движение это не являлось по сути антифашистским. Оно было направлено на свержение «реакционного» буржуазно-демократического режима, изменение существующего строя и создания нового общества по советской модели. Естественно, что организатором и руководителем движения была Болгарская рабочая партия коммунистов. Компартия звала трудящихся на борьбу с «монархофашистской диктатурой», стремясь вовлечь в борьбу как можно более широкие массы народа. В июне 1941 года сформировался первый партизанский отряд, а уже в апреле 1943-го по решению ЦК БРП был организован Главный штаб Народно-освободительной повстанческой армии. Тяготы военного времени, разорение хозяйства, ужесточение

полицейского режима расширяло социальную базу Сопротивления.

17 апреля 1944 года Советское правительство предъявило ноту, в которой обращалось внимание болгарского правительства на несовместимость нормальных отношений между СССР и Болгарией с такими фактами, когда, в связи со все ухудшающимся военным положением Германии, портовые города Варна и Бургас были превращены в германские базы. В этот период они активно использовались для эвакуации войск из Крыма. Кремль предложил болгарам немедленно прекратить использование Германией болгарской территории и портов против Советского Союза. Единственным результатом принятия такого решения могла быть только оккупация страны. Кроме того, советское правительство выразило пожелание восстановить советское консульство в Варне, а также учредить консульства в Бургасе и Русе.

В ноте от 18 мая советское правительство отметило, что правительство Болгарии «выискивает предлоги, чтобы уклониться от прямого предложения... об открытии советских консульств в Болгарии», и предупредило, что без удовлетворения этих требований «оно будет считать невозможным сохранение отношений с Болгарией как с государством, которое помогает и намерено помогать впредь гитлеровской Германии в войне против Советского Союза».

Болгарские представители все обвинения упорно отрицали, напоминая, что не принимают участия в войне против СССР.

Одновременно пришедшее к власти правительство Багрянова искало возможности заключения мира с Англией и США: «Болгарские монархофашисты, боясь своего народа и вступления Красной Армии в Болгарию, соглашались на оккупацию страны англо-американскими войсками». Однако эти зондажи не привели к выходу Болгарии из войны.

К августу 1944 года вопрос о консульствах потерял актуальность, 12 августа в новой ноте вопрос был поставлен прямо и конкретно: «Если Болгария думает как-либо выйти из тупика, то в настоящее время вопрос может стоять только о разрыве Болгарии с Германией». Через неделю началось триумфальное наступление войск 2-го и 3-го Украинских фронтов. Еще через три дня пало правительство Антонеску. На болгарскую территорию отходили остатки немецких

войск, разгромленных в Румынии. Германские корабли и транспортные суда перебазировались в болгарские порты.

26 августа правительство Багрянова заявило о том, что Болгария, соблюдая полный нейтралитет, в соответствии с Гаагской конвенцией будет разоружать немецкие войска, которые откажутся оставить ее территорию. Болгарский Генеральный штаб с ведома правительства официально уточнил с германским командованием порядок беспрепятственного отхода немецких войск из Болгарии. Так же поступил командующий болгарским флотом, не предпринявший никаких действий против находившихся в болгарских портах немецких кораблей. Болгарское правительство упорно не хотело ни с кем воевать. Генерал Шнекенбургер, представлявший в Болгарии германское командование как «фиктивное интернирование, под которым понимается интернирование для внешнего эффекта».

Гораздо больше правящие круги Болгарии опасались советского присутствия. В секретном докладе Багрянова регенту князю Кириллу 31 августа глава правительства рекомендовал делать все, чтобы воспрепятствовать вступлению советских войск на болгарскую землю. Одновременно он считал, что необходимо и дальше вести переговоры с представителями Англии и США и ни в коем случае не допустить «большевизации» страны.

Дальнейшее обострение внутривосточного кризиса, возникшего в связи с выходом Красной Армии к границам страны, привело к отставке правительства Багрянова и формированию 2 сентября нового правительства во главе с К. Муравиевым — одним из правых лидеров Болгарского земледельческого народного союза. Новое правительство, просуществовавшее всего семь дней, денонсировало Тройственный пакт, заявило об эвакуации болгарских экспедиционных войск из оккупированных районов Греции и Югославии, а также о намерении ускорить переговоры с Англией и США о заключении перемирия, освободило всех политических заключенных и военнопленных союзников, распустило политическую полицию. О разрыве отношений с Германией было сказано, что он будет осуществлен, если немецкие войска в Болгарии откажутся разоружиться.

Правительство СССР сочло это недостаточным и 5 сентября объявило Болгарии войну. С объявлением Советским Союзом войны Болгарии США и Англия были вынуждены

прекратить политические переговоры с ее представителями. 6 сентября болгарской делегации в Каире было сообщено, что в дальнейшем они могут вестись лишь при участии СССР.

«Объявление Советским Союзом войны фашистскому правительству Болгарии не наносило никакого ущерба интересам болгарского народа. Наоборот, оно являлось решающим условием его освобождения». Вот только болгарскому правительству в течение пяти лет удавалось избавлять свой народ от участия во всемирной войне, теперь ему придется взяться за оружие.

Приближение Красной Армии позволило болгарским коммунистам перейти к непосредственной подготовке вооруженного восстания. 2 сентября ЦК БРП принял решение поднять народ на борьбу за свержение правительства и установление власти Отечественного фронта. По решению софийского окружного комитета было создано оперативное бюро по вооруженной охране стачек и демонстраций, предусматривавшихся планом восстания в столице. Главный удар планировалось нанести по Военному министерству сводным отрядом и перешедшими на сторону Отечественного фронта воинскими частями. К началу восстания в стране действовало 11 партизанских бригад и 38 отрядов общей численностью 18 тысяч человек, а вместе с членами боевых групп — до 30 тысяч человек.

Основные силы 3-го Украинского фронта к началу сентября 1944 года заняли румыно-болгарскую границу на участке от Джурджу до Мангалии. Войска 2-го Украинского фронта, преследуя отходящего противника, 6 сентября вышли на румыно-югославскую границу в районе Турну-Северина и изолировали от Болгарии те немецкие соединения, которые вели бои в Восточных Карпатах и Трансильвании.

Стратегическая обстановка на южном крыле советско-германского фронта позволяла штабу Толбухина в короткие сроки подготовить и осуществить операцию по занятию Болгарии. С разгромом группы армий «Южная Украина» оборона противника в Румынии развалилась, а германские войска, действовавшие в Югославии, Албании и Греции, оказались изолированными от карпатско-трансильванской группировки, оборонявшейся в северо-западной части Румынии и в Венгрии.

Болгария имела армию общей численностью 450 тысяч человек. Она состояла из пяти общевойсковых армий и двух экспедиционных корпусов — всего 22 дивизии и 7 бригад. Девять дивизий и две кавалерийские бригады находились на оккупационной службе в Югославии и Греции. Когда начался их отвод в Болгарию, немецкие войска напали на них и разоружили некоторые части. Управление ими было утрачено. Большинство остальных соединений дислоцировалось южнее Балканского хребта. В северо-восточной части страны, где разворачивались действия 3-го Украинского фронта, стояло 4 дивизии. В черноморских портах Варна, Бургас и в дунайском порту Русе (Рушук) находились немецкие и болгарские корабли. Общая численность немецких войск в Болгарии, с учетом частей, отошедших из Румынии, в конце августа оценивалась в 30 тысяч человек.

Германское командование стремилось сохранить свои позиции в Болгарии. Оно руководствовалось указаниями Гитлера, который 31 июля 1944 года в разговоре с генералом Йодлем сказал, что «без Болгарии мы практически совершенно не в состоянии обеспечить спокойствие на Балканах». В конце августа немецкий посол в Болгарии А. Бекерле заявил регентам, что германские войска в ближайшее время не намерены оставлять Болгарию. Руководство рейха вынашивало планы организации государственного переворота в Болгарии и прихода к власти в качестве главы правительства лидера болгарских фашистов А. Цанкова, намечалось перебросить в Болгарию немецкие войска из Югославии.

5 сентября, в день объявления войны Болгарии, советская Ставка утвердила план Болгарской операции, разработанный Военным советом 3-го Украинского фронта при участии представителя Ставки маршала Жукова. В ходе ее войска Толбухина должны были выйти на рубеж Джурджу, Карнобат, Бургас, овладеть портами Варна и Бургас, захватить флот противника и освободить приморскую часть Болгарии. Их продвижение планировалось на глубину до 210 км.

3-й Украинский фронт имел в составе 46-й, 57-й и 37-й армий около 258 тысяч человек, 5583 орудия и миномета, 508 танков и САУ, 1026 боевых самолетов. Для действий в южной части Добруджи в направлении Айтос, Бургас сосредоточивались все его силы — 28 стрелковых дивизий, 2 механизированных корпуса и 17-я воздушная армия. Для

поддержки наступления на этом направлении привлекались также три штурмовые авиадивизии 2-го Украинского фронта.

Черноморский флот должен был блокировать Варну и Бургас, с подходом подвижных войск фронта высадить морской десант и совместно с ними овладеть этими портами. Дунайская флотилия, переданная 30 августа в оперативное подчинение Толбухину, должна была захватить на Дунае в районе порта Русе все плавсредства противника, прикрыть действия сухопутных войск от возможных ударов его кораблей и во взаимодействии с 46-й армией овладеть портом.

Отсутствие заранее подготовленной обороны, невысокая плотность болгарских войск и почти полная уверенность советского командования в том, что они не окажут сопротивления, позволили не планировать артиллерийскую и авиационную подготовку наступления. Было решено начать наступление выдвиганием в колоннах передовых подвижных отрядов, вслед за ними через час выдвинуть авангардные полки дивизий первого эшелона корпусов, а затем и главные силы всех трех общевойсковых армий.

Командование фронта придавало особое значение быстрому освобождению Варны и Бургаса, так как это лишало противника последних баз на Черном море и неизбежно вело к гибели его флота. «Решительное наступление войск 3-го Украинского фронта должно было вызвать панику и растерянность среди правящих кругов Болгарии и явиться сигналом для начала народного вооруженного восстания».

8 сентября в 11 часов утра войска 3-го Украинского фронта перешли румыно-болгарскую границу передовыми отрядами, а спустя полтора часа — главными силами. Без единого выстрела они стремительно продвигались по своим маршрутам в юго-западном направлении. Первые донесения командиров полков и дивизий не оставляли сомнения в том, что болгарская армия не окажет сопротивления советским войскам. Население восторженно приветствовало Красную Армию. Учитывая это, Сталин дал указание болгарские войска не разоружать. К исходу первого дня операции подвижные войска фронта продвинулись до 70 км и вышли на рубеж Русе, Варна. На рассвете 8 сентября в порту Варна высадились главные силы морского десанта, а в 13 часов в порту Бургас — отряд численностью около 4000 человек. Перед этим в Бургас был выброшен воздушный десант.

Вечером 8 сентября Ставка уточнила задачу войскам фронта, приказав на другой день продвигаться в направлении Бургас и Айтос, овладеть ими и выйти на линию Русе, Разград, Тырговиште, Карнобат. Выполняя эту задачу, подвижные соединения 9 сентября продвинулись до 120 км.

С вступлением советских войск на территорию Болгарии правительство Муравиева объявило войну Германии, однако 9 сентября оно было свергнуто. К власти пришло правительство Отечественного фронта во главе с Кимоном Георгиевым, которое обратилось к СССР с просьбой о перемирии. В тот же день новое правительство издало приказ об аресте регентов и всех членов старых правительств, проводивших «прогерманскую, антинародную политику». В Софию из Москвы заспешили лидеры заграничного руководства компартии.

В связи с этими событиями Ставка 9 сентября в 19 часов направила Толбухину новую директиву. В ней говорилось: «Ввиду того что болгарское правительство порвало отношения с немцами и объявило войну Германии и просит советское правительство начать переговоры о перемирии, Ставка Верховного Главнокомандования согласно указаниям Государственного Комитета Обороны приказывает к 21 часу 9 сентября закончить операцию по занятию намеченных по плану населенных пунктов и с 22 часов 9 сентября с. г. прекратить военные действия в Болгарии, прочно закрепившись в той полосе Болгарии, которая занята нашими войсками».

В тот же день Сталин подписал приказ: «Операции наших войск в Болгарии были начаты потому, что болгарское правительство не хотело разорвать свои отношения с Германией и давало приют немецким вооруженным силам на территории Болгарии. В результате успешных действий наших войск цель военных операций достигнута: Болгария разорвала свои отношения с Германией и объявила ей войну. Тем самым Болгария перестала быть опорой немецкого империализма на Балканах, каковой она была в течение последних тридцати лет».

Со стороны Германии последовали антиболгарские акции. Началось сосредоточение немецких войск на югославно-болгарской границе. Северо-западные районы страны и особенно район Софии оказались не защищенными от возможных ударов наземных войск группы армий «Ф»

и авиации противника. Не исключалась также возможность вторжения в Болгарию под каким-либо предлогом турецких войск из Восточной Фракии. Советские же войска остановились в 300 км от Софии и в 360—400 км от болгаро-югославской границы.

Вечером 9 сентября находившийся в Москве Георгий Димитров обратился с просьбой к советскому командованию принять в штабе 3-го Украинского фронта полномочную делегацию нового правительства.

10 сентября генерал Толбухин принял делегацию, возглавляемую членом Политбюро КПБ Д. Ганевым. Она проинформировала командование фронта о вооруженном восстании, политической платформе правительства Отечественного фронта и его желании как можно быстрее заключить перемирие со странами антигитлеровской коалиции и попросила военную помощь. Последнюю просьбу советская стороны удовлетворила немедленно.

12 сентября Толбухину было присвоено звание Маршала Советского Союза.

13 сентября Ставка дала указание направить в Софию начальника штаба 3-го Украинского фронта генерала С.С. Бирюзова для руководства действиями советских войск и организации взаимодействия с болгарской армией через Генеральный штаб Болгарии. Одновременно было приказано выдвинуть в район Софии 34-й стрелковый корпус и перебазировать туда часть сил 17-й воздушной армии. 15 сентября советские войска вступили в Софию, три дня спустя они заняли положение к северо-западу и юго-западу от города, оседлав дороги, ведущие к столице.

17 сентября болгарская армия поступила в оперативное подчинение советского командования. 20 сентября последовала директива Ставки о переброске войск 3-го Украинского фронта в западные и южные районы страны. Войска 57-й армии, совершив 500-километровый марш, к концу сентября вышли на болгаро-югославскую границу. 37-я армия и 4-й гвардейский механизированный корпус к тому времени были сосредоточены в районах Казанлык, Нова-Загора, Ямбол. Это надежно обеспечивало левое крыло фронта и безопасность южных районов Болгарии. Главные силы болгар сосредоточивались на направлении София, Ниш для действий в последующем на левом фланге Толбухина.

С освобождением Болгарии и выходом советских войск на границу с Югославией создавались более благоприятные условия для разгрома вермахта на территории Югославии, Греции и Албании.

В ходе оккупации, то есть освобождения, Болгарии Красная Армия потеряла всего лишь 154 человека погибшими и 514 ранеными, еще 11 773 бойца маялись дизентерией.

28 октября 1944 года СССР, Великобритания и США подписали с Болгарией Соглашение о перемирии.

«В результате седьмого удара была освобождена Молдавская ССР, выведены из строя союзницы Германии — Румыния и Болгария, которые объявили ей войну. Советская Армия получила широкие возможности для наступления в Венгрии, на Балканах и для глубокого охвата фашистских войск с юга.

Советская стратегия продемонстрировала искусный выбор направления главных ударов двух взаимодействующих фронтов, умелую организацию операций на окружение крупных группировок противника с их последующим уничтожением, создание благоприятных предпосылок для проведения в дальнейшем девятого сталинского удара».

В нашей литературе действия Красной Армии в Румынии и Болгарии упорно именуется «Освобождением» и подсчитывается «цена освободительной миссии». Поскольку речь идет о занятии войсками в ходе войны территории суверенных и враждебных Советскому Союзу государств, правильнее будет говорить об их оккупации и замене существующего строя. Тем более советские войска продолжали оставаться здесь и после войны на протяжении еще четырнадцати лет, продолжая «освобождать» румынский и болгарский народы от «реакционных капиталистических правительств» и контролируя процесс становления «подлинно народно-демократических» — коммунистических режимов на Балканах.

Поэтапно были использованы все рецепты «советизации» и теории классовой борьбы. Сначала была сломана старая государственная машина, распущен «полицейско-фашистский» парламент, произведена чистка в государственном аппарате и армии, распущена полиция, закрыты «фашистские» газеты и конфискованы типографии. В армии был введен институт помощников командиров по политической части.

Вскоре было объявлено, что софийский народный суд будет судить за фашистскую деятельность 653 человека, в том числе 126 бывших министров и членов парламента. Это было только начало.

Присутствие Красной Армии на болгарской территории «благоприятствовало дальнейшему развитию революции в Болгарии в 1944—1947 гг.» по образу и подобию большевистской революции, вплоть до физической ликвидации представителей династии. В Болгарии разворачивался коммунистический террор, были уничтожены тысячи представителей имущих классов, «реакционной» интеллигенции и офицерства, казнены почти все члены царской семьи, включая несовершеннолетнего царя.

В первом правительстве Отечественного фронта из шестнадцати министров было лишь четыре коммуниста. Но у компартии была реальная власть. По мере ее укрепления из правительства исчезали «буржуазные элементы», а за «элементами» и партии, которые они представляли. Далее все шло по известному сценарию: ликвидация провинившихся перед пролетариатом классов, чистки самой партии от различных уклонов и их носителей, создание комиссии по установлению агентов и провокаторов, борьба со шпионами и врагами народа, принятие пятилетнего плана, курс на строительство социализма, культ личности Сталина и его «меньшого брата» — Вылко Червенкова...

Ветеран Коминтерна Георгий Димитров, выступая на V съезде партии, прямо указал, что власть болгарских коммунистов держится на советских штыках: «9 сентября 1944 года политическая власть в нашей стране была вырвана из рук капиталистической буржуазии, эксплуататорского монархо-фашистского меньшинства и перешла в руки громадного большинства народа, трудящихся города и деревни, при активной и руководящей роли рабочего класса и его коммунистического авангарда... Необходимо определенно подчеркнуть, что если наступление внутренней и международной реакции на нашу страну в этот период не приняло характера открытых вооруженных действий, то это объясняется не только решительными мерами народной власти, бдительностью и энергией нашей партии, но и в значительной степени наличием в стране частей Советской Армии-освободительницы, которые самим фактом своего присутствия в известной степени сковывали действия реакции».

В Румынии, в силу того, что количество коммунистов в стране не превышало одной тысячи человек, процесс «демократизации» развивался несколько медленнее, но тоже в правильном направлении. И здесь присутствие Красной Армии «сдерживало силы реакции и тем самым благоприятствовало развитию революции... Оно создало необходимые условия и предпосылки для последующего разгрома господствующих классов помещиков и капиталистов...»

На первом этапе, когда главная проблема заключалась в скорейшем выводе Румынии из войны, советское правительство не выдвинуло никаких возражений против состава нового правительства Румынии, сформированного из представителей четырех главных политических партий. Коммунисты и социал-демократы были представлены в нем двумя министрами без портфелей. Очень скоро выяснилось, что премьер Санатеску — «реакционный генерал», а члены правительства — «ставленники крупного капитала и помещиков». Они нагло потребовали разоружения не желавших служить в армии и осуществлявших «революционный захват» государственных учреждений и предприятий на местах отрядов пролетариев. Компартия Румынии не могла мириться с таким положением, а Союзная контрольная комиссия не могла ее не поддержать. Уже 4 ноября комиссия через румынские газеты выразила недовольство ходом выполнения условий Соглашения о перемирии. После опубликования меморандума правительство Санатеску ушло в отставку. Было образовано новое правительство, но и в нем возобладало «реакционное большинство», не зараженное большевизмом, а Санатеску вновь стал премьером.

Член Военного совета 2-го Украинского фронта с возмущением докладывал в Политбюро: «Государственный аппарат не очищается от реакционных элементов... В Бухаресте издается несколько десятков газет, за которыми установлен лишь частичный контроль. Такое же положение в радиовещании, издательских, зрелищных предприятиях и т. д.»

Для «борьбы за демократические преобразования и мирное развитие революции» коммунисты, социал-демократы, Фронт земледельцев и объединенные профсоюзы создали Национально-демократический фронт.

2 декабря после организованных фронтом массовых демонстраций в Бухаресте, просуществовав менее месяца, второе правительство пало. Его сменил кабинет генера-

ла Н. Радеску, оказавшийся «не менее реакционным», хотя число представителей НДФ в нем возросло. В феврале 1945 года в ряде городов были организованы массовые демонстрации с требованиями отставки правительства Радеску и организован ряд провокаций со стрельбой по манифестантам (стреляли в народ, конечно, некие «реакционеры», причем прямо из окон королевского дворца!). Советские военные власти объявили, что не могут допустить, чтобы в тылу Красной Армии существовала столь напряженная обстановка, газета «Правда» опубликовала статью, в которой недвусмысленно подчеркивалось, что «генерал Радеску ведет политику, во многом похожую на фашистскую диктатуру Антонеску». Представители Народно-демократического фронта 27 февраля потребовали отставки кабинета.

Наконец, 2 марта король был вынужден поручить формирование нового «правительства концентрации демократических сил» председателю Фронта землевладельцев Пётру Грёзе, являвшемуся одним из руководителей НДФ. Дальше дело пошло легче, поскольку сами коммунисты утверждают, что: «Если говорить о классовой сущности власти в Румынии после 6 марта 1945 г., о реальном соотношении борющихся в стране классов, то это была революционно-демократическая диктатура пролетариата и крестьянства». В кратчайшие сроки были приняты закон о проведении аграрной реформы, роспуске «реакционного сената», закрытии «профашистских газет», создании однопалатного парламента и проведении выборов.

Используя «военно-административный ресурс», материальную помощь СССР, недовольство народа прежними государственными структурами, приведшими страну к военному поражению, обещая землю, демократические реформы и повышение уровня жизни, КПР и ее партнеры по левому блоку в ноябре 1946 года получили 84% избирательных мандатов. 30 декабря 1947 года «по требованию народных масс» король Михай отрекся от престола. Решением парламента была провозглашена Румынская Народная Республика. После уничтожения монархии и изгнания короля в феврале 1948 года произошло слияние Компартии и Социалистической партии в единую и единственную в стране Румынскую рабочую партию. Остальные политические объединения и организации, как пособники фашизма и империализма, занимавшиеся «антинародной вредительской

деятельностью», были ликвидированы в ходе политических процессов и репрессий против их лидеров и активистов.

Дальнейший путь страны копирует исторический опыт большевиков: национализация, борьба с космополитизмом, «за чистоту рядов» в партии, разгром «правого уклона», гонения на интеллигенцию, форсированная индустриализация, кооперирование крестьян, культурная революция, строительство «основ социализма» на базе плановой экономики.

«Мы славу, славу Сталину поем и по пути его вперед идем».

Все это время «органы советского военного командования по-прежнему бдительно стояли на страже интересов Советского Союза». Румыния оставалась «тылом» Красной Армии до 1958 года.

Вместо «коричневой чумы» Восточной Европе прививалась «красная лихорадка». Сравнивая Сталина и Гитлера, профессор Тревор-Рупер отметил: «Иногда считают, что Гитлер и Сталин — фундаментально противоположные явления, один крайне правый диктатор, другой — крайне левый. Это не так. Оба, в сущности, хотя по-разному, стремились к одинаковой власти, основанной на одинаковых классах и поддерживаемой одинаковыми методами. И если они боролись и оскорбляли друг друга, они делали это не как несовместимые политические антиподы, а как хорошо подобранные соперники. Они восхищались, изучали и завидовали методам друг друга; их общая ненависть была направлена против западной цивилизации XIX века, которую оба открыто желали уничтожить».

Характерно, что вся эта «народная власть» как карточный домик рухнула одновременно с Советским Союзом. Вконец обанкротившийся «национальный коммунизм» в так и оставшейся нищей после всех социальных и экономических экспериментов Румынии закончился в 1989 году расстрелом супружеской четы Чаушеску.

ВОСЬМОЙ СТАЛИНСКИЙ УДАР

«...стратегическая наступательная операция в целях разгрома немецких войск в Прибалтике и завершения освобождения Прибалтийских республик».

Борьба за Прибалтику была продолжительной и носила исключительно ожесточенный характер. Она началась в феврале 1944 года, а закончилась лишь в мае 1945-го.

После малорезультативного весеннего наступления Красной Армии с рубежа реки Нарвы и восточных подступов к Пскову, Острову, Идрице и Полоцку на всех действующих здесь фронтах установилась пауза, длившаяся до июля 1944 года.

Немцы имели в Прибалтике довольно крупную группировку войск, располагали хорошо развитой дорожной сетью, позволявшей активно маневрировать имеющимися силами и средствами по внутренним коммуникациям, создали глубокую многополосную оборону, пользовались массовой поддержкой местного населения. Оборона имела четыре основных узла: Нарвский, Псковский, Островский и Рижский. Для действий против каждого из них советское командование создало по отдельному фронту.

Частая смена командующих, перетасовка кадров вообще были свойственны сталинскому стилю руководства. Но вторая половина 1943-го — первая половина 1944 года характеризуется самой настоящей чехардой в военной иерархии и организации. Создавались, расформировывались и снова создавались, порой на том же месте и с теми же задачами, но с новым руководством, фронты. Нередко без всякой военной необходимости с севера на юг и обратно перемещались фронтовые управления и штабы, с должности на должность скакали командующие. На новом месте надо было заново изучать театр противника, собственные войска, но почти всегда на это не доставало времени, так как новые назначения и реорганизации, как правило, были

связаны с устранением прежних недостатков и подготовкой новых операций. Все это, несомненно, негативно сказывалось на организации боевых действий, а резко выросшее в результате дробления сил количество фронтов плодило массу тыловой бюрократии (в июле 1944 года в штатах имелось более 9000 генеральских должностей), рост рядов которой несколько не влиял на улучшение снабжения войск.

Так, 10 октября 1943 года решением Ставки был ликвидирован вышедший к реке Сож и планировавший операцию на рогачевском направлении Брянский фронт. Фронтное управление во главе с генералом Поповым передало войска соседям и отправилось в Великие Луки формировать Прибалтийский (он же 2-й Прибалтийский фронт). Зато штаб расформированного 20 ноября Северо-Западного фронта от Великих Лук переехал в район южного Полесья, чтобы возглавить созданный 17 февраля 1944 года 2-й Белорусский фронт. Этот фронт ликвидировали 5 апреля и 24 апреля восстановили вновь, но уже с другим командующим.

15 февраля, как уже говорилось, перестал существовать Волховский фронт, действовавший на псковско-островском направлении. Его армии перешли в подчинение Ленинградского фронта, а штаб с генералом Мерецковым убыл в Карелию. Буквально через месяц выяснилось, что «была допущена ошибка»: Ленинградский фронт действовал семью армиями на четырех важных операционных направлениях — от Карельского перешейка до Новоржева — и не смог добиться успеха ни на одном из них. Поэтому 21 апреля на псковско-островском направлении вновь был создан фронт — 3-й Прибалтийский. Генерал А.И. Еременко за первое полугодие 1944 года побывал командующим трех фронтовых объединений. Генерал И.Е. Петров за это же время успел поруководить Отдельной Приморской армией, 33-й армией и 2-м Белорусским фронтом.

Как вспоминает генерал Сандалов, на его недоуменный вопрос, зачем тащить с центрального направления на север весь громоздкий аппарат фронтного управления, «ответственный работник Ставки» назидательно сказал: «Пора бы вам, Леонид Михайлович, знать, что не всегда причины такого рода перестановок нужно искать в их оперативной целесообразности». Пора и нам уяснить, что нередко военные решения и кадровые перестановки в Красной Армии являлись результатами аппаратных игр, диктовались карьерны-

ми соображениями и амбициями различных группировок. Народу любое, даже самое ошибочное решение подавалось как подтверждение мудрости и прозорливости высшего руководства.

Уже летом 1944 года Управление кадров приходило в ужас при мысли о том, куда девать прорву генералов после войны. Генерал Голиков докладывал: *«Требования на присвоение новых и новых генеральских званий не прекращаются и не ослабевают. Особенно они велики по линии службы тыла Красной Армии (в то же время они наиболее сдержанные по линии действующей армии и общевойсковой линии). Нагляднее всего это проявляется со стороны Управления тыла, где ярко выражено стремление как можно больше произвести генералов и возвести их в высший ранг.*

Уже сейчас в службе тыла имеется 326 генералов, что составляет к общему числу 11,04%».

И каких генералов! Голиков приводит несколько наиболее одиозных случаев:

«1. Начальник административно-хозяйственного управления Поленов В.В. Он только 20.12.42 г. получил звание генерал-майора. В Красной Армии прослужил всего лишь 6 лет и 5 месяцев, из которых один год рядовым, 5 лет военкомом финуправления и 5 месяцев начальником административно-хозяйственного управления НКО. Военного образования никакого не имеет. Он с успехом мог бы и сейчас быть вполне в звании «полковник интендантской службы». Столь стремительного движения в званиях нет даже в Действующей армии.

2. Начальник Управления базы Центра НКО Азизбеков А.М. в Красной Армии всего лишь 8 месяцев, ни опыта, ни военного образования, ни стажа службы в армии совершенно не имеет.

3. Начальник 1-го отдела Интендантского управления Чистяков В.А. Хотя в армии он с 1918 г., но вся его служба с 1920 г. проходила только в военно-хозяйственном управлении НКО, на канцелярских должностях, начиная с младшего делопроизводителя по положению не выше майора—подполковника, и сейчас он занимает должность не генерала, а только полковника. С 1920 г. ни одного месяца службы в войсках...»

Из почти трех тысяч советских полководцев в генеральских чинах непосредственно в войсках находилось чуть больше трети.

И орденосцев в тылах было гораздо больше, чем на

передовой. Генерал Штеменко, прибыв на 2-й Белорусский фронт, заметил сразу: «...поражало почти полное отсутствие в боевых подразделениях людей, отмеченных правительственными наградами. Орденов и медалей не получили даже те из солдат, сержантов и командиров взводов, рот и батальонов, которые воевали с первого дня войны, не раз проявляли героизм и имели по несколько ранений. А вот в тылах награжденных наблюдалось многовато». Зато на груди жуковской военно-полевой подруги поместилось десять орденов и медалей.

Многоопытный штабист, всю войну возглавлявший аппараты армий, направлений и фронтов, генерал-полковник А.П. Покровский в юбилейном сборнике, посвященном тридцатилетию освобождения Белоруссии, отмечал: «Если в начале войны у нас было образовано четыре фронта, то летом 1944 года их стало уже более десяти. Некоторые фронты возникли вследствие расширения общего фронта борьбы, и поэтому их появление закономерно. Однако формирование ряда фронтовых управлений вызывает сомнение. Их образование требовало большого числа квалифицированных командиров, тыловых частей и учреждений, органов связи и частей охраны. К тому же на организацию и сколачивание нового управления отводилось крайне ограниченное время, это, естественно, отражалось отрицательно на руководстве войсками. Появление фронтов с небольшим составом войск вносило существенное изменение в понятие об их предназначении как оперативно-стратегических организмов. Эти изменения автоматически отражались и на армиях, которые из оперативных объединений превращались в оперативно-тактические, а подчас и просто в тактические. Все это отрицательно сказывалось на управлении войсками». Даже это небольшое частное замечание выбивалось из общего хора оратории на тему безошибочности руководства, и редакторы сборника — гражданские штафирки, но, естественно, доктора и кандидаты, — не вникая в суть вопроса, поспешили дать сноску: «Суждения автора статьи по этому вопросу не представляются бесспорными».

Суждения Покровского напрямую касаются северо-западного направления, где против трех германских армейских группировок группы армий «Север» летом 1944 года действовали четыре фронта, а на каждый немецкий корпус, состоявший в основном из трех дивизий, приходилась одна

советская армия, имевшая в среднем 8—9 стрелковых дивизий, танковый или механизированный корпус, 3—4 танковых и самоходно-артиллерийских полка. Вот генерал Штенко хорошо понимал, что 3-й Прибалтийский фронт не являлся «оперативно-стратегическим организмом», просто Говоров и его штаб не справлялись с руководством большой массой войск: «Создавая новое фронтовое объединение, мы отлично понимали, что больших перспектив оно не имеет. В 400 километрах перед ним простиралось уже море. Но и в пределах такой дальности действий ему предстояло решить весьма значительные **оперативные задачи**».

К вопросу Прибалтики советская Ставка вернулась в ходе проведения операции «Багратион». В начале июля 1944 года к северу от Даугавы на фронте протяженностью более 650 км оборонялась группа армий «Север», в которую входили 16-я и 18-я армии и оперативная группа «Нарва» — всего около 38 дивизий. Используя особенности местности, изобилующей лесными массивами и реками, германское командование создало прочную оборону на глубину до 200 км. Однако положение группы «Север» осложнялось успехами советских войск в Карелии и в Белоруссии. Германское командование вынуждено было перебросить из оперативной группы «Нарва» 122-ю пехотную дивизию на помощь финнам; стремительное продвижение Красной Армии в Белоруссии привело к глубокому охвату всего правого крыла группы и заставило направить в группы армий «Центр» 12-ю танковую и 212-ю пехотную дивизии. Неблагоприятно складывалась обстановка в районе Даугавпилса, где возникла реальная угроза отсечения группы армий «Север».

Против нее действовали соединения 2-й ударной и 8-й армий Ленинградского фронта, а также войска 3-го Прибалтийского фронта в составе 42-й, 67-й, 1-й ударной и 54-й армий и войска 2-го Прибалтийского фронта — 10-я гвардейская, 3-я ударная и 22-я армии. К югу от Даугавы вели наступление 4-я ударная и 6-я гвардейская армии 1-го Прибалтийского фронта. В них насчитывалось 75 стрелковых дивизий, 1 танковый корпус, значительное количество танковых, артиллерийских, инженерных и других частей. Каждый фронт имел по одной воздушной армии.

С целью освобождения Прибалтики и содействия войскам, развивавшим наступление в Белоруссии, Ставка решила развернуть активные наступательные действия север-

нее Даугавы. 4 июля перед войсками 2-го Прибалтийского фронта под командованием генерала Еременко она поставила задачу разгромить вражескую группировку в районе Идрица, Себеж, Дрисса и овладеть рубежом Резекне, Даугавпилс. В дальнейшем им предстояло наступать на Ригу и во взаимодействии с фронтом Баграмяна перерезать коммуникации, соединяющие прибалтийскую группировку противника с Германией. Фронт Еременко наносил два удара: один — на правом крыле, обходя Идрицу с севера, другой — на левом, в направлении Даугавпилса.

Через двое суток получил задачу и 3-й Прибалтийский фронт генерал-полковника И.И. Масленникова. Войскам его правого крыла предстояло разгромить псковско-островскую группировку, выйти на рубеж Остров, Гулбене и занять Псков. В последующем фронт должен был освободить Тарту, Пярну и отрезать противника в районе Нарвы. Левым крылом фронту предстояло перерезать железную дорогу Остров—Резекне, затем освободить район Гулбене. Это должно было привести к свертыванию обороны противника в районе Острова и севернее его.

21 июня Ставка утвердила решение командующего Ленинградским фронтом начать с 24 июля наступление на Нарвском перешейке.

Войска 2-го Прибалтийского фронта генерала армии А.И. Еременко имели 31 стрелковую дивизию, 2 укрепленных района, 4 стрелковые и 3 отдельные танковые бригады, 6 танковых и самоходно-артиллерийских полков и 5-й танковый корпус — 232 тысячи бойцов и командиров, около 600 танков.

Перед фронтом оборонялись 10 пехотных дивизий 2-го, 10-го армейских корпусов и 6-го добровольческого корпуса СС, костяк которого составляли 15-я и 19-я латышские ваффен-гренадерские дивизии. Общая численность войск противника оценивалась в 72 тысячи человек, 1299 орудий и минометов, 130 танков и штурмовых орудий.

Генерал Еременко решил нанести главный удар силами 10-й гвардейской армии генерал-лейтенанта М.И. Казакова и 3-й ударной армии генерал-лейтенанта В.А. Юшкевича в общем направлении на Резекне. На левом фланге 22-я армия генерал-лейтенанта Г.П. Короткова, в состав которой входил 130-й латышский стрелковый корпус, и 4-я ударная армия генерал-лейтенанта П.Ф. Малышева, переданная из

1-го Прибалтийского фронта, — в нее входила 16-я литовская дивизия — должны были наступать на Даугавпилс.

Наличие в составе Прибалтийских фронтов национальных частей имело чисто политическое значение. Их обычно берегли до момента вступления на «родную» им территорию. Маршал Баграмян вспоминает, как получил 16-ю литовскую дивизию с соответствующими указаниями Верховного: «...вести литовцев в сражение только с вступлением войск на территорию Литвы» и передал дивизию в оперативное подчинение генералу Малышеву «без права ввода ее в сражение». В состав Латышского корпуса под командованием генерал-майора Д.К. Брандкална входили 308-я и 43-я гвардейская дивизии. Впрочем, вопрос о том, сколько в них было собственно латышей, неясен, так как солдатскую основную массу в них представляли все национальности страны. Так, начальник политотдела 43-й гвардейской дивизии доносил в политуправление фронта:

«Во 2-й стрелковой роте 121-го гвардейского стрелкового полка была слышна песня, которую поочередно запевали на татарском, латышском, русском и еврейском языках, а припев пели всей ротой на русском языке».

Для развития успеха в полосе 4-й ударной в прорыв намечалось ввести 5-й танковый корпус генерал-майора М.Г. Сахно — 260 танков и самоходных установок. Несмотря на то что войскам предстояло действовать в пересеченной лесисто-болотистой местности, оптимист Еременко поставил армиям задачу в первый день преодолеть 80—90 км и окружить вражескую группировку в районе Себежа.

Операцию обеспечивала 15-я воздушная армия генерал-лейтенанта Н.Ф. Науменко, имевшая 546 боевых самолетов.

Тяжелые бои, развернувшиеся под Даугавпилсом, сдерживали продвижение фронта Баграмяна, что создавало угрозу его правому крылу. Поэтому сроки торопили.

10 июля войска 2-го Прибалтийского фронта перешли в наступление. Сломив сопротивление противника, армии Еременко за два дня прорвали линию его обороны на 150-километровом фронте и продвинулись на 35 км. 13 июля армия Юшкевича наконец отбила «злополучную» Идрицу. В этот же день на левом крыле войска Малышева овладели Дриссой и устремились к Даугавпилсу. 15 июля после тяжелых и кровопролитных боев от немцев был очищен город

Опочка, еще через два дня 3-я ударная и 22-я армии штурмом взяли Себеж.

16 июля 1944 года на рубеже Ольховка—Великий Бор подразделения 130-го стрелкового корпуса «первыми вступили на землю Латвии». Тут же состоялись многочисленные «стихийные митинги», на которых «политработники-латыши горячо рассказывали о том, что близится час полного освобождения родной земли и латвийский народ вновь обретет свое счастье, свободу и независимость, влившись равноправным членом в семью народов первого в мире социалистического государства».

Войска 2-го Прибалтийского фронта, прорвав пять оборонительных рубежей, продвинулись на запад до 90 км, и подошли к Лубанской низменности. 23 июля они заняли Лудзу, где тут же разместились руководство компартии и правительство Советской Латвии, а 27 июля овладели Резекне и во взаимодействии с 1-м Прибалтийским фронтом они выбили немцев из Даугавпилса.

Генерал Еременко доложил Ставке об уничтожении более 60 тысяч солдат противника и 6600 взятых в плен. Потери фронта в Режицко-Двинской операции составили 12 880 человек убитыми и 45 115 ранеными.

Войска 3-го Прибалтийского фронта — 258 тысяч человек, 4432 орудия и миномета, 591 реактивная установка, 189 танков — готовили прорыв линии «Пантера» на рубеже Псков, Остров. Главный удар наносился смежными флангами 1-й ударной армии генерал-лейтенанта Н.Д. Захватаева и 54-й армии генерал-лейтенанта С.В. Рогинского в обход наиболее сильного Островского укрепленного района в общем направлении на Балвы, Гулбене. Войска правого крыла и центра на первом этапе операции должны были активными действиями, то есть фронтальными атаками, сковывать противника, не позволяя ему перебрасывать силы к участку прорыва. Присматривать за действиями командующего фронтом Сталин послал генерала Штеменко, впервые получившего статус представителя Ставки.

Фронту противостояли 12 пехотных, авиаполевых и охранных дивизий 28, 38-го и 50-го армейских корпусов. Враг не был особенно многочисленным, но в обороне сидел прочно и давно.

11—16 июля 54-я армия, используя успех войск соседнего 2-го Прибалтийского фронта, уничтожила группы при-

крытия противника на восточном берегу реки Великая и захватила плацдарм на другой стороне.

17 июля перешли в наступление войска ударной группировки фронта. За два дня они прорвали оборону 50-го немецкого армейского корпуса на фронте до 70 км и продвинулись на 40 км в глубину. 21 июля перешла в наступление 67-я армия генерал-лейтенанта В.З. Романовского. Она прорвала долговременную оборону противника на островском направлении и при содействии 1-й ударной армии штурмом овладела городом Остров — сильнейшим опорным пунктом на пути к центральным районам Прибалтики. Под угрозой обхода оказалась псковская группировка противника. Используя общий успех, войска 42-й армии генерал-лейтенанта В.П. Свиридова 22 июля начали боевые действия по овладению Псковом и на следующий день совместно с частями армии Романовского очистили город от оккупантов.

После освобождения Острова и Пскова и выхода войск правого крыла на западный берег реки Великая фронт получил задачу развивать наступление главными силами на Валгу с выходом в тыл тартуской и нарвской группировкам противника. В связи с этим основные усилия переносились в полосу 1-й ударной армии, которой была передана часть сил 54-й армии. Преодолевая возрастающее сопротивление, войска Масленникова вышли на линию восточнее Гулбене, Алуксне, Петсери и здесь были остановлены на новом оборонительном рубеже противника — линии «Мариенбург».

Потери фронта составили 33 584 человека убитыми и ранеными.

Две армии Ленинградского фронта — 136 тысяч человек при поддержке более 1000 орудий, в том числе калибра 203 и 305 мм, — начали третье сражение за Нарву. Замысел операции заключался в том, чтобы одновременными ударами с севера через реку Нарва силами 2-й ударной армии генерала Федюнинского и с юга, с нарвского плацдарма, 8-й армией генерал-лейтенанта Ф.Н. Старикова выйти в тыл группировке противника, окружить и разгромить ее, далее — Таллин и Тарту.

На перешейке с начала 1944 года оборонялась оперативная группа «Нарва» в составе пяти пехотных дивизий и 3-го танкового корпуса СС, в который входили 11-я моторизованная дивизия «Нордланд», созданная из иностранных

добровольцев арийского происхождения (датчане, финны, голландцы и прочие шведы), панцергренадерская бригада «Нидерланды» и 20-я ваффен-гренадерская эстонская дивизия. Все это дало повод назвать боевые действия вокруг Нарвы «Битвой европейских СС». У них было вполне достаточно времени, чтобы создать многополосную оборону с развитой системой траншей и ходов сообщений, большим количеством долговременных огневых точек.

Советское наступление началось по плану 24 июля. Первыми нанесли удар войска 8-й армии. Их продвижение в северо-западном направлении создало угрозу путям отхода противника и вынудило германское командование начать отвод своих войск из-под Нарвы. В связи с этим с утра 25 июля в наступление перешла армия Федюнинского. Ее соединения при мощной поддержке артиллерии и авиации, а также кораблей Балтфлота и береговых батарей форсировали Нарву, овладели западным берегом реки и к утру следующего дня освободили город Нарва. Продвинувшись еще на 20 км на запад, советские войска 30 июля были остановлены противником на новом рубеже — «Танненберг». Обход его с флангов был невозможен.

Советские потери к 30 июля — официальной дате окончания наступательной операции — оцениваются в 23 287 человек убитыми и ранеными. Однако лобовые атаки немецкой обороны продолжались до 10 августа.

27 июля Ставка обязала Прибалтийские фронты нанести решающие удары по группе армий «Север», направления ударов оставались прежними.

2-й Прибалтийский фронт без паузы приступил к проведению так называемой Мадонской операции на стыке 18-й и 16-й немецких армий. Армиям Еременко предстояло пробиться через лесисто-болотистую Лубанскую низменность, изобилующую топями, мелкими водоемами и речушками и, обеспечивая себя с севера, наступать в общем направлении на Ригу. При этом у фронта отбиралась 4-я ударная армия, которая перебрасывалась на западный берег Даугавы и вновь поступала в распоряжение штаба Баграмяна. В телефонном разговоре с Генеральным штабом Сандалов предложил вместо усиления войск Баграмяна одной армией передвинуть за Даугаву основные силы 2-го Прибалтийского фронта и вместе с ним развивать наступление на Ригу с запада и с юга. В этом случае не пришлось бы лезть в болота и прорывать

укрепленные линии противника: «Не вы первый делаете такое предложение, — ответил Антонов, — но Верховный не согласен. Он считает, что, во-первых, при таком решении сила удара по рижской группировке будет ослаблена. Во-вторых, переброску сейчас делать поздно. А кроме того... — Антонов сделал небольшую паузу, как бы подбирая нужные слова, — надо учесть еще и то, что льджню-то к Риге проделал Первый Прибалтийский...

После этих слов продолжать разговор уже не имело смысла. И мы на этом его закончили».

Боевой участок 4-й ударной армии приняла 22-я армия. По реке Даугава установилась разграничительная линия фронтов. Генерал Еременко, вооружившись лозунгом: «Как бы ни были сложны природные преграды, советский солдат сумеет преодолеть их», двинул оставшиеся у него три армии по кратчайшему расстоянию на Ригу.

Но темп их продвижения был невысок. Войска, по выражению Сандалова, «копошились в болотах», преодолевая 5—6 км в сутки.

«Втянувшись в болота, они были вынуждены продвигаться вброд, по колено, а то и глубже, в болотной топи, проходить большие расстояния в условиях полного бездорожья. Временами было невозможно даже сделать привал, чтобы люди отдохнули. Кругом стояла ржавая вода и засасывала трясина. Осуществляя тяжелые обходы, часто на десятки километров, воины перетаскивали на своих плечах пулеметы, минометы и боеприпасы к ним. Люди падали от изнеможения и при первой возможности засыпали» («Борьба за Советскую Прибалтику в Великой Отечественной войне. 1941—1945»). По наблюдению генерала Чистякова, и вода в местных болотах была глубже, и даже комаров больше, чем в родной Калининской области.

Лишь 7 августа, преодолев на подручных средствах реку Айвиексте, войска фронта продвинулись на 50—60 км и закончили «форсирование» Лубанской низменности. 13 августа 10-я гвардейская армия одновременным ударом с трех направлений овладела городом и железнодорожной станцией Мадона.

Маршал Еременко считал, что сильно обогатил этим военную науку: «Боевые действия... показали, что бои в условиях болот ведутся главным образом за дороги, дамбы, насыпные переезды через топи, на которых противник обыч-

но создает узлы сопротивления. Основным методом борьбы является просачивание стрелковых подразделений с 82-мм минометами через болота с задачей неожиданными ударами с тыла содействовать частям, ведущим фронтальное наступление, в захвате дорог и срыве планомерного отхода врага». Наш стратег не объясняет только, зачем было в течение десяти суток «просачивать» через топи три армии с тяжелым вооружением и танковый корпус в придачу (правда, к этому времени у генерала Сахно остался 81 танк), когда, по данным его штаба, «оборону в Лубанской низменности держала сначала только 19-я латышская дивизия СС».

Бывший командующий 10-й гвардейской армией генерал Казаков не скрывает своего скепсиса: «Более тяжелую для наступления войск полосу трудно было придумать... Против нас действовали лишь мелкие неприятельские отряды, и, по правде говоря, мы больше думали тогда о преодолении природных трудностей. Среди операторов открыто дебатировался вопрос: а следовало ли вообще заставлять 10-ю гвардейскую армию месить болота? Не лучше ли обойти этот район войскам фронта с севера и юга, держа нас пока во втором эшелоне. Гвардейцы бы отдохнули, пополнились техникой и личным составом, а с выходом фронта к Видземской возвышенности армию можно было снова задействовать на главном направлении. Сейчас я твердо убежден, что именно так и следовало сделать».

Несколькими страницами ниже и сам маршал подтверждает, что толку от этого «суворовского перехода» было немного: «Наши надежды на то, что с преодолением лубанских болот войска фронта выйдут на оперативный простор и продвижение на Ригу будет развиваться в более стремительном темпе, не оправдались. В течение первой половины августа (пока Еременко «просачивался») враг, закрепившись на заранее подготовленных рубежах, оказывал бешеное сопротивление».

С вводом в дело 23 августа свежей 42-й армии западнее Мадоны войска 2-го Прибалтийского фронта продвинулись в центре еще на 25 км, потеряли 65 тысяч человек, почти все танки и вынуждены были остановиться.

10 августа возобновил наступление 3-й Прибалтийский фронт. Главный удар на Выру и Тарту наносили смежными флангами армии Романовского и Захватаева. В первый же день они прорвали главную полосу обороны и продвину-

лись на 10 км. Развивая успех, соединения 67-й армии при содействии 1-й ударной 13 августа овладели городом Выру. Продвижению советских войск на тартуском направлении содействовал десант под командованием генерал-лейтенанта А.А. Гречкина, высаженный 16 августа бригадой речных кораблей на западный берег Чудского озера в районе Мехикормы.

24 августа дивизии Романовского ворвались в город, а на следующий день полностью заняли его. К концу августа войска фронта вышли своим правым крылом на реку Эмайыги, а центром и левым крылом на восточный берег озера Выртсьярв, восточнее Валги и вновь были остановлены. Отразив неприятельские контратаки, они были вынуждены 6 сентября перейти к обороне.

В результате операции войска Масленникова не смогли выполнить поставленные задачи, но, продвинувшись на 100—130 км, создали выгодные условия для выхода во фланг и тыл нарвской группировке противника. Советские потери — 71 806 человек.

ПРИБАЛТИЙСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

В результате одновременных операций нескольких фронтов положение противника в Прибалтике серьезно ухудшилось, но разгромить его снова не удалось. В ходе летнего наступления Ленинградского, 3-го, 2-го и 1-го Прибалтийских фронтов советские войска к осени вышли на рубеж город Нарва, Чудское озеро, севернее Тарту, озеро Выртсьярв, Гулбене, Мадона, Крустпилс, Добеле, Расейняй.

Немецкие дивизии с тяжелыми потерями отошли на новый рубеж, протянувшийся от Нарвского залива до границ Восточной Пруссии. Они оказались прижатыми к Балтийскому морю на ограниченной территории, а их главные силы — глубоко охваченными с юга. На рубеже от Финского залива до Добеле оборонялись войска группы армий «Север» под командованием генерала Шернера. В нее входили по-прежнему 16-я и 18-я армии, оперативная группа «Нарва». Южнее, на участке от Добеле до реки Неман, занимала оборону 3-я танковая армия группы армий «Центр». Всего в составе прибалтийской немецкой группировки было 56 дивизий, в том числе 5 танковых и 2 моторизованные, и 3 моторизованные бригады, в них насчитывалось 730 тысяч

солдат и офицеров, 7000 орудий и минометов, 1216 танков и штурмовых орудий. С воздуха они поддерживались 400 самолетами 1-го и частично 6-го воздушных флотов.

Германское командование придавало большое значение удержанию этого стратегически важного района, так как потеря его еще более осложняла военно-политическое и экономическое положение Германии и в то же время создавалось выгодное положение для наступления советских войск в Восточную Пруссию с северо-востока. Потеря Прибалтики вела к резкому ухудшению базирования и затруднению деятельности германского флота на Балтийском море.

Противник ожидал основных ударов советских войск у Мадоны и Валги и надеялся, что ему удастся сохранить здесь свои позиции. Вместе с тем руководство группы армий «Север» опасалось наступления войск 1-го Прибалтийского фронта на Ригу из района Елгавы, Добеле. Продвигаясь здесь по кратчайшему пути, они могли перехватить все сухопутные коммуникации, ведущие в Восточную Пруссию, и изолировать немецкие войска в Прибалтике. Учитывая вероятность такого удара, германское командование сосредоточило юго-западнее Елгавы наиболее сильную группировку, включив в нее все пять танковых дивизий, которыми оно располагало в Прибалтике.

На этом участке проводились большие мероприятия по инженерному усилению обороны. Сюда же нацеливалась значительная часть авиации. Эта группировка получила задачу упорно удерживать оборонительные рубежи, расширить коридор южнее Тукумса и обеспечить свободу сообщений группы армий «Север» с Курляндией и Восточной Пруссией. Немцы опасались также за участок фронта, примыкавший к реке Даугава с севера, где советские войска могли нанести удар на Ригу с востока. На случай обострения обстановки в районе оперативной группы «Нарва» планировался отвод ее войск на оборонительный рубеж «Цесис».

Стремясь стабилизировать фронт и сорвать советское наступление, противник срочно возводил здесь дополнительные оборонительные сооружения, усиливал группировку своих войск. Была создана развитая глубоко эшелонированная многополосная оборона, особенно на рижском направлении. Обилие рек, озер и лесисто-болотистая местность способствовали ведению оборонительных действий и затрудняли наступление.

К разгрому прибалтийской группировки советское командование привлекало все силы левого крыла Ленинградского фронта и войска 3-го, 2-го и 1-го Прибалтийских фронтов — 14 общевойсковых, одну танковую и четыре воздушные армии. Всего эти фронты имели 135 стрелковых дивизий, 6 укрепленных районов, 7 танковых и 1 механизированный корпус, 11 отдельных танковых бригад — 1 546 400 человек, около 17 500 орудий и минометов, 3080 танков и САУ, 3500 боевых самолетов с учетом морской авиации и АДД.

В операции участвовали также силы Балтийского флота.

Общим стратегическим замыслом предусматривалось: изоляция прибалтийской группировки немцев от остальных сил вермахта, выход советских армий к побережью Рижского залива и уничтожение противника по частям. Главные удары, согласно директиве Ставки от 29 августа, наносились силами трех Прибалтийских фронтов в общем направлении на Ригу с северо-востока, с востока и юга. Общее руководство их операциями возлагалось на маршала Василевского.

Задача войск 3-го Прибалтийского фронта (1-я ударная, 54-я, 67-я полевые, 14-я воздушная армии), которому передавались из резерва 61-я армия, 10-й танковый корпус и 2-я гвардейская артиллерийская дивизия, состояла в том, чтобы нанести удар главными силами из района Сангасте в направлении Валмиера, Рига. Одновременно они должны были развернуть наступление навстречу войскам 2-го Прибалтийского фронта.

2-му Прибалтийскому фронту (3-я ударная, 10-я гвардейская, 22-я, 42-я общевойсковые, 15-я воздушная армии), наносившему основной удар в направлении Нитауре, Рига, предстояло разгромить противника севернее Даугавы и овладеть Ригой.

Перед войсками 1-го Прибалтийского фронта (2-я и 6-я гвардейские, 4-я ударная, 43-я, 51-я общевойсковые, 5-я гвардейская танковая, 3-я воздушная армии) Ставка поставила задачу силами правого крыла наступать из района Бауска в направлении Вецмуйжа, Иецава, разгромить группировку противника, действующую южнее Даугавы, и выйти к побережью Рижского залива, перерезав пути отхода войскам группы армий «Север». На левом крыле они должны были в оборонительных боях измотать танковую группировку немцев и ни в коем случае не допустить ее прорыва на елгавском и шяуляйском направлениях. Кроме того, что-

бы достигнуть наибольшей прочности кольца окружения, генерал Баграмян принял решение подготовить дополнительный удар в общем направлении на Кемери с целью разгромить тукумскую группировку противника, перерезать железную и шоссейную дороги Рига—Тукумс и выйти на побережье Рижского залива.

2 сентября была поставлена задача Ленинградскому фронту маршала Говорова. Ему предстояло, перебросив 8 стрелковых дивизий 2-й ударной армии с нарвского участка в район Тарту, нанести удар в направлении Раквере, выйти в тыл нарвской группировке противника и в дальнейшем наступать на Таллин. В решении этих задач содействие фронту оказывал находившийся в его оперативном подчинении Балтийский флот под командованием адмирала В.Ф. Трибуца.

Фронты Черняховского и Баграмяна оставались на попечении маршала Василевского. Маршал Говоров, оставаясь командующим Ленинградским фронтом, должен был в качестве представителя Ставки координировать действия Масленникова и Еременко — очередной сталинский эксперимент, стоивший Говорову здоровья.

Начало наступления Прибалтийских фронтов Ставка назначила на 14 сентября, а Ленинградского фронта в связи с осуществлением крупной и сложной перегруппировки войск на тартуский участок — 17 сентября.

Таким образом, главные усилия советских войск в операции сосредоточивались на разгроме концентрическими ударами рижской группировки противника. Три Прибалтийских фронта, наступая в общем направлении на Ригу, должны были охватить и уничтожить основные силы группы армий «Север». Наступление планировалось в полосе шириной до 500 км, оборона прорывалась на семи участках, составлявших 76 км, где советское командование сосредоточило около 80 процентов наступающих стрелковых дивизий со средствами усиления.

Тупо-прямолинейный план стратегической Прибалтийской операции выглядит разительным контрастом в сравнении с действиями Красной Армии в Белоруссии. Причем в ходе подготовки, словно в старые недобрые времена, фронты совершенно не взаимодействовали друг с другом. «Раньше, — пишет генерал Сандалов, — готовясь к межфронтным операциям, мы обычно устраивали встречи,

обменивались соображениями, договаривались о взаимодействии. Обычно на них присутствовали начальники штабов, члены Военных советов и командующие артиллерией. Иногда представители Ставки проводили нечто вроде совещания с участием командующих фронтами. На этот раз ничего подобного не было». В конечном счете все сводилось к соцсоревнованию фронтов в последовательном прогрызании оборонительных рубежей на пути к Риге в сочетании с подспудной надеждой, что вот-вот немцы сами уйдут из Прибалтики.

Рижская операция началась 14 сентября 1944 года одновременным наступлением Прибалтийских фронтов после мощной артиллерийской и авиационной подготовки.

Наибольших результатов в первый день операции добился 1-й Прибалтийский фронт. Мощная артиллерийская подготовка и удары авиации 3-й воздушной армии в районе Бауска оказались особенно эффективными. Перешедшие в наступление в 13 часов войска 43-й армии Белобородова и 4-й ударной армии Малышева продвигались вперед, почти не встречая организованного сопротивления. Против 16 стрелковых дивизий, поддержанных тремя танковыми бригадами, тяжелыми танковыми и самоходно-артиллерийскими полками и артиллерией большой мощности (только в полосе 43-й армии действовали 368 танков и более 1000 артиллерийских стволов калибра до 203 мм), у немцев здесь имелось три пехотные дивизии 1-го армейского корпуса. Ударные группировки за полтора часа преодолели главную оборонительную полосу противника на участке в 25 км, а передовые части форсировали реки Лиелупе и Мемеле и к исходу дня на отдельных направлениях продвинулись до 14 км. Развивая успех, армия Белобородова на второй день прорвала тыловую оборонительный рубеж. Передовой отряд 3-го гвардейского механизированного корпуса, устремившийся в прорыв, 16 сентября продвинулся вперед на 50 км и достиг Даугавы, а стрелковые соединения вышли на подступы к Балдоне.

По-иному развивались события к северу от Даугавы. Ударные группировки 3-го и 2-го Прибалтийских фронтов сумели лишь вклиниться в оборону противника на 1—3 км. Немцы, обнаружив их подготовку к наступлению, на ряде участков отвели основную массу войск с переднего края на вторую позицию и здесь оказали упорное сопротивление.

«Изометрическая гимнастика» продолжалась на второй и на третий день операции. Несмотря на ввод в бой большинства стрелковых дивизий, составлявших вторые эшелоны, войска не смогли преодолеть главную полосу обороны противника, хотя семи советским армиям с немецкой стороны противостояли четыре армейских корпуса и 6-й корпус СС.

«Мало было также танков и самоходных орудий непосредственной поддержки пехоты, — анализирует обстановку Сандалов. — Сказывалось и то, что мы не проявили должной гибкости и изобретательности. Удары наносились все время в одни и те же места, стремясь прорваться именно там, где было намечено. А ведь, наверное, можно было придумать какой-нибудь обходной маневр. Но предложить изменения в принятый план наступления никто не решался: он был разработан Ставкой и утвержден Сталиным. А это означало, что никакие доводы не будут приняты во внимание».

Потери обеих сторон были велики, но сил у немцев было намного меньше. Генерал Шернер докладывал высшему руководству о том, что для германских войск в Прибалтике наступил последний момент: все резервы уже введены в сражение, неатакованные участки обороны оголены до предела, на направлениях главных ударов советских войск потери составляют от одной трети до половины всего численного состава дивизий, боеспособность войск катастрофически падает, силы группы армий «Север» исчерпаны, и она не в состоянии вести длительные оборонительные сражения. По его мнению, оставалась одна возможность — отступить.

16 сентября гитлеровская Ставка разрешила отвод оперативной группы «Нарва» из Эстонии. Затем войска 18-й армии должны были оставить рубеж «Валга» и вместе с влившимися в нее соединениями группы «Нарва» занять оборону на рубеже «Цесис». Однако натиск советских войск вынудил противника отойти еще дальше — на оборонительный рубеж «Сигулда».

Одновременно германское командование принимало срочные меры для локализации опасного прорыва 1-го Прибалтийского фронта. 16 сентября 3-я танковая армия силами двенадцати моторизованных батальонов при поддержке до 300 танков и штурмовых орудий нанесла контрудар из района юго-западнее Добеле во фланг и тыл изготовившихся к наступлению войск 5-й гвардейской танковой

и 51-й армий. В районе Балдоне по армии Белобородова последовал удар 16-й армии силами шести дивизий, в том числе двух танковых и одной моторизованной. На этих участках разгорелись особенно ожесточенные бои. Некоторые позиции переходили из рук в руки по несколько раз. Лишь 18 сентября 43-й армии удалось взять Балдоне. Однако дальнейшее продвижение, несмотря на ввод в сражение 19-го танкового корпуса генерал-майора Д.И. Самарского, застопорилось. Ослабляя свои силы перед другими фронтами, генерал Шернер сумел сколотить южнее Риги мощную группировку. По признанию Баграмяна: «Теперь трудно было определить, кто наступает, а кто обороняется. Если на одном участке фашистам приходилось обороняться, то на других наши войска вынуждены были отбивать контратаки».

Утром 17 сентября перешли в наступление войска Ленинградского фронта, начавшие **Таллинскую операцию**.

В Эстонии немцы подготовили позиционную оборону, насыщенную многочисленными инженерными сооружениями и заграждениями. Наибольшее развитие оборона получила на Нарвском перешейке и между озерами Чудское и Выртсыярв. Войска 8-й и 2-й ударной армий левого крыла фронта имели в своем составе 16 стрелковых дивизий, 3 укрепленных района — 195 тысяч человек. По замыслу операции главный удар четырнадцатью дивизиями наносила 2-я ударная армия Федюнинского в направлении Раквере, в тыл нарвской группировке противника. В последующем, повернув главные силы на запад, она должна была наступать на Таллин. Армии придавались 15 артиллерийских и минометных бригад, танковая бригада, 12 танковых и самоходно-артиллерийских полков — 2040 стволов и около 500 танков и САУ. Для обеспечения непрерывной поддержки продвижения войск на каждый стрелковый полк выделялось два минометных.

8-й армии генерала Старикова ставилась задача быть в готовности к немедленному переходу в наступление с рубежа река Нарва на запад в случае ослабления обороны противника или его отхода на этом участке.

В период подготовки операции войска 2-й ударной армии были в короткие сроки скрытно от противника перегруппированы с нарвского участка в район Тарту. Переправу их (свыше 100 тысяч человек, более 1000 орудий и мино-

метов, 4000 автомашин, 14 тысяч тонн боезапаса и 67 тысяч тонн продовольствия) через озеро Теплое успешно осуществила 25-я отдельная бригада речных кораблей, которая в дальнейшем поддерживала огнем своей артиллерии правофланговые соединения армии, наступавшие вдоль западного побережья Чудского озера. Она же обеспечивала высадку одной дивизии 8-й армии на северном берегу Чудского озера, в тылу нарвской группировки противника.

Против войск Федюнинского на рубеже реки Эмайыги оборону держали три пехотные дивизии 2-го армейского корпуса под командованием генерала Хассе. По данным разведки, немцы имели 120 танков и штурмовых орудий. Противник и здесь на период артиллерийской подготовки отвел с переднего края основную массу живой силы и артиллерии.

Наступление 2-й ударной армии началось после мощной артиллерийской и авиационной подготовки. 13-я воздушная армия и военно-воздушные силы КБФ произвели более 600 самолето-вылетов. Пехота и танки быстро прорвали главную полосу неприятельской обороны, форсировав при этом на своем правом фланге реку Эмайыги. К концу дня они продвинулись на глубину от 5 до 18 км. Наибольшего успеха добился 8-й эстонский стрелковый корпус, наступавший при поддержке 25-й отдельной бригады речных кораблей вдоль западного берега Чудского озера.

Продвижение дивизий Федюнинского вынудило германское командование ускорить отвод оперативной группы «Нарва», который для войск Ленинградского фронта оказался неожиданным. 18 сентября 2-я ударная армия начала преследование отходящего противника. В ночь на 19 сентября перешла в преследование 8-я армия. Ее войска за двое суток продвинулись до 90 км и вышли в район Раквере. Поэтому дальнейшее продвижение 2-й ударной армии в северном направлении стало нецелесообразным, и командующий фронтом повернул ее основные силы на запад, а подвижную группу армии и эстонский корпус передал в состав 8-й армии, развивавшей удар на Таллин.

Преследуя отступавшего противника, войска Ленинградского фронта быстро продвигались в западном и юго-западном направлениях. 22 сентября армия Старикова освободила Таллин. Содействуя наступлению сухопутных войск, Балтийский флот высадил десанты в бухтах Кунда, Локса,

в Таллин, Палдиски и овладел островом Найссар северо-западнее Таллина. Войска Федюнинского 23 сентября освободили Пярну, а к исходу 26 сентября, продвигаясь вдоль морского побережья на юг, вступили на территорию Латвии. В этот день генерал Федюнинский получил приказ прекратить преследование: 2-я ударная выводилась в резерв Ставки. Эстафету приняла 67-я армия 3-го Прибалтийского фронта.

В результате Таллинской операции советские войска вытеснили оперативную группу «Нарва» и заняли всю материковую часть Эстонии. Противник был вынужден вывести свои силы из Финского залива.

Войска 3-го Прибалтийского фронта только 21 сентября, используя успех Ленинградского фронта, завершили прорыв неприятельской обороны на всю тактическую глубину. В сущности, обеспечив выход группы «Нарва» к Риге, немецкие арьергарды перед фронтом Масленникова сами оставляли позиции, причем очень быстро: советские части преследовали их на автомашинах.

23 сентября соединения 10-го танкового корпуса освободили город Валмиера, а 61-я армия генерала П.А. Белова, действовавшая на левом фланге фронта, вышла в район Смилтене. Ее войска во взаимодействии с частями 54-й армии генерала Рогинского к утру 26 сентября овладели городом Цесис.

2-й Прибалтийский фронт к этому времени в ходе напряженных боев смог протаранить линию «Цесис», но темп его продвижения не превышал 5—7 км в сутки. Немцы разбиты не были, отступали организованно и грамотно: «Неприятель отходил перекатами. Пока одни его части удерживали занимаемые позиции, отошедшие в тыл оборудовали новые. И каждый раз нам приходилось снова пробивать вражескую оборону. И без того скудные запасы снарядов таяли на глазах. Армии вынуждены были взламывать укрепления на узких участках — шириной 3—5 км. Дивизии проделывали еще меньшие щели, и в них тотчас вводились вторые эшелоны. Они-то уже и расширяли фронт прорыва. В последние сутки бои велись и днем и ночью... Ломая упорнейшее сопротивление противника, 2-й Прибалтийский фронт медленно приближался к Риге. Каждый рубеж давался с большим трудом».

В докладе Верховному Главнокомандующему о ходе операции в Прибалтике маршал Василевский объяснял это не

только тяжелыми условиями местности и упорным сопротивлением противника, но и тем, что фронт слабо маневрировал пехотой и артиллерией, мирился с привязанностью войск к дорогам, излишне резервировал пехотные соединения.

Войска Баграмяна в это время были заняты отражением сильных контрударов противника. 22 сентября 43-й армии удалось выбить немцев из Балдоне и отбросить их к северу. Лишь в полосе 6-й гвардейской армии, которая прикрывала левый фланг ударной группировки фронта, нацеленной на Ригу с юга, противнику удалось вклиниться в оборону советских войск до 6 км.

Немецкое командование, считаясь с реальностью угрозы отсечения войск группы армий «Север» от Восточной Пруссии, принимало все меры к усилению своей обороны на подступах к Риге, особенно перед фронтом Баграмяна, войска которого находились в 16 км от города.

К 24 сентября немецкие войска, действовавшие против левого крыла Ленинградского фронта, главными силами отошли к Риге, а часть сил закрепились на островах Моонзундского архипелага. Войска группы армий «Север» понесли значительные потери. В то же время в результате отхода основных сил группы фронт сократился на 300 км. Это позволило ее командованию значительно уплотнить боевые порядки войск на рижском направлении. На рубеже «Сигулда» протяженностью 105 км между Рижским заливом и северным берегом Даугавы оборонялись 17 дивизий и примерно на таком же фронте южнее Даугавы до Ауце — 14 дивизий, в том числе 3 танковые. Этими силами, занявшими заранее подготовленные оборонительные рубежи, германское командование стремилось задержать дальнейшее продвижение советских войск, а в случае неудачи — отвести группу армий «Север» в Восточную Пруссию.

Девять советских армий в конце сентября уперлись в оборонительный рубеж «Сигулда» и были остановлены.

Штеменко: «Раздробить неприятельскую группировку и на этот раз не удалось. Она отошла с боями на заранее подготовленный рубеж в 60—80 километрах от Риги. Наши войска, сосредоточенные на подступах к столице Латвии, буквально прогрызали оборону противника, методично, метр за метром выталкивая его. Такое течение операции не сулило быстрой победы и было связано с большими для нас потерями».

Советское высшее командование все более убеждалось в том, что продолжение наступления лобовыми атаками на прежних направлениях не дает ничего, кроме роста потерь, и не обеспечивает отсечение немецких войск от Восточной Пруссии. Ставка признала, что «операция под Ригой развивается неудовлетворительно». Поэтому 24 сентября было принято решение переместить главные усилия в район Шяуля и нанести удар на мемельском направлении, то есть сделать то, что Баграмян предлагал еще в августе.

В связи с этим командующий генерал Еременко получил приказ, не приостанавливая движение севернее Даугавы, к 3 октября перевести 3-ю ударную и 22-ю армии на южный берег реки и сменить здесь армии 1-го Прибалтийского фронта. Войска 2-го Прибалтийского фронта должны были во взаимодействии с 3-м Прибалтийским фронтом разгромить противостоящие силы противника, овладеть Ригой и очистить от немцев побережье Балтийского моря от Риги до Лиепая. 1-му Прибалтийскому фронту предстояло провести новую наступательную операцию, с тем чтобы прорвать неприятельскую оборону к западу и юго-западу от Шяуля и выйти на побережье на участке Паланга, Клайпеда (Мемель), устье реки Неман, отрезав тем самым прибалтийской группировке пути отхода. Начало операции Ставка назначила на 1—2 октября. К участию в ней была привлечена также 39-я армия 3-го Белорусского фронта — 6 стрелковых дивизий и 1 стрелковая бригада.

Войска Ленинградского фронта должны были во взаимодействии с Балтийским флотом очистить от немцев острова Моонзундского архипелага. 3-й Белорусский фронт 3 октября получил приказ подготовить и провести наступательную операцию на гумбинненском направлении, во взаимодействии с 1-м Прибалтийским фронтом разгромить противника и овладеть районом Кёнигсберга.

В конце октября войска Баграмяна прекратили наступление на рижском направлении и приступили к подготовке **Мемельской операции**. Провести ее предстояло в полосе 145 км на глубину до 130 км. Прорыв обороны намечался на двух участках, общая протяженность которых составляла 31 км. В состав фронта входили 2-я и 6-я гвардейская, 4-я ударная, 43-я и 51-я общевойсковые, 5-я гвардейская танковая, 3-я воздушная армии, два танковых и один механи-

зированный корпус — 51 стрелковая дивизия, 6 отдельных танковых бригад.

В период подготовки операции 1-й Прибалтийский фронт за шесть суток скрытно осуществил перегруппировку четырех общевойсковых и одной танковой армий, двух танковых и одного механизированного корпусов — около полумиллиона человек, свыше 9000 орудий и минометов и огромная масса боевой техники — на расстояние от 80 до 240 км. В результате было создано превосходство над противником в людях в 2,5, в артиллерии почти в 11, в танках и САУ более чем в 3 раза. На каждый километр прорыва выделялось до 200 артиллерийских стволов.

3-я ударная, которую ввиду болезни Юшкевича возглавил генерал-лейтенант Н.П. Симоняк, и 22-я армии 2-го Прибалтийского фронта заняли освободившийся участок южнее Даугавы.

Войска Баграмяна наносили главный удар силами 6-й гвардейской, 43-й, 51-й общевойсковых и 5-й гвардейской танковой армий на мемельском направлении и второй удар 2-й гвардейской армией с 1-м танковым корпусом — на тильзитском направлении. Наступление обеспечивалось с севера активными действиями в сторону Лиепая 4-й ударной армии и с юга — ударом 39-й армии из района Расейняй в направлении Таураге.

Перед фронтом оборонялись пять пехотных дивизий 3-й танковой армии, вытянутые в нитку на первом оборонительном рубеже. Так, на участке прорыва 43-й армии, где генерал Белобородов сосредоточил 9 стрелковых дивизий, немцы имели одну лишь 551-ю народно-гренадерскую — детище тотальной мобилизации. Правда, то же самое можно сказать и о советских соединениях, где выбитые бойцы заменялись малообученными призывниками: «Пополнение мы получили из недавно освобожденных районов Прибалтики, а также западных областей Украины и Белоруссии. Подавляющее большинство новобранцев в боях не участвовало, молодежь, естественно, не служила в армии, а люди старших возрастов проходили военную подготовку давно, еще в буржуазных армиях. Надо было в короткий срок ввести новое пополнение в боевой строй...» Главную опасность для наступающих представляли танковые соединения, находившиеся юго-западнее Риги.

Наступление началось 5 октября разведкой боем в поло-

сах 6-й гвардейской, 43-й и 2-й гвардейской армий. Во второй половине дня, после короткой, но мощной артиллерийской и авиационной подготовки, перешли в наступление и главные силы. Внезапность была достигнута полная. Уже в первый день армии Чистякова и Белобородова прорвали оборону противника на главном направлении и продвинулись в глубину до 17 км, а генерала Чанчибадзе — до 7 км.

Для развития успеха с утра второго дня операции командующий фронтом ввел в прорыв танковую армию генерала Вольского, которая начала стремительно продвигаться на запад, на Палангу и Клайпеду. Одновременно были введены в прорыв и подвижные группы 6-й и 2-й гвардейских армий — 19-й и 1-й танковые корпуса. 6 октября в сражение вступили войска 51-й, 4-й ударной и 39-й армий. Войска 3-го и 2-го Прибалтийских фронтов развернули наступление на рижском направлении.

За два дня советские войска прорвали оборону противника на всю тактическую глубину и поставили группу армий «Север» в критическое положение. Темпы наступления непрерывно нарастали. На шестой день операции войска Баграмяна на 35-километровом участке вышли к Балтийскому морю и завязали бои за Клайпеду. Особенно успешно действовали танкисты Вольского.

Группа армий «Север» второй раз была отрезана от Германии. Однако в последующем бои приняли затяжной характер. В районе Клайпеды противник оказал упорное сопротивление войскам 5-й гвардейской танковой и 43-й армий. Германское командование бросило здесь в бой силы отходивших частей 7-й танковой дивизии, моторизованной дивизии «Великая Германия», а также 58-й пехотной, переброшенной из-под Риги морем и занявшей заранее подготовленные оборонительные рубежи.

Напряженный характер носили бои и в полосах 6-й гвардейской и 51-й армий, которые были развернуты фронтом на север с задачей продвинуться к Лиепае. На правом фланге армия Малышева отражала яростные контратаки. В полосе 2-й гвардейской армии, а также 39-й и 5-й армий, наступавших севернее и южнее Немана, сопротивление противника тоже возросло. Немцы попытались восстановить сухопутную связь с Шернером, нанеся удар из Восточной Пруссии, однако были отброшены за Неман, к Тильзиту.

Интересно, что, практически полностью выполнив зада-

чи Мемельской операции, фронт Баграмяна не смог взять сам Мемель (Клайпеду). Город был хорошо укреплен, опоясывался четырьмя оборонительными рубежами с системой фортов. Их можно было взять с ходу, нацелив сюда ударную группировку, но на первом этапе советские войска рвались, а затем момент оказался упущенным. «На мой взгляд, — пишет генерал Белобородов, — главная причина заключалась в том, что, подходя к Мемелю, мы не собрали свои силы в кулак. Высокий темп наступления, походившего в иные дни на погоню, слишком захватил нас, армия рассредоточила свои силы на широком фронте. Каждое соединение стремилось первым выйти к морю... И получилось, что первоначальный удар по Мемельскому укрепленному району мы нанесли лишь одной третью тех сил, которыми располагали. ...армия вовремя не уловила момент, не сумела, когда было возможно, нацелить все в одну точку. Растянулись на широком фронте, была расплющенность удара, не было укола... Если бы Мемель взяли, операция была бы классической».

Немецкий гарнизон в Клайпедде под руководством штаба 40-го танкового корпуса держался еще три месяца.

Мощный удар на мемельском направлении оказал решающее влияние на всю обстановку в Прибалтике. Под воздействием этого удара командование группы армий «Север», не ожидая решения высшего командования, с утра 6 октября начало отводить свои силы из района Риги на Курляндский полуостров. Узнав о падении Паланги, Гитлер дал на это свое официальное «благословение».

3-й и 2-й Прибалтийские фронты перешли к преследованию, но по мере их приближения к Риге сопротивление противника нарастало. 8 августа Ставка с запозданием приказала генералу Еременко перебросить за Даугаву 42-ю и 10-ю гвардейскую армии — остальные силы 2-го Прибалтийского фронта. Войска Баграмяна, «проложивши лыжню» к Риге, теперь полностью переключались на другие задачи.

10 октября войска двух фронтов вплотную подошли к рижскому оборонительному обводу и двое суток прогрызали его первую полосу. Ранним утром 13 октября 67-я, 61-я и 1-я ударная армии 3-го Прибалтийского фронта начали штурм восточной окраины латвийской столицы. В течение дня войска генерала Масленникова очистили от противника правобережье и вышли к Даугаве. Мосты через реку ока-

запись взорванными. В этот день советскими средствами массовой информации было объявлено об освобождении Риги и произведен соответствующий случаю салют, хотя на южном берегу армии Еременко только приступили к прорыву второй полосы. Немцы здесь сражались упорно, обеспечивая эвакуацию войск и военного имущества. Так называемое Задвинье — западная часть города — была занята 10-й гвардейской армией лишь двое суток спустя. Последние части немецкого гарнизона ушли за реку Лиелупе.

16 октября 3-я ударная и 42-я армии нанесли удар от Дебеле на Салдус, Лиепаяу, а 1-я ударная — вдоль побережья Рижского залива на Тукумс, однако успех был незначителен. В трехдневных боях немцы сильными контратаками остановили продвижение советских дивизий и потеснили их назад. Для борьбы на сухопутном фронте, перенимая советский опыт, сошли на берег немецкие матросы и пошли в атаку со своей, немецкой «полундрой». Их удар приняла 150-я стрелковая дивизия полковника В.М. Шатилова, который вспоминает жестокий встречный бой:

«В стане противника установилось какое-то странное затишье. И вдруг сверху по склону покатила непривычная для глаза черно-бело-синяя лавина. Это были немецкие моряки. Они бежали в распахнутых бушлатах, под которыми пестрели тельняшки. За плечами у них не топырились горбами вещмешки. Ничего лишнего — только автоматы и гранаты. Я не раз слышал и читал о том, как наши матросы героически сражались на суше. Зачастую пренебрегая тактикой сухопутного боя и в той же мере пренебрегая смертью, они действовали с поразительной лихостью и бесстрашием. И, несмотря на большие потери, наводили на врага ужас, обращали его в бегство. Им случалось добиваться успеха даже там, где не могли этого сделать более опытные в сухопутном бою пехотинцы. Почему? Я не находил ответа...

И вот сейчас я понял, какое устрашающее впечатление производит эта монолитная масса, спаянная своими законами и традициями. Я заметил, как замедлили шаг наши солдаты. Кое-кто начал останавливаться... Над цепью моряков взвился какой-то протяжный крик, похожий скорее на вопль. И хоть пули их еще не причиняли нам вреда, чувствовалось, что на какую-то часть бойцов эта атака дей-

ствует как гипноз. Нужно было немедленно создать крутой перелом в этом психологическом поединке. Но не успел я принять решение, как зазвенел чей-то высокий голос:

— Братцы, били фашистскую пехоту, побьем и моряков!

— Побьем! — покатилося по рядам. Люди подхватывали этот клич, может быть, механически, не вникая в его смысл. Но он создавал ощущение слитности коллектива, ободрял, звал к активным действиям. И цепь с новой энергией устремилась вперед».

В итоге, действительно — «побили», потому как не могло быть у «фашистов» за душой настоящего героизма — лишь «одна традиционная флотская лихость».

С 20 октября наступило короткое затишье.

Таким образом, прибалтийская группировка противника была отрезана от Восточной Пруссии, немецкие войска — отброшены на Курляндский полуостров и более 30 вражеских дивизий, основные силы группы армий «Север», оказались зажатыми в районе между Тукумсом и Лиепайей; в Клайпеде было блокировано до трех дивизий.

Ставка в директиве от 16 октября возложила уничтожение неприятельской группировки, плотно охваченной и прижатой к Балтийскому морю в Курляндии, на генералов Еременко и Баграмяна.

3-й Прибалтийский фронт упразднился, его управление вместе с фронтовыми частями и учреждениями выводилось в резерв, войска передавались в состав 1-го и 2-го Прибалтийских и Ленинградского фронтов.

Через два дня Ставка указала на исключительную важность скорейшей ликвидации немецких войск, окруженных северо-восточнее Лиепайи и в районе Клайпеды. Она потребовала направить на их разгром усилия войск 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов, привлечь к этому авиацию дальнего действия и военно-воздушные силы Балтийского флота.

2-й Прибалтийский фронт теперь имел в своем составе 1-ю ударную, 10-ю гвардейскую, 3-ю ударную, 22-ю и 42-ю общевойсковые армии и три танковых корпуса, занимавшие полосу от Тукумса до Ауце. Генерал Еременко собирался нанести главный удар тремя армиями левого крыла в общем направлении на Салдус, Кулдига, Вентспилс. В полосе 10-й гвардейской армии планировалось ввести в прорыв 5-й и 10-й танковые корпуса.

В состав 1-го Прибалтийского фронта входили 4-я ударная, 2-я и 6-я гвардейские, 43-я, 51-я общевойсковые, 5-я гвардейская танковая армии. Генерал Баграмян наносил главный удар войсками Крейзера, Чистякова и танковой армией на Салдус, Лиепаяу. Из резерва Ставки передавалась 61-я армия Белова. Армия Белобородова частью сил блокировала Клайпеду, а левым флангом стояла на границе Восточной Пруссии по Неману. Координировать действия фронтов вновь был назначен маршал Василевский.

Общий замысел предполагал расколоть курляндскую группировку, а затем уничтожить ее по частям. Однако подготовка к новой операции велась, мягко говоря, с прохладцей. Как руководящий состав Прибалтийских фронтов, так и Генеральный штаб первое время были убеждены, что германское командование постарается как можно быстрее эвакуировать сохранившие высокую боеспособность войска группы армий «Север» из Курляндии в Германию, чтобы использовать их для обороны рейха. Но Гитлер уже давно не прислушивался к мнению генералов. Вместо вывоза войск с полуострова или прорыва их в Восточную Пруссию, германское командование морем перебрасывало в Курляндию маршевые пополнения. К тому же из-за нехватки тоннажа для эвакуации всей группировки требовалось не менее полугода. Зато, в отличие от Сталинграда, имелась возможность через порты Лиепая и Вентспилс снабжать войска всем необходимым. В октябре кораблями сюда было доставлено 881 тысяча тонн грузов, в ноябре эта цифра удвоилась.

Генералу Шернеру была поставлена задача упорной обороной отвлечь силы русских от Восточной Пруссии. Командование группы поспешно превращало полуостров в сплошной укрепленный район с многочисленными оборонительными рубежами и отсечными позициями. За одним рубежом на расстоянии 6—8 км возводился следующий. И так до самого моря. Пересеченная, с большим количеством озер и речек лесисто-болотистая местность благоприятствовала организации обороны.

Советское наступление началось 27 октября под лозунгом «полностью освободить Советскую Латвию к 27-й годовщине Октябрьской революции» мощной артиллерийской и авиационной подготовкой, которая ввиду скудных разведанных велась в основном по площадям. По свидетельству генерала Казакова: «Точными данными о группировке на

этом участке сил и средств неприятеля мы не располагали. Только в ходе боевых действий... удалось выявить, что наиболее прочные оборонительные позиции немцев располагаются в 15—30 км от переднего края». Советские войска в первый день наступления прорвали оборону противника на фронте 20 км и продвинулись вперед на 4—7 км, овладев городом Ауше. Вечером в дело ввели 10-й танковый корпус генерал-майора М.К. Шапошникова. На следующий день дивизии продвинулись еще на 6—7 км, расширив прорыв до 50 км.

Однако в дальнейшем темп наступления стал неуклонно снижаться от 3—4 км до считанных метров в сутки. Каждый метр приходилось оплачивать кровью. Немцы сопротивлялись отчаянно, контратаковали непрерывно, одновременно подбрасывали из глубины новые соединения. Через пять дней перед ударной группировкой 2-го Прибалтийского фронта вместо четырех было уже 10 дивизий, в том числе 12-я танковая. Как признается маршал Еременко: «По огневой насыщенности и количеству контратак бои последних дней не имели себе равных в течение всего 1944 г. Характерной особенностью оборонительной тактики противника, выявленной в ходе наступательных действий в этот период, явилось то, что во время нашей артиллерийской подготовки гитлеровское командование не уводило живую силу в глубь обороны с целью ее сохранения, как это делалось раньше. Пехота продолжала укрываться в траншеях, на их дне и в нишах, не отходя ни на шаг. Поэтому с переносом нашего артиллерийского огня в глубину гитлеровцы встречали атакующих залпами из всех видов оружия, стремясь не допустить вклинения нашей пехоты в свои боевые порядки». За десять дней непрерывных боев с 27 октября по 5 ноября войска левого крыла фронта продвинулись на глубину 35 км и остановились в 25 км от Салдуса. Наступил кризис: много людей и большая часть танков вышли из строя, боеприпасы были израсходованы.

Аналогично развивались события в полосе 1-го Прибалтийского фронта. Войска Баграмяна почти сразу столкнулись с группировкой противника из четырех пехотных дивизий при поддержке основных сил 4-й и 14-й танковых дивизий и двух тяжелых танковых батальонов, которая готовилась пробивать коридор на Клайпеду. За три дня, отражая контратаки, советские армии смогли продвинуться лишь на

6 км. И в дальнейшем каждый клочок земли удавалось отбивать после многократно повторяемых атак. Чем больше сокращалась линия фронта, тем плотнее становились боевые порядки противника и жестче оборона.

В начале ноября резко ухудшилась погода, раскисли дороги, сильные туманы и плотная облачность исключали действия авиации. 6 ноября «продвижение вперед стало попросту невозможным». Однако Ставка настойчиво требовала продолжения.

Генерал Еременко начал готовить наступление на тукумском направлении силами 1-й ударной и 22-й армий из района Добеле вдоль Рижского залива во фланг оборонительным позициям противника. Атаку должны были поддержать 28-я артиллерийская дивизия прорыва РКК, две гвардейские минометные бригады и три полка реактивной артиллерии. Для развития успеха привлекался 19-й танковый корпус генерал-лейтенанта И.Д. Васильева. В резерве оставался 10-й танковый корпус. Баграмян диспозицию не менял.

Наступление 2-го Прибалтийского фронта, первоначально намеченное на 20 ноября, не состоялось из-за плохой погоды. Дождь и туман не позволили провести артиллерийскую и авиационную подготовку. На следующий день ввиду неблагоприятных метеоусловий был отложен удар 1-го Прибалтийского фронта. Общее наступление началось 23 ноября, но уже сутки спустя его опять пришлось прекратить, так как с утра 24 ноября туман плотной пеленой затянул горизонт. Видимость упала до 300—400 метров. Продвигаясь почти вслепую, советские войска сумели занять лишь первые две траншеи.

25 ноября 1944 года наступление было прекращено. Немцы продолжали совершенствовать оборону, покрывая полуостров густой сетью противотанковых рвов, проволочных заграждений, минных полей и долговременных огневых точек.

ДЕСАНТ НА МООНЗУНД

В это время войска Ленинградского фронта во взаимодействии с Балтийским флотом проводили Моонзундскую десантную операцию.

В результате Таллинской операции войска Ленинград-

ского фронта 25 сентября вышли на побережье Рижского залива, что создало благоприятные условия для освобождения Моонзундского архипелага. Германское командование, оценивая острова Моонзундского архипелага как последние опорные пункты, обеспечивавшие возможность морских сообщений, необходимых для снабжения своих войск в Риге, решило удерживать их до последнего. В середине сентября для обороны этих островов немцы перебросили из Риги 23-ю пехотную дивизию генерала Ширмера, которая вначале была подчинена командующему 16-й армией, а затем командиру 43-го армейского корпуса. С учетом четырех охранных батальонов и нескольких артиллерийских дивизионов «гарнизон» противника насчитывал 11 500 человек. Здесь же базировались легкие силы Кригсмарине — 2 миноносца, 22 десантные и десантно-артиллерийские баржи, 14 тральщиков и 2 торпедных катера.

Советское командование стремилось как можно быстрее овладеть островами Моонзунда с целью расширить операционную зону Балтийского флота и перенести боевые действия на морские коммуникации противника. Операцию проводили с ходу, стремясь ворваться на архипелаг до того, как немцы успеют создать прочную противодесантную оборону. Поэтому многие решения носили импровизационный характер.

Первым и основным препятствием являлась скудость средств, которые флот мог привлечь для решения этой задачи. Использование крупных надводных кораблей для артиллерийской поддержки десанта и противодействия германскому флоту исключалось совершенно. Из-за сложной минной обстановки советским кораблям вообще было запрещено выходить в Финский залив, так же как и подводным лодкам. К тому же на побережье Эстонии немцы не оставили после себя ни одного пригодного пункта базирования. К примеру, в Таллине они взорвали все причалы, электростанции, портовые здания и мастерские и густо напиговали гавани якорными и донными минами. Для высадки десанта флот мог использовать только катера, и то лишь благодаря выходу из войны Финляндии: 19 сентября финское морское командование предоставило схемы минных заграждений и навигационные карты своих шхерных фарватеров вдоль северного побережья залива. С извест-

ным риском катера могли действовать вдоль южного берега, взаимодействуя с частями 8-й армии генерала Старикова.

Силы Балтийского флота, выделенные для операции, состояли из 55 торпедных, 13 сторожевых, 13 тральных катеров, 8 бронекатеров и 40 тендеров. Для их сосредоточения планировалось использовать ряд пунктов на побережье Эстонии, что было возможным лишь в результате предварительного овладения островом Вормси, преграждавшим вход в пролив Вооси-Курк между островом и материком. К 26 сентября войсками 8-й армии были заняты гавани Рохукюла, Хапсалу и Виртсу. Утром 27 сентября дивизион торпедных катеров под командованием капитана 3-го ранга Е.В. Осецкого высадил на Вормси батальон морских пехотинцев из 260-й отдельной морской бригады, которые во второй половине дня очистили остров от противника. 28—29 сентября через пролив, который немцы не успели заминировать, в пункты приема войск прорвались силы обеспечения десанта.

К операции по овладению Моонзундским архипелагом привлекались 109-й и 8-й Эстонский стрелковые корпуса 8-й армии, а также 260-я отдельная бригада морской пехоты. Авиационную поддержку должны были осуществлять 295 самолетов 13-й воздушной армии и авиации флота.

Ключом для захвата архипелага являлся остров Муху, отделенный от материка проливом шириной около 3,5 мили и соединенный с островом Сарема полуторакилометровой дамбой. Поэтому в первую очередь предполагалось овладеть островом Муху, затем — Хиума и, после перебазирования на них основных сил обоих корпусов, ударом с двух направлений захватить остров Сарема, который обороняли наиболее крупные силы противника. Управиться рассчитывали за неделю.

По непонятным причинам на период проведения операции не было организовано единое командование, что затрудняло решение вопросов управления и материально-технического обеспечения. На генерала Старикова, подчинявшегося маршалу Говорову, возлагалась ответственность за руководство боевыми действиями своей армии на суше. Начальник штаба эскадры Балтийского флота контр-адмирал И.Г. Святлов, получавший указания от адмирала Трибуца, являлся командующим на море и отвечал за десантирование войск и техники, их снабжение через про-

лив и обеспечение от противодействия германского флота. Взаимоотношения сухопутного и морского начальников строились «на принципе тесного взаимодействия между армией и флотом».

Поскольку тендеры к началу операции прибыть не успели, для первой высадки пришлось использовать катера и автомобили-амфибии, а для перевозки танков применить саперные понтоны.

Накануне на Муху были высажены две разведывательные группы, которые донесли, что немецких войск на острове мало и оборона не организована. Состояние моря и пасмурная погода благоприятствовали высадке десанта. С учетом обстановки было принято решение о немедленном начале операции.

Вечером 29 сентября торпедные катера приняли в Виртсу передовой батальон 249-й стрелковой дивизии с несколькими минометами и 45-мм орудиями и на полном ходу направились к населенному пункту Куйвасту на острове Муху. Артиллерия корпуса открыла через пролив ураганный огонь по намеченному плацдарму. Пролив катерники форсировали за 20 минут. За катерами из Виртсу последовали 96 амфибий с еще одним стрелковым батальоном. Высадка передового отряда, насчитывавшего 1150 бойцов, началась в 20.30. Основные силы первого эшелона были высажены по обе стороны причала Куйвасту и несколько севернее. Этот участок оборонялся пехотной ротой противника. Ее сопротивление было довольно быстро подавлено, к полуночи советские части овладели пристанью и начали продвижение к деревне Муху. Торпедные катера приступили к переброске войск, часть катеров буксировала армейские понтоны с танками и средствами усиления. К полудню 30 сентября на захваченный плацдарм были доставлены 5600 солдат и офицеров 249-й стрелковой дивизии, 24 орудия, 23 миномета и четыре танка.

Немцы, которых было на острове не более 500 человек, некоторое время упорно сопротивлялись, а вечером 30 сентября отступили на остров Сарема по Ориссарской дамбе, взорвав ее в нескольких местах. Благодаря минимальной оперативной паузе между выходом советских войск на побережье и моментом высадки, первая победа была достигнута относительно легко. На Муху началась переброска

остальных сил Эстонского корпуса и двух дальнобойных морских батарей.

Высадку на остров Хиума планировалось провести в 6 часов 1 октября на двух участках у мыса Хельтерма и мыса Тяхванина. Развить успех предполагалось ударом в тыл противника частью сил бригады морской пехоты, высаженной на участке Кэрдель. Десанту предстояло преодолеть водную преграду шириной около 12 миль. Погода не благоприятствовала проведению высадки, и ее пришлось перенести на сутки.

В ночь на 2 октября торпедным катерам не удалось высадить у Хельтерма разведывательную группу из-за сильного огневого противодействия. Утром удар по нему нанесла вызванная штурмовая авиация 13-й воздушной армии. В 8.30 катера южной группы, вышедшие из Рохукюла, прикрываясь дымовой завесой, на максимальной скорости прорвались сквозь заградительный огонь противника и высадили в гавань Хельтерма отряд из 635 человек, а затем приступили к перевозке 109-го стрелкового корпуса. Северная группа высадочных средств сюда же перебросила десант, который предполагалось высадить у мыса Тяхванина. Стремительное наращивание сил первого броска ошеломило немцев, и они стали отходить от пристани. Через час после высадки первого броска началась высадка первого эшелона десанта и средств усиления в составе артиллерийского полка. К вечеру на острове была уже вся дивизия. В воздухе непрерывно висели советские штурмовики, поддерживая пехоту и подавляя огневые точки. Четыре быстроходные баржи противника пытались вести огонь по десанту с Кассарского плеса, но атакованные авиацией и торпедными катерами были вынуждены ретироваться.

Немцы отступили к дамбе на остров Кассар и к бухте Орьяку и в ночь на 3 октября эвакуировали свои основные силы на Сарему. Некоторое время противник еще удерживал небольшой участок на южной оконечности острова, но к исходу 3 октября высаженные войска полностью овладели Хиума.

Создались благоприятные условия для освобождения наиболее крупного острова архипелага — Сарема. Войска 8-й армии были сосредоточены: 8-й Эстонский корпус — на острове Муху и в районе Виртсу; 109-й стрелковый корпус — одна дивизия на Хиума и одна дивизия в Рохукюла.

Чтобы не терять темп и затруднить противнику оборону, адмирал Святов и генерал Стариков наметили следующий план действий: вторжение на Сарема произвести с рассветом 5 октября; главный удар наносит Эстонский корпус с острова Муху, переправляясь через пролив на амфибиях, армейских понтонах и по Ориссарской дамбе; 109-й стрелковый корпус производит высадку десантов одновременно в Талику и Триги и наносит вспомогательный удар с севера и северо-востока. Второй вспомогательный удар должен был наноситься высадкой десанта на юго-западной оконечности острова Сарема в районе мыса Кейгусте, с задачей перехватить шоссе Муху—Курессаре. Этот десант в составе одного эстонского батальона перебрасывался на торпедных катерах. На подготовку к вторжению отводились одни сутки.

К этому времени противник усилил гарнизон 218-й пехотной дивизии. Сюда же переправились части с островов Муху и Хиума. Наиболее десантнодоступные пункты побережья прикрывались оборонительными сооружениями.

За час до рассвета 5 октября артиллерия 8-го Эстонского корпуса начала артиллерийскую подготовку, обрушив шквал огня на позиции противника в районе предполагаемой высадки и у Ориссарской дамбы. Одновременно штурмовые батальоны на 70 амфибиях начали переправу через пролив Вяйке-Вяйн.

В это же время из Рохукюла к острову подошел первый бросок десанта 131-й стрелковой дивизии генерал-майора Романенко. Немцы ожидали атаки с этого направления и особенно сильно укрепили пристани Триги и Талику, но Бог в этот день был на стороне русских. Из-за ошибки счисления катера не дошли до Талику и начали высадку на необорудованный берег, где, как выяснилось, у противника оборона вовсе отсутствовала. В результате первый бросок десанта, состоявший из 250 бойцов, был высажен без потерь. Штурмовые батальоны, оказавшись на берегу, стремительным ударом во фланг смяли оборонявшиеся части немцев и отбросили их от Талику. Через час началась высадка основных сил дивизии Романенко. В 9.30 весь первый эшелон десанта — два стрелковых полка при 56 орудиях — был на берегу и занял плацдарм размером 4 км по фронту и 3—4 км в глубину.

Войска Эстонского корпуса, преодолев пролив, атаковали Ориссарскую дамбу с тыла и овладели ею. В короткий

срок саперы восстановили разрушенную часть дамбы, и основные силы корпуса начали быстро переправляться по ней и развивать наступление на запад. К исходу дня в районе Талику был высажен второй эшелон 109-го стрелкового корпуса, который также устремился на запад, ломая сопротивление 23-й немецкой пехотной дивизии и батальона «Остланд». Противник был вынужден поспешно отходить в глубь острова по направлению к Курессаре. К исходу дня части двух десантов соединились и создали единый фронт наступления. Высадка десанта в бухте Кейгусте не была произведена из-за отсутствия горючего для торпедных катеров.

Вечером, заслушав телефонный доклад об успешном развитии операции, Говоров приказал 6 октября полностью очистить остров от противника, установить на его южной оконечности дальнобойную артиллерию и не допускать прохода вражеских транспортов через Ирбенский пролив к Риге.

Все силы флота сосредоточились на переброске войск и техники. Из Виртсу в Куйвасту с помощью 200-тонного понтона, принимавшего 6—8 машин, перебрасывались танки и самоходные орудия. Затем через дамбу танки следовали своим ходом на Сарема к месту боев. Воздушную поддержку оказывали 9-я и 11-я штурмовые авиационные дивизии. Однако темп наступления замедлился. Фронт обороны противника сокращался, плотность боевых порядков и огневых средств увеличивалась, и сопротивление росло. К вечеру 7 октября части Эстонского корпуса овладели Курессаре, но, утомленные восьмисуточными боями, задержались в городе до утра и не преследовали противника ночью, что позволило ему оторваться и занять оборону на полуострове Сырве. Учитывая его исключительно важное значение для прикрытия морских подступов к Курляндскому полуострову и рижскому плацдарму, немцы заблаговременно подготовили оборону Сырве, создав пять полос с использованием довоенных советских фортификационных сооружений.

Попытки с ходу прорвать эту глубоко эшелонированную оборону 10—14 октября успехом не увенчались. Повторный штурм, предпринятый 19—23 октября, также провалился. На фронте протяженностью 3 км немцы установили 423 артиллерийских орудия и 116 минометов, противотанковые надолбы, густые минные поля. В лобовых атаках советские войска понесли значительные потери. Заслушав доклады о

сложившейся обстановке, маршал Говоров приказал прекратить атаки и подготовить грамотный прорыв с предварительной разведкой и сосредоточением сил.

Подготовка к решающему разгрому немцев на полуострове Сырве заняла почти месяц. Борьба приняла позиционный характер. Советские атаки сменялись контратаками противника. Были предприняты две попытки высадить тактические десанты немцам во фланг, но обе успеха не имели.

Немцы за этот период перебросили на Сырве штрафной батальон, полк 215-й пехотной дивизии и другие части, а также ввели в Ирбенский пролив легкие силы флота: самоходные баржи, торпедные катера, эсминцы и крейсера. Крупные артиллерийские корабли неоднократно обстреливали советские войска с моря. Сухопутные части реагировали на это очень болезненно, так как ответить им было нечем, а нелетная погода не всегда позволяла авиации обнаружить и атаковать противника. Пришлось срочно перебросить на Сарема 18-й подвижный дивизион береговой артиллерии, имевший на вооружении 130-мм орудия. Всего за октябрь, обеспечивая перегруппировку и сосредоточение войск, Балтийский флот перебросил 74 тысячи солдат и офицеров, 150 танков и САУ, 730 орудий и 530 минометов, 3 тысячи автомашин и 43 тысячи тонн различных грузов.

15 ноября 8-я армия и части флота были готовы к проведению заключительного этапа операции: на каждый километр фронта, который предстояло прорвать, теперь приходилось 224 артиллерийских и минометных ствола, 120 танков и самоходных установок. Однако штормовая и нелетная погода не позволяла использовать авиацию и катера. Наконец, в 10 часов 18 ноября 925 стволов армейской и морской береговой артиллерии открыли огонь по огневым позициям и укрытиям противника, к ним присоединились 3 канонерские лодки и 8 бронекатеров, а также бомбардировочная и штурмовая авиация. Огневая подготовка длилась полтора часа. В 12 часов стрелковые подразделения при поддержке войсковой и корабельной артиллерии, танков и самоходных установок, преодолевая ожесточенное сопротивление противника, начали продвигаться в глубь полуострова Сырве. Немцы держались шесть суток. 21 ноября под прикрытием огня корабельной артиллерии они начали эвакуацию гарнизона с полуострова Сырве в Виндаву. 24 ноября Моонзундские острова были целиком в советских руках.

Освобождение архипелага имело важное значение: корабли Балтийского флота получили возможность контролировать Финский и Рижский заливы, в результате чего создавалась непосредственная угроза левому флангу немецких войск; Балтийский флот получал возможность развернуть активные действия на коммуникациях противника в средней и южной части Балтийского моря.

На этом закончилась Прибалтийская наступательная операция, в результате которой группировка противника в Прибалтике потеряла свое стратегическое значение. Из 59 соединений, имевшихся там к началу наступления советских войск, 26 были разгромлены, а остальные оказались изолированными в Курляндии и блокированы в районе Клайпеды. Протяженность линии фронта на прибалтийском участке сократилась до 250 км, что позволило высвободить значительные силы советских войск. Потери четырех советских фронтов с 14 сентября по 24 ноября составили 280 тысяч человек убитыми и ранеными, 522 танка, 2593 орудия и 779 самолетов.

«Таким образом, в итоге восьмого сталинского удара... были полностью освобождены Эстонская ССР и большая часть Латвийской ССР. Из войны против СССР вышла Финляндия, объявившая войну Германии. Кроме того, с разгромом прибалтийской группировки противника намного облегчалось последующее наступление советских войск в Восточной Пруссии».

Однако в Латвии оставалась и сковывала десять советских армий крупная группировка вермахта. Поэтому генерал армии Сандалов пишет: «И все же лично у меня остался осадок неудовлетворенности. А спустя более двух десятков лет, когда яснее, понятнее стали наши ошибки и просчеты, особенно досадно вспоминать, что нам не удалось полностью завершить задуманную операцию».

30 ноября Ставка в предвидении крупного наступления Красной Армии на западном направлении решила вывести в резерв из состава 1-го Прибалтийского фронта 61-ю, 2-ю гвардейскую и 5-ю гвардейскую танковую армии. У Еременко забиралась 3-я ударная армия. На «курляндском фронте» оставалось семь армий.

«КУРЛЯНДСКИЙ ФРОНТ»

«Надежно заблокировав вражеские войска, — сообщает маршал Василевский, — мы не тратили на них порох, не несли жертв: предоставили их самим себе, пока группировка не капитулировала». Даже неловко говорить, но милейший Александр Михайлович попросту врет. Наступательные операции на полуострове не прекращались до конца войны, и маршал Василевский неоднократно выезжал на Прибалтийские фронты, чтобы контролировать процесс. По мнению Сталина, «оставлять противнику стратегический плацдарм в тылу наших наступающих фронтов было недопустимо». А кроме того, советское высшее командование считало, что необходимо постоянно вести активные наступательные действия, чтобы не допустить переброски группы армий «Север» из Латвии в Германию; в этом расчет Гитлера оказался точным.

Решительные попытки ликвидировать немецкие войска в Курляндии предпринимались еще минимум четыре раза.

21 декабря генерал Еременко четырьмя армиями, в которых насчитывалось 36 стрелковых дивизий и 2 укрепрайона, начал операцию с целью окружения и разгрома врага в районе северо-западнее Салдуса. Замысел состоял в нанесении двух фланговых концентрических ударов силами 1-й ударной и 22-й армий на правом крыле фронта и 42-й и 10-й гвардейской — на левом. К исходу третьего дня операции армии должны были выйти на рубеж по обе стороны Салдуса.

Перед 2-м Прибалтийским фронтом действовали в первой линии 13 пехотных дивизий, а во второй линии — танковая дивизия противника. К этому времени немцы еще более усовершенствовали систему оборонительных сооружений.

В 10 часов началась артиллерийская и авиационная подготовка, в 11.20 в атаку смежными флангами пошли войска 42-й и 10-й гвардейской армий. К 14 часам они прорвали первую позицию и вышли ко второй. К 15 часам немцы подтянули резервы и танки 12-й танковой дивизии. В результате упорных боев частям генерала Казакова к исходу дня удалось вклиниться во вторую позицию на одном участке. Продвижение 42-й армии генерала Свиридова было еще меньшим. В целом советские войска на участке прорыва продвинулись на 1—3 км.

23 декабря после разведки боем в наступление перешли 1-я ударная и 22-я армии. Сразу же им пришлось преодолевать многочисленные минные поля, инженерные заграждения и возрастающее сопротивление противника. Немцы постоянно контратаковали, поддерживаемые массированным огнем своей артиллерии и штурмовыми орудиями. Тем не менее была полностью прорвана первая позиция, состоявшая из трех траншей, и наступающие продвинулись в глубину до 3 км. На следующий день в бой был введен 19-й танковый корпус, но и он не смог преодолеть сопротивление противника.

В полосе 1-го Прибалтийского фронта — 6-я гвардейская, 51-я, 4-я ударная армии — события развивались по тому же сценарию.

Вплоть до Нового, 1945 года велось «наступление на месте». Противник, пользуясь большой плотностью и эшелонированием своих войск в обороне, легко и быстро маневрировал частями, перебрасывал их по внутренним коммуникациям с пассивных участков на угрожаемые направления. В ходе операции войска 2-го Прибалтийского фронта с 21 по 30 декабря сумели продвинуться лишь на 5—10 км, 1-го Прибалтийского — на 10—15 км.

Командование группы армий «Север» также старалось вести активные действия. С 5 по 9 января 1945 года Шернер предпринял контрнаступление по всему фронту, стремясь вернуть утраченные позиции и, несмотря на советское превосходство, особенно в танках и артиллерии, сумел потеснить 6-ю гвардейскую и 22-ю армии. Генерал Беккер нанес удар из Клайпеды, прорвал позиции 43-й армии и лишь к 12 января был отброшен назад.

После этого Баграмян решил, что пора вплотную заняться немецким гарнизоном в Клайпедe. В связи с тем, что для участия в Восточно-Прусской операции из фронта изымали армию Белобородова, решение этой задачи было возложено на 4-ю ударную армию генерала Малышева. Чистяков и Крейзер должны были нанести скользящие удары по курляндской группировке. Василевский план одобрил.

В январе происходили большие изменения и внутри курляндской группировки. Прикрываясь наступательными действиями, немцы в первой половине месяца вывезли с полуострова 4-ю танковую и три пехотные дивизии, а также 3-й танковый корпус СС, латышскую и эстонскую грена-

дерские дивизии. Всего к началу марта были эвакуированы десять наиболее боеспособных дивизий.

Товарищ Сталин был очень недоволен.

Чтобы предотвратить возможную дальнейшую переброску соединений из Курляндии в рейх, войска 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов 23 января вновь перешли в наступление. Прежний сценарий повторился в точности: на каждую атаку советских дивизий «фашисты отвечали остервенелыми контратаками» и, маневрируя резервами, ликвидировали прорывы. Существенных изменений в положении противоборствующих сторон в итоге не произошло.

26 января группа армий «Север» была переименована в группу армий «Курляндия». Ее командующим стал генерал Гильперт. В этот же день генерал Малышев двумя стрелковыми корпусами, имевшими 56 тысяч бойцов, при поддержке авиации 3-й и 15-й воздушных армий начал штурм Клайпеды и 28 января овладел городом и портом. Судя по тому, что в ноябре 1944 года генерал Белобородов вынужден был прекратить атаки на клайпедские форты ввиду отсутствия орудий особой мощности и штаб фронта с ним согласился, а в январе 1945-го Малышев взял город в три дня, потеряв 403 человека убитыми и около 1000 ранеными, немцы просто оставили заслон и эвакуировали гарнизон. Кстати, и Баграмян упоминает о многочисленных взрывах в Клайпедке, свидетельствующих о «подготовке фашистов к бегству».

К этому же времени в Восточной Пруссии войска 3-го Белорусского фронта вышли к Кёнигсбергу. Немецкая группировка, запертая в Курляндии, совершенно потеряла оперативное значение. Но оставлять ее в покое Верховный не собирался. Задача советских войск оставалась прежней: не допустить переброску сил в Германию. Балтийский флот в данном случае, как и всю войну, был беспомощен.

В начале февраля Ставка приняла решение объединить войска двух фронтов в один — 2-й Прибалтийский в составе 1-й и 4-й ударных, 6-й и 10-й гвардейских, 22-й, 42-й, 51-й общевойсковых и 15-й воздушной армий, 10-го танкового и 3-го механизированного корпусов, в которых насчитывалось около полумиллиона солдат и офицеров. Командующим был назначен маршал Говоров. Одновременно он оставался и командующим Ленинградским фронтом. Генералы Еременко и Баграмян убыли на другие направления. Говоров получил четкий приказ: наносить один за другим

сильные удары по врагу, расколоть его группировку на части и уничтожить.

26 февраля началась Курляндская операция, которая длилась до конца войны. Боевые действия носили исключительно тяжелый характер, фронт считался второстепенным, и на нем откровенно экономили в технике и боеприпасах. Стойкость противника оставалась неизменной, расколоть курляндскую группировку и выйти к Лиенае так и не удалось. Даже до Салдуса дойти не получилось. Генерал Чистяков вспоминает: «...каждый день мы проходили вперед только километр. Но даже это было для нас серьезным достижением». Добавим: каждый день фронт терял до 2 тысяч человек. И после падения Берлина, когда всем было ясно, что никто никуда никакие войска перебрасывать не будет, что Третий Рейх рухнул, Говоров продолжал гнать армии в бой. 6 мая, имея информацию о том, что через два дня состоится акт подписания безоговорочной капитуляции Германии, маршал санкционировал на этот день начало нового наступления, чтобы силой заставить капитулировать курляндскую группировку. С утра 8 мая 1945 года, когда Жуков надевал парадный мундир со всеми регалиями, 2-й Прибалтийский фронт (формально с 1 апреля он стал именоваться Ленинградским) снова поднялся в атаку и «противник оборонялся с прежним упорством, на некоторых направлениях даже контратаковал». В 14 часов группа армий «Курляндия», в которой насчитывалось около 20 дивизий, дисциплинированно вывесила белые флаги. В плен сдалось 280 тысяч человек.

Под предводительством Говорова фронт потерял более 30 тысяч убитыми и 130 тысяч ранеными.

По Василевскому это называется «не трогать порох» и «не нести жертв».

Общие потери Красной Армии при освобождении Прибалтики составили, по официальным данным, более 1 460 000 военнослужащих, в том числе 334 478 убитыми и умершими.

Настоящие освободители не лишают народ своей государственности, не уничтожают его культуру, не делают из него «арийскую расу» или «строителей коммунизма», не проводят политику германизации или русификации.

В 1940 году Красная Армия в первый раз пришла в суверенные Прибалтийские страны и объявила их советскими

республиками. Оккупация преподносилась как народная революция. Процесс присоединения сопровождался разгулом массового террора. Советизация проводилась ударными темпами. В первую очередь, как водится, уничтожались «чуждые классы», затем «враги народа» и прочая, прочая. За один год до прихода немцев «органы», работая по-стахановски, успели очень много. Одновременно довели население до общесоюзной нищеты: все национализировали, конфисковали и отменили национальные деньги.

Поэтому войска вермахта ожидал радушный прием, советский эстонский стрелковый корпус разбежался и записался в эстонскую дивизию СС, забрасываемых в Прибалтику советских диверсантов население встречало враждебно и охотно сдавало их властям. Коммунистические авторы возмущаются, что осчастливленные Советской властью литовцы и латыши не имели морального права сотрудничать с гитлеровцами, ведь они «на 22 июня 1941 года являлись гражданами СССР». С таким подходом можно обосновать, что белорусы, украинцы или те же прибалты за три года немецкой оккупации успели стать гражданами Третьего рейха.

Возвращение Красной Армии в 1944 году для большинства литовцев, эстонцев и латышей означало, что одни оккупанты сменили других. Развернувшийся после «освобождения» террор ничуть не уступал нацистскому. Только в Латвии и только за один год было депортировано 43 тысячи граждан. Тяжелую борьбу с «лесными братьями» чекистам пришлось вести до начала 50-х годов. В 70-е годы эстонцы считались вымирающей нацией и составляли менее 40 процентов населения республики. В конце концов даже членам Политбюро ЦК КПСС надоело жить в «развитом социализме», и бывшие «братские народы» расстались без сожалений.

Ушли бы советские войска из Прибалтики году этак в 1947-м, сегодня с полным правом могли бы именовать себя освободителями, а Россия имела бы дружественных соседей. Ведь в годы «холодной войны» самые нормальные отношения Советский Союз имел с Австрией и Финляндией, от оккупации и советизации которых Сталин решил воздержаться. Сегодня мы имеем под боком страны—члены НАТО, а памятники там ставят добровольцам ваффен-гренадерских дивизий СС.

ДЕВЯТЫЙ СТАЛИНСКИЙ УДАР

«...Советская Армия осуществила на территории Венгрии в октябре—декабре войсками 2-го, 3-го и 4-го Украинских фронтов при содействии Дунайской военной флотилии. Войска 4-го Украинского фронта, используя успехи шестого сталинского удара, еще в сентябре преодолели предгорья Карпат и на широком фронте вышли с севера и с востока к границам Чехословакии. К этому времени войска 2-го и 3-го Украинских фронтов, уничтожая остатки немецких войск на территории Румынии и Болгарии, подошли к восточным границам Венгрии и Югославии. Перейдя в начале октября в решительное наступление, войска 2-го Украинского фронта на широком фронте пересекли румыно-венгерскую границу и к концу октября вышли на реку Тису, завершили очищение территории Трансильвании и овладели ее столицей — городом Клуж. Войска 4-го Украинского фронта в середине октября преодолели Карпатский хребет и, глубоко проникнув на территорию дружественной Чехословакии, открыли путь для наступления между Тисой и Карпатами. Войска 3-го Украинского фронта успешно провели операцию по разгрому фашистских войск на территории Югославии и 20 октября заняли Белград. Первый этап девятого сталинского удара закончился выходом советских войск к реке Тисе от Ужгорода до впадения ее в Дунай. Второй этап начался в Венгрии в последних числах октября мощным наступлением войск 2-го Украинского фронта на Будапештском направлении в междуречье Тисы и Дуная».

Руководство Германии придавало особое значение удержанию территорий Чехословакии, Венгрии и Балканских стран, что объясняется как экономическими, так и военно-стратегическими причинами.

После потери румынской нефти Германия остро нуждалась в получении горючего из Венгрии, а также другого стратегического сырья с Балкан. Чехословакия с ее мощными заводами являлась поставщиком многих видов вооружения и боевой техники для вермахта. Потеря Балкан создавала угрозу отсечения группы армий «Е» в Греции и оголяла южный стратегический фланг германских войск. Это по-

зволяло Красной Армии наносить согласованные удары по вермахту с двух направлений — восточного и южного.

К концу сентября 1944 года германское командование сосредоточило в Словакии, Венгрии и Югославии крупные силы. На фронте от Дуклинского перевала в Карпатах до болгаро-греческой границы протяженностью свыше 1500 км оборонялись часть сил группы армий «Северная Украина», войска группы армий «Южная Украина», групп армий «Ф» и «Е». Их поддерживал 4-й воздушный флот. Используя горный характер театра военных действий, немцы создали сильные рубежи обороны.

В результате разгрома крупной группировки противника в Яско-Кишиневской операции, оккупации советскими войсками Румынии и Болгарии обстановка на Балканах изменилась коренным образом. В сентябре войска 2-го и 3-го Украинских фронтов находились у границ Югославии и Венгрии. Цель дальнейшего советского наступления состояла в том, чтобы разгромить правое крыло группы армий «Северная Украина» и войска группы армий «Ф», отрезать пути отхода группе армий «Е», вывести из войны Венгрию — последнего союзника Германии в Европе, оказать помощь Чехословакии и Югославии в освобождении от оккупантов и выйти непосредственно к границам рейха с юга. Решение этих задач возлагалось на войска 1-го, 2-го, 3-го и 4-го Украинских фронтов. В операциях участвовали также чехословацкие, румынские, болгарские войска, находившиеся в оперативном подчинении советского командования, и Народно-освободительная армия Югославии. Сухопутные войска поддерживались 2-й, 8-й, 5-й и 17-й воздушными армиями.

Им предстояло взломать сильно укрепленную оборону немецких войск, преодолеть труднопроходимые горные перевалы, форсировать многочисленные реки.

К осени 1944 года бурные события назревали в Словакии.

«Из-за Карпатских гор, — пишет генерал К.В. Крайнюков, — проникали вести, что в Словакии усиливается антифашистская борьба трудящихся масс, руководимых находившейся в подполье Коммунистической партией Чехословакии, что в стране назревает революционный взрыв». Может быть, генерал действительно ловил вести «из-за Карпатских гор», ну а Кремль имел всю информацию из первых

рук, поскольку главные деятели «находившейся в подполье Коммунистической партии» проживали в Москве.

После чехословацкого кризиса 1938 года, подписания Мюнхенского соглашения и расчленения республики Чехия и Моравия стали германским протекторатом, а на территории Словакии под эгидой Третьего рейха возникло вассальное Словацкое государство во главе с Йозефом Тисо. Пришедшим к власти националистам удалось привлечь на свою сторону основную массу населения и часть демократических политических течений, пропагандируя как собственный успех создание словацкого государства, что воспринималось как наименьшее зло в сравнении с реальной альтернативой оказаться под оккупацией Германии или Венгрии. Выдвинутый Коммунистической партией Словакии по указанию Коминтерна лозунг «За советскую Словакию!» у реально мыслящих людей в тот момент вызывал лишь недоумение. К тому же словацкие коммунисты дисциплинированно поддержали советско-германский пакт 1939 года; после этого от коммунистов отвернулись все. Они оказались в такой глухой изоляции, что в 1939—1941 годах служба безопасности Словацкого государства даже не считала необходимым сажать их в тюрьмы. Юлиус Фучик по этому поводу заметил, что чешские и словацкие коммунисты оказались в подполье перед собственным народом.

23 июня 1941 года «независимая» Словакия объявила войну СССР, выставив в распоряжение германского командования 2,5 дивизии, а видные коммунисты уехали в Москву.

12 декабря 1943 года между Советским правительством и эмигрантским правительством Чехословакии был подписан Договор о дружбе, взаимной помощи и послевоенном сотрудничестве. В соответствии с договором Советский Союз признавал Чехословакию в домюнхенских границах и обязывался оказать ей помощь в борьбе с гитлеровцами. Тогда же началось формирование Чехословацкого корпуса.

Для организации движения Сопротивления в самой Чехословакии на ее территорию неоднократно забрасывались руководящие «товарищи» из Москвы, которые неизменно и быстро оказывались за решеткой. Наконец, в августе 1943 года новому эмиссару Каролу Шмидке удалось сформировать пятый подпольный Центральный Комитет Коммунистической партии Словакии и довести инструк-

ции Коминтерна и московского руководства КПЧ: развивать активные формы антифашистской борьбы вплоть до подготовки вооруженного восстания. Вскоре был создан и национальный центр Сопротивления — Словацкий национальный совет, в который на паритетных началах, кроме коммунистов, вошли представители различных оппозиционных режиму партий и организаций.

Поражения вермахта, приближение Красной Армии к границам Словакии, налеты союзной авиации, ограбление страны Германией резко усилили кризис режима Тисо и настолько активизировали движение Сопротивления, что возник вопрос о широком восстании с привлечением части словацкой армии. Один за другим рушились опоры, на которых держалась официальная государственная пропаганда. Часть высших офицеров словацкой армии в этот период установила связи с чехословацким правительством Бенеша в Лондоне, которое поставило условием своей поддержки восстания признание после войны восстановления единого Чехословацкого государства. План предусматривал два варианта: согласно первому — восстание начиналось в случае оккупации Словакии германскими войсками, согласно второму — с приближением Красной Армии к границам страны и дальнейшими взаимными действиями.

С первых дней создания национального совета в нем существовали разногласия в вопросах руководства освободительной борьбой и послевоенного устройства.

Так, командование словацкой армии ориентировалось на лондонское правительство. 15 июня 1944 года полковник Голиан, возглавивший Военный центр при Словацком национальном совете, писал в Лондон: «Переходить к русским мы не хотим. Действуя совместно с ними, мы прежде всего рассчитываем освободить Словакию, а потом оказать возможную помощь в освобождении чешских земель. Поэтому договоритесь с русскими, чтобы они признали нашу армию в качестве союзной армии (как составную часть чехословацкой армии), чтобы они не брали в плен и не разоружали наши части, чтобы нам была предоставлена возможность заключить с ними договор о совместных действиях».

А прибывший для координации действий в Москву 6 августа 1944 года секретарь ЦК КПС и один из председателей СНС Шмидке представил советскому руководству записку «О развитии ситуации в Словакии», в которой, в частности,

утверждалось: «Мы хотим стать составной частью СССР. Все прочее есть лишь спекуляция, что-то неопределенное, смысл которого неясен. Если бы сегодня возникла возможность определить путем голосования, в какое государство хотят войти словаки, то 70% из них голосовали бы за присоединение к СССР, 20% — за обновленную Чехословацкую республику, остальные всем напуганы и определиться не могут».

Изрядно мутили воду советские партизанские командиры — П.А. Величко, А.С. Егоров, Е.П. Волянский и другие.

По просьбе Заграничного (московского) руководства КПЧ и с санкции Кремля летом 1944 года Украинский штаб партизанского движения забросил в Словакию 24 партизанские организаторские группы численностью в несколько сот человек, быстро пополнявшиеся добровольцами-словаками и перебежчиками из государственных структур. Воодушевленные приемом местного населения и легкостью военных успехов, партизаны развернули активную деятельность.

Руководители Словацкого национального комитета небезосновательно опасались, что чрезмерная активность партизан ускорит оккупацию Словакии немцами. 21 августа Густав Гусак встретился с Величко и попросил его уговорить своих «подрывников», чтобы не начинать преждевременно восстания без координации действий с Красной Армией, не взрывать понапрасну мосты и тоннели, которые никто в Словакии не охранял и которые вполне могли бы пригодиться и восставшим и советским войскам. Величко, ссылаясь на приказы своего командования, продолжал безнаказанно резвиться на чужой земле. Гусак впоследствии вспоминал: «Ни с Величко, ни с другими командирами мы не смогли договориться. После каждого успешного выступления их аппетит возрастал. Действительно, их выступления были успешны, ведь никакого неприятеля не было, словацкая администрация ничего против них не предпринимала, немцы на территории Словакии находились только гражданские. Партизаны собирали урожай, засеянный нами с тяжким трудом, и считали, что именно они пробудили Словакию».

Теряя с каждым днем влияние в армии и не имея достаточно сил для борьбы с партизанами, президент Тисо обратился к руководству Германии с предложением ввести

в страну войска. В последние дни августа началось выдвижение немецкой армии из Моравии, Южной Польши и Австрии в Словакию. Вторжение, начавшееся 29 августа, послужило сигналом к началу общенационального восстания. К вечеру 30 августа под контролем восставших и партизан находилось две трети территории страны. Политическим штабом восстания стал город Банска-Бистрица, где находился Военный центр и куда приехали члены Словацкого национального совета, объявившие 1 сентября о взятии в свои руки законодательной и исполнительной власти и мобилизации в армию мужчин в возрасте от 18 до 40 лет. Из 42-тысячной тисовской армии на сторону восставших сразу же перешло 18 тысяч солдат и офицеров. В короткие сроки численность повстанческой армии достигла 47 тысяч человек, заметно превосходя немецкие войска по численности и уступая им по качеству и оснащенности.

Восстание началось в крайне невыгодной ситуации и неко времени. Красная Армия находилась в 50 км от Карпат и от идеи лезть в горы успела отказаться, так как успешное продвижение войск Малиновского с юга в тыл карпатской группировке противника открывало перспективу войти в Словакию обходным маневром, без преодоления Восточных Карпат и штурма перевалов востока. Поэтому еще 26 августа Ставка дала указание командующему 4-м Украинским фронтом генералу Петрову перейти к жесткой обороне. Однако обстановка резко изменилась.

31 августа посланник Чехословакии в СССР Фирлингер и начальник чехословацкой военной миссии через заместителя наркома иностранных дел А. Вышинского обратился к Советскому правительству с просьбой оказать срочную военную помощь словацкому народу.

2 сентября маршал Конев направил донесение Сталину о перелете 30 августа на советскую сторону группы из 27 словацких самолетов. Среди прилетевших офицеров находился заместитель командира восточнословацкого корпуса полковник Вильям Тальский. Ознакомив командование фронта с положением в Словакии, он заявил, что в случае наступления советских войск в западном направлении 1-я и 2-я словацкие дивизии, расположенные на чехословацко-польской границе, могли бы наступать на Кросно, навстречу им, и обеспечить захват Лупковского и Дуклинского перевалов.

ВОСТОЧНО-КАРПАТСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Получив сообщение Конева, Верховный дал директиву на проведение Восточно-Карпатской операции, в ходе которой войска 1-го и 4-го Украинских фронтов должны были по кратчайшему пути форсировать Карпаты, прорваться к границе Словакии и соединиться со словацкими войсками. Войскам Малиновского Ставка поставила задачу овладеть Трансильванскими Альпами, выйти в район Сату-Маре и этим оказать помощь 4-му Украинскому фронту в преодолении Карпат и овладении районом Ужгород, Чоп, Мукачево.

Уже 4 сентября маршал Конев отдал оперативную директиву на проведение операции. В соответствии с его решением 38-я армия генерала К.С. Москаленко, усиленная 25-м танковым, 1-м гвардейским кавалерийским, 1-м чехословацким армейским корпусами, 17-й артиллерийской дивизией прорыва и двумя танковыми бригадами, должна была прорвать оборону противника на 8-километровом участке и развивать наступление на Прешов. Главный удар армия наносила вдоль шоссе, идущего от Кросно через Дуклю к Дуклинскому перевалу. Это был кратчайший путь в Словакию. Наступление здесь обеспечивало овладение важными коммуникациями и позволяло выходом войск на южные склоны Карпат отрезать основные пути 1-й немецкой танковой армии, связывавшие ее с главными силами группы «Северная Украина».

Вся операция планировалась на глубину 90—95 км и продолжительностью пять суток. Для поддержки войск на участке прорыва создавалась артиллерийская плотность до 200 орудий и минометов на километр. Артподготовка планировалась продолжительностью 2 часа 05 минут. С воздуха действия 38-й армии обеспечивались частью сил 2-й воздушной армии генерала С.А. Красовского.

По решению генерала Петрова главный удар на стыке фронтов наносила 1-я гвардейская армия генерала А.А. Гречко на 4-километровом участке в общем направлении на Команьча. Плотность артиллерии здесь доводилась до 100 стволов на километр.

Наступить советским войскам предстояло в сложных условиях через Восточные Бескиды — цепь гор, во многих местах покрытых лесами. Наиболее доступным для продвижения войск считался находящийся на высоте 502 метра над

уровнем моря Дуклинский перевал, через который проходит шоссе Кросно—Прешов. Восточные Besкиды изобилуют реками, впадающими на севере в Вислу, а на юге в Дунай. Их русла пролегают в глубоких каменистых ущельях. На северных склонах Карпат имелась лишь одна дорога.

Подготовка операции была связана со значительными трудностями. К концу августа войска 1-го и 4-го Украинских фронтов, завершившие длительную наступательную операцию, имели большой некомплект в личном составе и боевой технике, нуждались в отдыхе. Соединения и части располагали ограниченным запасом материальных средств. Войска не имели опыта ведения боевых действий в горах, за исключением прибывшего из Крыма 3-го горнострелкового корпуса, к участию в операции, кстати, не запланированного, не были обеспечены горным снаряжением.

Таким образом, перед войсками 1-го и 4-го Украинских фронтов стояла весьма трудная задача. Германское руководство стремилось любой ценой удержать Словакию, рассматривая ее как барьер на пути Красной Армии в промышленные районы Чехии, Моравии, Венгрии и Юго-Восточной Польши. Германское командование отчетливо представляло, что преодоление войсками 1-го Украинского фронта наиболее узкой части Главного Карпатского хребта привело бы к быстрому прорыву их в Чехословакию и на Венгерскую низменность и к соединению с войсками 2-го Украинского фронта, продвигавшимися из Северной Румынии. Кроме того, вступление советских войск через Словакию в Венгрию создавало прямую угрозу южным районам самой Германии. Поэтому немцы сосредоточили здесь крупную группировку войск и, используя систему параллельных хребтов Карпатских гор, построили на всех важнейших направлениях глубокую и сильную оборону. Основу ее составляли эшелонированные на глубину до 60 км укрепленные районы, прикрытые в промежутках инженерными сооружениями полевого типа, минными полями, надолбами и проволочными заграждениями.

Наступление войск 1-го и 4-го Украинских фронтов первоначально развертывалось на узком участке, затем ширина его полосы достигла нескольких сот километров. Двумя армиями дело не обошлось, да и в пять дней тоже не уложились. Пришлось проводить две операции: Карпатско-Дуклинскую и Карпатско-Ужгородскую.

Всего в операции приняли участие три общевойсковые армии, два отдельных стрелковых, один танковый и один кавалерийский корпуса со средствами усиления. В их составе насчитывалось 33 дивизии, 3 пехотные и 3 отдельные танковые бригады. Действия наземных войск обеспечивались авиацией двух воздушных армий. Всего в войсках к началу операции насчитывалось 378 тысяч человек, 5140 орудий и минометов, 322 танка и САУ и 1165 боевых самолетов. Позднее были введены еще дополнительные силы.

Это произошло по причине того, что никакой помощи от словаков в овладении перевалами советские войска не получили. Нерешительность и колебания командования словацкой армии позволили немцам в период в течение нескольких дней разоружить гарнизоны в крупных городах, а также восточнословацкий корпус, который должен был вступить в контакт с советскими войсками.

Силам двух фронтов противостояли 1-я немецкая танковая и 1-я венгерская армии. Они имели 10 немецких, 8 венгерских дивизий и 2 венгерские горнострелковые бригады, в которых насчитывалось около 300 тысяч человек, 3250 орудий и минометов, до 100 танков и штурмовых орудий и 450 самолетов.

Карпатско-Дуклинская операция началась утром 8 сентября. После артиллерийской подготовки и ударов авиации главные силы 38-й армии, имевшей в своем составе 9 стрелковых дивизий, прорвали оборону противника и в течение дня продвинулись в направлении Дуклинского перевала на 12 км. Перед фронтом армии действовали три пехотные дивизии немцев.

Для развития успеха в сражение стали вводиться 25-й танковый корпус генерала Ф.Г. Аникушкина, кавалерийский корпус генерала В.К. Баранова и 1-й Чехословацкий корпус. Однако это не дало желаемого результата, к исходу дня сопротивление противника значительно возросло. Танковые соединения, насчитывавшие 108 бронеединиц, наступали вдоль дорог колоннами, теряли маневренность и пробивную силу и несли большие потери. Стремясь любой ценой не допустить советские войска на территорию Словакии, германское командование начало поспешно перебрасывать в полосу прорыва подкрепления с других направлений — 1-ю танковую и 75-ю пехотную, подразделения 208-й дивизии, а также отдельные части, действовавшие против

восставших. Сюда же из района Кракова выдвигалась 8-я танковая дивизия. Эти перегруппировки в полосу 38-й армии ослабили немецкий нажим на районы восстания в Словакии, но противник сумел занять новый оборонительный рубеж в 6—12 км от главной полосы обороны и 9 сентября задержал продвижение советских и чехословацких частей.

Чехословацкий корпус, долгое время находившийся в резерве, действовал крайне неудачно. «Развертывание корпуса проходило неорганизованно, — вспоминает Конев. — В частях, попавших под дальний артиллерийский огонь, произошло замешательство. Командир корпуса генерал Я. Кратохвил не организовал управление войсками корпуса в момент его ввода в сражение. Более того, сам он находился в 25 км от поля боя и проводил, как ни странно, в своем штабе пресс-конференцию с иностранными журналистами... корпус, хорошо укомплектованный личным составом, вооружением и боевой техникой, из-за личной неорганизованности Я. Кратохвила с первых же часов ввода в бой был поставлен в трудное положение». Разъяренный маршал прямо на поле боя принял решение об освобождении любителя давать интервью от занимаемой должности и назначении на его место командира 1-й чехословацкой бригады генерала Людвиг Свободы. Сталин решение утвердил. За неспособность руководить войсками был отстранен от командования и генерал Аникушкин, командиром 25-го танкового корпуса стал полковник В.Г. Петровский.

На второй день наступления удалось продвинуться вперед на 2—6 км. Началась борьба в горных условиях, где основное значение для наступающих войск имели проходы и дороги.

Утром 10 сентября противник силами 1-й танковой дивизии и пехотных частей предпринял ряд контратак по правому флангу. Для их отражения командующий фронтом усилил фланг противотанковой артиллерией и передал в подчинение Москаленко из своего резерва 4-й гвардейский Кантемировский танковый корпус генерала П.П. Полубоярова — 103 танка Т-34, 28 ИС и 12 самоходно-артиллерийских установок СУ-85. На следующий день танкисты во взаимодействии с 67-м стрелковым корпусом выбили немцев из Кросно. В ночь на 12 сентября, нащупав не охраняемый немцами проход, двинулся в рейд 1-й гвардейский кавалерийский корпус. Генерал Баранов получил задачу Конева

соединиться со словацкими партизанами и принять на себя командование районом восстания: «При встрече с повстанцами и партизанами объявляйте себя смело красным атаманом — командующим советскими войсками, действующими на территории Словакии». За ночь казаки углубились в тыл противника на 20 км и 13 сентября пересекли польско-словацкую границу. Однако дальше дело не пошло, немцам удалось закрыть прорыв, а выйти на оперативный простор Баранову не удалось. Теснимый со всех сторон противником, корпус перешел к круговой обороне, продовольствие и боеприпасы доставлялись ему по воздуху. Через десять дней кавалеристы прорвались обратно к своим; на этом закончилось участие в операции 1-го гвардейского кавалерийского корпуса.

Войска 38-й армии к 14 сентября с боями продвинулись на 23 км, но выполнить поставленные перед ними задачи не смогли. Германское командование развернуло в этом районе 6 пехотных и 2 танковые дивизии.

1-я гвардейская армия 4-го Украинского фронта перешла в наступление 9 сентября, нанося удар в направлении Загуж, Команча. Преодолевая ожесточенное сопротивление, войска армии к 14 сентября прорвали его оборону на фронте до 30 км и продвинулись в глубину до 15 км. И здесь немцы, подтягивая части с других участков, локализовали прорыв.

Конев и Москаленко, чтобы избежать фронтальных атак и выйти в тыл врага, оборонявшегося в районе Дукли, решили перенести усилия с правого на левый фланг, где действовали всего две немецкие пехотные дивизии. Сюда перебрасывался танковый корпус Полубоярова, в котором оставалось 59 танков Т-34 и 9 самоходок СУ-85. Произведя перегруппировку и получив в подкрепление две стрелковые дивизии и истребительно-противотанковую бригаду, 38-я армия нанесла новый удар с утра 15 сентября. Немцы в этот же день силами 1-й и 8-й танковых дивизий перешли в наступление против правого фланга армии. Двое суток длились ожесточенные бои, не принесшие успеха ни одной из сторон. 18 сентября Конев передал 38-й армии 31-й танковый корпус генерала В.Е. Григорьева, имевший 58 танков. Немцев вновь атаквали на правом фланге; на левом — Москаленко нанес удар двумя танковыми и одним стрелковым корпусами и проломил оборону противника в районе Сеня-

вы. По узкому горному проходу танкисты начали выходить в тыл противника, заставив его отвести войска. В итоге тяжелых боев 38-я армия продвинулась еще на 20 км.

Армия Гречко, получив еще один стрелковый корпус, возобновила наступление 16 сентября, а два дня спустя, воспользовавшись ослаблением вражеской группировки в своей полосе, нанесла удар 18-я армия генерала Е.П. Журавлева. Южнее, на левом фланге фронта, перешел в наступление отдельный 17-й гвардейский стрелковый корпус генерал-майора А.И. Гостиловича.

Общий фронт наступления расширился до 300 км. Под ударами 1-й гвардейской и 18-й армий противник начал отход за государственную границу Польши и СССР к перевалам через Главный Карпатский хребет. За пять дней фронт Петрова продвинулся на запад на 30—60 км.

Преодолевая упорное сопротивление и отражая контратаки, передовые части армии Москаленко вместе с кантемировцами 20 сентября ворвались в Дукло — важный опорный пункт на единственной рокадной дороге вражеской группировки.

Правофланговые соединения 1-й гвардейской армии в тот же день достигли чехословацкой границы в районе села Калинова. Германское командование спешно подтягивало свежие силы, стараясь удержать в своих руках перевалы и дороги.

20—25 сентября советские войска, продвинувшись вперед до 50 км, достигли Главного Карпатского хребта. переброска немецких войск с территории Словакии облегчила положение повстанцев. Для оказания им помощи в течение сентября в тыл врага были заброшены 8 партизанских групп, оружие и боеприпасы. В ночь на 18 сентября советское командование перебазировало в Словакию на аэродром «Три дуба» чехословацкий истребительный авиаполк из 20 самолетов Ла-5. С 27 сентября была начата высадка на этот же аэродром 2-й воздушно-десантной бригады 1-го Чехословацкого корпуса, подразделения которой сразу же вступили в бой.

С 26 по 30 сентября войска 38-й армии производили перегруппировку и готовились к штурму Дуклинского перевала. Для поддержки пехоты на направлении главного удара выделялись танки и самоходные орудия трех танковых корпусов, которых едва наскреблось на одну бригаду. 30 сентя-

бря в 8.20 была произведена короткая артиллерийская подготовка, и войска пошли в атаку. Наступление развивалось медленно, бои были упорны и жестоки. Темпы продвижения составляли 1—2 км в сутки. «Воевать в Карпатах было трудно... — признает маршал Конев. — За месяц войска армии продвинулись на 50 км, и достались они дорогой ценой».

6 октября Чехословацкий корпус при содействии советских 67-го стрелкового и 31-го танкового корпусов овладел Дуклинским перевалом.

Заняв перевал, советские и чехословацкие войска продолжали наступление, но за двадцать дней жестоких боев сумели продвинуться всего на 15—20 км к западу и юго-западу. На подступах к долине реки Ондава наступление застопорилось.

1-я гвардейская армия, наступая на широком фронте, к 18 октября преодолела Главный Карпатский хребет на протяжении 30 км, овладев районом Русского перевала; 18-я армия к этому времени заняла перевалы Ужокский, Верецкий и продвинулась на 5—18 км к югу. 17-й гвардейский стрелковый корпус в этот день взял Сигет на реке Тиса и вошел в соприкосновение с войсками 40-й армии 2-го Украинского фронта. Во второй половине октября 4-й Украинский фронт боевые действия вел уже на юго-западных и южных склонах Восточных Карпат. Однако спуститься с гор оказалось не легче, чем подняться.

Остановив советское продвижение, немцы начали операцию по ликвидации словацких отрядов. После того как повстанцы отвергли ультиматум о прекращении сопротивления, 19 октября германские войска предприняли наступление на партизанскую зону с нескольких направлений силами четырех дивизий, четырех боевых групп и десяти охранных батальонов. В акции участвовала «прославившаяся» резней населения в Варшаве штурмовая бригада оберфюрера Дирлевангера, повышенная в статусе до уровня дивизии СС. 27 октября каратели вступили в Банска-Бистрицу, небольшими группами повстанцы уходили в горы. В течение десяти дней восстание было подавлено. На словацкой территории был установлен оккупационный режим, сотни патриотов были казнены, около 30 тысяч человек отправлены в концлагеря.

Во второй половине октября войска правого крыла 2-го Украинского фронта с боями продвигались в район Ужго-

рода. Возникла реальная возможность окружения группировки, оборонявшейся перед центром и левым флангом 4-го Украинского фронта. Немцы предпочли отступить. Их преследовали соединения армии Журавлева и 17-го отдельного стрелкового корпуса. 26 октября они освободили крупный промышленный центр Мукачево, а на следующий день — Ужгород.

К концу октября войска 18-й армии и 17-го корпуса на всем участке своего наступления вышли на Венгерскую низменность.

На этом закончилась операция, проведенная из политических мотивов вопреки оперативной целесообразности и целей своих не достигнувшая. В ходе ее Красная Армия полностью освободила Закарпатскую Украину и вышла на территорию Словакии; немецкие войска лишились важного стратегического рубежа.

Советской стороне лобовой штурм Карпат не приспособленными к ведению наступательных действий в горах войсками обошелся в 126 211 человек убитыми и ранеными — 30% первоначального состава, 478 танков и САУ, 962 орудия и миномета, 192 самолета.

Но зато, едва ступив на землю расчлененной Чехословакии, не откладывая дело в долгий ящик, начали ее делить по новой:

«С освобождением Закарпатской Украины ее народ впервые за многовековую историю получил возможность самостоятельно решать свою судьбу. Состоявшийся 26 ноября 1944 г. в Мукачево I съезд делегатов народных комитетов Закарпатской Украины принял исторический Манифест, выразивший волю трудящихся Закарпатской Украины воссоединиться с Советской Украиной. Навстречу этому желанию пошли Советский Союз и Чехословацкая республика». Интересно как, если она была под немецкой оккупацией до февраля 1945 года?

БЕЛГРАДСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

События в Югославии развивались аналогично событиям в других оккупированных странах Восточной Европы. С одной стороны, имелось нашедшее приют в Лондоне эмигрантское королевское правительство, которое рассчитывало после победы над нацистами вернуться в руководящие

кресла. С другой — в стране выросло и завоевало авторитет движение Сопrotивления, лидеры которого имели собственное мнение по поводу послевоенного государственного устройства.

ЦК Компартии Югославии сформировал в апреле 1941 года Военный комитет для подготовки и руководства борьбой против оккупантов еще до того, как капитулировала королевская армия. 27 июня того же года был создан Главный штаб партизанских отрядов во главе со старым коминтерновцем, участником Гражданской войны в России, генеральным секретарем ЦК КПЮ Иосипом Броз Тито. Уже к концу 1941 года в рядах югославских партизан насчитывалось около 80 тысяч бойцов, а 22 декабря в боснийском городке Рудо было создано первое регулярное воинское формирование — 1-я Пролетарская бригада. Активные боевые действия партизан вынуждали германское командование держать в Югославии значительную группировку войск. В ноябре 1942 года Верховный штаб принял решение о создании Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ) и до конца года было сформировано 9 дивизий. Одновременно было образовано Антифашистское вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ).

Другими известными лидерами Сопrotивления стали полковник югославской армии Драза Михайлович и его помощник Алекса Дуджович. Вместе с офицерами и солдатами, не пожелавшими капитулировать, они ушли в горы и начали партизанскую борьбу. Михайлович остался верен эмигрировавшему правительству, пользовался его материальной и моральной поддержкой, был произведен королем в генералы и назначен военным министром. До 1944 года ставку на него делал и Черчилль.

Наладить взаимодействие между сторонниками восстановления старого режима и адептами социалистической идеи не удалось. Четники Михайловича и бойцы Тито друг друга ненавидели больше, чем немцев.

В 1941—1943 годах германское командование провело шесть больших наступательных операций с целью разгрома партизанских сил, однако решительного успеха не добились. Партизаны не принимали навязываемых им фронтальных боев, ускользали из-под ударов и активизировали свою деятельность в других районах. К концу 1943 года Народно-

освободительная армия насчитывала 300 тысяч человек и очистила от оккупантов значительную часть страны.

Таким образом, коммунистическое освободительное движение, приобретающее все больший размах, развивалось как самостоятельная авторитетная политическая и военная сила, решительно не желающая подчиняться указаниям эмигрантского правительства и военного министра Михайловича.

Более того, в ноябре 1943 года на 2-й сессии АВНОЮ были приняты кардинальные решения: Вече Югославии провозглашалось верховным законодательным и исполнительным органом страны, создавалось новое правительство — Национальный комитет освобождения Югославии (НКОЮ) под председательством Тито, эмигрантскому правительству предлагалось более не утруждаться думами о будущем страны, а королю Петру II Карагеоргиевичу запрещалось возвращаться в страну. 14 декабря 1943 года советское правительство признало НКОЮ единственным «полномочным представителем народов Югославии» и оказывало ему широкую военную и материальную помощь. Англия и Соединенные Штаты также были вынуждены признать освободительное движение, возглавляемое коммунистами, решающей военной силой в Югославии, однако надеялись подчинить его эмигрантскому правительству. В штаб Тито прибыли официальные военные миссии США, Англии и Советского Союза.

В конце мая немцы, желая обезопасить свой тыл, организовали глобальную антипартизанскую операцию на всей территории Югославии. Им удалось блокировать городок Дрвар, в котором размещался Верховный штаб НОАЮ и центральные органы освободительного движения, и выбросить здесь парашютный десант. В ночь на 4 июня на самолете советской военной миссии за два вылета маршал Тито, члены Политбюро ЦК КПЮ и основной состав работников Верховного штаба были вывезены в Италию. Затем они переехали на остров Вис у побережья Далмации. Здесь с 14 по 17 июня с подачи англичан, не терявших надежды объединить силы всех югославских патриотов, состоялись встречи Тито и премьера эмигрантского правительства Шубашича. Предложение об объединении Национального комитета освобождения и королевского правительства было отклонено Тито. В результате переговоров было достигнуто compro-

миссное соглашение об образовании правительства из лиц, не скомпрометировавших себя борьбой против освободительного движения. Советское руководство поддержало эту инициативу.

На основе достигнутого соглашения 7 июля 1944 года в Лондоне было сформировано новое правительство Шубашича, в котором два министерских кресла заняли представители НКОЮ. В декларации по этому поводу было сказано о признании «временного управления, установленного АВНОЮ и НКОЮ». От имени короля и нового правительства премьер официально признал маршала Тито руководителем борьбы Югославии за свободу. Англия официально порвала с генералом Михайловичем.

12 августа в Неаполе состоялась встреча Тито и Черчилля. Последний настойчиво убеждал маршала вступить в переговоры с королем Петром и оказать содействие в высадке британских войск, но согласия не получил: Тито еще 5 июля отправил письмо Сталину: «Нам нужна самая большая Ваша помощь».

(Позднее, когда выяснится, что маршал Тито строит в Югославии «неправильный» социализм и не прислушивается к советам товарищей из Москвы, а ЦК КПЮ — «банда шпионов и убийц», событиям будет дана иная трактовка: «Национально-освободительное движение в Югославии переживало в этот период тяжелый кризис. После немецкого воздушного десанта в Дрваре титовское командование оставило югославскую территорию и укрылось у англичан и американцев в Италии. Партизанские части были брошены и предоставлены самим себе. Некоторые из них по собственной инициативе стремились соединиться с Советской Армией и двигались из Боснии и Черногории ей навстречу. В боях с немцами в Сербии эти разрозненные отряды понесли тяжелые потери. Как выяснилось позднее, в это время Тито и его клика, находившиеся в Италии, предав национальные интересы югославского народа, готовили оккупацию Югославии англо-американскими войсками».)

В первых числах сентября Тито через советскую военную миссию передал Государственному Комитету Оборона СССР просьбу о вводе войск Красной Армии в Югославию. Эта просьба мотивировалась тем, что НОАЮ не имела тяжелого вооружения и танков, чтобы разгромить немецкие войска или воспрепятствовать их отходу из Греции на север.

Сообщая об этом, глава миссии генерал Н. В. Корнеев отмечал: «Маршал полагает, что совместные действия Красной Армии и НОАЮ, помимо большого военного эффекта, значительно укрепят национально-освободительное движение». К этому времени, по югославским данным, Народно-освободительная армия состояла из 15 корпусов, в состав которых входили 50 дивизий, две оперативные группы, 16 отдельных пехотных бригад и 130 партизанских отрядов. В них насчитывалось около 400 тысяч бойцов.

В двадцатых числах сентября в Москве состоялись переговоры Тито со Сталиным, в ходе которых была достигнута договоренность о вступлении крупных соединений Красной Армии на территорию Восточной Сербии, чтобы совместно с войсками НОАЮ освободить восточные районы страны и Белград.

В конце сентября войска 3-го Украинского фронта под командованием маршала Толбухина вышли на болгаро-югославскую границу в районе Видина. Южнее, на фронте от Пирота до стыка границ Болгарии, Югославии и Греции, развернулись 1-я, 2-я и 4-я болгарские армии в составе 11 дивизий и двух бригад. Создались условия для нанесения объединенными усилиями советских и югославских войск решающего удара по противнику в Сербии и, прежде всего, на белградском направлении. К этому времени Народно-освободительная армия Югославии уже освободила значительную часть территории страны. Однако все важнейшие югославские города, основные железные и автомобильные дороги оставались еще в руках противника.

23 сентября в Главном штабе НОАЮ в Македонии состоялась встреча представителей командования югославской и болгарской армий, участники которой договорились о возможности совместных действий против гитлеровцев на территории Македонии. Затем в Крайове был окончательно согласован план совместных действий и 5 октября подписано югославо-болгарское соглашение об участии болгарских войск в боях против гитлеровцев на территории Югославии.

План Белградской операции был разработан командованием 3-го Украинского фронта и 1 октября утвержден советской Ставкой. Замысел заключался в том, чтобы совместными усилиями советских, югославских и болгарских войск разгромить армейскую группу «Сербия», освободить

оккупированные районы Сербии и столицу Югославии — Белград, выйти на коммуникации группы армий «Е», дислоцировавшейся в Греции, и воспретить ее отход с юга Балканского полуострова. Это приводило к образованию единого фронта советских и югославских войск и созданию благоприятных условий для последующей борьбы НОАЮ за полное освобождение своей страны.

Для достижения этой цели намечалось нанесение комбинированного удара силами 3-го Украинского фронта и оперативно подчиненных ему болгарских войск, частью сил 2-го Украинского фронта и силами югославской армии. После преодоления сопротивления противника на югославно-болгарской границе, в Западной Сербии и центральной части Шумадии советские и югославские войска должны были развивать наступление в двух направлениях: в сторону Белграда с задачей разгромить основные силы армейской группы «Сербия», освободить восточные районы страны и Белград и на нишском направлении для отражения возможных ударов отходящих с юга Балканского полуострова войск группы армий «Е» генерала Лера. При этом советская и болгарская армии наступали с востока на запад, а НОАЮ выходила им навстречу с запада на восток. Такая форма маневра требовала тщательной организации взаимодействия.

Для проведения операции привлекались 57-я общевойсковая (10 стрелковых дивизий и 3 стрелковые бригады) и 17-я воздушная армии, 4-й гвардейский механизированный корпус, 236-я стрелковая дивизия, 5-я отдельная мотострелковая бригада, 96-я отдельная танковая бригада, 1-й гвардейский укрепрайон 3-го Украинского фронта и Дунайская военная флотилия, в боевом составе которых насчитывалось 206 500 человек, 2350 орудий, минометов и реактивных установок, 358 танков и САУ, 1292 самолета и около 80 боевых кораблей, преимущественно бронекатеров. Они наносили главный удар на белградском направлении из района Радужевац, Кула, Видин. Содействие войскам 3-го Украинского фронта оказывали 10-й гвардейский стрелковый корпус 46-й армии и часть сил 5-й воздушной армии 2-го Украинского фронта — еще 9 дивизий — 93 500 бойцов и командиров. С югославской стороны в операции участвовали 1-я и 2-я армейские группы в составе 1-го Пролетарского, 12-го, 13-го, 14-го, 15-го и 16-го корпусов (всего

17 дивизий); с болгарской — 1-я, 2-я и 4-я армии (9 дивизий и 4 бригады).

Боевые действия наступающим войскам предстояло вести в крайне тяжелых условиях местности, в период самого дождливого времени. В полосе наступления простирался горный массив, занимавший более 60% всей площади района боевых действий. Наступление здесь можно было вести только по четырем отстоявшим друг от друга на 30—40 км направлениям, пролежавшим через перевалы, проходы и ущелья. Гористая местность, малочисленность путей сообщения, низкая грузоподъемность мостов ограничивали массированное применение различных родов войск.

Проведение операции планировалось в два этапа. С 28 сентября по 10 октября войска 57-й армии должны были прорвать оборону противника, разгромить его во взаимодействии с 12-м и 14-м корпусами НОАЮ, овладеть горными перевалами, прорваться в долину реки Моравы, с ходу форсировать ее и захватить плацдармы на западном берегу. С 11 по 20 октября войскам фронта во взаимодействии с 1-м Пролетарским, 12-м и 14-м корпусами предстояло расчленить группировку «Сербия» на отдельные части, перерезать коммуникации группы армий «Е» и с ходу овладеть столицей Югославии. Для развития оперативного успеха в тылу противника и прорыва в Белград создавалась подвижная группа фронта. Ее основу составлял 4-й гвардейский механизированный корпус генерала Жданова.

Готовилось к предстоящим боям и германское командование. В начале сентября на Балканах находились две группы армий противника «Е» и «Ф». Группа армий «Е» под командованием генерал-полковника Лера несла оккупационную службу в Греции. Группа армий «Ф» под командованием генерал-фельдмаршала фон Вейхса дислоцировалась на территории Югославии и Албании. С выходом Красной Армии к восточным границам Венгрии и Югославии возникла угроза коммуникациям войск, действовавших в Греции и Албании. В сложившейся обстановке германское командование вынуждено было принять срочные меры, чтобы эвакуировать из Греции и Албании оккупационные войска и создать из них севернее Белграда, на стыке 2-го и 3-го Украинского фронтов, мощную контрударную группировку.

В Югославии немцы имели 5 дивизий и 4 бригады и разношерстные коллаборационистские формирования, не

представлявшие серьезной военной силы. Фельдмаршал Вейхс получил задачу упорно оборонять основные узлы своих коммуникаций, по которым отступали войска из Греции. Особое значение придавалось удержанию железной дороги Салоники—Белград и белградского района как важнейшего коммуникационного узла.

Задачу обороны Югославии с востока и прикрытие отводимой из Греции группы армий «Е» германское командование возложило на армейскую группу «Сербия», выделенную из группы армий «Ф» и включавшую в себя отдельные части пяти дивизий. Ее командующему генералу Фелберу было приказано немедленно вывести свои войска на болгаро-югославскую границу и не допустить здесь прорыва советских армий.

Немецкая оборона носила очаговый характер. Основой ее являлись сильные опорные пункты, созданные в городах, селах, на узлах дорог и в горных проходах.

Советские, югославские и болгарские войска, привлекавшиеся к участию в операции, насчитывали 660 тысяч человек, 4477 орудий и минометов, 421 танк и САУ, 1250 самолетов.

Им противостояли силы противника, имевшие 150 тысяч солдат и офицеров, 2130 орудий и минометов, 125 танков и штурмовых орудий и 352 самолета.

Стремясь помешать сосредоточению советских войск, немцы 25 сентября в излучине Дуная, в районе Турну-Северина нанесли сильный удар по соединениям 2-го Украинского фронта, потеснили их, вышли к Дунаю и создали серьезную угрозу 75-му стрелковому корпусу на задунайском плацдарме. Чтобы помочь соседу справа, Толбухин решил, не дожидаясь сосредоточения всех сил 57-й армии, нанести контрудар по противнику.

28 сентября войска генерала Гагена перешли в наступление. Это положило начало Белградской операции. Армия при поддержке авиации прорвала пограничный оборонительный рубеж противника и, преодолев Восточно-Сербские горы, 8 октября вышла к реке Морава и с ходу форсировала ее, захватив на западном берегу два плацдарма. Войска 57-й армии за двенадцать дней наступления в горных условиях продвинулись в глубь югославской территории на 130 км. Дунайская военная флотилия поддерживала наступающие войска и надежно обеспечивала правый фланг

армии, производила перевозки войск, боевой техники и различных грузов. Противник сопротивлялся отчаянно, цепляясь за каждый выгодный рубеж, населенный пункт, узел дорог, при отходе взрывал мосты, минировал проходы и устраивал завалы. Гарнизоны опорных пунктов стояли на смерть, сражаясь до последнего человека, даже оказавшись в глубоком тылу наступающих.

На рубеже Клокочевац, Заечар советские войска установили тактическое взаимодействие с дивизиями 14-го армейского корпуса НОАЮ, которым командовал подполковник Йованович. Вместе они должны были содействовать наступлению девяти дивизий 1-й югославской армейской группы генерала Пеко Дапчевича, нацеленной на освобождение столицы.

К этому времени справа 46-я армия, не встречая серьезного сопротивления, очистила югославские земли к востоку от Тисы. Ее 10-й гвардейский стрелковый корпус во взаимодействии с частями НОАЮ на 40-километровом участке вышел к Дунаю северо-восточнее Белграда, форсировал реку и захватил плацдарм в районе Велико-Село. На левом крыле 2-я болгарская армия генерала К. Станчева с 13-м югославским корпусом вышли на ближние подступы к городам Ниш и Лесковац и прикрыли войска 3-го Украинского фронта с юга, а соединения 1-й и 4-й болгарских армий с 16 октября наносили удар в направлении города Штип. На этих же направлениях действовали части НОАЮ.

Выход советских войск к реке Морава, расколовший группу «Сербия» на две части, оказался неожиданным для германского командования. Воспользовавшись этим, 57-я армия 10 октября успешно форсировала реку и продолжила наступление. Чтобы повысить темпы продвижения на Белград, маршал Толбухин приказал с утра 12 октября ввести в сражение 4-й гвардейский механизированный корпус, имевший более 180 танков и САУ. В директиве штаба фронта особо подчеркивалось, что освобождение Белграда должно осуществляться совместно с войсками НОАЮ, как было согласовано с маршалом Тито.

Механизированный корпус Жданова в тесном взаимодействии с войсками генерала Гагена и НОАЮ стремительно развивал наступление. 12 октября советские танкисты вместе с солдатами 1-го Пролетарского корпуса овладели населенным пунктом Топола, прочно перехватив послед-

ную коммуникацию противника, ведущую к Белграду с юга. Здесь гвардейцы посадили на свои танки югославских бойцов и 14 октября достигли южных окраин столицы Югославии. Создавалась реальная угроза окружения германских войск, действовавших юго-восточнее Белграда и стремившихся пробиться к нему, чтобы соединиться с белградским гарнизоном и усилить оборону города.

Не прекращая наступление на Белград с юга, 4-й гвардейский мехкорпус нанес удар в юго-восточном направлении, пробиваясь навстречу правофланговым соединениям 57-й армии. К 17 октября юго-восточнее Белграда советские и югославские войска окружили группировку противника, насчитывавшую 20 тысяч солдат и офицеров, а 19 октября завершили ее разгром.

Успеху на белградском направлении способствовали активные действия югославских и болгарских войск в Южной Сербии и Македонии. На нишском направлении войска 2-й болгарской армии, 13-го корпуса НОАЮ и подразделения 1-го гвардейского укрепленного района 14 октября овладели городом Ниш, разгромив 7-ю горнострелковую дивизию СС «Принц Евгений».

Завершающей фазой операции явился штурм Белграда. Чтобы удержать в своих руках столицу, противник привлек части и подразделения нескольких немецких дивизий, сербского добровольческого и русского охранного корпусов, в общей сложности — почти 22 тысячи человек, 40 танков и штурмовых орудий, около 170 орудий и минометов. Германское командование стремилось сковать на подступах к городу крупные силы советских и югославских войск и облегчить тем самым отход частей группы армий «Е» из Греции в Венгрию.

Немцы заранее позаботились об укреплении столицы. Используя благоприятный рельеф местности и пригородные населенные пункты, они построили вокруг Белграда мощную полосу обороны, которая состояла из внешнего и внутреннего оборонительных обводов, насыщенных огневыми средствами и инженерными заграждениями. От Дуная до реки Сава город был опоясан противотанковым рвом, прикрытым плотным артиллерийским огнем и минными полями. На вероятных направлениях атак были сосредоточены группы танков и штурмовых орудий. На улицах и перекрестках были построены железобетонные обо-

ронительные сооружения с системой кругового обстрела. Почти все крупные здания приспособлялись к уличным боям. Каждый квартал представлял собой сильный узел сопротивления.

План совместного штурма Белграда предусматривал нанесение фронтального удара с юга на максимально узком участке фронта, последующее развитие его по расходящимся направлениям, расчленение сил гарнизона и уничтожение его по частям, а также захват мостов на Саве и Дунае. В борьбе за город от советских войск участвовали 4-й гвардейский механизированный корпус, три стрелковые дивизии, три артиллерийские бригады, 16 артиллерийских, минометных и самоходно-артиллерийских полков, а от югославских — восемь дивизий 1-го Пролетарского и 12-го корпусов. Эти силы поддерживала 17-я воздушная армия и корабли Дунайской флотилии.

На 2-километровом участке прорыва были сосредоточены семь мотострелковых батальонов, 170 танков и САУ, 320 орудий и минометов, 24 установки РС. Противник на этом участке оборонялся силами полицейского полка СС трехбатальонного состава.

Бои за Белград, длившиеся с 14 по 20 октября, носили исключительно упорный характер. В первые два дня наступавшим удалось расчленить группировку противника на несколько частей, уничтожить большинство его опорных пунктов на южной и восточной окраинах города. Но его штурм несколько замедлился в связи с тем, что часть сил из города пришлось перебросить на разгром группировки, окруженной юго-восточнее Белграда и пытавшейся прорваться в город.

Для предотвращения разрушений в городе советское командование приняло ряд мер. В частности, было ограничено применение тяжелой артиллерии в ходе уличных боев. В освобожденных кварталах советские саперы сразу же приступали к обезвреживанию мин и фугасов.

К исходу 20 октября советские и югославские войска штурмом овладели крепостью Калемегдан — последним очагом сопротивления немцев в Белграде. В уличных боях противник потерял 10 тысяч убитыми и более 8 тысяч пленными.

С освобождением столицы Югославии операция завершилась.

Белградская операция имела важное политическое и военное значение. В ходе ее была разгромлена армейская группа «Сербия», нанесено поражение значительной части группы армий «Е», освобождены столица Югославии и большая часть Сербии. Группа армий «Е», лишенная возможности отступить по долине реки Морава, вынуждена была отходить по труднодоступным горным дорогам, неся большие потери от непрерывных ударов югославских войск. Освобождение Сербии обеспечило благоприятные условия для действий южного фланга группировки советских войск, наступавших на будапештском направлении. НОАЮ получила возможность образовать сплошную линию фронта. Были созданы благоприятные условия для полного освобождения страны.

Советские потери составили 18 838 человек убитыми и ранеными, 53 танка и 66 самолетов.

До конца октября Красная Армия вела боевые действия на территории Югославии в той же группировке, которая сложилась в ходе Белградской операции. 30 октября командующий 3-м Украинским фронтом по указанию Ставки ВГК и по согласованию с Верховным штабом НОАЮ приказал вывести войска 57-й армии на северный берег Дуная в район Петровграда. При этом ее 68-й стрелковый корпус и части 1-го гвардейского укрепрайона были оставлены на рубеже Чачак, Кралево, Крушевац с задачей не допустить прорыва немецких войск на Белград. Для поддержки сил НОАЮ в Югославии оставалась авиагруппа под командованием генерала А.Н. Витрука. Национальный фронт освобождения, Верховный штаб Народно-освободительной армии и другие центральные органы переехали в Белград.

7 ноября произошел печальный нишский инцидент. Во время марша 6-го гвардейского корпуса к Дунаю колонна советских войск была атакована девяткой американских истребителей «Лайтнинг». От разрывов бомб погиб командир корпуса генерал-лейтенант Г.П. Котов, два офицера и трое солдат; сгорели 20 автомашин с имуществом. Дежурная группа советских истребителей, прикрывая колонну, вступила в бой, сбила два американских самолета, потеряв три своих. Дело дошло до самых высоких инстанций. В ходе разбирательства глава военной миссии США признал, что командир американской эскадрильи совершил навигационную ошибку, и выразил желание более тесно координиро-

вать действия авиации в районах соприкосновения союзных войск, особенно с перспективой вторжения на территорию Германии. Сталин объяснения и извинения принял. В годы «холодной войны» этот случай трактовался однозначно: это была провокация, «предательский удар из-за угла».

27 ноября 68-й стрелковый корпус совместно с частями 14-го югославского корпуса овладел городом Кралево — важным узлом дорог. Тем самым угроза столице была окончательно снята; и в начале декабря Толбухин смог перебросить 68-й корпус в междуречье Дуная и Савы, где он во взаимодействии с 1-м югославским корпусом вел бои за Осиек до 25 декабря, а затем был выведен за пределы Югославии.

В первых числах марта 1945 года был образован регентский совет, принявший отставку правительства Шубашича. Одновременно Антифашистское вече приняло отставку Национального комитета освобождения. 7 марта Тито сформировал единое правительство, в которое вошли, кроме Шубашича в качестве министра иностранных дел, еще три представителя эмиграции. Основное ядро составляли члены НКОЮ. Идиллия длилась недолго.

29 ноября в Белграде открылось Учредительное собрание, провозгласившее Югославию Федеративной Народной Республикой и лишившее Петра монархических прав. Тито стал председателем Союза коммунистов Югославии и президентом страны, в 1974 году эти посты были закреплены за ним пожизненно. Первое время югославские коммунисты получали самую широкую поддержку и материальную помощь от СССР, но не все сталинские рецепты пришлись им по вкусу, и пути двух компартий надолго разошлись. Каждая из них строила свой коммунизм, правда, пришли в конце концов к одинаковому результату: оба государства «с самым передовым общественным строем» исчезли с карты мира.

ДЕБРЕЦЕНСКАЯ ОПЕРАЦИЯ

Последней союзницей Гитлера в Европе оставалась Венгрия, для верности по-дружески оккупированная дивизиями вермахта. В конце сентября Хорти предпринял несколько попыток заключить сепаратный мир с западными державами. В частности, 22 сентября он отправил самолетом в расположенный вблизи Неаполя штаб англо-американского командования генерал-полковника Иштвана Надаи, по-

ручив ему склонить англичан высадиться в Риеке, а оттуда через Загреб прорваться в южную часть Венгрии. В условиях когда Красная Армия уже вела бои непосредственно на границах Венгрии, план выглядел утопичным. Союзники посоветовали эмиссару «обратиться к русским». Регент вынужден был официально обратиться за выяснением условий перемирия к Советскому правительству. 1 октября в Москву прибыла венгерская делегация.

К началу октября 1944 года на границе с Венгрией и Югославией, на участке в 800 км от перевала Прислоп до большой излучины Дуная, стояли войска 2-го Украинского фронта. Правее, к востоку от Дуклинского перевала до границы с Румынией, боевые действия вел 4-й Украинский фронт. Слева на югославской территории действовали войска 3-го Украинского фронта. Выход армий маршала Малиновского к границам Венгрии создал благоприятные условия для действий 4-го Украинского фронта, поставив под угрозу мощного флангового удара всю немецко-венгерскую группировку в Карпатах.

Первоначально, после продвижения Красной Армии в западные районы Румынии и в Болгарию, германское командование предполагало, что Сталин нацеливается не на Будапешт, а на черноморские проливы. На совещании 10—13 сентября Гитлер говорил генералу Фриснеру, что «политической целью русских является не Германия, а Босфор, который вообще и является вопросом, вокруг которого все и крутится. Сейчас Россия в первую очередь поставит вопрос о Балканах и Босфоре...» По мнению фюрера, такое развитие событий должно было привести к решающему столкновению между союзниками, а задача вермахта на этот период состояла в том, чтобы «...высидеть время. Кроме того, необходимо принять все меры, чтобы фронты на Балканах были удержаны». Но очень скоро стало ясно, что советское командование не собирается перебрасывать главные силы на босфорское направление, а концентрирует их против важнейших центров Венгрии.

Это заставило германское командование значительно усилить группу армий «Юг». Важнейшее политическое, военное и экономическое значение Венгрии предопределило твердое решение Гитлера превратить территорию страны в стратегическое предполье Германии.

Чтобы не допустить вступления советских войск в Вен-

грию, планировалось предпринять ряд контрударов. В директиве ОКХ от 30 сентября перед группой армий «Юг» была поставлена задача: удерживая карпатский выступ, подготовить наступательную операцию, в ходе которой из района Дебрецена нанести удар по советским войскам, вышедшим к границе на участке между городами Орадя и Мако, и «достичь такого рубежа, который мог бы быть в течение зимы удержан незначительными силами». Противник стремился разгромить левое крыло 2-го Украинского фронта, а затем, произведя перегруппировку своих войск, нанести из района Турды удар по его правому крылу, отбросить советские войска за Южные Карпаты и закрыть им выход в северную часть Трансильвании и Средне-Дунайскую низменность. Вместе с тем германское командование продолжало отвод из южных районов Югославии, из Албании и Греции войск, оказавшихся под угрозой ударов армий Толбухина.

Советское командование, в свою очередь, планировало развитие наступления на белградском направлении, в центральной части Венгрии и в юго-восточной части Словакии. Плавная роль теперь отводилась 2-му Украинскому фронту. В начале сентября маршал Малиновский получил задачу нанести удар под основание карпатского выступа в направлении Орадя, Дебрецен, Ньиредьхаза — важных узлов железных и шоссейных дорог с целью открыть путь на север и северо-запад и создать благоприятные условия для войск генерала Петрова в преодолении Карпат. Однако в ходе наступления его соединения столкнулись с упорнейшим противодействием противника и продвигались очень медленно. Поэтому Ставка 15 сентября приказала фронту развивать удар в направлении Клуж, Дебрецен, с тем чтобы не позднее 7—10 октября главными силами выйти на реку Тиса на участке Чоп, Сегед. Румынские войска должны были прикрывать участок Сегед, Джурджу по реке Дунай и частью сил вести наступательные действия совместно с советскими войсками.

Всю вторую половину сентября армии Малиновского предпринимали попытки продолжить наступление и отражали сильные контрудары противника в районах Турды и Турну-Северина. Но значительного успеха добиться не смогли, и 3 октября Ставка вновь уточнила задачи. Она приказала силами 6-й гвардейской танковой армии и конно-механизированной группы Плиева нанести удар в

северном направлении, в обход Дебрецена с запада, а румынским войскам, ранее находившимся в оперативном подчинении 46-й армии, перейти в наступление на левом фланге 53-й армии в направлении Тимишоара, Сегед. Главные силы 46-й армии было решено сгруппировать на ее правом фланге, а один корпус нацелить на белградское направление, развернув его по северному берегу Дуная.

Получив эти указания, Малиновский без оперативной паузы приступил к подготовке Дебреценской операции. Перед ее началом Ставка из своего резерва направила 2-му Украинскому фронту 4-й и 6-й гвардейские кавалерийские корпуса. Из 3-го Украинского фронта ему были переданы 46-я армия, 7-й гвардейский механизированный корпус и 7-я артиллерийская дивизия прорыва. В сентябре фронт получил около 75 тысяч человек пополнения. В районе Тимишоары сосредоточилась 4-я гвардейская армия резерва Ставки. Всего же к началу октября в состав 2-го Украинского фронта входили 7-я гвардейская, 40-я, 27-я, 53-я, 46-я общевойсковые, 6-я гвардейская танковая и 5-я воздушная армии, 18-й танковый корпус, конно-механизированные группы генералов Плиева и Горшкова, а также румынская добровольческая дивизия имени Тудора Владимитреску. Фронт насчитывал 40 дивизий, два укрепленных района, три танковых, два механизированных и три кавалерийских корпуса, одну танковую бригаду — 698 тысяч солдат и офицеров, 10 200 орудий и минометов, 825 танков и самоходок, 1100 самолетов. Кроме того, в оперативном подчинении командующего фронтом находились 1-я и 4-я румынские армии — 22 недоукомплектованные и плохо оснащенные дивизии, в которых насчитывалось около 70 тысяч бойцов.

Им противостояли войска немецкой группы армий «Юг» под командованием генерал-полковника Фриснера в составе 8-й и 6-й немецких, 2-й и 3-й венгерских армий и ряда боевых групп — всего 29 дивизий и 6 бригад и 3 дивизии группы армий «Ф». Они имели 3500 орудий и минометов, 300 танков и около 500 самолетов 4-го воздушного флота.

Выполняя указания Ставки, Малиновский решил нанести главный удар по противнику из района южнее Орадя в направлении на Дебрецен. На правом фланге планировалось нанесение вспомогательных ударов с целью овладеть районом Клуж, Сату-Маре. На левом крыле предусматривалось разгромить противника на восточном берегу реки Ти-

са и надежно прикрыть левый фланг главной группировки фронта.

В соответствии с замыслом операции Малиновский приказал 6-й гвардейской танковой армии генерала А.Г. Кравченко и конно-механизированной группе Плиева наступать в первом эшелоне с задачей самостоятельно прорвать тактическую полосу обороны противника. Такая необычность задачи объяснялась прежде всего тем, что на этом участке фронта немецкие войска имели относительно слабую очаговую оборону, основу которой составляли отдельные опорные пункты.

Утром 6 октября после короткой артиллерийской и авиационной подготовки ударная группировка 2-го Украинского фронта перешла в наступление. В первый же день 53-я армия и группа Плиева прорвали оборону противника, разгромили противостоящие силы 3-й венгерской армии. К исходу третьего дня они продвинулись до 100 км на север и вышли в район Карцага. Войска правого крыла и центра, встретив упорное сопротивление в районе Клуза, продвигались медленно. На левом крыле 46-я армия к исходу 8 октября полностью освободила югославскую территорию восточнее реки Тиса и захватила плацдармы на ее западном берегу.

Однако на важнейшем участке фронта брошенная в бой без подготовки прорыва танковая армия Кравченко, встретившая очень сильное сопротивление и понесшая большие потери, застряла на подступах к городу Орадя и успеха не имела. Как оказалось, именно здесь противник концентрировал силы для нанесения удара, запланированного на 12 октября.

На правом крыле фронта 40-я, 7-я гвардейская, 4-я румынская и 27-я армии топтались на месте.

Ставка ВГК приказала Малиновскому как можно быстрее овладеть районом Орадя. Для этого она считала необходимым нанести удар по городу силами 6-й гвардейской танковой армии с запада, 33-го стрелкового корпуса — с юга, а группы Плиева — с северо-запада. Для усиления центра фронта Ставка приказала не позднее 20 октября подтянуть в район Беюша 7-ю гвардейскую армию. Сюда выдвигалась также конно-механизированная группа Горшкова. Наступление на Орадя поддерживала большая часть фронтовой авиации.

Немецко-венгерские войска в районе Орадя и на подступах к Дебрецену оказывали упорное сопротивление. Перед правым же крылом фронта они были вынуждены 9—10 октября начать отход в северо-западном направлении. 12 октября группа Плиева во взаимодействии с 33-м стрелковым корпусом овладела городом Орадя. Танковая армия действовала неудачно, целую неделю она не могла сдвинуться с места и потеряла значительное количество техники. Малиновский указывал генералу Кравченко: «Ваши потери и невыполнение поставленной задачи вытекают из вашего стремления вести только лобовые атаки и нежелания вложить в операцию тактического маневра, на что Вам неоднократно указывалось». Но в целом день, намеченный противником для разгрома советских войск, вышедших к венгерской границе, завершился поражением его ударной группировки. Правда, за десять дней боев фронт потерял 458 танков и самоходок, из них 202 машины — объединения Кравченко и Плиева.

Как свидетельствует Фриснер, в Будапеште царило «в связи с прорывом русских за Тису.. крайне удрученное настроение». 11 октября венгерская делегация в Москве подписала предварительные условия соглашения о перемирии: в течение десяти дней эвакуировать свои войска с оккупированных территорий соседних государств под наблюдением союзной контрольной комиссии, немедленно порвать с Германией и объявить ей войну, советское правительство оказывает помощь Венгрии своими войсками. Регент попросил советское командование на три дня приостановить наступление, мотивируя это необходимостью подготовки к осуществлению условий перемирия. Просьба была выполнена.

15 октября в Будапеште было передано по радио сообщение Хорти, что «Германская империя проиграла войну, что она «уже давно нарушила союзническую верность» и что немцы на территории страны «производят грабежи и разрушения». В заключение регент заявил: «...я сообщил представителю Германской империи в Венгрии о заключении предварительного соглашения о перемирии с нашими противниками и прекращении с нашей стороны всяких военных действий против них». В тот же день он издал приказ, в котором оповещал венгерскую армию о своем решении про-

силь о перемирии, но ни словом не обмолвился, что условия уже приняты, и прямого приказа открыть фронт не отдал.

Немедленно после передачи заявления немцы, старательно информируемые самим регентом, провели заранее спланированную акцию «Панцерфауст» по смене правительства. В столице практически не было венгерских частей, зато активно действовали Отто Скорцени и три немецкие дивизии, которые заняли важнейшие районы и учреждения. 16 октября Хорти объявил «недействительным» свое воззвание по радио, подписал акт об отречении от звания регента, передав власть убежденному фашисту Ференцу Салаши, который объявил себя главой государства, вождем нации и образовал правительство «концентрации правых сил». Первым делом Салаши отправил благодарственную телеграмму Гитлеру, пообещав «поставить венгерскую армию до последнего человека» на службу Германии. Все население страны в возрасте от 12 до 70 лет было объявлено мобилизованным в армию или на принудительные работы.

Приход к власти Салаши для всех означал, что Венгрия будет продолжать войну.

Малиновский между тем продолжал наступление. 20 октября 6-я гвардейская танковая армия совместно с конно-механизированными группами генералов Плиева и Горшкова ударом по сходящимся направлениям овладела Дебреценом — важным узлом обороны противника.

Армии правого крыла заняли район Клужа. К исходу 20 октября они вышли на рубеж Сигет, Маргита и установили непосредственную связь с войсками фронта, действовавшими на дебреценском направлении.

22 октября конно-механизированная группа Плиева, в которую была включена группа генерала Горшкова, овладела городом Ньиредьхаза, продвинулась передовыми частями на север до 30 км и вышла на реку Тиса, создавая угрозу окружения армейской группы «Вёлер». Это предопределило ожесточенный характер боев, продолжавшихся с 23 до 28 октября. Чтобы избежать окружения, противник силами трех армейских и одного танкового корпусов нанес мощный контрудар по флангам КМГ и перерезал ее коммуникации южнее Ньиредьхазы. 27 октября группа Плиева оставила город и соединилась с основными силами фронта.

На сольнокском направлении 53-я и 7-я гвардейская армии к исходу 28 октября овладели восточным берегом Ти-

сы. 40-я и 4-я румынская армии, действовавшие на правом крыле, к этому времени завершили освобождение северной части Трансильвании и пересекли румыно-венгерскую границу. На левом крыле фронта войска 46-й армии 21 октября овладели городами Байя и Сомбор, а к исходу 28 октября захватили в междуречье Тисы и Дуная крупный оперативный плацдарм.

Таким образом, войска 2-го Украинского фронта, преодолев ожесточенное сопротивление, на правом крыле приближались к Тисе, на центральном участке вышли на восточный берег реки, а на левом крыле форсировали ее. 28 октября преодолением Тисы Дебреценская операция завершилась. В ходе этой первой крупной операции на венгерской территории Красная Армия во взаимодействии с румынскими войсками заняла северную часть Трансильвании и значительную часть Венгрии — одну треть ее территории, на которой проживала четверть населения страны.

Советские войска во время наступления взяли в плен более 42 тысяч солдат и офицеров. Потери фронта составили 84 тысячи убитыми и ранеными.

Выход соединений 2-го Украинского фронта в район Дебрецена создал серьезную угрозу тылам карпатской группировки. Это вынудило германское командование начать отвод своих войск перед центральным участком и левым крылом 4-го Украинского фронта. Командующий 1-й венгерской армией генерал Бела Миклош, видя бесперспективность дальнейшей борьбы и будучи недоволен политикой правительства, с частью штаба армии 16 октября перешел на советскую сторону. Оставленные сами по себе части армии «самоопределились» в зависимости от политических взглядов командиров и настроения солдат. Большими группами на советскую сторону перешли свыше 10 тысяч человек; с учетом потерь убитыми, ранеными, пленными и дезертирами 1-я венгерская армия фактически распалась.

В связи с вступлением Красной Армии на венгерскую территорию по указанию ГКО от 27 октября 1944 года Военный совет фронта обратился к венгерскому народу с ставшим традиционным воззванием, призвав его всемерно содействовать советским войскам в их освободительной миссии. В воззвании подчеркивалось, что Красная Армия вступает в Венгрию не с целью приобретения какой-либо части ее территории, а лишь в силу необходимости, «не как

завоевательница, а как освободительница венгерского народа от немецко-фашистского ига». В этом документе разъяснялось, что на территории страны будут сохранены венгерские органы власти, система экономического и политического устройства и существующие обычаи, что все права и собственность граждан берутся под охрану советских военных властей.

Следовавшие за войсками коммунисты-эмигранты из Заграничного руководства организовали в городе Сегеде легальный ЦК ВКП. Здесь же в начале декабря из представителей демократических партий был образован Венгерский национальный фронт, а 22 декабря в Дебрецене сформировано Временное национальное правительство во главе с бывшим командующим 1-й венгерской армией Миклошем, которое через двое суток запросило у Москвы условия перемирия и от имени венгерского народа выразило готовность объявить войну Германии и принять участие «в борьбе по уничтожению гитлеризма и тем самым искупить вину, совершенную предшествующими правительствами против Советского Союза и других свободолюбивых народов». 28 декабря 1944 года Временное правительство объявило недействительными договоры, заключенные с Германией, и объявило ей войну.

МЕДАЛЬ ЗА ГОРОД БУДАПЕШТ

После завершения Дебреценской операции Сталин приказал без паузы начать Будапештскую операцию, как ни просил его Малиновский подождать.

При этом учитывалось особое значение столицы: более 50 процентов всех промышленных предприятий Венгрии были сосредоточены в этом городе.

Немедленное наступление на Будапешт диктовалось и выгодными оперативно-стратегическими условиями. Основные силы группы армий «Юг», насчитывавшей 18 немецких и 20 венгерских дивизий, действовали на ньередьхазско-мишкольцком направлении. Германское командование решило использовать их для прикрытия северо-восточных подступов к Будапешту, а юго-восточные оборонялись войсками потрепанной в боях 3-й венгерской армии, усиленной одной танковой и одной моторизованной

немецкими дивизиями. Здесь оперативная плотность войск противника была в 2 раза ниже.

Учитывая эти обстоятельства, Ставка приказала 2-му Украинскому фронту перейти в наступление, овладеть столицей Венгрии и вывести страну из войны. Главные силы фронта находились на его центральном участке и правом крыле, но на перегруппировку сил времени не отводилось. Сталин требовал немедленно нанести слабо обеспеченный фронтальный удар, рассчитывая использовать замешательство в правящих кругах Венгрии сразу после путча. Этот удар Малиновский должен был нанести на своем левом крыле силами 46-й армии генерала Шлемина и 2-го гвардейского механизированного корпуса, прибывшего из глубокого тыла и имевшего 206 танков и 96 САУ, при поддержке 5-й воздушной армии в общем направлении на Кечкемет, Будапешт с задачей прорвать оборону юго-восточнее Будапешта и овладеть им.

Вспомогательный удар наносила 7-я гвардейская армия из района северо-восточнее города Сольнок с целью форсировать Тису и захватить плацдарм на ее западном берегу. Остальные войска продолжали наступление в направлении Мишкольца, сковывая противостоящие силы противника и не допуская их переброски в район Будапешта. Войскам 3-го Украинского фронта было приказано продолжать перегруппировку и сосредоточение главных сил в Югославском Банате, одновременно передовыми частями захватить плацдармы на правом берегу Дуная на территории Венгрии. 4-й Украинский фронт наступал в глубь Чехословакии, способствуя успешному развитию Будапештской операции.

Таким образом, для проведения операции выделялось 39 стрелковых, 9 кавалерийских, 4 воздушно-десантные дивизии, 4 механизированных и 3 танковых корпуса, 1 танковая, 1 самоходно-артиллерийская бригада, 2 укрепрайона, 1 бригада морской пехоты — 720 000 человек.

Стремясь не допустить дальнейшего продвижения советских войск в глубь Венгрии, противник на подступах к Будапешту создал ряд сильно укрепленных оборонительных рубежей и городских обводов, которые упирались своими флангами в Дунай севернее и южнее города. Юго-западнее столицы — по линии озер Балатон и Веленце, до излучины Дуная у города Вац и далее вдоль чехословацко-венгерской границы — была подготовлена оборонительная полоса «ли-

ния Маргарита». Крупными силами в районе Будапешта противник не располагал.

В полосе предстоящего прорыва 46-й армии (6 стрелковых дивизий) оборонялись части 8-й, 10-й пехотных и 1-й кавалерийской венгерских дивизий. Резерв составляла 24-я танковая дивизия немцев.

Наступление левого крыла 2-го Украинского фронта началось 29 октября и вначале развивалось успешно: дивизии Шлемина прорвали оборону 3-й венгерской армии и, после ввода в сражение около 400 танков 2-го, а затем левее — 4-го гвардейских механизированных корпусов, начали стремительное продвижение вперед. Для противника этот удар оказался неожиданным; 2 ноября советские войска находились в 15 км от Будапешта. Однако ворваться в город с ходу не удалось. Как раз в этот день противник закончил перегруппировку сил. Германское командование в спешном порядке перебросило сюда из района Мишкольца три танковые и одну моторизованную дивизии, которые, заняв первую полосу обороны столицы, оказали танкистам упорное организованное сопротивление. Начались затяжные бои. Когда общевойсковые части догнали мехкорпуса, было уже поздно пытаться с юга овладеть городом: враг успел организовать сильную оборону. При сложившейся конфигурации линии фронта попытки наступать на узком фронте становились опасными: правый фланг ударной группировки оказался необеспеченным, так как 7-я гвардейская армия не выполнила своей задачи.

4 ноября Ставка указала Малиновскому, что «атака Будапешта на узком участке силами только двух механизированных корпусов с незначительным количеством пехоты может привести к неоправданным потерям и поставит действующие на этом направлении войска под фланговый удар с северо-востока». Поэтому фронту предлагалось ускорить вывод войск центра и правого крыла на западный берег Тисы, чтобы расширить полосу наступления и разгромить будапештскую группировку противника ударами с севера и северо-востока во взаимодействии с войсками левого крыла.

Обе стороны правильно просчитали ситуацию. 5 ноября танковая группа генерала Кирхнера ударила по правому флангу армии Шлемина, продвинулась на 20 км и перерезала дорогу Кечкемет — Будапешт. Чтобы восстановить по-

ложение, понадобилось два дня. Войска 40-й и 27-й армий к исходу 6 ноября, ликвидировав плацдарм противника на левом берегу, вышли к Тисе во всей полосе; 7-я гвардейская правым флангом продвинулась на север до 45 км и находилась всеми силами за Тисой; 46-я армия топталась у внешнего обвода Будапешта.

11 ноября войска 2-го Украинского фронта вновь перешли в наступление, продолжавшееся 16 дней. За это время они, тесня противника в междуречье Тисы и Дуная, продвинулись в северо-западном направлении до 65 км и подошли к внешнему обводу обороны Будапешта. Однако рассечь и разгромить будапештскую группировку восточнее города не удалось. Задача в целом оказалась невыполненной, хотя в полосе 7-й гвардейской армии Малиновский бросил в бой 481 танк и самоходную установку. С одной стороны, мешали упорное сопротивление противника, осенняя распутица, несвоевременный подвоз боеприпасов из-за сильно растянутых коммуникаций, а также усталость войск, непрерывно наступавших более трех месяцев. С другой — расточительное отношение к людям на протяжении всей войны, хотя и компенсировалось регулярно поступающими пополнениями, но в ходе проведения длительных операций неизбежно приводило к снижению качества войск. Имея неизменно-переменный состав в 700—750 тысяч человек, 2-й Украинский фронт за три месяца потерял убитыми и ранеными около 200 тысяч офицеров и солдат.

В директиве командующего фронтом указывалось, что командиры подвижных соединений не стремились вырваться компактной массой вперед, а действовали в одну линию с пехотой, ввязываясь в затяжные бои; танки использовались распыленно, мелкими группами; командиры плохо организовывали управление огнем; штабы недостаточно контролировали действия войск; часто командиры соединений, имея трех-четырекратное превосходство, приостанавливали наступление для отражения контратак небольших групп противника, то есть делали именно то, чего противник добивался.

Обстановка, сложившаяся к 25 ноября, заставила Малиновского просить у Ставки разрешения остановить активные действия трех левофланговых армий фронта, чтобы подготовить их к дальнейшему наступлению с 4—5 декабря.

Новый замысел заключался в овладении Будапештом путем обхода его с севера 7-й гвардейской, 6-й гвардейской танковой армиями и группой Плиева, а с юго-запада — главными силами 46-й армии и 2-м гвардейским мехкорпусом при обеспечении ударной группировки справа наступлением 53-й армии генерала Г.Ф. Тарасова в северном направлении. В полосе армии генерала Шумилова на участке прорыва была создана плотность 260 артиллерийских стволов на 1 км и сосредоточено 510 единиц бронетехники. Кроме того, армии Тарасова придавалось 160 танков и самоходных установок.

Действия южной ударной группировки были менее обеспечены. При этом ей предстояло сначала форсировать на глазах противника такую серьезную водную преграду, как Дунай. Между тем в 80 км к югу от армии Шлемина войска 3-го Украинского фронта уже находились на западном берегу Дуная. Удар отсюда на север гораздо быстрее и меньшими жертвами мог вывести советские войска к западу от Будапешта. Однако мысль о привлечении к операции армий Толбухина пришла «опосля».

Немецкое командование, учитывая угрозу, нависшую в связи с захватом войсками 3-го Украинского фронта крупнейшего плацдарма за Дунаем, а также необходимость установить единство всех соединений на территории Венгрии передало из группы армий «Ф» в группу армий «Юг» 2-ю танковую армию. В течение ноября противник систематически усиливал свою группировку на будапештском направлении. Кроме того, намерения Малиновского не остались секретом для генерала Фриснера: на участок 3-й венгерской армии он дополнительно перебросил три танковые дивизии, одну бригаду штурмовых орудий и 503-й тяжелый танковый батальон.

Всего 2-й Украинский фронт имел 528 тысяч человек, 9014 орудий и минометов, 565 танков и САУ, 950 самолетов. Немцы могли им противопоставить 127 тысяч солдат и офицеров, 1830 орудий и минометов, 411 танков и штурмовых орудий, 450 самолетов.

5 декабря советское наступление возобновилось. В течение пяти дней войска левого крыла и центра фронта безуспешно пытались окружить и уничтожить группировку противника путем обхода ее с севера и юго-запада. Главная группировка танковым тараном сумела пробиться к боль-

шому изгибу Дуная севернее Будапешта, отбросив основные силы 6-й армии в район севернее реки Ипель, но вторая половина «клещей» — 46-я армия и 2-й гвардейский мехкорпус генерала К.В. Свиридова — свою задачу не выполнила. Уже при ночном форсировании Дуная дивизии Шлемина понесли большие потери в личном составе от артиллерийского огня противника. Почти все инженерные средства были уничтожены, в результате переправа механизированного корпуса заняла трое суток. Армия сумела захватить небольшой плацдарм, но из-за недостатка сил выйти к Будапешту с юго-запада не смогла, споткнувшись на «линии Маргарита».

Таким образом, и третья попытка овладеть Будапештом силами одного фронта успеха не имела. Вместе с тем войска 2-го Украинского фронта завершили освобождение междуречья Тисы и Дуная и отрезали будапештской группировке пути отхода на север.

57-я армия 3-го Украинского фронта к 9 декабря вышла в район к югу от озера Балатон. Со второй половины ноября на правом берегу Дуная начала боевые действия прибывшая в состав фронта 4-я гвардейская армия, войска которой соединились с 46-й армией 2-го Украинского фронта. Создалась реальная возможность удара советских войск в тыл будапештской группировки противника.

Согласно директиве Ставки от 12 декабря окружение и разгром будапештской группировки теперь планировалось осуществить силами 2-го и 3-го Украинских фронтов. Действовавшая на западном берегу Дуная 46-я армия передавалась в распоряжение Толбухина.

К началу декабрьского наступления 2-й Украинский фронт (4-я румынская, 40-я и 27-я армии) имел 39 стрелковых дивизий, 2 танковых, 2 механизированных и 2 кавалерийских корпуса, 2 укрепленных района и 14 румынских дивизий. Войска 3-го Украинского фронта (46-я, 4-я гвардейская и 57-я армии) располагали 31 стрелковой дивизией, 1 бригадой морской пехоты, 1 укрепленным районом, 1 танковым, 2 механизированными и 1 кавалерийским корпусами. В составе фронта действовала 1-я болгарская армия. Наземные войска поддерживались авиацией 5-й и 17-й воздушных армий и кораблями Дунайской военной флотилии. Южнее 3-го Украинского фронта действовала 3-я югославская армия.

Таким образом, граница фронтов устанавливалась по Дунаю, ликвидацию врага в Пеште должны были осуществить войска Малиновского, а в Буде — армии Толбухина.

Силам двух советских фронтов противостояли немецкие войска группы армий «Юг» и часть сил группы армий «Ф» — всего 51 немецкая и венгерская дивизии и 2 бригады, в том числе 9 танковых и 4 моторизованные дивизии, 1 моторизованная и 1 кавалерийская бригада и значительные силы авиации 4-го воздушного флота.

Маршал Малиновский получил задачу ударной группировкой левого крыла нанести удар из района Шаги в общем направлении на Солдины, выйти к Дунаю на участке Несмей, Эстергом и не допустить отхода будапештской группировки на северо-запад. Одновременно фронт должен был частью сил наступать на Будапешт с востока. Маршалу Толбухину ставилась задача нанести удар из района озера Веленце на север, выйти к берегу Дуная в районе Эстергом, Несмей и соединиться с войсками 2-го Украинского фронта, отрезав тем самым пути отхода будапештской группировке на запад. Из района Бичке часть сил фронта должна была наступать на Будапешт и овладеть им во взаимодействии с войсками Малиновского. Создание внешнего фронта в 50—60 км к западу и юго-западу от Будапешта также возлагалось на войска 3-го Украинского фронта.

Начавшееся 20 декабря наступление развивалось успешно. Соединения 2-го Украинского фронта к исходу дня продвинулись северо-западнее Будапешта на 15—32 км. Немецко венгерские войска понесли большие потери, но, подтянув свежие силы, стремились остановить дальнейшее продвижение советских войск. 21 декабря они тремя танковыми дивизиями при поддержке пехоты нанесли контрудары с юга и с севера на Шаги. Им удалось потеснить правифланговые соединения 7-й гвардейской армии и к исходу 22 декабря выйти в тыл танковой армии Кравченко. Оценив обстановку, маршал Малиновский приказал 6-й гвардейской танковой армии, удерживая район Левице, главные силы повернуть на юг, нанести удар вдоль восточного берега реки Грон и во взаимодействии с 7-й гвардейской армией окружить и уничтожить всю вражескую группировку в междуречье Ипель и Грон. Танкисты при активной поддержке авиации успешно выполнили эту задачу. 26 декабря танковые бригады прорвались к Дунаю севернее Эстергома

и соединились с войсками Толбухина. 7-я гвардейская армия в конце декабря вышла к реке Грон и южнее Солдины захватила небольшой плацдарм на противоположном берегу. Войска левого крыла к концу декабря подошли к Будапешту с востока. На правом крыле 27-я армия Трофименко и 53-я армия Манагарова ликвидировали выступ в районе гор Матра.

Войска 3-го Украинского фронта прорвали главную полосу обороны и в первый день наступления продвинулись на 5—7 км. Противник предпринимал сильные контратаки. На второй день они стали еще более яростными, особенно упорными были бои в районе Секешфехервара. Чтобы сломить сопротивление врага, командующий фронтом приказал ввести в сражение вторые эшелоны корпусов, а 21 декабря — армейские подвижные группы: 2-й гвардейский и 7-й механизированный корпуса, а также 18-й танковый корпус, составлявший фронтовую подвижную группу. Однако прорвать вражескую оборону на всю глубину в установленные сроки не удалось. Стрелковые дивизии не имели танков непосредственной поддержки пехоты, а в большинстве случаев — и вторых эшелонов.

Лишь на четвертый день войска фронта смогли прогрызть все три оборонительные полосы. Продвинувшись с начала наступления на 27 км, они в результате ожесточенного боя овладели городом Секешфехервар и устремились на север. 24 декабря они выбили противника из города Бичке, а через два дня, выйдя к Дунаю, заняли Эстергом и соединились с войсками Малиновского.

В результате в окружение попала группировка противника в составе 7 пехотных, 2 танковых, 1 моторизованной, 2 кавалерийских дивизий, 3 артиллерийских бригад, до 30 отдельных батальонов, полков и боевых групп немцев и венгров общей численностью 188 тысяч человек. Одновременно 46-я армия во взаимодействии со 2-м гвардейским механизированным корпусом ворвалась в Буду и завязала уличные бои. Соединения 4-й гвардейской армии генерала Захарова и 5-го гвардейского кавалерийского корпуса 26 декабря выдвинулись на рубеж юго-западнее Секешфехервара, создав внешний фронт окружения.

29 декабря маршалы Малиновский и Толбухин, чтобы избежать дальнейшего кровопролития, оградить Будапешт от разрушений, сохранить его исторические памятники,

обратились к командованию окруженной группировки с ультиматумом. Условия капитуляции непрерывно передавались мощными звуковещательными станциями, а в штаб противника были направлены два парламентаря — капитаны Миклош Штейнмец и И.А. Остапенко. Осажденные отказались вести любые переговоры; парламентарев убили.

Отказ гитлеровцев от капитуляции вынудил советские войска приступить к боевым действиям по уничтожению окруженной группировки. Ожесточенные бои вспыхнули с новой силой. Они шли непрерывно днем и ночью еще почти полтора месяца. Причиной затянувшейся борьбы стали события, развернувшиеся на внешнем фронте окружения.

Недовольный действиями генералов Фриснера и Фререр-Пико, Гитлер еще 23 декабря назначил командующим группой армий «Юг» генерала Вёлера, а командующим 6-й армии, сражавшейся в районе Будапешта, — генерала танковых войск Балька. 25 декабря командование 6-й немецкой армии было поставлено в известность о решении фюрера отправить в район к западу от Будапешта значительные подкрепления. Группа армий «Юг» постоянно усиливалась танковыми соединениями. Если к началу Дебреценской операции войскам двух Украинских фронтов противостояли 4 танковые и 3 моторизованные дивизии, то к 1 января 1945 года — 13 танковых, две моторизованные дивизии и одна мотобригада. Несмотря на то что германскому командованию было известно о подготовке Красной Армии к большому наступлению против восточнопрусской и варшавской группировок, оно продолжало усиливать группу армий «Юг», даже за счет ослабления своих сил в центре советско-германского фронта. Так, из-под Варшавы был переброшен 4-й танковый корпус СС под командованием группенфюрера Герберта Гилле в составе танковых дивизий «Тотенкопф» и «Викинг».

По утверждению Гудериана: «Освобождение от блокады Будапешта было для Гитлера важнее, чем оборона Восточной Германии». Этому можно поверить, если учесть, что на всем Восточном фронте вермахт имел 24 танковых и 7 моторизованных дивизий.

Для деблокирования будапештского «гарнизона» германское командование сосредоточило к юго-востоку от Комарно танковый корпус СС и другие соединения — 5 танковых и 3 пехотные дивизии.

С советской стороны на 120-километровом участке между Дунаем и озером Балатон внешний фронт окружения удерживала 4-я гвардейская армия генерала Захарова в составе 13 стрелковых дивизий, 1-го гвардейского укрепленного района и 7-го механизированного корпуса. В полосе армии располагался резерв фронта — 5-й гвардейский кавалерийский и 18-й танковый корпуса.

На подходе был больше года проведенный в резерве Ставки 1-й гвардейский ордена Ленина механизированный корпус под командованием генерала И.Н. Руссиянова, полностью укомплектованный отборным личным составом — ветеранами и сибиряками и техникой, и усиленный тремя самоходно-артиллерийскими полками с новейшими СУ-100. Основу танкового парка составляли американские «шерманы».

Разведка армии и фронта не выявила намерения противника нанести удар по правому флангу армии. Главные силы армии находились на левом фланге, где 1 января предпринимались попытки наступления.

В ночь на 2 января немцы после короткой, но мощной артиллерийской подготовки перешли в наступление в направлении на Бичке, введя в бой 300 танков. Оборона 80-й гвардейской стрелковой дивизии, не успевшей даже отрыть траншеи, была прорвана сразу. К исходу 3 января противник продвинулся на глубину 16—24 км. В последующие три дня — еще на 12—13 км и к исходу 6 сентября оказался возле Бичке. Только благодаря упорству советских солдат, избавившихся от синдрома танкобоязни и окруженчества, и маневру резервами его удалось остановить. На участок прорыва в течение трех дней были переброшены основные силы 18-го танкового и 1-го гвардейского механизированного корпусов, 4 стрелковые и 1 кавалерийская дивизия, 17 артиллерийских, минометных, истребительных и самоходных полков, саперные части.

Одновременно Ставка приказала командующему 2-м Украинским фронтом нанести удар 7-й гвардейской и 6-й гвардейской танковой армиями из района севернее Эстергома вдоль северного берега Дуная на Комарно, овладеть переправами у этого города, форсировать реку, выйти в тыл группировке противника и разбить ее во взаимодействии с ударной группировкой 3-го Украинского фронта, действующей от Бичке на Комарно.

6 января армии Шумилова и Кравченко при поддержке 5-й воздушной армии прорвали оборону немцев на реке Грон, к исходу следующего дня продвинулись на 25—35 км и завязали бои за Нове-Замки и Комарно. В последующие дни советские войска встретились с нарастающими контратаками противника, введившего одновременно до 100 танков и штурмовых орудий. 11—13 января враг усилил контратаки, введя свежую 20-ю танковую дивизию. Ожесточенные бои в междуречье Грон, Нитра завершились оттеснением советских войск на 15—16 км. 14 января обе стороны перешли к обороне. Войска Толбухина продолжали отражать немецкие атаки и удара на Комарно организовать не смогли.

Задача, поставленная Ставкой, оказалась невыполненной. Основной причиной явился недостаток сил.

Противник не отказался от идеи выйти в район Бичке и отсюда наступать на Будапешт. Оставив почти неизменным состав ударной группировки на направлении первого удара, он сосредоточил в районе выступа южнее Мора новую группировку из трех танковых и одной кавалерийской дивизий. Отсюда намечался удар в направлении Замой, Бичке на соединение с главными силами группировки, наступавшей с северо-запада. Второй удар противника, нанесенный 8 января, не оказался неожиданностью, его направление было точно определено разведкой и оборонявшиеся здесь 70-й стрелковый и 7-й механизированный корпуса встретили натиск достойно. За пять дней немцы продвинулись на 6—7 км и выдохлись.

Во второй половине января германское командование предприняло еще одну попытку деблокировать будапештскую группировку. Замысел теперь состоял в том, чтобы прорваться между озерами Веленце и Балатон, выйти на Дунай севернее Дунафёльдвара и разрезать надвое войска 3-го Украинского фронта. В последующем, прикрывшись с юга, развивать удар вдоль берега Дуная к Будапешту, соединиться с гарнизоном и уничтожить 46-ю и 4-ю гвардейскую армии.

Перегруппировка 4-го танкового корпуса СС в район восточнее Веспрема осталась не замеченной советским командованием. Руководители операции организовали сложную серию войсковых перевозок. Вместо того чтобы просто перебросить дивизии «черного генерала» из-под Комарно к Балатону, их грузили в эшелоны и везли кружным путем

через Чехословакию, Германию и Австрию по маршруту длиной полторы тысячи километров. Попутно распространялась дезинформация. По данным опроса пленных и перебежчиков, фронтовая разведка пришла к выводу, что противник готовится начать общий отвод войск на запад. Комдивам указывалось быть готовым к активному преследованию с тем, чтобы не дать немцам оторваться.

Начать «преследование» намечалось вечером 17 января. Именно в это время последовал удар 560 танков на участке 135-го стрелкового корпуса. В первые сутки немецкие танковые части продвинулись на глубину 16—30 км и были ненадолго задержаны лишь на рубеже канала Шарвиз. Части советского 7-го мехкорпуса оказались в окружении. К району прорыва срочно перебрасывался 18-й танковый и два стрелковых корпуса. С утра 19 января немцы форсировали канал и, развивая наступление по расходящимся направлениям, к утру 20 января вышли к Дунаю, в районе Дунапентеле. 18-й танковый и 133-й стрелковый корпуса, которым надлежало остановить врага на канале, оказались отрезанными от своих войск. За двое суток противник добился значительного оперативного успеха. Продвинувшись на 55 км, он расколол войска 3-го Украинского фронта на две части.

22 января Ставка приказала Толбухину продолжать жесткую оборону на направлении Комарно и одновременно сосредоточить юго-западнее Будапешта 23-й танковый и один стрелковый корпус, с тем чтобы нанести контрудар между озером Веленце и Дунаем в направлении Шарошда. Толбухин должен был нанести встречный контрудар между Дунаем и каналом Шарвиз. Одновременно указывалось на необходимость усилить оборону по восточному берегу Дуная и не допустить его форсирования врагом.

Принятые меры несколько улучшили положение. С 20 по 26 января продолжались упорные бои в районе Секешфехервара, восточнее и северо-восточнее озера Веленце. 22 января 21-й гвардейский стрелковый корпус вынужден был оставить Секешфехервар и отступить на 7—8 км к северо-востоку. Решающие события развернулись между озером Веленце и Дунаем. Противник 22 января возобновил наступление, нанося массированный удар на узком участке, прорвал советскую оборону и к исходу 24 января вышел к Барачке, оказавшись в 30 км от окруженной в Буде группировки.

ровки. В последующие два дня он продвинулся еще на 10 км в северо-западном направлении и окончательно выдохся.

27 января, сосредоточив две ударные группировки и введя в сражение новую, 26-ю армию, которую возглавил генерал Гаген, Толбухин нанес удары по флангам немецкого клина. 2 февраля встретились ударные группировки 26-й и 4-й ударной армий, противник был выбит с западного берега Дуная. Повернув затем на запад, обе армии, а также 135-й стрелковый корпус армии Шарохина к исходу 7 февраля отодвинули линию фронта на 25—35 км от Дуная, где по приказу командующего фронтом перешли к обороне.

Обе противоборствующие стороны проявили высокое искусство маневрирования силами, оперативными резервами и подвижными группами. Обе не добились своих конечных целей. Немцам не удалось деблокировать окруженную группировку и восстановить свою оборону по Дунаю. Удары противника на внешнем фронте заставили маршала Толбухина на внутреннем фронте окружения перейти к обороне.

Задача по ликвидации противника в Будапеште легла на 2-й Украинский фронт. Бои за город начались 27 декабря и продолжались 49 дней. Все это время в наступательных действиях одновременно участвовало не более трех стрелковых корпусов. Остальные соединения действовали на внешнем фронте.

Будапешт, расположенный на путях в Австрию, был превращен в важнейший узел обороны стратегического значения, куда были стянуты значительные силы. Вынужденный после 26 декабря оставить вторую и третью полосы обороны противник оттянул войска в Будапешт, внутри которого было построено до 110 узлов сопротивления и более 200 опорных пунктов. В целях обороны широко использовались подвалы, метро, канализационная сеть, каменные здания и заборы.

Командующим окруженной группировкой был назначен командир 9-го армейского корпуса СС обергруппенфюрер Пфедфер-Вильденбрух, который подчинялся командующему 6-й армией.

Бои в восточной части города — Пеште продолжались до 18 января. В ликвидации участвовали 30-й стрелковый и 7-й румынский корпуса 7-й гвардейской армии и 18-й отдельный гвардейский корпус. Они были усилены двумя стрелковыми дивизиями и шестью тяжелыми артиллерийскими

бригадами. Поначалу единого управления ими не было. С 12 января все советские части в восточной части города были подчинены командиру 18-го корпуса генералу И. М. Афонину. 18 января Пешт был полностью очищен от врага: было уничтожено свыше 35 тысяч и взято в плен 62 тысячи солдат и офицеров противника.

В Буде сражались, кроме 18-го гвардейского корпуса, 37-й и 75-й корпуса 3-го Украинского фронта. С 22 января, после ранения Афонина, управление принял генерал Манагаров. Бои в Буде шли с 22 января по 13 февраля, их интенсивность зависела от событий на внешнем фронте. Были и другие причины, замедлявшие темп наступления: неграмотные действия при ведении уличных боев. Офицер-направленец докладывал в Генеральный штаб: «Затянувшиеся бои по ликвидации окруженной группировки противника командующий фронтом относит за счет неудовлетворительной организации боя; силы и средства распределены равномерно по всему фронту; действия отдельных штурмовых групп не увязаны между собой; орудия прямой наводки отстают от боевых порядков пехоты; КП и НП в ряде случаев располагаются в помещениях, занятых населением города».

Хотя наступление Будапештской группы советских войск развивалось медленно, все-таки положение окруженной группировки становилось все хуже и хуже, тем более что после 26 января все надежды на прорыв блокады извне исчезли. Командование группировки, оказавшись в отчаянном положении, приняло решение внезапным ударом вырваться из окружения. В ночь на 12 февраля до 16 тысяч немецких солдат и офицеров при нескольких танках и бронетранспортерах попытались прорваться через боевые порядки 75-го стрелкового корпуса в северо-западном направлении, и большей части из них это удалось. 12—13 февраля разрозненные остатки частей противника в Буде были полностью ликвидированы. Прекратил существование 9-й корпус СС, состоявший из 8-й кавалерийской дивизии «Флориан Гейер» и 22-й кавалерийской дивизии «Мария Терезия». Было взято 33 тысячи пленных, в их числе оказался и генерал Пфедфер-Вильденбрух. Отдельные группы противника, прорвавшиеся в район Пербала, были уничтожены к исходу 14 февраля.

17 февраля Будапештская группа войск была расформи-

рована. Всего войсками 2-го Украинского фронта в период с 27 декабря по 14 февраля уничтожено до 50 тысяч и взято в плен 138 тысяч солдат и офицеров.

Советские потери в Будапештской операции составили 320 тысяч человек, в том числе 80 тысяч безвозвратно, 1766 танков и САУ, 4127 орудий и минометов, 293 самолета.

С окончанием операции были высвобождены значительные силы советских войск и созданы условия для дальнейшего наступления на венском направлении. Разгром окруженной в Будапеште группировки создал угрозу коммуникациям войск противника, находившимся в Югославии. Немецкое командование было вынуждено ускорить их отвод. Важным военным итогом действий советских войск под Будапештом явилось то, что они заставили германское командование перебросить на Юго-Западный театр военных действий большое количество войск, особенно танковых и моторизованных, которые были крайне необходимы для отражения наступления Красной Армии на варшавско-берлинском направлении в январе—феврале 1945 года.

«В результате девятого удара советские войска разгромили часть сил группы армий «А», группу армий «Юг» и частично группу армий «Ф». От врага была очищена почти вся территория Венгрии, и ее новое правительство объявило войну Германии. Была оказана прямая помощь освободительной борьбе чехословацкого и югославского народов против немецко-фашистских оккупантов. Разгромив фашистские войска на территории Венгрии и Югославии, предотвратили готовившуюся предательской кликой Тито оккупацию Югославии и других стран Балканского полуострова англо-американскими войсками».

Битва за Венгрию гремела до апреля 1945 года и обошлась Красной Армии в 113 тысяч убитыми и умершими от ран, 290 тысяч ранеными.

20 января 1945 года в Москве представители Временного национального правительства подписали соглашение о перемирии, которое в основном повторяло условия перемирия с Румынией и Болгарией.

После войны советские войска продолжали оккупацию Венгрии, «командование в этот период наряду с административными мерами по установлению порядка в тылу армии уделяло огромное внимание идеологической борьбе

против активизирующейся реакции, развернув ее через органы администрации и партийные организации таким образом, чтобы не допустить вмешательства во внутренние дела Венгрии». А внутренние дела вершили, конечно же, коммунисты. Компартию возглавила группа функционеров, прибывших из московской эмиграции во главе с Матияшем Ракоши. В отличие от коммунистов-аборигенов, оставшихся в годы войны в стране, они, проведя много лет вдали от родины и не зная венгерской действительности, были уверены, что народ только их и ждал, только и мечтал, что о пролетарской диктатуре образца 1919 года.

Первые десять лет существования Венгерской Народной Республики стали годами гражданской войны, безжалостного уничтожения всего мыслящего, разгула шпиономании и красного террора. Краткая новейшая история страны в изданиях того времени выглядела примерно следующим образом:

«Во время первых послевоенных выборов в Национальное собрание (4 ноября 1945) венгерская реакция, инспирируемая американско-английскими империалистами, использовала в своих целях партию мелких сельских хозяев (*«Мелкий хозяин, — учил Ленин, — главный враг Советской власти»*), представлявшую кулачество, а также часть середняков и интеллигенции. Руководящие посты в этой партии оказались в руках врагов демократического развития Венгрии, агентов американско-английского империализма ...саботируя чистку государственного аппарата от фашистских элементов и назначая на ответственные посты иностранных шпионов, реакционеры пытались предотвратить демократизацию страны...

В декабре 1946-го органами государственной безопасности был раскрыт заговор, имевший целью свержение республики и восстановление фашистской диктатуры... Заговорщики намеревались весной 1947-го произвести вооруженный переворот...

Арестованный 25 февраля 1947 года за шпионаж против Советской Армии и организацию подпольных террористических групп, совершавших убийства советских военнослужащих, генеральный секретарь партии мелких сельских хозяев Б. Ковач оказался одним из руководителей заговора. Вскоре выяснилось участие в заговоре и других лидеров партии...

Реакционные силы сосредоточились в нескольких оппозиционных партиях (*то есть партиях, которые не принимали предложенную коммунистами модель социального развития*), действовавших в контакте друг с другом...

20 ноября 1947-го по настоянию венгерского народа была распушена фашистская партия Пфейффера, являвшаяся открытой агентурой американских империалистов. Сам Пфейффер, боясь изобличения в шпионской и подрывной деятельности, бежал из Венгрии...

В июне 1948-го был ликвидирован раскол в венгерском рабочем движении. После очищения социал-демократической партии от разоблаченной в то время части реакционных элементов и правых раскольников рабочего движения, превратившихся в агентуру англо-американских империалистов, стало возможным объединение этой партии с коммунистической (*с этого момента власть официально стала именоваться диктатурой пролетариата*)...

В декабре 1948-го — феврале 1949-го была разоблачена и обезврежена подпольная шпионская монархическая организация во главе с американским шпионом — кардиналом Миндсенти. Эта организация ставила целью при помощи американских империалистов свергнуть демократический строй и восстановить Габсбургскую монархию. После бегства из страны Баранковича и самороспуска его партии, скомпрометированной связями с кликой Миндсенти, в Венгрии перестали существовать антинародные партии. (*С 1949 года все партии были либо запрещены, либо сами прекратили свое существование. В официальной литературе этот процесс назывался «отмирание партий»...*)

Летом 1949-го разоблачена еще одна авантюра американо-английских империалистов и их титовской агентуры, пытавшихся с помощью банды шпиона и провокатора Райка (*секретаря ЦК ВКП, войну проводившего в подполье и тюрьмах, в отличие от отсидевшихся в Москве вождей*), пробравшегося на руководящие посты, лишить венгерский народ свободы и независимости... Процесс Райка, происходивший в сентябре 1949-го, вскрыл намерения империалистических поджигателей войны добиться при помощи фашистской клики Тито реставрации реакционных режимов в странах народной демократии... Разоблачение и ликвидация банды Райка укрепили единство Венгерской партии трудящихся и всего венгерского народа, усилили его революционную

бдительность (на процессе, инспирированном Кремлем, все обвиняемые дали нужные показания; 14 человек были приговорены к смертной казни, 78 — к длительным срокам тюремного заключения)...

30 сентября 1949-го Венгерская Народная Республика расторгла заключенный в 1947-м с Югославией договор о дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи. Венгерское правительство изгнало из Венгрии титовских шпионов, подвизавшихся на постах дипломатических представителей и ведущих подрывную работу против народной демократии (*Тито посмел послушаться товарища Сталина и в 1948 году был предан анафеме как агент империализма*)...

Подготовка к 70-летию со дня рождения вождя всего прогрессивного человечества И.В. Сталина вызвала мощный трудовой подъем в городах и селах Венгрии. Празднование знаменательной даты 21 декабря 1949 года вылилось в демонстрацию безграничной благодарности и любви венгерского народа к Советскому Союзу и вождю трудящихся И.В. Сталину.

Этапы большого пути к «подлинной демократии»! Фашистскую диктатуру Салаши сменила большевистская диктатура Ракоши.

Деятельность верных ленинцев-сталинцев в итоге вызвала осенью 1956 года народную революцию, которая была потоплена в крови с помощью Советской Армии. Нашим танкистам вновь пришлось «освободить» Будапешт, сажая на трон новое, назначенное Хрущевым, венгерское правительство, которое первым делом приговорило к повешению предыдущий кабинет Имре Надя. Суды по делам участников восстания работали безостановочно до 1962 года.

В 60—80-е годы венгры называли свою страну «самым веселым баракком социалистического лагеря».

«Барак» назначили к сносу лишь весной 1990 года.

ДЕСЯТЫЙ СТАЛИНСКИЙ УДАР

«...был нанесен в октябре войсками Карельского фронта во взаимодействии с кораблями и частями Северного флота в Заполярье (в районе Печенги)»

После разгрома вражеских войск на Карельском перешейке и в Южной Карелии и последовавшего затем выхода Финляндии из войны создались благоприятные условия для изгнания оккупантов из Советского Заполярья.

В октябре 1944 года на Крайнем Севере, в полосе около 60 км оборонялся 19-й горнострелковый корпус 20-й горной армии генерала Рендулича. Корпус насчитывал 3 дивизии и 3 пехотные бригады, 53 000 солдат и офицеров, 750 орудий и минометов.

Германское командование требовало от своих войск во что бы то ни стало удерживать занимаемые рубежи и сохранить таким образом за собой источники важного стратегического сырья, особенно никеля, меди и молибдена, а также незамерзающие северные порты, базируясь на которые крупные силы германского флота могли вести активные действия на советских морских коммуникациях.

Линия фронта здесь к осени 1944 года проходила от губы Малая Волоковая по перешейку полуострова Средний и далее до губы Большая Западная Лица к озерам Чапр и Кошкаярв. За три года немцы создали здесь сильную оборону, состоявшую из трех полос на глубину до 150 км. Северный фланг позиции упирался в море, южный — в совершенно непроходимую для войск местность, что исключало обходной маневр. Основу главной полосы составляли опорные пункты и узлы сопротивления с наличием долговременных сооружений, траншей полного профиля, минных и проводочных заграждений. В опорных пунктах имелось большое количество бетонированных огневых сооружений, наблюдательных пунктов и блиндажей тяжелого типа, построен-

ных из железа, камня и гранита. Часть пулеметных гнезд и убежищ были построены в скалах, надежно укрывавших личный состав от тяжелых снарядов и авиационных бомб. Промежутки между опорными пунктами представляли собой труднодоступные участки местности, которые перекрывались артиллерийско-минометным огнем, инженерными заграждениями и контролировались наблюдением и патрулированием.

Вторая полоса обороны была подготовлена на рубеже реки Титовки, в 10—25 км от переднего края. Опорные пункты здесь перехватывали все важнейшие направления, главным образом дороги. По западному берегу реки Петсамойоки немцы возвели тыловой оборонительный рубеж с укреплениями полевого типа. Основу этого рубежа составляли приспособленные к круговой обороне населенные пункты Петсамо и Луостари, превращенные в мощные узлы сопротивления. С целью прикрытия района никелевых разработок были созданы укрепления вдоль дороги Луостари—Никель.

На главной и второй полосах оборону занимали части 2-й и 6-й горнострелковых дивизий. В Луостари дислоцировался 136-й полк егерей из 2-й дивизии. В районе Никеля и севернее были сосредоточены части 210-й пехотной дивизии. Пехотные бригады контролировали побережье Баренцева моря.

На аэродромах в районах Луостари и Сальмиярви базировалось до 100 самолетов 5-го воздушного флота. В портах Северной Норвегии находились значительные силы германского флота — линкор «Тирпиц», 14 эсминцев, более 30 подводных лодок, 50 сторожевых кораблей.

Задачу разгрома немецких войск в Заполярье Ставка возложила на Карельский фронт под командованием Мерцкова и Северный флот, которым командовал адмирал А.Г. Головкин. К непосредственному участию в операции, получившей название Петсамо-Киркенесская, привлекалась 14-я армия генерал-лейтенанта В.И. Щербакова — 8 стрелковых дивизий, 1 укрепленный район, 5 стрелковых и отдельная танковая бригада, 2 танковых и 2 тяжелых самоходно-артиллерийских полка. Всего: 113 200 человек, 2100 орудий и минометов, около 200 танков и САУ. Северный флот выделял 6 эскадренных миноносцев, 8 подводных лодок, 20 торпедных катеров и 20 000 бойцов. С воздуха со-

ветские войска поддерживали 747 самолетов 7-й воздушной армии и 275 машин авиации флота.

Замысел операции заключался в том, чтобы окружить и уничтожить главные силы 19-го горнострелкового корпуса путем глубокого обхода их с юга и одновременного удара с севера. Затем предусматривалось овладеть отобранном у финнов городом Петсамо и развивать наступление к границе с Норвегией.

Согласно плану, утвержденному Ставкой 29 сентября, главный удар наносился левым флангом 14-й армии по наиболее слабому участку немецкой обороны из района южнее озера Чапр в общем направлении на Луостари, Петсамо с целью выхода в тыл основной группировке противника. На правом фланге армии вспомогательный удар наносила специально созданная оперативная группа с задачей сковать неприятельские войска на участке от губы Большая Западная Лица до озера Чапр, не допустить их переброску на направление главного удара и в дальнейшем перейти в наступление в общем направлении на Петсамо. В сочетании с действиями частей морской пехоты с полуострова Средний в направлении на Петсамо, Луостари планировалось окружить и уничтожить группировку противника в районе юго-западнее реки Титовка. Чтобы ввести противника в заблуждение, намечалась демонстративная высадка десанта в районе мыса Пикшуев в Мотовском заливе. Советские подводные лодки должны были блокировать с моря порты Петсамо, Киркенес, активизировать свои действия к северо-западу от острова Вардё.

Наступательные действия войскам предстояло вести в труднопроходимом районе Крайнего Севера, где гранитные скалы и горы с крутыми скатами и отвесными обрывами, ущельями и пропастями чередуются с заболоченными участками. Этот район пересечен многими горными реками и ручьями, малыми и большими озерами. К тому же октябрь выдался особенно дождливым. Обильные осадки вызвали значительный подъем воды в реках, озерах и болотах. Заметно сокращалась продолжительность светлого времени. Из-за низкой облачности, частых и густых туманов, обильных осадков авиация могла действовать в редкие дни и не более 2—3 часов в сутки.

Слабым местом немецкой обороны, по мнению командующего фронтом, являлось наличие больших промежут-

ков между опорными пунктами и ограниченное количество противотанковых средств. Она носила, можно сказать, противопехотный характер. Поэтому Мерецков попросил у Ставки выделить ему полк считавшихся устаревшими и никогда на Севере не применявшихся тяжелых танков КВ. С некоторым недоумением Москва дала 73-й отдельный гвардейский танковый полк прорыва. Для преодоления водных преград было выделено два батальона амфибий.

Операция началась в 8.00 7 октября артиллерийской подготовкой, продолжавшейся 2 часа 35 минут. Затем войска 14-й армии перешли в наступление. Преодолевая упорное сопротивление противника, 131-й стрелковый корпус силами 14-й стрелковой дивизии к 15 часам прорвал главную полосу неприятельской обороны. Основная тяжесть боев в тот день легла на пехоту и орудия сопровождения, так как приданные танки и дивизионная артиллерия из-за бездорожья отстали. В связи с ненастной погодой авиация почти бездействовала. Тем не менее наступление развивалось успешно. Части 14-й дивизии по грудь в ледяной воде с ходу форсировали Титовку и захватили ряд опорных пунктов на второй полосе немецкой обороны. Сложнее складывалась обстановка в полосе 99-го стрелкового корпуса генерал-майора С.П. Микульского. Поднявшись в атаку, стрелковые подразделения первого эшелона, попав под сильный огонь, залегли. Тогда комкор принял решение провести ночную атаку, которая началась ровно в полночь. К 8 утра пехота овладела передним краем противника. Одновременно, не встречая сопротивления, через Титовку переправился 126-й легкий стрелковый корпус под командованием полковника В.Н. Соловьева, а за ним 127-й легкий стрелковый корпус генерал-майора Г.А. Жукова, которые по непролазной тундре начали глубокий обход с юга открытого фланга противника. Все тяжелое вооружение было навьючено на лошадей и оленей.

К исходу дня войска армии прорвали оборону на участке до 6 км по фронту и до 8 км в глубину. Сутки спустя они овладели второй полосой на фронте до 20 км. 126-й корпус, пройдя в условиях полного бездорожья и труднопроходимой местности 30 км, к исходу 8 октября оказался в 12 км южнее Луостари. Это создало реальную угрозу основным силам 19-го немецкого корпуса, находившимся севернее озера Чапр. В связи с этим германское командование отда-

ло приказ на отход своих частей из района Западной Лицы по дороге на Петсамо.

Вечером 9 октября Мерецков уточнил боевые задачи подчиненным. С утра следующего дня армия Щербакова продолжала наступательные действия. Войска ударной группировки действовали на двух изолированных друг от друга направлениях: одна группа наносила удар на север, в направлении Петсамо, другая — на запад, на Луостари. Легкие корпуса, обеспечивая левый фланг, продолжали обходной маневр с целью выйти в район западнее Луостари. По мере продвижения советских войск в глубину обороны сопротивление противника усиливалось. Борьба за каждую высоту, особенно за дороги, носила длительный и упорный характер. Действия войск развивались в сложной, быстро меняющейся обстановке. 131-стрелковый корпус 9 октября овладел рядом сильно укрепленных высот и к утру следующего дня передовыми частями вышел в район озера Каккуринярви, перерезал дорогу Мурманск—Петсамо и тем самым закрыл противнику единственный путь отхода на запад.

Используя успех главной группировки, перешли к активным действиям части морской пехоты. В ночь на 10 октября корабли Северного флота на 30 катерах беспрепятственно высадили 63-ю бригаду морской пехоты — 2837 человек — в районе губы Малая Волоковая. Утром 12-я бригада морской пехоты начала наступление с полуострова Средний. Вскоре ее части соединились с десантом и предприняли совместное наступление на Петсамо. Чтобы избежать полного окружения, немецкие части, оборонявшиеся на перешейке полуострова Средний, начали поспешный отход в юго-западном направлении. В этот же день войска, действовавшие на вспомогательном направлении, перешли к преследованию противника, отходившего из района Большая Западная Лица. Части корпуса, преодолевая инженерные заграждения и слабое сопротивление арьергардов 6-й горнострелковой дивизии и 388-й пехотной бригады, успешно продвигались на запад.

В районе озера Каккуринярви в это время развернулись ожесточенные бои. В течение 10 октября немцы предприняли несколько контратак, но советские части успешно отразили все попытки противника прорваться в западном направлении. Однако 11 октября немцы сумели оттеснить

131-й стрелковый корпус от дороги и вывести остатки своих войск к Петсамо.

99-й стрелковый корпус, разгромив противника в ряде опорных пунктов, вышел на ближние подступы к Луостари и в течение суток отражал ожесточенные контратаки немцев. 126-й корпус продолжал обходной маневр по бездорожью и к утру 10 октября оседлал развилку дорог в 9 км западнее города. Здесь завязались ожесточенные бои с частями 163-й пехотной дивизии, спешно переброшенной в этот район германским командованием из состава 36-го армейского корпуса.

12 октября войска 99-го и 127-го легкого стрелковых корпусов с хода форсировали реку Петсамойоки и ударами с востока, юга и запада овладели Луостари и аэродромом, расположенным южнее этого населенного пункта. В этих боях практически полностью была окружена и уничтожена 2-я горнострелковая дивизия генерала Дегена.

Это создавало выгодные условия для развития дальнейшего наступления на запад, в направлении на Никель, и для удара на Петсамо с юга. Учитывая сложившуюся обстановку, германское командование поставило задачу частям 163-й пехотной дивизии отбросить советские войска на восточный берег Петсамойоки и вернуть Луостари. Одновременно для усиления обороны в районе Петсамо перебрасывались подразделения 210-й пехотной дивизии.

Успешно отражая частью сил безнадежные контратаки 163-й пехотной дивизии, советские войска из района Луостари, введя в бой 7-ю гвардейскую танковую бригаду, нанесли сильный удар в направлении Петсамо. Корпус Соловьева перерезал дорогу Петсамо—Тарнет.

Для ускорения освобождения Петсамо вечером 12 октября была осуществлена высадка в порт Линахамари отряда моряков в составе 658 человек под командованием майора И.А. Тимофеева. В качестве десантно-высадочных средств использовались 10 торпедных катеров и 2 малых охотника, Еще 2 торпедных катера было выделено для подрыва боновых заграждений на входе в фьорд Петсамовуоно. Катера стремительно преодолели интенсивно простреливаемую противником зону и ворвались в бухту. К 24 часам высадка десанта была завершена, и моряки сразу повели атаку на опорный пункт, прикрывавший огневую позицию 210-мм батареи. Бои за Линахамари носили ожесточенный характер

и часто переходили в рукопашные схватки. Под натиском десантников немцы вынуждены были отойти. 13 октября порт Линахамари был очищен от войск противника, а десант вышел на ближние подступы к Петсамо с севера. 131-й стрелковый корпус к исходу 14 октября подошел к городу с юга, на западе контролировала обстановку 72-я морская бригада.

В ночь на 15 октября войска Карельского фронта в тесном взаимодействии с частями морской пехоты и кораблями Северного флота ударом по сходящимся направлениям разгромили немецкий гарнизон и овладели городом и портом Петсамо — важной военно-морской базой и мощным опорным пунктом обороны противника на Крайнем Севере.

Остатки разбитых частей 19-го горнострелкового корпуса и 163-й пехотной дивизии, прикрываясь сильными арьергардами, отходили на запад по дорогам на Тарнет, Ахмалаhti, Никель. Отступая, они взрывали мосты и дорожные трубы, ломали придорожные скалы и заваливали проходы, минировали дороги, обочины, горные дефиле. Германское командование стремилось оторваться от преследования и организовать прочную оборону районов Киркенес и Никель, чтобы обеспечить эвакуацию своих частей, боевой техники и промышленного оборудования через порты Северной Норвегии.

В течение последующих дней советские войска продолжали очистку освобожденной территории от мелких групп противника, подвозили боеприпасы и продовольствие, подтягивали артиллерию и тылы, а также осуществляли перегруппировку частей для решения новых задач. Главная из них — выход на границу с Норвегией. Основные усилия войск сосредоточивались на овладении крупными населенными пунктами Никель, Ахмалаhti, Сальмиярви. На новый рубеж был переброшен свежий 31-й стрелковый корпус генерал-майора М. Абсалямова..

Утром 18 октября войска фронта на направлении главного удара возобновили наступление. Немцы отходившими частями заранее заняли все опорные пункты, расположенные вдоль дорог, контролируя подступы к ним артиллерийским и пулеметным огнем. Дороги и важные рубежи были густо минированы. Опорные пункты располагались, как правило, на господствующих высотах и, хорошо обору-

дованные в инженерном отношении, представляли собой своего рода небольшие крепости.

Войска, наступавшие по дороге на Ахмалакти, умело применяя обходной маневр, разгромили противника в опорных пунктах и 22 октября вышли на границу с Норвегией на фронте 20 км. Вдоль никельской дороги наступавшие войска встретили упорное сопротивление, но, пробившись по бездорожью, уже к исходу 20 октября полукольцом охватили Никель и еще через два дня уничтожили гарнизон и заняли поселок. На вспомогательном направлении наступавшие части к 21 октября очистили от противника район северо-западнее Петсамо.

Северный флот для прикрытия правого фланга армии высадил два десанта, развернувших действия восточнее Вуремы вдоль побережья залива Варангер-фьорд.

Узнав о выходе своих войск на норвежскую границу, командующий фронтом немедленно доложил Сталину и попросил разрешения на ее переход. Одновременно доложил соображения по овладению Киркенесом. «Откровенно говоря, — вспоминает Мерецков, — я ожидал наряду с согласием услышать еще всевозможные указания относительно политической линии поведения войск. Ответ Верховного Главнокомандующего на заданный вопрос оказался весьма кратким: «Это было бы хорошо!»

Советские войска вступили в пределы Норвегии и к исходу 22 октября вышли на восточный берег залива Ярфьорд, овладев населенным пунктом Тарнет. Мерецков поставил перед 14-й армией задачу развивать наступление в северо-западном и юго-западном направлениях, овладеть городами и портами Киркенес, Нейден и выйти в район Наутси. 24 октября войска фронта, после короткой подготовки, приступили к выполнению завершающего этапа операции, нанося удары по расходящимся направлениям. Наиболее сильная группировка наступала на Киркенес с востока и юга. Вторая группа войск продолжала преследование противника в направлении города Нейден. Соединения третьей группы из района Ахмалакти, Никель наносили удар вдоль норвежской границы в направлении Наутси.

Разрушая до основания все наиболее важные в военно-экономическом отношении объекты, заодно и жилые дома, егеря откатывались на запад.

Войска Щербакова продвигались вперед, как правило, вдоль дорог облегченными частями или специально созданными подвижными отрядами, преодолевая незначительное сопротивление мелких групп противника, действовавших главным образом из засад. За сам Киркенес разгорелись упорные, ожесточенные бои. Немцы успели подтянуть к городу артиллерию и занять укрепления на прилегающих высотах. Они взорвали железнодорожный мост через Ярфьорд, разрушили железную дорогу, соединяющую Киркенес с районом рудников, заминировали все пути, удобные для движения войск.

23 октября Северный флот высадил на побережье залива Кобхольм-фьорд десант в количестве 608 человек, который ударом во фланг занял населенный пункт в 17 км севернее города. Правофланговая группа фронта в это время развернула наступление на Киркенес. Войска фронта, наступавшие с юга, завершили обход Киркенеса с юго-запада и вышли на дорогу западнее его. 25 октября 131-й стрелковый корпус во взаимодействии с 99-м корпусом при поддержке десанта Северного флота под сильным огнем на амфибиях, рыбацких лодках и подручных средствах форсировали фьорд и овладели разрушенным немцами городом Киркенес, захватив при этом большое количество боевой техники, крупные склады боеприпасов и других материальных средств. 27 октября 126-й легкий стрелковый корпус очистил от немцев город Нейден, а 31-й корпус вышел в район Наутси.

19-й горнострелковый корпус немцев, понеся большие потери, спешно отходил на запад, в глубь Норвегии, и закрепился у фьорда Люнген.

27 октября 1944 года Мерецкову было присвоено звание Маршала Советского Союза.

Изгнанием немцев из Киркенеса и выходом на рубеж Нейден, Наутси 14-я армия и Северный флот выполнили свои задачи в Петсамо-Киркенесской операции. Дальнейшее продвижение в военном отношении было признано бесперспективным. Впереди лежала узкая пустынная, горная, вся изрезанная фьордами полоска земли. Приближалась полярная ночь. Начались сильные снегопады, на дорогах появились почти непреодолимые завалы. Высланная от Нейдена на северо-запад разведка донесла, что движение вперед сопряжено с огромными трудностями, а противник

отсутствует. Об этом 29 октября Мерецков доложил Сталину.

К тому же это было весьма проблематично и в политическом плане. Еще 16 мая 1944 года Англия, США и СССР подписали соглашение с норвежским правительством в Лондоне, приняв на себя обязательства всемерно уважать суверенитет Норвегии. Согласно этому договору гражданская власть на освобожденных территориях переходила к норвежскому правительству, как только это позволяла военная обстановка. Западные союзники, в 1942 году вынашивавшие проект северонорвежской операции «Юпитер», теперь уже не собирались тратить силы на освобождение «периферийной» страны, когда судьба войны и будущее устройство мира решались в центре Европы. Очищение от немцев территории северо-восточного Финмарка представляло собой локальную военную операцию, проведенную с согласия норвежского правительства в интересах Красной Армии, окончательно ликвидировавшей советско-германский фронт в Заполярье.

Потеря Петсамо и Киркенеса резко ограничила действия флота противника на советских северных коммуникациях и лишила Германию возможности получать никелевую руду. По докладу Мерецкова: «Противник оставил на поле боя только убитыми 28 450 солдат и офицеров. Захвачено 1649 пленных... Кораблями Северного флота потоплено 119 различных кораблей противника, повреждено 20 вражеских кораблей». Если учесть, что количество раненых превышало количество убитых в 3—4 раза, получится, что немецкий корпус был уничтожен полностью, причем дважды. Тем не менее эти цифры без всякого критического осмысления вошли во все исторические источники.

Что касается Северного флота, то столько кораблей он не потопил за весь 1944 год. Моряки-североморцы умели «травить» не хуже своих черноморских коллег. К примеру, четыре раза советские подводные лодки прорывались в порт Линахамари и, по докладам их командиров (И.И. Фисановича, Е.Н. Егорова, В.Г. Старикова), потопили как минимум 4 транспорта противника. Каково было удивление, когда советские водолазы, тщательно обследовавшие всю акваторию порта, не нашли на дне ни одного «уничтоженного» судна. С тем же Линахамари связан совершенно анекдотический случай с подводной лодкой М-172, когда

капитан-лейтенант Д.Я. Лысенко, посадив свою субмарину на камни, решил, что немцы применили секретное оружие в виде магнитов, вытаскивающих лодку на поверхность.

Основные силы 20-й горной армии, просто вытолканные из Заполярья, уцелели и сохранили боеспособность. Часть ее сразу же эвакуировалась морем. Большая масса войск по суше достигла портов Южной Норвегии и была перевезена в Германию, успев принять участие в боях за Рейн и Берлин.

Потери советских войск с 7 по 29 октября составили 21 233 человека убитыми и ранеными, 21 танк, 40 орудий и минометов, 62 самолета.

«В результате этой операции был освобожден исконно русский район Печенги; советские войска вступили в пределы Норвегии, оказав помощь норвежскому народу в освобождении страны от гитлеровских оккупантов. С овладением двумя важнейшими военно-морскими базами на Крайнем Севере — Печенгой и Киркенесом — была обеспечена безопасность Мурманску и северным морским сообщениям Советского Союза».

8 ноября на первый клочок освобожденной норвежской земли прибыла через Мурманск норвежская военная миссия при советском командовании, отряд норвежских войск, норвежская военная и гражданская администрация в Финмарке, а позднее из Швеции — подразделения норвежской военной полиции и отряд ВМС. На территории Северной Норвегии началось формирование подразделений из местного населения. Норвежские войска были поставлены в 14-й армии на все виды материального обеспечения и временно подчинялись советскому командованию. В их составе служил младшим офицером будущий великий путешественник Тур Хейердал.

15 ноября 1944 года Карельский фронт был расформирован. 7-я армия, преобразованная в 9-ю гвардейскую, отправилась в Венгрию, 19-я армия вскоре оказалась в составе 2-го Белорусского фронта, армия генерала Щербакова, преобразованная в 14-ю Отдельную армию, оставалась на территории Норвегии до мая 1945 года. Советские войска занимались разминированием зданий и предприятий, восстановлением причалов, дорог и мостов, строительством больниц, организацией питания и медицинской помощи населению, удивляя скандинавов своей неприхотливостью.

Например, в Киркенесе из 220 жилых домов уцелело только 28 и в условиях заполярного ноября солдатам приходилось ютиться прямо в поле. К тому же командованием было предписано «не занимать ни одного дома или строения, принадлежащего норвежскому населению», а также «с щепетильностью относиться к тому, чтобы не допустить никаких нарушений права частной собственности норвежских граждан и фирм».

Норвежский министр юстиции Т. Волд, совершивший в это время поездку по освобожденным районам, докладывал своему правительству в Лондон: «По вечерам можно было увидеть сотни небольших костров, вокруг которых спали солдаты. Палаток мы видели немного. Благодаря такой изумительной выносливости советские войска предоставили норвежскому населению возможность пользоваться многими уцелевшими от всеобщего уничтожения домами».

В отобранной у финнов области Петсамо вся буржуазная собственность сразу стала «народной», то есть была национализирована без промедления. Норвегию велено было считать иностранной территорией, поэтому здесь изо всех сил старались произвести благоприятное впечатление на «заграницу» и ее граждан, по привычке не жалея собственных.

«Так, несмотря на громадную потребность в лесе, — докладывал в Политуправление РККА начальник политотдела 14-й армии полковник Григорович, — имевшиеся пиломатериалы на складе акционерного общества Сюдварангер не были использованы для нужд армии ввиду того, что, по заявлению фирмы, эти материалы ей нужны самой».

То есть солдатиками могли бы соорудить себе жилье да баньку, но «благодарные» норвежцы лес предоставить отказались даже за деньги. А много ли стройматериалов можно найти в тундре? И стоило ли держать там столько войск в скотских условиях? Доклад, между прочим, датирован 11 февраля 1945 года. Эти проявления «изумительной выносливости» на фоне полярной ночи и почти сразу вспыхнувшей эпидемии дифтерии и дизентерии («занесенных сюда гитлеровцами»(?)), — сообщает советский источник) обошлись армии почти в 10 000 человек, выбывших из строя по болезни в течение полугода.

Общая цена освободительной миссии в Финмарке составила 18 162 человека, в том числе 3436 погибшими и умер-

шими. Безвозвратные потери самих норвежцев во Второй мировой войне, включая жертв Сопротивления, — около 10 000 человек.

Освобождение остальной территории Норвегии произошло без вооруженной борьбы. 8 мая в Осло прилетела союзная военная миссия, которая и приняла в тот же вечер формальную капитуляцию у германского командующего генерала Бёме.

ИТОГИ

«Великая победа Советской Армии в 1944 явилась новым торжеством самой передовой в мире сталинской военной науки. Десять сталинских сокрушительных ударов отличались исключительной целеустремленностью, они были объединены мудрым стратегическим замыслом и волей Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина. В невиданных по своим масштабам операциях с величайшим мастерством были применены новые способы ведения войны и крупных операций. Все операции были проведены в стиле решительной сталинской стратегии гигантского размаха...

Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин, осуществляя план кампании-1944, безошибочно выбирал такие направления главных ударов, которые приводили к разгрому важнейших группировок противника и были неожиданными для врага».

В 1944 году Советские Вооруженные Силы добились выдающихся успехов: полностью была освобождена территория СССР, выведены из войны союзники Гитлера, Красная Армия вышла непосредственно к границам Третьего рейха.

Этому способствовали различные политические, экономические и военные факторы: неизмеримое превосходство антигитлеровской коалиции в ресурсах, истощение германского потенциала, рост технической оснащенности и, главное, значительные качественные изменения в Красной Армии, неопределимая помощь, оказанная Советскому Союзу союзниками (Гитлеру, наоборот, приходилось расходовать средства, чтобы вооружить венгерских и румынских солдат), открытие второго фронта в Европе.

После войны большинство этих факторов были объявлены «буржуазными фальсификациями», призванными «принизить роль СССР» в общей победе. А главное — то, что социалистический строй был самой передовой, советское руководство — самое преемственное и безошибочное, советское военное искусство — самое искусное, советские полковод-

цы — плеяда выдающихся стратегов, воспитанных Коммунистической партией.

К примеру, политработник по жизни генерал Крайнюков со знанием дела сообщает: «Оперативные замыслы генерала Н.Ф. Ватутина, как и замыслы любого советского военачальника, разрабатывались на основе марксистско-ленинской теории о войне и армии... Несмотря на трудности фронтовой жизни и огромную занятость, Николай Федорович неоднократно обращался к трудам Маркса, Энгельса, Ленина, а также к произведениям видных советских военных теоретиков».

Вот еще одно обобщение опыта войны: «Для усвоения советского военного искусства в Великой Отечественной войне требуется глубокое знание решений съездов и конференций Коммунистической партии Советского Союза, трудов В.И. Ленина и И.В. Сталина, в которых освещаются вопросы, относящиеся к военной науке, а также Тезисов ЦК КПСС «Пятьдесят лет Коммунистической партии Советского Союза».

Мы уже говорили о том, что подавляющее большинство советских военачальников в первый период войны продемонстрировали свою профессиональную непригодность, неспособность организовать, обучить войска и грамотно ими управлять. За три года они, хоть и не все, но многому научились. Правда, это были три года жесточайшей войны и обучение стоило дорого. Но не генералам.

«Все эти командиры учились войне на войне, расплачиваясь за это кровью наших людей», — пишет Жуков в служебном документе, но указывает не на себя, а на полковых и батальонных командиров и ошибки Генштаба, которым сам же и руководил, в подготовке кадров. На самом деле фраза «все эти командиры» относится действительно ко всем — от Верховного до командира отделения.

Тем не менее выучились. Как отмечает А. Верт: «В течение двух последних лет СССР, несмотря на крайне тяжелые потери в людях и боевой технике, день за днем создавал исключительно боеспособную, умелую и технически великолепно оснащенную армию, в то время как резервы Германии неуклонно истощались».

Подавляющее превосходство в технике и качественные изменения в организации позволили Красной Армии провести в 1944 году выдающиеся операции на окружение крупных вражеских группировок под Корсунь-Шевченковском, Витебском, Бобруйском, Минском, Львовом, Яссами и Кишиневом, которые вошли в историю как образцы военного искусства. Они явились доказательством роста и зрелости бойцов, офицеров и генералов, которые в ходе войны овладели этой формой стратегического и оперативно-тактического маневра. Многочисленные стратегические резервы Верховного Главнокомандования обеспечили возможность непрерывного наращивания в ходе операций силы ударов и развития их на большую глубину.

В области оперативного искусства были успешно решены вопросы организации и осуществления прорыва неприятельской обороны, форсирования водных преград. На новую ступень поднялось искусство маневра войсками после завершения прорыва обороны.

Дальнейшее развитие получила и тактика Красной Армии. В наступательном бою она характеризовалась отказом от линейной тактики, высокой маневренностью, массированием сил и средств на направлении главного удара. С лета 1943 года войска перешли к глубокому построению боевых порядков, что привело к сужению полос наступления, участков прорыва, увеличению тактических плотностей.

Но это лишь одна сторона действительности, заслонившая все остальное. Маршал артиллерии Н.Д. Яковлев пишет по этому поводу: «К сожалению, большинство их, т. е. статей, бесед, мемуаров, как-то схожи между собой. Они во многих случаях носят налет приедающейся хвалебности в адрес ряда военачальников, описания подвигов отдельных бойцов, политработников, командиров, партизан».

Неизжитыми остались врожденные пороки, присущие большевистской системе: тотальный контроль, низведение отдельной личности до уровня винтика, пренебрежение индивидуальной подготовкой бойца, безжалостность в отношении собственных солдат.

Да, на войне выдвинулись такие талантливые военачальники как Рокоссовский, Толбухин, Черняховский. Но одновременно продолжали командовать армиями и фронтами Гордов, Соколовский, Масленников и прочие «владыки»

или, как называет их комдив Гладков, «начальники другого типа»:

«...для них нижестоящий командир являлся пустым местом, в крайнем случае винтиком в железном механизме повиновения: подкручивай гайки и все! Один из таких военачальников — генерал Масленников заставил меня многое пережить...

Сегодня приказывает наступать одной дивизии, завтра — другой, совершенно не давая времени на организацию боя. И, конечно, мы несли ненужные потери. Масленников грозил, наказывал людей, видимо, думал таким образом выиграть бой. Нет! Бой можно выиграть только умением.

Однажды из штаба армии передали, что в нашу дивизию выехал командующий группой и скоро будет на командном пункте. Я обрадовался, думая, что смогу доложить большому начальнику обстановку на моем участке, предложить свои соображения о преодолении трудностей и получить указания. Мне нужно было, как новому человеку, оглядеться, освоиться. И я ждал, что начальник поможет мне.

Ждать пришлось недолго... Мне было сказано, что вызывает командующий Масленников. Быстро взяв карту, сел в машину и поехал с подполковником. Не доезжая двадцати метров, соскочил с машины и только хотел представиться Масленникову, как он начал честить меня на чем свет стоит: «Я вас сниму. В штрафной батальон отправлю. Расстреляю... Почему не наступаете?»...

Стоял перед ним по всей форме, а он, сидя в машине, продолжал разнос, и я видел не умудренного опытом начальника, который мог бы поучить подчиненного, как бить врага на поле боя, а комок нервов, не способный управлять не только людьми, но и самим собой. Это было отвратительно.

Уловив, наконец, момент, я сказал Масленникову, что для того, чтобы наступать, нужно организовать наступление, выделить соответствующее количество боеприпасов и время на подготовку. Ответ был не лучше начала: «Ты меня учить будешь? Нет боеприпасов — иди сам в атаку!» При таком положении можно было сказать одно: «Слушаюсь, идти самому в атаку...» С тяжелой душой я возвращался на КП. В голове билась мысль: неужели нас годами напрасно учили военному делу, неужели никто не поймет, что нельзя дове-

рять судьбу войск таким людям, что потери, которые несут наши части, во многом зависят от подобных начальников, теряющих голову в сложной обстановке. Масленников не был силен в военном деле. В армию он был переведен накануне войны, а до этого работал в войсках внутренних дел. Организовать наступательную операцию он был не в состоянии: не хватало знаний и организаторского таланта. Потом я подумал, что партия разберется, она добьется, чтобы во главе войск везде стояли настоящие руководители».

Партия разобралась: Масленникова, имевшего образование десять классов экстерном, богатый опыт службы в НКВД и не умевшего «организовать наступательную операцию», через два года после описанной встречи назначили командующим войсками 3-го Прибалтийского фронта, присвоили звание генерала армии и Героя Советского Союза «за умелое руководство войсками и проявленное при этом мужество».

Мучительно трудно, в борьбе с косностью собственного начальства и боязнью его взять на себя ответственность, под бдительным присмотром «органов» рождались новые тактические приемы. Занимались этим в основном офицеры поля боя, причем с риском для жизни. Действуя согласно довоенным уставам, можно было в одной атаке положить целый полк, но не дай бог потерять хоть ржавую лопату «не по инструкции». Великий летчик и воспитатель воздушных бойцов А.И. Покрышкин за свои эксперименты угодил под трибунал. Вдова аса, создавшего тактику советской истребительной авиации, рассказывает: «Особо хочу рассказать о том, к чему привели Покрышкина его новые тактические разработки. Александра Ивановича обвинили в нарушении уставов истребительной авиации. Его исключили из партии, списков полка, отстранили от командования эскадрильей, запретили летать, отозвали его документы на присвоение звания Героя Советского Союза да еще перевели в запасной полк, что было крайне обидно для боевого летчика. И что самое ужасное — на Покрышкина завели уголовное дело. По законам военного времени ему грозил расстрел».

При том, что сбивал он больше всех в полку. Позже политруки-затейники придумают речевку: «Где Кожедуб и Покрышкин — там фашисту крышка», а тогда бдительные

товарищи вполне могли «накрыть крышкой» самого Покрышкина.

Аналогичные проблемы были у танкистов, когда на свой страх и риск, в нарушение наставлений, они внедряли атаку с открытыми люками или применяли не предусмотренные уставом боевые порядки, о чем вспоминают генералы Архипов и Белобородов.

Леонид Ильич Брежнев в ответ на претензии цензуры к фильму «Они сражались за Родину» по поводу того, что в картине не нашлось места ни для одного советского генерала, сказал, что войну выиграли полковники.

И то сказать, могли бы возникнуть в голове Гордова и Мехлиса такие, к примеру, рассуждения: «Изучая воздействия на методы ведения войны новой техники и оружия, мы в то же время рассматривали и роль основного фактора, обеспечивающего военный успех, — роль отдельного солдата. Обученный?.. *Правильно!* американский солдат обладает высокими боевыми качествами, но и для него есть предел. Поэтому сохранение его индивидуальной силы и силы коллектива является одной из важнейших задач командира».

Красная Армия, хотя и перенесла войну на «чужую территорию», по-прежнему воевала большой кровью, «важнейшей задачей командира» было выполнять приказ любой ценой, а «основного фактора» — проявлять массовый героизм: «До самого конца войны русские, не обращая внимания на потери, бросали пехоту в атаку почти в сомкнутых строях».

Потери ее в 1944 году составили, по неполным данным, 6,5 миллиона солдат и офицеров убитыми и ранеными, то есть, как и в предыдущие годы, действующая армия была «израсходована» на 100 процентов. Из них почти полтора миллиона безвозвратно. Превосходя Третий Рейх по людским ресурсам в два с половиной раза, СССР начал призыв семнадцатилетних юношей одновременно с Германией. Потери вермахта на всех фронтах за этот же период составили 1,6 миллиона человек.

Немецкие призывники передавались в действующую армию после четырех- и шестимесячного обучения, которое они проходили в армии резерва. Причем они распределялись по вновь формируемым или восстанавливаемым дивизи-

зиям на Западе так, чтобы по возможности позже попасть на фронт. Советские бросались в бой с ходу, порой не успев переодеться и получить оружие. Первые два года войны огромные жертвы были принесены, чтобы избежать поражения, а в последние два — чтобы приблизить победу.

В операциях 1944 года сгорело 23 700 советских танков и самоходных установок — самый высокий показатель за всю войну. Вермахт потерял 11 860 боевых машин, но на Восточный фронт приходилось чуть больше половины танковых моторизованных дивизий (на 1 июня 26 из 48). Танкистов, не считая, бросали в прорывы и на неподавленную оборону, использовали для закрытия брешей в своем фронте и штурмов городов, отправляли в глубокие рейды без авиационного прикрытия и целыми армиями загоняли в болота. Вершиной советского «военного искусства» стало уничтожение двух танковых армий в Берлине, в скоропалительном штурме которого в общем-то и не было особой военной необходимости.

Официальные данные Российского Генерального штаба по потерям военно-воздушных сил просто приводят в изумление. В 1944 году потери в боевых самолетах составили 24 800 машин, тоже максимальные за войну. Но потрясает другое: из этого количества лишь 9700 погибли в боях, а 15 100 относятся к небоевым потерям. С одной стороны, советская военная приемка на заводах закрывала глаза на брак и на фронт нередко поступали самые настоящие «летающие гробы». С другой — уровень подготовки «сталинских соколов», особенно пополнения, по-прежнему оставался крайне низким. Бывший командующий 4-й воздушной армией маршал К.А. Вершинин вспоминает подготовку к Белорусской операции: «Из 1-й воздушной армии к нам прибыли три авиационные дивизии... Нам стало известно, что 309-я иад на 60% была укомплектована молодыми летчиками, прибывшими из школ. 22 человека из них закончили летную программу только на самолете По-2 и на боевом самолете не летали вовсе. Не лучше обстояло дело и в 233-й шад. В ее составе насчитывалось 32 молодых летчика. В обеих дивизиях личный состав имел длительный перерыв в боевых действиях».

Поэтому абсолютного господства в воздухе не удалось завоевать и в 1944 году.

Советские генералы и маршалы до последнего предпочитали кратчайшие пути и простейшие решения. Если имелось достаточно сил, как под Берлином, чтобы лезть напролом, придумыванием маневра голову себе не морочили. Собственно говоря, с осени 1944 года все советские операции — сплошной штурм «логова фашистского зверя». Исход стратегических операций советских войск всегда в конечном счете решало подавляющее превосходство в численности личного состава и количестве боевой техники.

Можно задним числом похвалиться, что Красная Армия разгромила бы Германию и без второго фронта. Вот только неясно, если бы все 30 немецких танковых и 17 моторизованных дивизий и вся авиация Люфтваффе оказались на Висле и Дунае, с кем бы Жуков и Конев в 1945 году штурмовали Берлин, с пятнадцатилетними юнцами?

В заключение характерный штришок. В августе 1945 года Дуайт Эйзенхауэр по приглашению Сталина посетил Советский Союз. Маленькую американскую делегацию встречали с большой помпой, оказывали знаки внимания, было много встреч, приемов и тостов. Пили за каждого союзного руководителя, каждого маршала, каждого присутствовавшего генерала, адмирала и авиационного командующего, в общем за друг друга и себя любимых. Лишь один офицер сказал: «Я хочу произнести тост в честь самого важного русского человека во Второй мировой войне. Джентльмены, я предлагаю выпить вместе со мной за рядового солдата великой Красной Армии!» Случайно ли, что за русского солдата предложил выпить не Жуков, не советский маршал или генерал, а лейтенант американской армии?

Содержание

Вступление	5
Зимние планы	8
Первый сталинский удар	24
Второй сталинский удар	80
Третий сталинский удар	206
Четвертый сталинский удар	268
Пятый сталинский удар	310
Шестой сталинский удар	383
Седьмой сталинский удар	421
Восьмой сталинский удар	458
Девятый сталинский удар	502
Десятый сталинский удар	553
Итоги	566

Владимир Бешанов
ГОД 1944 — «ПОБЕДНЫЙ»

Издано в авторской редакции

Художественный редактор *П. Волков*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *Г. Ражикова*
Корректор *Р. Годгильдиева*

ООО «Издательство «Яуза»
109507, Москва, Самаркандский б-р, 15

Для корреспонденции:
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, 18/5
Тел.: (495) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать с готовых диапозитивов 25.03.2009.
Формат 84×108¹/₃₂. Гарнитура «Ньютон». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 30,24.
Тираж 5 000 экз. Зак. № 2312

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо»
зарубежными оптовыми покупателями обращаться в ООО «Дип pocket»**
E-mail: foreignseller@eksmo-sale.ru

International Sales:

International wholesale customers should contact «Deep Pocket» Pvt. Ltd. for their orders.
foreignseller@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.**
E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: Филиал ООО «РДЦ-Самара», ул. Фрезерная, д. 5.
Тел. (843) 570-40-45/46.

В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.
Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», Московский пр-т, д. 9.
Тел./факс: (044) 495-79-80/81.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. gm.eksmo_almaty@arna.kz

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухареvская пл., 12. Тел. 937-85-81.
Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.
Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

1944-й вошел в историю Отечественной войны как год «десяти сталинских ударов» и «решающих побед». О победах вспоминать всегда приятно. Поэтому о кампании 1944 года рассказывали, писали, снимали охотно и много: о гениальности советских полководцев, о героизме Красной Армии, в одиночку спасавшей Европу, и коварстве союзников, вставлявших палки в колеса, о народах, радостно встречавших освободителей. Это парадная сторона медали, которая выставлена для всеобщего обозрения и воспитания подрастающих поколений. Однако была у медали и другая, оборотная сторона: даже в «победном 44-м» хватало и проваленных операций, о которых не принято вспоминать, и бездарных генералов, и вопиющих ошибок, и бессмысленных потерь:

«Потери Красной Армии в 1944 году составили, по неполным данным, 6,5 миллиона солдат и офицеров убитыми и ранеными, то есть, как и в предыдущие годы, действующая армия была «израсходована» на 100 процентов. Превосходя Третий Рейх по людским ресурсам в два с половиной раза, СССР начал призыв семнадцатилетних юношей одновременно с Германией. Потери вермахта на всех фронтах за этот же период составили 1,6 миллиона человек...»

Новая книга популярного автора – горькая правда о Великой Отечественной войне, напоминание о страшной цене победного 1944 года и кровавой изнанке сталинских триумфов.

ISBN 978-5-699-34324-9

9 785699 343249 >